

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ»

STATE EDUCATIONAL INSTITUTE OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
«KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA SURGUT STATE UNIVERSITY»

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

STATE EDUCATIONAL INSTITUTE OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
«KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA SURGUT STATE UNIVERSITY»

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ»

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN NORTH: from the Iron Age to the Russian Empire

Materials of All-Russian Archaeological Scientific Conference
(Surgut, 1–4 October 2013)

Ekaterinburg – Surgut
2013

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ: от эпохи железа до Российской империи

Материалы Всероссийской научной археологической конференции
(Сургут, 1–4 октября 2013 г.)

Ekaterinburg – Surgut
2013

УДК 902/904:94(3)+94(47)
ББК 63.3(0)2:63.3(2)46(231)

А 87 **Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи** : материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург–Сургут: изд-во Магеллан, 2013. – 352 с.

ISBN 978-5-906458-04-9

УДК 902/904:94(3)+94(47)
ББК 63.3(0)2:63.3(2)46(231)

Издание осуществлено на средства
Автономного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Центр охраны культурного наследия»,
ООО «НПЦ «Митра-Югра»,
АНО «Институт археологии Севера»

Научное издание

Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи
Материалы всероссийской научной археологической конференции
(Сургут, 1–4 октября 2013 г.)

Научный редактор: канд. ист. наук В. А. Борзунов

Художественное оформление и верстка: М. Б. Горбунова
Редактирование и корректура: М. В. Степанова

Подписано в печать 12.09.2013 г. Формат 60x90/8.
Усл. печ. л. 44. Тираж 300 экз. Заказ № 0594

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии АМБ. 620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59.
Тел.: (343) 251-65-91, 251-65-95.

ISBN 978-5-906458-04-9

© Коллектив авторов, 2013
© М. Б. Горбунова, оформление, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I. АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Молодин В. И.</i> К вопросу об истоках формирования южно-хантыйского населения Западной Сибири (южно-таежная зона Обь-Иртышского междуречья).....	8
<i>Кардаш О. В.</i> Археологические исследования Института археологии Севера в Арктике: памятники, открытия, научная проблематика	12
<i>Кирпичников А. Н.</i> Старая Ладога – древняя столица России	29
<i>Векслер А. Г.</i> Археология на рубеже столетий: проблемы, исследования, музеефикация.....	32

II. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕВЕРА РОССИИ

2. 1. Археология Севера России раннего железного века

<i>Расторопов А. В.</i> Ареал посуды с фигурно-штамповой орнаментацией как источник по этнокультурной истории населения Западной Сибири эпох раннего железного века и средневековья	40
<i>Кениг А. В., Соболенкова Т. Н.</i> Предварительные результаты раскопок городища раннего железного века Согомское 13	44
<i>Чемякин Ю. П.</i> Кулайские святилища и Усть-Полуй	49
<i>Бородовский А. П.</i> Раскрой рога северного оленя по материалам Усть-Полуя	56
<i>Могрицкая В. Ю., Питухин С. В.</i> Орнаментированные берестяные изделия древнего святилища Усть-Полуй. Новые поступления и опыт реставрации	60
<i>Мызников С. А.</i> Селище раннего железного века Нёх-урий 6.1 и его антропоморфная пластика	66
<i>Макаров Н. П., Баташев М. С., Вдовин А. С.</i> Археологические коллекции раннего железного века и средневековья Красноярского Севера в фондах Красноярского краевого краеведческого музея.....	71

2. 2. Археология Севера России раннего средневековья

<i>Белавин А. М., Крыласова Н. Б.</i> Материальная культура Предуралья X–XI вв.: вопросы хронологии	77
<i>Мурыгин А. М., Усолкина М. А.</i> Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место – новые данные (по результатам охранно-спасательных работ 2012 г.)	86
<i>Данченко Е. М.</i> О периодизации памятников эпохи железа в Сургутском Приобье	94
<i>Зыков А. П.</i> Проблемы археологии средневековья Западной Сибири.....	98
<i>Борзунов В. А., Чемякин Ю. П.</i> Карымские памятники и общество таежного Приобья: основные характеристики	102
<i>Зайцева Е. А.</i> Топография археологических памятников эпохи средневековья Сургутского Приобья как источник для интерпретации исторических процессов	125
<i>Гордиенко А. В.</i> К вопросу о культурогенезе вожпайской культуры.....	131
<i>Чемякин Ю. П.</i> Вожпайский поселок на реке Большой Юган	142
<i>Пошехонова О. Е., Рябогина Н. Е., Иванов С. Н.</i> Археологические и палеоэкологические исследования памятников раннего железного века и средневековья в бассейне реки Харампур.....	149
<i>Плеханов А. В.</i> Ямальская Арктика в эпоху средневековья: памятники в зоне типичной тундры	157
<i>Сериков Ю. Б.</i> Средневековый культовый комплекс горно-таежного Зауралья.....	166
<i>Погодин А. А., Приступа О. И.</i> Комплексное изучение средневековой глиняной пластики из собраний Музея природы и человека	171

2. 3. Археология Севера России позднего средневековья и Нового времени

<i>Торопова Е. В.</i> Новые данные по истории Старой Руссы (по материалам археологических раскопок последних лет)	176
<i>Макаров Л. Д.</i> Материальная культура русского населения среднего течения реки Юг по данным археологии	182
<i>Самигулов Г. Х., Мишарин С. А.</i> Северные «следы» в культуре русского населения Южного Зауралья XVII–XVIII веков	190
<i>Сенотрсова П. О., Мандрька П. В.</i> Культурные контакты населения севера Западной Сибири и Северного Приангарья в Средние века	194
<i>Орехов А. А.</i> Древнее поселение Аринай 1 (лахтинская культура, Восточная Чукотка)	199
<i>Белич И. В.</i> К вопросу о локализации столицы Сибирского ханства	205
<i>Кардаш О. В.</i> Полуостровной мысовой городок князей Тайшиных (конец XVI – первая треть XVIII в.)	212
<i>Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю.</i> О поисках Сургута «погребенного» в Сургуте современном	215
<i>Вдовин А. С., Макаров Н. П.</i> Н. К. Ауэрбах и истоки русской археологии Севера Приенисейской Сибири	224
<i>Овчинникова Б. Б.</i> Лицевые маски в средневековой культуре Руси (по материалам Новгородской археологической экспедиции)	227
<i>Усолкина М. А.</i> Орнаментированные берестяные изделия из археологических памятников Нижнего Приобья как источник этнокультурной истории XVI–XVIII веков	233
<i>Глушкова Т. Н., Шулаева А. Н.</i> Сравнительная характеристика текстильных материалов из Мангазеи и Старотуруханска (XVII в.)	238
<i>Кузина А. В.</i> Перстяные украшения Нижнего и Среднего Приобья	243

III. МЕТОДИКА СОХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРА РОССИИ

3. 1. Охрана и использование объектов историко-культурного наследия

<i>Цыбанков А. А., Славинский В. С., Ломанович А. С.</i> Богучанская археологическая экспедиция: опыт организации и ведения крупнейшей археологической экспедиции последних лет на территории Российской Федерации	247
<i>Славинский В. С., Цыбанков А. А.</i> Богучанская археологическая экспедиция: научные результаты	252
<i>Заика А. Л.</i> Петроглифы Северной Азии: методика и результаты зимних исследований	256
<i>Пермиловская А. Б.</i> Уникальные исторические поселения Русского Севера: изучение, сохранение, освоение	262
<i>Тюняев А. А.</i> Динамика археологических памятников центральных областей Русской равнины по данным Отдела археологических сводов и карт Института археологии РАН	268
<i>Эйдемиллер К. Ю.</i> Проблема сохранения исторического и культурного наследия Ингерманландии	270
<i>Ефремова Е. В.</i> Современные формы экспонирования археологического наследия: обзор зарубежных практик	274
<i>Калугина С. В.</i> Археологическое наследие Омска (в контексте подготовки празднования 300-летия города)	277
<i>Сергиенко Т. Ю., Силкина Т. В.</i> История археологических открытий на территории Туруханского района и ее представление в экспозиционных и образовательных проектах Краеведческого музея Туруханского района	280
<i>Белавин А. М., Вострокнутов А. В.</i> К вопросу об использовании цифровых и 3D-технологий при работе с археологическими материалами	285
<i>Пушкарев А. А., Вавулин М. В.</i> Возможности трехмерного отображения археологических артефактов в научной и музейной презентации	288
<i>Соколов А. В., Соколова М. А.</i> Проблемы понимания законодательства в предоставлении бесплатных информационных услуг для физических и юридических лиц	291

3. 2. Естественнонаучные методы в исследовании объектов историко-культурного наследия

<i>Паранина Г. Н.</i> Коммуникационная проточность ландшафта и структура геокультурного пространства полярных регионов Евразии	294
<i>Кулькова М. А.</i> Геохимические методы поиска, выявления границ и определения функциональных зон на археологических памятниках	301
<i>Тупахина О. С., Тупахин Д. С.</i> Микробиоморфный анализ почв поселения энеолита Горный Самотнёл-1	306
<i>Ганиев Р. Т.</i> Климатические экстремумы и их влияние на исторические процессы в Западной Сибири и Центральной Азии в I тыс. н. э. (по данным дендрохронологии полуострова Ямал)	309
<i>Омурова Г. Т., Мыглан В. С.</i> Установление времени строительства и перестроек Надымского городка (дендрохронологический аспект)	314
<i>Корона О. М., Рудковская М. А.</i> Результаты исследования культурного слоя посадской части Старотуруханского городища палеокарпологическим методом	315
<i>Бачура О. П.</i> Сезон и возраст забоя животных в Мангазее	321
<i>Лобанова Т. В.</i> Археозоологическое исследование костных остатков Тазовской литейной мастерской из раскопок 2012 г.	324
<i>Мартынович Н. В.</i> Куры (GALLUS GALLUS DOMESTICA) Берёзовского городища (Нижнее Приобье)	330
<i>Денисов С. А.</i> Традиционная технология изготовления топора (по археологическим материалам ООО НПО «Северная археология», этнографическим источникам и экспериментальным данным)	333
<i>Алексеева Е. А.</i> Пластическая антропологическая реконструкция: восстановление лица по черепу Л. И. Брусницына (1784/1786–1857 гг.)	339
Список сокращений	344

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. И. Молодин
г. Новосибирск
ИИАТ СО РАН

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНО-ХАНТЫЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ЮЖНО-ТАЕЖНАЯ ЗОНА ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ)

Изучение археологических памятников позднего средневековья и нового времени, проводимое в лесостепной и южно-таежной зонах Западносибирского Обь-Иртышья начиная с 80-х годов прошлого века, дало в руки исследователей существенные материалы, позволившие более конкретно представить себе этнокультурную ситуацию, сложившуюся в означенном регионе. Уже по этнографическим сведениям можно было судить о крайне мозаичной картине проживания на данной территории многочисленных групп – так называемых сибирских татар [Томилев, 1981]. Кроме того, те же свидетельства, наряду с письменными источниками, отмечают наличие в этой зоне этнических групп селькупского [Пелих, 1981] и южно-хантыйского населения [Кулемзин, Лукина, 1977; Соколова, 2007], вступавших в активные контакты с южными соседями [Гемуев, Молодин, Люцидарская, 1991].

Еще одним важным результатом археологических исследований, значимость которых трудно переоценить, является разработка проблемы этнической идентификации отдельных памятников региона, попытка связать некоторые погребальные комплексы с определенными этносами. Так в Приобье к селькупским, остяцким, чатским и чулымским татарами удалось достаточно надежно отнести ряд могильников А. П. Дульзону [1953; 1955], А. И. Бобровой [2007], О. Б. Беликовой [2010], и Л. М. Плетневой [1990; 1997]. В Прииртышье с тарскими и барабинскими татарами идентифицировали отдельные комплексы М. А. Корусенко [2003] и В. И. Соболев [2008]. В северо-западных районах Барабинской лесостепи автору доклада удалось связать с южно-хантыйским этносом ряд погребальных [Молодин, 1979] и ритуальных комплексов [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990]. Именно анализу генезиса последних посвящена настоящая работа.

В основу данного анализа нами положен ретроспективный метод, обоснованный и эффективно примененный в свое время академиком В. В. Седовым при анализе этногенеза славян [Седов, 1979], и, впоследствии, адаптированный мною к сибирской проблематике [Молодин, 1983]. Отнесение значительного количества поздне-средневековых погребальных комплексов подтаежной и южно-таежной зон Северо-Западной Барабы нашли свое косвенное и прямое подтверждение при новых исследованиях в среднем течении р. Тара на поздне-средневековом памятнике тарских татар Крючке-6 [Молодин и др., 2012].

Исследования поздне-средневековых памятников в означенном регионе (равно как и на более широкой территории) показали наличие значительного количества общих черт в погребальной практике и инвентаре, что объясняется конвергентным развитием материальной и духовной культуры западносибирских аборигенов в период позднего средневековья. Только отдельные нюансы позволяют наметить некоторые этнодиагностирующие черты, позволяющие связывать тот или иной памятник с определенным этносом. Уже приходилось подчеркивать, что наиболее показательными в подобной процедуре реалиями являются синтезированные данные антропологии [Ким, 1990; Молодин и др., 2012] и керамические комплексы [Молодин, Соловьев, 2012]. Впоследствии мы вправе ожидать объективной информации на этот счет и от палеогенетических исследований. Следует согласиться с выводом В. А. Шнирельмана, полученным по этно-археологическим данным, о том, что «отношение к использованию посуды иноэтничного происхождения не является чем-то заведомо определенным, оно варьировало в зависимости от характера межэтнических контактов» [Шнирельман, 1990. С. 51]. Тем не менее, используя картографический анализ, антропологические особенности, специфику погребальной практики у аборигенных этносов в означенном регионе Западной Сибири, представляется, что керамические комплексы в известной степени отражали этническую специфику их носителей.

Уже приходилось писать [Молодин, Соловьев, 2012. С. 197–198], что в ходе изучения средневековых могильников и культовых мест на означенной территории Западной Сибири выявлена их устойчивая группа, одной из характерных признаков которой явилась своеобразная глиняная посуда (табл. 1). Это круглодонные горшки с профилированной шейкой и выделенным венчиком – в виде воротничка. Верхняя треть сосуда орнаментирована горизонтальной гребенчатой «елочкой» или «сеткой» и преимущественно двумя

поясками ямок, нанесенными по шейке и тулову (иногда таких рядов может быть и больше, в редких случаях ряды ямок могут отсутствовать). Специфика керамики, погребальной практики [Молодин, 1979], своеобразных ритуальных комплексов [Молодин, 1990; Молодин, Соловьев, 2007], позволило автору выделить особую «кыштовскую» культуру, занимающую буферное пространство на стыке тюркского (на юге), угорского и самодийского (на севере) миров и отнести ее к южно-хантыйскому этносу [Молодин, 1987], а затем наметить и периодизацию последней [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Соловьев, 1997; Молодин, Соловьев, 2012].

Подходя к решению проблемы ретроспективно, в кратком изложении она (периодизация) выглядит следующим образом (табл. 1): к XVII–XVIII вв. относятся памятники кыштовского этапа, к XV–XVI вв. – тарского, к XIII–XIV вв. – усть-изесского, к XI–XII вв. – садовкинского [Молодин, Соловьев, 2012. С. 198]. Чрезвычайно важно отметить то обстоятельство, что красной нитью почти через тысячелетие (!) практически в неизменном виде проходят близкие, если не сказать тождественные, керамические комплексы (табл. 1). В последние годы памятники наиболее раннего (садовкинского) этапа были открыты к северо-западу от эпицентра распространения культуры – на могильнике Черталы-4 [Баранова, Герасимов, Корусенко, 2012. Рис. 1 – л].

Археологические исследования, проведенные в последние десятилетия прошлого века на территории Сургутского Приобья, позволили выявить так называемый «белоярский» тип памятников [Чемякин, 1981. С. 91], впоследствии определенный как белоярская культура эпохи раннего железного века [Чемякин, 2008. С. 66–74]. На сегодняшний день к ней отнесено более 70 памятников. Все они концентрируются в таежной зоне среднего Приобья. Анализ белоярской керамической посуды, проведенный Ю. П. Чемякиным, позволяет видеть поразительное сходство значительного ее комплекса с керамикой кыштовской культуры (табл. 1). Эта близость форм (круглодонность), профилировки венчика, расположение зон орнамента, наличие рядов ямочных наколов по тулову прослеживается уже с керамикой первой стадии белоярской культуры, выявленной на селищах Барсова Гора I/40в и III/76 [Чемякин, 2008. Рис 52 – 9, 11, 14] и встречается на последующих второй (Барсова Гора III/I) [Там же. Рис. 55 – 17; 56 – 14, 19] стадии культуры (табл. 1). Конечно, указанные выше черты составляют лишь часть керамического комплекса белоярской посуды, однако весьма существенную и вполне узнаваемую.

Несмотря на имеющиеся различия на вопрос о происхождении данной культуры, исследователи солидарны в ее автохтонности [Елькина, 1981. С. 112; Чемякин, 1981. С. 91], что позволяет видеть ее корни, по меньшей мере, в материалах периода поздней бронзы Сургутского Приобья. По последним данным белоярскую культуру следует датировать VIII–VII – началом III в. до н.э. [Чемякин, 2008. С. 74].

Более чем тысячелетний разрыв между отмеченными культурными образованиями, равно как и отход от означенных выше керамических традиций в период раннего средневековья в Сургутском Приобье [Чемякин, 2008] – эпицентре ее былого ареала, позволяет предполагать подвижку носителей белоярской культуры на юг, в зону контактов с лесостепным миром. Последнее могло произойти в результате активных подвижек носителей кулайской культуры, произошедших благодаря ряду причин как климатического, так и социально-политического фактора, пришедшие на конец III в. до н.э. [Чиндина, 1984. С. 156–175, рис. 48].

В таком случае не следует исключать обнаружения в более южных, по отношению к сургутскому, регионах археологических комплексов периода I тыс., оставленных носителями данной традиции. Уже приходилось отмечать [Молодин, Соловьев, 2012. С. 199], что для слабо изученных с археологической точки зрения пространств Западносибирской равнины данная гипотеза выглядит вполне приемлемой.

В какой-то степени косвенным подтверждением данной гипотезы может служить то обстоятельство, что в материалах VI–IX вв. бакальской археологической культуры мы находим определенные черты сходства керамики с посудой кыштовской культуры (табл. 1). Речь идет как о раннебакальской посуде с формой аналогичной, как белоярской, так и кыштовской керамике [Матвеева, Берлина, Рафикина, 2008. Рис. 18], равно как и об орнаментальной схеме, так и о классической бакальской посуде [Там же. Рис. 116]. Особенно близка кыштовской керамика из погребальных комплексов средневековья [Матвеева, 2012. Рис. 3 – А]. По большому счету, бакальскую посуду из могильника Козлов мыс-2 отличает от кыштовской и белоярской лишь наличие одного ряда ямок по шейке сосуда [Матвеева, 2012], а не двух и более рядов на белоярской и кыштовской керамике, хотя такие сосуды (с одним рядом ямок по шейке) есть и в кыштовских комплексах.

Разумеется, автор далек от мысли видеть в намеченной схеме (табл. 1) прямую эволюцию культуры. В бакальской посуде могли проявиться отдельные черты керамического производства северных мигрантов в наиболее юго-западном районе их адаптации, тогда как в более восточных районах эволюция культуры в период средневековья могла носить более явные черты.

Как бы то ни было, напрашивается однозначный вывод, что именно таежную зону Сургутского Приобья в эпоху раннего железа следует считать прародиной носителей кыштовской культуры, что подтверждает ее угорскую этническую основу.

Литература

Баранова Н. С., Герасимов Ю. В., Корусенко М. А. Средневековые погребения из состава могильника Черталы-4: некоторые результаты изучения. // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2012.

Беликова О. Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники (опыт комплексного исследования одного кургана). Томск, 2010.

Боброва А. И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск, 2007.

Гемуев И. Н., Молодин В. И., Люцидарская А. А. Селькупы в Барабе // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Тр. ИЯЛИ. Вып. 49. Сыктывкар, 1991.

Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // УЗ ТГПУ. Т. 10. Томск, 1953.

Дульзон А. П. Остатки могильника XVI–XVII вв. у села Молчанова на Оби // УЗ ТГПУ. Т. 13. Томск, 1955.

Елькина М. В. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири // ВАУ. Вып. 15. Свердловск, 1981.

Ким А. Р. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск, 2003.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977.

Матвеева Н. П. Могильник Козлов мыс-2 и проблема хронологии переходного от раннего к позднему железному веку в Зауралье // АЭАЕ. № 4 (52). Новосибирск, 2012а.

Матвеева Н. П. Козловский могильник эпохи великого переселения народов. Тюмень, 2012б.

Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н. Козловское городище (Древности Ингальской долины: археолого-палеоэкологическое исследование. Вып. 2). Новосибирск, 2008.

Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979.

Молодин В. И. Ретроспективный метод и опыт его применения (к вопросу о возможности этнической интерпретации археологических памятников) // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983.

Молодин В. И. Угорские памятники эпохи позднего средневековья и Обь-Иртышской лесостепи. Кыштовская культура // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение: тез. докладов. Ч. 2. Устинов, 1987.

Молодин В. И. Культурные памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.

Молодин В. И., Новиков А. В., Поздняков Д. В., Соловьев А. И. Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). Новосибирск, 2012.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990.

Молодин В. И., Соловьев А. И. Типология культурных комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // АЭАЕ. № 3 (31). Новосибирск, 2007.

Пелих Г. И. Селькупы XVIII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск, 1997.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск, 1990.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Соболев В. И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008.

Соколова З. П. Народы Западной Сибири. Этнографический альбом. М., 2007.

Соловьев А. И. Некоторые итоги исследования курганных насыпей у села Усть-Изес // ПАЭАССТ. Т. V. Новосибирск, 1997.

Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981.

Чемякин Ю. П. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // ВАУ. Вып. 15. Свердловск, 1981.

Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.

Шнирельман В. А. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. № 201. М., 1990.

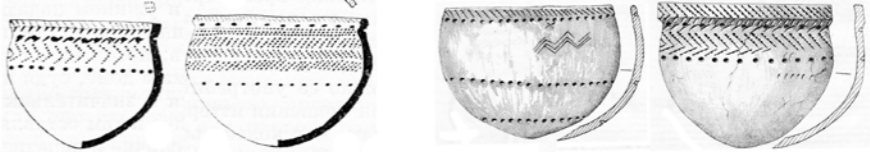

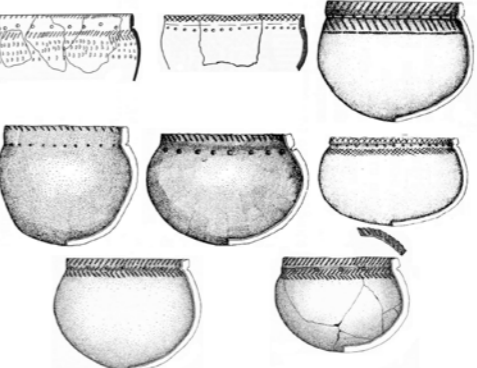
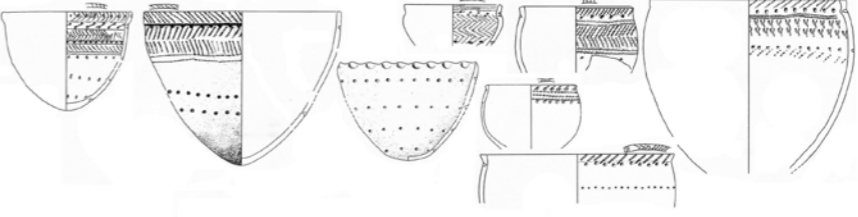
Кыштовская культура	Кыштовский этап XVII–XVIII вв. н.э.	
	Тарский этап XV–XVI вв. н.э.	
	Усть-изесский этап XIII–XIV вв. н.э.	
	Садовкинский этап XI–XII вв. н.э.	
Бакальская культура IV–VIII вв. н.э.		↑ ?
Белоярская культура VII–III н.э.		

Таблица 1. Схема развития керамических комплексов раннего железного века – позднего средневековья на юге Западносибирской равнины. Белоярская культура – по Ю. П. Чемякину [1981; 2008]; бакальская культура – по Н. П. Матвеевой, С. В. Берлиной, Т. Н. Рафиковой [2008], Н. П. Матвеевой [2012а; 2012б]; кыштовская культура – по В. И. Молодину, В. И. Соболеву, А. И. Соловьеву [1990], В. И. Молодину, А. И. Соловьеву [2007].

Примечание: рисунки сосудов даны без масштаба

О. В. Кардаш
г. Нефтеюганск
НО ИАС

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА В АРКТИКЕ: ПАМЯТНИКИ, ОТКРЫТИЯ, НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Общие сведения и основные направления работы института. Автономная некоммерческая организация (АНО) «Институт археологии Севера» была создана недавно – 27 декабря 2010 г. в Нефтеюганске Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югры. Главную задачу создания этого научного учреждения мы видим в объединении усилий региональных научно-исследовательских организаций с целью развития и совершенствования гуманитарной деятельности в сфере изучения, сохранения и популяризации культурного и природного наследия Севера России.

В число учредителей «Института археологии Севера» входят три организации, находящиеся на территории ХМАО: ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск, директор Г. П. Визгалов), Муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора» (г. Сургут, директор Д. В. Бочкарев) и ООО «Гиперборей» (г. Сургут, директор Н. В. Шатунов).

География исследований этих организаций, равно как созданного ими института, в последние годы вышла за рамки не только Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО), но и соседнего Ямало-Ненецкого (ЯНАО). Важные и очень интересные работы были проведены в Заполярном районе Ненецкого автономного округа (НАО), на севере Красноярского края и в Якутии. При этом деятельность данных учреждений не ограничивалась проведением мероприятий по выявлению объектов культурного наследия (ОКН) и полевыми аварийно-спасательными раскопками с последующим написанием научных отчетов. Хотя в условиях активного промышленного освоения природных богатств Сибири, Северного Урала и Приуралья, особенно в ситуации явного оживления российской экономики в последнее десятилетие, прикладные изыскания в работе каждого вышеупомянутого научно-производственного коллектива продолжали оставаться крайне важными и перспективными.

Что же касается основной деятельности Института археологии Севера, то она определяется, прежде всего, кругом задач, поставленных в сфере сохранения и изучения ОКН различными государственными организациями и местными органами власти различных уровней. Среди этих учреждений – партнеры, как давно нам знакомые, так и новые, появившиеся в связи с распространением нашего опыта охраны и исследования ОКН на другие регионы. В целом – это около десятка организаций: государственное казенное учреждение «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард), Служба по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа, Департамент культуры Ямало-Ненецкого автономного округа, Управление культуры Ненецкого автономного округа, Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Администрация Нефтеюганского района ХМАО – Югры, Министерство культуры Красноярского края.

За последние три года сотрудниками института при активной поддержке руководителей и рядовых представителей организаций-учредителей были выполнены более четырех десятков государственных контрактов: от 10 до 15 в каждом году. Проведенные работы практически в равной степени решали задачи изучения, сохранения и научного анализа ОКН.

В процессе этих изысканий наметились, а затем окончательно сформировались *три основных направления работ нашего института*:

- 1) научно-исследовательская деятельность по выявлению и стационарному изучению ОКН;
- 2) мероприятия по сохранению ОКН, включающие инвентаризацию данных памятников, выявление и маркировку их границ, проектирование охранных зон памятников истории и культуры (достопримечательных мест);
- 3) популяризация историко-культурного наследия древних и современных народов Евразийского Севера путем введения результатов полевых, лабораторных и теоретических исследований в научный и общественный оборот посредством книг, научно-популярных фильмов, выставок и научных форумов.

В полевом и научно-теоретическом плане работы Института археологии Севера сосредоточены в области изучения поселений позднего средневековья и нового времени Северо-Восточной Европы и Северо-Западной Сибири. Большинство этих исследований осуществлялось совместно и при непосредственном руководстве сотрудников организаций-учредителей, в первую очередь, ООО «НПО «Северная археоло-

гия». Комплексный характер работ во время многих полевых сезонов был обеспечен участием в археологических изысканиях представителей естественных наук, прежде всего биологов разных научных специализаций (зоологи, почвоведы, ботаники, специалисты по дендрохронологии), представлявших различные академические и вузовские учреждения Урала, Сибири и обеих столиц. Не говоря уже о том, что собранные во время экспедиций образцы органических остатков впоследствии анализировались теми же и другими учеными-естественниками, привлеченными к нашим работам с целью установления точного возраста вскрытых археологических объектов (остатки построек, оборонительных сооружений, транспортных средств, посуды и прочего), реконструкции хозяйственной деятельности населения, оставившего эти археологические памятники, а также окружающей природной среды. Результаты такого сотрудничества нашли отражение в серии научных изданий и докладах одной из секций нашей конференции.

В целом же в научной деятельности нашего института необходимо выделить два больших и взаимосвязанных направления, по которым уже сейчас достигнуты значимые результаты.

Во-первых, я имею в виду *проблему изучения позднейших этапов в истории коренных (угорских и самодийских) народов Крайнего Севера Западной Сибири* (позднее средневековье – начало нового времени), исследование археологического наследия аборигенов края, их материальной и духовной культуры, а также исторических судеб в условиях первоначального освоения русским населением данных территорий.

Во-вторых, изучение *начальных периодов освоения (если хотите – колонизации) территории Севера Сибири, в том числе ее Крайнего Севера, финским и славянским населением Северо-Восточной Европы – представителями коренных обществ Приуралья и Европейского Севера, а главное – Новгородом Великим, Московским царством, затем – Российской империей*. Исследование культуры пришлых народов, их поселений и городков, системы торговых коммуникаций, стоянок первых славяно-русских первопроходцев Сибири, условий проживания и деятельности русского населения в условиях Севера, особенностей его взаимодействия с аборигенами и так далее.

При этом особо подчеркну, что к изучению позднейших археологических памятников Сибирского Приполярья и Заполярья, оставленных как коренными жителями, так и русскими первопроходцами, мы приступили после длительного перерыва в их изучении, который наступил с середины 1970-х гг. прошлого столетия – со времен завершения работы здесь экспедиций Арктического и антарктического научно-исследовательского института (АНИИ, г. Санкт-Петербург) под общим руководством М. И. Белова, а также экспедиций Института истории материальной культуры РАН (ИММК, г. Санкт-Петербург) под руководством Л. П. Хлобыстина. Археологи Урала и Сибири целенаправленно этим периодом также долгое время не занимались.

Изучение объектов культурного наследия. Данные исследования подразделяются на два этапа: выявление и стационарное изучение ОКН. При этом рекогносцировочные изыскания, как правило, являются предтечей полномасштабного комплексного изучения. Радикальным их отличием от хозяйственных работ по выявлению и раскопкам объектов археологического наследия (ОАН) в процессе хозяйственного освоения сибирских территорий является то, что в нашем случае исследователь не ограничивается строго определенной под строительство зоной, а ведет поиск памятников повсеместно. Кроме того, он имеет возможность искать археологические объекты там, где их нахождение наиболее вероятно. В том числе в местах, относительно которых имеются различного рода данные (письменные, исторические, археологические, фольклорные и т. д.), вселяющие большие надежды на обнаружение здесь ОКН.

Рекогносцировочные исследования. В этом направлении работ нами сделаны важные открытия. Так, в окрестностях г. Салехарда помимо уже широко известных археологических объектов древности и средневековья была выявлена и обследована группа уникально сохранившихся памятников, связанных с периодом освоения Крайнего Севера Сибири Московским, а затем – Российским государством (XVI – начало XVIII вв.). Причем ряд этих объектов был идентифицирован с поселениями и городками коренного и пришлого населения, известными нам по письменным и фольклорным данным. В первую очередь, это комплекс поселений раннего железного века, средневековья и нового времени, обнаруженных на левобережье Оби близ пос. Катравож. Среди них выделяются остатки Собского городка (по Г. Ф. Миллеру – «Собской городок» на р. Сось) – средневековой «остяцкой» крепости, затем – русской Собской таможенной заставы, рядом с которой находились жилища «остяков», а также селище Пугорпан – один из левобережных «отъездных караулов» другой русской заставы-таможни XVII–XIX вв. – Собской (Обдорской), находившейся уже на правобережье Оби. Кроме того, на р. Полуи недалеко от г. Салехарда нами был обследован городок «Пул-вошь» – зимняя резиденция местных князей из рода Тайшиных, в периоды русской колонизации и Российской империи являвшихся официальными вождями Обдорской волости Березовского уезда. Напомним, что летняя резиденция этих князей – городок «Пуллинг-аут-вошь» (по ненецки – Сале-Хард) – в черте г. Салехарда была выявлена и раскопана нами еще в 2004–2005 г. Очень важным и интереснейшим археологическим объектом, открытым еще в начале 1960-х гг., является известное городище и святилище Бухта

Находка, расположенное в одноименной бухте на восточном побережье полуострова Ямал. Судя по проведенным раскопкам, этот памятник включает разновременные культурные напластования, датирующиеся от X до XVII вв. В 2012 г. близ него сотрудниками нашего института помимо полутора десятка стоянок был обнаружен первый на Ямале средневековый грунтовый могильник – Бухта Находка 2 – с погребениями VI/VII – XIII/XIV вв. Дальнейшее изучение этого некрополя позволит не только расширить наши представления о культуре донецкого (вероятно, финского) населения ямальской тундры, но и решить важную историко-антропологическую задачу: установить, как выглядели средневековые обитатели арктической тундры, именуемые в ненецких сказаниях народом «сихиртя».

Стационарные научные исследования археологических объектов базировались на целой серии полевых археологических и комплексных изысканий. В обозначенные период раскопки проведены на ряде поселенческих памятников ХМАО, ЯНАО, НАО Архангельской области и Красноярского края, относящихся в основном к эпохе железа и новому времени. В своем докладе я приведу краткую характеристику результатов исследования нескольких опорных археологических памятников XII–XVIII вв., характеризующих культуру предков современных народов Крайнего Севера Сибири – ненцев, ханты, русских. К данным объектам относятся Надымский городок, городища Пустозерское и Бухта Находка. По ряду научных проектов сотрудниками института и участниками наших экспедиций на конференции будут прочитаны доклады. В том числе по широко известному средневековому Хэйбидя-Пэдарскому жертвенному месту VI–XII/XIV вв. на р. Море-ю (НАО), средневековой Тазовской литейной мастерской, первому русскому городу в Сибирском Заполярье Мангазее, Старотуруханскому городищу XVII – начала XVIII вв. в низовьях Енисея, зимовью отряда Харитона Лаптева Великой Северной экспедиции, а также по результатам историко-археологического обследования культурного слоя г. Сургута.

Следует упомянуть одну существенную деталь: многие из изученных археологических памятников относятся к группе объектов с мерзлым культурным слоем и находятся в условиях вечной мерзлоты. Это в определенной степени затрудняло проведение раскопок, но компенсировалось громадным плюсом – уникальной сохранностью археологических объектов и находок. В том числе сооруженных или изготовленных из органических материалов: дерева, кости, коры, травы, мха, шерсти, материи и прочего. До нас дошли прекрасно сохранившиеся развалины каркасно-столбовых и бревенчатых домов, хозяйственных построек, оборонительных сооружений, погребения, культовые места, разнообразные орудия труда, оружие, транспортные средства, сакральные изделия, предметы быта, наборы посуды и емкостей из дерева и бересты, украшения, а также детали одежды и обуви, игры и игрушки, многочисленные остеологические материалы, кухонные отбросы и многое другое, в том числе остатки жизнедеятельности людей и животных (фекалии). Как известно, на других территориях Сибири, в первую очередь, на песчаных террасах таежного Приобья, такие сооружения и артефакты *в таком виде* не сохраняются и, как правило, на археологических памятниках отсутствуют. Безусловно, среди находок присутствуют изделия из металлов – железа, бронзы, меди, олова, серебра.

Собравшие участниками раскопок – археологами и привлеченными специалистами-биологами – образцы органики позволили провести комплексный анализ этих остатков, включая традиционную археологическую характеристику и систематику, дендрохронологические, остеологические и палеопочвенные определения.

Необходимо также отметить, что историческая интерпретация самих поселений опиралась не только на сведения, опубликованные в научной литературе, но и на изыскания, проведенные нашими сотрудниками в местных и столичных архивах. Кроме того, при графической реконструкции раскопанных объектов активно использовались данные по архитектуре традиционных построек населения Севера Сибири, собранные в современных поселках ханты и ненцев работниками института, а также сотрудничавшими с нами этнографами.

Перейдем сейчас к краткой характеристике комплексно исследованных нами объектов, наиболее интересных и важных с научной точки зрения.

Самым древним из них является *городище Бухта Находка*. Памятник расположен в 250 км к ВСВ от г. Салехарда, 75 км к СВ от райцентра п. Яр-Сале, на восточном побережье Ямала, в бухте Находка. Рядом с ним находится устье р. Харде-яха (Хардэ-Яха) и п. Бухта Находка. Последний был основан кочующими ненцами, постоянно занимавшимися в этом районе морским промыслом, как оседлая база колхоза «Красный Рыбак». Памятник был открыт и обследован в 1961 г. московским этнографом Л. П. Лашуком. Одно время данный археологический объект фигурировал как жертвенное (культовое) место *Харде-Седе (Харде-седе)*, то есть «имеющая жилье сопка». Внешне он представлял собой невысокий (чуть более 3 м) заросший холм, сложенный разновременными культурными напластованиями. Ненцы считали это место священным, периодически отправляли на нем культы и полагали, что оно является остатками поселения легендарного низкорослого и светлоглазого народа *сиртя (сихиртя)*, жившего до их прихода на Ямал и

впоследствии ушедшего под землей – на другую сопку. По оценке этнографа, верхний торфяной горизонт памятника с многочисленными находками и следами культовой деятельности характерен для долговременных жертвенных мест. Древний культурный слой, начинавшийся с глубины 1,5 м, был выражен более отчетливо, чем верхний. В его основе залегал серопесчаный горизонт, а на одном участке – с горелыми прослойками – выше, чем на 0,5 м фиксировалась торфяная подушка. При этом в нескольких десятках сантиметров от поверхности сопки начиналась вечная мерзлота [Лашук, 1968. С. 178–193]. Впоследствии было установлено, что культурный слой памятника внутри выявленных нами жилых построек и за их пределами был приблизительно одинаков, достаточно однороден, из-за обилия органики (щепы, трава, кость и другие остатки) имел коричневый цвет, а его общая мощность достигала 3,5 м [Кардаш, 2011; 2012. С. 4–5, 37; Археологическая карта..., 2011. С. 128].

В 2006 г. нашими разведками в окрестностях поселка было повторно обследовано и выявлено не менее 10-ти поселенческих и культовых археологических объектов разных эпох, начиная с бронзового века (II тыс. до н. э.) и заканчивая новым временем. Тогда же при обследовании городища Бухта Находка были зафиксированы самые ранние (X–XI вв.) и самые поздние (XVI–XVII вв.) слои [Кардаш, 2012. С. 23]. В 2012 г. открыто еще 6 памятников, в том числе остатки средневекового могильника с находками VI–VII – XIII–XIV вв., к сожалению, пока не исследованного и активно разрушающегося.

Проведенные нами в 2007–2008 и 2012 гг. стационарные раскопки городища Бухта Находка установили его определенную близость по времени функционирования, сохранности и отчасти – по архитектуре к известным Надымскому, Полуисскому мысовому и Войкарскому городкам – уникальным памятникам позднего средневековья и нового времени Крайнего Севера Западной Сибири с замерзшими культурными слоями. Хотя в целом интересующее нас городище являлось более ранним, чем остальные памятники, имело значительные отличия в архитектуре и особенно составе находок, а, соответственно, – в социальном статусе и хозяйственной деятельности его обитателей. Данное поселение представляло собой оборонительно-жилой комплекс, спроектированный как единый ансамбль. Все постройки городка возводились практически одновременно и, судя по данным дендрохронологического анализа, в 1220 г. Периодически – через каждые 50–60 лет – они ремонтировались и перестраивались, в том числе в 1280–1285 гг. Городок прекратил свое существование в 1330–1340-х гг. До этого времени его оборонительно-жилой комплекс состоял из шести или даже, возможно, восьми жилых домов каркасно-столбовой конструкции, из которых раскопано пять. Они были сгруппированы в два ряда относительно центрального прохода («улицы»), из которого открывались проемы в каждый дом. Кроме того, по периметру оборонительно-жилого комплекса – между домами и его внешней стеной, сооруженной из вертикально установленных жердей и колотых плах, укрепленных снаружи дерном и торфом (деревоземляная каркасно-стенная конструкция), – проходила узкая (1,0–1,4 м) «обходная» галерея. Она не отапливалась, выполняла теплоизоляционную функцию и, очевидно, использовалась для хранения продуктов питания, одежды и утвари, то есть имела хозяйственное назначение. Пол в ней был частично покрыт жердями. В каждом помещении зафиксирован очаг (в том числе оконтуренный рамой), а в постройке № 5 – еще и большой ритуальный комплекс. Кровля каждого дома и центральный проход имели общее перекрытие, состоявшее из жердей с гидроизоляцией, бересты и веток, засыпанных грунтом и прижатых дерном. Снаружи такое сооружение выглядело как покрытый растительностью холм, который впоследствии пришлые ненцы стали именовать «сопками сихиртя». Неслучайно, на наш взгляд, и выражение «уходить под землю». Оно отражает реальный процесс входа в жилище, который у многих аборигенных обществ Севера Сибири и Камчатки осуществлялся сверху вниз – через светодымовое отверстие в перекрытии, устроенное над очагом. То, что обычно принималось как вход в жилище (через один из фасадов дома), является не более чем вентиляционным отверстием, необходимым для обеспечения циркуляции воздуха [Кардаш, 2011; 2012. С. 23–24, 28, 30–37, 79–80; Археологическая карта..., 2011. С. 128].

По составу вещевого комплекса и данным остеологического анализа можно заключить, что основой жизнедеятельности общинников поселка – древних обитателей Ямала *сихиртя* – являлось присваивающее хозяйство, основанное на охоте и рыболовстве. Промыслы были узкоспециализированными. Охота на северного оленя преследовала главным образом задачу получения постоянной пищи для населения. Пушная охота – на песца – была рассчитана в основном на товарообмен. Значительное место отводилось сезонному лову осетровых рыб. Промысел других видов рыб и морского зверя (нерпы) имел сопутствующий характер. Добыча северного оленя, скорее всего, была коллективной, в которой участвовали практически все представители мужской половины общины. Возможно, она реализовывалась в виде загонной охоты в сетевые ловушки, то есть способом, известным у нганасан [Плонов, 1948. С. 16–39; Кардаш, 2011]. Оленеводство в любой форме (товарно-пищевое, транспортное) отсутствовало. Собак разводили постоянно и использовали как ездовых животных. Среди найденных транспортных средств выделяются лодки-однодревки – наподобие *обласа*, явно импортного происхождения. Основным способом передвижения в теплое время года, очевидно, являлся пеший, а зимой – на лыжах-голицах. Важной частью экономики жителей

городка была меновая торговля. Основным предметом этой торговли служили шкурки песка. Охота на песка была семейным промыслом. Товарообмен, судя по доле импортных предметов в вещевом комплексе, можно охарактеризовать как интенсивный и относительно прибыльный, по крайней мере, для XIII – начала XIV вв. В это время доля импортных предметов у аборигенов составляет около 30%. Возможно, кроме песка могли быть и другие предметы обмена, например, осетровый клей или что-то другое. Ряд признаков свидетельствует о том, что жители поселка торговали напрямую с заезжими с торговцами. Не исключено, что к тому времени в регионе уже сформировалась сеть торгово-промысловых зимовий, таких, например, как Надымский городок или Тазовская мастерская [Кардаш, 2011; 2012. С. 38–78].

Следующий крайне интересный объект и один из базовых памятников Крайнего Севера Сибири – **Надымский городок** – находится в 60 км к северу от г. Надым (ЯНАО), в дельте р. Надым, на острове, сложенном разновременными культурными напластованиями, Памятник многослойный, датируется XII – первой третью XVIII в. Он характеризует как позднюю, «городскую», культуру предков современных ненцев, так и начало освоения края русским населением. При этом если поздние этапы развития аборигенного общества, а также русской колонизации и начала вхождения данного региона в состав Российской империи (конец XVI – начало XVIII вв.), более или менее хорошо изучены, то археологическое исследование объектов конца XIV – начала XV вв. только начинается. Дело в том, что нижние слои Надымского городка долгое время были схвачены мерзлотой и стали вскрываться только сейчас, а слои более раннего времени (XII – начала XV вв.) еще не исследовались. Материалы раскопок 1998–2005 гг. – поздних слоев памятника – были опубликованы четыре года назад [Кардаш, 2009]. Накануне нашей конференции, по заданию Администрации ЯНАО, они были переизданы. К сожалению, данный тираж предназначен в основном для местных учреждений культуры и образования, библиотек и музеев [Кардаш, 2013а]. В 2006–2007 гг. исследования ряда участков с поздними культурными горизонтами на памятнике были завершены.

Как известно, Надымский городок в конце XVI – начале XVIII вв. представлял собой зимнюю резиденцию вождей военно-политического объединения Большая Карачея, включавшего общины самоедов и северных остяков. Главы Карачеи, в отличие от *относительно* лояльной новой русской власти социальной верхушки нижнеобских хантов (*остяки*), находились в постоянной оппозиции Московскому, а затем – Российскому государству. Подчиненные им общины и отдельные группы осуществляли постоянные набеги на нижнеобских хантов, и в официальных русских документах именовались не иначе как «воровская самоядь». Их «столичный» центр по архитектуре напоминал синхронный и ранее исследованный нами Полу-йский мысовой городок [Кардаш, 2013б], но имел определенные особенности. Он более монументальный. Занимал овальную площадку размерами 80×40 м, в центре которой находилась жилая зона, представлявшая собой комплекс каркасно-столбовых и срубных построек внутри оборонительного сооружения размером 35×20 м. Внешние стены его, сооруженные из столбов, бревен и плах, имели функцию защитных. Планировочная схема данного комплекса реконструируется как четырехквартальное, а позднее – как шестиквартальное сооружение с зеркально-симметричной расстановкой жилищ относительно центрального прохода – улицы, которое имело единое перекрытие из земли и дерна. По составу находок и особенностям архитектуры кварталы делились на «остяцкие» и «самоедские». Снаружи в летнее время он имел вид заросшего высокой травой большого холма, а в зимнее – заснеженной и обледенелой сопки, возвышавшейся над окружающей равниной. Вокруг комплекса, на искусственно сформированной платформе из древних культурных пластов, располагались четыре площадки различного функционального назначения, размерами 15–20×30–35 м. На них готовилась пища, осуществлялась определенная хозяйственная и производственная деятельность, проводились религиозные ритуалы, включая жертвоприношения.

В 2008–2012 гг. в Надымском городке вскрывались слои конца XV – первой трети XVI вв. В результате была уточнена планировка и конструкция его раннего оборонительно-жилого комплекса, защитной стены, а также серии жилых и хозяйственных объектов, расположенных на периферийных «полифункциональных» площадках. При этом было установлено, что ранний оборонительно-жилой комплекс городка, в отличие от позднего, характеризовался наличием «проходной» башни [Кардаш, 2008. С. 460–464]. Наиболее важным открытием сезона 2012 г. стали остатки постройки № 20, расположенной на западной периферии памятника. Данный объект, возможно, представлял собой кузницу, перемещенную после прекращения ее эксплуатации в другое место.

В культурном отношении материалы из верхнего и нижнего горизонтов существенно различаются. В отличие от того же городка в Бухте Находка, Надымский на раннем этапе развития нельзя охарактеризовать как памятник аборигенной культуры. В слоях XV–XVI вв. преобладают материальные остатки, связывающие его с культурой населения Северо-Восточной Европы – Северной Руси, хотя и имеющие массу черт местной культуры. Признаки туземной культуры оленеводов Севера – самодийского (прото-ненецкого) населения – в данных горизонтах минимальны или практически отсутствуют. Из наиболее интересных археологически артефактов, обнаруженных в ходе последних раскопок Надымского городка,

следует назвать такие архаичные предметы, как скребок архаичной туземной формы, изготовленный из метаподии северного оленя, предназначенный для производства ровдуги (замши), а также доску бортового набора парусно-гребной лодки с шитым корпусом, пригодной для морского промысла. Сочетание срубной архитектуры поселка и вещей туземного облика являются свидетельствами непосредственных контактов русского населения европейского Севера с аборигенами Нижней Оби и бассейна Надьма в XV–XVI вв. Причем это не были случайные связи туземок с приезжими торговцами и промышленниками. В настоящее время увеличивается количество фактов, свидетельствующих о том, что Надымский городок изначально был форпостом русского освоения Севера Западной Сибири, и лишь впоследствии это место было приспособлено аборигенами для возведения столицы Большой Карачеи.

Результатом комплексных исследований раннего периода функционирования Надымского городка стали не только важные научные открытия. Хотелось бы также отметить реализацию проекта, связанного с введением этих достижений в широкий общественный оборот. В 2011 г. в рамках полевых исследований французским режиссером-документалистом Бенуа Сегюром, по контракту с телекомпанией ARTE (Франция) был снят игровой документальный фильм «Княжество воинов Сибири», основанный на материалах комплексного изучения этого археологического памятника. В 2012 г. этот фильм вышел в свет. 22 сентября того же года на научной конференции «Пустозерск и северные города в развитии Российского государства» (к 1150-летию зарождения российской государственности), проведенной в столице НАО г. Нарьян-Мар, состоялась его первая презентация. 21 мая 2013 г. в Российском центре науки и культуры в Париже состоялась презентация фильма Б. Сегюра под названием «Князь воинов Сибири» (La rois guerriers de Siberie. Un film de Benoit Segur). На нее были приглашены представители посольства России во Франции, российская и французская пресса, артистическая публика. 25 мая фильм показали во Франции на канале ARTE.

Телевизионные и издательские проекты в определенной степени завершили изучение Надымского городка периода колонизации Севера Сибири Московским государством, а позднее – Российской империей. Важнейший итог новых исследований – это открытие раннего этапа функционирования данного городка, характеризующегося значительными изменениями в его архитектуре и материальной культуре.

Много нового и крайне важного в изучении памятников русского освоения Севера XVII–XVIII вв. было выполнено экспедиционными отрядами института и научно-производственного объединения «Северная археология» под руководством Г. П. Визгалова, С. Г. и С. Ю. Пархимовичей, В. А. Маракулина и других исследователей. Я имею в виду новые комплексные изыскания на территории первого русского города на Крайнем Севере Сибири – **Мангазеи (Мангазейского городища)** XVII в., изучение остатков другого русского уездного центра – **Пустозерского** городища XVI – середины XX вв., Материалы раскопок Мангазеи и анализов ее материалов опубликованы [Визгалов, Пархимович, 2007; 2008]. Из-за ограниченного объема данной статьи, я отсылаю любознательных читателей к данным изданиям.

Проведено разведочное обследование и рекогносцировочные раскопки **Пустозерского городища**. Данный памятник находится на правом берегу р. Печеры, в 25 км к ЮЗ от г. Нарьян-Мара – столицы НАО. Так же как Мангазея, Пустозерское городище расположено за Полярным кругом. Добираться до него нашему большому экспедиционному отряду было крайне сложно. В итоге была проведена рекогносцировка территории памятника и на нем были заложены первые разведочные раскопы. В целом же Пустозерское городище в археологическом плане очень перспективно. Оно практически не тронуте грабителями старины и раскопками археологов. В свое время О. В. Овсянников провел здесь только зачистку береговой осыпи и собрал небольшой материал. Кроме того, данный памятник имеет 4-метровый мерзлый слой, который к тому же перекрыт песчаными днами высотой до 2,5 метров. В целом Пустозерское городище входит в круг стационарных русских поселений Крайнего Севера с мощным культурным слоем, содержащим массу артефактов, остатков прекрасно сохранившихся деревоземляных сооружений и других археологических материалов. Подробнее об этом Вы также сможете услышать в одном из докладов на этой конференции.

Сохранение объектов культурного наследия. Помимо чисто научных археологических исследований сотрудниками института, а также привлеченными специалистами, ведутся работы, связанные с сохранением объектов археологического, этнического и архитектурного наследия. В большинстве случаев проведение таких мероприятий обусловлено изменением современного законодательства в сфере сохранения ОКН – памятников истории и культуры, что предъявляет новые требования к методике выполнения данных работ. Ранее такие исследования ранее не выполнялись и в настоящее время требуют, если и не нового подхода, то, как минимум, серьезной научной проработки.

В первую очередь, это касается *мероприятий по инвентаризации ранее выявленных ОКН*. Такие исследования, помимо прочего, включают процедуру определения границ археологического памятника, которую зачастую провести крайне сложно. Главным образом – из-за отсутствия четких признаков культурного слоя за пределами визуально фиксируемых древних и средневековых объектов. По этой причине процедура инвентаризации объектов археологии для нас имеет характер не простых и рутинных археологических разведок, а полноценных научных исследований. Такие изыскания проводились сотрудниками института на ряде памятников Крайнего Севера – на территориях ХМАО, ЯНАО и НАО. В их процессе формировались опыт и методика проведения таких работ. Одним из результатов этого научного поиска стала «Методика определения границ объектов этнокультурного наследия в тундровом ландшафте для обоснования площади зоны охраны», разработанная нашим институтом совместно с привлеченными специалистами по заданию Службы по охране и использованию объектов культурного наследия ЯНАО.

Параллельно с этим был выполнен ряд научных прикладных проектов, а именно: *определены охраняемые зоны отдельных памятников и комплексов ОКН*, расположенных на севере Сибири и Европейском Северо-Востоке. В частности нами был подготовлен проект зоны охраны вышеупомянутого Пустозерского городища и группы ОКН, составляющих с ним единый комплекс. Впоследствии на основе этого документа, а также по результатам новых полевых изысканий, был выполнен проект мероприятий по обеспечению сохранности ОКН «Пустозерское городище». В свою очередь, он стал основой для ряда новых НИР: по изучению и сохранению данного памятника, а также его музеефикации – использованию в качестве опорного объекта для создания регионального музея под открытым небом. Кроме того, в последние годы были разработаны проекты зон охраны ОКН пгт. Березово (ЯНАО). Как известно, в ряде мест этого современного поселка залегает культурный слой уездного города Березов конца XVI – XVIII вв., а также сохранились архитектурные объекты XIX – начала XX вв., связанных с функционированием села Березово. По заказу администрации Нефтеюганского района ХМАО подготовлен проект сохранения святого места юрт Самсоновских.

Еще одним видом научных исследований, относящихся к тематике сохранения ОКН, относится *разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест*.

В рамках этих исследований в прошлом году сотрудниками института и привлеченными специалистами были проведены изыскания по обоснованию выделения достопримечательного места «Культурный слой города Сургута» и определению его границ. Результаты этой работы будут представлены на нашей конференции в отдельном докладе. Кроме того будет организован «круглый стол» для обсуждения данной проблематики. Дело в том, что, начиная уже с этого года, результаты нашего научного анализа будут фактически и юридически воплощаться в действительность. Я имею в виду предусмотренную действующим законодательством процедуру принятия на учет и государственную охрану исторической части города, а также расположенных в пределах ее отдельных археологических памятников и комплексов ОКН. Такая программа в нашем округе, причем в черте одного из крупнейших городов региона, реализуется впервые.

В этом же году нами было разработано обоснование выделения достопримечательного места «Соровские озера». Последнее представляет собой комплекс из более ста археологических памятников, датирующихся от каменного века до позднего средневековья, расположенных компактной группой вокруг озер Малое и Большое Соровское в Нефтеюганском районе ХМАО – Югры. В этом урочище планируется проведение выездного заседания нашей конференции, и многим ее участникам будет предоставлена возможность увидеть воочию археологические объекты северной тайги. Особенность данной работы заключается в опыте сохранения этой уникальной и обширной территории до начала активного освоения запасов углеводородов, находящихся в ее недрах. Чем это закончится, пока не известно. Между тем на протяжении более четверти века с момента обнаружения нам удастся сохранить этот комплекс археологических объектов практически не потревоженным.

Наши организации и их научная квинтэссенция в лице Института археологии Севера являются не единственными в регионе, кто проводит мероприятия по сохранению ОКН. К сожалению, таких работ на северных территориях выполняется пока еще крайне мало, а опыт их проведения невелик. Что в этом плане отличает наш научный коллектив, так это использование большого опыта, накопленного в процессе исследования памятников, расположенных на обширных пространствах северной тайги и евразийской

Арктики. Считаю это обстоятельство очень важным, поскольку практическое применение по сути единой законодательной базы разнится даже в расположенных по соседству субъектах Российской Федерации. В целом же изучение и использование широкого межрегионального опыта является научно-практической основой всех наших исследований.

Многие из упомянутых выше прикладных и научных исследований по сути дела также являются работами по сохранению ОКН. Это касается стационарного изучения Мангазейского и Надымского городищ, а также Тазовской мастерской, культурный слой которой в настоящее время практически «завис» на склоне. Тем не менее, подход к изучению данных археологических памятников, с нашей стороны, прежде всего научный. В контексте специальных мероприятий по сохранению ОКН необходимо выделить комплексные НИР по сохранению ОКН Кинтусовское 4, находящегося близ пос. Салым (ХМАО – Югра). Под этим названием ныне значится известный археологический памятник – Кинтусовский могильник, давший имя археологической культуре (по другой версии – этапу) эпохи средневековья. В настоящее время данный некрополь активно разрушается водами озера и грабительскими раскопками частных лиц – «любителей древностей», перекапывающих культурный слой как огород в поисках реликвий. В связи с этим нашим институтом совместно с АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» (г. Ханты-Мансийск) были начаты работы по сохранению культового объекта «Священная кедровая роща».

В контексте задач нашей работы все проводимые мероприятия по сохранению ОКН мы не рассматриваем как нечто отдельное. Несмотря на название или форму, мы воспринимаем их как одну из частей единого научно-исследовательского процесса. Конечным результатом последнего является не простое извлечение предметов древности и их накопление, а, в первую очередь, получение уникальной исторической информации.

Популяризация археологического наследия, введение результатов исследований в научный и общественный оборот. Конечным итогом комплексных полевых изысканий, архивных поисков и камеральных анализов является введение результатов этих работ в научный и общественный оборот. Равно как применение на практике информации, полученной при изучении археологических памятников Севера Сибири, в сферах охраны объектов культурного наследия, музеефикации находок и некоторых самих исторических памятников, а также участие в разных формах научного и образовательного процесса.

Издательские проекты института. Различного рода конференции, совещания и другие научные форумы несут в большей степени оперативную информацию. В то время как монографии – обобщающие научные издания – и тематические сборники статей являются результатом более детального, а в ряде случаев – фундаментального, анализа накопленных полевых и архивных материалов. В этой связи в популяризаторской деятельности мы стремимся уделять больше внимания реализации издательских проектов.

Вкратце расскажу о книгах, выпущенных организациями-учредителями нашего института, и подробнее – о наших издательских проектах.

Все организации-учредители «Института археологии Севера» длительное время осуществляют издательскую деятельность, направленную на введение в научный и социокультурный оборот материалов и результатов исследований по археологии и истории Северо-Западной Сибири. Их печатная продукция представлена научными, научно-популярными и научно-художественными изданиями – монографиями, сборниками статей, художественными альбомами, буклетами.

Кроме того, все наши учреждения занимаются совместным финансированием издательских проектов ученых, работающих в других исследовательских центрах России. Из последних работ такого рода, опубликованных на средства научно-производственного объединения «Северная археология» и нашего института, можно назвать монографии Е. В. Переваловой и К. Г. Карачарова [2006], В. И. Семенов [2008], А. Н. Кирпичникова [2009], двухтомный сборник научных статей под редакцией Е. Н. Носова и С. В. Белецкого «Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран...» [2010].

Помимо этого, оба наших коллектива совместно с привлеченными специалистами из других научно-исследовательских учреждений за последние пять лет опубликовали более трех десятков своих научных работ – монографий, сборников статей, научно-популярных изданий [Визгалов, Пархимович, 2007; 2008; 2010; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011; Визгалов и др., 2013; Кардаш, 2009; 2011; 2013а; 2013б; Северная археология..., 2010; Древнее наследие Средней Оби..., 2013; Археология Севера России..., 2013]. Данные книги мы представим на нашей конференции, сейчас же перечислю (без упоминания об авторах и выходных данных) некоторые из них.

- Коллективная монография «Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.)». – 25,1 усл. печ. л.
- Монография «Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2005–2010 гг.)». – 3,7 усл. печ. л.
- Монография «Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований)». – 6,9 усл. печ. л.
- Монографическое исследование «Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура» в двух книгах: «Надымский городок князей Большой Карачеи» (45 усл. печ. л.) и «Полуйский мысовой городок князей Тайшиных» (47,5 усл. печ. л.).

– Сборник научных статей «Северные рубежи истории» с материалами Межвузовской научной конференции, посвященной 10-летию исторического факультета Сургутского государственного университета (1–3 марта 2012 г., Сургут). – 33,5 усл. печ. л.

– Сборник статей (научных докладов) нашей конференции «Археология Севера России». – 44 усл. печ. л.

В ранее основанной серии «Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири» (МИИ СЗС) издано два очередных выпуска – III и IV:

– Сборник статей, посвященный 100-летию научного изучения Салымского края и 35-летию нефтяной компании ООО «РН-Юганскнефтегаз»: «Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз» (МИИ СЗС. Вып. III). – 29,7 усл. печ. л.

– Монографическое исследование коллектива авторов: «Историческая экология населения севера Западной Сибири» (МИИ СЗС. Вып. III). – 45,6 усл. печ. л.

В настоящее время готовятся к выпуску пять издательских проектов. В том числе: сборник статей «Археология Севера», монографии «Мангазея: городская усадьба заполярного города», «Мангазея: русский коч – судостроение и арктическое судоходство». В стадии написания – коллективная монография «Городище Мункысь урий на реке Большой Юган: история и культура XVI – начала XVII вв.». В серии монографий, написанных по материалам раскопок Надымского городка, – рукопись новой книги «Надымский городок: архитектура оборонительно-жилого комплекса XV–XVI вв. по результатам комплексного следования». Кроме этого готовится к изданию последняя монографическая работа В. А. Могильникова, посвященная археологии Сибири, не опубликованная при жизни автора.

Таким образом, на данный момент вышло в свет 9 наших изданий – монографий и сборников статей, общим объемом более 250 условных печатных листов. В стадии подготовки – 6 издательских проектов примерно такого же объема.

Организация и проведение конференций. Вместе с тем, ничто не заменит живое общение ученых-исследователей, причем не только между собой, но и с широкой аудиторией музейных работников, преподавателей вузов, студентов, а также представителей средств массовой информации.

С этой целью нами проводятся ежегодные конференции с участием сотрудников других региональных учреждений и учебных центров. В том числе – конференция «Археология Севера Сибири: новые открытия и исследования». Она, как правило, приурочена к Международному дню охраны памятников и исторических мест (18 апреля – День охраны Наследия) и проводится в г. Нефтеюганске 19 или 20 апреля. Организуются Региональные полевые семинары и Всероссийские научные конференции. Так, например, 20–22 сентября прошлого года в г. Нарьян-Маре состоялась Научно-практическая конференция «Пустозерск и северные города в развитии Российского государства (к 1150-летию зарождения русской государственности)», которая была проведена Управлением культуры НАО совместно с нашим институтом. В этом году состоялось два полевых семинара. Первый из них проходил 15–16 июля и был организован совместно с АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» в рамках археологических исследований по сохранению средневекового святилища на оз. Сырковый сор (пос. Салым). Второй состоялся 2–6 сентября текущего года и проведен по инициативе «Института археологии Севера» (г. Нефтеюганск) и «Центра изучения Арктики» (г. Салехард). Это – «Всероссийский полевой научный семинар в рамках исследования Мангазеи – первого русского города в Сибири XVII в.». Наконец, самой лучшей иллюстрацией сказанному является наша Всероссийская археологическая конференция «Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи» (1–4 октября 2013 г.), посвященная главным проблемам спасения, изучения и популяризации культурного наследия коренных и новых народов Севера России, доклады которой нами публикуются в данном сборнике.

Источники и литература

Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Информационный справочник «Наследие». Екатеринбург, 2011.

Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы Всерос. науч. археол. конф. Екатеринбург; Сургут, 2013.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2008.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2011.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2005–2010 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Под общ. ред. П. А. Косинцева (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. IV). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013.

Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз» (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. III). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013.

Кардаш О. В. Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений XIV–XVII вв.) // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. II. М., 2008.

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.

Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2011.

Кардаш О. В. Отчет о НИР по теме: «Комплексные археологические исследования городища Бухта Находка XII–XIV вв.». Нефтеюганск, 2012. Архив АНО «Институт археологии Севера».

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура). Екатеринбург; Салехард, 2013а.

Кардаш О. В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура). Екатеринбург; Салехард, 2013б.

Северные рубежи истории: Материалы Межвуз. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург; Сургут, 2012.

Лащук Л. П. «Сиртя – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

Косинская Л. Л. Федорова Н. В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Препринт. Екатеринбург, 1994.

Попов А. А. Нганасаны: Материальная культура. М.; Л., 1948.

Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего Приобья // МИА. № 35. М., 1953.

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников: 1 – Полуийский мысовой городок; 2 – городище Бухта Находка; 3 – Надымский городок; 4 – Тазовская литейная мастерская; 5 – городище Мангазея; 6 – городище Старотуруханское

Рис. 2. Городище Бухта Находка. Общий вид памятника

Рис. 3. Городище Бухта Находка

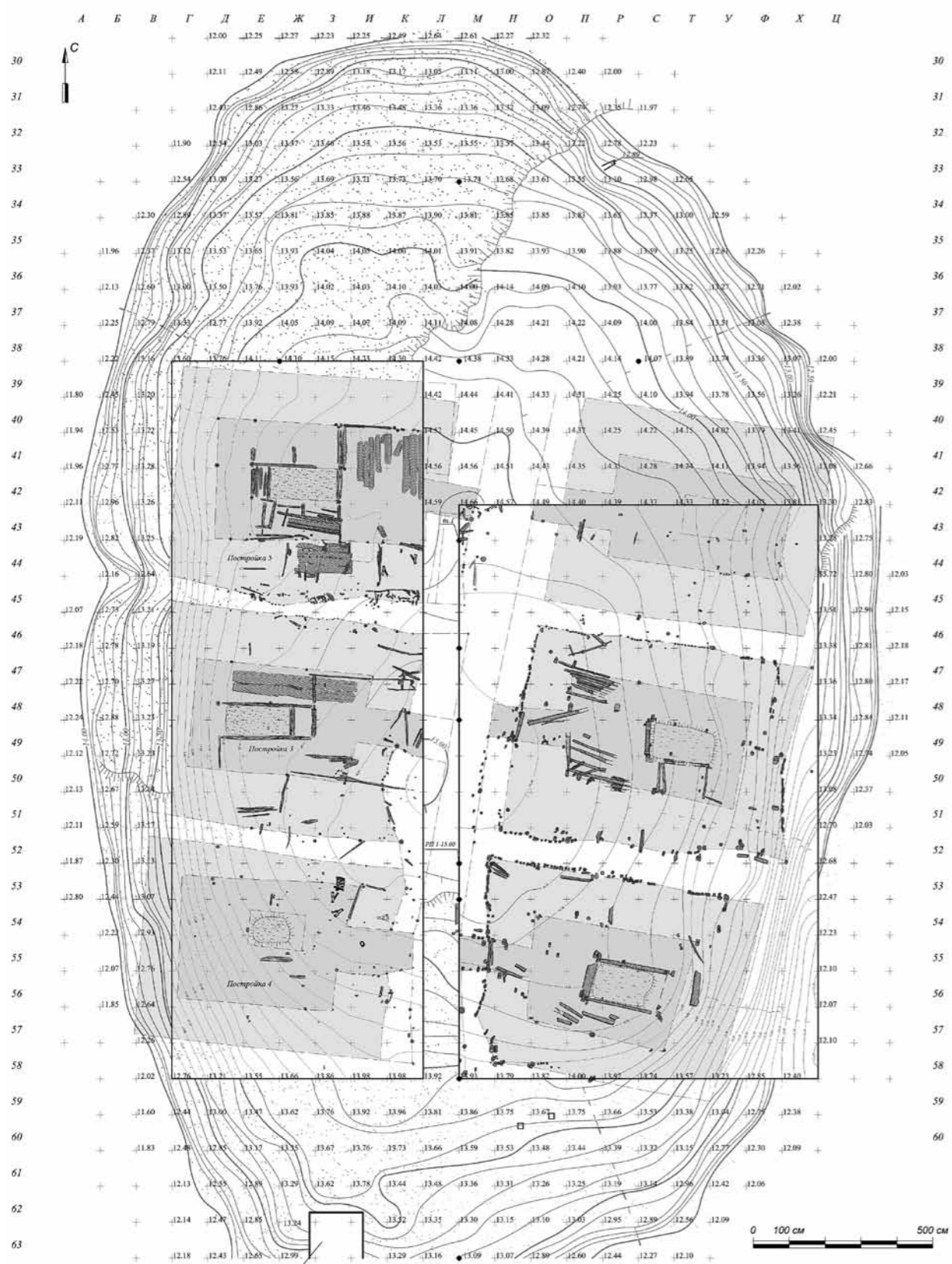

Рис. 4. Городище Бухта Находка. План поверхности памятника, совмещенный с раскопами №№ 1, 1а, 2

Рис. 5. Городище Мангазея. Общий вид памятника

Рис. 6. Городище Мангазея

Рис. 7. Надымский городок. Общий вид памятника

Рис. 11. Пустозерское городище, общий вид памятника

Рис. 8. Надымский городок

Рис. 12. Пустозерское городище, культурный слой

А. Н. Кирпичников
г. Санкт-Петербург
ИИМК РАН

СТАРАЯ ЛАДОГА – ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА РОССИИ

Старая Ладога – небольшое селение Волховского района Ленинградской области – расположена в 125 км от Санкт-Петербурга и 12 км от устья р. Волхов. Здесь сконцентрировано значительное количество памятников истории, материальной и духовной культуры России, а также ее близких и дальних соседей.

Историко-культурное наследие Старой Ладоги принадлежит к фундаментальным ценностям русской и международной истории и культуры. Оно представлено более чем 130 памятниками, из них 67 – это памятники архитектуры, 59 – археологии, 9 – природного ландшафта, выявление исторических объектов не закончено. Здесь сохранились первоначальная поселенческая планировка, восходящая к X–XII вв., и исторический природный ландшафт. Наличие культурного слоя (площадью не менее 16 га), с хорошо сохранившимися остатками построек и разноэтничными по происхождению находками VIII–XVII вв., ставит Ладогу на одно из первых мест среди средневековых европейских городов.

Археологические изыскания Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской академии наук открыли новые продуктивные возможности для исторического осмысления феномена Ладоги. В истории России этому городу, особенно в первые века его истории, принадлежит основополагающая роль в создании русской государственности, русской городской цивилизации, в налаживании торговых, транспортных, международных связей народов Европы и Азии, в защите северных границ Руси.

Время основания Ладоги (так этот пункт назывался до 1704 г.) – не позже 753 г. Эта рекордная по давности для древнерусских городов дата создания города установлена в результате дендрохронологического анализа спилов постройки, обнаруженной археологическим путем. Более того, в результате исследований почвоведов ныне основание Ладоги удревнено до V–VI вв.

В создании Ладоги сыграли свою роль разнообразные факторы, такие как торговая необходимость, растущая ремесленная активность, укоренение сначала местного, а затем международного рынков, покупки и сбыта товаров, выгодное транспортно-географическое местоположение. В этой связи отметим, что не позже VII–VIII вв. активизируется торговля по Балто-Волжскому пути, а веком позже – по Балто-Днепровскому пути «из варяг в греки».

Основателями города в низовьях Волхова явились славяне, а именно кривичи и словене новгородские, к ним присоединились скандинавы и финны.

Ладога за восемь веков до основания Санкт-Петербурга обеспечила выход славян (русских) к Балтийскому морю, а через Балто-Волжский и Балто-Днепровский пути – к Каспийскому и Черному морям. В создании Ладоги воплотилась «Балтийская идея» славян получить выход к Балтийскому морю, к свободным связям с Западной Европой, Скандинавией, западославянским Поморьем. В первые века русской истории Ладога коренным образом повлияла на процессы экономической и культурной интеграции народов Евразии, на развитие мировой торговли и судоходства. Обмен товарами, техническими достижениями поднялся до мировой необходимости, что оказало стимулирующее влияние на развитие всей европейской цивилизации.

Ладога оказалась своеобразными «серебряными воротами» Европы. Через нее на Запад стала поступать основная масса международной валюты того времени, каковой были серебряные исламские монеты-дирхемы. Это способствовало невиданному обогащению целых стран и народов Старого Света, что ускорило международное развитие экономики, культуры и техники.

Ладога демонстрирует актуальную в наши дни модель межэтнического мира и сотрудничества народов Западного и Восточного. В период раннего средневековья в Ладоге встречались и гармонично жили славяне, финны, скандинавы, фризы, арабы, болгары, западные славяне и представители других народов Западного и Восточного.

Имеются исторические основания считать Ладогу во второй половине VII – первой половине IX в. одним из центров (если не главным) союза славянских и финских племен – предшественника раннего Русского государства. Возможно, что еще до 839 г. Ладога была центром Русского каганата – раннего государственного образования в северной части Восточной Европы. В 862 г., согласно наиболее достоверной версии летописного «Сказания о призвании варягов», федерация славянских и финских племен в составе словен, кривичей, мери, веси и чуди пригласила к себе в качестве правителя знатного скандинава (или полускандинава-полуславянина) Рюрика с братьями. Ладога тогда стала резиденцией правителя, стольным городом, то есть столицей складывающейся в Восточной Европе державы Рюриковичей. В дальнейшем

Рис. 13. Сорские озера. Общий вид

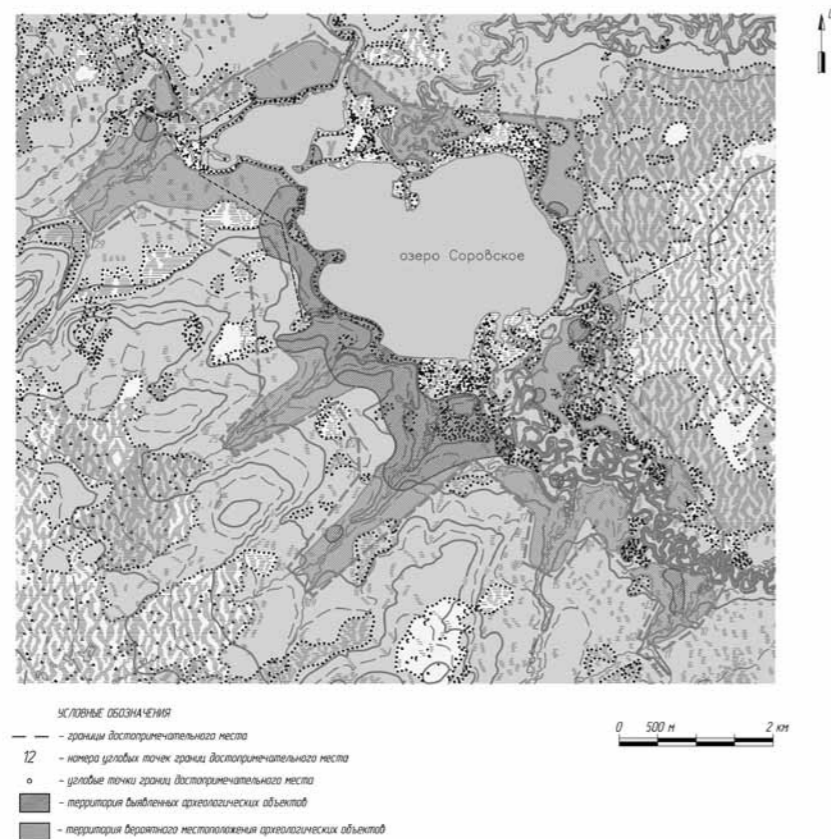

Рис. 14. Достопримечательное место «Сорские озера».

Схема участков территории археологических объектов и территории их вероятного местоположения

столица была перенесена в Предновгород (Рюриково городище в 3 км от Новгорода Великого), затем в 882 г. – в Киев. В этом ряду Ладога, следовательно, оказалась первой. С установлением династии Рюриковичей начался новый период русской истории, озаменованный сложением крупнейшего в Европе многонационального государства со столицей первоначально в Ладоге, затем – в предшественнике Новгорода (Рюриково городище), потом – в Киеве.

С 862 г. по середину XII в. Ладога входила в состав великокняжеского домена. В первой половине XI в. она одновременно являлась центром автономного варяго-русского княжества. Со второй половины XII в. до конца XV в. это город Новгородской земли, а с конца XV до конца XVII в. – крепость Московского государства.

Культурный слой Старой Ладоги, особо доступный в зоне так называемого Земляного городища, оказался исключительно богатым изделиями местного и привозного ремесла. Археологи открыли целый ряд ранее неизвестных памятников, включая крепостные, жилые и производственные сооружения. Некоторые из них имеют общеевропейское значение. Начиная с 1972 г. (начало работ Староладожской археологической экспедиции), местному музею-заповеднику сдано в обработанном виде свыше 40 тыс. индивидуальных находок из разнообразных материалов. Обнаружено около 100 остатков жилых, производственных и хозяйственных построек, что позволило в новом свете представить домостроительство, включавшее возведение изб, домов пятистенков, особых купеческих гостевых больших домов и других сооружений. В этих домах не только жили, но и работали ремесленники-универсалы, изготавливавшие стеклянные, янтарные, бронзовые или латунные, костяные, железные, деревянные вещи. Вся эта продукция предназначалась как для внутреннего потребления, так и на продажу и обмен на местном и внегородском рынках. В VIII–XI вв. жители Ладоги были в основном свободными, самодостаточными и социально уверенными людьми, что, конечно, не исключало существование в их среде знати и военной элиты.

Памятники Старой Ладоги группируются в определенные комплексы, по своему расположению вытянутые в меридиональном протяжении, следуя течению осевой р. Волхов. Эти памятники разновременные, кроме того они обладают исключительными архитектурными и художественными достоинствами.

В центре Старой Ладоги на мысу, образованном Волховом и Ладожкой, высится крепость XVI в. В ее основании открыты две предшественницы, датированные, соответственно, IX и XII вв. Данные укрепления – одни из наиболее ранних объектов оборонного зодчества на Руси, выполненных в камне. Удалось установить, что укрепление начала XII в. имело высоту не менее 8,5 м, то есть оно сохранилось почти на полную высоту. Эта твердыня имела торговую арку (единственную известную в сооружениях Древней Руси), позволявшую поднимать грузы и воду непосредственно с уровня Волхова. Упомянутая крепость предвосхитила распространение каменных твердынь на Руси, начавшееся столетием позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала надежную защиту северных рубежей страны. В XVI в. на месте крепости 1114–1116 гг. возводится новая, приспособленная к огнестрельному бою. В ее устройстве появились признаки итальянской оборонительной архитектуры эпохи Возрождения, выразившиеся, например, в практической равновеликости по высоте стен и башен. К каменной крепости с юга примыкает Земляное городище. Это сооружение было датировано 1584–1585 гг. и опознано в качестве новаторской для своего времени бастионной фортификации. Таким образом, ныне в Старой Ладоге сформировался своеобразный музей фортификаций, каждая из которых стала особым этапом в истории военно-инженерного дела. Кроме того, Земляное городище ныне является неиссякаемым источником богатейших археологических находок.

В центре каменной крепости высится деревянная церковь св. Дмитрия Солунского и каменная церковь св. Георгия XII в. с фресками мирового художественного достоинства, выполненными русскими и греческими мастерами. Церковь св. Георгия входит в число шести храмов, построенных в Ладоге в основном в первой трети XII в.: крестово-купольных, четырехстолпных, трехапсидных. Они сооружены в короткий срок, видимо, по одному строительному плану. Для своего времени «авральность» строительства и высокая художественность данных церковных сооружений были беспрецедентными. По типологическим и конструктивным признакам ладожские церкви считаются нововведением в русской архитектуре середины XII в. Из шести храмов – в той или иной степени – сохранились только три. Ладожские христианские церкви, самые северные в Восточной Европе, признаны незаурядными творениями архитектуры эпохи Киевской Руси. Часть из них были приходскими (оформляли собой концы-районы), часть – монастырскими. Все храмы были богато украшены фресками и четко определяли топографию города, будучи его градостроительными доминантами. Заказчиками этих сооружений могли быть князья и представители церковной и посадской элиты.

Севернее каменной крепости располагается ансамбль Успенского монастыря с полностью сохранившимся Успенским собором первой трети XII в. и фрагментами фресковой росписи. Еще севернее находится храм св. Иоанна Предтечи 1695 г., восходящий к постройке XIII в.

Северную панораму памятников Ладоги занимает урочище «Сопки» с 15-метровой (первоначально) по высоте могилой, приписываемой князю Олегу Вещему, похороненному то ли в Ладоге, то ли в Киеве.

Сопка Вещего Олега обладает особой притягательностью и энергетикой. С нее открывается неотразимый, чарующий вид на Старую Ладогу. Здесь, по словам известного художника Николая Рериха, у человека создается историческое настроение, он как бы переносится в легендарные времена и видит картину-сказку, воскрешающую природное и градостроительное величие древнего мира.

К югу от каменной крепости, а также от ее Земляного городища располагается Никольский монастырь с центральным храмом – Никольским собором, возведенным не позже первой половины XII в. Рядом с ним находится церковь св. Иоанна Златоуста, построенная по проекту А. М. Горностаева в 1868–1872 гг., сочетающая в своей архитектуре, что является большой редкостью, черты романской базилики и православного храма. Ныне в этом храме выставлена принесенная из г. Бари (Италия) частица мощей св. угодника Николая.

Монастырь примыкает к нагорью «Победище», где, по преданию, ладожане победили своих врагов. По кромке Победища располагались цепочкой сопки, с одной из которых Екатерина Великая в конце XVIII в. созерцала историческую Ладогу. Ладожские сопки – захоронения первых поколений горожан, при всей их величине и высоте содержат лишь небогатые захоронения, совершенные по обряду трупосожжения. Загробные приношения скромны – бусы, оплавленная бронза, гребни, что свидетельствует о демократической социальной усредненности ладожского общества в IX–X вв. Погребения в сопках, оставленные деятельными горожанами, напоминают о своеобразии вольного города мастеров, ремесленников и торговцев, заложивших устои городской цивилизации и свободу коммерческой деятельности.

Языческие сопки соседствовали с православными храмами и не разрушались. Это важное свидетельство вековой религиозной терпимости русского народа.

Отметим, что в Ладоге сохранилось немало разных построек Нового времени: домов, амбаров, колоколен, оград. Они гармонично дополнили сооружения средневековья.

На примере Ладоги и ее памятников мы видим, как более тысячи лет тому назад стараниями ее жителей и населявших эти места пришельцев создавалась единая Европа, без охраняемых границ и национальных предрассудков, с интернациональной техникой и культурой, с общими путями передвижения и единой валютой. Эта модель создания общества поучительна и в наши дни.

Открытия в Старой Ладоге получили у нас и за рубежом достойную огласку и неслучайно на празднование 1250-летнего юбилея Ладоги – Старой Ладоги в 2003 г. приехал Президент Российской Федерации В. В. Путин. В 2004 г. Президент еще раз посетил Старую Ладогу как гость Староладожской археологической экспедиции. В Кремле заинтересовались корнями Отечества и тем, что происходило в Северной Руси, коли Киев ныне находится в другом государстве. Интерес Президента был удовлетворен. Старая Ладога, а точнее – город Ладога, действительно знаменует собой начало политического государственно-го устройства исторической России. Археология, история и культура это подтверждают [Кирпичников, Саробьянов, 2012].

Литература

Кирпичников А. Н., Саробьянов В. Д. Старая Ладога – первая столица Руси. СПб., 2012.

А. Г. Векслер
г. Москва
ООО «Археологические изыскания
в строительстве»

АРХЕОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ: ПРОБЛЕМЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ

Справедлива народная поговорка: «Не вдруг Москва строилась». Древняя столица России, город с многовековой, богатой событиями историей, стоит на пластах вечности – археологическом культурном слое. Растет, развивается город, разворачиваются большие работы по регенерации его исторического центра, и постоянно экскаваторы строителей, зондажи реставраторов, специальные научные изыскания обнажают напластования столетий. Обнаруженные археологические находки составляют «овещественную память» истории города, являются неотъемлемой частью его культурного наследия.

Археологические исследования на территории Москвы продолжаются около двух столетий. С 20-х гг. XIX в. и вплоть до 30-х гг. XX в. проводились исследования подмосковных городищ и курганных групп, ныне находящихся на территории города. Вместе с тем, при строительных работах на территории исторического центра, а также на месте древних сел и слобод, и в этот период были сделаны ценнейшие находки.

В начале 30-х гг. XX в. строительство метро положило начало планомерному изучению археологии города. Сегодня на археологическую карту автором нанесены многочисленные (свыше 330) отметки, обозначающие наиболее важные сооружения и находки, как на территории средневековой Москвы в пределах Земляного города, так и в зоне древней сельской округи. Это городища и селища, линии укреплений с валами и рвами, каменные и деревянные постройки, памятники производства и торговли, сооружения городского хозяйства – мосты, колодцы, мостовые, ну и, конечно, исторические некрополи. Указанные объекты в значительной части имеют важность для изучения истории московского зодчества, культуры и быта горожан.

Охранные стационарные раскопки в Москве начались в послевоенный период в Заяузье и предшествовали строительству высотного здания в Котельниках. Вслед за этим большого масштаба работы проводились в Зарядье. Они были связаны с сооружением гостиницы «Россия», где работали экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и городского Музея. Здесь на месте прибрежного посада, на широкой площади были исследованы ранние комплексы застройки Великой улицы, которая вела от крепостных ворот Кремля к пристани на Москве-реке.

В 1959–1961 гг. этими же организациями с участием автора были проведены поистине спасательные исследования в Московском Кремле, которые опережали и сопровождали строительство Дворца Съездов. При этих работах в верхнем горизонте мощного культурного слоя было обнаружено основание палат царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, в которых прошло детство Петра I. На другом участке нам повезло открыть конструкции деревянного вала первоначальной летописной крепости, а также сооружения «долетописной» эпохи. При этих раскопках были раскрыты уникальные памятники дворцового комплекса: палаты царевен, двор Бориса Годунова и остатки других построек. К великому сожалению, ни одно из этих сооружений не было сохранено и музеефицировано.

В 1960-е и последующие годы лидером охранных работ в Москве становится Музей истории города, который проводит исследования, связанные с реставрацией памятников архитектуры и строительством станций метро «Площадь Ногина» (ныне «Китай-город»), «Третьяковская», «Боровицкая», «Тургеневская», «Пушкинская» и др. Важно назвать тут такие работы как полное раскрытие глубокого подземного пространства под храмом Всех Святых «на Кулишках» и раскопки на усадьбе боярина Захарьина-Юрьева на Варварке. Одновременно продолжались раскопки городищ и курганов на периферии. Таким образом, работы проводились и в самом историческом городе, и в его окрестностях. При этом, к большому сожалению, многие зоны новостроечных работ оставались вне поля зрения археологов, что нанесло серьезный ущерб культурному наследию Москвы¹.

С особой остротой проблема сохранения археологического наследия встала в Москве в конце 80-х годов XX в.: в связи с новым витком реконструкции центра города, после громких скандалов, когда ковш экскаватора был занесен над белокаменным историческим Кузнецким мостом, а затем, когда уже строительная техника вышла на Исторический проезд Красной площади. В самом конце 1989 г. – из-за многочисленных

¹ В 1958–1988 гг. основные охранные работы в Москве проводились под непосредственным руководством автора статьи. Подробно по объектам – см.: [Векслер, 2006].

протестов общественности города – руководство столицы принимает подготовленное автором статьи совместно с коллегами и с великим трудом согласованное с целым рядом городских служб Решение № 2854 «Об упорядочении археологического надзора и создании в системе органов охраны памятников города Москвы специального подразделения с функциями муниципальной Археологической службы».

Под охрану был принят культурный слой в пределах всего исторического города 30-х гг. XVIII века, т. е. территория в 20 тыс. га. Любые земляные работы в этой зоне без предварительного согласования с вновь созданным подразделением были запрещены. В задачи археологической службы вошли: согласование проектов инженерных коммуникаций, строительства зданий и сооружений; координация охранных археологических раскопок и наблюдений; контроль за камеральной обработкой археологических материалов, включающий в частности, их реставрацию, консервацию; обследование объектов геофизическими и другими естественнонаучными методами; составление банка данных по археологическим объектам в г. Москве для компьютерной обработки информации; подготовка предложений по музеефикации памятников археологии. Заметим, что до создания данной Археологической службы на территории Москвы под охраной состояло всего 5 объектов. Остальные хоть и паспортизировались, но не ставились городскими властями под охрану, чтобы не создавать проблем для строительства. Цифра, связанная с последующей деятельностью по проведению натурных исследований, не может не впечатлить. В соответствии с Проектной документацией за два с лишним десятилетия в зонах памятников археологии исследовано свыше тысячи объектов. Кроме того, ряд значимых памятников музеефицирован, о чем речь пойдет ниже.

Беспрецедентными по масштабам и результатам спасательных работ стали исследования сер. 1990-х гг. на Манежной площади, связанные с освоением подземного пространства для торгового комплекса «Охотный ряд». По методике стационарных раскопок здесь было вскрыто 30 тыс. кв. м, а если добавить археологические наблюдения и экспресс-раскопки, то исследованная археологами площадь составила 70 тыс. кв. м.

Дело в том, что Манежная площадь, памятная москвичам как «асфальтовая пустыня», до сталинской реконструкции 30-х гг. XX века представляла собой плотно застроенный городской квартал со сложившейся в XVII–XIX вв. структурой улиц и переулков. Эта территория издревле была торговой, и у переулков были характерные, звучные названия, такие как, скажем, «Лоскутный», «Обжорный». Верхний горизонт культурного слоя площади составляла поздняя застройка, поэтому «техноген» был снят с помощью механизмов под тщательным наблюдением нашей Службы. В дальнейшем, в соответствии с историко-археологическим опорным планом и проектом организации археологических работ, на выделенных сохранных участках 6–8-метрового культурного слоя по пластам и квадратам были проведены раскопки. Крупнейшим сооружением вдоль северной части площади издревле являлся Воскресенский мост через р. Неглинную, который соединял Белый город с Красной площадью. С XIV в. здесь проходила Тверская дорога. При охранных исследованиях, которые с полным правом можно назвать спасательными, были выявлены и сохранены комплексы переправы XV–XVI вв. и ранний каменный мост начала XVII в., а главное – крупнейший московский мост, построенный архитектором Петром Гейденем в 40-х гг. XVIII в. Именно на основе этого выдающегося сооружения гидро-техники и был впервые создан в Москве подземный музей Археологии города, который можно было бы назвать «Музей трех древних мостов». Кстати, на этом участке должен был пройти магистральный коллектор. Отстоять вышеупомянутое сооружение автору и его соратникам удалось лишь при поддержке Российской Академии архитектуры и строительных наук и Института археологии Российской Академии наук.

Другим крупным историческим комплексом в зоне археологических исследований являлся Моисеевский монастырь, по которому вся северная часть Манежной площади именовалась в исторические времена Моисеевской. Именно здесь был раскрыт крупнейший некрополь XVII–XVIII вв., который насчитывал около 700 захоронений схимниц и мирян. Благодаря особенностям почвы и близости к реке, в погребениях сохранились уникальные облачения-аналавы, сохранившие с вышивками первоначальную яркость. По завершении исследований останки умерших были бережно перезахоронены на специально выделенном Правительством города участке ближнего к Москве кладбища в Ракитниках, а их погребение произведено по христианскому обряду с отпеванием.

Вслед за Манежной площадью последовали столь же длительные и результативные работы на Старом Гостином дворе (рис. 1; 2). В 1996 г. начало этим исследованиям положила находка выдающегося по своему значению клада-гиганта. Только монет русской чеканки в этом сокровище купеческого двора оказалось 95,5 тыс. Кроме того, в клад входили 336 европейских талеров, чеканенных на многих европейских монетных дворах от Пиренеев до Скандинавии, а также драгоценные сосуды искусной работы ювелиров Москвы, Лондона и Гамбурга.

На этом этапном объекте исследований в Старом Гостином дворе площадь трех летних сезонов раскопок составила около 3 тыс. кв. м, при толщине культурного слоя на склоне от Ильинки к Варварке до 14 м. Этот мощный горизонт, связанный с многовековой торговлей содержал порядка тысячи разнообразных сооружений. После раскопок на Гостином дворе был создан Выставочный Археологический комплекс.

Теперь здесь постоянно можно видеть любопытствующих туристов, но, главное – юных москвичей, которые на подлинных артефактах постигают историю города.

В те же годы в центре столицы проведены крупномасштабные исследования на Театральной площади, которые были связаны с обширным комплексом работ по реставрации и реконструкции здания Большого театра. В XV–XVII вв. здесь пролегла Петровская дорога. При раскопках были обнаружены ярусы деревянных мостовых, вдоль которых, зафиксирована средневековая застройка Петровской слободы. Непосредственно в основании Большого театра прослежены кладки более ранних сооружений и составлена коллекция разнообразных предметов средневекового московского быта.

Одновременно напротив Большого театра, на Петровке, при работах, опередивших строительство пристройки к ЦУМу, были раскрыты основание храма Воскресения Славушего XVI–XVII вв. и обширный некрополь, в котором оказалось около 300 захоронений. В XVII в. в Первопрестольной столице, как говорилось, было «сорок сороков» храмов. При каждом из них существовали погосты, которые постоянно расширялись и захватывали новые площади. Поэтому воистину вся Москва с тех пор «стоит на костях». В этой связи организация археологического сопровождения строительных работ, зачастую совершенно необходимых в нашем мегаполисе, является довольно сложной.

С этой острой проблемой мы столкнулись и в Третьяковском проезде. Здесь при подземном строительстве и последующем благоустройстве территории был открыт и изучен многовековой некрополь. При этом главное, удалось не только расчистить и зафиксировать, но и музеефицировать фрагмент крепостной стены Китай-города, а также многослойное основание церкви Святой Троицы в «Старых полях».

Отметим что, при исследовании некрополя этого храма, одного из старейших на Великом посаде, были обнаружены такие исключительного значения артефакты, как погребальный головной убор («волосник») боярыни Настасьи Воротынской и обломок двусторонней каменной иконки XIV в. с тончайшей резьбой – одно из лучших изображений раннего московского прикладного искусства. На одной стороне образка помещен сюжет «Сошествие в ад», а на другой дано великолепное изображение Святого Георгия – заступника города Москвы.

Продолжая обозрение крупномасштабных работ на центральных площадях нельзя не отметить работы внутри здания Манежа. Оперативные исследования начались сразу же после трагических событий пожара в марте 2004 г. Мы прибыли на пепелище «в темпе археологического МЧС» и сразу же приступили к спасательным работам. На основании историко-археологического опорного плана здесь было сначала заложено 10 раскопов размером 8×8 м, вписанных в единую геодезическую систему квадратов размером 2×2 м. Эти протяженные линии с интервалами дали стратиграфические профили, что позволило выявить горизонты культурного слоя на большой территории. Разведочные раскопы обозначили графические разрезы горизонта культурного слоя, и это имело чрезвычайное значение для последующих работ, проведенных послойно, на широкой площади всего Манежа в зоне древней Тверской дороги.

На втором этапе охранных исследований было проведено полное вскрытие на площади более 3 тыс. кв. м. При этом работы велись уже соответственно строительным ярусам. Большой удачей оказалось обнаружение в основании культурного слоя комплекса домонгольского времени, в том числе некрополя древнейшего христианского храма посада Занеглименья. Среди находок оказались перстнеобразные височные кольца, характерные решетчатые перстни и витые браслеты. Второй этап исследований осуществлялся параллельно со строительными работами в едином графике восстановления Манежа.

Спасательные работы не ограничиваются пределами центра. Большие по масштабам исследования, связанные с реконструкцией и благоустройством исторических парков, проведены на рубеже веков в других частях Москвы – в Коломенском, Захаркове, Лефортове, Кузьминках, Воронцове и, конечно же, в Царицыно.

В Коломенском на протяжении ряда лет полностью раскрыт комплекс царского Дворца Алексея Михайловича, но музеефицирован пока лишь его Кормовой двор. Основание Дворца еще ждет музеефикации. Сам макет этого, как его именовали в XVII в. «осьмого чуда света», в натуральную величину воссоздан после предварительных исследований территорий на свободной площади бывшего с. Дьяково. В этом месте, на территории заповедника Коломенское, также в течение трех лет, вновь проводились раскопки Дьяковского городища – с целью его дополнительных исследований и последующей музеефикации. Уточнена стратиграфия древнего укрепленного поселения, проведены разведки, обнаружен и раскопан ряд памятников периферии. Любителей искусства особенно порадовал уникальный комплекс рельефных полихромных изразцов, который оказался неожиданным сюрпризом при исследовании этого знаменитого городища раннего железного века. Местом его обнаружения явилось основание Вала, на котором, как следует из архивных данных, стояла декорированная этими яркими плитками царская беседка.

Раскопки в Лефортовском парке, основанном по указанию Петра Великого, по объемам работ беспрецедентны. На рубеже веков в этом первом русском регулярном парке, ставшем предтечей великолепных парковых подгородных ансамблей Санкт-Петербурга, было заложено свыше 60 раскопов. Исследованы

системы каналов, прудов, островов, дамб и береговых укреплений. Среди самых интересных археологических открытий можно называть фрагменты Головинского дворца, пристань на «Анненгофской кашкаде», оранжерею, конструкции набережных. Все это теперь составляет исходные данные для будущего Эскизного проекта восстановления уникального парка.

Об археологических результатах трехлетних работ в парке Царицыно можно судить по музеефикации в зоне руин Большого Кавалерского корпуса перед входом в Большой дворец (рис. 3). В преддворцовой зоне раскрыт и музеефицирован Камер-Юнгфарский корпус, сооруженный Баженовым для фрейлин императрицы, а также так называемая «пирамида», мощеная кирпичом. Последняя служила входом ко дворцу Кантемиров, который являлся, пожалуй, самым ранним памятником садово-парковой архитектуры России. В подземных залах внутри Большого дворца музеефицированы фундаменты и экспонирована коллекция археологических находок.

Конечно, археологическим натурным работам в Царицыно предшествовал этап тщательной разработки проектной документации со всеми необходимыми выкладками.

Охранные археологические работы теперь, как уже указывалось выше, обязательно предваряет разработка историко-археологического опорного плана. Свою очередь, разделом Архитектурного рабочего проекта является, как правило, Проект охранных археологических исследований (ПОАР). Таких документов под контролем Службой охранной археологии выполнено свыше тысячи. Особое место среди них занимает ПОАР для Хохловской площади, которая при сравнительно небольших размерах значима тем, что размещается на Бульварном кольце, непосредственно на трассе крепости Белого города. Это подтвердили последующие раскопки, в процессе которых было расчищено основание мощных укреплений конца XVI в. Кстати, на этом объекте возникло редкое взаимопонимание археологов с инвесторами и подрядчиками. Это также является результатом многолетнего взаимодействия сотрудников Археологической службы со строителями. На Хохловской площади не возникло никакой дискуссии: сохранять или не сохранять, музеефицировать или нет данный историко-археологический объект. В результате найдено решение сохранения кладок оборонительных сооружений Белого города, их консервации с последующим экспонированием. Кроме того, среди сохраненных экспонатов посетители увидят потрясающие по красоте архитектурные детали с «ренессансной» резьбой, которые оказались в заполнение фундамента. Первоначально, скорее всего, они украшали сооружения великокняжеского Кремля.

В настоящее время кладка основания Белого города прошла консервацию и вывешена в котловане на столбах. Она останется в положении *in situ* на своем месте и уровне, а ниже будет строиться многоуровневый паркинг. Вдоль кладки запроектирована автотрасса для туристических автобусов.

В археологии Москвы Зарядье имеет особое значение, поэтому в котловане разобранной гостиницы «России» нами совместно с Институтом археологии РАН (руководитель Л. А. Беляев) были без промедления организованы предварительные разведочные работы. На периферии здания было исследовано основание Китайгородской крепостной стены, найдены интересные образцы мелкой пластики, керамических форм, изразцов. Одновременно с инженерно-геологическими изысканиями постоянно ведутся археологические работы на известных памятниках архитектуры. Поистине замечательное открытие сделано под церковью Святой Варвары работы архитектора Родиона Казакова начала XIX в. Здесь был выявлен великолепной сохранности белокаменный подклет работы зодчего Алевиза начала XVI в. В дальнейшем сооружение будет полностью раскрыто и музеефицировано.

Серьезную полемику пришлось вести в начале нового столетия на выдающемся архитектурном памятнике Петровского времени – Сухаревой башне. Проектировщики первоначально предложили проложить в этом месте трассу подземного перехода с одновременным разрушением основания башни. Однако после того как здесь, в сложных условиях потоков транспорта Садового кольца, были проведены оперативные спасательные раскопки, осуществлявшиеся в три смены в течение круглых суток, оказалось, что кладка сохранна. Мы предложили для ее сохранения проложить переход сквозь основание арки. Это решение нашло поддержку руководства города, и кладки были сохранены с целью возможной последующей их музеефикации. Такие исследования с полным основанием можно назвать спасательной археологией.

Территория исторического района Замоскворечья до создания нашей Службы была «белым пятном» на Археологической карте Москвы. В конце XX – первом десятилетии XXI в. здесь проведены исследования на более ста участках общей площадью около 22 тыс. кв. м. Широкая панорама исторической застройки Слободы садовников была открыта на Садовнической набережной. Здесь обнаружены интереснейшие предметы не только московского производства, но и, например, такой уникум как серебряное навершие трости китайского производства с иероглифами, которые указывают, что это трость слепого человека. Для археологии Москвы это подтверждение ранних торговых сношений с Поднебесной Империей.

Уникальной зоной Замоскворечья является Кадашевская набережная – территория развития Третьяковской галереи. Здесь в прибрежном грунте прекрасно сохранилась органика и обнаружены разнообразные

предметы слободского быта. Особый интерес представляет комплекс художественной работы крестов-тельников, некоторые из которых, судя по находкам литейных форм, здесь же и были изготовлены. Пожалуй, их стоило бы теперь экспонировать на месте нахождения – в сокровищнице национального искусства – Третьяковке.

В Заяулье – в зоне главного центра керамического производства Московского государства – проведены крупномасштабные раскопки, в ходе которых исследованы свыше 30 гончарных горнов XV–XVII вв. При последних работах в Китай-городе на бывшем Великом Посаде прекрасной коллекцией городского быта и торговли порадовали Теплые Торговые ряды между Ильинкой и Богоявленским монастырем. Сначала археологические исследования шли одновременно с реставрацией в подвалах зданий XIX в., где практически был полностью изучен культурный слой, а затем последовало раскрытие внутреннего дворового пространства. Под техногенным балластом здесь были открыты остатки около 40 деревянных сооружений. Обнаружен ряд уникальных артефактов, таких как стеклянная иконка-литник и торговые пломбы из Западной Европы (Франция, Германия, Польша). Найден небольшой, но чрезвычайно важный для московской нумизматики клад серебряных копеек, в котором представлены ранние монеты московской чеканки великих князей Василия Дмитриевича и Василия Васильевича.

Охранные археологические исследования, сопровождавшие в период бурного бума реконструкции центра обширные внедрения в культурный слой старомосковских районов, приоткрыли «завесу времени» над сооружениями и планировкой ранних уличных трасс, таких как Арбат или Остоженка. Например, в начале Арбата была открыта усадьба хлебника. Под ней оказались следы укреплений, которые предшествовали построению Белого города. На Остоженке у Пожарского переулочка была раскрыта планировка усадьбы зажиточного горожанина, по-видимому, купца. Сплошное деревянное мощение его двора было уникальным по сохранности.

В Белом городе на древней улице Рождественке выявлены Палаты крупного государственного деятеля XVIII в. тогдашнего канцлера России Артемия Петровича Волынского. Они находились в основании здания Архитектурного института, «альма-матер» большинства московских архитекторов. На протяжении ряда лет «археологический слоеный пирог» под зданием МАРХИ увлеченно исследуется усилиями Л. И. Ивановой-Везн при постоянном методическом руководстве автора доклада. Материалы раскопок стали гордостью институтского музея. На них у будущих архитекторов воспитывают чувство бережного отношения к наследию предков.

Спасательные исследования дают возможность музеефицировать многочисленные памятники, раскрываемые в исторических недрах. Такие экспозиции чрезвычайно привлекательны для развития исторического туризма. Целый ряд предложений от нас последовал для разработки зон Золотого кольца. Это и кладки Белого города на Пречистенской набережной, которые в свое время были нами исследованы, а потом «на время» засыпаны, и Кузнецкий мост, и Алевизов ров, и объекты Кадшей, и основание «Теремка» на Никольской, и подклет церкви Ильи Пророка на «Новгородском подворье» на улице Ильинке. Последующее раскрытие этих памятников истории, несомненно, обогатит исторический центр, представит его «овеществленное прошлое».

В районе Митино, на территории отдаленной прежде пригородной местности, куда теперь пришло московское метро, впервые в столице создается археологический ландшафтный парк с экспонированием под «открытым небом» памятников археологии. Тотальное обследование района проводилось под руководством автора перед массовой застройкой и строительством новой линии метро. На основе этих материалов, решением Правительства Москвы было поставлено под государственную охрану свыше трех десятков памятников археологии. Городища и курганы станут главными экспонатами этого исторического парка.

Особую важность представит показ раскрытых объектов археологии в зоне другого планируемого парка – в древнейшем ядре города, на территории не раз упоминавшегося нами Зарядья. Последний район, на мой взгляд, находится на острие проблем, как археологии, так и современной застройки исторического центра. В этой связи, считаю уместным вновь обратиться к волнующей москвичей теме времени зарождения града и раннего предградья – древнерусского посада.

Как известно, условная точка отсчета возраста города – упоминание его в Ипатьевской летописи под 1147 г. – застает град Москов известным поселением, планировочную структуру которого, судя по данным археологии, издревле составляли град (впоследствии Кремль) и его предградные посады, непосредственно прилегавшие к первоначальной крепости.

При подготовке концепции возникновения и развития раннего града нами использованы материалы известных исследований, успешно проводившихся в течение длительного времени Государственными музеями Московского Кремля под руководством Н. С. Владимирской². Именно этим исследователем было

² Результатом многолетних творческих научных контактов является единая позиция автора доклада с Н. С. Владимирской во взглядах на хронологию материалов раннего града.

установлено, что Московский Кремль в древности представлял собой двухъярусное городище, культурные напластования которого относятся к различным историческим эпохам. Не позднее I тыс. до н. э. – первых веков н. э. в самой высокой точке кремлевской возвышенности (Соборная площадь) располагалось поселение с керамикой дьяковского типа. Хронологической последовательности и преемственности слоев раннего железного века и перекрывающих наслоений эпохи средневековья проследить не удалось.

Участки первоначальной жилой застройки града располагались в юго-западной и центральной частях холма – на месте более поздних урочищ Бор, Маковица и Горы. Сведения о древнейших оборонительных сооружениях московского поселения позволяют считать его локальной разновидностью двухчастного городища сложно-мысового типа.

Полицентричность планировки, характеризующая раннюю Москву, как и ряд других древнерусских городов, указывает на появление здесь первых жителей до строительства укреплений. Концентрация городского торгово-ремесленного населения на обширной площади центра городища (в дальнейшем Соборная и Ивановская площади) послужила определяющим фактором и главной предпосылкой последующего возвышения Москвы как одного из центров христианизации края.

Материалы археологических исследований позволяют составить представление о протяженности северных и восточных границ укрепленного поселения, занимавшего в XII–XIII вв. всю верхнюю надпойменную террасу кремлевской возвышенности, включая район современного Арсенала и Ивановскую площадь. Топографическая протяженность горизонта 2 дает основание для реконструкции крепостных сооружений поселка. Восточная граница крепости, как и в предшествующий период, должна была проходить по современной Ивановской площади. В оборонительную систему входил ров, зафиксированный на территории Кремля в ходе археологических раскопок 1975 г. Заполнение рва – это типичный жилой слой московского поселения. В нем был найден меч с подписным двусторонним клеймом западногерманской оружейной мастерской Этцелина (Гицелина). Наиболее вероятная дата изготовления клинка – 1130–1170 гг. (типологическое и хронологическое определение А. Н. Кирпичникова). Размеры, принцип планировки, отдельные конструктивные детали и общие стратегические задачи позволяют сопоставить московскую крепость середины XII – начала XIII в. с укреплениями Юрия Долгорукого в Переяславле-Залесском, Юрьеве-Польском, Дмитрове и Перемышле-Московском.

Исследования многочисленных объектов, связанные с программой подземной урбанизации исторического центра, осуществленные на рубеже XX–XXI вв. Археологической службой под руководством автора существенно расширили представления о развитии территории ранней Москвы в динамике исторического роста. Несомненно, что для воссоздания процесса освоения территории древнего ядра града, большую важность представляют раннесредневековые комплексы, прослеженные в ближайшем предградии, на территории, окружавшей феодальный замок.

При охранных раскопках на ряде объектов Занеглименья отмечены находки шиферных пряслиц, стеклянных браслетов, древнерусских украшений из цветного металла, сердоликовых и хрустальных бус в сочетании с раннекурганной и гончарного типа «серой» керамикой (Старое Ваганьково, Волхонка, Манежная и Арбатская площади). Вятчские украшения обнаружены во Всехсвятском проезде у храма Христа Спасителя, то есть в непосредственной близости от места обнаружения известного клада арабских дирхемов IX в. При раскопках на Манежной площади прослежена береговая полоса культурного слоя вдоль берега р. Неглинной, отложившаяся в домонгольский период. Среди находок в этой зоне – византийская амфора «дипинто» XII в. со следами окраски и знаками. Она является единственной, найденной на древнерусских археологических памятниках, что подчеркивает нерядовой характер раннего московского поселения.

Археологические находки на Большом Посаде (улицы Никольская, Варварка, Ильинка, проезды Богоявленский, Третьяковский и другие) свидетельствуют о широком освоении территории будущего Китай-города в домонгольское время. Ряд находок украшений из цветного металла на Старом Гостином дворе относится к «долетописному» времени.

Для обоснования датировок предградия важное значение имеют исследования у начала Ильинки. Археологические раскопки велись по оси данной улицы, вплоть до крепостной стены Китай-города. Здесь удалось проследить всю череду напластований. Начиная с раннего времени, в этом месте регулярно производился ремонт и сооружение новых бревенчатых мостовых: всего их выявлено 23 яруса. На участке у Красной площади, ниже вымостки были обнаружены горизонты первичного освоения территории, которые свидетельствуют о существовании здесь усадебной застройки, перемежавшейся с пахотно-огородным горизонтом³.

Для определения возраста раннего этапа развития исторического ландшафта предградия большой интерес представляет исследование стратиграфической колонки напластований основания культурного слоя,

³ Указанные материалы по датировке предградья детально рассмотрены в подготовленной автором монографии «Великий посад Москвы». О раскопках на ул. Ильинке и в Старом Гостином дворе см.: [Александровский и др., 2000].

включающей пахотный горизонт на Ильинке (Дмитриевская улица) у Красной площади. Датирование шестнадцати образцов древнего угля по радиоуглеродному методу проводилось в лабораториях и научных центрах Москвы, Киева и Гронингена. Среди дат, установленных по материалам из основания культурного слоя, отмечающих начало распашки и застройки, укажем интервалы 890–1048, 895–1041, 1058–1072 гг.⁴

В целом же раскопки в граде и на посаде выявили комплексы вещевых категорий, среди которых присутствуют предметы, связанные с металлургическим, гончарным, сапожным, ювелирным и косторезным ремеслами. Отдельные находки позволяют судить о рыболовстве и охоте, а также о земледелии и скотоводстве, которые имели, скорее всего, подсобное значение. Предметы импорта дают возможность проследить направление торговых связей раннего города, отличавшегося высокой жизнеспособностью. Его культурный слой начал образовываться в конце XI – начале XII вв. Представляется, что Кремль, древний град, зародившийся во времена «долетописные», его предградья, позднее – Зарядье и Занеглименье, и есть зона первоначального эмбриона, из которого в последствие вырос сегодняшний мегаполис.

Последующие археологические исследования, музеефикация объектов и находок, а также выставочная экспозиция в будущем парке на месте Зарядья, о создании которого принято решение Правительства Москвы, станет наглядной связью времен у стен седого Кремля в сердце многовековой столицы России.

В заключение отметим, что современное градостроительство теперь не может не учитывать при проектировании новых объектов в мегаполисе наличия археологического «покрова» его территории. На рубеже XX–XXI вв. в Москве сформировалась принципиально новая и вполне устойчивая система взаимоотношений между проектными организациями, строительным комплексом, Археологической службой и Департаментом культурного наследия. Правительство Москвы, Москомархитектура, Градостроительный комплекс теперь требуют проведения специальных предварительных археологических исследований, сопровождающих возведение новых объектов. Причем в качестве столь же необходимой части производственного цикла, как геологические и геодезические работы. Связанные с работой в культурном слое структуры – проектные, строительные, инженерные и другие – воспринимают постоянную, широкую и активную деятельность археологов в их работе как нормальную, «штатную», ситуацию. В представленном докладе конспективно изложены некоторые итоги этого творческого взаимодействия, результаты реализации проектных и натурных работ спасательной археологии, которой всецело и навсегда посвятил себя автор.

Литература

Александровский А. Л., Ван дер Плихт, Векслер А. Г., Ковалюх Н. Н., Чичагова О. А. Возраст культурного слоя на Красной площади в Москве // Известия РАН. Серия географическая. № 2. М., 2000.

Векслер А. Г. Спасательная археология Москвы: Избранные статьи и материалы. М., 2006.

Рис. 1. Гостиный Двор. Раскопки на Старом Гостином дворе 1997 г. Горизонт XVI–XVII вв.

Рис. 2. Гостиный двор. Раскопки на Старом Гостином дворе 1997 г. Горизонт XVI–XVII вв.

Рис. 3. Царицыно. Археологические исследования и музеефикация в преддворцовой зоне. 2006 г.

⁴ Многочисленные образцы дат находок (древесина и костные останки) с радиоуглеродным возрастом 900–940±40–70 л. н. получены при раскопках в здании Манежа в 2004 г. под руководством автора. Исследования проводились А. Л. Александровским и другими археологами. Результаты работ готовятся к публикации.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕВЕРА РОССИИ

Археология Севера России раннего железного века

А. В. Расторопов

г. Самара

МБОУ ДОД ЦВР «Крылатый»

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОСУДЫ С ФИГУРНО-ШТАМПОВОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В рассматриваемые периоды – с середины I тыс. до н. э. до начала II тыс. н. э. – лесная зона Западной Сибири являлась территорией, для археологических комплексов которой было характерно наличие посуды, орнаментированной наряду с гребенчатыми так называемыми фигурными штампами. Данная керамика была представлена двумя основными формами сосудов: горшковидными и чашевидными (при преобладании первых). Фигурными штампами орнаментировались емкости преимущественно горшковидной формы. Последние имели овальные днища, их высота близка максимальному диаметру. Фигурные штампы, за редким исключением, сочетались с отпечатками гребенчатых чеканов. Орнаменты на сосудах характеризовались многорядностью и многозональностью. На протяжении почти всего периода бытования такой посуды прослеживается стремление придать композиции узора линейную направленность. Как правило, украшалась только верхняя половина сосуда. Как обязательный элемент узора, вне общей его композиции, по верхнему краю шейки сосуда, чаще с наружной стороны, наносился поясок ямок.

Корни такого явления для очень широкой территории, видимо, следует искать в распространении в предшествующее время в лесной зоне Западной Сибири населения с традициями орнаментации посуды крестово-струйчатыми отпечатками. Это обусловило формирование близкородственной среды на широкой территории Приобья к середине I тыс. до н. э. Уже на раннем этапе, к рубежу эр, население с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией посуды, расширяя ареал своего обитания, проникает в зону тундры. Расцвет традиции украшать посуду фигурно-штамповыми отпечатками приходится на I тыс. н. э. В первой половине этого периода происходят миграции лесного населения в лесостепь Обь-Иртышья. Именно там посуда с фигурно-штамповыми отпечатками имела наибольшую вариабельность. В то время как в глубинных районах лесной зоны, она была более стандартна по форме и орнаменту, которые имеют плавное изменение культурных традиций. В целом на всем протяжении бытования посуды с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией прослеживается преемственность традиций в ее форме и орнаменте. Орнаментальные приемы постепенно изменяются и сменяются другими, происходит замена одних черт другими, которые получают развитие в дальнейшем. В начале II тыс. традиция украшать сосуды отпечатками фигурных штампов начинает угасать [Расторопов, 1989. С. 88–89].

Проблема этнокультурной интерпретации археологических памятников с традицией орнаментации фигурными штампами является дискуссионной. Не оспаривается вопрос об истоках средневековой нижеобской культурно-исторической общности от кулайской историко-культурной общности. Близость их очевидна. Свердловские археологи включили поздний саровский этап, выделенный для кулайской культуры Л. А. Чиндиной как самый ранний, в свою культурно-хронологическую схему обь-иртышской общности. В ней пять этапов культурного развития населения лесной зоны всей Западной Сибири – от I в. до н. э. до XVI в. н. э. Население этой общности плавно и постепенно меняет свои культурные традиции, переходя от одного этапа к другому. У этого населения, как раз и существовала традиция украшать глиняную посуду гребенчато-фигурно-штамповыми отпечатками [Федорова и др. С. 126–143]. Вывод о самодийской принадлежности кулайской культуры Л. А. Чиндина сделала на основе тезиса об его участии в формировании населения релкинской культуры в Томско-Нарымском Приобье, которую она и выделила. В ней опорным па-

мятником считается могильник Релка. Он был признан древнеселькупским. В основе этого вывода лежала прослеженная хронологическая взаимосвязь с другими могильниками в Томской области: от могильника Релка до достоверно селькупских XVII в. Эта взаимосвязь, по мнению Л. А. Чиндиной, выражается в преемственности и параллелях в погребальном обряде. Так как селькупы по языку относятся к самодийцам, то ретроспекция от них на релкинскую культуру, а от нее – на кулайскую привела к выводу о самодийской принадлежности последней [Чиндина, 1977. С. 134–140]. По мнению Л. А. Чиндиной, формирование релкинской культуры происходило в Среднем Приобье, откуда она распространилась в другие районы Обь-Иртышья [1985. С. 144–170]. С этим выводом трудно согласиться, так как формирование кулайской историко-культурной общности происходило на более широком историко-географическом фоне. В ее подоснове, видимо, были некоторые местные культурные черты предшествующего периода, имеющие переходный характер. Тогда в лесной зоне Западной Сибири распространилось население с традицией орнаментации керамики крестово-струйчатыми фигурными отпечатками (гамаюно-молчановская общность, лозьвинский тип памятников). В лесном Зауралье, в бассейне Тавды В. Д. Викторова проследила формирование памятников синдейского типа второй половины I тыс. до н. э., которое происходило на основе местных культурных традиций предшествующего периода. Она сделала вывод об их культурно-хронологической близости к нижеобским комплексам усть-полуйской культуры [Викторова, 1969. С. 140–171]. В бассейне среднего течения Конды исследованное автором городище Катыш возникло на месте неукрепленного поселения с керамикой лозьвинского типа. Культурный слой селища подстилал кулайский культурно-хронологический комплекс городища, бытование которого укладывается в рамки V–II вв. до н. э. В нижнем культурном слое городища был обнаружен бронзовый двухлопастной наконечник стрелы VII–VI вв. до н. э. [Расторопов, 1992а. С. 6; 1992б. С. 31–32]. Рост населения приводил к увеличению контактов отдельных родственных групп и их взаимной интеграции в середине I тыс. до н. э. [Расторопов, 1993. С. 145]. Локальные особенности кулайских археологических комплексов в различных районах Приобья были обусловлены, скорее всего, местными компонентами. Ареал памятников с их традициями совпадает с территорией распространения керамических комплексов с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией.

Источники, относящиеся ко времени, предшествующему приходу русских, не позволяют говорить о крупных этнических изменениях во всем лесном Обь-Иртышье. Речь может идти только о его периферии. Большая часть территории лесного Обь-Иртышья была населена хантами, и она совпадает с ареалом распространения посуды с фигурно-штамповой орнаментации. Археолого-этнографическая экспедиция под руководством И. Н. Гемуева и А. Н. Сагалаева в бассейне Северной Сосьвы при исследовании поселения Вуграсян-Вад усть-полуйского времени выявила совпадение в наборе изображений животных, выполненных в технике плоского культового литья. Эти животные были священными именно для хантов, а не для манси [Гемуев, Сагалаев, 1986]. Городище Няксимволь на Северной Сосьве, где была обнаружена посуда II и III групп Усть-Полуя, соответствующая традициям керамики васюганского и саровского этапов кулайской культурно-исторической общности, являлось священным местом обитания родовых предков именно хантов [Коптилов, 1930. С. 29–30].

На территории лесной зоны Западносибирской низменности у хантов сложился тип хозяйства, приспособленный к ее ландшафту, пронизанному густой речной системой в сочетании с озерами. Ведущими отраслями в нем являлись сезонные рыболовство и охота. Соответственно этим основным занятиям, поселки аборигенов были двух типов: летние – располагавшиеся ближе к воде, когда население края занималось в основном рыболовством, и зимние, находившиеся вблизи леса – когда ханты занимались главным образом охотой. Видимо, эта особенность хозяйства способствовала формированию хантской общности. Поэтому логично предположить, что формирование обь-иртышской историко-культурной общности, выделенной свердловскими археологами, относится к середине I тыс. до н. э.

Нарымское Приобье в середине I тыс. до н. э. находилось на юго-восточной окраине ареала распространения посуды с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией. В керамическом комплексе могильника Релка Л. А. Чиндиной были выделены три типа посуды; среди них преобладают I и II типы – релкинский и малгетский. В Томском Приобье, расположенном в зоне широколиственных лесов, превалирует I тип керамики – релкинский. Он исторически лучше с ним соотносится и генетически восходит к одинцовской культуре. II тип посуды – малгетский, наоборот, доминирует севернее, в тайге Нарымского Приобья. Именно с ним ассоциируется посуда, украшенная фигурно-штамповыми отпечатками. На основе сходства керамики и погребального обряда релкинскую культуру Среднего Приобья и одинцовскую культуру Верхнего Приобья даже включают в одну этнокультурную общность [Беликова, Плетнева, 1983. С. 123]. Материальная и духовная культура хантов и селькупов очень сходны. По материалам памятников Томского Приобья не удается выделить орнаменты, характерные только для хантов или только для селькупов [Там же. С. 125].

В культуре самодийских народов отмечен большой пласт, генетически связанный с Южной Сибирью [Прокофьев, 1940. С. 67–76]. Там еще в XIX в. были отмечены группы населения, которые по языку были

самодийцами. В конечном итоге они стали тюркоязычными [Хомич, 1976. С. 112]. Вполне вероятно, что в эпоху «Великого переселения народов», самодийское население было разделено миграционными волнами кочевого населения. Одна его часть была вынуждена переселиться в горные массивы Южной Сибири – в Саяны и на Алтай, другая продвинулась в тайгу, что привело к формированию селькупов. Вследствие каких-то причин, скорее всего экономических, не позднее рубежа I и II тыс. н. э., а скорее, в период формирования релкинской культуры, самодийское население оказалось на севере Западной Сибири [Расторопов, 1993. С. 146–147]. По мнению В. А. Могильникова, распад самодийской общности произошел в III–V вв. н. э. на юге Западной Сибири, в период экспансии государств тюркоязычных народов. Одна их часть была оттеснена в горы, другая ушла в тайгу. В тундру они пришли в конце I – начале II тыс. Ученый считал, что легендарные «сииртя» предков ненцев, которых они там встретили, это ханты, которые занимались охотой и рыболовством [Могильников, 2002. С. 89].

«Расщепление» в лесостепной зоне в начале I тыс. н. э. саргатской культурно-исторической общности в Тоболо-Иртышье и большереченской культуры в Верхнем Приобье привело к проникновению лесного населения с традицией орнаментации посуды гребенчато-фигурно-штамповыми отпечатками в экологически привлекательную для них ландшафтную зону. Там оно смешалось с оставшимся лесостепным населением, что привело к появлению новых этнокультурных групп населения. В Верхнем Приобье в первые века н. э. на основе смешения лесных мигрантов кулайской историко-культурной общности и местного населения большереченской культуры формируется одинцовская культура [Троицкая, 1981. С. 113–119]. Вполне логично искать самодийцев в лице ее населения, основного наследника большереченской культуры, носители которой по языку были, видимо, самодийцами.

Особенно активно процессы взаимодействия лесного и лесостепного населения, вероятно, происходили во второй четверти I тыс. н. э. в Тоболо-Иртышье. В этом регионе новые возникшие этнокультурные образования были очень близки друг другу, и их археологам трудно провести границу между ними. Их особенности и своеобразие, могут в значительной степени объясняться разной долей участия в формировании как лесного, так и лесостепного населения. При наличии общих генетических истоков между ними не прослеживается та степень единства, по которой можно определить их конкретную территорию формирования. Вероятно, лесостепная территория Обь-Иртышья являлась зоной политической нестабильности. Как ее следствие, видимо, следует рассматривать миграцию в европейскую лесостепь, в сходную природно-географическую среду населения археологических памятников кушнареновско-караюковско-каракуповского круга.

Истоки населения, применявшего гребенчато-шнуровую орнаментацию посуды, могут определенно увязываться с горнолесным Уралом. Данная традиция в этом регионе уходит своими корнями в эпоху поздней бронзы. Именно с этой территории во второй половине I тыс. н. э. население с такой посудой начинает расселяться по обе стороны Уральских гор. В западном направлении оно достигает берегов Волги в среднем ее течении. В Зауралье, в бассейне Туры и верхней Тавды, в VI–IX вв. формируются памятники молчановской культуры. Традиция орнаментации посуды гребенчато-шнуровыми отпечатками исследователями связывается с формированием мансийских групп населения. Видимо, природные условия горнолесного Урала обусловили специфику хозяйства его населения и объединение в рамках особой этнокультурной общности – манси. Специфика их хозяйственной деятельности была обусловлена охотой, связанной с сезонной миграцией лосей в начале зимы с западного склона Уральских гор на восточный, где осадков было меньше. Весной лоси возвращались обратно в Приуралье, где находили обильную пищу в молодых побегах рябины. Эту особенность охоты манси (вогулов) неоднократно отмечали путешественники XVII–XVIII вв. Она определяла весь хозяйственно-бытовой уклад аборигенов края, в отличие от своих соседей хантов (остяков), у которых на первом месте было рыболовство [Косарев, 1984. С. 84–86].

Лесная зона Западносибирской низменности в ареале распространения керамики, украшенной гребенчато-фигурно-штамповым орнаментом, скорее всего, являлась территорией, на которой происходило формирование хантйской ветви угров. Появление посуды с фигурно-штамповым декором, по-видимому, является отражением начала выделения предков современных хантов из обско-угорской общности, причем не позднее середины I тыс. до н. э. Примерно к этому же времени, VI–IV вв. до н. э., деление ее на хантов и манси относил В. А. Могильников [2003. С. 87–88].

Источники и литература

Беликова О. М., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск, 1983.
Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986.

Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Коптилов М. Няксимвольское городище // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. № 1. Тобольск, 1930.

Могильников В. А. Формирование коренного населения Тюменского Обь-Иртышья // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. 2002 г. Тобольск, 2003.

Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // СЭ. № 3. М., 1940.

Расторопов А. В. Об основных территориально-хронологических этапах развития посуды с фигурно-штамповой орнаментацией в археологических памятниках эпохи железа Западной Сибири (вторая половина I тыс. до н.э. – начало II тыс. н.э.) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989.

Расторопов А. В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992а.

Расторопов А. В. Нижнее и Среднее Прииртышье в середине и второй половине I тысячелетия н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. М., 1992б.

Расторопов А. В. Этнокультурная интерпретация археологических памятников лесного и лесостепного Зауралья в раннем железном веке и средневековье // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1985.

Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.

Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.

А. В. Кениг, Т. Н. Соболюкова
г. Ханты-Мансийск,
ЛЭЭСЗС ИАЭТ СО РАН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ГОРОДИЩА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СОГОМСКОЕ 13

В течение нескольких лет авторы доклада проводят комплексные исследования Согомского археологического микрорайона. Административно эта территория относится к Ханты-Мансийскому району Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Географически микрорайон расположен в нижнем течении р. Иртыш по берегам акватории оз. Домашний Сор, из которого берет свое начало р. Согом (левый приток р. Иртыш). Его приуроченность к восточной части Кондинской низменности предопределяет характер местности: небольшой перепад высот, широкое распространение озерных и болотных ландшафтов. Уровень заболоченности достигает 50%, озерности – 15%. Бассейн Согома отличается широким распространением соров.

Для таежной зоны Западной Сибири выделяют два типа археологических микрорайонов – магистральные и верховые [Глушков, 1993. С. 15–17]. Различия между ними были обусловлены разными коммуникативными возможностями. Так, микрорайоны, расположенные на магистральных реках, характеризуются большим сходством материальной культуры в связи с благоприятными коммуникативными возможностями. В свою очередь, верховые микрорайоны (локализуемые на верховых притоках и озерах), в силу слабых внешних связей и коммуникаций, обладают большей спецификой и культурным своеобразием. В соответствии с данной типологией, Согомский археологический микрорайон относится к верховому типу, где система проточных озер в заболоченной местности обусловила удобство занятия рыболовством в летне-осенние периоды и способствовала сосредоточению древних поселений на невысоких гривах по берегам озер и в устьях небольших рек.

В настоящее время данная территория является местом проживания коренного населения – усть-иртышских хантов, которые сохранили некоторые традиционные навыки запорного рыболовства и добычи боровой дичи при помощи давящих ловушек – слопцов [Кениг, 2011. С. 123–134].

Комплекс археологических памятников, расположенных по берегам оз. Домашний Сор, датируется в широком культурно-хронологическом диапазоне. Однако, более чем из 200 объектов археологии, выявленных здесь на сегодняшний день, памятники раннего железного века составляют больше половины.

Последние представлены как селищами, так и городищами. В типологическом плане большинство городищ в рельефе образуют ровные площадки, окруженные по периметру оборонительной системой «вал-ров», которые характеризуются небольшими конструктивными параметрами. Площадки различаются по форме: подпрямоугольные, подовальные и подтрапцевидные с бастионами и без таковых. По внешнему облику, они во многом аналогичны городищам раннего железного века Сургутского Приобья [Чемякин, 2008. С. 67, 75, 79–80].

На одном из городищ – Согомское 13 (ХІІІ), находящемся в аварийном состоянии, в 2010 г. авторами доклада были проведены археологические раскопки.

Памятник расположен на северо-восточном берегу оз. Домашний Сор, на юго-западной окраине д. Согом, в 1609 м к СВ от западной оконечности мыса Стариковского (Старикова) и 829 м к ЮЗ от вертолетной площадки. Городище занимает высокую сухую террасу, гипсометрический уровень которой составляет 37,7 м. Терраса расположена между р. Согом и оз. Домашний Сор. Расстояние от городища до берега озера составляет 330 м. К югу от городища находится залесенное пойменное болото, которое выступает буфером между высоким бором и акваторией Домашнего Сора. В растительности бора преобладает сосна обыкновенная, высотой 10–12 м. Территория городища характеризуется высокой степенью хозяйственной деятельности. В частности, восточная часть городища разрушена действующей пилорамой.

Памятник был открыт в 1991 г. отрядом Уральской археологической экспедиции УрГУ под руководством В. М. Морозова и повторно обследовался в 1992 г. В таблице, приложенной к отчету о разведке 1991 г. значится, что городище Согомское ХІІІ имело оборонительную систему в виде вала и рва («вал-ров»). Тем не менее, на чертеже памятника была зафиксирована иная ситуация. Овальная площадка поселения, почти вплотную примыкавшая к невысокому (около 1–2 м) берегу верхового болота (древнего озера), была окружена двумя замкнутыми валами и рвом между ними (так называемая система «вал-ров-вал») общей шириной 12–15 м. Юго-западная часть городищенской площадки, а также примыкавшие к ним отрезки оборонительной линии, были разрушены в результате эксплуатации лесопилки. Это отмечал и автор

разведки. Сохранившийся участок площадки памятника на тот момент имел размеры 25×18 м. Ширина вала и рва варьировалась от 2 до 5 м, высота насыпи достигала 0,15–0,20 м, глубина рва – 0,3–0,4 м [Морозов, 1991. С. 6–7. табл. 1. № 16; 1993. С. 79–80].

В ходе мониторинга состояния памятника в 2010 г. в рельефе были зафиксированы только остатки рва и обваловка в северной и северо-восточной частях площадки городища. По линии З – В во рву просматривался переход. Большая часть древнего укрепленного поселения была уничтожена в результате работы гусеничного транспорта, осуществлявшего погрузку и разгрузку древесины для пилорамы. На сохранившейся части городища нами был заложен раскоп площадью 474 кв. м, ориентированный в меридиональном направлении. Им были вскрыты сохранившаяся восточная часть площадки городища, а также остатки рва в южной и северо-восточной частях памятника. Мощность культурного слоя составила от 15 см до 66 см. Культурный слой представлен супесями серого, темно-серого, желто-серого и серо-желтого цвета. Удалось зафиксировать линию уцелевшего рва, несколько столбовых ямок внутри городищенской площадки, а также четыре прокала – по два в северной и южной частях раскопа. Последние можно интерпретировать как остатки очагов. В одном из них найдены кусочки угля, кальцинированной кости и капли бронзы. Остатки каких-либо других конструкций и сооружений не зафиксированы.

Коллекция находок, собранная в ходе раскопок, составляет 418 единиц. В соотношении с площадью раскопок ее можно считать незначительной. Подавляющее большинство артефактов – это фрагменты керамики (ок. 380 экз.), остальные материалы немногочисленны.

Каменный инвентарь представлен:

- округлыми гальками, которые, судя по следам, присутствующим на их поверхностях, использовались в качестве лошил – 3 экз. (рис. 1 – 5);
- фрагментами каменных орудий, край которых имеет заостренную форму (возможно, они использовались как орудия обработки кожи) – 2 экз. (рис. 1 – 3, 4);
- фрагментами шлифованных каменных изделий – 7 экз.;
- фрагментами изделий (предположительно, литейных форм) – 3 экз.;
- абразивами – 2 экз.

К другим индивидуальным находкам относятся 7 капелек бронзы, кусочек бронзовой проволоки, а также нити темно-синего цвета (возможно, шерстяные).

Керамическая коллекция городища Согомское 13 очень фрагментарна. Состояние обломков в целом плохое, они часто расслаиваются. Сосуды, поддающиеся реконструкции, единичны. В коллекции есть один фрагмент поддона. Общей чертой всей посуды городища является наличие орнамента, расположенного преимущественно в верхней части сосуда.

Визуально, по ряду технологических и декоративно-морфологических признаков керамическую посуду городища можно разделить на 2 группы.

1 группа, судя по фрагментам шеек с венчиками, представлена примерно 30 сосудами, при этом как баночной формы, так и, по-видимому, горшечной (или котловидной) с профилированными плечиками. Диаметр сосудов составляет 26–32 см. Толщина стенок – 0,5–0,6 см, в единичных случаях – 0,8–0,9 см. Венчики (верхние срезы шеек) – плоские, нередко с «карнизиками» с внутренней стороны, реже – округлые, украшены оттисками гребенчатого штампа (рис. 2 – 1, 3).

Структура изломов рыхлая, черепки расслаиваются, на поверхности фиксируются «звездчатые» расщепления, связанные с присутствием в тесте значительного количества примеси – некалиброванного шамота и дресвы. Характерным признаком керамики данной группы, который визуально выделяет ее, является обработка поверхности сосудов с обеих сторон гребенчатым (зубчатым) шпателем. Стенки сосудов заглаживались таким шпателем в разных направлениях, декор наносился поверх «расчесов» (рис. 2 – 1).

Орнаментальная схема, характерная для данной группы, проста и стандартна: горизонтальный ряд из вертикальных или наклонных оттисков гребенки под венчиком, ниже – ряд глубоких ямок (иногда сквозных) или «жемчужин». На некоторых сосудах наблюдается чередование ямок и «жемчужин». На единичных сосудах узор в виде разреженных вертикальных или наклонных оттисков штампа наносился по тулову. Три сосуда, отнесенные к данной группе по технологическим признакам, не орнаментированы.

2 группа посуды, судя обломкам шеек с венчиками, включает 17 емкостей баночной формы со слабовыраженной шейкой. Сосуды более миниатюрны, диаметр их варьирует от 14 до 24 см. Отличительной особенностью данной группы являются тонкие стенки сосудов – 0,3–0,4 см. Венчики плоские или округлой формы, на некоторых нанесены оттиски гребенчатого штампа. Один сосуд имеет волнообразный край (рис. 1 – 2).

Структура глиняной массы данной группы посуды также отличается: за редким исключением, она более плотная, в ее составе фиксируются песок и незначительное количество мелкой дресвы, реже – шамота. Поверхность большинства сосудов ровная и гладкая, заглажена при формовке с обеих сторон гладким

предметом – рукой или травой. Исключение составляют 4 сосуда, на поверхности которых фиксируются следы «гребенчатой» обработки, обычные для посуды 1 группы.

Что касается орнаментации, то для всех сосудов данной группы характерно наличие одинарного пояса глубоких ямок или «жемчужин» под венчиком. На шейках двух сосудов наблюдается их чередование. Иногда в этом пояске встречаются круглые сквозные отверстия, возможно, функционального назначения: для подвешивания или переноса емкости на шнурке. В единичных случаях сосуды, кроме как пояском из ямок, более не украшались. В целом, сосуды 2 группы декорировались также, только в верхней части. Отличительной чертой является то, что для нанесения орнамента на сосуды данной группы применялись не только гребенчатые, но и гладкие штампы (и те, и другие небольших размеров), а также так называемый «змейковидный» чекан (рис. 1 – 1, 2; 2 – 2). Орнаментальная композиция достаточно простая. Под венчиком располагался горизонтальный концентрический ряд вертикально или наклонно поставленных оттисков гребенчатых и гладких штампов. Далее следовали различные вариации узоров: монотонные горизонтальные ряды вертикально или наклонно поставленных оттисков штампа; чередующиеся горизонтальные ряды из вертикальных и горизонтальных оттисков штампов; вертикальные полосы из оттисков штампа. Следует отметить, что для сосудов, орнаментированных с помощью «змейковидного» чекана, характерна более высокая плотность узоров.

В коллекции керамики городища Согомское 13 имеются фрагменты двух небольших чашечек, стенки которых орнаментированы «змейковидным» штампом.

Кроме этого, на боковой грани одного черепка фиксируются следы «вторичного» его использования: возможно, в качестве шпателя.

Ряд наблюдений позволяет выдвинуть предположение о том, что наличие на поселении двух типов посуды было связано с их различным функциональным назначением. К примеру, нагар характерен только для сосудов 1 группы, здесь он фиксируется на внешней и внутренней поверхностях. Во второй группе он отмечен только на одном сосуде.

В целом же, комплексный анализ полученных в ходе раскопок данных позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Коллекция артефактов городища Согомское 13 находит близкие аналогии в материалах таежных памятников Западной Сибири, датируемых ранними этапами кулайской культуры. Сходство прослеживается по нескольким параметрам.

Во-первых, близость декоративно-морфологических и технологических характеристик керамических сосудов. К ним относятся: горизонтальная зональность орнамента, его разреженность, нанесение декора только на верхней трети внешней поверхности сосудов, плоские венчики и «карнизники» с внутренней стороны, профилированные формы венчиков, обработка поверхности сосудов зубчатым шпателем, наличие сосудов с поддонами.

Во-вторых, прослеживаются аналогии в наборе вещевого инвентаря, который также достаточно «традиционен» (судя по материалам раскопок в Сургутском Приобье), включая такие редкие находки, как фрагменты текстиля (нити) [Чмякин, 2008. С. 86–87].

2. Небольшие размеры городища, неразвитая система обороны, также являются для исследователей определенным хронологическим показателем в рамках раннего железного века. Остатки таких оборонительных сооружений характерны для ранних этапов, к которым можно отнести и данное городище.

В качестве отличительной особенности коллекции городища Согомское 13 можно отметить отсутствие культового литья, которое достаточно широко представлено на поселенческих комплексах раннего железного века Сургутского Приобья.

Источники и литература

Глушков И. Г. Особенности коммуникации культурно-исторического процесса в таежной зоне // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.

Кениг А. В. Территориально-административное деление и численность населения усть-иртышских хантов (в конце XVIII – XIX вв.) // УВ. Вып. № 2 (5). Ханты-Мансийск, 2011.

Морозов В. М. Отчет о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г. Екатеринбург, 1993. Архив ИА РАН. Р-1. № 17541; Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». № 4858. Д. 3.

Морозов В. М. Отчет о разведке археологических памятников у деревни Согом Ханты-Мансийского района и на оз. Нумто в Белярском районе Тюменской области. Екатеринбург, 1991. Архив ПНИАЛ УрФУ (бывш. КА УрГУ). Ф. II. Д. 494.

Чмякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.

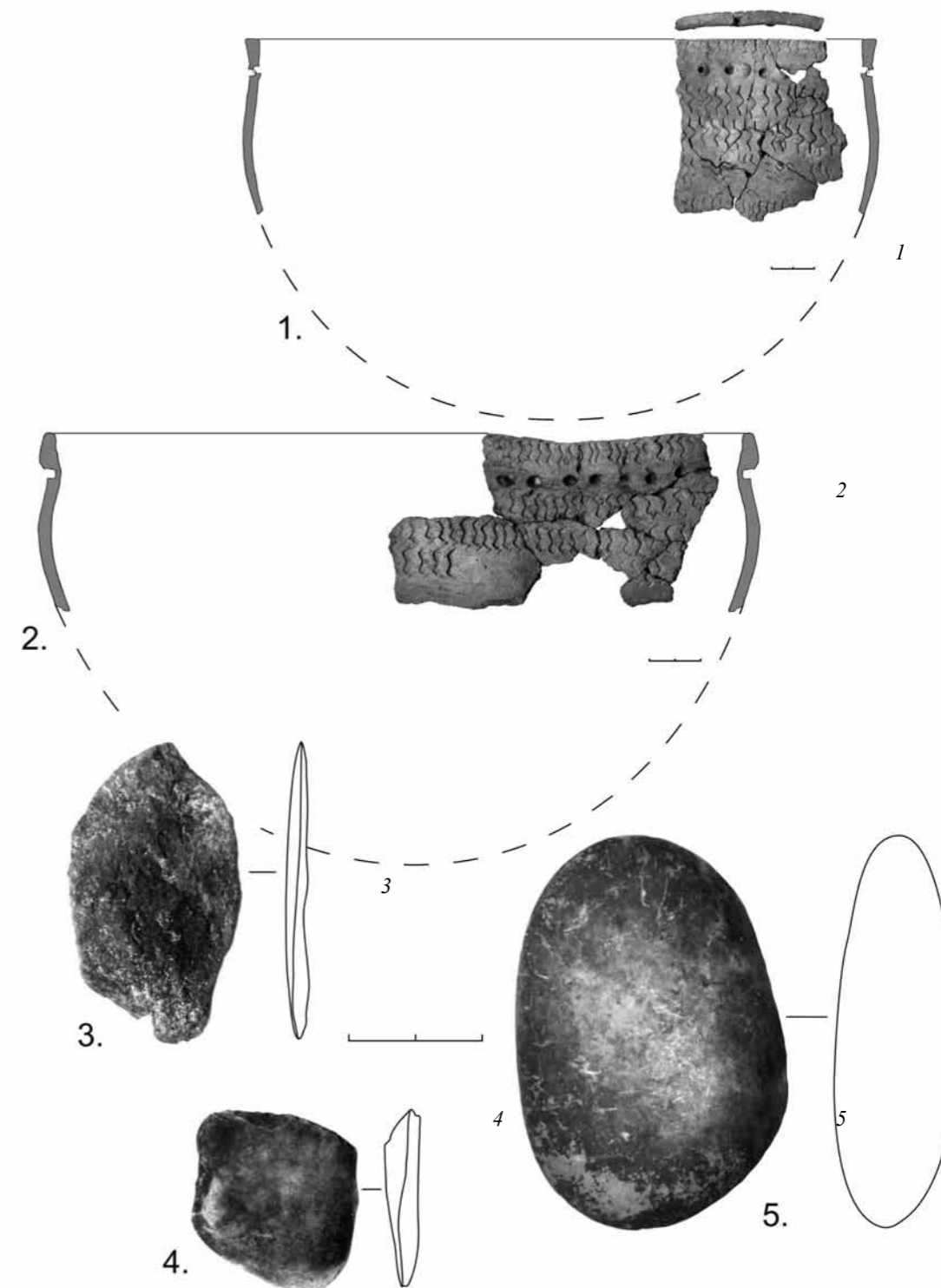

Рис. 1. Городище Согомское 13. 1–2 – реконструкция сосудов; 3–5 – изделия из камня

Ю. П. Чемякин
г. Екатеринбург
УрФУ, УрГПУ

КУЛАЙСКИЕ СВАТИЛИЩА И УСТЬ-ПОЛУЙ

В работах, посвященных кулайской проблематике, немалое место занимают исследования металлопластики, происходящей со святилищ. Однако, за редким исключением, нет характеристики самих мест, как нет и устоявшейся их терминологии. В статьях фигурируют термины: культовое (жертвенное) место, святилище, клад, жертвенный комплекс и т. д. Это характерно не только для археологии Западной Сибири [см.: *Седых, 2000. С. 16, 17*]. До сих пор почти нет публикаций, где бы были охарактеризованы культовые объекты (а не только места находок), дана их реконструкция. Этому есть объективная причина: большинство предметов были переданы в музеи случайными находчиками, оказались лишенными контекста, в котором они залегали [*Яковлев, 2001а. С. 11, 12*]. Не является исключением и Саровское культовое место, на котором сохранилась лишь одна «небольшая яма, содержащая образцы металлопластики, вооружения, куски целого и обожженного дерева, угли и засыпанная материковым песком» [*Яковлев, 2001а. С. 25–28; 2001б. С. 131*].

В этом плане выгодно отличается святилище на городище Барсов городок I/9 в Сургутском Приобье, исследование которого началось в 1973 г. Само городище, по-видимому, возникло в предшествовавшей кулайскому белоярско-васюганский период. Раскопками были вскрыты часть жилого сооружения калинkinской культуры (VI–IV вв. до н. э.) и вал. Кроме калинkinского материала, преимущественно керамики, в слое памятника найдены обломки белоярских и атлымских сосудов, что свидетельствует о заселении данного участка берега и в более раннее время. Многочисленные изделия из бронзы залегали главным образом в валу городища. В его толще, преимущественно в верхних слоях, найдено 38 предметов и два зуба лошади. Нередко они находились в небольших линзах бурой супеси, насыщенной органикой, аналогичных очажным слоям. Подобная линза размером 0,7×0,4 м зафиксирована в юго-восточном углу раскопа на валу под лесной подстилкой. Ее мощность достигала 10 см, но находок она не содержала. На этом же участке среди корней деревьев, также под лесной подстилкой, обнаружена монета 1785 г. С городищенской площадки происходят всего 3 бронзовых вещи, причем одна из них – зооморфная фигурка – найдена в очаге, который мы связываем с жилищем предшествующего святилищу времени. Тем не менее, мы допускаем, что, закапывая фигурку в кулайское время, участники обряда в этот слой попали случайно. Среди нескольких ям, выявленных в раскопе, две выделялись присутствием на дне лошадиных зубов (челюстей). В одной из них, кроме данных костей, были найдены обломки толстостенного неорнаментированного глиняного сосуда [*Чемякин, 2008. Рис. 75 – 4*]. Он необычен для кулайской культуры, но единичные толстостенные емкости, в том числе с изображениями медведей, в ней известны. Что касается других культур бронзового и раннего железного веков, материалы которых присутствуют на городище, то для них подобные сосуды не характерны.

Под валом городища, в центре линзы пестроцвета с редкими включениями угольков, на уровне древней поверхности (погребенный подзол) лежала челюсть лошади. В 45 см к ЮВ от нее и почти на 20 см выше найдена бронзовая зооморфная фигурка. В целом же следует отметить, что многие бронзовые изделия залегали неглубоко под лесной подстилкой, поодиночке или образуя небольшие скопления из 2–3 предметов. Можно выделить условные места концентрации вещей – диаметром 2–3 м, внутри которых поделки лежали на расстоянии 20–30 см друг от друга. Однако надо учитывать, что раскоп был заложен в том месте, где до нас рыбаки уже изыяли из слоя как минимум 25 предметов. Находки костей лошади нельзя однозначно соотнести с каким-либо культурным слоем, за исключением зубов из насыпи вала. Распределение бронзовых изделий в пределах раскопа свидетельствует об их принадлежности к кулайскому культовому комплексу, возникшему на площадке городища предшествующего времени.

К сожалению, после рекогносцировочных работ 1973 г. не удалось ни продолжить раскопки, ни организовать действенную охрану памятника. В 2009 г. святилище было разграблено. Большое количество металлопластики с него, появившееся в интернете на кладоискательских сайтах, оказалось депаспортировано. Навсегда утрачена редчайшая информация об этих находках. Ю. В. Ширин и Я. А. Яковлев, опубликовавшие фото некоторых из этих предметов, отмечают, что, по словам грабителя, им тоже были вырыты как отдельные металлические вещи, так и их скопления (от 10 до 26 единиц). Причем в одном случае «подавляющее большинство предметов залегали одной стопкой» [*Ширин, Яковлев, 2010. С. 34, ил. 1*].

В раскопе 1973 г. нами было обнаружено 42 предмета, относившихся к комплексу святилища. Еще 25 вещей были переданы рыбаками (рис. 1). Из грабительских раскопок происходит, предположительно, 89 бронзовых изделий. Таким образом, всего на святилище было найдено не менее 156 предметов, из которых только одно глиняное, остальные – металлические. Они представлены культовым литьем,

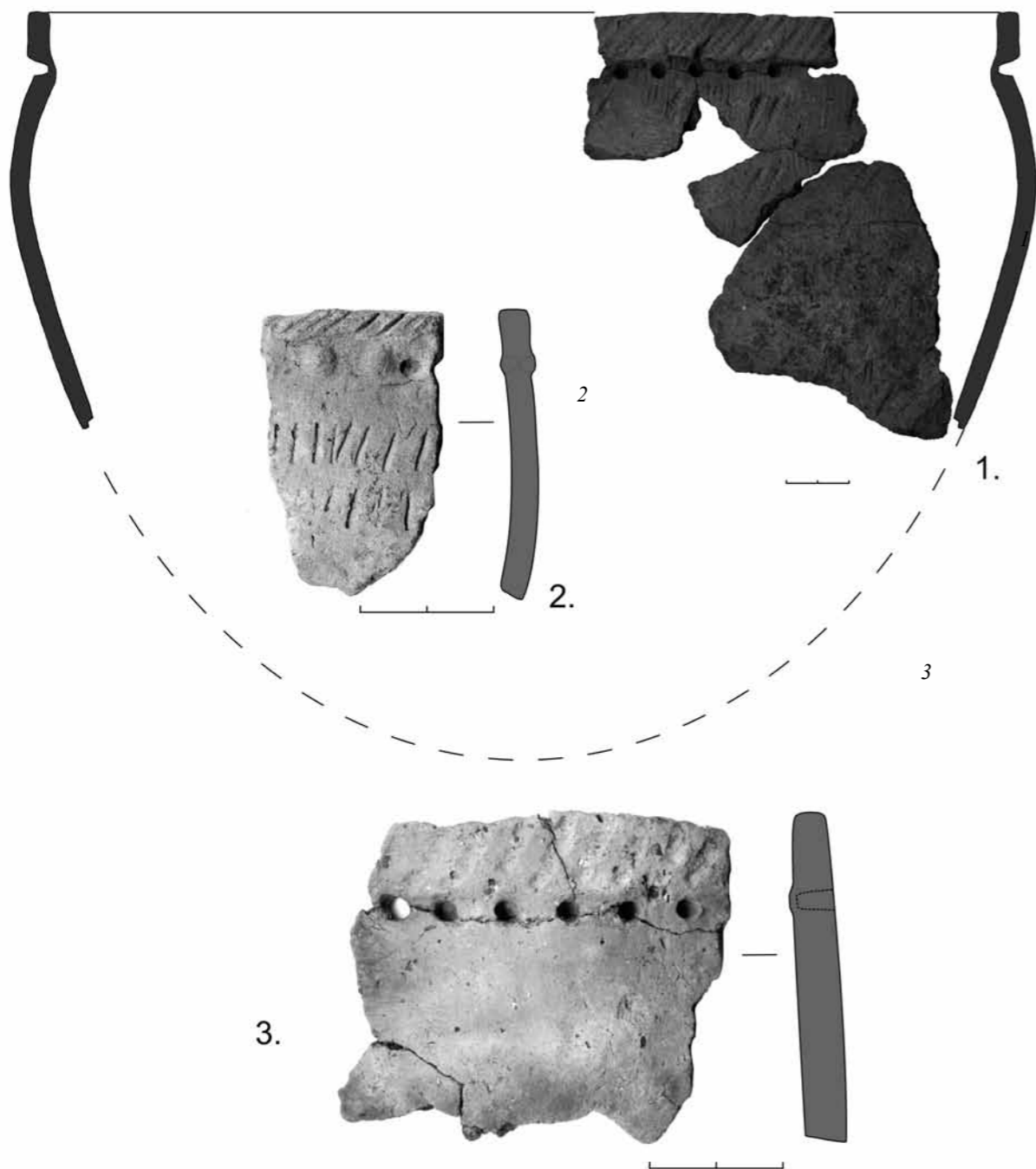

Рис. 2. Городище Согомское 13. 1 – реконструкция сосуда; 2–3 – фрагменты венчиков сосудов

эполетообразными застежками, височными подвесками, бляхами и зеркалами, в том числе с гравировками. При этом на всю коллекцию приходится, по-видимому, всего два массивных трехлопастных втульчатых наконечника стрел и железный нож с бронзовой втульчатой рукоятью, представляющие оружие. Все последние предметы добыты кладоискателями.

Оценивая весь комплекс, происходящий со святилища, надо отметить следующее. Не все вещи из грабительских раскопок оказались доступны специалистам. Часть выложенных в интернете вещей может оказаться подделкой [Шурин, Яковлев, 2010. С. 30, 31]. Кроме того, представленные на фотографиях предметы – явно разновременные. Это может говорить о длительном функционировании святилища (тогда станет проблема выделения хронологических комплексов на нем) либо о механическом смещении вещей, происходящих с разных памятников. Заметим, что комплекс, происходящий из наших раскопок и сборов рыбаков 1973 г., хронологически достаточно однороден. Наличие в коллекции монет конца XVIII – начала XIX в. вроде бы указывает на возможность функционирования святилища в новое время. Известно, что до начала XX в. на Барсовой горе (или как ее еще называют, Глухариной горе) сургутские ханты из рода Кечимовых периодически проводили свои священные обряды [Песикова, 2002. С. 75]. Тем не менее, других вещей этого времени ни в наших, ни в грабительских раскопках на интересующем нас памятнике не было найдено.

Вещевой комплекс, происходящий с городища Барсов городок I/9, по многим параметрам близок комплексам Кулайского и Саровского культовых мест Нарымского Приобья, где также практически отсутствует железное оружие, а бронзовое представлено наконечниками стрел, единичными на Саровке и не менее 30-ю – на горе Кулайке. Скучные данные об условиях находок позволяют предполагать, что и там вещи залегали неглубоко, на уровне пахоты, поодиночке или скоплениями. На Саровском культовом месте, как уже отмечалось, комплекс находился в неглубокой яме. Оба памятника датируются концом I тыс. до н. э.: V–II вв. до н. э. – Кулайское культовое место [Чиндина, 2001. С. 83], II–I вв. до н. э. – Саровское [Яковлев, 2001a. С. 256]. Заметим, что, по мнению Я. А. Яковлева, Кулайское культовое место вряд ли возникло ранее конца III в. до н. э. [2001a. С. 245, 246]. Святилище на Барсовой Горе, по нашим представлениям, действовало в период между I в. до н. э. и III в. н. э. [Чемякин, 2008. С. 84]. Известны и другие взгляды на время функционирования этих памятников. К этому же кругу древностей, вероятно, следует отнести Кривошеинское культовое место, так называемый Бакчарский «клад», а также целый ряд «случайных находок» кулайских металлических вещей.

Более поздним временем, но вряд ли позднее V (или даже IV) в., датируются памятники, именуемые в публикациях кладами, оружейными кладами, погребениями, культовыми местами, в составе которых присутствует в большом количестве железное оружие, в том числе рубящее (сабли, палаши и т. п.). Среди них следует назвать Елыкаевское, Ишимское, Парабельское культовые места, Холмогорский «клад» [Шурин, 2003. С. 114–122]. Эти культовые памятники характеризуют завершающий этап существования кулайской культурно-исторической общности и переход к раннему средневековью.

В Нижнем Приобье, за исключением городища-святилища Усть-Полуй, культовые места раннего железного века малоизвестны и почти не исследованы.

По-видимому, к таковым относится комплекс медных вещей у поселения Вуграсян-Вад. Кроме того, что он обнаружен за пределами поселения вдали от старицы реки и состоял из 92 медных поделок, найденных на участке площадью 1 кв. м со следами слабого кострища, о нем ничего не известно. Здесь же были «...найденны фрагменты раздавленного сосуда усть-полуйского типа с гребенчатым орнаментом по верхнему краю» [Старков, 1973. С. 208–209].

Большая коллекция бронзовых вещей (свыше 70) происходит с городища Няксимволь. Учитывая, что вещи отсюда собирались в течение десятилетий и хранятся в нескольких музеях [Коптилов, 1930. С. 29; Берс, 1959. № 317; Мошинская, 1965. С. 19; Панина, без года изд.; Яковлев, 2007. С. 10–25], невозможно установить не только контекст их залегания, но и то, с одного ли памятника они происходят. Сейчас городище практически полностью уничтожено [Кондрашён, 2003; Стародумов, 2012], а культурный слой вдоль берега Северной Сосьвы простирается на многие сотни метров¹.

Свыше 100 культовых отливок, немногочисленных украшений и граффити на бляхах, а также их обломках, происходящих с городища Ус-нёл на р. Ялбынь (Березовский район ХМАО), опубликованы А. В. Бауло [2011]. Они находят аналогии среди подобных изделий кулайской культуры в Нижнем и Сургутском Приобье, однако керамика из сборов на этом памятнике, представленная на фотографиях, датируется средневековьем – преимущественно зеленогорским временем [Бауло, 2011. С. 50–52].

Ранним железным веком можно датировать коллекции культовой металлопластики, собранные А. В. Бауло в поселке Хурумпауль и его окрестностях. Это 40 культовых вещей, найденных на месте мансийского

святилища *Йытыг-ойки* («Старика-филина»), а также 23 металлических предмета с возделываемых участков в пределах одной усадьбы [Бауло, 2011. С. 42–48]. На святилище все находки собраны с площади менее 1 кв. м, на глубине от 20 до 80 см от поверхности. По всей видимости, они залегали в какой-то яме. Керамики в ней не было. На огородах Хурумпауля, судя по описаниям, существовал культурный слой, в том числе раннего железного века, содержащий керамику, костяные изделия, слои рыбьей чешуи, кости водоплавающих птиц. Однако «обработка земли проводится здесь ежегодно начиная с 1949 г., вследствие чего определить какие-либо закономерности в расположении культурного слоя невозможно» [Бауло, 2011. С. 43].

Таким образом, сегодня однозначно установить связь найденных здесь металлических отливок с каким-либо типом археологических памятников нельзя. Закрывая этот беглый обзор, отметим, что в тех случаях, когда культовые (жертвенные) комплексы как-то фиксировались, в том числе в Нижнем Приобье, керамики в них практически не было.

Уникальным памятником, откуда происходит великолепная коллекция художественной пластики, включающей изделия из кости, рога, дерева, камня и металла, является Усть-Полуй. На нем собрана и богатейшая коллекция оружия, орудий труда, украшений, утвари. Металлическое оружие и украшения на городище представлены примерно 18 и 33 изделиями, а металлопластика и сланцевые модели – 28 и 20 экземплярами соответственно (без учета находок из раскопок 2012 г.). Огромная коллекция глиняной посуды резко выделяет Усть-Полуй из круга святилищ этого времени, как в Западной Сибири, так и в Приуралье, и является одним из главных поводов для дискуссий. На известных кулайских святилищах до сих пор керамика практически неизвестна (что долгое время мешало их культурной атрибуции, привязки к поселениям!). Это мы видим и на культовых местах Нижнего Приобья.

Усть-Полуй по многим характеристикам близок Саровскому городищу в Нарымском Приобье. На данном памятнике, судя по характеристике Л. А. Чиндиной, из зафиксированных на поверхности объектов, воспринятых первоначально «как остатки жилищ, ... при раскопках не все оказались таковыми. В то же время при раскопках были обнаружены сооружения, которые никак не прослеживались на поверхности» и «которые вряд ли можно рассматривать как обычные жилищно-бытовые» [Чиндина, 1978. С. 51]. Объекты, которые могли функционировать и как культовые, в отличие от Усть-Полуя, были углублены; кроме того, в них выявлены мощные очаги. На памятнике найдены единичные металлические изделия и много костяных, включая наконечники стрел, гребни, ложечку. Культурный слой содержал большое количество костей животных и скопления чешуи рыб. На городище были обнаружены одно погребение и череп человека. Недалеко от городища открыто культовое место, на котором найдено 5 бронзовых и костяных наконечников стрел, а также 64 образца художественной металлопластики – бронзового культового литья [Яковлев, 2001a. С. 17, 18].

Аналогичная усть-полуйской роговая панцирная нагрудная пластина с изображением воина обнаружена на городище Дубровинский Борок-3 в Новосибирском Приобье. На его внутренней площадке отмечено около 30 впадин. Четыре вскрытых объекта оказались жилищами, углубленными в материк на 20–50 см. В двух постройках обнаружены жертвенные комплексы: выложенные в одну линию 12 черепов зайцев и собак, захоронение и отдельный череп зайца. Среди находок на памятнике – около двух десятков наконечников стрел и гарпунов, костяные ложечки, гребни, глиняные орнаментированные пряслица, обломки литейных форм, обломок бронзовой пластины с зооморфным изображением. В жилищах найдены многочисленные костные остатки животных и рыба чешуя [Трошкая, 1979. С. 25–30].

Если допустить, что подобный Усть-Полую памятник будет исследован в зоне средней или южной тайги, то такого же интереса к нему не будет уже потому, что уникальные изделия из органических материалов – гордость Усть-Полуя – в нем, как правило, не сохраняются.

Без органики Усть-Полуй можно сравнить с такими памятниками Сургутского Приобья, как городище Барсов городок I/20, а также святилище на городище Барсов городок I/9. На Барсовом городке I/20 (исследования Н. В. Федоровой, Г. В. Бельтиковой, В. А. Борзунова) выявлены два строительных горизонта кулайского времени. Городище возникло на месте предшествовавшего калинкинскому городищу I/20a, в культурном слое найдены также обломки белоярских сосудов первой половины раннего железного века [Борзунов, 2003. С. 113; Чемякин, Зыков, 2004. С. 26–28]. На городищенской площадке кулайского времени были зафиксированы 9 впадин. Раскопаны остатки трех жилищ, в одном из которых Н. В. Федоровой был найден кожаный мешочек с массивными бронзовыми наконечниками стрел: двумя кулайского (со скрытой втулкой) и одним – усть-полуйского (с выступающей втулкой) типов (рис. 2 – 1–3). С третьим кулайским горизонтом связаны кострища с остатками металлообработки, погребение и клад. В погребении (рис. 2 – 5–9) были два глиняных сосуда, бронзовые личина, крестовидная подвеска, пластинки на остатках кожного пояса (?) [Бельтикова, 2008]. Клад из 54 предметов был уложен в небольшую округлую ямку глубиной 15 см, выкопанную «в жилище (?)», на краю его неуглубленной части, на уровне древней погребенной поверхности» [Бельтикова, 2002]. В его составе – бронзовые орнитоморфная фигурка с гравировками,

¹ Автор благодарен за эту информацию А. П. Зыкову, руководителю разведгруппы, проводившей обследование памятников на берегах р. Северной Сосьвы в 1991 г. [Стефанова, Борзунов, 2002. С. 55].

поясные эполетообразные застёжки, круглые и прямоугольные ажурные бляхи, полые зооморфные подвески, пронизки, накладки, стеклянная бусина, обломок железного кузнечного молотка (рис. 2 – 10–24). По мнению Г. В. Бельтиковой, клад мог представлять собой «шаманский» костюм. Рядом с западным бастионом, на месте одного из входов в кулайскую крепость, в слое верхнего подзола, лицом вниз лежала бронзовая антропо-зоо-орнитоморфная фигурка, покрытая гравировками, практически идентичная найденной в кулайском Барсовском III могильнике (рис. 2 – 4) [ср.: Борзунов, Зыков, 2003. Рис. 5 – 3; Борзунов, Чемякин, 2006. Рис. 15 – 16, 16 – 15]. Наконец, на дне кулайского рва был обнаружен средневековый культовый комплекс VIII–IX вв. Это была кукла-иттарма, захороненная в неглубокой прямоугольной могиле с деревянной рамой. Сама кукла была сконструирована из прутиков, мха-сфагнума, кусочков материи и меха оленя, сшита нитками и украшена серебряной фольгой. К «голове» куклы была пришта прекрасно сохранившаяся деревянная личина воина с бронзовым кольцом и двумя миниатюрными бронзовыми орнитоморфными подвесками на веревочках, привязанных к шлему воина [Борзунов, 2003].

На Барсовой Горе известны кулайские наземные жилища, входившие в одни поселки наряду со слегка углубленными постройками [Чемякин, 2008. С. 79–81]. Специфика образования культурного слоя в регионе позволяет фиксировать наземные объекты, соорудившиеся на уровне древней поверхности. Однако в этих подзолистых и песчаных слоях практически не сохраняется древняя органика, в том числе «сырая» кость и дерево.

Беглый обзор кулайских памятников сакрального характера и поселений с культовыми объектами показывает, что сегодня однозначной трактовки городища-святилища Усть-Полуй не может быть. Актуальнейшими задачами в его изучении, на наш взгляд, являются:

- выявление стратиграфии на памятнике, хронологическая неоднородность коллекции которого сейчас уже никем не оспаривается;
- вычленение культовых, жилых, производственных и иных комплексов;
- изучение возможных остатков оборонительных систем;
- типология глиняной посуды, выделение отдельных культурно-хронологических керамических комплексов;
- изучение их планиграфической привязки;
- датировка ранних слоев памятника методами естественных наук.

Лишь после объективного анализа всего комплекса собранных источников следует представить действительно аргументированное обоснование типологии данного памятника.

Литература

- Бауло А. В. Древняя бронза из этнографических коллекций и случайных сборов. Новосибирск, 2011.
- Бельтикова Г. В. Кулайский клад с Барсовой горы // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2002.
- Бельтикова Г. В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок I/20 // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008.
- Берс Е. М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск, 1959.
- Борзунов В. А. Средневековый культовый комплекс городища Барсов городок I/20 // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
- Борзунов В. А., Зыков А. П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
- Кондрашён А. Н. Обследование состояния городища Няксимволь I в Березовском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск, 2003.
- Копотылов М. Няксимвольское городище // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. № 1. Тобольск, 1930.
- Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири / САИ. Вып. ДЗ-8. М., 1965.
- Панина С. Н. Древние сокровища Няксимволя (из коллекции Североуральского краеведческого музея): Буклет. Екатеринбург, б/г. изд.
- Песикова А. С. Глухарина гора – Барсова гора // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002.
- Седых В. Н. Святилища, кумиры, храмы... // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2000.

Старков В. Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Стародумов Д. О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь I // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.

Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург, 2002.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.

Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск, 2004.

Чиндина Л. А. Саровское городище (Колпашевский район Томской области) // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978.

Чиндина Л. А. Кулайское культовое место (святилище), раннего железного века эпоха // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Мат-лы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Ширин Ю. В., Яковлев Я. А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.

Яковлев Я. А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001а.

Яковлев Я. А. Саровское городище. Саровское культовое место, раннего железа эпоха // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001б.

Яковлев Я. А. Художественная металлопластика железного века Западной Сибири и Урала (из фондов Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске): Каталог. Ханты-Мансийск, 2007.

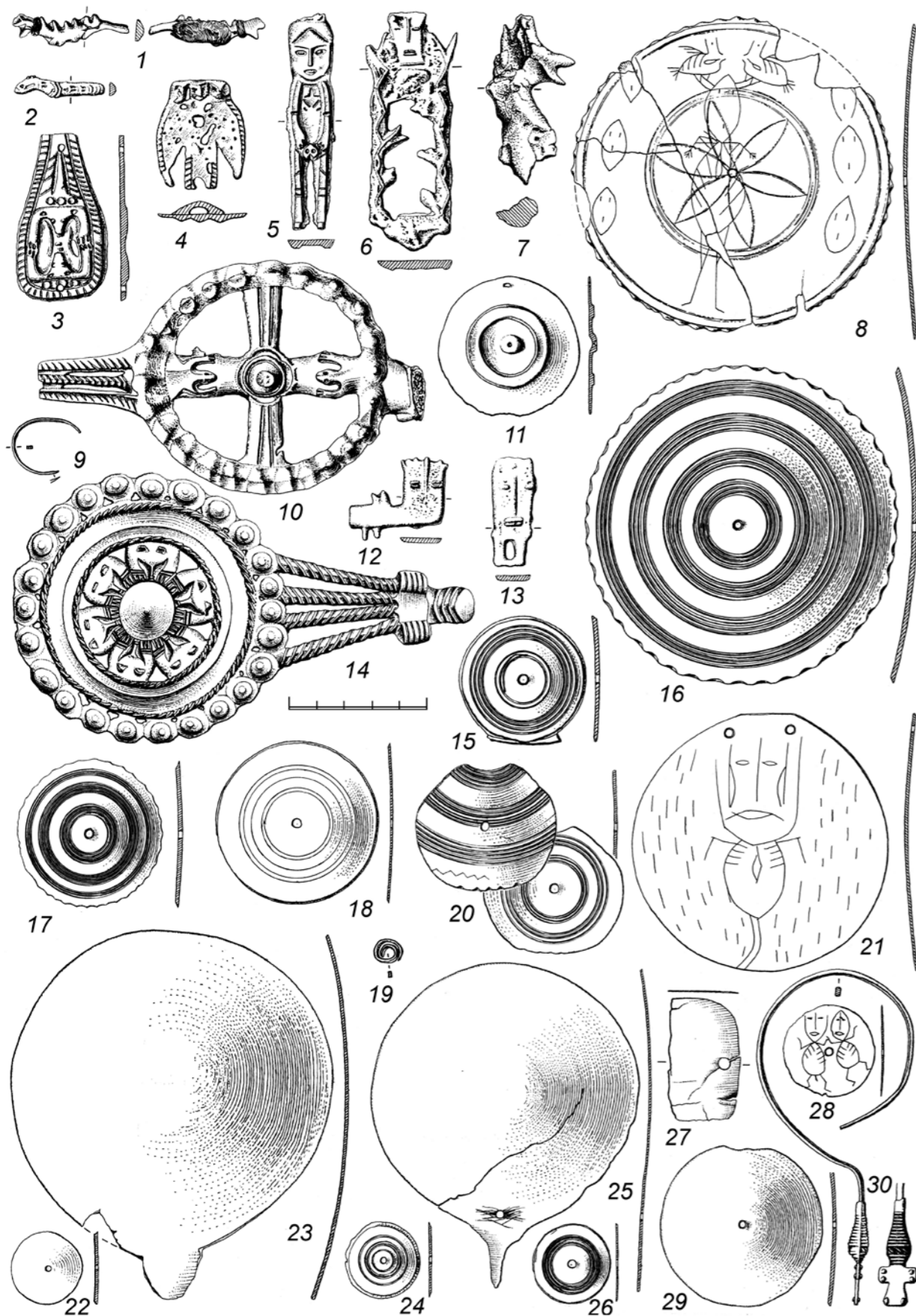

Рис. 1. Святилище на городище Барсов городок I/9. Вещи из раскопок и находки рыбаков (1973 г.):
1 – бронза, нить; 7 – глина; 2–6, 8–30 – бронза

Рис. 2. Городище Барсов городок I/20. Вещи из раскопок: 1–3 – жилище 1; 4 – место западного входа на городище;
9 – погребение; 10–24 – клад. 1–8, 10–18, 20, 22–24 – бронза; 9 – глина; 19 – стекло; 21 – железо

А. П. Бородавский
г. Новосибирск
ИАЭТ СО РАН

РАСКРОЙ РОГА СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ УСТЬ-ПОЛУЯ

Репрезентативный комплекс роговых предметов Усть-Полуя, полученный в ходе недавних исследований Н. В. Федоровой, позволяет в полной мере представить разделку рога северного оленя. Этот вид косторезного сырья широко представлен на территории Западной Сибири, как на юге, так и на севере. Однако, максимальная концентрация изделий из такого материала характерна только для Нижнего Приобья. На этой территории вплоть до настоящего времени представлен значительный потенциал такого косторезного сырья как рог северного оленя. Этот материал – как косторезное сырье – отличается целым рядом естественных особенностей.

Во-первых, рог северного оленя, в отличие от рогов других цельнорогих (оленей, лосей) является достаточно массовым материалом для косторезного производства. Рост рогов у самцов и самок северных оленей начинается уже в первый год жизни. У оленят отрастают небольшие без отростков рога. К октябрю они достигают 20–25 см длины и сохраняются до апреля – мая будущего года. У взрослых самцов рога начинают расти в апреле. Наиболее интенсивный рост идет в июне. Формирование и затвердевание рога заканчивается в конце июля – начале августа. От кожи рога у самцов освобождаются в первой половине сентября. У самок развитие рогов несколько запаздывает. У них рога очищаются от кожи только в конце сентября – октябре. Соответственно, самки расстаются с рогами позже, чем самцы. Они сбрасывают их после отёла: в конце мая – июле, в следующем году, самцы же теряют рога в октябре – декабре предшествующего года [Северцов, 1951. С. 58, 59; Собанский, 1988. С. 134; 1992. С. 173–176; Кучин, 1991. С. 29; Юдин, 1993. С. 61–63; Русская охота..., 2002. С. 256]. Таким образом, исходя из возрастных, гендерных и сезонных особенностей роста рогов северного оленя можно говорить об очень значительных ресурсах этого косторезного сырья и его доступности. Эти факторы не позволяют в полной мере распространять на рог северного оленя представления об «элитарности» такого материала для косторезного производства [MakGregor, 1985; Флерова, 2001. С. 140; Бородавский, 2008. С. 15]. Более того, очевидная избыточность такого сырья в Нижнем Приобье и практика использования в пищу растущих рогов северного оленя в этнографическое время также позволяют придти к такому выводу. В дополнение к этому следует подчеркнуть, что вплоть до настоящего времени рог северного оленя не имеет существенного медицинского значения, как это характерно для рога марала. Исключением, пожалуй, могут быть единичные изделия из рога северного оленя на южной периферии распространения этого вида, включая Барабинскую лесостепь, где такой материал был достаточно редким.

Во-вторых, по своему строению и структуре рог северного оленя существенно отличается далеко не в лучшую сторону – как материал для косторезного производства – от рога оленей и лосей. Особенности рогов самок северных оленей являются небольшие размеры и легкость. Кроме того, у самок развитие рогов несколько запаздывает. Рога у них очищаются от кожи только в конце сентября – октябре. Поэтому, даже, несмотря на более поздние сроки сбрасывания рога, этот материал не отличается очень высоким качеством. Тогда как у взрослых самцов северных оленей форма рогов характеризуется большей массивностью и разнообразием. Встречаются узко расставленные рога, широко разветвленные рога, не ветвящиеся рога, асимметричные рога с отростками внутрь, симметричные рога с отростками, направленными вперед, и дихотомически ветвящиеся стержни рогов. Рог северного оленя уплощенный, эллипсоидный в сечении, а более тонкие отростки могут иметь значительную длину и изогнутость. Для рога северного оленя в качестве отличительной особенности следует упомянуть лопатообразные образования на окончании отростков и отсутствие роговой спицы. При этом, несмотря на более раннее достижение спелости рога у самцов, которое происходит к осени, их роговое сырье явно представляет большую косторезную ценность, чем у самок. Тем не менее, компактный слой рога северного оленя почти в два раза меньше чем у оленей и лосей. Губчатое вещество марального рога отличается достаточно крупной ячейкой. Этот слой рога очень рыхлый. Особенно значительные пустоты характерны для центральных участков ветви рога, наиболее удаленных от разветвлений. Однако у рога северного оленя губчатая структура более плотная, а ячейка мельче, чем у марала. Эти качества сближают строение рога северного оленя с аналогичными структурами рога лося, как одного из самых ценных косторезных материалов.

В-третьих, судя по сохранившимся розеткам сброшенных рогов со следами раскроя из Усть-Полуя, наряду с наличием в этом комплексе отрубленных рогов северного оленя, заготовка такого сырья велась самыми различными способами, включая собирательство. Для других разновидностей рогов (оленя, лося) в этом, казалось бы, нет ничего особенного. Однако, для северных оленей, особенно учитывая их

одомашнивание в конце раннего железного века, такая черта, возможно, будет связана с общей динамикой «приручения» этого животного.

В свою очередь, значительные размеры рогов северного оленя обуславливают сложную схему раскроя. Основными частями его являются хорошо развитая розетка, ветвь, разветвления и отростки. Система разделки рога северного оленя, реконструированная по материалам Усть-Полуя, включала не только отсечение упомянутых частей, но и вторичную разделку. Последняя представляла собой деление отростков на верхнюю, среднюю и нижнюю части, а ветвей – на отдельные участки, половинки и несколько пластин. Разветвления чаще всего использовались целиком, иногда из них изготавливали различные пластины. Сравнение последовательности разделки рога северного оленя с аналогичным материалом марала и лося позволяет отметить, как сходные черты, так и существенные различия. Они в большей степени обусловлены естественной морфологией рога северного оленя. Его достаточно разветвленное строение, сочетающееся преимущественно с небольшой толщиной не позволяет получать роговых заготовок больших размеров. Поэтому, достаточно часто в сравнении с рогами лося и марала, разделка рога северного оленя была частичной. Следствием этого становились крупные фрагменты рога, которые в дальнейшем не подвергались разделке. Отсутствие спицы у рогов северного оленя и марала предопределяло основные усилия по разделке роговых ветвей такого косторезного сырья. Причем, значительно меньшие габариты этого участка рога северного оленя в сравнении с маралом, порой не требовали дальнейшей разделки на пластины. Поэтому чаще всего роговая ветвь северного оленя после разделки на отдельные фрагменты использовалась целиком. Существенные отличия, обусловленные морфологией, отмечаются при разделке роговых отростков северного оленя. Тонкое и длинное их строение значительно сужало возможности использования отростков северного оленя в качестве особой заготовки. Такие характеристики отличали отростки северного оленя от аналогичных частей марального рога. Они являлись, пожалуй, самой распространенной роговой заготовкой эпохи раннего железа на юге Западной Сибири [Бородавский, 2007. С. 96, рис. 74]. Тем не менее, незначительная толщина роговых отростков северного оленя позволяла получать из них специфические одинарные роговые пластины Усть-Полуя, практически не представленные на более южных территориях Западной Сибири. В качестве определенного архаичного элемента, характерного для разделки рога северного оленя по материалам Усть-Полуя можно отметить отсечение роговых закраин. Этот прием был распространен на юге Западной Сибири вплоть до периода поздней бронзы. Кроме этого, следует обратить внимание на отсутствие среди частей разделки рога северного оленя в Усть-Полуе роговых розеток и изделий из них. Следует подчеркнуть, что именно эта часть рога марала или лося являлась, по мнению Д. Г. Савинова основой специфических изделий (поясных пряжек) для лесостепной зоны Западной Сибири в эпоху средневековья. Однако первые факты использования этой части разделки рога известны на территории Южной Сибири на рубеже позднескифского и хуннского времени [Бородавский, 2008. С. 15, рис. 4].

В каждую историческую эпоху разделка рога отражала основные изменения и культурно-хозяйственные приоритеты [Бородавский, 2004. С. 77, 78]. В полной мере это проявилось в изготовлении предметов, связанных с наиболее важной деятельностью своего времени. В раннем железном веке значительная часть престижных и художественных предметов (детали оружия, конской упряжи, поясной гарнитуры) изготавливалась уже преимущественно из рога. Для предметного комплекса Усть-Полуя разделка рога северного оленя наиболее последовательно представлена для изделий оленьей и собачьей упряжи, вооружения (панцирные пластины) и ритуальной практики (ложечки). Однако существовали и определенные региональные отличия. Так, для изготовления оленьей узды, в отличие от конской упряжи скифского времени, не использовались роговые отростки. Такую особенность можно объяснить двумя причинами: 1) различными принципами действия оленьей и конской узды, когда не требовались стержневые псалии из-за отсутствия металлических удил; 2) существенным различием качества и размеров роговых отростков у марала и северного оленя. Для оленьей узды этнографического времени в Западной Сибири характерно максимальное использование различных заготовок (закраин, пластин из ствола и роговых разветвлений), полученных при разделке рога северного оленя. Тогда как для Усть-Полуя можно говорить пока лишь об отдельных элементах этой системы раскроя, что явно связано с начальным процессом формирования оленьей упряжи. Кроме того, несмотря на значительное развитие «милитаризма» и социальной стратификации в культуре раннего железного века для Усть-Полуя не нашло широкого отражения в разделке рога для деталей поясной гарнитуры, что было характерно для юга Западной Сибири [Бородавский, 2001. С. 22–24].

Любая технология – это не только определенный способ и процесс обработки, а также совокупность знаний об особенностях природных свойств материалов. Именно поэтому, среди резных изделий Усть-Полуя, так же как и в скифо-сибирской художественной традиции [Бородавский, 2007. С. 53, рис. 28], сформировалась наиболее сложная система изображения рога. Она отражает: 1) рост рога; 2) детализацию его структуры; 3) региональное своеобразие рогового сырья; 4) видовые особенности рогового сырья и его сочетания.

Особенно детально в резных роговых изделиях Усть-Полуя представлены этапы роста рога северного оленя. Кроме безрогой стадии (причем без учета гендерного фактора) в изображениях нашло отражение

начало формирования роговых ветвей и разветвленных отростков. Однако по материалам Усть-Полуя открытым пока остается вопрос о формировании изображения рогов северного оленя, как особого декоративного элемента, широко представленного в традиционной культуре народов Севера Сибири для этнографического времени. В гунно-сарматское время для более южных территорий, по мнению целого ряда исследователей (С. И. Ванштейн, С. И. Руденко, И. П. Засецкая) существуют достаточно точные соответствия между этнографическими материалами и археологическими образцами [Засецкая, 2011. С. 210–213]. На наш взгляд для Усть-Полуя такое сходство еще предстоит установить в ходе скрупулезного анализа и сопоставления археологических и этнографических данных. В целом проблема идентификации рога северного оленя как декоративного элемента является для периода раннего железа достаточно острой. Интерпретация М. П. Грязновым, С. И. Руденко, С. В. Киселевым и Л. Л. Барковой ветвистых рогов на пазырыкских конских масках и отдельных изображениях как «имитации рога северного оленя» связана не только с «оленеводецкой» парадигмой [Черемисин, 2005. С. 133]. Убедиться в этом можно, исходя из сравнения сходных аргументов упомянутых выше авторов и Д. В. Черемисина. В обоих случаях в качестве критерия сходства или различия приводится расположение роговых отростков относительно ветви рога северного оленя. В первом случае «отростки рогов, как у марала, направлены вперед от основного стержня, но на концах своих они разветвляются, как это характерно для северного оленя». Во втором случае, «можно увидеть соответствия», характерные для «особенностей» строения рогов «благородного оленя – двух направленным вперед первых отростков». Приводя описание формы рогов маски коня № 10 из Первого Пазырыкского кургана, Д. В. Черемисин видит большую близость к особенностям строения рогов благородного оленя. «По манере размещения рог на голове пазырыкского коня совершенно не соответствует рогу северного оленя, основной ствол которого сначала отклоняется назад, затем вперед, а нижние отростки уплощены» [Там же. С. 133].

На наш взгляд, в отношении рогатой маски из Первого Пазырыкского кургана вообще неуместны «точные» варианты видовой идентификации рога марала и северного оленя. Эта декоративная деталь отличается подчеркнутой стилизацией, как еще одна разновидность изображения ветвистых цельных рогов, наряду с «документализмом» художественного воспроизведения. Начнем с того, что на пазырыкской конской маске ветвь рогов изображена неестественно. Она выгнута наружу, а не изогнута, как это характерно для строения ветвистого рога оленей. Кроме того, следует подчеркнуть, что главное отличие рогов марала от северного оленя заключается как раз в степени изогнутости роговой ветви. Она у северного оленя значительно больше чем у марала. Следующее отличие рогов этих животных заключается в степени их ветвистости. Это качество для рога северного оленя представлено выразительно в сравнении с рогами марала. Дальнейшее обсуждение «естественного» соответствия расположения роговых отростков некорректно, поскольку их изображение тоже достаточно стилизовано. На это качество обратила внимание еще Л. Л. Баркова, подчеркнув, что «ни у одного реального вида оленей такой формы отростков... не бывает». Пожалуй, такую характеристику следует распространить на всю конскую маску с рогами из Первого Пазырыкского кургана. «Нереальные» особенности строения рогов характерны и для других рогатых изображений пазырыкской культуры, связанных с конским убором. В частности, у резных грифонов из кургана № 36 Берельского некрополя направление «лосиных» рогов противоположно их естественному расположению.

Таким образом, для корректной видовой идентификации ветвистых рогов на изображениях необходимо наличие соответствия не одному (строение роговых отростков), а целому ряду признаков, включающих общую конфигурацию рогов. Это в полной мере характерно для изображений рогов северного оленя на резных изделиях Усть-Полуя. В рамках художественной манеры воспроизведения этого рогового сырья, основным его признаком являются сильно разветвленные роговые отростки при сильном искажении удлиненного строения и ветвистости рога северного оленя.

В скифское время в Южной Сибири и на сопредельных территориях сформировалось несколько центров художественного косторезного производства – Тувинский, Минусинский, Алтайский, Верхнеобской, Обь-Иртышский [Бородовский, 1999. С. 23–26; 2007. С. 136–148]. Признаками косторезных центров являются: особенности использования различных видов природных материалов; специфика раскря сырьем и типов косторезных заготовок; своеобразие техники художественной резьбы; влияние обработки других материалов на художественную резьбу; своеобразие орнаментальной отделки изделий; особенности художественных образов и композиций; тонирование, прокраска или инкрустация резных изделий. В зависимости от местных естественных ресурсов у этих центров несколько различается сырьевая база.

Приоритет одного из видов рогового сырья (северного оленя), своеобразие его разделки и особенности исполнения резных изделий по материалам Усть-Полуя позволяют в полной мере рассматривать его как один из центров косторезного производства раннего железного века на территории Западной Сибири.

Наряду с этим подчеркнем, что определение значения косторезного предметного комплекса Усть-Полуя, данное В. И. Равдоникасом более семидесяти лет назад [Усть-Полуй..., 2003. С. 6] не потеряло актуальности до настоящего времени. Близкие аналогии косторезного предметного комплекса Усть-Полуя

среди изделий Приуралья [Шаталов, 2006. С. 3], юга Западной Сибири [Троицкая, 1979. С. 62], Центральной Азии и других территорий [Мошинская, 1983. С. 157, 159, 160] ставят целый ряд интересных проблем, требующих решения. Это демонстрирует значимость выразительных комплексов древних косторезных изделий для обсуждения целого круга вопросов, связанных с адаптацией, культурно-хозяйственной специализацией, формированием «новых» транспортных средств (оленьей и собачей упряжки), предназначением места, где были обнаружены предметы (поселение или культовый комплекс), датированием изделий из кости и рога. В рамках этих исследований далеко не самое последнее место занимают вопросы определения специфики самой ранней стадии косторезного производства – раскря сырья. Следует подчеркнуть, что в таком контексте Усть-Полуй входит в круг эталонных комплексов Евразии, на которых достаточно детально для определенного периода представлена разделка рога северного оленя [Ambrosiani, 1981. P. 104–107].

С исторической точки зрения, Усть-Полуй как один из пунктов Нижнеобского косторезного центра финального этапа раннего железного века, существовал в период начала исчезновения целого ряда таких центров на юге Западной Сибири, вследствие масштабных историко-культурных процессов, связанных с хуннским временем и преддверием эпохи Великого переселения народов.

Литература

- Бородовский А. П. Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
- Бородовский А. П. Археологические параллели поясной гарнитуры угро-самодийских народов Приобья // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001.
- Бородовский А. П. Упряжь и раскря рога в Западной Сибири (по материалам археологии и этнографии) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004.
- Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск, 2007.
- Бородовский А. П. Методика исследования древнего косторезного производства. Новосибирск, 2008.
- Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб., 2011.
- Кучин А. П. Редкие животные Алтая. Новосибирск, 1991.
- Русская охота. Энциклопедия. М., 2002.
- Северцов С. А. Эволюция рогов некоторых парнокопытных как турнирного оружия в боях за самку // Проблемы экологии животных. Т. 1. М., 1951.
- Собанский Г. Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск, 1988.
- Собанский Г. Г. Копытные Горного Алтая. Новосибирск, 1992.
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
- Усть-Полуй I в. до н. э. Каталог выставки. Салехард; СПб., 2003.
- Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века. СПб., 2001.
- Черемисин Д. В. О семантике маскированных рогатых лошадей из пазырыкских курганов // АЭАЕ. № 2 (22). Новосибирск, 2005.
- Юдин А. М. Панты и антлеры: Рога как лекарственное сырье. Новосибирск, 1993.
- Шаталов В. А. Костяные изделия населения Вятского края в ананьскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Ambrosiani K. Viking Age Comb, Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe / Stockholm Studies in Archaeology. 2. Stockholm, 1981.
- MakGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Material Since Roman Period. London; Sidney, 1985.

В. Ю. Могрицкая, С. В. Питухин
г. Салехард
ЯНО МВК им. И. С. Шемановского

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ДРЕВНЕГО СВАТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ И ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ

Находки берестяных изделий на археологических памятниках исключительно редки, особенно изделий с орнаментом. Между тем, подобные предметы представляют собой уникальный источник для изучения изобразительной традиции Нижнего Приобья. В этой связи, наиболее перспективны исследования памятников археологии, находящихся на Крайнем Севере Евразии, в культурном слое которых, благодаря вечной мерзлоте, органика сохраняется в течение тысячелетий.

В этом контексте чрезвычайно удачным можно назвать обнаружение на памятнике федерального значения «Древнее святилище Усть-Полуй», расположенном в черте г. Салехарда (столица ЯНАО), на широте Северного Полярного круга, глубокого рва, ограничивающего площадку святилища с СВ и заполненного промерзшей органикой. Святилище датируется ранним железным веком и охватывает период с I в. до н. э. по I в. н.э. Этот памятник можно назвать уникальным, так как ритуальных мест такого масштаба и столь полно исследованных раскопками, до сих пор не известно. Культурный слой святилища отличается высокой насыщенностью предметами из различных материалов, в том числе органических.

Первые находки изделий из бересты, включая орнаментированные, были обнаружены здесь в ходе разведочных работ С. Г. Пархимовича в 1990 г. Тогда были найдены целая берестяная коробочка и 42 фрагмента берестяных предметов, из которых 5 орнаментированы [Пархимович, 1990. С. 4]. Следующими находками стали предметы из раскопок 1993–1995 гг., проведенных под руководством Н. В. Федоровой. Это 9 предметов, из которых были орнаментированы всего 3 [Алексащенко, 2003. С. 32]. Основная масса усть-полуйских берестяных изделий была обнаружена в 2010 г, когда памятник исследовался Ямальской археологической экспедицией под руководством А. В. Гусева. Число находок из бересты превысило 100 единиц, из которых 37 предметов имели орнаментацию [Могрицкая, 2011. С. 363].

В представленном докладе вводятся в научный оборот новые материалы из раскопок 2011–2012 гг., а именно: 5 орнаментированных коробочек, обнаруженных в 2011 г., 1 коробочка и 4 фрагмента с орнаментом, которые представляют собой прорезные фрагменты, ленточной формы, возможно, аппликации, обнаруженные в 2012 г. (рис. 2 – б). Из коллекции 2011 г. иллюстративно представлены только 4 коробочки из бересты, так как пятая подобна одной из них (рис. 1 – б). Кроме того, приводится описание процесса реставрации и консервации берестяных изделий.

Как уже говорилось, главным фактором сохранности бересты явилось залегание артефактов в условиях вечной мерзлоты во рву. Его глубина от современной поверхности достигала 2,5 м, от древней – 1,9 м [Гусев, Федорова, 2012. С. 23]. Это сооружение было стационарно исследовано в 2010 г., но часть его, очевидно, была вскрыта еще в 1995 г. Раскопы 2010–2012 гг. были заложены с учетом направления рва, но тенденция уменьшения количества предметов из органики очевидна. В результате анализа распространения артефактов, было установлено, что берестяные коробочки залегали только во рву [Там же. С. 24].

Все орнаментированные берестяные предметы из новых поступлений вписываются в типологию, созданную на основе классификации находок 2010 г. [Могрицкая, 2011. С. 363].

Особого внимания заслуживают две орнаментированные коробочки и большая орнаментированная крышка подпрямоугольной со скругленными концами формы. Первая относится к 1 типу коробочек самого простого кроя, изготовленных из прямоугольного листа. Это пока первый и единственный предмет этого типа с орнаментом (рис. 1 – в). Кроме этого, это единственное изделие, на котором орнамент расположен на внутренней стороне дна. Сам узор представляет собой меандр со строгим ритмом построения: в виде сетки квадратов, каждый из которых делится на 9 секторов. Подобные коробочки обычно выполнены достаточно грубо и являются хозяйственными куженьками, вследствие чего не орнаментируются. Вторая коробочка относится к типу 2: она имеет расширенное устье и прошита по краю. Коробочки такого типа часто орнаментированы и имеют сложный крой из фигурного листа. Необычным представляется сам орнамент на изделии. Со всех четырех сторон зафиксирован рисунок в виде двух трапеций с изображениями птицы и пушного зверя, оконтуренных зигзагами и меандридным декором. Последний не имеет определенной ритмики, и на каждой стороне коробочки он выполнен по-разному. Вся композиция окаймлена четырьмя параллельными полосами. В центре ее размещен широкий вертикальный пояс, состоящий из трех декорированных полос.

На центральной полосе изображен вертикальный меандр; с двух сторон от него расположены вертикальные зоны, каждая из которых заполнена пояском уточек, плывущих влево. Меандр и уточки разделены вертикальными линиями, сгруппированными по две и три (рис. 2 – а). В 2010 г. была обнаружена крышка цилиндрического берестяного сосуда, орнаментированная рисунком пушного зверя, окруженного орнаментом, близким вышеописанному. Кроме этого, в том же году была найдена миниатюрная коробочка с аналогичными фигурками птиц. На большой крышке изображена замкнутая композиция, состоящая из основного поля и канта. Элементы плотного меандричного орнамента, заполняющего основное поле, сходны с узорами на единственной в своем роде коробке типа 3 (из раскопок 2010 г.). Сама крышка была изготовлена из трех сшитых вместе частей, образующих открытую форму с расширенным овальным устьем. Эти элементы напоминают сильно стилизованные изображения птиц (рис. 1 – а).

В ближайшие годы планируется вскрытие более глубоких участков рва святилища Усть-Полуй. В связи с этим можно ожидать пополнения коллекции орнаментированных берестяных сосудов раннего железного века.

Говоря об уже найденных предметах, необходимо отметить высочайшее качество их исполнения, особенно орнамента. Декор на них выполнен с высокой точностью и строгостью, даже на миниатюрных изделиях.

Особенно интересным является также то, что большинство коробочек были намеренно разорваны на несколько частей. Этот факт позволяет предположить, что древние обитатели края, приходя на свое святилище, расставались с самыми лучшими предметами своего обихода, либо изготавливали их специально для уничтожения в ходе священнодействия.

Древнее святилище Усть-Полуй зарекомендовало себя как памятник мирового значения уже в момент своего обнаружения – в 1932 г. По прошествии многих лет обследований и стационарных раскопок, из года в год, этот статус находил себе новые подтверждения. На сегодняшний день можно, без сомнения, говорить об «усть-полуйском искусстве», образ которого четко сложился у исследователей памятника [Федорова, 2008. С. 48]. Нужно ли говорить, что орнаментация по бересте заняла в нем ведущее место.

Естественным образом возникает вопрос о преемственности орнамента на бересте с рубежа эр до наших дней. Сравнивая усть-полуйские мотивы с позднесредневековыми, можно отметить больше различий, чем сходства. Например, самым ярким отличием является появление в первой половине II тыс. н. э. крупных стилизованных изображений фауны, являющихся центром композиции [Федорова, 2009. С. 16]. Этот мотив получил наибольшее развитие во второй половине II тыс. н. э. и ярко представлен в берестяной орнаментации таких памятников как Обдорский (Полуйский), Надымский и Войкарский городки [Визгалов, Кардаш, 2005. С. 11; Кардаш, 2009. С. 242–245; Федорова, 2009. С. 16]. В то время как в усть-полуйских орнаментах изображения птиц и животных приближены к реальным и изображаются мелко, а заполнением замкнутых композиций служит сеточный орнамент. К бесспорному сходству можно отнести меандричные ленточные орнаменты, которые сохранились практически без изменений до наших дней [Сязи, 2005. С. 70].

Одним из шагов к изучению преемственности орнаментальной традиции народов Нижнего Приобья стало создание мини-выставки «Берестяные орнаменты» на базе коллекций Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского, на которой представлены предметы из всех вышеперечисленных памятников. Кроме этого, активно ведется работа по реставрации изделий из бересты, как собственными силами, так и с привлечением специалистов реставрационной мастерской Свердловского областного краеведческого музея (г. Екатеринбург).

Работникам реставрационной мастерской музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского впервые пришлось самим взяться за сохранение усть-полуйской бересты в 2010 г. К этому времени данная категория предметов в составе усть-полуйской коллекции стала достаточно массовой. Передавать эти артефакты в другие реставрационные центры не было ни времени, ни возможности. Кроме того, близость Усть-Полуя к музею позволяла оперативно доставлять «свежий» археологический материал в его реставрационную мастерскую для проведения комплекса необходимых мероприятий в стационарных условиях.

За основу метода консервации и реставрации археологической бересты был взят опыт работ с берестяными грамотами известного реставратора Новгородского государственного объединенного музея-заповедника В. И. Поветкина.

Работа по реставрации и консервации найденных берестяных предметов проходила в несколько этапов: подготовительный, пластификация и консервация, распрямление и реконструкция. Представим их краткое описание.

На подготовительном этапе доставленный из археологических раскопок материал с остатками грунта сортировался и раскладывался в мастерской на столе с керамической или металлической поверхностью. Находки в этот момент представляли собой множество небольших обрывков, обрезков и отдельных фрагментов. Лишь небольшая часть артефактов сохранилась в виде смятых и частично поврежденных изделий. После этого проводилась детальная фотофиксация найденных в раскопе предметов. При этом особое внимание уделялось элементам крепежа из травы, способам соединения (прошивки) деталей, вязки узлов и имеющемуся декору.

Пластификация. С помощью округлых деревянных лопаточек и кисточек средней жесткости с бересты аккуратно удалялся влажный грунт. С особой осторожностью проводилась расчистка участков с прошивкой, вязкой и декором из травы. Для удаления мелкодисперсных частиц грунта, берестяные изделия и их фрагменты погружались в ванночки и аккуратно промывались прохладной водой. В тех случаях, когда предмет имел элементы из травы или был хрупок, он помещался в складную деревянную конструкцию, состоящую из двух рамок с натянутыми мелкоячеистыми синтетическими сетками (с ячеей 5×5 мм). Такая конструкция позволяла фиксировать предмет и проводить деликатную промывку по очереди, с двух сторон, с применением кисточек мягкой и средней жесткости.

Сразу после промывки водой предмет проходил *этап консервации*, для чего он помещался в ванночку, наполненную водно-спиртовым раствором ПЭГ-400 (*полиэтиленгликоль*) с добавлением биоцида *нипагин*.

Затем следовал этап *распрямления, выравнивания и подбора фрагментов по местам разрывов волокон с приданием первоначальной формы берестяным изделиям* в виде плоской заготовки, применяя способ изменения «памяти» формы материала. Для этого образец последовательно помещался в растворы с резким перепадом температуры (кипяток – холодная вода), и быстро фиксировались нужные изменения его формы. В результате «шоковой» обработки береста выравнивалась, становясь более пластичной, удобной для дальнейшей работы с ней и пригодной для длительного хранения в фондах музея.

В процессе работы стало очевидным, что все предметы из бересты, найденные археологами на святилище, изначально были берестяными коробами, имевшими различные формы и размеры – от простых, сделанных из прямоугольного куска бересты, «на скорую руку» и без орнаментов, до предметов, имеющих сложную конструкцию. Последние конструировались из нескольких частей (элементов), покрытых простым или сложным орнаментом, процарапанным от темного внутреннего слоя бересты к более светлому внешнему, с декорированием травяными оплетками и аппликациями.

Найденные берестяные предметы в виде туесов и коробок, имеющих относительно неплохую сохранность, были особо интересны, как изделия пригодные для реставрации и реконструкции. На поверхности некоторых из них имелись рисунки и геометрические орнаменты, что придавало им особую научную и художественную ценность. У отобранных для дальнейшей работы предметов внимательно изучались элементы конструкции, способы сборки и монтажа, формы, совмещения и крепления деталей, дополнительных силовых элементов и декора. Весь процесс изучения и реставрации предмета тщательно фиксировался с помощью фототехники. При этом определялся способ восстановления конструкции без ущерба для предмета. Особое внимание уделялось сохранению прошивки из травы, так как, в отличие от более стабильной бересты, данная органика была очень хрупкой.

Восстановление простых коробок начиналось с определения конфигурации их первоначальной формы – по сохранившимся изгибам, изломам и трещинам, а также по цветовым пятнам, отмечавшим места совмещения деталей. Кроме того, на способы сборки и монтажа указывали проделанные в бересте отверстия, остатки крепежа, теневые следы и фактура поверхности. Далее берестяной материал демонтировался, выравнивался, выпрямлялся и прессовался, разрывы склеивались. Для этого использовался обратимый клей «Paraloid B-72», растворенный в ацетоне, без которого невозможно было быстро состыковать слоющуюся бересту. Для склейки в местах разрывов береста расслаивалась и в расслоенную часть по всей длине разрыва, вводилась проклеенная тонкая дублировочная ткань. Затем с помощью введенного клея стороны разрыва соединялись встык, так что былой изъян становился незаметным. Таким же способом – с помощью дублировочной ткани – восстанавливались площади утраченных частей изделия. Застывший клей и его излишки легко удалялся ацетоном. В случаях, когда восстанавливалась форма более сложного предмета (с сохранившейся травяной сшивкой, орнаментальной отделкой по периметру с применением декора и аппликаций), разборка изделия была нежелательной из-за невозможности в дальнейшем восстановить оригинальный травяной материал.

Перед началом сборки предмета изготавливалась болванка из *экструдированного пенополистирола*, соответствующая внутренней форме и объему собираемой коробки. Для дальнейшего восстановления предмета готовились две глубокие емкости с очень горячей и холодной водой – для полного погружения в них всего изделия, а также приспособлений и крепежных элементов для его сборки. После этого подготовленная берестяная пластина от коробки, погруженная в кипяток, быстро вынималась и на ранее определенное место устанавливалась болванка, края которой загибались в нужной конфигурации, быстро фиксировались, и в тот же момент предмет погружался в холодную воду. Таким образом, материал «запоминал» принятое положение. Операция по восстановлению формы проводилась неоднократно и последовательно с каждой из сторон, до тех пор, пока восстановленная форма не приобретала стабильности.

После просушки изделия болванка убиралась, восстанавливались или имитировались элементы крепежа, в местах восстановленных утрат, нивелировалась и тонировалась поверхность. В берестяную поверхность коробки аккуратно втирался подобранный консервирующий состав.

Таким способом с 2010 по 2012 г. было отреставрировано и передано в музейные фонды 17 берестяных предметов из раскопок древнего святилища Усть-Полуй.

Источники и литература

- Алексащенко Н. А.* Берестяные изделия с археологических памятников Севера Западной Сибири // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В.* Атлас археологических памятников города Салехарда. Салехард, 2005.
- Гусев Ан. В., Федорова Н. В.* Древнее святилище Усть-Полуй: размышления post factum // Археология Арктики: Материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург, 2012
- Кардаш О. В.* Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
- Могрицкая В. Ю.* Берестяная утварь древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н. э. – I н. э.) в контексте традиционной культуры населения севера Западной Сибири // Тр. III (XIX) ВАС. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
- Пархимович С. Г.* Отчет о рекогносцировочных исследованиях археологических памятников в г. Салехарде и Шурышкарском районе Тюменской области в 1990 году. Т. I. Тюмень, 1990. Архив ИА РАН. Р-1.
- Поветкин В. И.* Опыт восстановления новгородских берестяных грамот // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. Вып. 10. Новгород, 1996.
- Поветкин В. И.* Опыт восстановления новгородских берестяных грамот // РА. № 3. М., 1996.
- Сязи А. М.* Узоры северного сияния. Самодийские народы. Т. II. СПб., 2005.
- Федорова Н. В.* Искусство Усть-Полуя // НВ ЯНАО. № 9 (61): Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге. Салехард, 2008.
- Федорова Н. В.* Войкарский городок: Буклет. Салехард; Омск, 2009.

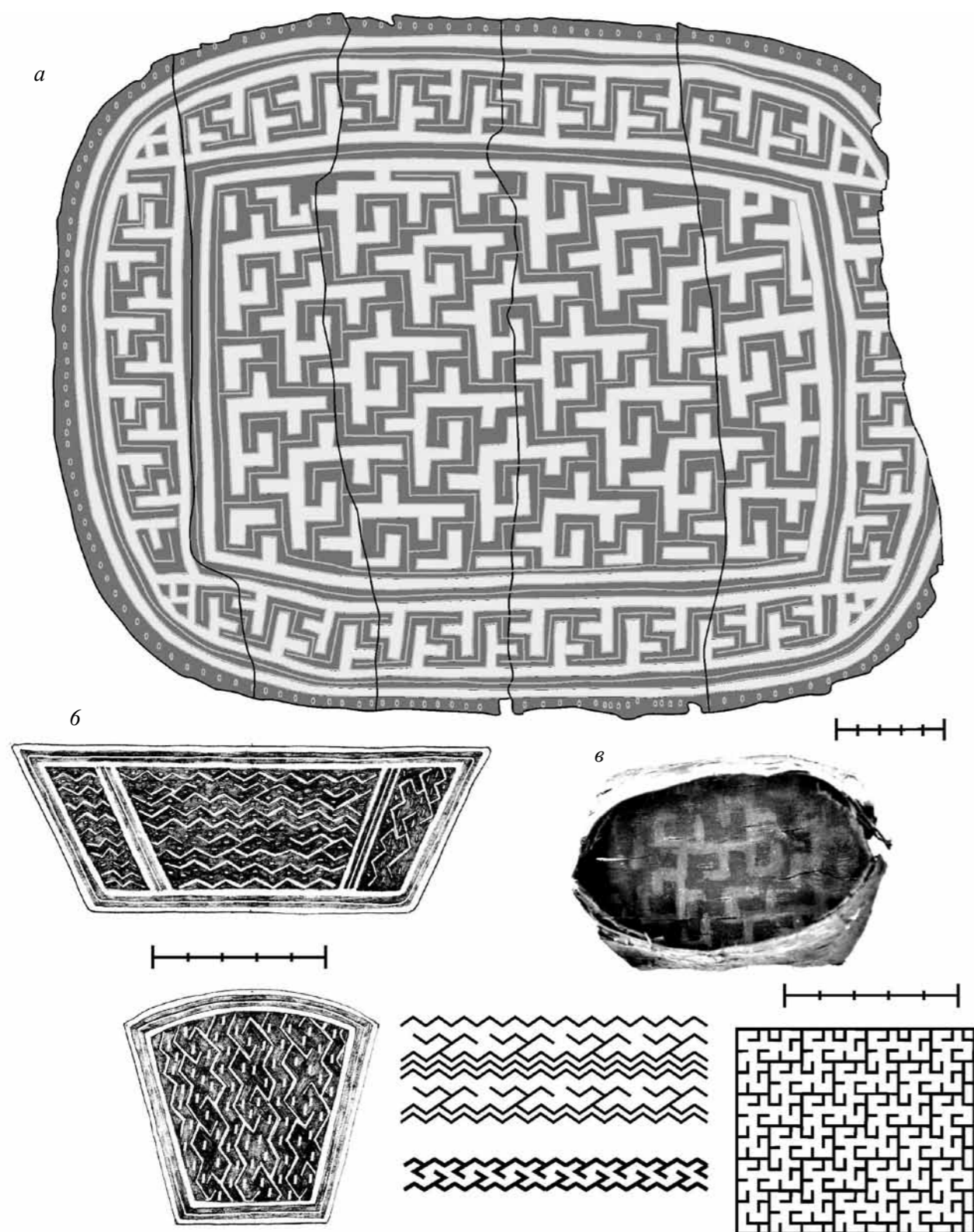

Рис. 1. Усть-Полуй. Изделия из бересты:
а-в – орнаментированные берестяные коробки из раскопок 2011 г.

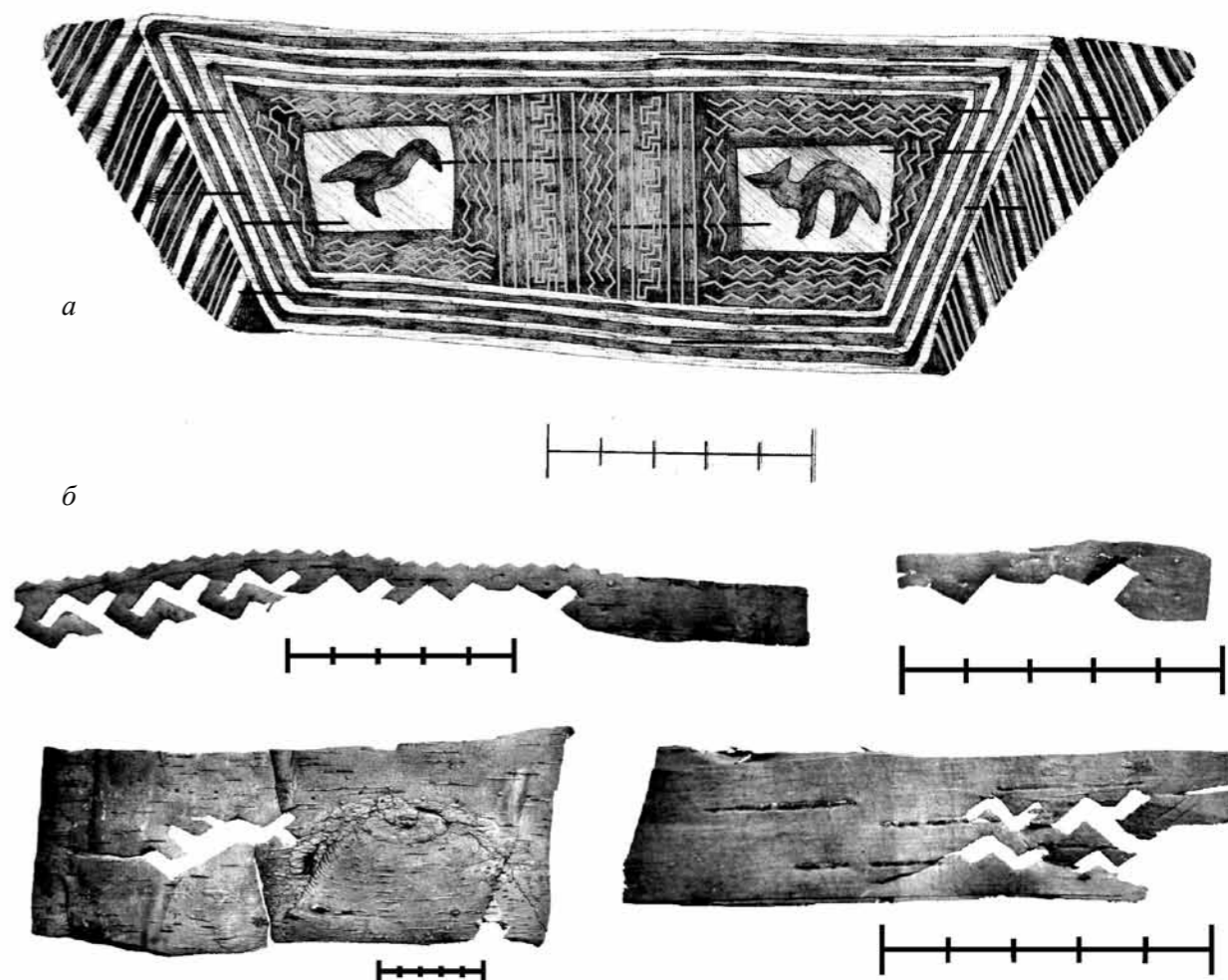

Рис. 2. Усть-Полуй. Изделия из бересты: *а* – орнаментированная берестяная коробка из раскопок 2011 г.;
б – фрагменты берестяных коробок с прорезным орнаментом из раскопок 2012 г.

С. А. Мызников
г. Екатеринбург
НПО «СА – 1»

СЕЛИЩЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НЁХ-УРИЙ 6.1 И ЕГО АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА

Селище Нёх-урий 6.1 выявлено в 2007 г. во время полевых исследований в зоне деятельности ТПП «Покачевнефтегаз» ОАО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» [Данилова, 2007]. Памятник был отнесен к категории аварийных. В 2009 г. экспедицией ООО НПО «Северная археология – 1» были проведены охранно-спасательные раскопки селища [Мызников, 2009]. Общая площадь раскопа составила 1024 кв. м.

Памятник находится в Нижневартовском р-не ХМАО – Югра, в 7 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, 6,1 км к ЮВ от зоны застройки вахтового поселка Покачи, на Покачевском лицензионном участке, в 0,03 км к С от куста скважин № 82 (рис. 1). Селище расположено в долине правого берега р. Аган, в 1,4 км к С от русла реки, на небольшой гриве (останце коренной террасы), высотой до 3,5–4,0 м над уровнем безымянного озерца, лежащего у ее подножия с северо-западной стороны.

Селище входит в состав комплекса археологических объектов Нёх-урий 6, с 3 к нему примыкает городище Нёх-урий 6.2. Большая часть селища была уничтожена в процессе строительства кустовой площадки. Во время разведки 2007 г. на сохранившемся участке гривы обнаружены слабовыраженные очертания археологического объекта и несколько небольших ямок. С целью уточнения распространения здесь культурного слоя был заложен разведочный шурф, в котором найден археологический материал. После фиксации плана и стенок шурф был законсервирован.

Объект 1, обнаруженный в результате шурфовки, на поверхности фиксировался плохо. Он представлял собой округлую приподнятую площадку с углублением в центре. Диаметр площадки – 8,7 м, высота до 0,2 м. В центре ее прослеживалось подквадратное понижение размерами 4,5×4,2 м, ориентированное по линии ССЗ–ЮЮВ. С внешней стороны к объекту примыкали пять ям различной формы, размерами 1,3–2,4×0,6–1,7 м (рис. 1).

Естественная стратиграфия почвенных слоёв в пределах раскопа: дёрн (2–14 см), светло-серый оподзоленный песок (3–24 см), жёлтый песок – материк.

В процессе раскопок зафиксированы очертания наземной постройки и ее разрезы. Стратиграфия объекта 1: дерн (2–14 см); ниже – пятнистый коричнево-желтый песок – переотложенный слой (4–27 см); желто-коричневый песок (6–16 см); бело-серый песок – погребенный подзол (2–12 см); линза темно-коричневого бурого песка – очажный слой (5–11 см); серый и желто-коричневый песок (4–26 см) – заполнение котлована; желтый песок – материк.

Планиграфия объекта 1. В ходе раскопок объект 1 зафиксирован дважды: на уровнях 49,10 и 49,00 м от условного «0». На верхнем уровне объект имел овальные очертания и был размером 9×10 м. По его периметру прослеживалась извилистая полоса желто-коричневого песка, шириной до 2,63 м, являвшаяся остатками древней присыпки (обваловки) стенок постройки.

На уровне фиксации 49,00 м слабо угадывались подпрямоугольные формы котлована постройки, размером 7,9×6,5 м, ориентированной по оси ССЗ–ЮЮВ. На фоне материкового бело-желтого песка в центре объекта 1 (уч. 33–34/116) зафиксировано аморфное пятно темно-коричневого песка (супеси) с примесью углей, размером 1,6×1,3 м – остатки очага. Очажный слой включал множество находок: мелкие черепки, камни и кальцинированные кости. Пол постройки выражен слабо, местами не прослеживался совсем. На нем на фоне бело-желтого материкового песка выявлены небольшие ямки. Несколько ям покрупнее обозначились по периметру объекта 1 (рис. 2).

Объект 2. В юго-западной части раскопа (уч. 18–22/104–109) обнаружены остатки разрушенного объекта, который на поверхности не фиксировался. В этом месте прослеживались существенные повреждения почвы, так как верхний слой был снят тяжелой техникой на глубину до 1 м. Стратиграфия в данном месте такова: пятнистый коричнево-желтый песок – переотложенный слой (11–49 см); белый или светло-серый песок – подзол (2–29 см); серо-желтый песок (2–15 см); коричневый песок с небольшими углистыми линзами (5–19 см); материк – желтый песок.

Планиграфия объекта 2. На фоне бело-желтого материкового песка, на уровне 47,80–47,50 м, котлован постройки 2 имел аморфную форму и размеры 5,2×3,9 м. При этом была выявлена только часть котлована. В его заполнении залегали серо-белый песок (подзол), а также серо-желтый, серо-желтый, коричневый песок (супесь) с небольшими линзами углистого и желто-коричневый.

В центре котлована на уровне 47,80 м фиксировался овальное пятно бурого прокаленного песка с угольками, представлявшего собой остатки очага размером 1,7×1,0 м. Ниже очертания котлована постройки постепенно сходят на нет.

Коллекция вещественных остатков, собранных в процессе раскопок, насчитывает 442 предмета. Она включает: 338 фрагментов глиняных сосудов, 14 артефактов из камня, 30 обломков тиглей, 5 фрагментов металлических изделий, 3 капли металла, 4 небольших куска глины, 41 обломок технической керамики, 4 фрагмента костяных изделий и 3 антропоморфные бронзовые фигурки. Все артефакты фиксировались индивидуально по 3 координатам.

Подавляющая часть находок была сосредоточена на полу объектов 1 и 2, причем наибольшая концентрация артефактов наблюдалась вокруг очагов (рис. 2).

Керамика объекта 1 представлена, как минимум, обломками восьми сосудов. Форма емкостей – закрытая, котловидная. При изготовлении посуды в глиняное тесто добавляли органику, песок и шамот. Черепки – толщиной 4–7 мм, разных цветов – от светло-коричневого до красно-коричневого, на сломе – темно-серые. На некоторых из них с внешней стороны прослеживаются следы нагара. Качество обжига большинства сосудов хорошее. Шейки почти прямые, венчики без наплыва, иногда с небольшим отгибом наружу. Форма дна яйцевидная. Поверхность венчика, как правило, орнаментирована оттисками узкого вытянутого штампа. Сосуды имеют горизонтально ориентированное орнаментальное поле. Верхняя часть стенок украшена оттисками наклонно поставленного штампа. Нижняя половина сосуда, как правило, не декорировалась. Орнаментальные мотивы: горизонтальные пояски оттисков гребенчатого штампа, ямки и жемчужины, глубокие оттиски торцом лопаточки.

Керамический комплекс объекта 2 представлен, как минимум, пятью емкостями. Сосуды – открытой и закрытой формы, имеют горизонтально ориентированное орнаментальное поле. При их изготовлении в глиняное тесто добавлялись органика, песок и шамот, иногда – кальцинированная кость. Черепки толщиной 4–6 мм, красно-коричневого цвета, на изломе – темные. На некоторых из них видны следы нагара с внешней стороны. Качество обжига сосудов хорошее. Венчики без наплыва, иногда с небольшим отгибом наружу. Срез венчика, как правило, орнаментирован оттисками узкого вытянутого штампа. Орнаментальные мотивы большинства сосудов схожи: оттиски штампа, ямки и жемчужины. Нижняя половина сосуда, как правило, не орнаментированная.

В обоих жилищах обнаружены обломки глиняных тиглей и куски технической керамики. Тигли плохой сохранности. Здесь же найдено 14 каменных артефактов. Это гальки со следами раскалывания или термического воздействия, а также одна микролитическая трапеция.

При промывке очажного слоя было собрано более 12 тыс. мелких кальцинированных костей животных. Результаты их анализа таковы. Объект 1, очажный слой: бобр – 2/1 (количество костей и особей), северный олень – 5/1, волк – 1/1, глухарь – 3/1, рябчик – 6/3, утка – 1, сойка (?) – 2, осетр – 1, щука – 43, окунь – 69, млекопитающие – 67, птица – 6, рыба – 2240. Объект 2 (очажный слой): бобр – 2/1, соболь – 29/1, белка – 29/2, ворона – 2/1, глухарь – 6/3, тетерев – 4/2, куропатка – 1/1, кряква – 2/1, свиязь – 2/1, чирок – 2/1, утка – 3, осетр – 3, щука – 128, окунь – 194, карповые – 221, млекопитающие – 21, птица – 11, рыба – 9870.

Наибольший интерес представляют три бронзовые фигурки, отлитые в технике плоского литья. На лицевой стороне каждой из них присутствует слабовыраженная рельефная «прорисовка» деталей, но на оборотной стороне таких деталей нет.

Бронзовое антропоморфное изображение № 1 найдено в 4,5 м к ЮВ от жилища 1, т. е. за его пределами (рис. 2). Артефакт обнаружен сразу под дерновым слоем, в небольшом углублении. Размеры находки: 4,8×3,6 см, сохранность хорошая.

Предмет представляет собой композицию из двух антропоморфных фигур, изображенных анфас и выполненных в «скелетном» стиле. Их головы имеют шестигранную форму с окантовкой в виде рельефных валиков. Черты лица переданы с большой долей условности: едва заметными рельефными валиками обозначены надбровные дуги и нос, горизонтальной канавкой – рот, еле уловимыми бугорками – глаза. Возможно, на лице правой фигуры была попытка изобразить усы. Туловища фигурок переданы также крайне схематично, без морфологических деталей. Тело правой фигуры представлено в виде вертикальной пластинки, «заштрихованной» наклонными вправо полосками-валиками. Туловище левой фигуры напоминает овал с пустым пространством внутри, «заштрихованный» наклонными влево полосками-валиками. Возможно, на данном изображении представлены мужчина и женщина – семейная пара.

Бронзовое антропоморфное изображение № 2 залегало на полу жилища 1, в 1 м к В от очага (рис. 2). Размеры фигурки – 4,7×2,6 см, сохранность удовлетворительная. Антропоморф отлит анфас. На его овальном лице бугорками обозначены миндалевидные глаза. Нос и надбровные дуги (возможно, край головного убора?) представлены рельефными валиками. Заметны очертания рта (слабовыраженные губы). Округлое

туловище в верхней части имеет два коротких отростка (руки, поднятые вверх?). На туловище – концентрический (спиралевидный?) рельефный орнамент.

Бронзовая фигурка № 3 найдена на полу жилища 2, в 0,5 м к В от очажного пятна (рис. 2). Размеры фигурки – 4,5×1,5 см. Сохранность предмета плохая, верхний слой не везде сохранился. Это одинарное антропоморфное изображение, выполненное анфас. На ромбовидном лице еле угадываются глаза, нос и рот. Треугольная «рамка»-туловище, по-видимому, была без орнамента.

Бронзовые антропоморфные изображения широко представлены в кулайских комплексах. В Сургутском Приобье – это культовые литые из могильников Барсовского III, Барсовского VII, со святилища Барсов городок I/9, с городищ Барсов городок I/17 и Барсов городок I/22 [Челякин, 2002. С. 214–242, рис. 2, 3, 5; Борзунов, Зыков, 2003. Рис. 5 – 2; Борзунов, Челякин, 2006. Рис. 15 – 18–22, 27, 28, 16 – 12, 41, 44–50, 17 – 16, 22, 33]. В Томском Приобье – это антропоморфы Кулайского, Парабельского и Кривошеинского культовых мест, а также случайные находки [Полосьмак, Шумкова, 1991. С. 12–28]. На р. Аган кулайская антропоморфная пластика найдена на городище Старые Покачи 5 и селище Мохтикъяган 4 [Первалова, Карачаров, 2006. С. 55, 60].

Сдвоенные антропоморфные изображения обнаружены в погребении 6 Барсовского VII могильника. Интересно, что «... они лежали на деревянной основе (плашке), сверху их перекрывала бронзовая пластинка в виде двух соединенных полушарий с концентрическим орнаментом внутри.» [Челякин, 2002. С. 230–231, рис. 2 – 17]. Известны спаренные антропоморфные изображения с Кулайского культового места и две случайные находки со Средней Оби [Полосьмак, Шумкова, 1991. С. 25–26, рис. 12, 13].

Концентрический орнамент на кулайской бронзовой пластике встречается не часто. Прежде всего, это бронзовый круг с семью отростками с одной стороны и вписанными друг в друга окружностями в центральной части [Челякин, 2002. С. 226, рис. 1 – 12].

В целом, антропоморфные личины с селища Нёх-урий 6.1 очень схожи, как в изобразительных приемах, так и по технике изготовления. Вероятно, эти фигурки хронологически близки. Кроме того, они имеют много общих черт с кулайской антропоморфной пластикой Барсовой Горы.

Источники и литература

- Борзунов В. А., Зыков А. П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // *Образы и сакральное пространство древних эпох*. Екатеринбург, 2003.
- Борзунов В. А., Челякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // *Археологическое наследие Югры*. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
- Данилова Е. Н. Отчет о НИР: Археолого-топографические исследования на территории деятельности ТПП «Покачевнефтегаз» в 2007 г. (ХМАО). Нефтеюганск, 2007. Архив НПО «Северная археология – 1».
- Мызников С. А. Отчет о НИР: Охранные раскопки археологического памятника селище Нёх-урий 6.1 в Нижневартовском районе ХМАО – Югры в 2009 г. (ХМАО). Нефтеюганск, 2009. Архив НПО «Северная археология – 1».
- Первалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург, 2006.
- Полосьмак Н. В., Шумкова Е. В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991.
- Челякин Ю. П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // *ВАУ*. Вып. 24. Екатеринбург, 2002.

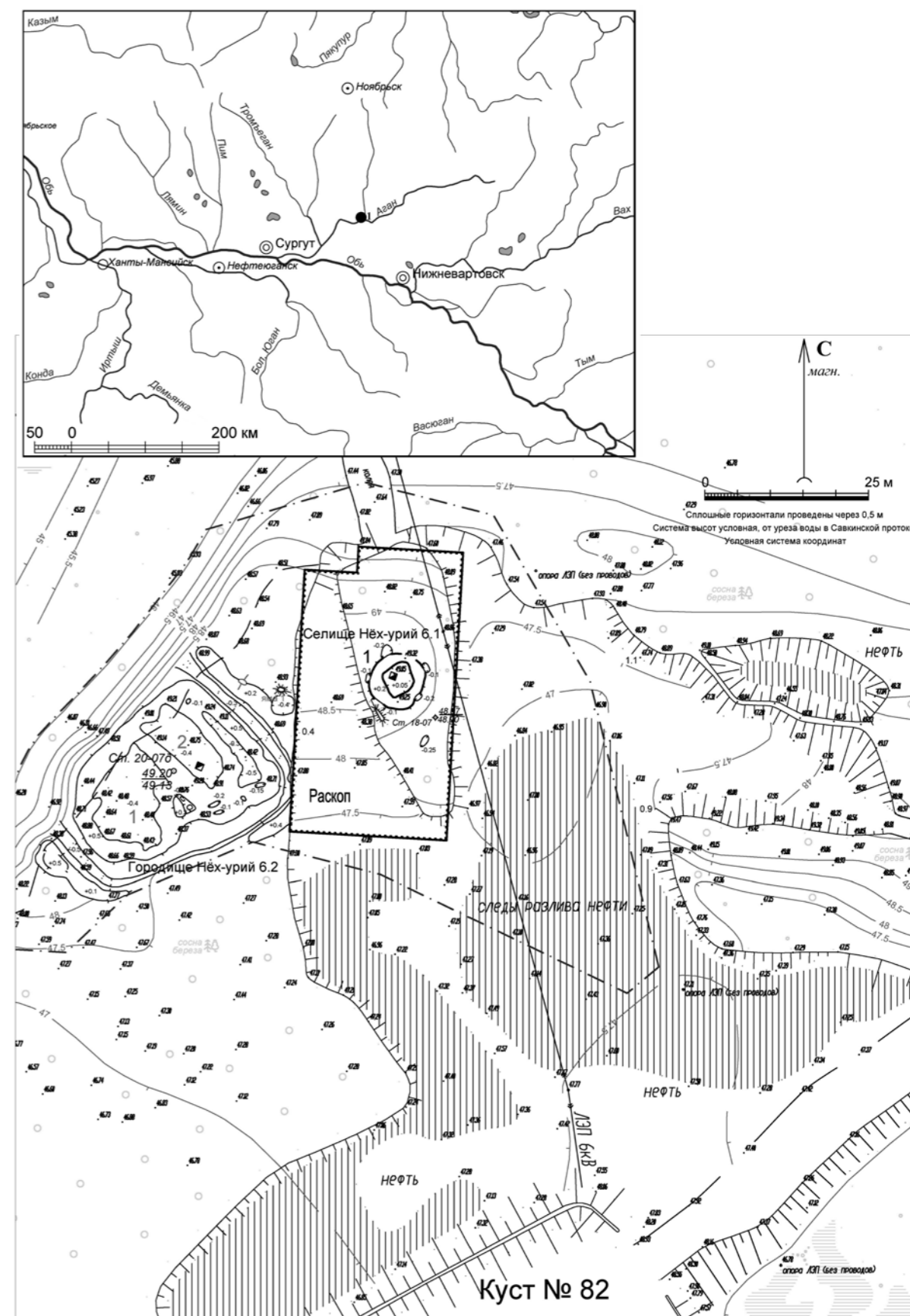

Рис. 1. Селище Нёх-урий 6.1. Местонахождение и план памятника

**Н. П. Макаров, М. С. Баташев,
А. С. Вдовин**
г. Красноярск
КККМ; КГПУ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КРАСНОЯРСКОГО СЕВЕРА
В ФОНДАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

1. История археологических исследований Енисейского Севера. Данная территория долгое время оставалась белым пятном на археологической карте Красноярского края. Лишь в 1874 г. известный красноярский геолог И. А. Лопатин, в ходе поездки на Ангару, открыл древнюю стоянку в устье р. Чадобец, собрав здесь коллекцию каменных, бронзовых и железных орудий.

Первым археологом, целенаправленно исследовавшим в 1882 г. Чадобецкую стоянку и древности Ангары, стал Н. И. Витковский. На основе полученных материалов он пришел к выводу, что на стоянке Чадобец выделяются неолитическая, медная и железная стадии [Витковский, 1890. С. 1–52].

В 1892 г. археологические исследования в Северном Приангарье провел консерватор Красноярского городского музея А. С. Еленев, собравший коллекцию орудий эпох неолита и палеометалла [Краткий обзор ..., 1908. С. 1–52].

В 1908 г. в Красноярский музей с р. Чуны была передана коллекция из 39 археологических изделий, в числе которых оказались и 10 медных предметов. Три года спустя на стоянке Чадобец провел сборы сотрудник Красноярского музея А. П. Ермолаев. Тогда же он осмотрел и сфотографировал археологическую коллекцию вещей, собранных с данного памятника, состоящую почти из 200 предметов разных эпох [Вдовин и др., 2001. С. 67]. В 1920 г. коллекцию находок с Чадобца передал в музей А.А. Савельев. В том же году директор музея А. Я. Тугаринов и австрийский археолог Г. К. Мергарт, в ходе разведочных работ по Енисею, открыли стоянки в устье р. Кан и у с. Маклаково [Макаров, 1989. С. 145].

Спустя год экспедиция Красноярского музея открыла стоянку древнего человека в устье р. Подкаменная Тунгуска. С этой стоянки к железному веку были отнесены фрагменты глиняных сосудов и шлаки [Тугаринов, 1924. С. 4–5].

В 1925 г. А.Я. Тугариновым на стоянке Канско-Перевозинская, близ г. Канска, из слоя были извлечены артефакты разных эпох, в том числе железное кольцо и небольшая пряжка в виде голов птиц (коллекция № 157).

Вместе с тем, длительное время наиболее обеспеченным археологическими источниками оставался район Северного Приангарья. В 1924 г. геологами Н. М. Кюннером и В. С. Миличем там была собрана и затем передана в Красноярский музей коллекция керамики, каменных, бронзовых и железных предметов. Среди последних выделялся набор средневековых изделий со стоянки Матерая: конские удила и стремя, ножи, трехлопастной наконечник стрелы (коллекция № 148).

В начале 1930-х гг., связи с началом проектирования гидроэлектростанций на р. Ангаре, в Приангарье разворачиваются плановые археологические исследования. В ходе масштабных работ Ангарской (1951–1955 гг.), Братской (1955–1959 гг.) и Ангаро-Илимской (1967–1975) экспедиций были открыты и исследованы десятки археологических памятников, получены многочисленные материалы всех эпох – от палеолита до этнографической современности. В работах А. П. Окладникова и его коллег, посвященных итогам этих экспедиций, публиковались главным образом материалы неолита и бронзового века. В то время как более поздние периоды и эпохи были отражены лишь в единичных публикациях [Окладников, 1940. С. 106–112].

Наряду с академическим институтом ИИФФ СО РАН в изучении Северного Приангарья приняли активное участие экспедиции Иркутского государственного университета (ИрГУ), Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ) и Красноярского государственного педагогического института (КГПИ). Стационарные раскопки стоянок Кода, Чадобец, Ката, Пашино, Усть-Кова сочетались с обширными разведочными работами. В итоге в археологические хранилища КККМ и КГПИ были переданы тысячи древних изделий каменного, бронзового и раннего железного веков, а также эпохи средневековья. Среди исследованных объектов особый интерес представляли оригинальные погребения раннего железного века и плавленная печь со стоянки Пашино [Дроздов, Леонтьев, Привалихин, 2005. С. 50–57].

В 80-е гг. XX в. на территории Кежемского и Богучанского районов начинают работать отряды экспедиции КККМ под руководством В. И. Привалихина и Н. П. Макарова [Макаров, 1989. С. 131–189]. Проводимая с 1985 г. сотрудниками лаборатории археологии КГПИ паспортизация археологических памятников

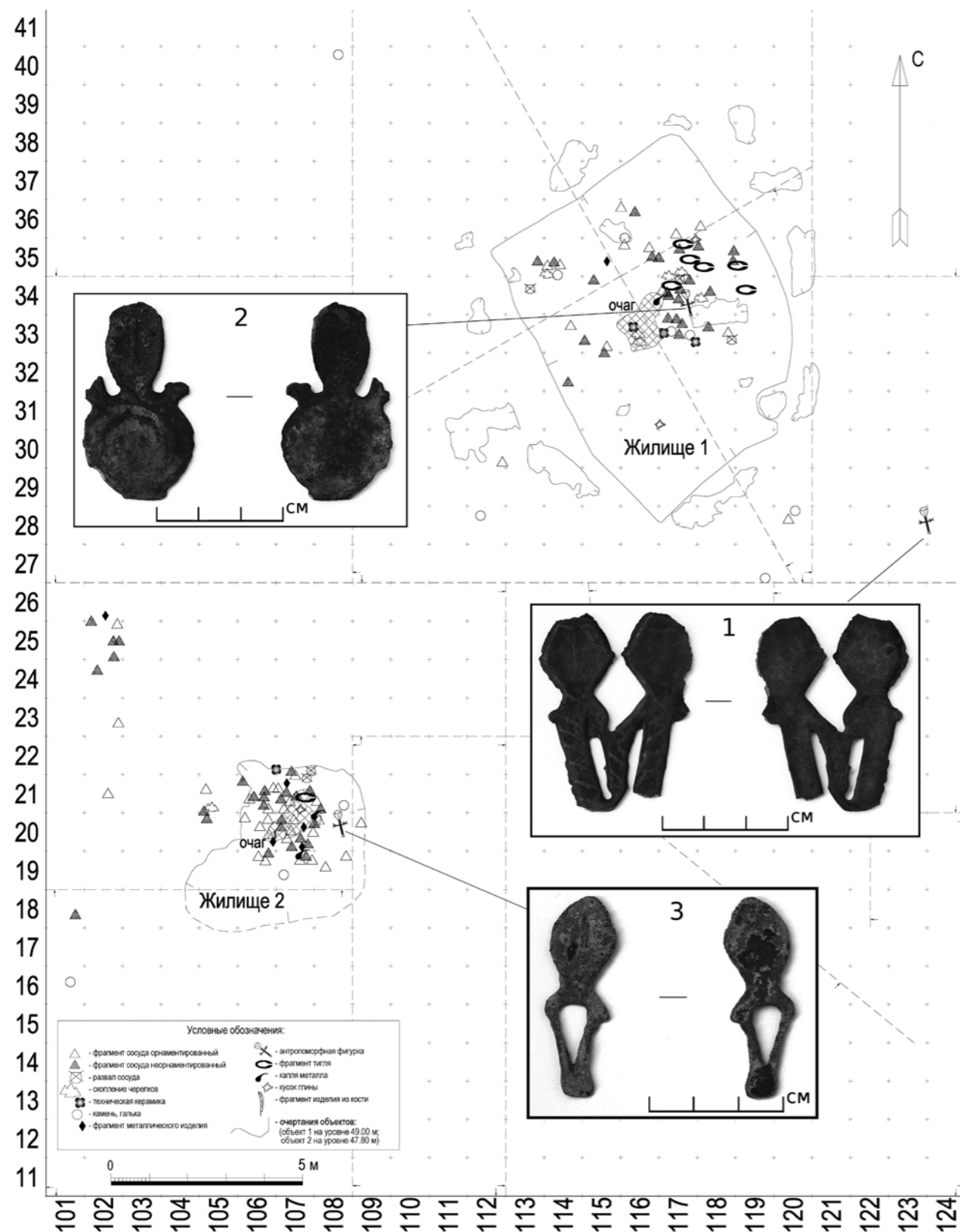

Рис. 2. Селище Нёх-урий 6.1. Антропоморфные бронзовые фигурки и их местонахождение в раскопе

Красноярского края, а затем и их инвентаризация в ложе Богучанского водохранилища, подытожила многолетние исследования региона. В итоге, на археологической карте Северного Приангарья, сегодня известны сотни стоянок, поселений и могильников древнего человека [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989. С. 190–211]. Для раннего железного века В. И. Привалихиным была выделена цэпаньская культура VIII–II вв. до н. э. [Привалихин, 1993; 2011. С. 161–183]. Археологические комплексы железного века Северного Приангарья были обобщены в диссертационных работах А. В. Гладилина [1985] и В. П. Леонтьева [1999].

Самый последний и очень важный период в археологическом изучении Северного Приангарья – 2006–2012 гг. В это время в зоне затопления Богучанской ГЭС ежегодно работало до 30 отрядов, что привело к лавинообразному накоплению археологических источников по всем эпохам. Среди них следует выделить сенсационные материалы, обнаруженные на стоянке и средневековом могильнике Проспихинская шивера IV [Мандрыка, Сенотрусова, Бирюлева, 2011. С. 432–436], уникальные культовые и погребальные комплексы неолита, раннего железного века и средневековья на о. Сергушкин [Герман и др., 2011. С. 87–91], новые находки каменного века и эпохи металла на стоянке Усть-Кова [Леонтьев, Вдовин, 2010. С. 534–537], многочисленные плавильные печи для производства железа на стоянках Берямба, Взвоз, о. Сергушкин, Игренькина шивера, Капонир, Пашино, Проспихинская шивера [Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010. С. 509; Мандрыка, Сенотрусова, Бирюлева, 2011. С. 433; Рыбин и др., 2010. С. 578]. Вот далеко не полный перечень наиболее значимых результатов работ отрядов Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН [Коровушкин, 2010. С. 466–470].

В 1958 г. в северные районы Енисея была организована археолого-этнографическая экспедиция ИЭ АН СССР, МАЭ, а также Красноярского и Енисейского краеведческих музеев. Археологические исследования этой и последующих экспедиций проводились Р. В. Николаевым. В Туруханском районе, у п. Серково на р. Курейке, Сургутиха и Подкаменная Тунгуска найдены керамика и каменные орудия эпох неолита, бронзы и железного века [Николаев, 1963. С. 127–131; 1980. С. 20–26].

В 1960-е гг. долины рр. Подкаменной и Нижней Тунгусок исследовал сотрудник ИА АН СССР Г. И. Андреев. Ему удалось открыть несколько десятков древних стоянок и на ряде памятников провести небольшие раскопки. В то же время, наиболее многочисленными вновь оказались находки эпохи неолита. Лишь бронзовые кельт и несколько изделий были отнесены к раннему железному веку [Андреев, 1971. С. 46–47].

В 1945 г. на территории Таймыра А. П. Окладников открыл несколько стоянок неолита, бронзового и железного веков. Вслед за ним, начиная с 1967 г., на Таймыре и в низовьях Енисея многолетние археолого-этнографические исследования проводил Л. П. Хлобыстин. В результате исследователю удалось выявить более 200 археологических памятников разных эпох, от мезолита до этнографической современности [Хлобыстин, 1998. С. 8–12].

С конца 1970-х гг. объектом постоянных археологических изысканий КГПИ и КККМ становятся Эвенкия и Туруханский район. В 1977 г. были произведены сборы материалов на стоянках в окрестностях с. Ванавара [Макаров, Привалихин, Дроздов, 1978. С. 251]. В 1981 г. приустьевой участок р. Подкаменная Тунгуска изучает Н. П. Макаров [1983. С. 211–212]. В 1981–1982 гг. В.И. Привалихиным исследован участок р. Подкаменная Тунгуска от фактории Чемдальск до устья р. Нижняя Лакура. В результате были выявлены около двух десятков археологических памятников разных эпох – от неолита до железного века. На стоянке Домница найдено железоплавильное сооружение, а на стоянках Чамбинский порог и Нижний Бур – железные ножи и стрелы [Привалихин, Дроздов, Макулов, 2005. С. 66–86].

В 1988–1989, 1991, 1996 и 1999 гг. на р. Подкаменная Тунгуска с целью паспортизации археологических памятников работал отряд КГПИ. В итоге были обследованы более 100 стоянок и местонахождений. Среди материалов разных эпох особый интерес вызывает клад железных изделий из 13 предметов у р. Хушмо: ножи, наконечники стрел, щипцы и кольцо [Макулов, Леонтьев, 2003. С. 59–62].

В 2004 г. в верхнем течении Подкаменной Тунгуски П. В. Мандрыка открыл ряд новых памятников. В составе огромной коллекции из нескольких тысяч каменных изделий, оказались также железный нож и фрагменты глиняной посуды [Мандрыка, 2010. С. 37].

В Енисейском и Казачинском районах в 1980–1990-х гг. П. В. Мандрыка и авторы статьи открыли и раскопали более десяти археологических памятников всех эпох: от палеолита до средневековья [Мандрыка, Баташев, 1997. С. 62–63]. На стоянках Ильинка, Утиный Столб и Монастырская протока были собраны материалы железного века [Баташев, Макаров, 1990].

В Туруханском районе в ходе разведочных работ отряда КГПУ по паспортизации археологических памятников были открыты стоянки Щеки и Остров Монастырский. Полученный материал был отнесен к неолиту, бронзовому и железному векам [Макулов и др., 1997. С. 11–12].

Несмотря на все эти исследования, Красноярский Север до сих пор остается слабо изученным в археологическом отношении. Даже с учетом новейших открытий в Приангарье, север огромного Красноярского края насчитывает только несколько сотен древних стоянок и погребений, из которых раскопана лишь

незначительная часть. Тем не менее, накопленные источники уже сейчас позволяют наметить общую периодизацию древностей эпохи железа интересующего нас региона.

2. Схема развития древних культур раннего железного века и средневековья Красноярского Севера. Яркими находками *раннего железного века* являются бронзовый котел «скифского» типа и наконечник копья, обнаруженные в 10 км от с. Ворогово. К ним можно добавить бронзовые нож и шило со стоянки Ильинка. В приустьевом участке р. Подкаменная Тунгуска найдены бронзовые трехлопастной втульчатый наконечник стрелы кулайского типа, кельт и тагарский дугообразнообушковый нож с кольчатым навершием (рис. 1 – 1, 3, 5) [Баташев, Макаров, 2000. С. 12]. Особый интерес представляют находки в этом районе литых ажурных стилизованных изображений, близких кулайским (рис. 1 – 2, 4).

Таким образом, ранний железный век Нижнего Енисея характеризуют достаточно яркие, но малочисленные бронзовые изделия, находящие аналогии в более южных и западных тагарской и кулайской, культурах [Николаев, 1980. С. 22; рис. 1–4]. В то же время бронзовые нож и шило со стоянки Ильинка зафиксированы с керамикой, отличной от типично кулайской и тагарской. Ближайшие аналогии ильинской глиняной посуде мы находим в Северном Приангарье. Прежде всего, это фрагменты оригинальной керамики, так называемого «карабульского» типа. Она выделяется по устойчивым признакам, зафиксированным на десятках сосудов стоянки Усть-Карабула на Нижней Ангаре. Шейки сосудов у верхнего края (венчика) утолщены широкой налепной лентой, украшенной различными сочетаниями зубчатого штампа, пояском округлых вдавлений, а также пальцевыми защипами с ногтевыми дугообразными оттисками. Нередко зубчатые оттиски переходят с утолщения налепа на тулово сосуда, локализуясь в его верхней трети. По-видимому, «карабульский» тип керамики будет характерен для пока еще мало известной цэпаньской культуры Северного Приангарья VII–II вв. до н. э.

Данная керамика обнаружена не только на Нижней Ангаре, но и на Енисее. Учитывая это, можно предположить, что часть территории Среднего и Нижнего Енисея также войдет в круг культур скифского времени, родственных цэпаньской. Северное Приангарье и подтаежная зона Енисея уже дали достаточно яркие памятники этого времени – цэпаньской, нижнепорожинской и шилкинской культур. При этом отметим, что хронологические рамки цэпаньской и шилкинской культур, на наш взгляд, должны быть раздвинуты. Если принять во внимание некоторую консервацию тагарской культуры на ее лесостепной периферии, то можно говорить о сохранении традиций культур раннего железного века и в северных районах – вплоть до первых веков н. э.

В группу наиболее ярких памятников этого времени входят поселение и могильник на Казачинском пороге Енисея, культовое место у Тасеевского идола, археологические комплексы Северного Приангарья в устье р. Пашина, на о. Сергушкин, в местностях Отика, Слопцы, Капонир и других пунктах.

Особенно интересна серия высокохудожественных бронзовых изделий, найденных на Енисее и Ангаре. Только на культовом местонахождении Тасеевского идола найдены сотни выразительных украшений: бабочковидные бляшки в виде стилизованных грифонных головок, подвески в форме бубенчиков и колокольчиков, бочонковидные бусины, овальные бляшки со стилизованным изображением человеческого глаза и зеркало с фигурой верблюда [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011. С. 77–85]. Не менее интересны костяная скульптурка женщины-шаманки из погребения на Отике, бронзовые фигурка кабана, бабочковидные бляшки и другие украшения из могильника Усть-Шилка Казачинского порога, а также многочисленные каменные, костяные и бронзовые наконечники стрел.

Выявленные материалы свидетельствуют о том, что территория Северного Приангарья и Нижнего Енисея в I тыс. до н. э. также входила в круг родственных культур раннего железного века с высокоразвитой металлургией бронзы и началом железодельного производства.

Народы Севера, в отличие от своих южных соседей – скотоводческих племен Красноярской лесостепи, в раннем железном веке и эпоху средневековья продолжают сохранять охотничье-рыболовецкий способ хозяйствования.

На самом севере Приенисейского края локализуются памятники пясинской и малокоренинской культур. В жилище поселения Усть-Половинка на Таймыре найден биметаллический нож с бронзовой ручкой и железным клинком. Среди других изделий можно назвать бронзовые наконечники стрел, иглы, проколки, украшения, а так же традиционные типы каменных орудий.

Около двух тысячелетий назад на большей части Приенисейского края начинается переход к *позднему железному веку*. В Северном Приангарье следы выплавки металла прослеживаются почти на всех памятниках позднего железного века (средневековья). На стоянке Усть-Карабула в 2008 г. авторами раскопан горн для выплавки железа. В древности это было сооружение, до половины углубленное в землю. В верхней части конструкция имела округлую форму диаметром около 0,5 м и была сложена из камней, обмазанных глиной. В основании горна зафиксированы четыре небольшие плоские каменные плиты, вкопанные вертикально в землю. Вся конструкция вокруг печи была обложена берестой, обмазанной с внутренней и

внешней стороны глиняным раствором. Следы сопла, диаметром 3 см, четко читаются на крице и ошлаковке [Быкова, Макаров, 2009. С. 16–17]. Близкие по конструкции плавильные сооружения были исследованы на стоянке Пашино и других памятниках Северного Приангарья.

Продолжает развиваться гончарное ремесло. Еще в цэпаньской культуре раннего железного века появляется керамика с тонкими налепными валиками. Она продолжает бытовать и позднее. Видимо, ее более поздней разновидностью является керамика с тонкими волнистыми обмазочными валиками. В керамических комплексах также многочисленны фрагменты с ногтевыми вдавлениями и рядами зубчатых оттисков. Описанные типы керамики датируются уже I тыс. н. э., возможно, переходя и во II тыс. н. э. При этом, керамика с тонкими налепными валиками обнаружена авторами при раскопках стоянок Чермянка, Монастырская, Подкаменная Тунгуска и других памятников Нижнего Енисея. Аналогичная посуда найдена в Эвенкии и на Таймыре, что позволило Л. П. Хлобыстину предположить ее принадлежность предкам современных эвенков, обитавшим в этих краях на рубеже I–II тыс. н.э. В тоже время, новые материалы не подтверждают эту версию.

В исследованном П. В. Мандрыка и его коллегами могильнике Проспихинская шивера IV найдены тысячи выразительных орудий и более сотни погребений эпохи средневековья, совершенных по обряду трупосожжения на стороне, что более характерно для более южных степных народов [Мандрыка, Сенотрусова, Бирюлева, 2011. С. 432–436; Бирюлева, 2012. С. 183–185].

В целом же археологические исследования Красноярского Севера находятся еще на начальной стадии. По этой причине высказанные авторами доклада выводы о древнейших этапах культурогенеза народов данного региона имеют пока предварительный характер.

Литература

- Андреев Г. И. Памятники I тыс. до н. э. на Подкаменной Тунгуске // КСИА. Вып. 128. М., 1971.
- Баташев М. С., Макаров Н. П. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. Красноярск, 2000
- Бирюлева К. В. Керамика могильника Проспихинская шивера IV // АЭАЕ. Исследования и гипотезы: Материалы докладов ЛП Регион. (VIII Всеросс. с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Новосибирск, 2012.
- Быкова М. В., Макаров Н. П. Новые материалы по металлургии Нижней Ангары // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Ч. II. Материалы XLIX Регион. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово, 2009.
- Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937). Красноярск, 2001.
- Витковский Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСО РГО. Т. 20. № 1–2. Иркутск, 1890.
- Гладилин А. В. Памятники железного века Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985.
- Герман П. В., Леонтьев С. Н., Савельева А. С., Герман В. В. Предварительные результаты исследований на памятнике Сергушкин 3 в Северном Приангарье (2009–2011 г.) // Материалы науч. сессии ИЭЧ СО РАН 2011 года. Вып. 3. Кемерово, 2011.
- Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л. Спасательные работы Берябинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // ПАЭССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Тр. САИПИ. Вып. VII. Кемерово, 2011.
- Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Привалихин В. И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // ДПС. Вып. 4. Красноярск, 2005.
- Дроздов Н. И., Макулов В. И., Ермолаев А. В. Археологическая карта нижнего течения реки Ангары // ПИККК. Вып. 1. Красноярск, 1989.
- Коровушкин Д. Г. Богучанская археологическая экспедиция (трехлетние итоги) // ПАЭССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Краткий обзор Красноярского городского музея // Изв. КВСО ИРГО. Т. II. Вып. 3–4. Красноярск, 1908.
- Леонтьев В. П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999.
- Леонтьев В. П., Вдовин А. С. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 г. // ПАЭССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск, 1989.
- Макаров Н. П. Работы Красноярского краеведческого музея // АО 1981 г. М., 1983.

Макаров Н. П., Привалихин В. И., Дроздов Н. И. Исследования в Кежемском и Тунгусо-Чунском районах // АО 1977 г. М., 1978.

Макулов В. И., Дроздов Н. И., Заика А. Л., Березовский А. П. Археологические исследования в Туруханском районе Красноярского края в 1996 году // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997.

Макулов В. И., Леонтьев В. П. Новые данные по железнному веку Эвенкии (бассейн реки Подкаменная Тунгуска) // ДПК. Вып. 2. Красноярск, 2003.

Мандрыка П. В. Новые материалы с Подкаменной Тунгуски // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 5. Красноярск, 2010.

Мандрыка П. В., Баташев М. С. Результаты археологической разведки в таежных районах Енисея // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. В., Бирюлева К. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников шивера Проспихино на Ангаре // ПАЭССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.

Николаев Р. В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

Николаев Р. В. Археологические находки из Туруханского района как источники по этногенетическим процессам на севере Сибири // АЮС. Вып. 11. Кемерово, 1980.

Окладников А. П. Погребение бронзового века в Ангарской тайге // КСИИМК. Вып. VIII. М.; Л., 1940.

Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993.

Привалихин В. И., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921–1982 гг.) // ДПС. Вып. 4. Красноярск, 2005.

Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011.

Рыбин Е. Н., Кубан А. А., Мещерин М. Н., Фролов Я. И. Археологические работы на стоянках Игренькина шивера и Колпаков ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // ПАЭССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.

Тугаринов А. Я. Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г. // Изв. КрОРГО. Т. III. Вып. 2. Красноярск, 1924.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998.

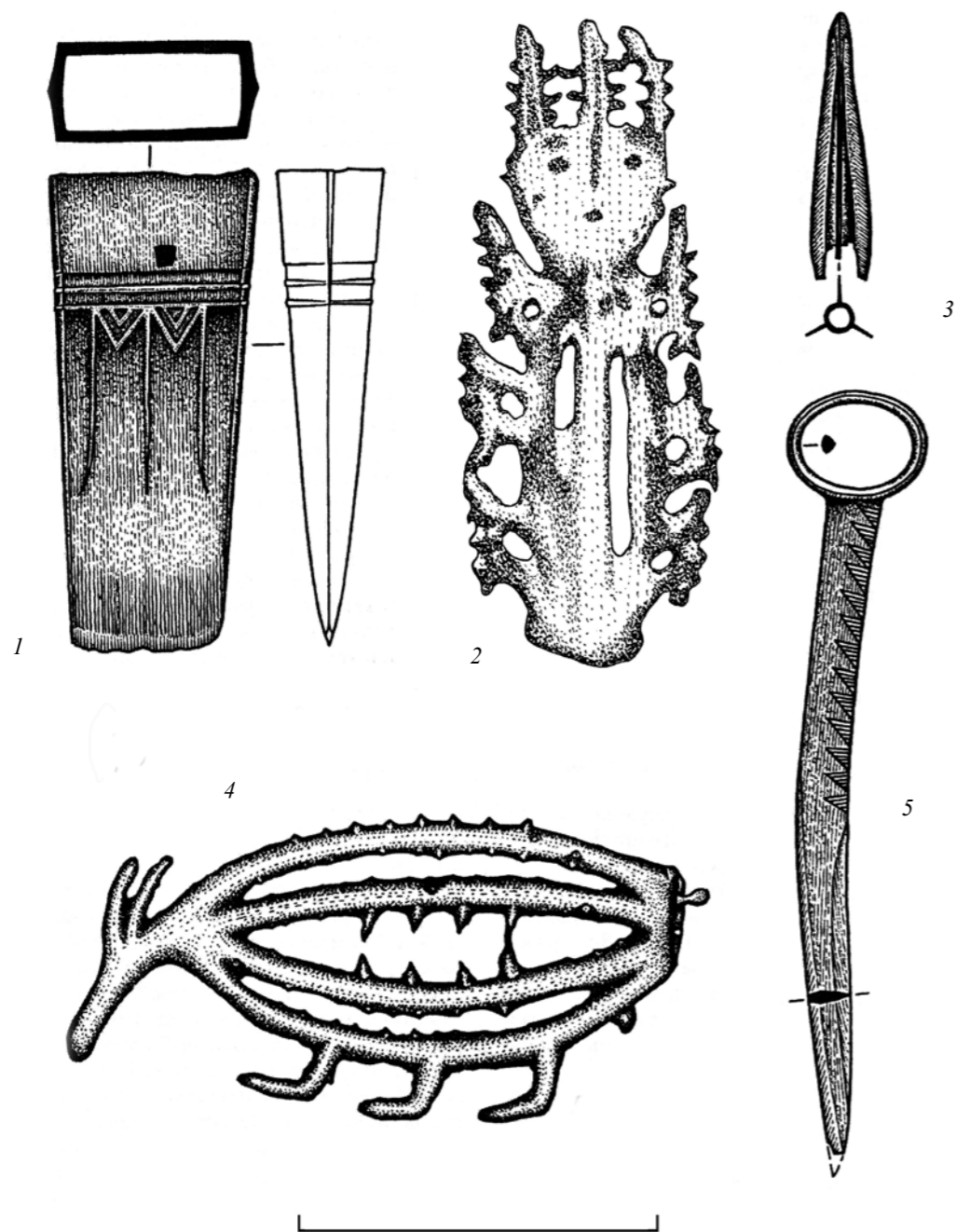

Рис. 1. Низовья р. Подкаменная Тунгуска. 1–5 – Бронзовые изделия раннего железного века

Археология Севера России раннего средневековья

А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова
г. Пермь
ПГГПУ; ПФ ИИА УрО РАН

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРЕДУРАЛЬЯ X–XI вв.: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ¹

Анализ публикаций, посвященных археологическим материалам начала II тыс. н. э., показывает, что вещи X–XI вв. редко дифференцируются по векам. Между тем в течение этого периода материальная культура, безусловно, развивалась. Прежде всего, учитывая то, что это было время усиления культурных и экономических контактов, зарождения городов и выработки новой городской культуры, изменившей прежние традиции и стереотипы, становления и бурного развития ремесел. При сохранении территориального своеобразия, материальная культура на обширном пространстве лесной и лесостепной полосы Восточной Европы приобретает схожие черты. В этой связи, выводы, полученные при анализе хронологических особенностей материальной культуры прикамских могильников X–XI вв., в определенной степени могут быть применимы и для других территорий.

На протяжении ряда полевых сезонов Камской археолого-этнографической экспедицией Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета исследовались крупные могильники – Рождественский в Карагайском районе и Огурдинский в Усольском районе Пермского края. Комплексы их погребального инвентаря достаточно представительны для проведения датировки, основанной на корреляции. Кроме того, в их составе имеются монеты.

Для первичной датировки отдельных типов предметов ориентиром послужили вещевая хронология средневекового Новгорода, созданная на основе дендрощкалы [Колчин, 1982; Лесман, 1982; 1984; 1990; 2012; Седова, 1981; Щапова, 1956], аналогии из одновременных финно-угорских культур [Архипов, 1973; 1984; 1986; Генинг, 1962; Голубева, Кочуркина, 1991; Захаров, 2004; Иванов А., 1998; Иванов В., 1993; Карачаров, 1993; Кочуркина, 1989; Мажитов, 1981; 1993; Никитина, 2002; Савельева, 1997; Сунгатов, 1993], Волжской Болгарии [Казаков, 1991; 1992], датировки отдельных периодов, памятников и вещей из Пермского Предуралья [Абдулова, 2009; Голдина, 1985; Голдина, Кананин, 1989; Крыласова, 2007а; 2007б; Оборин, 1970].

На основании полученных дат погребения были объединены в хронологические группы, позволившие выстроить периодизацию вещевых комплексов. Объективность распределения этих комплексов по группам была проверена методами математической статистики.

Изученная часть Рождественского могильника заполнялась с начала X до конца XI вв. Лишь единичные погребения ранней хронологической группы принадлежат к концу IX – рубежу IX–X вв., а позднее – к самому началу XII в. Всего выделено около двух десятков хронологических групп в пределах от одной четверти века до одного-двух столетий. При этом данные группы «взаимоперекрываются», что отражает закономерный процесс смены вещевых комплексов, когда новые типы вещей сосуществуют со старыми. По наличию существенных отличительных черт группы были объединены по периодам: первая половина X в., вторая половина X – первая половина XI в., вторая половина XI в. Огурдинский могильник датирован

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ по проекту № 13-11-59007 «Проблема «прародины» угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья».

менее широким диапазоном: первой половиной XI в., хотя его отдельные ранние погребения могли относиться к концу X в., а самые поздние – ко второй половине XI в. Сопоставление материалов обоих могильников позволяет скорректировать представления об особенностях материальной культуры первой половины XI в.

Отдельные вещи с широкой датировкой, бытовавшие еще с IX в., представлены по всем периодам вплоть до конца XI в.: шумящие подвески из пары небольших умбонов с петлей вверху, встречающиеся в комплекте с подвесками из одного крупного умбона, окруженного треугольными зубцами; флаконовидные пронизки с прорезным решетчатым туловом; спиралевидные пронизки; литые пронизки со вздутиями, плавно переходящими к трубочке; небольшие бронзовые бусы с «воротничками» у отверстий; гладкие пронизки-колокольчики; кольчатые удила; плоские ромбовидные наконечники стрел, наконечники копий-рогатин (рис. 1 – А). Часть наследия IX в. сохранялась до середины XI в.: колесовидные украшения, разные типы биконьковых подвесок, костыльковые подвески с прямой планкой, втульчатые топоры-кельты, мотыжки, прямоугольные подпружные пряжки (рис. 1 – Б).

В течение двух столетий использовались некоторые предметы, возникшие в начале X в. Особо массовые из них – полые шаровидные привески из отдельно отлитых половинок (рис. 1 – 51), часто украшенные насечками в нижней части тулова. Они бытовали наряду с неорнаментированными. Во второй половине XI в. сохранились только гладкие привески. Встречаются и цельнолитые гирьковидные привески, имевшие до середины XI в. биконическую форму; нижняя часть у них обычно украшена насечками (рис. 1 – 52). Во второй половине XI в. были распространены гладкие гирьковидные привески в форме шарика (рис. 1 – 53). Бытовали и крупные каплевидные привески (рис. 1 – 54). В X – первой четверти XI в. массово представлены бронзовые бусы-«флакончики» (рис. 1 – 57). В первой половине X в. распространились варианты поясных накладок в виде соединения двух «сердечек» с маленькими выпуклинами во всех уголках (рис. 1 – 49). Такие накладки с тонким орнаментом из концентрических кругов, овалов и завитков сохранялись до XI в. (рис. 1 – 50). С начала X до середины XI в. бытовали пряжки переходного типа – от щитковых к восьмеркообразным – с орнаментированной площадкой между рамкой и приемником для ремня (рис. 1 – 48). В X – первой половине XI в. использовались серебряные погребальные маски-личины (рис. 1 – 58), калачевидные кресала без язычка или со слабо выраженным язычком (рис. 1 – 59), а также биметаллические кресала с рукоятью, оформленной в зверином стиле (рис. 1 – 60).

Ранняя хронологическая группа погребений Рождественского могильника датирована первой половиной X в. Тем не менее, два погребения (№№ 25 и 36), возможно, относятся к концу IX в.

В погребении № 25 находился поясной набор с накладками (рис. 1 – 26–28), характерными для салтовских памятников конца VIII – IX в. и памятников, связанных с ними по времени, в том числе, ломоватовских [Голдина, 1985. Рис. 16 – 119]. Все накладки имеют аналогии на Танкеевском могильнике в Татарстане [Казаков, 1992. С. 168, рис. 60 – 13, 17, 23, 32], где есть и прямые аналогии бляхе для соединения ремней уздечки, орнаментированной тройными выпуклинами на окончании спиц-лучей, и находившимся в комплекте с ней накладкам, оформленным в том же стиле (рис. 1 – 30) [Казаков, 1992. Рис. 58 – 13, 60 – 117]. По мнению Е. П. Казакова, такие соединительные бляхи распространились в IX в. в среде определенных этнических групп, занимавших территорию Башкирии и Закамской Татарии, и продолжали бытовать в X в. [Казаков, 1992. С. 156].

В погребении № 36 представлен набор накладок в виде круглых и фигурных серебряных пластин с отверстиями для штифтов (рис. 1 – 31) с прямыми аналогиями на могильнике Мыдлань-Шай VIII–IX вв. [Генинг, 1962. С. 60–62, табл. X – 2, 4]. Для находившейся в том же комплексе фибулы с оформлением в виде цилиндров, надетых на основу (рис. 1 – 32), аналогий не найдено, но в целом подковообразные фибулы круглого сечения бытовали в X–XI вв. [Седова, 1981. С. 86]. Остальной материал (калачевидное кресало, бусина, втульчатый топор) может принадлежать к X в. В целом комплексы первой половины X в. (рис. 1 – В) почти не отличаются от материалов конца VIII – IX в., отнесенных Р. Д. Голдиной к урьинской стадии ломоватовской культуры [Голдина, 1985. Рис. 16]: серьги с гроздьевидной привеской, биконьковые подвески с привесками в виде гладких колокольчиков, прямые костыльковые подвески с гроздьевидными концами, бронзовые подвески-ложечки, граненые браслеты с кружковым орнаментом, ножны, обложенные медной пластиной с медными кольцами, проушные топоры с вытянутым обушком и прямоугольной подушечкой [Там же. С. 131], монетовидные подвески в виде серебряного кружка, наложенного на медную основу с ушком, миниатюрные накладки в виде стилизованной лилии [Там же. Табл. XII – 26]. Элементы поясного набора часто украшены полушарными выпуклинами. Такая орнаментация позднее не встречается, и ее можно считать характерной для материалов конца IX – начала X в. Отличаются эти комплексы от ломоватовских только по наличию предметов, появившихся с X в. – шаровидных и гирьковидных привесок, флаконовидных бронзовых бус, калачевидных кресал и т. д.

Погребения второй половины X – первой половины XI в., составляющие подавляющее большинство на Рождественском могильнике, содержат довольно стандартные вещевые комплексы. В целом для этого

периода (рис. 2 – А) наиболее массовыми датирующими предметами являются грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью (рис. 2 – 14, 15), а также крупные полые шаровидные бусы (рис. 2 – 17), появившиеся не ранее середины X в. и служащие важным репером для отделения материалов более раннего периода. Меняется состав височных украшений, наряду с округлыми распространяются серебряные и золотые проволочные кольца овальной, овально-подтреугольной и грушевидной формы (рис. 2 – 2–4), появляются ранние варианты калачевидных подвесок – литые из бронзы (рис. 2 – 5), которые к XI в. сменяются кованными серебряными и золотыми (рис. 2 – 6–8). В течение всего периода встречаются пронизки-«самоварчики» (рис. 2 – 28, 29); наряду с ажурными появляются флаконовидные пронизки с непрорезным туловом (рис. 2 – 9, 10); среди трубчатых пронизок возникают разновидности со вздутиями, резко отделенными от трубочки (рис. 2 – 25), с трубочкой, покрытой между вздутиями поясками, и сплошь покрытые поясками (рис. 2 – 27); кроме того, для этого времени характерны пронизки с парой прорезных вздутий (рис. 2 – 26). Эпизодически встречаются пронизки в виде борových птичек (рис. 2 – 30). Все шумящие подвески снабжаются привесками-лапками реалистичного облика с выделенными пальцами, с петлей, расположенной в одной плоскости и привеской. Возникает вид украшений, у которых основу заменяет цепочка с прикрепленными к ней привесками-лапками (рис. 2 – 11–13). Параллельно с прежними костыльковыми (рис. 2 – 18) возникают подвески с коротким костыльком (рис. 2 – 19), имевшие аналогичное назначение: крепление наконечников к прическе и привесок к поясу. Во второй половине X в. появляются однажорьковые подвески. Их ранние типы отличаются оттянутыми книзу приостренными концами якорьков, наличием одной петельки или трех, расположенных в ряд (рис. 2 – 20, 21). Позже стали изготавливаться якорьковые подвески с 3–5 петлями, расположенными треугольником, с более короткими концами якорьков, завершающимися округлыми расширениями, которые бытовали до конца XI в. (рис. 2 – 22–24). Встречаются варианты шаровидных привесок с ребристым туловом (рис. 2 – 16). Появляются литые бронзовые пластинчатые браслеты, имитирующие серебряные ювелирные браслеты со сканью, зернью и стеклянными вставками в округлых расширениях на концах (рис. 2 – 46). Наряду с ними бытовали браслеты из толстой проволоки (рис. 2 – 45). Появляются перстни, у которых щиток заменяет серебряное полушарие, оформленное сканью, зернью и вставками из цветных камней или стекла, которые существовали затем на протяжении всего XI в. (рис. 2 – 57). В мужских погребениях встречаются фрагменты поясных кошелев с металлическими обоймочками по краю (рис. 2 – 49). В женских – детали поясных сумок, украшенных шумящими умбоновидными подвесками (рис. 1 – 1–3) или накладками: квадратными (рис. 2 – 31, 33), миниатюрными сердцевидными без орнамента, в сочетании с наконечниками ремней и своеобразными накладками в виде «банта» в аналогичном оформлении (рис. 2 – 50–52). Появляются бронебойные наконечники стрел (рис. 2 – 64, 65) и новый тип проушных топоров (рис. 2 – 59). В составе железных орудий мужских комплексов погребального инвентаря наряду с мотыжками, скобелями, топорами найдены орудия в виде приостренного стержня квадратного сечения и зубильца (рис. 2 – 62, 63). Чаще встречаются калачевидные кресала с язычком (рис. 2 – 66, 67), сосуществующие с кресалами без язычка. Для комплексов этого периода характерны серебряные обкладки венчиков деревянных сосудов (рис. 2 – 48).

Несмотря на определенную однородность погребальных комплексов периода второй половины X – первой половины XI в., за счет полученных более узких дат отдельных погребений Рождественского и сопоставления их с материалами Огурдинского могильника, удалось проследить некоторые хронологические особенности.

Во второй половине X в. сохраняются отдельные архаичные предметы: серебряные подвески-всадники (рис. 2 – 85); металлические копоушки (рис. 2 – 106, 107); шумящие подвески в виде половинки горизонтальной трубочки (рис. 2 – 84); варианты литых серег с гроздьевидной привеской (рис. 2 – 82, 83), широкие пластинчатые браслеты с кружковым орнаментом (рис. 2 – 104, 105), которые в целом датируются более широко, по крайней мере, в пределах X в. Пронизки-колокольчики нередко снабжаются петлями для шумящих привесок (рис. 2 – 80, 81). Наряду с монетовидными появляются более крупные серебряные подвески-медальоны с приклепанным медным ушком (рис. 2 – 86, 87). Медная основа у таких украшений исчезает, а к концу X в. утрачиваются и медные ушки. Вместо этого на монетах и круглых серебряных подвесках пробиваются по несколько отверстий для пришивания (рис. 2 – 88).

Разнообразнее становятся поясные наборы, что объясняется, с одной стороны, большим количеством погребений этого времени, с другой – усилением культурного влияния Волжской Болгарии, родственных финно-угорских культур, развитием местных ремесленных центров, где происходил поиск новых форм украшений и вариантов декора на основе развития импортных образцов. Среди бронзовых пряжек второй половины X в. представлены: изделия с прямоугольным щитком, имеющим завершение в виде «ласточки хвоста» (рис. 2 – 68, 69); со щитком в виде различных вариантов трилистника (рис. 2 – 70–75); пряжки переходного типа – от щитковых к восьмеркообразным – с разными вариантами декоративного оформления, в том числе, с изображением медведя в «ритуальной позе» (рис. 2 – 76–78); единичные восьмеркообразные (рис. 2 – 79).

Большинство этих типов сохранялись и в первой половине XI в. (рис. 2 – 117–123). Из поясных накладок на протяжении всего периода второй половины X – первой половины XI вв. преобладали неорнаментированные квадратные с сердцевидной прорезью и сердцевидные с округлой прорезью (рис. 2 – 31, 34). Вместе с тем в составе поясных наборов и оформлении женских сумок среди гладких накладок нередко присутствует несколько орнаментированных. На квадратных накладках наиболее распространен орнамент из завитков, расположенных в виде буквы «Ж» (рис. 2 – 32), реже встречается более «пышный» вариант этого орнамента (рис. 2 – 33). Судя по анализу публикаций, этот декор характерен для Пермского Предуралья, за пределами которого такие накладки встречаются единично. Изредка «Ж»-образный орнамент помещался и на сердцевидных накладках (рис. 2 – 35). В первой половине XI в. на квадратных и сердцевидных накладках встречается орнамент в виде косой решетки (рис. 2 – 132, 138); многочисленны квадратные накладки, орнаментированные завитками, расположенными в виде крыльев бабочки (рис. 2 – 133); известны варианты накладок с подобным орнаментом, имеющие треугольную выемку с одной стороны и треугольный выступ с противоположной (рис. 2 – 134). Довольно широко представлены накладки, напоминающие по форме английский геральдический щит: с небольшими выступами по углам вдоль прямой стороны и вытянутым сердцевидным выступом с противоположной стороны. Во второй половине X в. чаще бытовали их неорнаментированные варианты (рис. 2 – 91–92) и накладки с орнаментом в виде простого трилистника (рис. 2 – 96). На рубеже X–XI и в первой половине XI в. обычно встречались накладки с бордюром, имитирующим зернь (рис. 2 – 137), и с овальным углублением в центре (рис. 2 – 136), сочетавшиеся в наборах с сердцевидными накладками аналогичного оформления. В основном для второй половины X в. характерны полуовальные накладки с прямоугольной или сердцевидной прорезью, хотя их отдельные экземпляры сохранялись и в начале XI в. Чаще они оформлялись бордюром с насечками, а в центре располагалось три точки, размещенные треугольником (рис. 2 – 90); кроме того, здесь же можно найти орнамент в виде простого трилистника (рис. 2 – 89), характерный для этого времени. Во второй половине X в. встречаются накладки разных форм (квадратные, сердцевидные, полуовальные и пр.) с орнаментом из ромбов и стилизованных завитков с бутонами (рис. 2 – 94). Со второй половины X в. в составе поясных наборов присутствуют накладки в виде полумесяца с полушарными выступами по бокам (рис. 2 – 40–41), отдельные варианты прямоугольных накладок (рис. 2 – 42), выпуклые круглые накладки-пуговицы (рис. 2 – 36–39), накладки-обоймочки (рис. 2 – 43) и миниатюрные накладки-заклепки (рис. 2 – 44). Но, судя по материалам Огурдинского могильника, период наибольшего разнообразия прямоугольных накладок (рис. 2 – 157) и обоймочек (рис. 2 – 147, 148) приходится на первую половину XI в., когда происходит и дальнейшее развитие накладок-заклепок (рис. 2 – 155). Со второй половины X в. более популярным становится дополнение поясов привесками в виде наборных ремешков, для оформления которых возникают новые разновидности небольших накладок и наконечников ремней. Широко использовались накладки в виде стилизованной звериной мордочки (рис. 2 – 99–100), декоративное оформление которых со временем усложнялось, достигнув наиболее «пышного» вида на рубеже X–XI и в первой половине XI вв. (рис. 2 – 153, 154, 158, 159). На Рождественском могильнике обнаружены и щитовидные накладки с изображением аналогичной мордочки (рис. 2 – 152). Ближе к концу X в. распространились накладки круглой и кольцевидной формы для привесок (рис. 2 – 151, 160) и для основного поясного ремня (рис. 2 – 149), особенно широко представленные на Огурдинском могильнике. Тем не менее, самыми массовыми являлись сердцевидные накладки разных пропорций, обычно неорнаментированные или с бордюром, имитирующим зернь (рис. 2 – 53–56), реже – с растительным орнаментом (рис. 2 – 161, 178), количество которых возросло в XI в. Наконечники ремней для поясных привесок часто не орнаментированы (рис. 2 – 56, 98, 101). В конце X – первой половине XI в. распространяются наконечники с каплевидным орнаментом и с пальметтами (рис. 2 – 156), а также варианты фигурных наконечников (рис. 2 – 162, 164).

В конце X – начале XI в. возникает ряд новшеств, сохранявшихся весь XI в., а иногда и дольше. Появляются первые варианты узкопластинчатых браслетов (рис. 2 – 194), серебряные пластинчатые перстни (рис. 2 – 184); костыльковые подвески приобретают дугообразную форму (рис. 2 – 130); грушевидные крестопрорезные бубенчики часто состоят из двух отдельно отлитых половинок (рис. 2 – 113). В погребениях конца X – первой четверти XI в. встречаются проволочные овальные височные кольца со стеклянной бусиной (рис. 2 – 112), крупные шаровидные бубенчики с крестовидной прорезью (рис. 2 – 116), пронизки-уточки с большим полуайцевидным туловом и маленькой изящной головкой (рис. 2 – 143, 144). В составе поясных наборов появляются новые виды накладок и наконечников ремней. Среди них особо следует отметить выпуклые щитовидные накладки с растительным орнаментом, образующим фигуру, похожую на бабочку (рис. 2 – 172, 173), которым сопутствовал стандартный набор накладок поясных привесок, включающий сердцевидные с изображением трилистника (рис. 2 – 176), розетковидные накладки (рис. 2 – 175) и наконечники ремней, украшенные в центральной части рядами точек, а по бордюру – рубчиками или имитацией зерни (рис. 2 – 179). Этот набор в неизменном составе сохранялся в Пермском Предуралье

вплоть до конца XIII в. Одновременно возникают иные формы накладок с более узкой датировкой, отличительной особенностью которых является пышная орнаментация: сердцевидные, щитовидные, в виде квадрата с полукруглыми выемками с двух противоположных сторон. С начала XI в. на некоторое время возрождаются накладки с подвижными колечками (рис. 2 – 165–167), пояса все чаще снабжаются восьмеркообразными пряжками (рис. 2 – 124–129), имеющими многочисленные западные аналогии. С запада проникают отдельные экземпляры спиральновитых и разомкнутых пластинчатых широкосрединных перстней (рис. 2 – 185–187), бубенчики новых форм (рис. 2 – 114, 115). Появляются цепочки из двойных и тройных колечек (рис. 2 – 192), что, по новгородской хронологии, является датирующим признаком материалов начала XI – XIV в. [Лесман, 1990. С. 67]. К числу местных новшеств относится распространение «кльковидных» подвесок (рис. 2 – 131), вариантов височных украшений с полкой грушевидной привеской и сложным скано-зерневым декором (рис. 2 – 108–111). Трубочатые пронизки становятся более массивными (рис. 2 – 146), крупные шаровидные бусины нередко орнаментируются (рис. 2 – 188–191). В XI в. появляются овальные двулезвийные кресала (рис. 2 – 196), прямоугольные подпружные пряжки сменяются лировидными (рис. 2 – 193), среди железных орудий в мужских погребениях появляются резцы-ложкари (рис. 2 – 195).

Особо заметные изменения наблюдаются во второй половине XI в. (рис. 3). В это время продолжают использоваться поясные наборы с накладками, схожими с более ранними, но штифты для крепления к ремню теперь не отливаются вместе с накладкой, а припаиваются отдельно. В одном из погребений встречен набор серебряных накладок с черневым орнаментом (рис. 3 – 6). При изготовлении основ шумящих украшений, трубчатых и колоколовидных пронизок начинает использоваться новая технология, при которой элементы из гладкой и штампованной проволоки вставлялись в литейную форму и заливались металлом. Шумящие украшения дополняются привесками в виде изогнутых «лапок» с петлей, перпендикулярной основе, которые, вероятно, за пределы XI в. не выходят. Наряду с ними появляются толстостенные литые колокольчики и бубенчики с высокой шейкой, украшенной «поясками». Привески крепятся на щитковых цепочках. Калачевидные височные украшения украшены пышным скано-зерневым декором и позолотой. Появляются калачевидные кресала с прямоугольным язычком (рис. 3 – 28). Кроме того, найдено необычное калачевидное кресало, согнутое из толстой стальной полосы (рис. 3 – 29).

Таким образом, в конце IX – первой половине X в. сохранялся вещевой комплекс, свойственный поздней стадии ломоватовской культуры. Во второй половине X – первой половине XI в. происходит процесс бурного развития материальной культуры, обусловленный рядом культурно-экономических причин, но протекавший в рамках прежних традиций. Отмечается длительное сохранение некоторых характерных для Прикамья украшений, отражающее их особую роль в костюме средневекового населения. Существенные изменения, связанные со сменой направления культурных контактов, фиксируются во второй половине – конце XI в., когда начинает меняться не только внешний облик вещей, но и технология их изготовления.

Литература

- Абдулова С. И. Хронология бус могильников Верхнего Прикамья VIII–XIV вв. // Вестн. ЧГУ. № 23 (161). Челябинск, 2009.
- Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973.
- Архипов Г. А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1984.
- Архипов Г. А. Марийцы XII–XIII вв. Йошкар-Ола, 1986.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Аффула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. Пермь, 2012.
- Генинг В. Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. Вып. 3: Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. Свердловск, 1962.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.
- Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991.
- Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998.
- Иванов В. А. Хронологические комплексы X–XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань, 1991. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
 Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
 Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
 Кочуркина С. И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.
 Крыласова Н. Б. Хронология кресал Пермского Предуралья // Изв. ЧНЦ УрО РАН. № 1. Челябинск, 2007а.
 Крыласова Н. Б. Археология повседневности. Пермь, 2007б.
 Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
 Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
 Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990.
 Лесман Ю. М. Хронология корельских могильников: взгляд из Новгорода // Stratum plus. № 5. СПб., 2012.
 Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.
 Мажитов Н. А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
 Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.
 Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9. Свердловск, 1970.
 Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
 Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
 Сунгатов Ф. А. К вопросу о датировке Варнинского и Тольенского могильников // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
 Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. М., 1956.

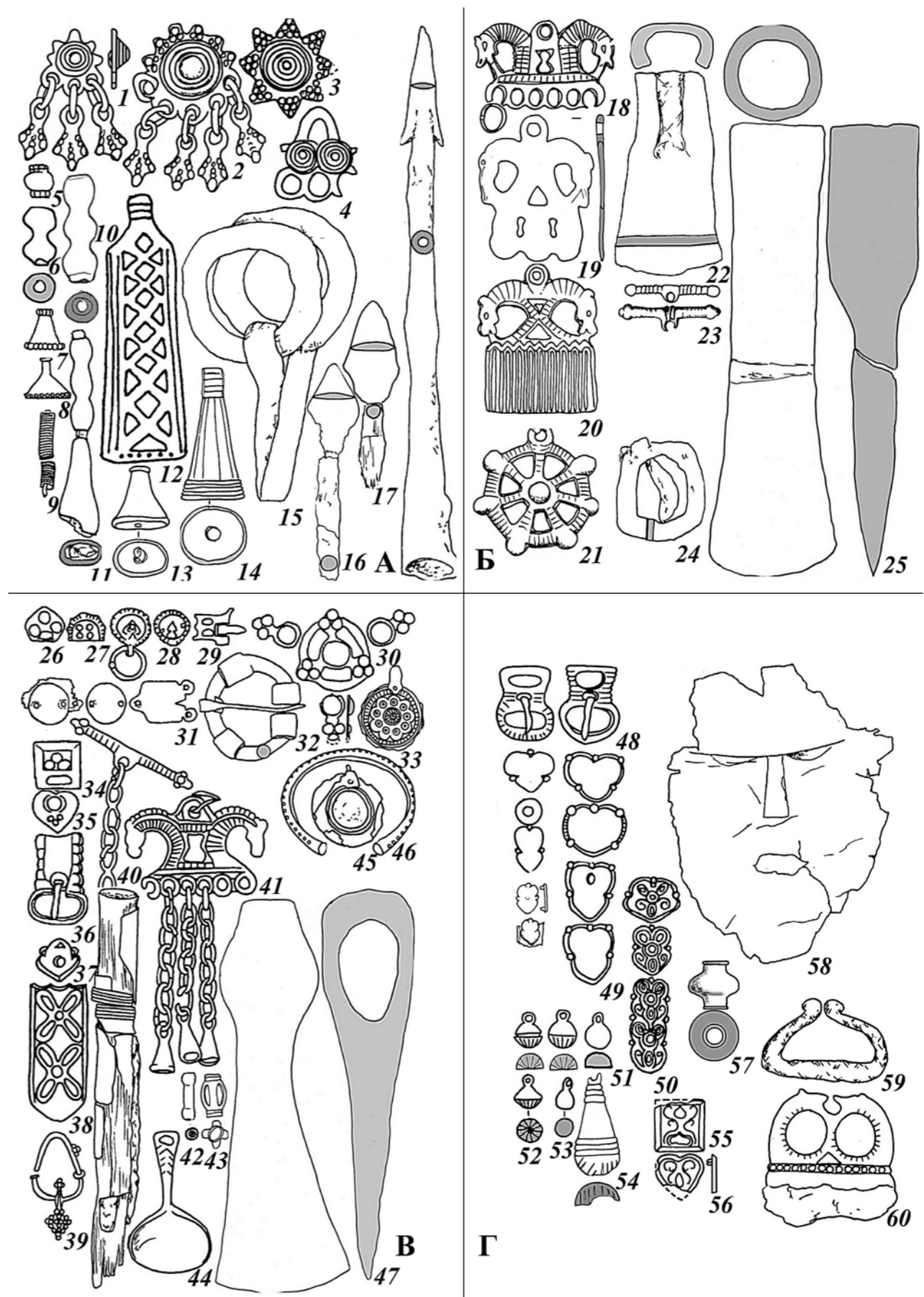

Рис. 1. Материальная культура Предуралья IX–XI вв.: А – материалы IX–XI вв.; Б – материалы IX – первой половины XI в.; В – материалы первой половины X в.; Г – материалы X – первой половины XI в.

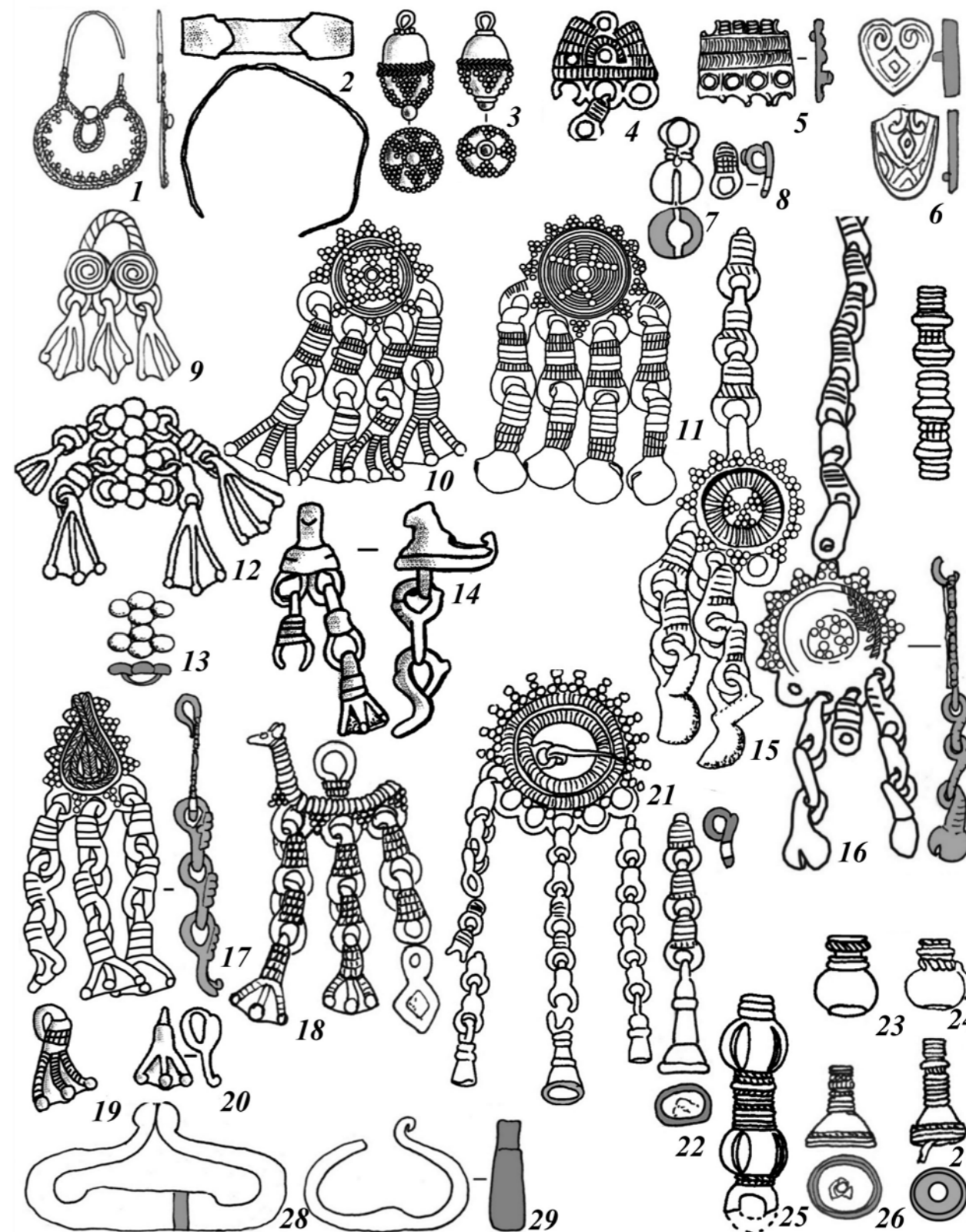
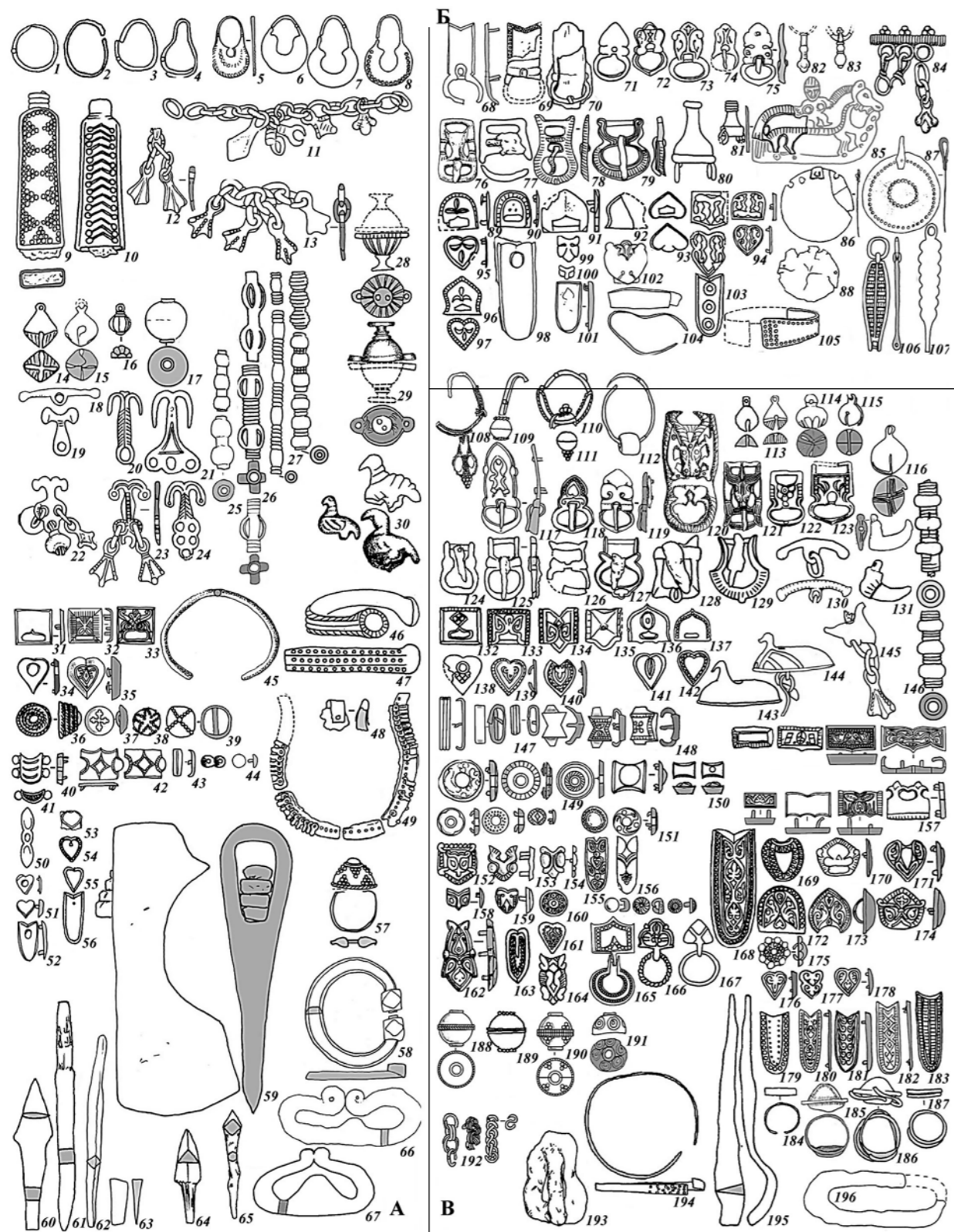

Рис. 2. Материальная культура Предуралья X–XI вв.: А – материалы второй половины X – первой половины XI в.; Б – материалы второй половины X в.; В – материалы первой половины XI в.

Рис. 3. Материальная культура Предуралья X в. (материалы второй половины XI в.)

А. М. Мурыгин
г. Сыктывкар
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН,
М. А. Усолкина
г. Нефтеюганск
АНО ИАС

ХЭЙБИДЯ-ПЭДАРСКОЕ ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО – НОВЫЕ ДАННЫЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ 2012 г.)

Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место находится на левобережье среднего течения р. Море-ю в Большеземельской тундре (Ненецкий автономный округ Архангельской области) (рис. 1; 2). Здесь раскинулся самый северный в тундре обособленный участок реликтового елово-березового леса, расположенный более чем в 100 км к северу от современной границы распространения тайги. Верхние почвенные горизонты по обоим берегам реки в этом районе на больших площадях разрушены *яреями* – котловинами выдувания.

Памятник был открыт геологом Г. А. Черновым в 1947 г., который произвел расчистку на площади 2 кв. м [Чернов, 1955]. В 1967 г. В.И. Канивец заложил на территории святилища раскоп площадью 43 кв. м [Канивец, 1970. С. 12]. Материалы раскопок В. И. Канивца были опубликованы в 1984 г. [Мурыгин, 1984]. Исследование жертвенного места было продолжено А. М. Мурыгиным в 1987 г. на площади около 84 кв. м [Мурыгин, 1992].

В 2012 г. основным исполнителем работ был Институт археологии Севера (г. Нефтеюганск). К выполнению данных исследований были привлечены сотрудники ООО «НПО «Северная Археология-1» (г. Нефтеюганск), ИЭРиЖ УрО РАН (г. Екатеринбург), ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)¹.

Для определения границ раскопов 1967 и 1987 гг. на жертвенном месте было заложено пять траншей, общей площадью 48 кв. м, которые были приурочены к границам котлованов старых раскопов и функциональному центру памятника. На разрушенных участках собран подъемный материал, максимальное удаление которого от святилища составило порядка 170–180 м. На прилегающей к жертвенному месту поверхности, где следы ветровой эрозии отсутствуют, была проведена сплошная металлоразведка. На границе распространения находок из металла были заложены три шурфа (на расстоянии 50–100 м от святилища), общей площадью 16 кв. м: с целью идентификации залегающих в слое изделий и изучения характера культурного слоя памятника².

При раскопках Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в 2012 г. в контрольных шурфах и на поверхности было найдено 377 различных предметов. В их число входили фрагменты керамики (11,7% общего числа находок), изделия и их обломки из цветных металлов (медь, бронза, серебро, бронза с позолотой, серебро с позолотой, возможно, олово: 62,3%), железа (23,9%) и камня (2,1%).

Описание инвентаря дается суммарно, без учета места нахождения отдельных предметов и носит информационный характер.

Керамика немногочисленна и фрагментарна. Насколько можно судить по орнаментированным обломкам, она представлена типами, уже известными по предыдущим раскопкам.

Основную группу составляют сосуды с сильно утолщенным краем и ямочно-гребенчатым декором (рис. 3 – 43). Они аналогичны материалам из других средневековых памятников Большеземельской и Малоземельской тундры [Мурыгин, 1992]. За пределами тундр Европейского Севера параллели поздней субарктической керамики можно найти на памятниках п-вов Ямал, Югорского и о. Вайгач. Данный керамический комплекс Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места датируется временем не ранее последней четверти I тыс. н. э. и имеет сходство с глиняной посудой нижеобского и ямальского круга археологических культур (угорских или самодийских).

Остальные сосуды памятника также типичны для культуры населения Европейского Заполярья ранне-средневековья и известны по многочисленным сборам на разрушенных тундровых стоянках. Некоторые из определимых фрагментов выглядят более ранними. Они могут быть сопоставимы с керамикой типа поселения Хутыюнкосе I [Мурыгин, 1992. Рис. 49], документирующего V–VIII вв. в развитии культуры населения Большеземельской тундры.

¹ Охранно-спасательные работы выполнялись в соответствии с госконтрактом между Управлением культуры НАО и автономной некоммерческой организацией «Институт археологии Севера».

² Еще один шурф (1 кв. м) оказался за пределами жертвенного места, на площади «Хэйбидя-Пэдарского кладбища» – объекта культурного наследия XVIII–XIX вв., граничащего с северной стороны с жертвенным местом. Найдены фрагменты железного сундучка, ключ от него, железный колокольчик и стеклянная бусина.

Предметы с зоо – антропоморфной символикой

Бронзовые бляшки представляют собой грубые необработанные отливки в виде вертикально стоящих лосеподобных существ с выемчатым изображением внутренностей (рис. 3 – 29, 39, 41, 42). Большое количество подобных культовых предметов было найдено на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в 1947 и 1967 гг. [Чернов, 1955. Табл. V – 6–9; Мурыгин, 1984. Рис. 2 – 3, 14–22]. Аналогии им известны на расположенном неподалеку поселении Море-ю II, ориентировочно датирующемся серединой I тыс. н. э. [Мурыгин, 1992. Рис. 43 – 7], а также на святилищах о. Вайгач [Хлобыстин, 1993. Рис. 1; Барышев, 2011. Рис. 28 – 32; 42 – 4, 5, 7].

Амулет из бронзы с изображением всадницы на коне, попирающем змею (рис. 3, 22). По классификации Е. А. Рябиной, этот предмет относится к наиболее раннему, первому, варианту XI типа III группы таких зоо-антропоморфных изображений [1981. Табл. IX – 1–6, X – 1]. Они датируются концом X – XI в. и являются по происхождению камскими [Там же. С. 25–27].

Штампованное культовое изделие представлено бронзовой основой от круглой двусоставной подвески (рис. 3 – 1). Основой композиции, составленной из выдавленных изображений, является человеческая личина, завершающаяся тремя выступами, в окружении фигурок различных животных. Такие же полностью сохранившиеся подвески, состоящие из бронзовой основы и серебряной накладки, найдены в Уньинской пещере [Канивец, 1962. Рис. 12], гроте Арка [Багин, 2005. Рис. 4 – 10], Эшмесской пещере [Мурыгин, 2011] и на самом Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в 1967 г. [Мурыгин, 1984. Рис. 4 – 12]. Находки из Уньинской и Эшмесской пещер датированы X–XI вв. [Канивец, 1962. С. 118; Мурыгин, 2011], со святилища Арка – концом XI или началом XII в. [Багин, 2005. С. 64].

Подвеска плоская круглая, серебряная с прочерченными изображениями магического содержания – граффити (с одной стороны просматривается олень, с другой – морское животное с прорисовкой внутренностей) (рис. 3 – 28). Аналогичные подвески из серебра, но без граффити, найдены в Нерицком могильнике X–XI вв. [Истомина, 1997. С. 114, рис. 7 – 2, 4–6], Эшмесской пещере X–XI вв. [Мурыгин, 2011] и при раскопках в 1987 г. Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места [Мурыгин, 1992. Рис. 11 – 3–5; 21 – 49, 50].

Украшения

Височные кольца, серги. *Височные кольца* представлены одним сломанным серебряным и тремя целыми бронзовыми изделиями (рис. 3 – 32–34). Серебряное кольцо – гладкое круглопроволочное с обрубленными концами. Бронзовые изготовлены из крученой проволоки или прута с имитацией кручения; два из них – с заходящими концами, одно – с крючками на концах. Височные кольца с эсвидными или спирально-загнутыми концами (рис. 3 – 32), имели широкое и повсеместное распространение в XII–XIII вв. на всей территории Волго-Окского междуречья [Горюнова, 1961. С. 226, рис. 94 – 12, 13].

Серги серебряные, изготовлены из пластины в форме полулунницы, имеют проволочное ушко и относятся к типу калачевидных неорнаментированных (рис. 3 – 35). По-видимому, разновременные, но аналогичные по форме неорнаментированные и орнаментированные изделия известны на ряде средневековых памятников Приуралья, Урала и Западной Сибири. В том числе: в погребениях Усть-Сысольского могильника X–XI вв. на Вычегде [Aspelin, 1877. S. 154, № 679], Канинской пещере на Печоре [Канивец, 1964. Рис. 36 – 6], погребениях XI–XIV вв. вымской культуры Европейского Северо-Востока [Савельева, 1987. Рис. 33 – 1–3, 12], Кинтусовского могильника X–XIII вв. на р. Большой Салым в Среднем Приобье [Чернецов, 1957. Табл. XLII – 8], на родановских памятниках IX–XII вв. Прикамья [Оборин, 1999. Рис. 2 – 5] и X–XI вв. Вятско-Чепецкого края [Голдина, 1999. Рис. 166 – 11, 12; 181 – 18, 19], на марийских памятниках IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья [Никитина, 1999. Рис. 10 – 11, 12], а также в погребениях группы «Е» (XI в.) на Южном Урале [Мажитов, 1977. С. 33–34; табл. I – 320–322]. На чепецких памятниках такие украшения появляются в X в., а в XII–XIII вв. увеличиваются в размерах, на пластине появляются шатон для вставки камня или цветного стекла, треугольники зерни и скань по краям [Иванова, 1999. С. 226, рис. 6 – 10–13].

Редкой находкой являются две *гривны*. Они изготовлены из массивного дрота круглого сечения, орнаментированы косой винтообразной нарезкой, имеют замок, состоящий из петли и многогранной головки (рис. 3 – 30, 31). Крученые гривны были распространены среди населения Северной Руси преимущественно в X в. [Фехнер, 1967]. Ареал таких гривен достаточно большой. Они известны в памятниках IX–X вв. Прикамья и южной России, мордовских и муромских могильниках IX–XI вв., а также на археологических объектах северной Европы того же времени, вплоть до о. Вайгач [Барышев, 2011. Рис. 32].

К шейным или нагрудным украшениям относится изделие в виде «лунницы» (рис. 3 – 26). Подобные предметы уже находили на данном жертвенном месте [Чернов, 1955. Табл. 7 – 10; Мурыгин, 1992. Рис. 19 – 36]. Известны они и по случайным находкам в окрестностях поселений Море-ю I и II [Мурыгин, 1992. С. 92, 93, рис. 46 – 16]. Наиболее близкое им украшение было найдено на жертвенном месте в Канинской пещере в верховьях Печоры. Это серебряная изогнутая пластина с приостренными концами,

в средней части которой оттиснуты три бугорка, между которыми наложена полоса позолоты [Канивец, 1964. Рис. 36 – 11].

Бусы. Бронзовые бусы-пронизки, или флакончики (рис. 3 – 4), являются характерной особенностью Юго-Восточного Приладожья X–XI вв. [Кочуркина, 1973. С. 26, 27, 61, табл. 2 – 7]. В бассейне Вычегды они иногда встречаются на могильниках вымской культуры в комплексах конца X – XI в. и XI–XII вв. [Савельева, 1987. С. 149, 150; рис. 34 – 34, 37, 45], также единично – на Мезени [Мурыгин, 1998. Рис. 3 – 1] и на жертвенном месте из Уньинской пещеры в бассейне верховьев Печоры [Канивец, 1962. Табл. II – 14]. В большом количестве они найдены в северной части Европейского Северо-Востока: в погребениях Нерицкого могильника X–XI вв. [Истомина, 1997. Рис. 6 – 3], на жертвенном месте в Адакской пещере [Рябцева, Семенов, 1990. С. 70] и при раскопках предшествующих лет Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места [Мурыгин, 1992].

Подвески, привески, накладки. Шумящая бронзовая подвеска с привесками ромбической формы (рис. 3 – 5) относится к типу арочных. Ближайшие ей аналогии известны в могильниках XI–XIV вв. вымской культуры на Вычегде [Савельева, 1987. Рис. 31 – 11] и родановской культуры Прикамья XII–XIV вв. [Оборин, 1999. Рис. 4 – 10].

В коллекции имеются различные привески от шумящих подвесок, звенья цепочек с привесками и звенья цепочек. Привески конусовидные, лапчатые, шаровидные (рис. 3 – 6–9, 13). Звенья цепочек простые и с перевитой серединой (рис. 3 – 10–12). Все они известны по материалам ломоватовской культуры Прикамья и других районов обитания раннесредневекового финно-угорского населения Приуралья.

Плоские подвески представлены монетовидными круглыми предметами с ушком для подвешивания (рис. 3 – 36). На некоторых из них заметны остатки следов от разрушенных деталей. Подобные украшения из бронзы (с серебряными накладками или без них) распространены в археологических памятниках прикамских финно-угров. Они появляются в Прикамье во второй половине VII в. [Янина, 1962. С. 31]. Встречаются и в более позднее время – на памятниках первой половины II тыс. [Савельева, 1987. Рис. 31 – 22; Королев, 1997. Рис. 44 – 5, 6; 47 – 9; 49 – 1–5]. Из числа таких находок выделяются три тонких накладки-нашивки. Одна из них – с петелькой изнутри – изготовлена из серебра, украшена рубчатым орнаментом по краю и многолучевой розеткой в центре (рис. 3 – 38). С лицевой стороны бронзовая накладка украшена реалистичным изображением человеческой личины, выполненным штампованной техникой (рис. 3 – 3). Еще одна подвеска украшена крестообразным узором (рис. 3 – 25).

Украшения для рук. Аналогии бронзовому пластинчатому браслету с концами в виде головы животного и насечками по боковым сторонам можно найти среди этой категории украшений, происходящих с памятников Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н. э. [Голдина, 1985. Табл. IV – 41, 42]. Близкие украшения есть и в Новгороде: в группе овалноконечных браслетов (второй вариант) XII–XIII вв., которые имеют пластинчатый корпус, овальные или круглые концы, отделенные сужениями от остальной части, орнаментированные рельефным декором в виде шнура, идущего по краю или центру корпуса [Седова, 1981. С. 112–113, рис. 42 – 16, 43 – 44]. Перстень относится к типу цельнолитых щитковосрединных без вставки (рис. 3 – 14). Его небольшой округлый щиток украшен насечками, образующими решетку. Кольцо у прищитковой части декорировано поперечными насечками. Похожие изделия найдены в могильниках родановской культуры IX–XIV вв. Верхнего Прикамья [Оборин, 1970. Табл. 24 – 9].

Поясная гарнитура. Из числа предметов поясной гарнитуры выделяются две крупные литые пряжки с неподвижным приемником, украшенные рельефными изображениями животных (рис. 3 – 2, 40). Основой композиции являлось стилизованное изображение бычьей или бараньей головы, позади которой на одной из пряжек расположены две фигурки животных, похожих на зайцев. Типологически близкие изделия достаточно хорошо известны в Приуралье и Зауралье, хотя они и различаются между собой в размерах, типах приемной части (неподвижный или свободный), образах изображенных животных. Пряжка, практически тождественная одной из найденных по оформлению (рис. 3 – 40), найдена в погребении XII–XIII вв. Ликинского могильника [Викторова, 1973. С. 129, табл. XIII – 10, 11]. Параллели нашему изделию прослеживаются в материалах VI–IX вв. из таежного Приобья [Чернецов, 1957. Рис. 15 – 2, 3, табл. XXI – 3, XXXII – 2, 3], а также в поздних памятниках лесной и тундровой полосы Припечорья (Нерицкий могильник X–XI вв., слой VI–X вв. городища на р. Гнилка на Нижней Печоре) [Истомина, 1997. Рис. 8 – 14; Ясински, Овсянников, 2003. Рис. 11 – 4], в могильниках IX–XII вв. из Прикамья (Рождественский, Огурдинский, Редикарский) [Оборин, 1999. Рис. 3 – 1–4]. В коллекции имеются еще две небольших пряжки. У одной из них сквозь квадратную приемную часть была продета обоймица для крепления ремня (рис. 3 – 27). Другая относится к типу «В»-образных бесщитковых (рис. 3 – 20) и по аналогиям на Южном Урале может быть датирована VIII в. [Мажитов, 1977. С. 17, табл. I – 88].

Поясные накладки (серповидные, калачевидные, круглые, коньковые и др.) (рис. 3 – 15–19, 21, 23, 37) находят многочисленные аналогии в памятниках ломоватовской культуры Прикамья – от конца VI до

IX в. [Голдина, 1979; 1985; Генинг, 1979]. К деталям поясной гарнитуры относится, скорее всего, и серебряная арочная накладка с прорезью, рубчатой окантовкой и орнаментом в виде трилистника в центре (рис. 3 – 24).

Пронизки. Пронизки с одним крупным вздутием и кольцевым орнаментом на противоположных концах известны по археологическим памятникам ломоватовского времени Прикамья; встречаются они и в ранних могильных комплексах вымской культуры [Голдина, 1985. Табл. XXIV – 9, 30, 32, 34; Савельева, 1987. С. 93, рис. 29 – 74]. Пронизки с двумя крупными шаровидными прорезными вздутиями найдены в могильниках XI–XII вв. Средней Вычегды [Королев, 1997. Рис. 44 – 12; 47 – 18; 48 – 3; 49 – 18; 53 – 36] и вымской культуры XI–XIV вв. на р. Выми [Савельева, 1987. Рис. 29 – 79]. Такие же изделия характерны для позднеродановских памятников XII–XV вв. [Бадер, Оборин, 1958. С. 208, рис. 55 – 8]. Трубочатые пронизки – гладкие, спирально-витые, с несколькими небольшими вздутиями и концентрическими узорами – были распространены в финно-угорской среде в раннем средневековье, вплоть до первой четверти II тыс. н. э. В коллекции имеются еще две пронизки. Одна из них относится к типу рожковых, имеет конусовидную форму с рубчатыми поясками в верхней и нижней части. Ближайшие аналогии: в материалах памятников ломоватовской культуры Прикамья [Голдина, 1985. Табл. XXII – 21]. Вторая пронизка – колоколовидная с сильным расширением в нижней части, в которой проделаны отверстия для привешивания цепочек с подвесками. Очень напоминает такие же украшения, но функционально относящиеся к подвескам [Голдина, 1985. Табл. XVII – 41].

Оружие. Оружие ближнего боя представлено железными ножом, кинжалом и саблей (рис. 4 – 1, 8, 9). Аналогичная сабля найдена на жертвенном месте при раскопках 1987 г. [Мурыгин, 1992. Рис. 11 – 2]. Очень близка хэйбидя-пэдарским клинкам сабля из Васюганья, датируемая XI–XIII вв. (Соловьев, 1987. С. 76, рис. 17 – 8).

Оружие дальнего боя представлено железными наконечниками стрел самых популярных типов (рис. 4 – 2–6): ромбовидными, наиболее распространенными в IX–XI вв.; двушипным, широко распространенным типом с I в. до н. э. до XIV в. н. э., а также двурогими срезными (X–XI вв.) [Медведев, 1966]. Выделяется наконечник стрелы с коротким ромбическим пером с прорезью в центре (рис. 4 – 7). Есть мнения о сакральном (символическом) назначении таких наконечников, в частности, с отверстиями [Плотников, 2001; Худяков, 2004]. К этой же категории находок принадлежат две свинцовые пули. Они относятся, видимо, к числу наиболее поздних изделий, найденных при работах 2012 г.

Защитное вооружение представлено целыми железными пластинами с отверстиями для крепления и их фрагментами от ламеллярного доспеха (рис. 4 – 10–13). Подробная классификация и описание таких доспехов представлена в монографии А. И. Соловьева [1987. С. 50–52]. Аналоги панцирным пластинам этого типа встречаются на обширной территории Евразии в конце I – начале II тыс. н. э. Они зафиксированы и в районах Верхнего Приобья.

Кроме хорошо идентифицируемых предметов, при работах 2012 г. было найдено множество обрезков от серебряных, бронзовых и железных изделий, включая детали бронзовых и железных котлов, накладок, нашивок, украшений, предметов восточного или болгарского импорта, а также неопределимых металлических обломков. Степень фрагментарности такова, что без дополнительного исследования реконструировать или точно сопоставить многие из них с какими-либо определенными предметами сейчас не представляется возможным или крайне затруднительно.

В заключение следует отметить, что по итогам работ 2012 г., проведенным в районе Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, была получена точная картина ландшафтных условий, в которых расположено древнее святилище. В результате раскопок удалось оценить современное состояние памятника, подверженного воздействию ветровой эрозии почвы, проведен анализ характера культурного слоя на разных его участках. Точно зафиксированы границы раскопов 1947, 1967 и 1987 гг., что позволило провести идентификацию их местоположения и привязку к местности на современном уровне. Опираясь на результаты металлогравиметрии, данные разведочной шурфовки и по очертаниям микрорельефа была определена граница распространения культурных остатков: их площадь составила 3,7 га, а периметр – 855 м.

Полученные данные определяют объект «Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место» как комплекс, состоящий из святилища и прилегающей площади, границы которого определяются по деталям микрорельефа и максимальному распространению находок археологического материала.

Предварительный анализ культурных остатков, полученных в 2012 г. при исследованиях как непосредственно Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места, так и прилегающей территории, показал, что новый археологический инвентарь по хронологии не выходит за рамки уже установленных ранее [Мурыгин, 1992], и в целом может быть ограничен VI–XIII/XIV вв. Более точные датировки отдельных находок, выяснение направления культурных связей на разных этапах функционирования святилища (раннее средневековье, рубеж тысячелетий, первая треть II тыс. н. э.) требуют уточнения и дальнейшего изучения.

Состав большей части культурных остатков позднего этапа существования самого жертвенного места (рубеж I–II тыс. н. э. и далее) и особенности их планиграфического расположения в пределах исследованной

площади вне святилища (предметы вооружения и защитного доспеха) позволяют поставить вопрос о каких-то серьезных изменениях, происходивших в историко-культурной обстановке на Европейском Северо-Востоке, в том числе в районах Крайнего Севера, в первой четверти II тыс. н. э., либо о некоем локальном конфликте между различными коллективами, произошедшем на этом участке тундры.

Литература

- Багин А. Л. Скальное святилище Арка в среднем Припечорье // МАЕСВ. Вып. 17. Сыктывкар, 2005.
- Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
- Барышев И. Б. Языческие святилища острова Вайгач. М., 2011.
- Викторова В. Д. Ликинский могильник X–XIII вв. // ВАУ. Вып. 12. Свердловск, 1973.
- Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. // КСИА. Вып. 158. М., 1979.
- Голдина Р. Д. Хронология комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158. М., 1979.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р. Д.. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961.
- Иванова М. Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
- Истомина Т. В. Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков: науч. чтения памяти проф. Ю. Д. Марголиса. Сыктывкар, 1997.
- Канивец В. И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // МАЕСВ. Вып. 1. Сыктывкар, 1962.
- Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964.
- Канивец В. И. Древнее святилище в Большеземельской тундре // III Международный конгресс финно-угроведов: Тез. докладов. Т. II. Таллин, 1970.
- Королев К. С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
- Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.
- Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв.) // САИ. Вып. E1-36. М., 1966.
- Мурыгин А. М. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место // Науч. доклады КомиФ АН СССР. Вып. 114. Сыктывкар, 1984.
- Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992.
- Мурыгин А. М. Комплекс позднего железного века поселения Ошчой III на Мезени // МАЕСВ. Вып. 15. Сыктывкар, 1998.
- Мурыгин А. М. Эшмесское пещерное святилище эпохи средневековья в Печорском Приуралье // АЭАЕ. № 3 (47). Новосибирск, 2011.
- Никитина Т. Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
- Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 10. Свердловск, 1970.
- Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
- Плотников Ю. А. О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001.
- Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. E1-60. Л., 1981.
- Рябцева Е. Н., Семенов В. А. Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // КСИА. Вып. 200. М., 1990.
- Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
- Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987.
- Фехнер М. В. Шейные гривны // Тр. ГИМ. № 43: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. - М., 1967.
- Хлобыстин Л. П. Святилища Вайгача // AD POLUS: Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993.
- Худяков Ю. С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // ЭО. № 1. М., 2004.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957.
- Чернов Г. А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА. № 23. М., 1955.
- Янина С. А. Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай // ВАУ. Вып. 3. Свердловск, 1962.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003.
- Aspelin I. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. V. 2. Helsingfors, 1877.

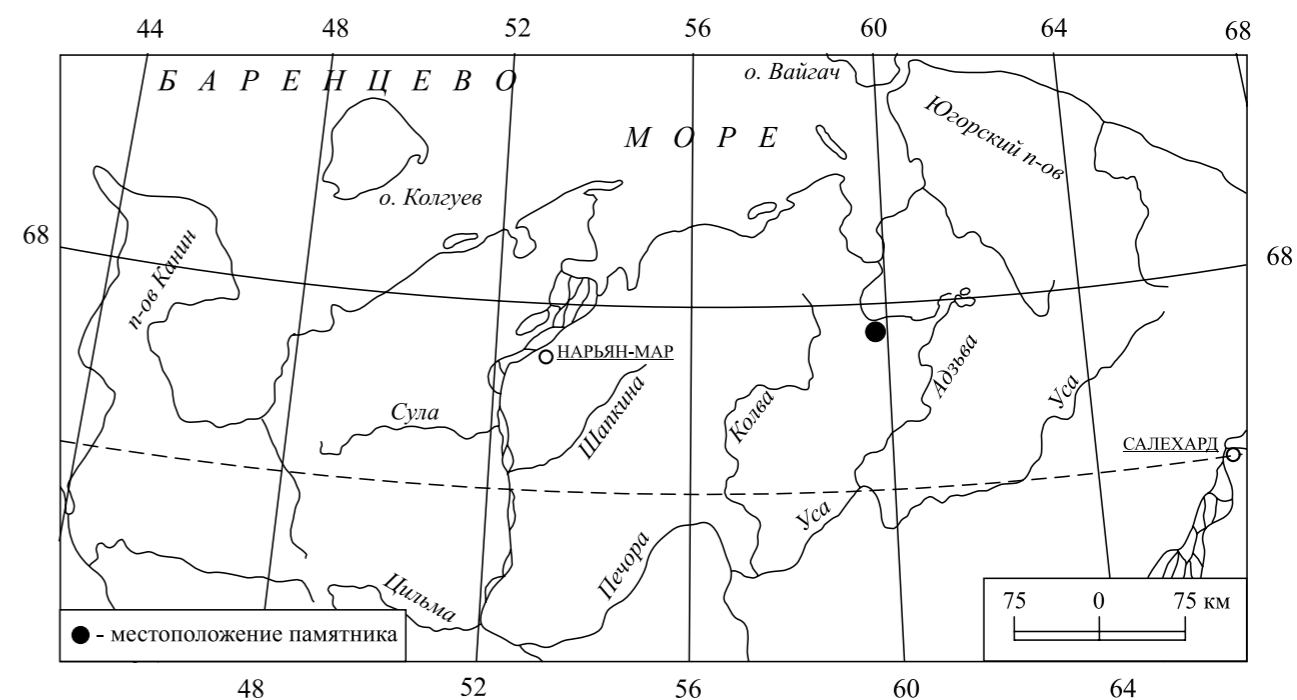

Рис. 1. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Карта-схема расположения

Рис. 2. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Вид на памятник с юга

Рис. 3. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Вещевой инвентарь: 1, 22, 28, 29, 39, 41, 42 – предметы культа; 2, 20, 27, 40 – поясные пряжки; 3, 38 – накладки; 4 – бусина-флакончик; 5 – шумящая подвеска; 6–9, 13 – привески от подвесок; 10–12 – фрагменты цепочек; 14 – перстень; 15–21, 23–25, 37 – детали поясных наборов; 26 – нагрудное украшение; 30, 31 – гривны; 32–34 – височные кольца; 35 – серьга; 36 – монетовидная подвеска; 43 – фрагмент сосуда. 1–42 – цветной металл; 43 – глина

Рис. 4. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Вещевой инвентарь: 1 – сабля; 2–7 – наконечники стрел; 8 – нож, 9 – кинжал; 10–12 – пластины от доспеха. 1–12 – железо

Е. М. Данченко

Омск

ОмГПУ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ

Сургутское Приобье по праву считается одним из наиболее изученных в археологическом отношении районов Западной Сибири. Свидетельством этого являются масштабные полевые исследования, начатые в 1970-х гг., впечатляющие по объему и выразительности коллекции материалов, публикации, общий счет которых перевалил за тысячу, а также разделы музейных экспозиций. Решающий вклад, который внесли в достижение этих результатов археологи Екатеринбургa, и которым они заслуженно могут гордиться, вызывает всяческое уважение.

Одним из итогов проделанной работы стала периодизация памятников эпохи железа [Федорова и др., 1991; Чемякин, Карачаров, 1999; 2002; Первалова, Карачаров, 2006; Борзунов, Чемякин, 2006; Зыков, 2006; 2012], с которой многие исследователи сверяют схемы историко-культурного развития сопредельных, а иногда и весьма отдаленных территорий. К чести ее разработчиков, они по возможности старались опираться на лучшее из того, что было создано их предшественниками.

Отправной точкой в этом послужила концепция В. Н. Чернецова, который в 1950-х гг., параллельно с М. П. Грязновым, начал первую систематизацию накопленных к тому времени данных. Оба ученых группировали доступные материалы с помощью сравнительно-типологического метода, размещали их на хронологической шкале, пытаясь затем выявить линии преемственности. Реализацию этой традиционной для археологии стратегии затрудняла малая изменчивость форм керамики и стиля художественного литья на протяжении длительных периодов. Равно как использование западносибирским населением «антикварных» вещей, изготовленных за много веков до момента включения их в состав инвентаря погребения, клада или жертвенного места, что делало невозможной датировку предметов на основе одного лишь формального анализа [Грязнов, 1956. С. 113, 114, 137; Чернецов, 1957. С. 136, 137]. При этом наличие в разновременных комплексах схожих черт рассматривалось как результат генетической связи, отражающей этапы культурного развития. Однако без надежной хронологии было сложно установить их последовательность, которую порой приходилось определять по соображениям логики, что чревато ошибками. Примерами могут служить неверная датировка фоминского этапа верхнеобской культуры М. П. Грязновым [1956. С. 112, 124, 140], а также зеленогорских и потчевашских комплексов В. Н. Чернецовым [1953а. С. 148; 1953б. С. 241].

За минувшие с того времени десятилетия западносибирская археология, безусловно, проделала большой путь; ее познавательные возможности значительно возросли, прежде всего, за счет методов естественных наук и геоинформационных технологий. Многократно увеличившийся объем источников позволил коллегам из Екатеринбургa уточнить и дополнить периодизацию средневековых памятников, предложенную В. Н. Чернецовым, однако общеметодологический подход при этом остался прежним. В основе нынешних концепций, по сути, лежит все та же эволюционно-трансформационная схема развития, этапы которой соответствуют периодам распространения на гигантской территории Обь-Иртышья керамических типов, мерно сменявших друг друга в среднем через каждые два столетия, как ряды македонской фаланги. Различия точек зрения ученых касаются лишь количества, названий, места в классификационной иерархии (тип памятников? археологическая культура? этап?) и последовательности отдельных стадий процесса культурных изменений, который всякий раз по-своему «нарезается» на более или менее дискретные отрезки, что неизбежно вызывает вопрос о критериях такого разделения [Федорова и др., 1991; Зыков, Федорова, 1993; Чемякин, Карачаров, 1999; 2002; Первалова, Карачаров, 2006; Чемякин, 2008; Зыков, 2006; 2012; Борзунов, Чемякин, 2006; 2012; 2013].

В свое время в одной из публикаций И. С. Каменецкий писал, что если хронологически последовательные комплексы обнаруживают генетическое родство, то они отражают этапы развития одной археологической культуры [1970. С. 24]. Однажды, будучи аспирантом, я подошел к нему с вопросом: каковы критерии оценки степени сходства, и насколько длительным может быть существование культур, если, к примеру, в южнотаежном Прииртышье с эпохи поздней бронзы до раннего железа, то есть на протяжении более чем тысячелетнего периода, прослеживается преемственность сузгунских, красноозерских, журавлевских, богочановских древностей? Игорь Сергеевич без колебаний ответил, что никаких объективных критериев здесь, по-видимому, не существует.

Очевидный субъективизм решений, принимаемых археологами в подобных ситуациях, наглядно проявляется при разработке периодизации памятников эпохи железа в Сургутском Приобье. Так, ее создатели рассматривают в рамках различных общностей саровские и карымские комплексы, демонстрирующие прямую линию развития и порой содержащие практически одинаковые сосуды [Федорова и др., 1991. С. 131; Зыков, Федорова, 1993; Зыков, 2012. С. 44].

Сегодня, как и шестьдесят лет назад, слабым местом хронологических схем археологии Обь-Иртышья остается нехватка закрытых комплексов и датированных вещей, что вынуждает делать упор на особенности керамики. Но в таком случае остается непонятным, как при расчленении наблюдаемого культурного континуума на отдельные этапы устанавливается двухвековой интервал? При обсуждении этого вопроса на III Северном археологическом конгрессе в Ханты-Мансийске в 2010 г. некоторые коллеги ссылались на хорошо разработанную хронологию комплексов Приуралья и Прикамья, позволяющую определять даты с точностью до одного столетия.

Действительно, ареалы распространения отдельных категорий инвентаря с памятников таежного Обь-Иртышья выходят далеко за пределы западносибирского региона. Вместе с тем, даже узко датированные закрытые комплексы фиксируют одновременность вошедших в них элементов лишь на момент консервации, то есть выпадения из «живой» культуры в отложенное состояние. При этом не секрет, что их составляющие могли иметь более протяженные и не всегда совпадающие между собой пространственно-временные границы бытования. Следовательно, сами по себе аналогии отдельным предметам из надежно датированных наборов еще не дают оснований «ужимать» хронологию памятников других территорий.

Жесткое разделение процесса культурных изменений на какие-либо периоды с четкими границами между ними напоминает снятие неровностей микрорельефа в культурных отложениях памятника штыками заданной мощности, в ходе чего в условные горизонты могут попадать разнотипные и разновременные материалы. В этой связи обращает на себя внимание включение аналогичных сосудов в керамические группы разных этапов нижнеобской культуры [Зыков, 2012. Рис. 8 – 7; 23 – 2, 6, 7; 25 – 2; 21 – 6, 8, 11; 34 – 10], что лишним раз подтверждает справедливость приведенных выше высказываний М. П. Грязнова и В. Н. Чернецова о трудностях использования формально-типологического анализа.

Опорные комплексы для разработки рассматриваемой периодизации были получены на Барсовой Горе и в Сайгатино. Урочища эти уникальны, но, не смотря на их масштабы и насыщенность археологическими объектами, это лишь точка на карте западносибирского региона. Известно, что даже на одном памятнике планиграфия и стратиграфия различных участков существенно отличается, в результате чего заложенные на нем шурфы могут показывать неодинаковую свиту слоев. На нескольких памятниках стратиграфическая последовательность залегания типологически разнородных, но синхронных комплексов может быть неодинаковой. В рассматриваемой же ситуации предпринимаются попытки спроецировать историко-культурную схему развития одного района на гигантские территории с выраженными локальными особенностями. С учетом того, что, по мнению самих уральских коллег, в эпоху средневековья на Барсовой Горе и Сайгатино могли одновременно проживать не более двух-трех коллективов численностью в несколько десятков человек [Зыков, 2012. С. 135], считать оставленные ими комплексы эталонными для всей таежной зоны Западной Сибири совершенно неоправданно.

Распространение схемы историко-культурного развития Сургутского Приобья на другие районы в значительной мере объясняется их слабой изученностью. Сила «гравитационного» воздействия Барсовой Горы проявляется даже не отдаленных территориях, например, при датировке бакальской культуры, которая корректируется некоторыми археологами в соответствии с хронологическими рамками карымского этапа [Данченко, 2007б. С. 51, 55].

Разработка периодизаций является частью систематики археологических данных, объем которых непрерывно растет. Однако если идти индуктивным путем – от изучения конкретного материала к последующим обобщениям, то необходимо брать в расчет, что любая типология по формальным признакам отражает в первую очередь внешний взгляд исследователя, которому без знания утраченного в процессе археологизации историко-культурного контекста трудно достоверно установить функциональное назначение и смысл дошедших до нас элементов древней культуры. В зависимости от того, какие комплексы тот или иной ученый считает эталонными, критерии выделения типов, культур, вариантов, этапов зачастую устанавливаются произвольно и субъективно. Попытки же дедуктивного проецирования уже разработанных схем на соседние территории без учета местной культурной специфики нередко приводят к заведомой «подгонке под ответ».

Поскольку основным материалом для создания историко-культурных схем развития Обь-Иртышья является керамика, вопрос о том, насколько она может служить универсальным культурно-хронологическим маркером, обретает особое значение. В силу сравнительно позднего возникновения ее производства, на протяжении большей части каменного века она не представлена, что отнюдь не служит свидетельством существования некоего культурного единства. Более поздние периоды повсеместно характеризуются

выделением растущего числа «керамических» культур, что не снимает вопросов о возможностях использования глиняной посуды в качестве археологического источника [Данченко, 2012].

Так, в период раннего железа в лесостепи Зауралья и Западной Сибири обитало саргатское население, занимавшее северную периферию скифо-сибирского мира. По имеющимся данным, оно достигло высокой степени социального неравенства, выступало посредником в торговле Севера и Юга, было открытым для разносторонних внешних взаимодействий. При этом носители саргатской культуры использовали глиняную посуду, которая мало менялась на протяжении тысячелетия. В то же период в соседних таежных районах отмечено сосуществование или чередование нескольких керамических типов.

Средневековая эпоха в Сургутском Приобье также характеризовалась последовательной сменой различных типов керамики. Причем, их преемственность в формах и орнаментации сосудов сочеталась с явными временными изменениями на протяжении полутора – двух столетий, что, по сути, могло соответствовать жизни нескольких поколений мастеров, имевших все возможности для непосредственного обучения и сохранения традиционного опыта в области технологии и семантики гончарных изделий.

Приведенные примеры показывают, что керамика неоднозначно отражает социокультурные процессы, а значит, не может считаться их надежным индикатором. С ее изобретением появляется еще одна форма овеществленного выражения традиционных представлений, которая в ходе археологизации становится одной из наиболее массовых и доступных для изучения. Однако то, что мы не имеем других, более информативных источников, не дает оснований считать керамическое производство «стержнем» изучаемых культур и использовать его продукцию в качестве основного критерия их периодизации.

Опыт, накопленный этнографией, показывает, что ядром, обеспечивающим самобытность традиционных сообществ, выступают коллективные представления, которые проявляются в самых разных сферах. Их устойчивость на протяжении длительного времени во многом обеспечивается разнообразием вариантов воплощения – в артефактах, обрядах, фольклоре и т. п. Деградация производства посуды в Обь-Иртышье в конце эпохи средневековья никак нельзя связывать с упадком нижнеобской культуры, некоторые элементы которой в переосмысленном виде могли сохраниться до наших дней. Косвенными свидетельствами тому служат повторное использование западносибирскими аборигенами случайно найденных древних артефактов или возрождение традиционных верований и обрядов в постсоветский период.

Традиционной для археологии стратегии, предполагающей шаги от выявления и обработки источников к реконструкциям и построению моделей, правильность которых в большинстве случаев нельзя проверить, в последние десятилетия противопоставляются методы этноархеологии. Она, напротив, отталкивается от полученных в ходе этнографических исследований знаний о культуре и поведении изучаемого населения, пытаясь оценить, насколько адекватно и полно они могут быть восстановлены по археологизированным остаткам. Сказанное заставляет задуматься о возможностях археологии в изучении процессов культурных изменений – эволюционных, миграционных, диффузии, аккультурации, реинтерпретации, реактуализации, – без чего невозможно в полной мере проследить генезис и динамику развития культур.

Нельзя забывать, что различные стороны культуры (язык, фольклор, технологии, ритуальные практики и т. п.), не смотря на их системную взаимосвязь, имеют свои собственные механизмы распространения и развития во времени и пространстве, что определяет разную степень их «живучести», консерватизма или, наоборот, восприимчивости к инновациям. Поэтому динамика, наблюдаемая в одной сфере культуры, не обязательно будет являться показательной для других сфер, что в полной мере можно отнести к керамике [Данченко, 2007а].

По этнографическим данным известно, что аборигены Западной Сибири включали в жертвенные комплексы случайные археологические находки, например, бронзовые антропоморфные изображения эпохи раннего железа. На первый взгляд, это могло бы свидетельствовать о преемственности традиций изготовления и использования художественной металлопластики на протяжении тысячелетий. Однако, как выяснили этнографы, бронзовые фигурки нередко обретали сакральное значение не в силу их традиционности, а, напротив, благодаря необычному облику и происхождению. Это означает, что устойчивость традиционных представлений может сопровождаться разнообразием внешних форм их выражения, включая заимствованную символику. То, что внешне выглядит как проявление культурной преемственности и результат эволюционных изменений, на деле может оказаться примером реинтерпретации, то есть переосмысления на свой лад чужеродных элементов, что обуславливает синкретизм культур и религиозных верований.

Не менее сложной проблемой является изучение роли субкультур в культурно-динамических процессах, в ходе которых различные возрастные, социальные, религиозные, этнические или иные группы могут проявлять неодинаковые способности сохранять традиции прошлого или воспринимать инновации [Там же].

В отличие от 1970-х гг., когда и в нашей стране, и за рубежом методологии изучения культурных изменений уделялось гораздо больше внимания, в наши дни эта проблематика мало при-

влекает специалистов. Между тем, без развития этого направления в этнологии и археологии нельзя разобраться в вариативности моделей культурного развития. При этом важно исходить не из общих шаблонных схем, а допускать возможность существования не вписывающихся в них культурных феноменов – рудиментов прошлого, тупиковых линий развития, случаев обрыва преемственности и последующего возрождения, казалось бы, навсегда угасших традиций [Данченко, 2007б. С. 58]. Глобальные мега-периодизации и генетические схемы, основанные исключительно на эволюционном понимании культурных изменений с четкими границами выделяемых этапов, не допускают существования подобных «сталактитов» и «сталагмитов», что приводит к упрощенному и неверному пониманию динамики развития культуры.

Литература

- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники Сургутского Приобья: история изучения, хронология и территория распространения // ВИАЭ. № 1 (20). Тюмень, 2013.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л., 1956.
- Данченко Е. М. К изучению процессов культурной динамики по археологическим данным // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск, 2007а.
- Данченко Е. М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск, 2007б.
- Данченко Е. М. О битых горшках // Культуры степной Евразии и их взаимодействие в древними цивилизациями. СПб., 2012.
- Зыков А. П. Средневековье таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
- Зыков А. П., Федорова Н. В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006.
- Каменецкий И. С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. № 2. М., 1970.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.
- Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.
- Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. № 35: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1953а.
- Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1953б.

А. П. Зыков
г. Екатеринбург
ИИА УрО РАН

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

После выхода из печати в марте 2013 г. моей книги [Зыков, 2012] настало время дожидаться откликов читателей, специалистов-археологов.

Эта публикация получилась достаточно парадоксальной. Начинать я работу над ней с целью скорректировать периодизацию нижнеобской археологической культуры Валерия Николаевича Чернецова, избавив ее от всех его ошибок и заблуждений на основе современного археологического материала. Они были неизбежны в то время и на том материале, когда В. Н. Чернецов создавал свою периодизацию. А в результате моя монография стала защитой гениальной чернецовской концепции средневекового культурогенеза Западной Сибири и обелением ее от нападков тех, кто начал растаскивать нижнеобскую культуру с краев.

Ученики и последователи, воспользовавшись ошибочностью в датировке В. Н. Чернецова выделенного им оронтурского этапа нижнеобской культуры, стали выделять отличные от него по керамике туманский и тынский типы памятников в бассейне Тавды (В. Д. Викторова), потчевашскую культуру в Среднем Прииртышье (В. А. Могильников, Б. А. Конников, В. С. Елагин и др.), релкинскую культуру в Нарымском Приобье (Л. А. Чиндина). Закончилось все выделением Л. П. Хлобыстиным вожпайской культуры, когда после исследования поселения Дюна III в Таймырском Заполярье он «выхватил» всего лишь один тип керамики из самой сердцевины периодизации В. Н. Чернецова, тем самым лишив дальнейшее существование нижнеобской культуры какого бы то ни было смысла. Остается сожалеть, что младшие товарищи Валерия Николаевича не поняли сути его концепции, не попытались разобраться в его небольших, в общем-то, ошибках и сбоях периодизации и поспешили с выделением своих, как им тогда может быть казалось, локальных культурных образований. С этого и началось нынешнее кризисное состояние западносибирской средневековой археологии.

Теперь вернемся к тому, с чего начиналась книга «Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время». В 70–80-х гг. XX в. велось широкомасштабное археологическое изучение средневековых памятников в урочищах Барсова Гора и Сайгатино. Был накоплен огромный археологический материал, началась его обработка и осмысление. В конце концов группой екатеринбургских археологов при участии автора была предложена периодизация средневековья Сургутского Приобья, в которой были учтены и поправлены ошибки периодизации В. Н. Чернецова [Федорова и др., 1991. С. 126–145]. В ней мы пытались сохранить все возможные чернецовские термины, иногда наполняя их новым содержанием, адекватным реальному археологическому материалу.

В общем, мне казалось тогда, что в нашей модернизированной, но чернецовской по сути периодизации, всем все ясно, и не учитывать ее в дальнейшем уже будет невозможно. За истекшие с момента публикации двадцать лет никто серьезно ее не оспаривал. Настораживало то, что оппоненты – специалисты по средневековью бассейна Тавды, Среднего Прииртышья, Нарымского Приобья – молчали или отделивались ничего не значащими замечаниями, так словно их проблемы периодизации памятников средневековья Сургутского Приобья – самого центра Западной Сибири – вообще не волновали.

Самыми же неожиданными за этот период стали для меня публикации К. Г. Карачарова. В них он предложил неприемлемую интерпретацию нашей периодизации, просто переименовав этапы единой средневековой археологической культуры в отдельные культуры с очень узкими периодами существования [Чемякин, Карачаров, 1999. С. 42–62; 2002. С. 44–65]. Он же включил в этот перечень пришлую инородную вожпайскую культуру в трактовке Л. П. Хлобыстина [Карачаров, 2006. С. 135–149] и намеревался добавить к ним также пришлую релкинскую культуру – по Л. А. Чиндиной [Перевалова, Карачаров, 2006. С. 72, 73]. Это и переполнило чашу моего терпения.

Мои соавторы по нашей совместной статье (Н. В. Федорова, В. М. Морозов, Л. М. Терехова) ничем мне помочь не могли, так что защищать когда-то объявленную нами периодизацию и заложенные в ней принципы мне пришлось одному. И я начал писать монографию. Теперь меня уже никто и ничто не сдерживало, кроме недостатка времени и собственных способностей. Я писал на совершенно понятном каждому археологу языке.

Во-первых, я более четко описал *обь-иртышскую историко-культурную общность*, в которую объединил все средневековые археологические культуры и типы памятников Западной Сибири середины I – начала второй половины II тыс., возникшие на основе кулайской историко-культурной общности или ведущие свое происхождение от образований, возникших на ее основе. Вряд ли кто-либо сможет упрекнуть меня в том, что я стремлюсь «упаковать» все средневековье Западной Сибири в одну археологическую культуру. К счастью, я не столь наивен и отлично понимаю, что в условиях такого огромного пространства, окруженного очень разными культурными образованиями – это просто невозможно. Вдоль границ ареала обь-иртышской общности всегда выделялись широкие пространственные полосы, в которых возникали гибридные культурные образования,

впитавшие в себя стереотипы других соседних культур (восточных, южных кочевнических, западных приуральских), никакого отношения к Северо-Западной Сибири не имеющих, весьма отличавшиеся от археологических культур в глубинных регионах общности. Основным таким регионом было как раз Сургутское Приобье.

Во-вторых, я полностью восстановил раннесредневековую *нижнеобскую культуру* второй половины IV – XII вв. именно на тех принципах, которые в нее закладывал или стремился заложить при выделении ее В. Н. Чернецов: в первую очередь, по форме и орнаментации керамической посуды. Керамика была самым многочисленным, а подчас и единственным, видом источников для многих археологических памятников региона. Высокая степень изменчивости в форме и орнаментации керамической посуды на протяжении существования нижнеобской культуры позволяла разделить ее на достаточно узкие хронологические этапы. Это впервые понял Валерий Николаевич Чернецов, но в его периодизацию закрались досадные ошибки. Принципиальное исправление этих ошибок сделано в нашей коллективной статье [Федорова и др., 1991. С. 126–145]. В своей монографии я только дополнил схему еще одним элементом – релкинским этапом, уточнил хронологические рамки этапов и более подробно их описал. В результате получилось деление нижнеобской культуры на 5 последовательных этапов: карымский, зеленогорский, релкинский, кучиминский, кинтусовский. Хотелось бы еще раз напомнить, что разделение культуры на этапы является достаточно условным, наполняемость этапов целиком зависит от археологической изученности того или иного периода, того или иного региона. Полагаю, в будущем этапов может стать больше. Дело в том, что уже сейчас в Сургутском Приобье имеются четкие хронологические различия в керамике кучиминского и кинтусовского этапов. Неизменной останется только последовательность этапов нижнеобской культуры. Именно в предложении разделения культуры на более мелкие хронологические периоды (этапы) и состояла одна из черт гениальности В. Н. Чернецова.

В-третьих, выделение позднесредневековой *сайгатинской культуры* XIII–XVI вв. также основано на принципах В. Н. Чернецова, только, что называется, «от противного». С конца XII в. в Северо-Западной Сибири происходит быстрая деградация керамического производства. Проще говоря, местная лепная керамическая посуда резко выходит из сферы быта населения. Поселенческие памятники становятся условно «безкерамическими». Керамика, как источник во всех археологических построениях сайгатинской культуры, отходит на задний план. На первый план выходят другие виды источников: погребальный обряд, принципы домостроения, фортификации и т. п. Именно для сайгатинской культуры можно выделить действительно локальные варианты по жестким признакам погребального обряда: собственно *сайгатинский* в Сургутском Приобье с обрядом ингумации в простых грунтовых ямах, *эмдерский* в Обском левобережье и таежном Зауралье с преобладанием кремационных обрядов с захоронением пепла сожженных умерших в грунтовых ямах и наземных сооружениях. Уже сейчас известны погребальные памятники Нижнего Приобья (могильник Зеленый Яр), лесного Зауралья (Пылаевский могильник), Тобольского Прииртышья и Нарымского Приобья, которые позволят в будущем ставить вопрос о выделении соответствующих локальных вариантов сайгатинской культуры XIII–XVI вв. для этих территорий. Но необходимо отметить, что кроме различий в погребальном обряде во всем остальном (материальная культура практически во всех ее проявлениях) сайгатинская культура для всей таежной зоны Западной Сибири пока неразделима.

В-четвертых, в 1990-е гг. XVI – первой половине XVII в. Сургутское Приобье, как и вся остальная территория Северо-Западной Сибири, попадает в сферу господства Русского государства. Бесписьменный период истории заканчивается. Возникают русские города и остроги. Происходит коренная ломка веками сложившейся экономической и социально-политической системы, ликвидация местных аборигенных княжеств. Как показывают материалы исследования Надымского городка, кое-где в отдаленных от сферы действия русской воеводской администрации местах эти процессы могли затянуться до первой трети XVIII в. [Кардаш, 2009]. В материальной культуре аборигенов этого периода массово появляются вещи русского привоза, одновременно быстро начинают выходить из употребления предметы татарского ордынского и среднеазиатского производства, составлявшие специфический колорит поздних памятников сайгатинской культуры. Так что в этом смысле памятники конца XVI – первой половины XVII в. не могут относиться к предшествующей сайгатинской культуре. В монографии я их никак не определяю, просто выделяю в особую группу [Зыков, 2012. С. 112–125, рис. 78–80]. Думаю, уже в скором времени западносибирские археологи подберут для этого периода какое-то название и смогут более обоснованно определить его хронологические рамки.

Если кто-то из читателей моей книги решит, что она затрагивает исключительно Сургутское Приобье, то смею его уверить, что он ошибается. Безусловно, книга готовилась по заказу ИКНПЦ «Барсова Гора» и издавалась на средства администрации Сургутского района ХМАО – Югры, поэтому называться по-другому она просто не могла. Сургутское Приобье с расположенными на его территории двумя крупнейшими скоплениями средневековых археологических памятников является самым изученным регионом в таежной зоне Западной Сибири. Не один другой по степени и полноте изученности даже близко не может сравниться с Сургутским Приобьем.

Полная на сегодняшний день колонка этапов нижнеобской культуры раннего средневековья могла быть выстроена только на материалах Барсовой Горы и Сайгатино. Нигде более в других регионах таежной зоны Северо-Западной Сибири подобная колонка во всей полноте пока не выстраивается. Даже в достаточно

изученных Нижнем Приобье, бассейнах р. Ендырь и верховьях Конды постоянно не достает каких-то элементов для выстраивания подобной колонки. Мне хотелось бы предостеречь своих коллег-археологов от выделения локальных вариантов нижнеобской культуры в каком-либо регионе западносибирской тайги до выстраивания в нем полной периодизационной колонки, подобной сургутской.

Что касается юдинской культуры леса и северной лесостепи Зауралья, то у меня нет никаких сомнений в реальности ее выделения. Тем не менее, вызывает сомнения безоговорочное отнесение к ней самого северного памятника – Ликинского могильника [Викторова, 2008]. По-моему, этот некрополь XI–XIV вв., расположенный на пограничье между ареалами юдинской, нижнеобской культур на ее кинтусовском этапе и сайгатинской культуры, носит смешанный юдинско-кинтусовско-сайгатинский характер с биритуальным погребальным обрядом, характерным как раз для западного эмдерского локального варианта сайгатинской культуры [Зыков, 2013. С. 36]. Сама же юдинская культура имеет местные среднеуральские истоки в памятниках батырской культуры [Шорин и др., 2013. С. 126] – в отличие от текста монографии, написанной гораздо ранее, в которой я рассматривал периодизационную колонку молчановской (андре-евской), батырской, юдинской культур и макушинского типа памятников в рамках общности культур гребенчато-шнуровой керамики. В гораздо позднее написанной статье я предложил ту же колонку относить к обь-иртышской КИО [Зыков, 2013. С. 35, 36; Шорин и др., 2013. С. 126]. В настоящее время мне вторая, более поздняя точка зрения, представляется более верной, хотя я и понимаю, что это неизбежно повлечет за собой присоединение к этой общности целого шлейфа средневековых культур с гребенчато-шнуровой керамикой Приуралья, вплоть до чиялыкской культуры Северной Башкирии и Татарии.

Совершенно иное мое отношение к правомерности выделения релкинской культуры в Нарымском Приобье. Надеюсь, теперь-то, после выхода книги, специалисты-археологи готовы убедиться, что на Барсовой Горе и в Сайгатино есть городища, поселение и могильник с керамикой и вещами, очень близкими комплексам, объединяемым в релкинскую культуру Нарымского Приобья. На мой взгляд, подобные памятники Сургутского Приобья следует объединить в отдельный этап конца VI – VII вв. нижнеобской культуры и назвать его – из уважения к Людмиле Александровне Чиндиной – «релкинским». При этом объединить их в рамках *только одного* из последовательных этапов, идущих после карымского и зеленогорского, а также предшествующих кучиминскому и кинтусовскому. Материалы, подобные релкинскому этапу, будут непременно отыскиваться во вновь исследованных памятниках Нижнего Приобья, Нижнего Прииртышья и бассейна Конды. Это уже происходит. Первым примером в этом ряду является поминальный комплекс № 1 могильника Зеленый Яр на р. Полуи, который имеет ярко выраженную релкинскую принадлежность конца VI – VII вв. [Зеленый Яр..., 2005. С. 66, 68, 69, 260].

С памятниками Тобольского, Тарского и Омского Прииртышья, Северной Барабы, по-моему, неправомерно выделенных в потчевашскую и усть-ишимскую культуры из-за ошибки В. Н. Чернецова, отнесшего керамику зеленогорского типа к доусть-полуишской эпохе начала раннего железного века, для меня определить было еще проще. За более чем 50 лет опубликовано столько фотографий и рисунков керамики Среднего Прииртышья, что среди них без труда можно найти полное соответствие всем этапам нижнеобской культуры Сургутского Приобья.

После сдачи текста и иллюстраций монографии своему редактору в Сургуте в феврале 2010 г. я более ничего не менял в ней за все прошедшие три долгих года. За этот весьма немалый срок в Западной Сибири при всем бурном развитии полевой археологии не появилось ничего, что хоть как-то было бы способно поколебать написанное мной ранее. Единственным особо приятным для меня событием за это время стало предсказанное мной в тексте монографии [Зыков, 2012. С. 44–46] обнаружение в Сургутском Приобье *памятников с ярсалинским типом керамики* – самым поздним в кулайской культуре и жестко связывающим керамику конца раннего железного века с керамикой карымского этапа нижнеобской культуры раннего средневековья. Эти памятники (могильник и городище) были выявлены К. Г. Карачаровым, но, к сожалению, еще не опубликованы. К самой же моей книге и концепциям, изложенным в ней, данные памятники прямого отношения не имеют.

Закончить могу тем же, с чего начал: книга вышла, я жду любых откликов читателей.

Литература

- Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург, 2008.
 Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург; Салехард, 2005.
 Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
 Карачаров К. Г. Вожпайская археологическая культура // УИВ. № 14. Екатеринбург, 2006.
 Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
 Первалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006.
 Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.
 Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
 Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.
 Шорин А. Ф., Зыков А. П., Вилисов Е. В. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) // РА. № 1. М., 2013.

В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин
г. Екатеринбург
УрФУ, УрГПУ

КАРЫМСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ОБЩЕСТВО ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Введение. Карымский этап – один из многих и не самых ярких в развитии древнего населения таежного Приобья. Между тем, он является переломным. Он характеризует общество западносибирского Севера на грани двух эпох – раннего и позднего железа, а по общенсторическим меркам – при переходе от первобытности на периферии Древнего Мира к Средневековью. При этом первые и весьма существенные признаки этой трансформации в тайге, как мы знаем, обозначились еще на предыдущем этапе, в кулайское время. Переход к карымскому этапу и в целом – эпохе средневековья – был обусловлен не только логикой поступательного развития местных обществ – традиционных охотников и рыбаков западносибирской тайги. В не меньшей степени, чем для кулайской «эпохи», он был предопределен внешними факторами, а именно: политической, экономической и этнокультурной ситуацией, сложившейся в Евразии, прежде всего в ближайших к Сибири регионах Центральной и Восточной Азии.

Памятники карымского этапа: история изучения. Последняя хорошо известна. Тем не менее мы вынуждены обратиться к ней, чтобы обозначить то новое, что внесло каждое поколение исследователей в характеристику карымского этапа¹.

В конце 1950-х гг. выдающимся археологом и этнографом В.Н. Чернецовым – по результатам его многолетних полевых работ и на основании анализа известных на тот момент археологических коллекций – была предложена общая периодизация древностей II–XIII вв. н. э. таежной зоны Западной Сибири. Последовательность этапов в ней такова: ярасалинский (II–III вв.), карымский (IV–V вв.), оронтурский (VI–IX вв.), кинтусовский (X–XIII вв.) [1957. С. 136–245]. Все они были объединены исследователем в рамках единой нижнеобской культуры.

Позиция и наименование карымского этапа, в отличие от следующих за ним других этапов, никогда и никем не оспаривалась. В представлениях его исследователей существенно менялись в основном археологическое содержание и культурно-хронологическое «окружение» карымских древностей, отчасти – их хронология.

Керамика карымского типа была выделена В. Н. Чернецовым в результате его рекогносцировочных раскопок 1933 г. и последующего анализа материалов городища Ус-Толт (Городская Пристань; Карым I), расположенного в бассейне Юконды, левом притоке р. Конды [Там же. С. 140, 146, 160–161, табл. IX]. В дальнейшем подобная посуда была обнаружена в различных местах Нижнего и Сургутского Приобья, в основном в процессе разведок и случайных сборов, а также при раскопках ученым в 1952 г. Козловского могильника в Тюменском Притоболье [Там же. С. 161–164, табл. X; XI – 1, 2]. Немногочисленные материалы этого памятника (глиняная посуда, медные пряжки, гривна), находящегося в южной тайге, на юго-западной границе карымского ареала, составили основную часть характеристики вещевого инвентаря всего карымского этапа. По этим находкам был датирован и сам этап [Там же. С. 138, 164, 166, табл. XI]. Кроме того, к карымскому времени Валерий Николаевич отнес бронзовые зооморфные отливки, собранные краеведами и археологами в разных местах Нижнего и Среднего Приобья, бассейна Конды и Нижнего Прииртышья [Там же. С. 181–185, табл. XVIII]. Как сейчас оказалось, все эти артефакты датируются иными хронологическими отрезками и не имеют никакого отношения к Карыму.

Новый интерес к средневековым древностям интересующего нас региона, в том числе к их новой классификации, возник в результате первых масштабных и систематических археологических изысканий 1970-х – 1980-х гг. Последние, в свою очередь, были обусловлены необходимостью спасения и изучения гибнущих археологических памятников, находящихся в зонах промышленного освоения нефтегазовых богатств Тюменского Севера. В итоге археологами Уральского госуниверситета (г. Свердловск–Екатеринбург) были проведены аварийные раскопки целой серии средневековых селищ, городищ, могильников, святилищ в Сургутском и Нижнем Приобье. Наибольшая концентрация исследованных памятников наблюдалась в окрестностях г. Сургута – в урочищах Барсова Гора и Сайгатино. Они и послужили основой для создания новой уточненной и непрерывной «колонки» археологических древностей эпохи железа.

В 1991 г. новая периодизация была опубликована Н. В. Федоровой, А. П. Зыковым, Л. М. Тереховой и В. М. Морозовым [1991]. Памятники ярасалинского этапа были выведены за рамки средневековья и ныне

¹ В процессе подготовки данной обобщающей работы по карымской проблематике, написанной, как и все предыдущие, без поддержки каких-либо грантов, авторы изучили почти две сотни архивных дел, статей и книг, малая толика которых приведена в прилагаемом списке источников и литературы. Мы признательны всем поколениям археологов, внесшим посильную лепту в изучение карымских памятников.

рассматриваются как позднекулайские. Зеленогорские древности, отнесенные В. Н. Чернецовым к началу раннего железного века [1949. С. 67–74; 1953. С. 63–71], определены как средневековые, сменяющие карымские. Оронтурский этап, представленный разновременными и разнокультурными комплексами, был исключен из типологии. Кроме того, было предложено отказаться от понятия «археологическая культура» и рассматривать средневековые памятники северо-западных областей Сибири в системе обь-иртышской культурно-исторической общности (далее – КИО). Последняя имела иной хронологический диапазон и была разделена на пять этапов: карымский (IV–VI вв.), зеленогорский (VI–VII вв.), кучиминский (VIII–IX вв.), кинтусовский (конец IX – начало XIII вв.) и сайгатинский (XIII–XIV вв.) [Федорова и др., 1991. С. 131–143, рис. 2; 3]. В тезисах 1993 г., посвященных данной общности, А. П. Зыков и Н. В. Федорова изменили хронологию этапов и датировали карымский III–IV – началом VI вв. [1993. С. 66]. В отличие от своих коллег В. М. Морозов при анализе карымских древностей Нижнего Приобья продолжал использовать датировку В. Н. Чернецова [Морозов и др., 1995. С. 10–11]. Впоследствии другой свердловский археолог – К. Г. Карачаров – без развернутого обоснования заменил этапы обь-иртышской КИО на отдельные культуры с теми же названиями, добавив к ним ранее выделенную Л. П. Хлобыстиным вожпайскую [1993. С. 19–27]. При этом он несколько изменил их хронологию, в том числе карымской «культуры»: III–IV – начало VI в. [Чемякин, Карачаров, 1999. С. 45, рис. 14].

Что еще важно для нашего анализа: Н. В. Федорова и ее соавторы включили в характеристику карымского этапа очень яркий и разнообразный комплекс вещей из Холмогорского «клада» (святилища), обнаруженного в 1976 г. нефтяниками у оз. Соры-лор в водоразделе Оби и Пура [Федорова и др., 1991. С. 133]. Решение исследователей можно понять: несмотря на обширные полевые изыскания 1970-х – 1980-х гг., в вещевом комплексе карымского этапа практически ничего не прибавилось. За исключением керамики, редких глиняных рюмковидных тиглей и четырех металлических предметов с Барсовой Горы – обломка железного ножа и бронзовой змеевидной накладки с городища Барсов городок II/10 (рис. 4 – 17, 30), пластины из бронзового листа с двумя отверстиями и части такого же предмета с городища Барсов городок II/6 [Зыков, 2012. С. 60]. Зияющую дыру надо было чем-то закрывать. Сейчас А. П. Зыков называет это решение *поспешным* [Там же. С. 45–46]. Между тем почти 15 лет это никто не пытался оспорить. Из-за этого вещи Холмогорского «клада» – наравне «посткулайских» и карымских – вошли в ряд обобщающих, хорошо известных изданий [Федорова и др., 1991. С. 133, рис. 2. А – 11–14; Чемякин, Карачаров, 1999. С. 43, рис. 14 – 3–7; 2002. С. 48, рис. 14 – 3–14; Зыков, Федорова, 2001. С. 28, 146, рис. 3; 4]. Даже в коллективной монографии по археологии Югры, вышедшей в 2006 г., Алексей Павлович, отмечая отсутствие на этом памятнике глиняной посуды, только осторожно высказался, что «великолепный набор предметов Холмогорского клада ... не уточняет времени перехода от позднекулайского типа керамики к карымскому и, может быть, связан с карымским этапом только гипотетически» [Зыков, 2006. С. 113].

Тогда же К. Г. Карачаров сузил хронологические рамки карымской «культуры» до IV–VI вв. [Перевалова, Карачаров, 2006. С. 63], что в основном совпадало с позицией А. П. Зыкова (IV – начало VI в.) [2006. С. 113], но отличается от современной датировки того же автора (2-я половина IV – начало VI в.) [Зыков, 2012. С. 46, 60]. Но главное: в 2006 г. Константин Геннадьевич, первым из археологов, предложил исключить из характеристики карымских древностей материалы Холмогорского «клада». Решение было верное. Вместе с яркими металлическими украшениями, оружием и орудиями труда, найденными им при раскопках могильника Агрнъёган 1 и захоронения у городища Нивагальское 20 на р. Аган, предметы Холмогорского святилища были отнесены к концу кулайской «эпохи» или особому переходному периоду между ранним железным веком и средневековьем [Перевалова, Карачаров, 2006. С. 62; Карачаров, 2011. С. 82–110]. С первым заключением солидарны авторы [Борзунов, Чемякин, 2012а. С. 158–160], исследователь фоминских памятников III–IV вв. Верхнего Приобья Ю. В. Ширин [2003. С. 114, 158; 2004. С. 59, 62], а сегодня – и А. П. Зыков [2012. С. 46]. Комплексы со сходным инвентарем известны и на Барсовой Горе, в том числе – в Барсовском III могильнике [Борзунов, Зыков, 2003].

Последнее обращение к характеристике карымских материалов было обусловлено несколькими событиями. В первую очередь, подготовкой трилогии монографий, посвященных итогам многолетнего изучения археологических памятников и культур Барсовой Горы [Чемякин, Зыков, 2004; Чемякин, 2008; Зыков, 2012]. Во-вторых, массовыми археологическими исследованиями на территории Тюменской и Омской областей, включая ХМАО, проведенными в последние два десятилетия старыми археологическими центрами, а главное – целым рядом вновь образованных научных и научно-производственных учреждений. В рамках последнего исследовательского этапа можно рассматривать цикл аварийно-спасательных археологических работ, проведенных в течение 11-ти полевых сезонов (2000–2002, 2004–2008, 2010–2012 гг.) на кусте раннесредневековых поселений, расположенных на протоке Сартым-Урий в низовьях р. Большой Юган (левый приток Оби). Речь идет о раскопках городища Сартым-урий 18 и селищ Сартым-урий 16, 17 в окрестностях п. Угут Сургутского р-на ХМАО–Югры, выполненных объединенной экспедицией УрГУ–УрФУ и УрГПУ (г. Екатеринбург) под руководством Ю. П. Чемякина при участии археологов

НПО «Северная археология» (г. Нефтеюганск). Забегая вперед, отметим, что материалы последних исследований существенно увеличили источниковую базу по карымским древностям и стали опорными при характеристике карымского вещевого комплекса и его хронологии в таежном Приобье.

Оба последних исследования по характеристике карымских памятников выполнялись параллельно и относительно независимо друг от друга. Тем не менее, по мере появления печатной продукции, происходил вполне естественный для такой ситуации взаимообмен материалами и идеями. Результаты работ А. П. Зыкова изложены в одном из разделов его последней монографии [2012. С. 46–60]. Итоги полевых исследований на протоке Сартым-урий опубликованы в двух десятках сборников и одной книге его исследователей [Челякин, 2003а; 2003б; 2008. С. 93–94; 2008б; 2011; Челякин, Фефилова, 2007; Фефилова, Челякин, 2008; 2009; Челякин, Борзунов, 2012; 2013; и др.]. Обобщенная характеристика карымского этапа и общества представлена в цикле статей В. А. Борзунова и Ю. П. Челябинки [2012а; 2012 б; 2013а; 2013б]. Кратко она освещена и в данной работе.

Памятники карымского этапа: общая характеристика. Нами собраны сведения о 103 памятниках, местонахождения керамики и металлических вещей, безусловно или предположительно связанных с карымским этапом. Основной ареал распространения карымских памятников приходится на подзону средней тайги Сургутского и Нижнего Приобья, бассейна Конды и западного Обь-Иртышья. Здесь известны городища, селища, металлургические комплексы и один грунтовый могильник. Единичные стационарные поселки и стоянки приурочены к районам северной тайги Нижнего Приобья и верховьев Пура, а также к редколесью и лесотундре близ устья Оби. В подзоне южной тайги Тоболо-Иртышья, по южным границам карымского ареала, локализуются поселения, курганные и грунтовые могильники, а также отдельные погребения, оставленные ярасалинско-карымским, карымским и смешанным (гетерогенным) населением – потомками лесостепных саргатских племен, лесных кашинских и других общин, а также пришлых с севера позднекулайских (ярасалинских, сургутских, саровских), туманских и карымских таежных групп (рис. 1).

На юго-западе таежного Приобья – в бассейнах Сосьвы, Лозьвы, Пельма и Тавды – открыты туманские поселения, сходные и даже практически идентичные по керамике карымским [Викторова, 1967. С. 146–147; 1969. Рис. 37 – II; 1970. С. 261–264; 1999. С. 126–153, рис. 7; 8; Говейлер, 2007; Борзунов, Челякин, 2006. С. 84–85]. В небольших количествах посуда карымского и близкого ей облика встречается в Нарымском Приобье [Посредников, Киришин, 1970. С. 207–208; Чиндина, Балакин, 1976. С. 60, 62, 63, табл. V; Яковлев, 2006. С. 185–204], Северном Приуралье [Канивец, 1962. С. 142–143, табл. IX, X; Оборин, 1969. С. 156–157, 162–163, рис. 1 – 20], Среднем Приобье [Кайдалов и др., 2010. С. 68–70, рис. 2, 16–17], низовьях Исети [Среда, культура и общество..., 2009. С. 115, рис. 5.2 – 1–3, CD диск: фото 5.1–5.3] и горнолесном Зауралье [Бельтикова, 1986. Рис. 2 – 3, 4; Борзунов, Морозов, 1994. С. 136–151, рис. 4 – 1–18, 20, 24, 32; Борзунов, 2002б; Викторова, 2002. С. 27]. К востоку от основного ареала карымских памятников, на р. Аган в Среднем Приобье локализуются селища и стоянки с гребенчато-ямочной и желобчато-валиковой керамикой «аганского типа» [Перевалова, Карачаров, 2006. С. 72], на р. Вах и в Томско-Нарымском Приобье – ранние поселения релкинской культуры [Чиндина, 1977; 1991].

Карымские поселения представлены двумя типами: укрепленными (городища) и неукрепленными (селища, стоянки).

Карымская керамика найдена на 47-ми городищах, находящихся в средней (40) и северной (7) тайге, в том числе на 14-ти частично раскопанных. Это довольно много, но данные памятники в основном многослойные и поздние. Сколько из них были действительно карымскими укреплениями, установить пока невозможно. Предположительно, таковых было около трех десятков.

Карымские городища распространены в основном в средней тайге. Здесь они встречаются как по одиночке, так и целыми «кустами» (урочища Барсова Гора, Ермаково, Согом, Соровские озера и другие). В последнем случае мы имеем дело, скорее всего, с одновременными памятниками, что подтверждено анализом стационарно исследовавшихся карымских городищ Барсовой Горы, выполненным А. П. Зыковым [2012. С. 50–52]. Три укрепленных поселения с карымской керамикой выявлено в южно-таежной подзоне Среднего Прииртышья. Из них только одно – достоверно карымское (Усть-Тара 43). Карымские городища типологически близки предшествующим кулайским, но по их количеству и мощности системы обороны значительно уступают последним. В зависимости от господствующего рельефа местности и традиций предшествующего градостроительства, карымские укрепления расположены обычно у краев коренных речных и озерных террас, реже – на мысах, мысовидных выступах, единично – на невысоких холмах, останцах и в глубине берега. Городища одноплощадочные. Вторая площадка и линия укрепления мысового городища Каксинская Гора 4 на р. Казым, возможно, является более поздней перестройкой. Судя по визуально фиксируемым и единичным вскрытым защитным линиям (городища Барсов городок II/7, Каксинская Гора 4, Сартым-Урий 18, Евра 25), карымские фортификации в целом были маломощными. Их остатки обычно представлены низким песчаным валом (его ширина – 1,0–2,5 м, как исключение – до 4,0 м, высота – 0,15–0,70 м), мелким внешним рвом (ширина 1,0–2,5 м, глубина 0,2–0,7 м),

иногда еще – валообразным выкидом с напольной стороны от рва. При этом все песчаные насыпи, окружавшие таежные городища, не являлись самостоятельным элементом фортификаций. Они остались от крепиды-обваловки основания бревенчатой однорядной оборонительной стены или от забутовки стены двурядной. Судя по тому, что под валами карымских укреплений не было обнаружено частокольных канав, защитные стены были, по-видимому, бревенчатыми, горизонтальной кладки. Оборонительные линии карымских городищ, как правило, замкнутые, в плане подпрямоугольные со скругленными углами (Барсов городок II/6, 9, 10, Кинтусовские 1.1, 2.1, 4.1, Соровское V, XVII и др.), реже – близкие кольцевым (Соровское XXXV, Танце-Мига, Чебачье), незамкнутые овальные (Евра 25), дуговидные (Барсов городок II/7, Сартым-урий 18, Устьевьюган), а также короткие поперечные (Хора II, возможно, Карым I – Ус-Толт). Остатки незамкнутых систем исследователи объясняли следствием естественной деформации замкнутых насыпей (Кислор III, Ермаково VIII, Чебачье) либо результатом незавершенности строительства (Ендырское IV, Сартым-Урий 18). У двух карымских городищ таежного Обь-Иртышья (Соровское V и XXXV) зафиксированы следы бастионов – явный признак кулайского наследия. Расстановка жилых построек на карымских городищах в основном плотная и линейная – в один (Кислор III) или обычно в два ряда, либо кольцевая. В рядах выходы из домов были обращены на центральную «улицу» шириной 4–8 м, проходящую по осевой линии укрепления (Барсов городок II/6, 9, 10, Кинтусовские 1.1, 2.1, 4.1, Соровское XVII, Ендырское IV). На Соровском XXXV городище одно жилище находилось в центре площадки, остальные – по кольцу вдоль вала. На Соровском X городище постройки были расставлены полукольцом вдоль оборонительной системы; в центре поселка и у края террасы имелось свободное пространство. На городище Сартым-урий 18 строения располагались у края террасы, довольно скученно, а широкая (8–10 м) полоса вдоль вала на территории укрепления оставалась относительно свободной. Принцип размещения домов в один ряд появился в таежном Приобье еще в кулайское время. Тогда же единично фиксируются укрепления с многорядной жилой застройкой. Однако четко выраженных широких «улиц», как у карымских поселков, в раннем железном веке здесь не наблюдалось. Как и в предыдущую эпоху, между оборонительной стеной и жилищами у карымских укреплений оставалось некое пространство, в том числе для возможного возведения помоста с внутренней стороны оборонительной стены (для наблюдателей и лучников). Между тем, по справедливому заключению А. П. Зыкова, именно в карымский период было построено первое укрепленное поселение (Барсов городок II/9), в котором часть домов была пристроена задними торцами к защитной стене. В дальнейшем, «этот принцип строительства жилищно-оборонительного комплекса по единому плану станет господствующим в фортификационном зодчестве Северо-Западной Сибири и будет соблюдаться вплоть до конца XVI века» [Зыков, 2012. С. 52] и даже позднее [Кардаш, 2013. С. 103–107, 284]. Оригинально карымское городище – Усть-Тара 43, исследованное в южной тайге Среднего Прииртышья [Михалев, 2008]. Оно расположено в глубине речной террасы, окружено кольцевым валом и рвом с тремя проходами. С противоположной стороны от р. Тары у его оборонительной системы прослеживались остатки бастиона в виде приподнятой площадки (10×4×0,4–0,5 м), выступавшей в напольную сторону. По сравнению с поселениями средней и северной тайги, городище обширное (более 17, 5 тыс. кв. м). На городищенской площадке и за ее пределами находилось 145 жилых построек в виде приподнятых площадок. На наш взгляд, фортификация городища сочетает признаки лесостепного (саргатского) и таежного (кулайского) оборонного зодчества, а домостроительство – типично северное (кулайское) [Борзунов, 2002а; Борзунов, Челякин, 2013б. С. 46–48].

Карымские селища таежного Приобья располагались как рядом с городищами и на небольшом удалении от них, так и далеко, вне зависимости от них. На Барсовой Горе первый принцип доминирует (селища Барсова Гора II/3, II/5), но, возможно, не отражает всей полноты картины для карымского периода. Безусловно, селища и городища довольно часто находятся в одной группе («кусте») памятников, однако они могли быть разновременными. Так, например, раскопки на протоке Сартым-урий показали следующее развитие карымских поселений: от городища, которое, возможно, не было достроено (Сартым-урий 18), к прилегающему к нему относительно небольшому селищу (Сартым-урий 17), а затем – к самому обширному (Сартым-урий 16), постоянно разраставшемуся вдоль края террасы в северном направлении – от заброшенного укрепления. Более того, некоторые селища, безусловно, находились на огромном удалении от городищ, например, в урочище Сайгатино (Кучиминские I, XXII), на р. Быстрый Кульёган (Быстрый Кульёган 69), не говоря уже о многих поселениях Нижнего Приобья (рис. 1). Планировка селищ, где ее удалось зафиксировать, также разнообразна. Постройки располагались вдоль края берега в один ряд (Сартым-урий 17, Хора I, Барсова Гора II/5), в два ряда с «улицей» посередине (Сартым-урий 16), на мыске – по овалу (Быстрый Кульёган 69), без видимой системы (Барсова Гора II/3 и многие другие).

Площади городищ и селищ в Сургутском Приобье достигали от 700 до 3500 кв. м, селищ – от 875 до 4000 кв. м. Число построек на каждом памятнике варьируется от трех (Барсов городок II/7) до тринадцати (Барсов городок II/6) и более (Сартым-урий 16). В Нижнем Приобье таковых, по-видимому, было от одной до четырех. Многослойные городища бассейна Конды с карымскими слоями также небольшие: Карым I

(Ус-Толт) – чуть более 550 кв. м, Евра 25 – около 1000 кв. м. На площадке последнего фиксируется шесть подпрямоугольных и две округлые жилищные впадины.

Карымские постройки подразделяются на жилые с хозяйственными функциями, собственно хозяйственные, производственные и, возможно, общественные (культовые). В Сургутском и Нижнем Приобье, а также в бассейне р. Конды, раскопками исследовано более семи десятков объектов, в том числе на Барсовой Горе – 25, на протоке Сартым-урий – 37 [Федорова и др., 1991, с. 133, рис. 2. А – 2; Морозов, 1994. С. 362, 264, рис. 32 – 1, 2; Чемякин, Зыков, 2004. С. 40–43; Зыков, 2012. С. 53; Борзунов, Чемякин, 2013б. С. 48–49, рис. 2; Чемякин, Борзунов, 2013. С. 62–66]. Несмотря на преемственность карымского домостроительства от кулайского, различия у них существенны.

В рельефе остатки кулайских жилищ большей частью выражены в виде овальных, округлых и подпрямоугольно-овальных приподнятых площадок с углублением в центре и без такового, а также с внешними ямами либо канавами по периметру – для забора из них песка для укрепления основания стен и утепления помещения. В то время как *карымские жилые объекты* представляли собой прямоугольные или подквадратные в плане впадины, окруженные только невысокой песчаной обваловкой. Именно в карымский период происходит массовый переход от сооружения каркасно-столбовых построек со слабо углубленным полом и наземной частью в виде высокой усеченной пирамиды к бревенчато-столбовым и, возможно, срубным жилищам с вертикальными стенами. При этом как те, так и другие, были оконтурены песчаной завалинкой – характерный признак северного домостроительства. Локальные и отчасти хронологические различия касаются формы, размеров и глубины котлована, наличия или отсутствия коридорообразного выступа, деталей интерьера. Так, на Барсовой Горе преобладали прямоугольные, углубленные в грунт на 0,2–0,3 м сооружения площадью 32–42 кв. м с коротким коридором, пристроенным к одной из торцовых стен. У котлованов жилищ поселения Быстрый Кульёган 69 на поверхности фиксируются боковые ниши и короткие торцевые выступы-входы. Жилища на Большом Югане – подчетырёхугольные, близкие к квадратным, неуглубленные или слегка углубленные (от 20 до 40 см), площадью от 28 до 40 (как исключение – 48) кв. м, без выступающих наружу тамбуров-входов. В последнем случае входы, очевидно, представляли собой специально оформленные проемы в стенах, закрывавшиеся приставными или «навесными» дверями. Помещения карымских жилищ Сургутского Приобья обычно имели один многофункциональный центральный очаг, а вдоль стен были оборудованы деревянные или деревоземляные нары. На городище Барсов городок II/9 очаг был обложен камнями. Жилища Нижнего Приобья сходны с объектами Барсовой Горы, но были меньше их. Постройки однокамерные, с чуть углубленными (до 0,20–0,25 м) подчетырёхугольными котлованами площадью от 9 до 42 (в среднем – 19,2) кв. м. Очаг располагался в центре помещения, либо у дальней от входа стены; на поселении Низямы 3 были два кострища, располагавшиеся по длинной оси котлована. Карымское жилище поселения Ендырское VII – со слегка углубленным прямоугольным котлованом, в центре которого находился большой подпрямоугольный очаг, вытянутый по оси помещения. С торцевой стороны в постройку вел длинный коридор.

С глубокой древности в таежных поселках возводились легкие временные каркасные *хозяйственные постройки и сооружения под навесами*, функционировавшие в теплое время года. Их остатками являются разнообразными, в основном неуглубленные и слабо углубленные очаги, а также хозяйственные ямы, расположенные рядом с жилищами. Эти случаи зафиксированы и на карымских поселениях (сел. Сартым-урий 16, 17, гор. Каксинская Гора 4). Как и в кулайское время, в карымских поселках возводились специальные стационарные хозяйственные помещения. Как правило, они были неуглубленные, меньшего размера, чем жилища, и иногда – без очагов (сел. Перегребное IV, Сартым-урий 16, 17, гор. Сартым-урий 18).

До эпохи средневековья стационарные жилища постоянно и повсеместно использовались и как производственные помещения. В частности, в эпоху бронзы и, особенно, в раннем железном веке, в очагах, расположенных в жилищах таежного Приобья, перед отливкой изделий плавил цветной металл. В карымский период появляется целая серия специальных *производственных построек*, предназначенных для обработки черного металла – так называемы «кузны». Располагались такие постройки, как правило, между домами или на периферии поселка. Остатки четырех из них раскопаны на трех карымских поселениях протоки Сартым-урий. Это были, как правило, небольшие (3,0–7,2 кв. м, одно – 21,5 кв. м) помещения с неуглубленным или чуть углубленным (5–10 см) полом, в которых были обнаружены развалы углубленных оснований примитивных глинобитно-земляных горнов (одного либо двух одновременных), производственные остатки (железные шлаки, окалина, обожженные кости-флюсы, прокалы, углистые слои), обломки глиняных сопел, производственной посуды, гранитная наковальня. На самом позднем карымском селище Сартым-урий 16 такие постройки, наряду с хозяйственными, образовали второй, удаленный от края террасы ряд, отделенный от жилищ «улицей» [Чемякин, 2006. С. 207–213; 2011. С. 472, 476, ил. 7; Чемякин, Борзунов, 2012. С. 295–302, ил. 6–12; 2013. С. 62–66; Борзунов, Чемякин, 2013б. С. 50–52, рис. 4]. По два горна разных конструкций обнаружено на поселении Усть-Камчинское 2 на соседней р. Малый Салым [Лархимович, 2013] и городище Евра 25 в бассейне Конды [Жирных, Каменский, 2006. С. 139–140;

Каменский, Жирных, 2006. С. 168–173]. Помимо этого, остатки металлургического производства почти полного цикла – от добычи руды и ее обжига до производства черного металла – были зафиксированы в среднем течении Конды. Данный металлургический центр функционировал на протяжении I – начала II тыс. н. э. [Зиняков, 1997. С. 28–29]. Судя по опубликованным обломкам сосудов [Там же. Рис. 3 – 2–4, 6–9], к карымским или ярсалинско-карымским памятникам этого центра можно отнести «металлургические рабочие площадки» Ирия–II и Полуостров Дальний–I. Остатки глинобитной печи и железных шлаков открыты в соседнем районе – в междуречье Лозьвы, Сосьвы и Пелыма, на Туманском I поселении с эпонимной керамикой [Викторова, 1999. С. 139].

К *общественным или культовым объектам*, возможно, относятся две большие и оригинальные карымские постройки, раскопанные в Сургутском Приобье – на селищах Кучиминское I (урочище Сайгатино близ г. Сургута) [Степанова, 1991. С. 33–35, рис. 52–55; Борзунов, Чемякин, 2012а. С. 171, ил. 5 – 5а, 5б] и Сартым-урий 16 [Чемякин, Борзунов, 2012. С. 292–295, ил. 3–5, 32 – 5, 12, 15]. В верхних горизонтах они были представлены подквадратными (6,0×6,0 и 7,4–7,6×6,0 м) углублениями, которые ниже распались на два примерно одинаковых (5,4×2,1 и 5,2×1,7 м; 7,0×1,4–1,6 и 6,8×1,7–1,8 м) и параллельных прямоугольных котлована, разделенных песчаной перемышкой. Глубина первого объекта (№ 1) – 0,35–0,45 м, второго (№ 15) – 0,5–0,8 м. Полы котлованов ровные, горизонтальные. Очаги в них отсутствовали. Среди находок – обломки карымской керамики, а в сартым-урийской постройке кроме того – железный бронебойный наконечник стрелы, каменные оселок, шлифовальная плита и камни без следов обработки.

Могильники. Известен один карымский могильник без следов инокультурного влияния – *Сайгатинский VI*. Он расположен в центре лесного Приобья, в подзоне средней тайги, в 30 км к западу от Сургута, у п. Сайгатино. Небольшой комплекс из чуть более десятка карымских могил находился близ карымского Кучиминского I селища и был исследован в разные годы Л. М. Тереховой (1989–1990 гг.), Г. А. Степановой (1990 г.), К. Г. Карачаровым (1990, 1998, 2001–2004, 2007 гг.). Вместе с грунтовыми погребениями X–XI вв. он составлял обширный некрополь, основанный на руинах городища и селища VI–IV вв. до н. э. Карымские погребения – одиночные, грунтовые, расположены без видимой системы. Напомним, что в кулайский период людей хоронили во рвах древних городищ или внешних ямах древних жилищ. Ранее над карымскими могилами, возможно, возвышались деревянные домовины. Умершие были помещены в узкие и неглубокие подпрямоугольные ямы, вытянуто на спине, головой преимущественно на ЮЗ – к обской протоке Большой Гнилой. Инвентарь погребений скуден: обычно железный нож, иногда – часть глиняного сосуда и точильный камень. Только в одну могилу рядом с головой покойного поместили небольшой целый горшок [Степанова, 1990; Терехова, Карачаров, 1994. С. 279, рис. 42 – 1; Чемякин, Карачаров, 1999. С. 42–43, рис. 14 – 8; 2002, С. 45, рис. 14 – 18; Карачаров, 2003. С. 261]. Один умерший был похоронен в лодке, и его могильная яма имела подтреугольную форму [Карачаров, Носкова, 2007].

Остальные погребальные комплексы, считающиеся их исследователями карымскими или даже туманскими, приурочены к южной кромке таежной зоны. Данные памятники представлены известным *Козловским могильником* в урочище «Козлова перейма» на оз. Андреевском под Тюменью [Чернецов, 1957. С. 162, 164–1966; Юровская, 1969. С. 17–24, рис. 6; Матвеева, 2008], *могильником Красноярка IV и одиночным погребением*, входящими в состав Красноярского археологического комплекса на правом берегу Иртыша, чуть ниже устья р. Ишим [Грачев и др., 2010. С. 239–240], а также *могильником Усть-Тара VII*, расположенном на правом берегу р. Тара – правом притоке Иртыша [Скандаков, Данченко, 1999; Данченко, Колесникова, 2000]. В их погребальном обряде и инвентаре помимо северного компонента (группа грунтовых захоронений в прямоугольных ямах, в том числе со «срубами», Козловского могильника, карымская и гибридная керамика, берестяные полотнища-покрывала и ориентировка одного умершего на юг в могильнике Усть-Тара VII) отчетливо прослеживаются инородные черты, присущие лесостепным племенам. Это – курганный обряд захоронения (во всех трех могильниках), более глубокие, широкие и нередко овальные могильные ямы, ориентировка умерших преимущественно на север и северо-запад, следы огненного культа, наличие в могилах одного-двух сосудов, костей лошади, прижизненная искусственная деформация черепов у мужчин и женщин, относительное разнообразие сопровождающего инвентаря, включающего ряд импортных предметов, а также присутствие среди погребальных сосудов с карымским декором необычных низких чашевидных и высоких кринковидных («кушнарниковских») форм. Среди единичных явлений: наличие в могильнике Усть-Тара VII сгоревших бревенчатых конструкций типа оградок пятиугольной и подквадратной в плане формы (в двух насыпях), ступенчатых могил, положение одной покойной на правом боку со слегка согнутыми ногами, присутствие в могиле женщины оружия (наконечник стрелы). Что же касается вытянутого положения тел умерших, то эта черта присуща как лесным, так и степным обрядам. Следует также упомянуть, что в Нижнем Приобье ярсалинско-карымская и карымская керамика в небольшом количестве зафиксирована в насыпях и погребениях Ипкульского могильника, а также в жилищах соседнего саргатского поселения Ипкуль XV. Исследователи этого «куста» памятников отмечают в его керамических материалах процесс смешения позднесаргатских, лесных и каких-то глубоко местных

гончарных традиций [Корякова, Морозов, Суханова, 1988. С. 126–127]. Все это наводит на мысль о том, что в Тоболо-Иртышье, на южной окраине западносибирской тайги, мы имеем дело уже не с собственно карымской, а некой иной, видоизмененной и гетерогенной культурой (либо южным вариантом древностей карымского этапа обь-иртышской КИО), оставленной северными мигрантами, частично смешавшимися с южно-таежным и даже лесостепным населением – потомками северных саргатских, кашинских и других туземных коллективов. В пользу этого, возможно, свидетельствует и метисный характер представителей населения, оставившего Козловский могильник [Золотарева, 1957. С. 246–249].

Керамика. Карымская посуда средней и северной тайги по орнаментации подразделяется авторами на четыре типа: гребенчатую (I), фигурно-штампованную (II), желобчато-валиковую (III), обедненную ямочно-насечковую и ямочно-жемчужную (IV) (рис. 2–4). К последней группе мы условно причисляем керамику без орнамента. Кроме того, из данных названий мы также условно исключили определение «ямочная». Дело в том, что данный декор – в виде пояски ямок в верхней части емкостей (в том числе в сочетании с жемчужинами) – присущ практически всей посуде I, II и IV типов и ряду сосудов III типа. Он же является характерной чертой таежной западносибирской керамики с эпохи неолита [Говейлер, 2007; Борзунов, Чемякин, 2012а. С. 189]. Мы не будем вдаваться в детальную характеристику карымского керамического комплекса – она хорошо известна и неоднократно опубликовалась уральскими археологами [Федорова и др., 1991. С. 131–133. Рис. 2. А. – 3–10; Чемякин, Карачаров, 1999. С. 43; 2002. С. 45; Зыков, 2006. С. 114; 2012. С. 53–57, рис. 8–15; Борзунов, Чемякин, 2012а. С. 189–194; Чемякин, Борзунов, 2013. С. 67–69]. Отметим главное.

Горшечные круглодонные и котловидные остродонные емкости I, II и IV типов продолжают линию развития позднекулайской (поздней кулайской сургутской и ярсалинской) посуды. При этом два первых типа в общей массе карымской керамики преобладают. Новое в них – практически полное исчезновение поддонов, более частая формовка скошенных внутрь емкости венчиков с закраиной внутри и желобком сверху, иное завершение орнаментальной зоны – в виде длинных вертикальных и наклонных лент («привесок»), спускающихся по тулову, применение более мелких гребенчатых штампов для украшения посуды I типа, а главное – существенная модификация керамики II типа. Карымские сосуды II типа в основном изящные, тщательно заглаженные снаружи и внутри, с плотным тонким черепком, а также четким, плотным и искусно выполненным декором. Еще одна характерная черта – применение для орнаментации новых необычных фигурных штампов: гладких ромбических, ромбических с четырьмя мелкими «перлами» внутри (так называемых «глазчатых»), а также одинарной и двойной рамчатой уточки, рамчатых S-овидных и других. Отпечатки таких фигурных штампов, плотно расставленные в несколько линий в шахматном порядке, обычно заполняют горизонтальные зоны или образуют треугольники. При этом традиционная кулайская фигурная змейка, птичка и уточка, а также мелкий треугольный штамп и тонкие меандридные мотивы, унаследованные от ярсалинского декора, являются довольно редкими на карымской посуде.

Третий (III) – по счету и количеству – тип карымской керамики выглядит явно инородным на фоне всей западносибирской посуды. Более того, сосуды этого типа производят впечатление сугубо утилитарной кухонной и даже производственной керамики. Емкости – горшечно-баночные, слабопрофилированные, круглодонные и более массивные, чем остальные типов. Они имеют толстый и довольно рыхлый черепок, едва обозначенную средней высоты и высокую шейку, уплощенный со скругленными краями венчик. Кроме того, найден поддон от одного такого сосуда. Поверхности емкостей – в верхней трети или до середины – покрыты простейшим орнаментом из узких желобков, между которыми прослеживаются подобию узких плоских валиков. Желобки выстроены в основном плотными горизонтальными (концентрическими) рядами, иногда образуют арочные орнаменты и кресты. На единичных сосудах можно встретить настоящие валики – узкие, треугольного сечения, наклепные или выдавленные пальцами.

Пояски круглых ямок на шейках и наклонные гребенчатые оттиски, нанесенные на венчиках, шейках и стенках отдельных сосудов III типа, по-видимому, были заимствованы от местного западносибирского декора. Что же касается желобчато-валикового орнамента на раннесредневековой карымской и релкин-ской керамике Западной Сибири, то мнения относительно появления его долгое время расходились, но в последнее время сблизились. Большинство исследователей в разных вариациях сейчас поддерживает гипотезу о восточно-сибирских корнях этого явления, предложенную в свое время томскими археологами и поддержанную красноярскими. Суть ее сводится к тому, что данная орнаментация распространилась вместе с ее носителями из южных областей Восточной Сибири [Гриневиц, 1947. С. 145, 147; Чиндина, 1977. С. 130–131; Беликова, Плетнева, 1983. С. 118–123], в частности из Забайкалья, где валиковый декор на посуде встречался с древности до первой половины I тыс. н. э. [Мандрыка, 1997. С. 209–216].

Правда, механизм генезиса желобчато-валикового декора и время его появления в Западной Сибири еще обсуждается. В частности, Л. А. Чиндина считает, что переселение с востока могло произойти в период передвижения на запад северных хунну во II–III вв. Вместе с тем, релкинские комплексы с валиковой керамикой, уверена она, не выходят за пределы VII–IX вв. Поэтому Людмила Александровна и ее коллеги пришли к заключению, что «скорее всего, это движение было вызвано завоеваниями тюрок периода кага-

натов, когда какая-то часть населения вынуждена была уйти на запад и осесть в Среднем Приобье» [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990. С. 45]. К. Г. Карачаров, не исключая возможность проникновения населения из Восточной Сибири с валиковой посудой и взаимодействия с населением Томско-Нарымского Приобья, отметил, что некоторые такие сосуды могли попасть на Среднюю и Нижнюю Обь без каких-либо крупных миграций, например, в результате браков, товарного обмена и иных культурных контактов [Чемякин, Карачаров, 1999. С. 43; 2002. С. 45, 48]. В свою очередь, А. П. Зыков и Н. В. Федорова полагают, что западносибирские желобчатые зигзаговые, арочные и крестовые узоры были восприняты и скопированы карымским населением с хуннских и хунно-гуннских бронзовых котлов, причем вместе с другими элементами культуры кочевников (комплекс вооружения, конское снаряжение, детали костюма, прикладное искусство), вторгшихся в западносибирскую лесостепь и тесно контактировавших с народами Западной Сибири в III–IV вв. н. э. [Зыков, Федорова, 2001. С. 26–30, рис. 3–5; Зыков, 2012. С. 58].

Свою позицию мы подробно изложили [Борзунов, Чемякин, 2012б. С. 225–228]. Миграционных волн из Восточной Сибири в Западную в конце раннего железного века и раннем средневековье могло быть несколько. С переселениями второй половины I тыс. н. э., предопределенными установлением господства тюрок в Центральной и Восточной Азии и на сопредельных сибирских территориях, связано появление в Томско-Нарымском Приобье новых отопительных систем в жилищах (каны), курганов, кенотафов, тайников, захоронений лошадей, а также миниатюрных изделий, южных орнаментов в изобразительном искусстве и других элементов тюркской и «тюркизированной» культуры. О ранней же миграции, на наш взгляд, свидетельствует желобчато-валиковая посуда, найденная в ареале таштыкской и близких ей культур Хакасско-Минусинской котловины и Тувы II в. до н. э. – V в. н. э., а также часть керамики карымских поселений IV – начала VI вв. таежного Приобья. Простое заимствование населением Приобья, тем более далекими общинами средней и северной тайги, чуждого для них гуннского декора, транспортировка громоздкой и плохо изготовленной посуды с желобчатым орнаментом на далекие расстояния (в отличие от ценных бронзовых котлов и даже их обломков) явно маловероятны. Нужны живые носители традиций изготовления такой глиняной посуды, а они были – граничившие с гуннами племена оседлых лесных охотников и рыболовов юга Сибири, вероятно, знакомые с основами черной металлургии. Их приход в Западную Сибирь и даже, возможно, в Якутию являлся частью обширных миграций, спровоцированных многолетними войнами гуннов с Китаем и окружающими племенами (конец IV в. до н. э. – середина II в. н. э.), а также последовавшим вслед за этим Великим переселением народов (II–IV вв.). Одной из причин миграций в начале эпохи средневековья (IV–VI вв.) могли быть и систематические грабительские нападения *жужаней* на окрестные народы и племена, населявшие Северный Китай, юг и восток Сибири и Средней Азии, возведенные в ранг государственной политики их каганата (орды). В частности, в конце V в. из-за притеснения жужаней бежали от р. Ордос на восток – через Джунгарию – в верховья Иртыша мирные племена кочевников-скотоводов *теле*. Мы также помним, что под пятой жужаней оказались енисейские кыргызы (*иегу*), некие забайкальские племена (*хэвей*) и даже тюрки Алтая (*тиорки-тюкю*), будущие господа Азии, вынужденные поставлять жужаням изделия из железа. Что же касается мифической гуннской глиняной посуды с валиковым орнаментом, которую безуспешно пытаются найти в тоболо-иртышской лесостепи и урало-казахстанской степи, то ее просто не было. Она была не нужна кочевникам: ее заменяли бронзовые котлы, кожаные мешки и емкости из других материалов. Орнаменты, распространенные на хуннских и гуннских котлах, могли быть скопированы непосредственно с оригинала – глиняной посуды верховьев Енисея и Забайкалья.

В зеленогорский период (VI–VII вв.), сменивший карымский, желобчатый декор на посуде центральных и западных областей таежного Приобья сохранился, но резко сократился (до нескольких процентов от общего количества сосудов). В дальнейшем он здесь исчез. Это свидетельствует о постепенной ассимиляции аборигенами приобской тайги мигрантов из Восточной Сибири.

Вещевой комплекс. После исключения Холмогорского «клада» и опубликованных В. Н. Чернецовым отливок из бронзы из списка карымских древностей, вещевой комплекс основного ареала обитания карымского населения характеризовать оказалось практически нечем. Несколько каменных абразивов, целых и сломанных железных ножей, глиняных рюмковидных тиглей и три бронзовых предмета (культовая отливка с изображением двух змей, прямоугольная пластина с двумя отверстиями и обломок такой же) из урочищ Сайгатино и Барсова Гора также мало чем помогли. Кстати сказать, авторами раскопок они так и не были опубликованы. Сложившуюся ситуацию буквально спасла коллекция карымских артефактов, найденных при раскопках в последние годы Ю. П. Чемякиным и его коллегами на протоке Сартым-урий. Это же подтвердили последние работы А. П. Зыкова [2006. С. 113–114; 2012. С. 59–60]. Бесспорной атрибуции данных материалов как карымских помогло то, что два исследованных памятника (гор. Сартым-урий 18, селище Сартым-урий 17) не содержали инородных включений. На третьем (селище Сартым-урий 16) во-жпайские объекты 2-й половины IX – X в. располагались компактно, отчасти на руинах карымских², а кулайские находки локализовались поодаль и были представлены одним горшком и костяной мотыжкой.

² См. статью Ю. П. Чемякина об этом памятнике в данном сборнике.

Комплекс карымских вещей из урочища Сартым-урий включает железные однолезвийные черешковые ножи и их обломки, наконечники стрел (один оригинальный бронебойный втульчатый с узким асимметричным подромбическим пером и серия срезней с прямым, слегка закругленным или вогнутым острием), шилья, иглы, крючки, плоские кольчужные кольца (первое свидетельство производства кольчуг в таежном Приобье), обломок топора-гесла (кельта?), трехсоставная железная пряжка от ремня с кольцом из граненого прута, подвижным язычком и прямоугольным щитком-обоймой. Изделия из бронзы представлены прямоугольными поясными или нагрудными бляхами-накладками с горизонтальным изображением трех голов медведей в жертвенной позе, со ложно-шнуровым и жемчужно-перловым (умбоновидным) декором; обломком бляхи с вертикальной расстановкой голов медведя; плоской прорезной бляхой с профильным изображением медведя; прямоугольной ажурной бляхой-накладкой с геометрическим и жемчужным орнаментом; полым граненым навершием с орнитоморфным венцом; пронизкой с изображением орла с прижатými к туловищу крыльями, клюющего голову млекопитающего; бусиной; обломками мелких пластинок. Остальные предметы – обломки костяных наконечников стрел треугольного и ромбического сечения, каменные наковаленки и шлифовальники, абразивы из булыжников и галек, массивная гранитная наковальня, обломки глиняных рюмковидных тиглей для переплавки цветного металла и глиняных льячек для его разлива (рис. 5 – 1–12, 16, 18–29, 30–35). Судя по сартым-урийским аналогам, к карымскому комплексу можно также причислить три бронзовые прямоугольные накладки с изображениями медведей в ритуальной позе, найденные в могильнике Чагорово IV (раскопки М. Ю. Баранова 2005 г.) и на оз. Чагыр (Чагорово?) в верховьях Большого Салыма (рис. 5 – 13–15).

Данные артефакты опубликованы и детально проанализированы авторами раскопок, данного доклада [Чемякин, 2003а; 2003б; 2008. С. 93–94, рис. 99; 2008б; 2011; Чемякин, Фефилова, 2007; Фефилова, Чемякин, 2008; 2009; Борзунов, Чемякин, 2012а. С. 196–201, ил. 12; Чемякин, Борзунов, 2012; 2013] и А. П. Зыковым [2012. С. 59–60]. Основные выводы этого исследования следующие. Практически все карымские предметы изготовлены в таежном Приобье. Только железная пряжка и бронзовая зооморфная пронизка производят впечатление привозных изделий, но это только гипотеза. Образцами для создания карымских металлических вещей послужили как местные прототипы, так и предметы, широко распространенные в лесном Приуралье, западносибирской лесостепи и южной тайге, а также у кочевников Южного Урала (пряжка). Аналоги этим изделиям датируются от IV–VI до VIII–IX вв., но в целом не противоречат предлагаемой авторами дате – IV (III/IV) – начало VI в. Что же касается антропоморфной бронзовой плоской фигурки с поселения (селища) Ендырское VII в Нижнем Приобье [Кокшаров и др., 2012. С. 341–342, ил. 1], недавно найденной и причисленной к карымским, то она близка таким же плоским и без прорезей отливкам, входящим в состав позднекулайского Холмогорского «клада» III–IV вв., изображающим человека в полный рост с косями и сложенными на животе руками [ср.: Зыков и др., 1994. С. 131, № 46, 46; Зыков, Федорова, 2001. С. 102, 105, №№ 15, 20]. Более реалистичные «прорезные» отливки стоящих в полный рост мужчин с расставленными ногами и сведенными на животе руками характерны уже для памятников кучиминского этапа VIII–IX [Зыков и др., 1994. С. 81, 82, 132–133, №№ 62–64, 62а, 64а]. К этому же времени относится сходная с ними фигурка, случайно найденная в 1926 г. в «кургане близ Карыма», опубликованная В. Н. Чернецовым при описании памятников у городища Ус-Толт [1957. Рис. 5].

Вещевой материал интересующих нас могильников южной тайги более многочисленный, разнообразный и включает массу металлических изделий [Чернецов, 1957. С. 162, 164–1966; Скандаров, Данченко, 1999. С. 164–166; Матвеева, 2008; Грачев и др., 2010. С. 239–240; Борзунов, Чемякин, 2012а. С. 201–203] (рис. 6). Это – железные ножи, детали ножен, наконечник стрелы, шило, бронзовые и медные пряжки, прямоугольная ажурная поясная (?) накладка с перлами, гривны из круглого прута с несомкнутыми концами или из плоских пластин, соединенных железными клепками, височные подвески, серьги, пронизки, перстень, круглые бляшки на остатках налобной матерчатой повязки, наконечник ремня, остатки кожаного ремня с металлическими накладками, полые орнитоморфные и зооморфные изображения, плоская антропоморфная личина, искусно изготовленная чаша из «белого» металла, а также стеклянные (пастовые) бусы и каменный оселок. Из этих изделий только небольшую часть можно предварительно отнести к традиционно лесным и собственно карымским, восходящим к кулайским прототипам. В частности, это бронзовые плоские отливки и некоторые объемные фигурки, возможно, простейшие образцы ножей и шильев. Остальные находки являются предметами импорта (чаша, бусы, детали ножен), а также наследием или местными репликами лесных приуральских, лесостепных западносибирских и степных образцов (бронзовые украшения). В частности, по приуральским и степным евразийским образцам IV–VI вв. были изготовлены кожаные пояса с бронзовой гарнитурой.

Радиоуглеродные даты. Для определения хронологии карымских памятников большое значение имеют даты, полученные для поселений низовьев Большого Югана. Анализ угля, взятого со дна ямы рядом с жилищем 10 на городище Сартым-урий 18, дал возраст 1785±30 л. н. (Je-7710), что в интервалах калиброванных календарных дат соответствует 130–330 гг. н. э. (при степени вероятности 68,2%) или 130–340 гг. н. э.

(вероятность 95,4%). Уголь со дна кузни на селище Сартым-урий 17 показал дату 1680±90 л. н. (Je-7713). Калиброванные интервалы составили 240–530 гг. н. э. (68,2%) и 130–570 гг. н. э. (95,4%) [Чемякин, Фефилова, 2007. С. 113, 119, 121]. По-видимому, к чуть более позднему времени относится селище Сартым-урий 16, расположенное на окраине данного куста поселений. Но уголь, взятый из слоя у юго-западного угла кузни 2 (постройка 16), показал 1810±25 л. н. (Je-9805), или 130–240 гг. (68,2%) и 120–320 гг. (95,4%) [Чемякин, Борзунов, 2013. С. 72].

В целом радиоуглеродные даты дали широкий хронологический интервал и оказались заниженными (II–VI вв.), по сравнению с датировкой карымских древностей, установленной на основании традиционных методов датирования по металлическому инвентарю и керамике (IV – начало VI, или рубеж III/IV – начало VI вв.).

Карымские «этнос» и общество: общая характеристика. Переход от раннего железного века к позднему, от древности к средневековью в Евразии, включая ее отдаленные северные территории, произошел на фоне больших потрясений, вызванных Великим переселением народов III–V вв. Великая миграция, среди прочего, прервала медленное поступательное социально-экономическое и этнокультурное развитие многих древних народов, стоявших на ее пути, в том числе целый ряд южно-сибирских, перемешала их, сорвала с насиженных мест, освободив большие пространства для других коллективов. Для аборигенов западносибирской тайги, чей мир граничил с сибирской лесостепью и не так удален от азиатской степи, по которым прошла мощная миграционная волна кочевников-гуннов и втянутых в их поток других племен, это также было серьезным испытанием.

Карымский период в развитии обществ таежного Приобья, который пришелся частично на время гуннских вторжений и век после него, можно рассматривать переходным и даже, в каком-то смысле, переломным. Уже в финале кулайской эпохи началась очередное переселение на юг³ части северных приобских коллективов, в том числе на постепенно пустеющие южно-таежные территории Тоболо-Иртышья. Последнее, в свою очередь, было порождено уходом под давлением гуннов большей части лесостепных саргатских скотоводческих коллективов за запад – в Зауралье, на Южный Урал, а затем – в Поволжье. Медленные подвижки и в целом сдвиг северных рыболовов-охотников на юг происходили в момент преобразования позднекулайского общества в карымское и, очевидно, в течение всего карымского этапа. То, что это была постепенная⁴ трансформация кулайских коллективов Среднего и Нижнего Приобья, бассейна Конды и западной части таежного Обь-Иртышья именно в карымские ни у кого не вызывает сомнения. Как и то, что кулайский период сменяется зеленогорским. Об этом говорит многое. В частности, даже такой факт, что часть карымской керамики вообще трудно отличима, с одной стороны, от позднекулайской сургутской гребенчатой и фигурно-штампованной, с другой – от нижеобской ярсалинской, характеризующейся тонкостенностью, плотным орнаментом, меандридными элементами, нанесенным тонкими чеканами, и треугольными ямками, расставленными в шахматном порядке и обращенными вершинами друг к другу. В свою очередь, еще одна часть карымской посуды, по-видимому, поздней, очень сходна с зеленогорской керамикой, украшенной треугольными фестонами, составленными из оттисков ромбических штампов.

На юго-западной границе карымского ареала – по берегам Пельма, Лозьвы, Сосьвы, Тыни, Тавды и оз. Вагильский туман – появились поселения с керамикой туманского типа, по-видимому, представлявшими собой часть обширного карымского ареала. Часть этих коллективов спустилась по Тавде к Тоболу, другая, по-видимому, проникла в горнолесное Зауралье.

В лесном Тоболо-Иртышье, на кромке южной тайги, в результате взаимодействия ярсалинско-карымских, карымских и туманских групп с местными общинами и беглецами из лесостепи – остатками, а затем – потомками позднесаргатских северных племен, сформировались новые гетерогенные коллективы, практиковавшие хозяйство комплексного типа. Аборигены края (потомки кашинского и других «этносов»), а также переселенцы с севера и юга жили, по-видимому, некоторое время раздельно. Однако со временем,

³ После заселения западносибирской тайги, начавшегося еще в каменном веке, преимущественно с южных, юго-восточных и частично – с западных территорий, первая значительная обратная миграция приобских коллективов – на юг, юго-восток, юго-запад и запад – произошла на рубеже бронзового и железного веков, в начале I тыс. до н. э. Именно с ней в южной тайге и лесостепи Западной Сибири появились охотники-рыболовы с ямочно-фигурно-штампованной орнаментацией посуды (а в Зауралье – еще с ямочно-волнисто-прокатанной). Взаимодействие и последующее смешение северных мигрантов с местными населением, экономика которого базировалась на сочетании производящих и присваивающих отраслей, породило целую систему гетерогенных этнокультурных образований – так называемую общность культур «крестовой» керамики. С пришедшим населением на юге Западной Сибири распространился северный тип жилищ, остатками которых являются слегка приподнятые над окружающей поверхностью площадки, окруженные ямами и канавами. В лесном Зауралье стали возводиться мощные бревенчатые укрепленные жилища, появившиеся в таежном Приобье еще в начале эпохи бронзы. Вторая значительная южная миграционная волна приходится на вторую половину раннего железного века, т. е. на кулайскую «эпоху».

⁴ Известно, что всякая эволюция имеет не простой линейный характер, а периодически включает в себя качественные скачки.

в карымский период, появились поселки со смешанным населением, где доминировала та или иная «этническая» группа. Карымское и смешанное население стало хоронить своих сородичей под курганами, по другим религиозным обрядам и с иным инвентарем. Некоторые жителей тоболо-иртышских поселков (вероятно, верхушка местного общества) еще раньше – в системе других новшеств – восприняла от гуннов моду на прижизненную деформацию черепов, как в свое время сами хунну заимствовали ее от северных китайцев.

В IV–VI вв. часть притобольского населения в поисках лучшей доли или меднорудных месторождений (как полагает В. Д. Викторова в отношении туманских коллективов) проникла в горнолесное Зауралье, где в свое время (около III–II вв. до н. э.) прекратил существование мощный Зауральский иткульский очаг цветной и черной металлургии. Здесь зафиксировано несколько поселений пришельцев с находками керамики, украшенной ямочными, гребенчатыми, фигурно-штампованными и шнуровыми узорами (гор. Уфа VI, Иткульское I, Мелкое озеро, пос. Палатки, Калмацкий Брод и другие). Такая посуда, сочетающая элементы таежного и лесостепного декора, могла сформироваться, скорее всего, в Нижнем Притоболье во II–VI (точнее, III–IV) вв.

Одновременно с оттоком части населения из центральных и северных районов таежного Приобья на юг, происходит еще одна существенная подвижка населения. А именно: миграция неких коллективов из южных областей Восточной Сибири в Среднее Приобье, а затем – на нижнюю Обь, Иртыш и Конду. По всей вероятности, их путь пролегал из Забайкалья через лесные пространства верховьев Енисея и Оби. Толчком к этому движению могли послужить войны гуннов и разбойные нападения их «преемников» – жуужаней, державших в страхе весь Северный Китай и окружающие народы Сибири и Средней Азии. Судя по тому, что западносибирские дебри были пришельцам не в тягость, переселенцами из Восточной Сибири были лесные коллективы. Они легко освоились в инородной среде, причем без соли, хлеба, шелков, престижных вещей, украшений и других излишеств (которые, кстати, постоянно требовали гунны и жуужани у китайцев, сяньбийцев и других соседних народов). Вероятно, это были группы охотников и рыболовов, к тому же знакомые с секретами производства черного металла. Новое население принесло с собой в Западную Сибирь навыки производства громоздкой, грубой, толстостенной и полого качества посуды с простейшим и необычным для этого региона декором, состоявшим из тонких желобков, изредка дополненных валиками. Она более походила на столовую и даже производственную, такую, как, например, специальные неорнаментированные массивные емкости у иткульских металлургов Зауралья. Судя по незначительной доле обломков такой керамики на каждом поселении (от 5 до 20%) в общей массе карымской, пришельцы с востока были не так многочисленны. Они жили в одних поселках с туземцами, сохраняя свою индивидуальность. Возможно, в основном именно эти мигранты, металлурги-кузнецы, занимались производством железа и железных орудий, способствуя превращению этого вида производственной деятельности в таежных обществах в ремесло. В зеленогорский период желобчатый орнамент в малых количествах еще сохранялся на местной посуде. К VIII в. от него не осталось здесь и следа: пришельцы окончательно растворились в аборигенной среде.

Здесь мы переходим к другому сюжету, связанному с последствиями Великого переселения народов и наступлением нового, довольно смутного времени в истории азиатских народов. Большая миграция гуннов, трехсотлетний разбой каганата (орды) жуужаней – наднационального образования, образованного беглыми рабами и маргиналами из многих кочевых племен, а также постоянные войны с окружающими народами государства эфталитов, контролировавшего юг Средней Азии и срединную часть трансконтинентального Великого шелкового пути, серьезно нарушили отлаженную систему международной торговли. Для населения таежного Приобья, особенно для элиты туземного общества, это была большая потеря.

Дело в том, что все возрастающая потребность в пушнине Востока и Запада сформировала здесь в кулайское время постоянно действующие торгово-обменные коммуникации – северные («пушные») ответвления Великого шелкового пути. Точнее, две традиционные группы маршрутов древней «торговли» тогда были реанимированы и усилены: юго-западная – от Алтая через верховья Оби, южная – по Тоболу и Иртышу. Именно по ним в западносибирскую тайгу издревле попадал хороший камень и почти весь цветной металл, месторождений которых, как известно, нет на Западносибирской равнине. Третий путь был проложен пьяноборско-гладеновским населением – через Прикамье, Печору и проходы в Уральских горах. Это было самое начало известного в средневековье Камского торгового пути. Необходимость в нем возникла, скорее всего, потому, что специализированная пушная охота, процветавшая в Приуралье в ананьинское время и специально организованная для потребителей в евразийской степи (сарматы, сарматы, скифы) и Причерноморье (греки), истребила здесь практически всех ценных пушных зверей. В западносибирской лесостепи хорошей пушнины также не было. Посредническую торговлю купцов Средней Азии (где заканчивались основные «пушные» пути и находились высокоразвитые ремесленные центры) с Севером в степи осуществляли сарматы и саки, в лесостепи – саргатские племена. В свое время высказывалось мнение о том, что саргатские племена были враждебны населению тайги и за пятьсот лет своего

существования не оставили никаких следов в культуре таежного населения Западной Сибири, а их влияние ограничивалось только пограничной южно-таежной зоной. Всю же посредническую торговлю между населением таежного Обь-Иртышья и Средней Азией вели гунны [Зыков, Федорова, 2001. С. 26–30]. Но это неправда. Именно благодаря постоянно существовавшим экономическим и культурным связям саргатских племен с таежными коллективами в лесном Обь-Иртышье и Среднем Приобье появилась целая цепочка бастионных крепостей, доходившая на севере тайги до верховьев Пура [Борзунов, 2002a]. В Приуралье, которое вело активную торговлю с Нижним и Средним Приобьем, таких укреплений не было. Не было их и в верховьях Оби, а тем более у кочевников-гуннов, временно населявших западносибирскую лесостепь и прилегающие степные районы. Зато такие крепости были у гороховского и саргатского населения, которое заимствовало идею их строительства в Приуралье во время своих перекочевков, участия в торговых караванах и даже в результате грабительских набегов на эти крепости. Именно включение таежного Приобья в систему международной экономики, а не развитая производящая экономика (которой здесь не было), стимулировало социально-экономическую дифференциацию в местных обществах. В кулайское время местная элита, контролировавшая всю хозяйственную деятельность общинников, в том числе добычу зверя и торговлю пушниной, обособилась от основной массы населения. С этого времени в таежном Приобье берет начало принцип раздельного проживания разных социальных слоев общества. У богатырей-вождей и их окружения появились небольшие, но сильно укрепленные круглогодичные городки. В то время как рядовые общинники обитали поодаль – в неукрепленных селищах, а зимой вообще мигрировали вглубь леса – от рек и рыболовных мест ближе к охотничьим угодьям. Появился культ воина, выраженный в числе прочего в бронзовых культовых отливках и святилищах с набором бронзового и железного оружия. Судя по богатому погребению шестилетнего мальчика, в богатой одежде, с полным комплектом вооружения и массой импортных вещей (Баровский III могильник), власть элиты стала наследственной.

Перебои в функционировании пушных путей в карымский период резко сократили приток престижных вещей и вообще цветного металла в тайгу. Это имело существенные последствия для развития всего местного общества, а не только его элиты. Из-за дефицита меди и бронзы, весь металлический орудийный набор стал железным. Только из железа стало производиться оружие. Даже пряжки поясов в Среднем Приобье были железными, а не бронзовыми, как в южной тайге. Таежные общества окончательно и довольно своеобразно вступили в «эпоху железного топора и меча». Цветной металл использовался только для отливки культовых вещей, нашедший железных клинков и редких украшений, в том числе прямоугольных накладок с изображениями медведей в ритуальной позе, пришивавшихся, вероятно, на пояса или верхнюю одежду воинов.

Расплавка цветного металла на поселениях бронзового и раннего железного веков производилась прямо в жилищах, на обычных кострах, о чем свидетельствуют находки в них шлаков, сплесков меди и бронзы, бракованных изделий. Высокая температура плавки железа исключала такую возможность. Во-первых, металлургия стала полного цикла – от поиска и добычи болотной руды, ее обогащения и производства металла до последующей его обработки и производства изделий. Во-вторых, потребовались специальные печи-домницы для выплавки железа. В-третьих, это производство было вынесено за пределы жилища и поселка, как минимум, в начальной стадии. Теоретически выплавка черного металла также могла происходить за пределами поселков. В-четвертых, появились специальные помещения для обработки металла и изготовления железных изделий – «кузны». Они были вынесены за пределы жилой зоны и помещены на периферии поселка. В одном из селищ (Сартым-урий 16), как показали раскопки, такие постройки вместе с хозяйственными помещениями образовали целый ряд, отделенный от жилищ «улицей». Наконец, появился целый ряд приспособлений и орудий, связанный с производством и обработкой нового металла: кузнечные молоты, наковальни, возможно, какие-то инструменты типа клещей и так далее. Новшество проявилось и в меднолитейном производстве: на смену обычным чашевидным глиняным тиглям пришли глиняные рюмковидные формы на коротких круглых ножках, расширяющихся к основанию.

Распространение железных топоров-тесел взамен бронзовых кельтов обусловило прогресс в градостроительстве и, особенно, домостроении. Этим можно объяснить отличие основной части карымских домов от кулайских жилищ, что было обусловлено массовым переходом от возведения каркасно-столбовых построек с наклонными стенами к бревенчатым (в том числе – срубным) сооружениям с вертикальными стенами. При этом карымские жилища были в среднем чуть меньше кулайских и вмещали обычно одну малую семью. Пока трудно установить, по какой причине в карымское время в ряде мест начинает преобладать уличная застройка. Она свидетельствует об определенной, более строгой планировке таежных поселков, упорядоченной и регламентированной жизнедеятельности, особенно в укрепленных городках.

В то же время сами карымские городища, по сравнению с кулайским периодом, стали более обширными и менее мощными с точки зрения системы их оборонительных сооружений, как и в начале железного века (белоярско-васюганский период). Количество жилищ на них также довольно значительное. Не исключено, что в укрепленных поселках проживала не только элита общества (вожди-богатыри, они же,

вероятно, служители культа, члены их семей, воины, домашняя прислуга), но и более широкий круг людей. Это, возможно, объясняется замедлением темпов социальной дифференциации в таежных обществах Приобья. Кроме того, необходимость строительства сильно укрепленных объектов здесь частично отпала из-за оттока части населения на юг, который отчасти снял напряженность в отношениях между общинами. Проблема относительной перенаселенности наиболее удобных для заселения мест – на высоких коренных и хорошо продуваемых террасах, близ богатых рыбных промыслов и охотничьих угодий – была частично снята. Судя по таким урочищам как Саргым-урий, в карымский период аборигены тайги начали осваивать-ся глубинные территории, практически не заселенные в предыдущую эпоху. Это же позволило аборигенам таежного Приобья относительно безболезненно принимать на своих землях небольшие группы восточных мигрантов и даже включать их в свои общины.

Что же касается военно-потестарной и прочей элиты, то вряд ли она утратила свои лидирующие позиции в карымский период и слилась с рядовыми общинниками. Даже при явном сокращении объемов «международной» торговли, уменьшении количества междоусобных конфликтов и снижении уровня внутренней угрозы – необходимости защищать себя, свое окружение и накопленные ранее богатства от рядовых общинников. Именно для воинской элиты в это время, как и прежде, производились комплекты вооружения и воинского доспеха. Последние только видоизменились и даже стали более качественными и мощными. Это подтверждают плоские железные наконечники стрел – срезни, предназначенные для поражения зазоров между костяными пластинами доспеха таежного воина, оригинальный броневой наконечник стрелы, легко разбивающий эти пластины, а также кольца от железных кольчуг, которые были обнаружены в урочище Саргым-урий. Просто элита стала немного «скромнее». Не было бросающейся в глаза роскоши. Не слишком очевидны проявления воинского культа (может быть, за исключением вышеупомянутой спорной находки – бронзовой фигурки воина – на поселении Ендырское VII). Все это вернется через несколько веков, к ближе концу I тыс. Об этом возвестят новые мощные крепости, импортные вещи, масса железного оружия, возрожденные воинские культы, в том числе обряды захоронений кукол-иттарма с личинами воинов в шлемах, а также изображения самих себя в виде бронзовых «косатых» богатырей и богов, в том числе с оружием в руках.

Сейчас же, в карымский период, вожди-богатыри и их приближенные продолжали контролировать жизнедеятельность своих общин: обществ, построенных на присваивающих отраслях хозяйства. Для жителей тайги такие занятия – традиционные: рыболовство, охота, собирательство, хозяйственная деятельность, строительство, домашние производства и так далее.

Привязка карымских поселений к водоемам, находки костей и чешуи рыб в кострах, хозяйственных и мусорных ямах, предполагают значительную, если не лидирующую, роль *рыболовства* в жизни обитателей тайги в начале средневековья. Отсутствие на раскопанных карымских памятниках глиняных и каменных грузил, безусловно, не исключает постоянное использование сетей для промысла рыбы. С другой стороны, этот факт указывает на особое значение заборного рыболовства на протоках и малых реках, близ которых была сосредоточена основная масса карымских поселков. По костным остаткам, собранным при раскопке поселков в урочище Саргым-урий, определены стерлядь, язь, плотва, чебак, карповые, щука, ерш, окунь [Чемякин, Некрасов, 2007. С. 198–201; Чемякин, 2011. С. 480]. Отсутствие селективности в этом наборе указывает на то, что жители тайги начала средневековья, как и прежде, потребляли всю рыбу, которую им удавалось поймать. Кроме того, анализ чешуи, обнаруженной в одной из ям на селище Саргым-урий 17, позволил установить интересный факт. Само это углубление, размерами 140×110×30 см, расположенное рядом с жилищем, предназначалось для консервации рыбы либо для отбросов. Вся рыба, кости которой были обнаружены здесь (преимущественно карповые), была выловлена с августа по сентябрь – во время миграции в верховья мелких рек, впадающих в Обь. В это время, как мы знаем, карповые продвигаются к местам «зимовок», спасаясь от сезонных заморозов. Весной по той же причине наблюдается обратное движение – скат рыбы в пойменные водоемы (*соры*) для нагула и нереста. В ходе этих массовых миграций рыбу можно добывать весьма легко – на мелких водотоках с помощью простейших «запоров». Найденная в той же яме единичная кость стерляди (маргинальный луч грудного плавника) могла использоваться как проколка. Саму же рыбу могли поймать, скорее всего, не в соседней протоке Саргым-урий, а в протекающей в полукилометре от этого места р. Большой Юган [Чемякин, Некрасов, 2007. С. 199].

О занятиях карымского населения *охотой* (в том числе пушной), помимо костяных наконечников стрел, свидетельствуют остеологические остатки, сохранившиеся в очагах. Здесь обнаружены пережженные кости северного оленя, лисицы, зайца, белки, соболя и птиц [Чемякин, 2011. С. 480; Чемякин, Борзунов, 2012. С. 335, табл. 2]. Надо полагать, что использование железных орудий облегчило и модернизировало не только сооружение фортификаций, жилых, производственных и хозяйственных объектов, но и, по-видимому, запорных устройств на реках для массовой добычи рыбы, охотничьих изгородей, ям-ловушек, слопцов и других приспособлений.

На известных нам карымских памятниках средней и северной тайги костей лошади и ее изображений не обнаружено. Однако известно, что она появилась в Сургутском Приобье еще в раннем железном веке – с мигрировавшими с юга группами калинградской культуры VI–IV вв. до н. э. С момента своего появления здесь до позднего средневековья лошадь являлась, скорее всего, редким сакральным и престижным статусным животным.

В качестве итога следует сказать, что в начале средневековья изменения коснулись практически всех сторон жизнедеятельности местных обществ, что подтверждает трансформацию одной общности (кулайской) в другую – карымскую (точнее, обь-иртышскую КИО на карымском этапе).

Характерными чертами социально-экономического и духовного развития лесных обществ карымского периода можно считать начало массового производства и использования железа в различных сферах их деятельности, качественное изменение орудийного комплекса и оружия, глиняной посуды, в том числе ее орнаментики, сокращение объемов межплеменного товарообмена в западносибирской тайге в условиях неблагоприятной внешнеполитической и экономической ситуации, временное замедление темпов социально-экономической дифференциации лесных обществ, относительную бедность карымского общества таежного Приобья, продолжение миграций в тайге и лесостепи, проникновение в лесное Приобье новых групп населения из Восточной Сибири, освоение северными приобскими коллективами южной кромки тайги Тоболо-Иртышья, формирование общин со смешанным составом лесного и лесостепного населения, восприятие южными карымскими группами элементов хозяйства и духовной культуры населения лесостепи и степи, в том числе скотоводства, общего образа жизни, «моды» на вытянутые черепа, некоторых сторон погребальной обрядности.

Источники и литература

- Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск, 1983.
- Бельтикова Г. В. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии (ВАУ. Вып. 18). Свердловск, 1986.
- Борзунов В. А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. № 3. М., 2002а.
- Борзунов В. А. Мелкое озеро // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002б.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2006.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012а.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012б.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория распространения // ВИАЭ. № 1 (20). Тюмень, 2013а.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские поселения таежного Приобья // ВИАЭ. № 2 (21). Тюмень, 2013б.
- Викторова В. Д. Археологическая карта бассейнов рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Т. 1: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967. Архив ПНИАЛ УрФУ (КА УрГУ). Ф. III. Д. 127.
- Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников). Приложение к дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. Архив ПНИАЛ УрФУ (КА УрГУ). Ф. III. Д. 89.
- Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Викторова В. Д. Туманское I поселение, святилище и костеище // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
- Викторова В. Д. Археологические памятники // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002.
- Грачев М. А., Грачева О. Е., Данченко Е. М., Плеханов А. В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III САК. Тез. докладов. Екатеринбург, 2010.
- Гриневиц К. Э. Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка (Тр. ТГУ и ТГПИ). Т. 98. Томск, 1947.
- Говейлер Т. А. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX УПАСК. Пермь, 2007.

Данченко Е. М., Колесникова И. М. Керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодник. Вып. 4. Омск, 2000.

Жирных Е. А., Каменский С. Ю. Средневековые железодельные печи на территории Северо-Западной Сибири // II САК. Тез. докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Зиняков Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997.

Золотарева И. М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА. № 35. М., 1953.

Зыков А. П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2006.

Зыков А. П., Федорова Н. В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.

Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.

Кайдалов А. И., Сечко Е. А., Колмогоров П. А. Средневековый комплекс городища Усть-Утяк 1: интерпретация и хронология // ВААЭ. № 2. Тюмень, 2010.

Каменский С. Ю., Жирных Е. А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. Томск; Ханты-Мансийск, 2006.

Канивец В. И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // МАЕСВ. Вып. 1. Сыктывкар, 1962.

Карачаров К. Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск, 2011.

Карачаров К. Г. Исследования на VI Сайгатинском могильнике в Сургутском районе // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск, 2003.

Карачаров К., Носкова Л. Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.northarch.ru/exp2007_2.htm.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард, 2013.

Кокшаров С. Ф., Зимин А. Н., Казанцева А. И., Мотус А. И. Археологические раскопки на поселении Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.

Корякова Л. Н., Морозов В. М., Суханова Т. Ю. Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приобье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири (ВАУ. Вып. 19). Свердловск, 1988.

Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или К вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997.

Матвеева Н. П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2008.

Михалев В. В. Городище с кольцевой системой обороны в Среднем Прииртышье (предварительное сообщение) // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2008.

Морозов В. М. Раннее средневековье. Поселения и жилища Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. Томск, 1994.

Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шапков А. Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.

Носкова А. В. Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.

Оборин В. А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // МИА. № 169. М., 1969.

Пархимович С. Г. Поселение Усть-Камчинское 2 на реке Малый Салым (к проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) // Древняя история Средней Оби (на территории хозяйственного освоения ООО «РНЮганскнефтегаз»). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013.

Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006.

Скандаков И. Е., Данченко Е. М. Курганский могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодник. Вып. 3. Омск, 1999.

Посредников В. А., Кирюшин Ю. Ф. Разведка на реках Вах и Васюган // АО 1969 г. М., 1970.

Степанова Г. А. Отчет о стационарных полевых исследованиях памятников: городища Барсов городок II/10 и Кучиминского селища I Сургутского района Тюменской области в 1990 г. Екатеринбург, 1991. Архив ИА РАН. Р-1. № 15288; Архив ПНИАЛ УрФУ (КА УрГУ). Ф. II. Д. 486.

Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Под общей ред. Л. Н. Коряковой. Екатеринбург; Сургут, 2009.

Терехова Л. М., Карачаров К. Г. Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994.

Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 6. Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008.

Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 7. Томск; Ханты-Мансийск, 2009.

Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.

Хлобыстин Л. П. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // Ad Polus. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993.

Чемякин Ю. П. Городище Сартым-Урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск, 2003а.

Чемякин Ю. П. Раскопки селища Сартым-Урий XVII на р. Большой Юган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск, 2003б.

Чемякин Ю. П. Раннесредневековые кузницы на севере Западной Сибири // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 2006.

Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008а.

Чемякин Ю. П. Бронзовая металлопластика из раннесредневековых памятников в бассейне Большого Югана // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. III. М., 2008б.

Чемякин Ю. П. Работы на селище Сартым-урий 16 в окрестностях Сургута // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск, 2011.

Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Сартым-Урий 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.

Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Итоги исследования средневековых поселений на протоке Сартым-урий в зоне хозяйственного освоения Угутского месторождения нефти // Древняя история Средней Оби (на территории хозяйственного освоения ООО «РНЮганскнефтегаз»). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013.

Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск, 2004.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.

Чемякин Ю. П., Некрасов А. Е. Материалы по рыболовству раннесредневекового населения бассейна Средней Оби // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон, 2007.

Чемякин Ю. П., Фефилова Т. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 5. Томск; Ханты-Мансийск, 2007.

Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. М., 1953.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957.

Чернецов В. Н. Зеленая Горка близ Салехарда // КСИИМК. Вып. XXV. М., 1949.

Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991.

Чиндина Л. А., Балакин Ю. В. Поселения Круглое озеро I и II // ИИС. Вып. 19. Томск, 1976.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Ширин Ю. В. Об основаниях абсолютной датировки некоторых типов художественной металлопластики из памятников Нижней Оби // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск, 2004.

Юровская В. Т. Отчет о работе на Козловой переезде (Андреевское озеро близ г. Тюмени). Архив ПНИАЛ УрФУ (КА УрГУ). Ф. II. Д. 67.

Яковлев Я. А. Селище Егур-Ях 4 – новый средневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. Томск; Ханты-Мансийск, 2006.

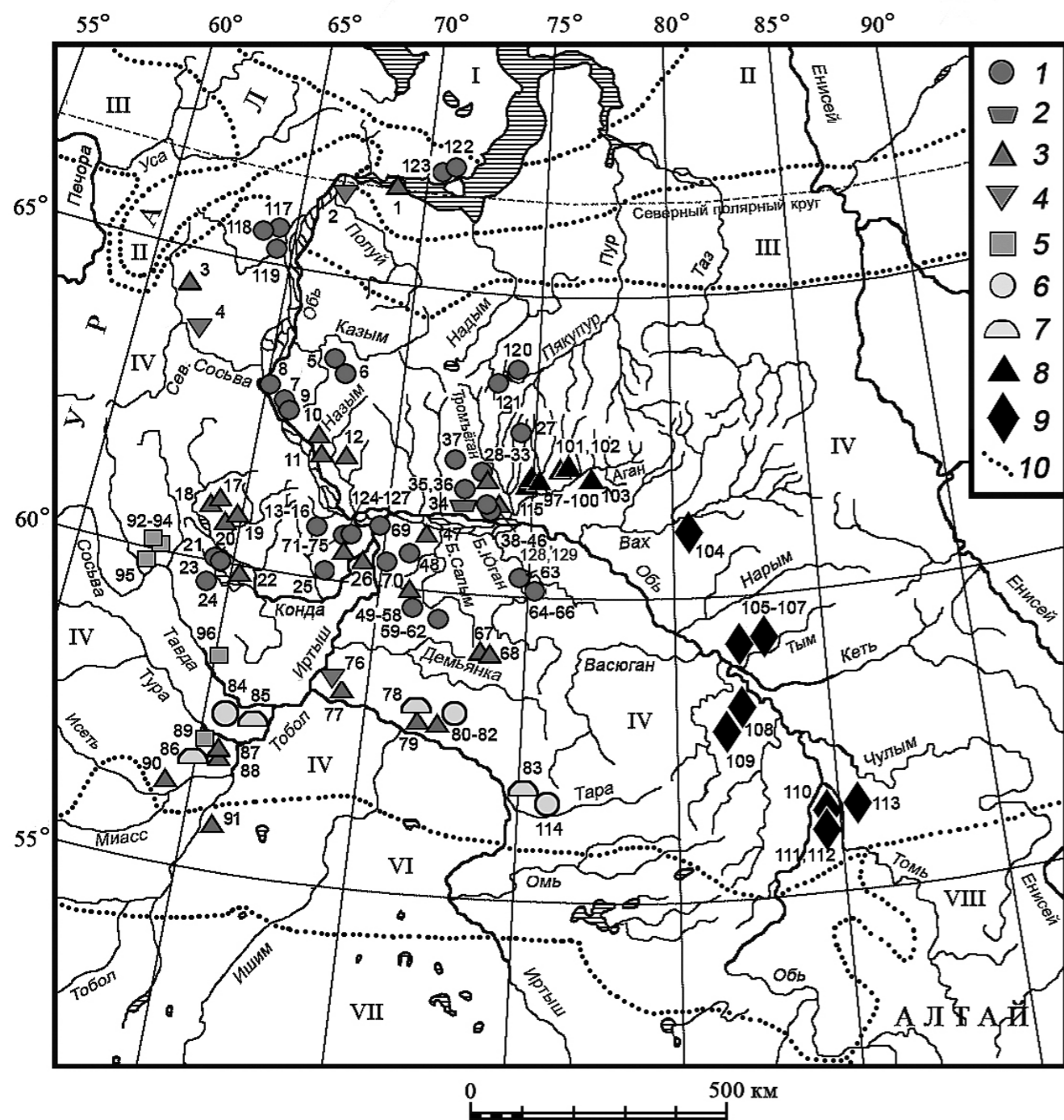

Рис. 1. Карымские памятники раннего средневековья и их окружение:

Условные обозначения: 1 – карымское поселение (городище, селище); 2 – карымский грунтовый могильник; 3 – места единичных находок карымской керамики; 4 – места единичных находок предполагаемых предметов карымского культового литья; 5 – памятники с туманской керамикой; 6 – южно-таежные поселения с карымской и ярсалинско-карымской керамикой; 7 – южно-таежные карымские и саргатские курганные могильники с карымской и ярсалинско-карымской керамикой; 8 – памятники с керамикой «аганского типа»; 9 – релкинские памятники с находками валиковой и желобчатой керамики; 10 – границы современных природно-климатических зон

Современные природно-климатические зоны: I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы; широколиственно-лесная зона (V) на карте отсутствует.

Памятники: 1 – пос. Солемаля I (Салемал I); 2 – мест. у Салехарда; 3 – мест. на гор. (пос.) Мань-Няслан-Тур (пос. Чэс-Тый-яг; пос. Вуграсян-Вад)*; 4 – мест. на Сев. Сосьве; 5 – гор. (пос.) Каксинская Гора IV (4)*; 6 – гор. Кислор III*; 7 – пос. Нангакорка*; 8 – сел. Перегребное IV*; 9 – сел. Низымы 3*; 10 – мест. на гор. Большешатлымское I (Атлым; Атлым-вош; городок Большой Атлым); 11 – пос. Большие Леуши; 12 – гор. Устьевоган; 13 – гор. Ендырское IV; 14 – пос. Ендырское VII*; 15 – пос. Хора I; 16 – гор. (пос.) Хора II; 17 – мест. на гор. Большая Умытья I (гор. Шаманская Горка); 18 – гор. Большая Умытья II (2); 19 – гор. Малая Умытья II; 20 – пос. Неушья I (мог. Неушья 1.2); 21 – гор. Евра 25*; 22 – мест. на гор. Высокая Гора (Учинья I); 23 – металлург. площ. Ирия-II (Ирья-2)*; 24 – металлург. площ. Полуостров Дальний-1*; 25 – гор. Ус-Толт (Карым I)*; 26 – мест. на Вербилском мысу; 27 – гор. Айка-Еган III; 28 – гор. Ермаково VIII; 29 – гор. Путчи-Урий III; 30 – гор. Русскинский Урий I; 31 – гор. Русскинский Урий II; 32 – гор. Русскинский Урий V; 33 – гор. Русскинский Урий XIII; 34 – могильник Сайгатинский VI (ранняя группа погребений)*; 35 – сел. Кучиминское I*; 36 – сел. Кучиминское XXII*; 37 – пос. Быстрый Кульеган 66; 38 – гор. Барсов городок II/6*; 39 – гор. Барсов городок II/7*; 40 – гор. Барсов городок II/9*; 41 – гор. Барсов городок II/10*; 42 – сел. Барсова Гора II/3; 43 – сел. Барсова Гора II/5; 44 – сел. Барсова Гора II/4; 45 – сел. Барсова Гора II/5; 46 – сел. Барсова Гора II/9*; 47 – мест. в устье Бол. Сальма; 48 – сел. Усть-Камчинское 2*; 49 – гор. Кинтусовское 1.1; 50 – гор. Кинтусовское II (2); 51 – гор. Кинтусовское 3.1; 52 – гор. Кинтусовское 3.2; 53 – пос. Кинтусовское 3.3; 54 – пос. Кинтусовское 3.5; 55 – пос. Кинтусовское 3.6; 56 – пос. Кинтусовское 3.7; 57 – гор. Кинтусовское IV (4.1)*; 58 – гор. Кинтусовское 9.1 и пос. Кинтусовское 9.2; 59 – гор. Соровское V; 60 – гор. Соровское X; 61 – гор. Соровское XVII; 62 – гор. Соровское XXXV; 63 – сел. Сухая I; 64 – сел. Сартым-урий 16*; 65 – сел. Сартым-урий 17*; 66 – гор. Сартым-урий 18*; 67 – мест. на оз. Чагыр; 68 – мог. Чагыр IV*; 69 – гор. (пос.) Горное II; 70 – гор. Гришкино I; 71 – пос. Согомское 14; 72 – пос. Согомское 23*; 73 – гор. Танце-Мига; 74 – гор. Чебачье; 75 – мест. на гор. Стариков Мыс*; 76 – мест. у д. Тюково (Тюковский курган?)*; 77 – гор. Потчеваш*; 78 – мог. Красноярка IV*; 79 – гор. Красноярское (Красноярка)*; 80–82 – Красноярский археологический комплекс (жилище, погребение, мест.)*; 83 – мог. Усть-Тара VII*; 84 – пос. Ипкульское (Ипкуль) XV*; 85 – мог. Ипкульский*; 86 – мог. Козловский*; 87 – мест. на гор. Словоцкое*; 88 – мест. на гор. Андришин Городок*; 89 – сел. на северном берегу Андреевского оз. (СБАО)*; 90 – мест. на гор. Павлиново*; 91 – мест. на гор. Усть-Утяк I*; 92 – пос. (сел., святилище) Туманское I*; 93 – сел. Старая Кама; 94 – гор. Исток II; 95 – гор. Мишинское; 96 – гор. Городокское; 97 – сел. Нёх-Урий I*; 98 – сел. Егур-ях 4*; 99 – сел. Вор-сап 2; 100 – сел. Вор-Сап 4; 101 – сел. Сардыковы; 102 – сел. Варьёган 15; 103 – сел. Усть-Ваньёган 2; 104 – пос. Большой Ларьяк*; 105 – мог. Нёготский*; 106 – пос. (сел.) Кондрашкино I; 107 – пос. (сел.) Кондрашкино VI; 108 – пос. Малгет*; 109 – пос. Круглое Озеро II*; 110 – сел. Кисловка II*; 111 – сел. Тимирязевское I*; 112 – гор. Тимирязевское III*; 113 – гор. Басандайка IV*; 114 – гор. Усть-Тара 43*; 115 – сел. Мохтикёган 22; 116 – гор. Питлярское; 117 – гор. Несьеган; 118 – гор. Юган-горт I; 119 – пос. Елисеевский; 120 – пос. Пяку-то I; 121 – мест. Сугмутен-ягун Va; 122 – пос. Хаудымка II; 123 – пос. Нгарка-Едытаяха I; 124 – гор. Согом 1; 125 – гор. Согом 2; 126 – гор. Чебачья Пристань 2; 127 – гор. Ершовое 2; 128 – мест. на гор. Барсов городок I/4*; 129 – мест. на гор. Барсов городок I/31–32*.

Примечания: 1) звездочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи; 2) места находок некоторых медных или бронзовых предметов (№№ 2, 4, 75), сходных с позднекулайскими, к карымским памятникам отнесены условно

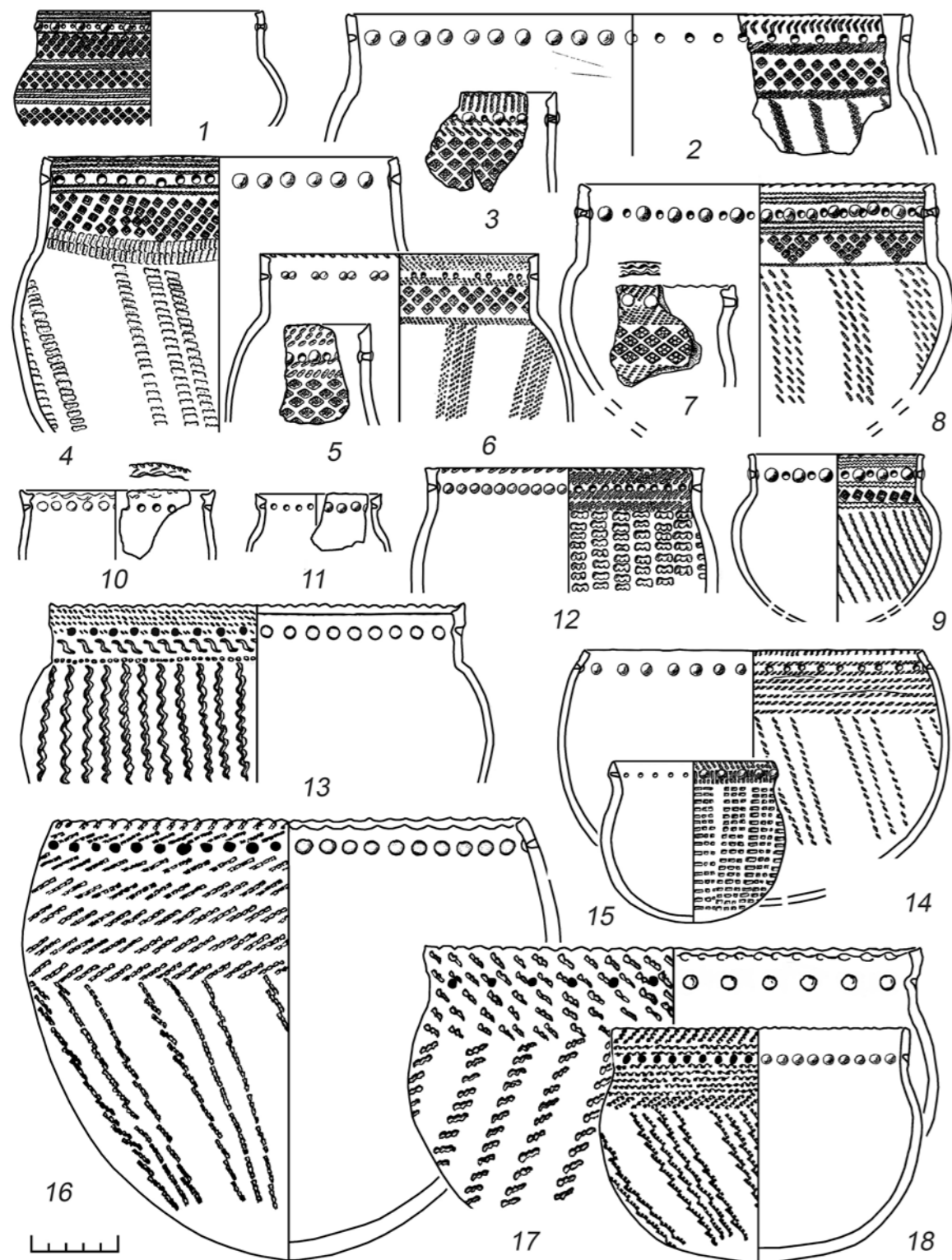

Рис. 2. Карымская керамика Сургутского Приобья с гребенчатой (тип I: 12–18), фигурно-штампованной (тип II: 1–9) и обедненной ямочно-жемчужной орнаментацией (тип IV: 10, 11).
 1, 2, 4, 9, 13, 16–18 – городище Барсов городок II/6; 14 – городище Барсов городок II/10; 3, 5 – городище Барсов городок II/9; 6 – городище Барсов городок II/7; 7, 8, 10, 11 – городище Саргым-урий 18; 12, 15 – селище Саргым-Урий 17.
 1, 8, 10, 11, 13, 15 – по Ю. П. Чемякину; 2–7, 9, 12, 14 – по Ю. В. Семакову;
 16–18 – по Н. В. Федоровой, А. П. Зыкову, В. М. Морозову, Л. М. Тереховой

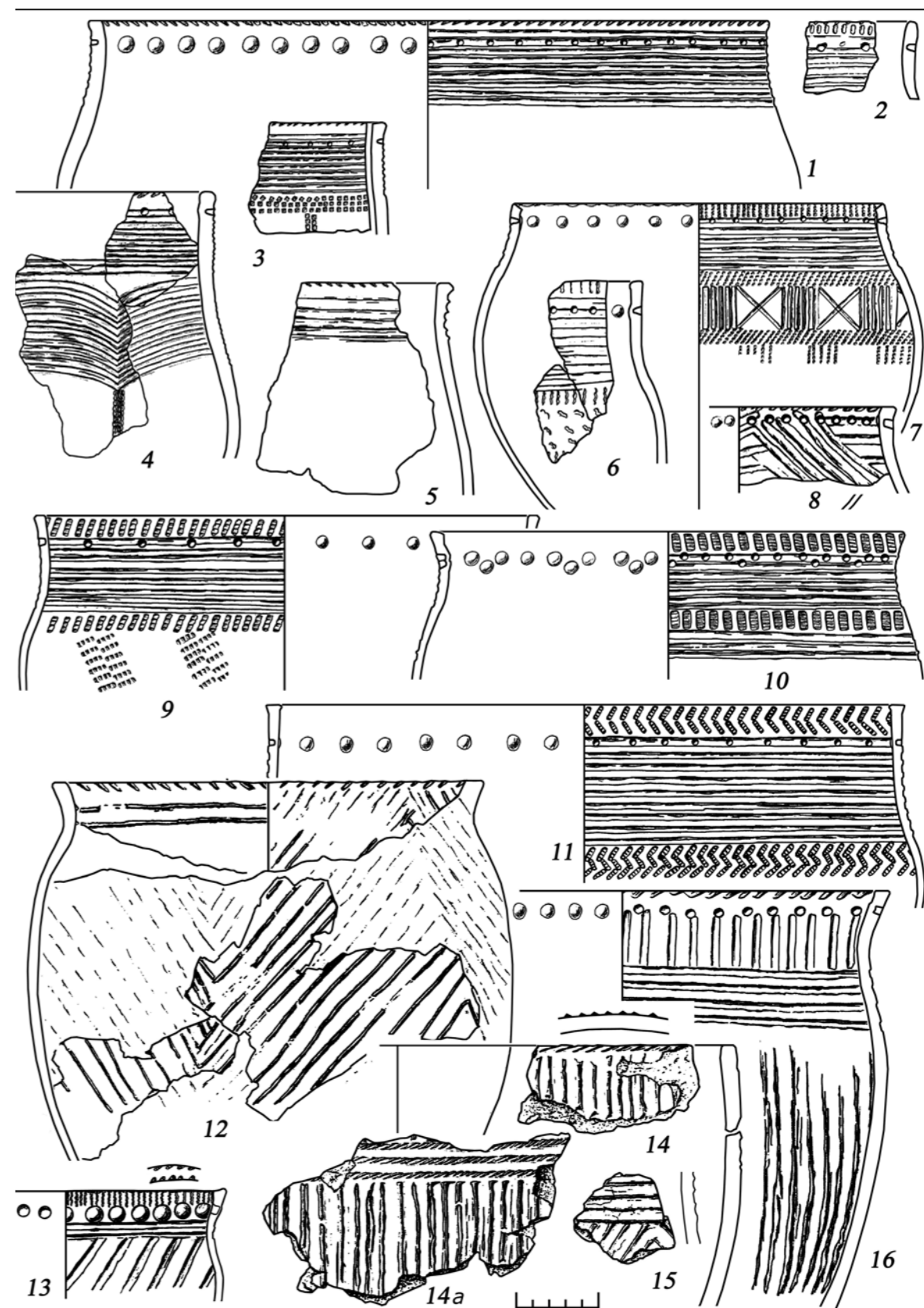

Рис. 3. Карымская керамика Сургутского Приобья с желобчато-валиковой орнаментацией (тип III).
 1, 3–5, 7 – городище Барсов городок II/6; 2, 6 – городище Барсов городок II/9; 10 – городище Барсов городок II/7;
 9, 11 – городище Барсов городок II/10; 12, 14–16 – городище Саргым-урий 18; 8, 13 – селище Саргым-урий 17.
 1–6, 8–11, 13 – по Ю. В. Семакову; 7 – по Н. В. Федоровой, А. П. Зыкову, В. М. Морозову, Л. М. Тереховой

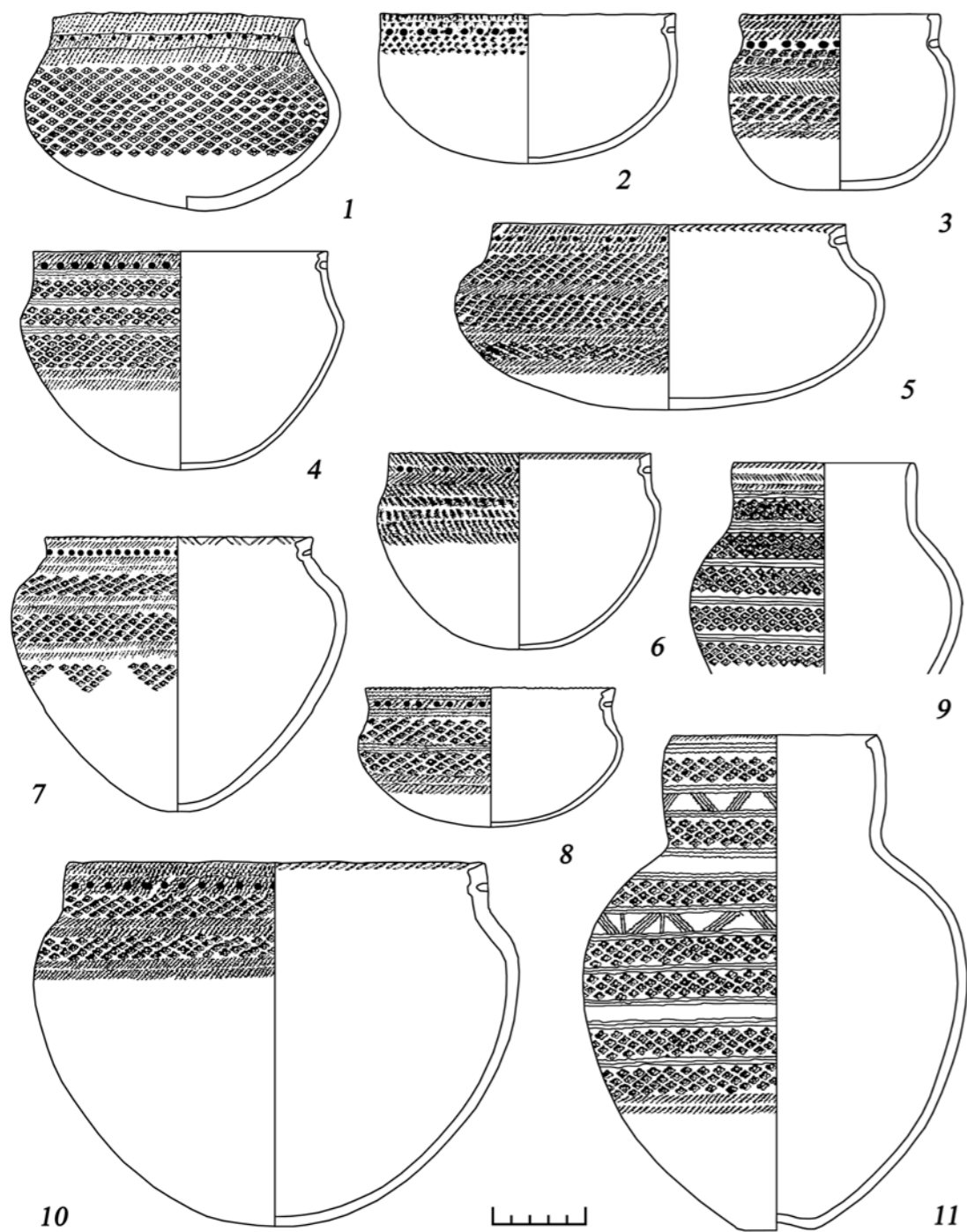

Рис. 4. Карымская керамика могильников южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья с ямочно-гребенчатой (тип I: 2, 6) и фигурно-штампованной (тип II: 1, 3-5, 7-11) орнаментацией.
1 – Козловский могильник; 2-11 – могильник Усть-Тара VII.
1 – по Н. П. Матвеевой; 2-11 – по И. Е. Скандакову, Е. М. Данченко

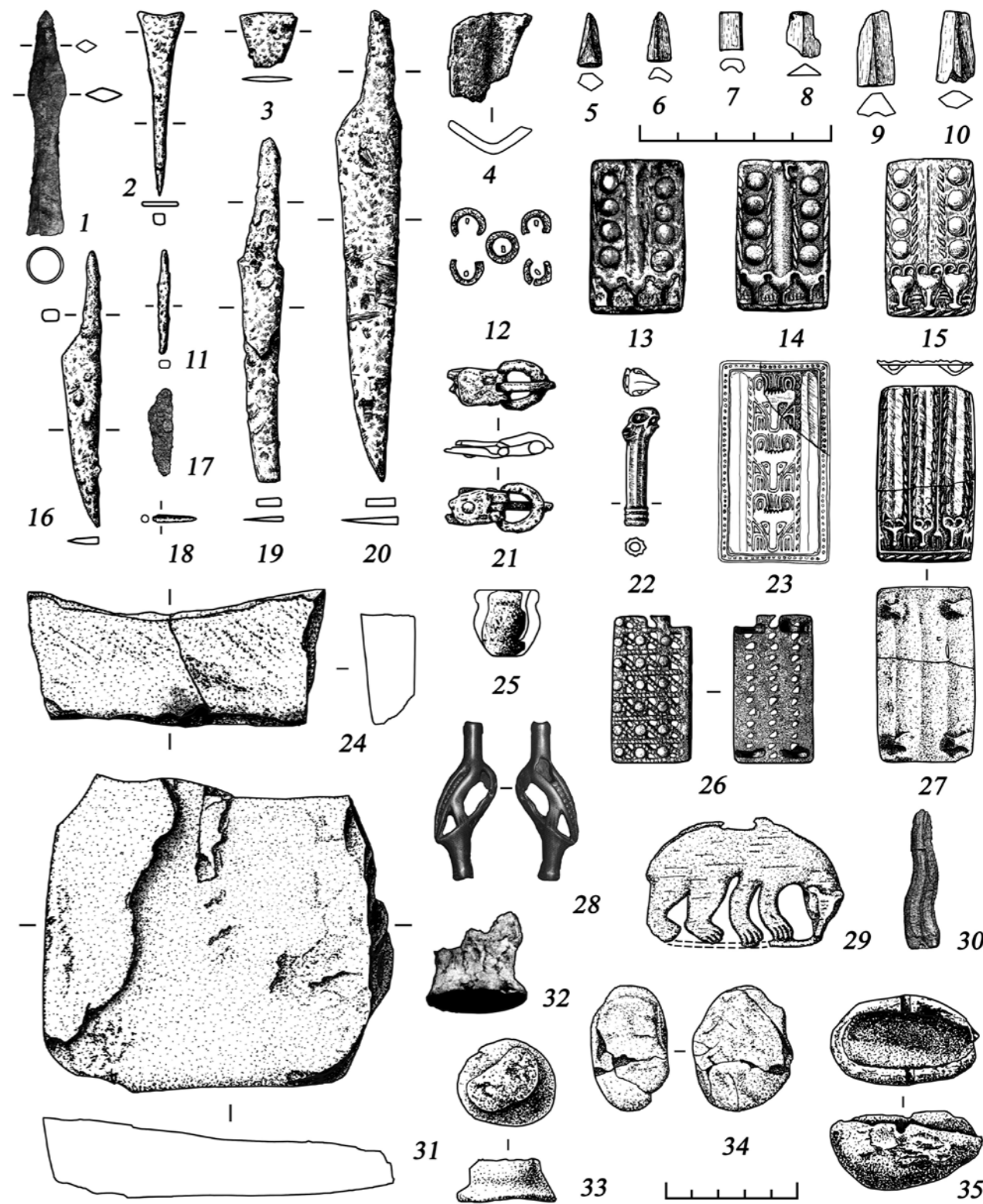

Рис. 5. Вещевой комплекс карымских памятников Сургутского Приобья:
1-4, 11, 12, 16-21 – железо; 5-10 – кость; 13-15, 22, 23, 26, 27-30 – медь, бронза;
24, 31, 34 – камень; 25, 32, 33, 35 – глина.
1, 23, 28, 29 – селище Сартым-урий 16; 2-4, 11, 12, 16, 18-21 – селище Сартым-урий 17; 5-10, 22, 24-27, 31-35 – городище Сартым-урий 18; 13, 14 – могильник Чагорово IV; 15 – оз. Чагыр (Чагорово?); 17, 30 – гор. Барсов городок II/10.
1-12, 16-35 – по Ю. П. Чемякину; 13, 14 – по М. Ю. Баранову; 15 – по В. Н. Чернецову

Е. А. Зайцева
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО-ЮГРЫ ЦОКН

**ТОПОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Изучение культурных процессов в древности невозможно без комплексного анализа топографии археологических памятников. Поэтому при реконструкции хозяйственно-экономических структур и систем расселения древних коллективов археологи нередко обращают внимание на расположение памятников относительно определенных ландшафтов [Кудиркене, 1973; Долуханов, Микляев, 1985; Узянов, 1985; Ахундов, 1987]. Кроме этого, изучение принципов размещения и геоморфологического расположения археологических памятников позволяло ряду исследователей выйти на реконструкции природно-климатических и палеогеографических условий. В частности, выделить периоды климатических изменений в голоцене, соотнести изменения в расположении памятников со сдвигами ландшафтных зон, колебаниями уровней озер, рек, затоплением и иссушением пойм [Бадер, 1974; Косарев, 1971]. По мере накопления фактического материала и обобщения данных по топографии археологических памятников для определенных периодов и культур выделялись закономерности, которые рассматривались с позиции возможного их поиска [Кирюшин, Абдулганеев, Шамишин, 1983; Никитин, 1996. С. 36–39].

Территорию Сургутского Приобья в археологическом отношении можно считать достаточно изученной: здесь выявлено более трех тысяч археологических памятников. В последние годы появились обобщающие работы по древней истории Сургутского Приобья, в которых содержится общая схема культурно-исторического развития данной территории в древности и средневековье [Чемякин, Карачаров, 1999; 2002; Борзунов, Чемякин, 2006; Карачаров, 2006; Кокшаров, 2006; Косинская, 2006а; Чемякин, 2008; Зыков, 2006; 2012]. Тем ни менее, при всем многообразии публикаций, разнообразии их тематики и рассматриваемых проблем, топографические характеристики памятников археологии Сургутского Приобья до сих пор не выступали предметом специального анализа. Можно назвать несколько работ, авторы которых обращали внимание на расположение древних поселений Сургутского Приобья при характеристике локальных культурных образований [Очерки культуригенеза..., 1994; Карачаров, Чемякин, 1999; 2002; Косинская, 2006б; Пошехонова и др., 2009]. В то же время, топографические характеристики археологических памятников являются важным источником в изучении проблем взаимодействия природы и человека в историческом прошлом, в том числе в пределах отдельных территорий, в данном случае, Сургутского Приобья. Если природная среда влияла на выбор места проживания и ведения хозяйства древнего человека, то следы этой деятельности должны отражаться в системе размещения памятников. Систематизация данных по расположению археологических памятников может помочь в воссоздании общей картины расселения и освоения древним человеком северных территорий Западной Сибири.

Данная работа посвящена описанию топографических особенностей и установлению закономерностей в расположении памятников эпохи средневековья Сургутского Приобья, количество которых преобладает в сравнении с памятниками других эпох. Это позволит проследить изменения признаков топографии памятников в широком хронологическом диапазоне и установить влияние культурных традиций на данный процесс. Установление закономерностей в расположении памятников эпохи средневековья Сургутского Приобья было построено на анализе пространственных характеристик 296 объектов. Деление памятников по типам (городище, селище, могильник) не проводилось.

В основу пространственной классификации были положены признаки, отражающие особенности расположения памятников археологии Сургутского Приобья. Комплексный анализ природно-географических условий территории и данных по месту расположения археологических памятников Сургутского Приобья позволил выделить 15 признаков, которые наиболее полно отражают размещение памятников в пространстве по пяти критериям, условно названным: гидрография, ландшафт, растительность, почвы, расстояние.

Гидрография. Показатель приуроченности к речным террасам оценивается как очень высокий – 276 (93,24 %) объектов. Приозерных памятников известно 20 (6,67 %).

Распределение поселений по категориям речных террас показывает, что преобладают памятники в бассейнах рек второго порядка. Их количество составляет 91 памятник (32,97 %). На р. Обь расположено 70 (25,36 %) памятников, из них 29 находятся в урочище Барсова Гора. На реках первого порядка расположено

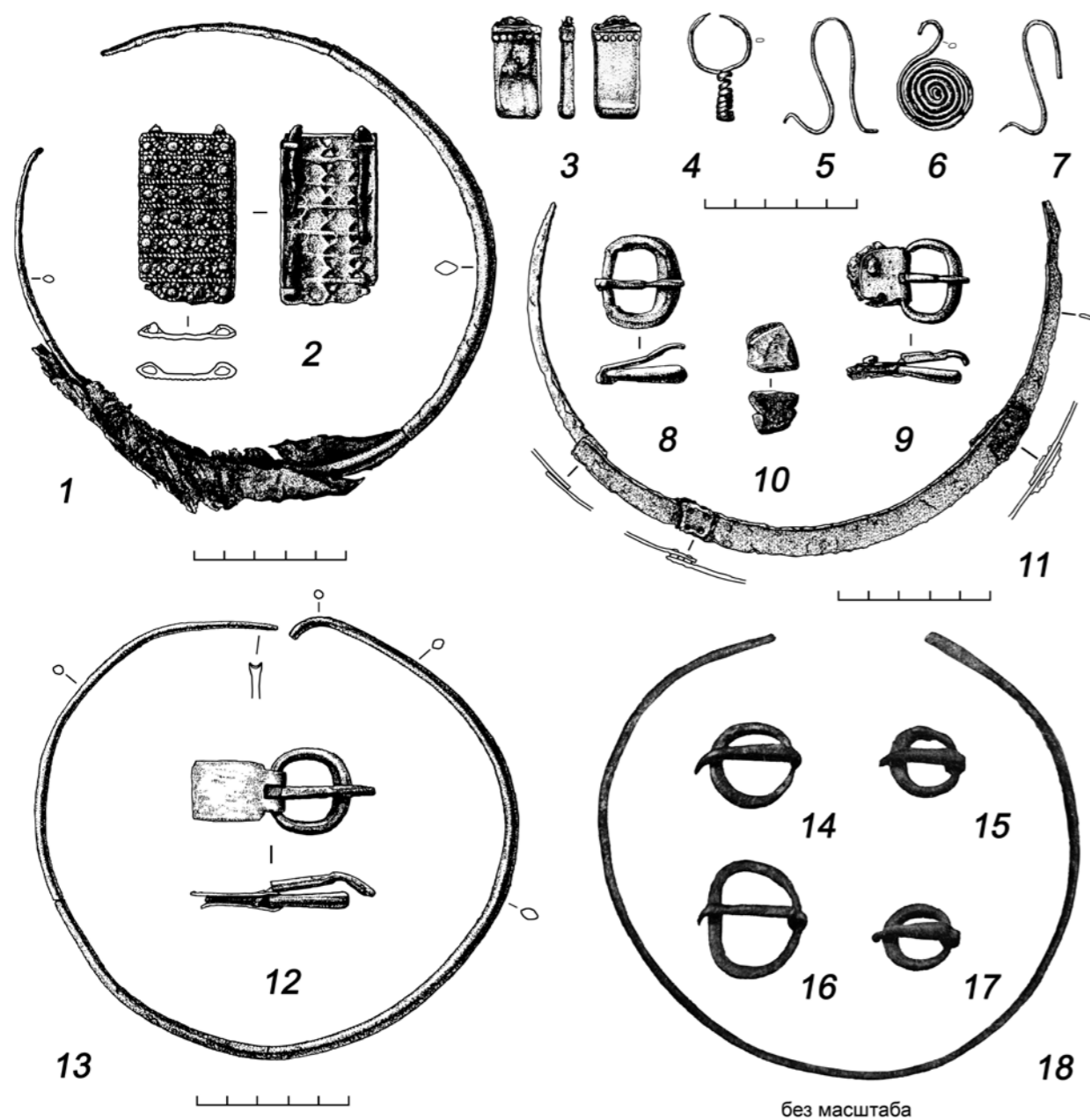

Рис. 6. Вещевой комплекс карымских памятников южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья:
1 – бронза, кожа; 2–9, 12–18 – медь, бронза; 10 – камень; 11 – бронза, железо.
1–13 – могильник Усть-Тара-VII; 14–18 – могильник Козловский.
1–13 – по И. Е. Скандарову и Е. М. Данченко; 14–18 – по В. Н. Чернецову

67 памятников, общая доля которых в выборке составляет 24,28 %. На притоках третьего порядка сосредоточено 44 (15,94 %) памятника. Наименьшее количество объектов расположено на реках четвертого порядка (4 = 1,45 %).

Распределение средневековых памятников относительно участков течения рек следующее. На всех реках, за исключением притоков третьего и четвертого порядка, большая часть памятников расположена на правых берегах. К примеру, на р. Обь соотношение правобережных и левобережных памятников составляет 62 (88,57 %) и 8 (11,43 %). На притоках первого порядка данное соотношение отражают 39 (58,21 %) памятников на правых берегах и 28 (41,79 %) – на левых. Различия в количестве памятников по берегам притоков второго порядка несущественно: 47 (51,65 %) – на правобережье и 44 (48,35 %) – на левобережье рек. На удаленных от р. Обь притоках третьего порядка, напротив: на левых берегах расположено 27 (61,36 %) памятников, на правых – 17 (38,64 %). На притоках четвертого порядка соотношение объектов равнозначное.

Гидрологический режим озер в местах локализации памятников отражают 17 (85 %) объектов на проточных озерах и 3 (15 %) – на бессточных. К последним относятся поселения Вочлор 1, Рапын-сор-ики и городище Вочлор 1. При этом памятники занимают в основном юго-западные (11 = 55 %), юго-восточные (4 = 20 %), западные (3 = 15 %) и южные (2 = 10 %) берега.

Признаки расположения на водоразделе зафиксированы в топографии 42-х (15,2 %) объектов. Из них большая часть зафиксирована на водоразделе между речными террасами – 23 (54,76 %), 18 (42,86 %) – на водоразделе между речной террасой и озером, а также 1 (2,38 %) – на водоразделе между ручьями.

Ландшафт, растительность, почвы. Важной особенностью топографии памятников средневековья является то, что практически треть объектов расположена на мысовидных участках (91 = 30,33 %). На борах выявлено 202 памятника (68,324 %). Самый большой процент мысовых объектов выявлен на реках второго порядка и на р. Обь. Значительно меньше мысовых памятников на реках первого порядка.

Наиболее типично расположение средневековых памятников на террасах высотой 3–5 м, где выявлено 99 (33 %) объектов. Большое количество памятников наблюдается и на террасах высотой до 2 м. Численность данной группы составляет 89 памятников (30,07 %). Встречаемость памятников на террасах высотой 6–8 м и 9–12 м значительно ниже. В первом случае выявлено 40 (13,51 %), во втором – 16 (5,413 %) памятников. На террасах высотой от 13 м и выше, а так же в пойме, памятники средневековья единичны.

Варианты признака «растительность» определены в топографии 288 (96 %) объектов и представлены в следующих значениях. В светлохвойных лесах расположено 165 (55,74 %) памятников. Значительно меньше их зафиксировано в смешанных (92 = 31,08 %), темнохвойных (19 = 6,42 %) и лиственных (8 = 2,70 %) лесах. Супесчаные почвы выявлены на 276 (93,24 %) средневековых памятниках.

Расстояние. Расстояние до «древнего» водотока и водоема, ныне, как правило, полностью или частично заболоченного либо высохшего, установлено для 154-х (52,03 %) памятников. Из этого количества 75 (25,34 %) объектов расположены от него на удалении до 20 м. Остальная часть памятников локализуется еще дальше.

Удаленность от современного водотока определена для 220-ти (74,32 %) памятников, из которых 111 (37,5 %) расположены на расстоянии до 300 м. Самыми удаленными являются поселения Охтым-урий 18 и Силин пас II, расположенные от современного водотока на расстоянии, соответственно, 2950 и 2900 м.

Распределение памятников относительно устья реки демонстрируют следующие цифры. В нижних течениях рек сосредоточено больше половины всех объектов – 176 (63,77 %). При этом на приустьевые участки приходится только 12 (4,35 %) памятников, расположенных в основном на реках третьего и четвертого порядка. Практически в два раза меньше памятников в средних течениях рек – 94 (34,06 %). В верховьях рек выявлено только 6 (2,17 %) памятников: к ним относятся поселения «101 подбаза геологов 1 и 2» на р. Тромъган, городища Каймысовы 1.1, Вочш-Волтэ-Пай и Вашинпеу на р. Малый Юган. Преобладание памятников эпохи средневековья, находящихся в нижних течениях рек, характерно для всех категорий речных террас Сургутского Приобья.

Расстояние между средневековыми памятниками и бровкой террасы определено в топографии для 256 (86,49 %) объектов. Поселения данного времени локализуются исключительно на прикраевых участках (до 25 м от бровки), где их количество составляет 207 (69,93 %). На более удаленных участках памятников меньше. К примеру, на расстоянии от 26 до 100 м расположено 27 (9,12 %) памятников, на удалении от 101 до 200 м – только 5 (1,69 %). В особую группу можно выделить объекты, отстоящие от бровки террас более чем на 600 м. В данную группу входит 10 (3,38 %) памятников, в том числе поселения Кушниково 2–8, Егур-Ях 4, Сырой Аган 10–12.

Таким образом, к основным закономерностям в расположении памятников эпохи средневековья можно отнести следующие.

1. Привязка средневековых памятников преимущественно к речным системам.
2. Расположение на террасах высотой от 3 до 5 м.

3. Расположение в сосновых беломошных борах и на супесчаных почвах.
4. Расположение в нижних течениях рек.
5. Расположение на расстоянии до 25 м от бровки террас.

Пространственная характеристика культурно-хронологических групп памятников эпохи средневековья¹.

Нижнеобская культура (карымский этап). Для установления закономерности в расположении памятников данного периода были проанализированы данные по 29-ти (9,8 %) объектам, 4 из которых расположены в урочище Барсова Гора. В расположение карымских памятников можно отметить следующие особенности.

1. Равномерное распределение памятников на левобережье и правобережье р. Обь.
2. Привязка преимущественно к рекам. На их берегах выявлено 22 (75,86 %) объекта. На озерах, причем исключительно проточных, обнаружено только 7 (24,14 %) памятников.
3. Большое количество памятников на р. Обь и притоках третьего порядка, где их число составляет, соответственно, 8 (27,59 %) и 6 (20,69 %). На притоках первого и второго порядка расположено одинаковое количество памятников (по 4 = 13,79 %).
4. Значительное количество памятников находится на гривах (26 = 89,66 %). На мысовидных участках их только 3 (10,34 %).
5. Преобладающее количество объектов зафиксировано на террасах высотой 3–5 м: 14 (48,28 %).
6. Высокий показатель размещения памятников в смешанных лесах. Число таких объектов составляет 14 (48,28 %), остальные размещаются в светлохвойных (11 = 37,93 %) и лиственных (2 = 6,9 %) лесах.
7. Расположение в пределах 300 м от современного водотока, где выявлено 13 (44,83 %) памятников, остальные распределяются небольшими группами на большем удалении.
8. Преобладание памятников в нижних течениях рек, где их количество практически в два раза больше среднего показателя. Из 18 (62,07 %) памятников, расположенных в низовьях рек, 3 находятся в приустьевых участках.
9. Приуроченность к краю бровки террасы. Так, на расстоянии до 25 м от бровки террасы выявлено 14 (48,28 %) памятников. Остальные 6 (20,69 %) расположены в глубине террасы на значительно большем удалении от кромки берега. Далее всех от нее (605 м) находилось поселение Егур-Ях 4.

10. Отсутствие памятников в пойме и верховьях рек.

Нижнеобская культура (зеленогорский этап). Для статистического анализа пространственных характеристик зеленогорских памятников была обработана информация о 24 объектах (8,1 %), 9 из которых находятся в урочище Барсова Гора. Проведенный анализ показал, что в расположении зеленогорских памятников характерны следующие тенденции.

1. Преобладание памятников на правобережье р. Обь.
2. Привязка к рекам. На их берегах выявлено 23 (95,83 %) памятника, на берегу озера – лишь один (городище Соровское 32 на оз. Соровское).
3. Большое количество памятников на р. Обь (14 = 58,33 %). Остальные объекты привязаны к притокам первого (5 = 20,83 %), второго (2 = 8,33 %) и третьего (2 = 8,33 %) порядков.
4. Отсутствие памятников в пойме.
5. Расположение 9 объектов на мысовидных выступах, что составляет 37,5 % от общей выборки.
6. Нахождение памятников, как на низких, так и высоких террасах. Так, на террасах высотой 6–8 м и 13–18 м выявлено по 5 памятников (20,83 %). На более низких террасах – высотой до 5 м – зафиксировано по 4 (16,67 %) памятника. Три памятника занимают террасы высотой 9–12 м, что составляет 12,5 % от общей совокупности выборки. Один памятник (городище Барсов городок II/12) расположен на террасе высотой от 19 до 25 м (4,17 %).
7. Большое количество памятников (14 = 58,33 %), сосредоточенных в средних течениях рек.
8. Наличие единственного известного приустьевского памятника: селища Ай-ега 1, находящегося в устье одноименной реки, правом притоке р. Вандрас (бассейн р. Большой Салым).
9. Отсутствие памятников в глубине террас. Основная концентрация объектов зеленогорского этапа наблюдается на расстоянии до 25 м от бровок террас: 16 памятников, или 62,5 % от общего количества.

Нижнеобская культура (кучиминский этап). В ходе анализа топографии 39 (13,2 %) памятников кучиминского этапа были выявлены следующие тенденции:

1. Высокая концентрация памятников на правобережье Оби: 25 (64,1 %).
2. Доминирующий приречный характер расположения памятников. Из них 37 (94,87 %) находилось по берегам рек, 2 (5,13 %) – по берегам проточных озер. К последним относятся городища Ларломкино 2 (оз. Лор-Сап, бассейн Большого Югана) и Соровское 25 (оз. Соровское, бассейн Большого Салыма).

¹ Их хронология представлена в упомянутых мной обобщающих работах.

3. Практически равномерное распределение памятников по категориям речных террас. Незначительное преобладание памятников наблюдается на реках второго порядка, таких как рр. Аган, Вандрас, Лархни, Коульгый и Тывьёга. На данных водотоках расположено 12 (30,77 %) памятников. Количество памятников на р. Обь и притоках первого порядка ниже: 10 (25,64 %) и 9 (23,08 %), соответственно. На реках третьего порядка выявлено 6 (15,38 %) объектов. На притоках четвертого порядка памятники отсутствуют.

4. Преобладание памятников на низких террасах высотой 3–5 м. Всего таковых – 14 (35,9 %). По 8 (20,51 %) памятников расположено на террасах высотой до 2 м и 6–8 м.

5. Памятники на мысовидных участках составляют треть (14 = 35,9 %) всех объектов.

6. Расположение памятников преимущественно на расстоянии до 300 м от современного водотока (11 = 28,21 %).

7. Большое количество объектов, открытых в нижних течениях рек: 26 (66,67%). 3 (7,69 %) из них локализируются на приустьевых участках. В средних течениях рек обнаружено 11 (28,21 %) памятников. В верховьях рек памятники средневековья отсутствуют.

8. Преобладание памятников, расположенных на краю террас. Так, на расстоянии до 25 м находится 34 (87,18 %) памятника. Один объект – на расстоянии от 26 до 100 м (городище Старые Покачи IV).

Нижнеобская культура (кентусовский этап). Анализ топографии 26 (8,8 %) памятников позволил следующим образом охарактеризовать принципы их размещения в кентусовский этап.

1. Преимущественное размещение в правобережье Оби (15 = 57,69 %).

2. Расположение большинства памятников по берегам рек, количество которых достигает 23 (88,46 %). К приозерным памятникам относится 3 (11,54 %) памятника – городища Соровское 15, 21 и 32 на юго-западном берегу оз. Соровское (бассейн р. Большой Салым).

3. Преобладание памятников на Оби и притоках второго порядка, где выявлено по 8 (30,77 %) объектов. Минимальное количество памятников зафиксировано на притоках первого порядка, где их количество не превышает 3 (11,54 %). На притоках третьего порядка расположено 4 (15,38 %) памятника. На притоках четвертого порядка объекты кентусовского этапа отсутствуют.

4. Расположение на террасах высотой до 8 м. Так, на гривах высотой до 2 м находится 6 (23,08 %) памятников, на высоте 3–5 м и 6–8 м по 5 (19,23 %) памятников. При этом в пойме обнаружен только один (3,85 %) объект.

5. Большое количество памятников на мысовидных выступах, где их число составляет 12 (46,15 %).

6. Преобладание памятников в смешанных лесах (15 = 57,69 %). На территории 10 (38,46 %) памятников растет светлохвойный лес. В лиственных и темнохвойных лесах памятники отсутствуют.

7. Расположение в средних течениях рек. Данный факт подтверждают цифры: 12 (46,15 %) памятников – в среднем течении, 11 (42,31 %) – в нижнем течении и только 3 (11,54 %) – в верхнем.

8. Крайне малое количество приустьевых памятников – 2 (7,69 %).

9. За исключением городища Соровское 15, расположенного на одноименном озере и удаленного от края берега на 500 м, остальные памятники (21 = 80,77 %) размещаются не далее 25 м от края берега.

Сайгатинский тип памятников обь-иртышской культурно-исторической общности эпохи средневековья. В топографии 20 (6,8 %) памятников сайгатинского этапа выявлены следующие черты.

1. Привязка только к рекам. Сайгатинские памятники выявлены в бассейнах таких рек, как Пим, Тромьган, Аган, Глубокий Сабун, Большой Юган, Салым и Балык.

2. Преобладание памятников на р. Обь, где их число составляет 12 (60 %). На притоках Оби памятников на порядок ниже. В частности, на реках первого порядка обнаружено 5 (25 %) памятников, а на реках третьего порядка – 3 (15 %). На притоках второго и четвертого порядков сайгатинские памятники не выявлены.

3. Расположение почти половины памятников (9 = 45 %) на мысовидных участках.

4. Привязка трети памятников 6 (30 %) к террасам высотой до 2 м. Встречаемость вариантов данного признака в других интервалах выглядит следующим образом. На террасах высотой 6–8 м расположено 5 (25 %) памятников, высотой 19–25 м – 3 (15 %), более 26 м – 2 (10 %), 3–5 м – 1 (5 %).

5. Концентрация большинства объектов (14 = 70 %) в средних течениях рек. Остальные локализируются в нижних течениях рек.

6. Приуроченность большого количества памятников к краям террас. На расстоянии до 25 м от бровки террасы расположено 12 (60 %) памятников. Нахождение объектов в глубине террас на большем удалении отмечено единичными случаями. Так, 3 (15 %) памятника расположены на расстоянии от 26 до 100 м; по одному (5 %) памятнику выявлено на расстояниях 101–200, 201–300 и 401–500 м. Самым удаленным является поселение Барсов городок IV/1, где расстояние между бровкой и памятником составляет 500 м.

7. Отсутствие памятников в пойме, в верховьях рек и на приустьевых участках.

Вожпайская культура. Пространственная характеристика памятников вожпайской культуры дана на основании изучения топографии 7 (2,4 %) памятников. Несмотря на малочисленную выборку можно отметить ряд особенностей в их расположении.

1. Приречный характер размещения, установленный по топографии 6 (85,71 %) памятников.

2. Преобладание памятников на реках второго порядка (3 = 42,86 %). Два памятника (28,57 %) расположены на притоках первого порядка. К ним относятся поселение Сартым-урий 16 и городище Стрелка на р. Большой Юган. Одно поселение (Имнъёган 1.2) расположено на притоке четвертого порядка (р. Имнъёган). На Оби и при ее притоках третьего порядка вожпайские памятники не выявлены.

3. Размещение 3-х (42,86 %) памятников на мысах.

4. Расположение на террасах высотой до 13 м.

5. Расположение в светлохвойных и смешанных лесах (по 3 = 42,86 %).

6. Преобладание памятников (6 = 85,71 %) в низовьях рек. В среднем и верхнем течениях, а также на приустьевых участках вожпайские объекты отсутствуют.

7. Размещение почти всех памятников (6 = 85,71 %) у краев террас.

Памятники вожпайской культуры практически одновременны с памятниками кентусовского этапа. Сравнение топографии памятников разных типов, но существовавших в одно время на одной территории позволяет констатировать большое сходство в принципах их расположения. Для обеих групп памятников характерна приуроченность памятников к краю террас (не более 25 м), высокий процент расположения на мысах, общие тенденции в размещении относительно высоты террас, распределение по территории Сургутского Приобья относительно р. Обь. Вместе с тем, выявлены некоторые отличия, которые заключаются в расположении вожпайских и кентусовских памятников относительно категорий речных террас и бассейнов рек. Вожпайские памятники отсутствуют на Оби, в топографии кентусовских памятников данный признак, наоборот, доминирует. Несмотря на меньшую выборку памятников вожпайской культуры, их процент на притоках первого и второго порядка выше. Больше их и в нижних течениях рек, в отличие от кентусовских. Памятники кентусовского этапа расположены в основном в средних течениях рек и на приустьевых участках.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ топографии памятников разных хронологических этапов позволяет проследить динамику в системе расположения памятников эпохи средневековья. Приречный характер расположения памятников характерен для всей данной эпохи, в то время как количество приозерных памятников в разные периоды постоянно менялось. Максимальное количество объектов на озерах приходится на начало эпохи – карымское время (IV–V вв.). В зеленогорский и кучиминский периоды (VI–IX вв.) их количество снижается примерно в пять раз. На рубеже I и II тыс. наблюдается тенденция в сторону увеличения приозерных памятников практически в три раза. На завершающем сайгатинском этапе приозерных памятников нет.

Распределение памятников по категориям рек на протяжении средневековья сильно варьирует, и проследить какие-то устойчивые тенденции сложно. Можно лишь отметить, что приоритет в выборе рек на том или ином этапе менялся. В IV–V вв. больше были заселены р. Обь и ее притоки третьего порядка, в VI–VII вв. – только р. Обь, в VIII–IX вв. – притоки второго порядка, в IX–XVI вв. – вновь р. Обь и притоки второго порядка.

В целом, большинство памятников, отражающих все этапы эпохи средневековья, занимало низкие террасы (до 5 м) и размещалось не более чем в 25 м от краев террас. Исключение составляют памятники зеленогорского этапа, которые расположены на более высоких террасах. Устойчивая динамика наблюдается в количестве мысовых памятников, количество которых увеличивается на протяжении всей эпохи, достигая максимума в кентусовское и сайгатинское время.

Литература

Пошехонова О. Е., Семенова В. И., Иванов С. Н., Рябогина Н. Е., Якимов А. С. Археологические и палеоэкологические исследования средневекового поселения Вынгайха 7 (северотаежная часть бассейна р. Пур) // ВИАЭ. № 9. Тюмень, 2008.

Ахундов Т. И. Историческая топография поселений и система расселения Северо-Восточного Азербайджана (середина III тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Бадер О. Н. Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология // Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Долуханов П. М., Микляев А. М. Хозяйство и расселение древнего населения юга Псковской области // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.

Зыков А. П. Средневековье таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.

Карачаров К. Г. Археология нового времени севера Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Кирюшин Ю. Ф., Абдулганеев М. Т., Шамшин А. Б. К методике поиска археологических памятников эпохи энеолита и бронзы на Алтае // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983.

Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Косарев М. Ф. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II и I тыс. до н. э.) // СА. № 2. М., 1971.

Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006а.

Косинская, Л. Л. Быстринская археологическая культура // II САК: Тез. докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006б.

Кудиркене Р. К. Поселения в прошлом ландшафте Литвы: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Вильнюс, 1973.

Никитин В. В. Поиски археологических памятников в лесной зоне средней Волги (опыт Марийской археологической экспедиции) // Методика и методические предпосылки археологических исследований. Йошкар-Ола, 1996.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. Томск, 1994.

Узянов А. А. Динамика заселения долины реки Тускарь (диахронический анализ приуроченности поселений к различным типам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.

Челякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.

Челякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.

Челякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.

А. В. Гордиенко

г. Тюмень

ТГАКИиСТ

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ ВОЖПАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение. Вожпайская культура является одним из интереснейших феноменов средневековой истории севера Западной Сибири. Впервые своеобразие вожпайских материалов, прежде всего, керамики, отметил В. Н. Чернецов [1957. С. 200]. Статус культуры вожпайским комплексам присвоил Л. П. Хлобыстин [1982. С. 21], и с тех пор не утихают дискуссии по поводу самостоятельности этого явления. Обстоятельную характеристику вожпайских материалов дал К. Г. Карачаров [2006. С. 135–149], и, на наш взгляд, достаточно аргументированно представил их как полноценную археологическую культуру. В 2007 г. был исследован единственный на сегодняшний день однослойный вожпайский памятник – поселения Вынгайа 7 на р. Пур [Пошехонова и др., 2009. С. 183–197], еще раз подтвердивший самостоятельность этого культурного явления.

В данной работе предложен один из возможных вариантов формирования вожпайской культуры. По нашему мнению, ее культурогенез может быть связан с молчановско-андрюшинской культурой VI–IX вв. [Гордиенко, 2013. С. 173–183]. Последняя выступала по отношению к вожпайской субстратом, на котором происходило формирование основных вожпайских компонентов.

Анализ материалов. В качестве источников сравнительного анализа выступают материалы двух последовательно существовавших в VI–IX вв. однослойных молчановско-андрюшинских городищ «Пламя Сибири-6» и «Пламя Сибири-7» (раскопки автора 2009–2011 гг.). Памятники находятся в 30 км к В от г. Тюмень, на берегу оз. Антоново (старица р. Туры), на расстоянии 300 м друг от друга. Также привлекается небольшая коллекция молчановско-андрюшинских материалов из раскопок поселения Айгинское-VIII, расположенного в 40 км к В от Тюмени, на берегу р. Айгинской, в месте ее впадения в р. Тура (раскопки автора 2009 г.). Помимо этого, нами были использованы вожпайские материалы с городища Каменные Пески (исследования В. И. Семеновской)¹, а также сведения из опубликованных источников.

В керамическом комплексе молчановско-андрюшинской культуры выделяется группа сосудов, сходных с вожпайской керамикой. Эту группу мы условно назвали «протовожпайской». Всего в выборке содержится 78 сосудов с трех памятников: 61 – с городища Пламя Сибири-6, 13 – с городища Пламя Сибири-7 и 4 – с поселения Айгинское-VIII. Отметим признаки «протовожпайской» группы молчановско-андрюшинской керамики, которые имеют сходство с вожпайскими. Во-первых, это форма сосудов: преобладают горшки с отогнутой шейкой и/или венчиком. Во-вторых, для вожпайской керамики характерны «прямые сглаженные, иногда сужающиеся» [Семеновская, 2001. С. 162] венчики, что в полной мере относится и к анализируемой группе. Также вожпайская керамика имеет «утолщение венчика, которое можно интерпретировать как редуцированный валик» [Там же. С. 161] или валик и небольшой срез с внешней стороны. Все эти черты прослеживаются как на рассматриваемой группе молчановско-андрюшинских сосудов (рис. 1 – 17, 19), так и на других (рис. 6 – 11, 12). Особо следует отметить тождественные особенности оформления ямочно-жемчужной зоны – ее расположение на узкой неорнаментированной полосе, а также аморфные ямки-наколы, не образующие с внутренней стороны жемчужин или оставляющие слабо заметные вздутия. На молчановско-андрюшинской керамике также прослеживаются сглаживание (рис. 1 – 13, 19, рис. 2 – 12) или замазывание (рис. 5 – 5) жемчужин изнутри и углубление в центре каждой жемчужины (рис. 5 – 27). Иногда на шейках сосудов нанесен поясок только жемчужин (рис. 2 – 16) либо ямок, перемежающихся с жемчужинами (рис. 2 – 15, 24). В то же время у 12% «протовожпайских» емкостей такая зона вообще отсутствует (рис. 2 – 1, 3, 5, 9, 23, рис. 3 – 4, 6, 12, 20). Эти моменты говорят об особом отношении к ямочно-жемчужной зоне, а также неустойчивости этой традиции декорирования сосуда. Объединяющим признаком выступает и техника орнаментации: сочетание штамповой и отступающей техник, зачастую на одном сосуде.

Основным «культурно-маркирующим» признаком для выделения керамики вожпайской культуры является широкая полоса «взаимопроникающих треугольников» на шейке сосуда. В свою очередь, при характеристике керамического комплекса молчановско-андрюшинской культуры используется не только данный «классический» вожпайский орнамент, но и сопутствующие ему мотивы и элементы, которые показывают его возникновение и развитие. Можно наметить логическую цепочку становления этого орнамента, которая имеет смысловой, а не хронологический характер. В этом случае составляющие элементы данного

¹ Выражаю искреннюю признательность В. И. Семеновской за возможность ознакомления с ее неопубликованными материалами.

орнамента сосуществуют с итоговым вариантом в виде «взаимопроникающих треугольников» на протяжении всего времени существования молчановско-андрюшинской культуры (VI–IX вв.).

По ведущим мотивам декора условно выделено четыре подгруппы «протовожпайской» керамики.

В первую подгруппу объединены сосуды с наиболее простым, и, возможно, исходным мотивом в виде «ступенчатых» наклонных полос гребенки, которые выступают основой композиции, и располагаются на середине шейки. Первый вариант: сосуды, «ступенчатые» наклонные орнаментальные полосы которых оконтурены сверху и снизу двойными, реже одинарными, горизонтальными линиями гребенки или шнура (рис. 1 – 1–7, 9). Переходным к следующему варианту является сосуд, центральное поле которого украшено горизонтальными поясками гребенки (рис. 1 – 8). Второй вариант: сосуды, центральное поле которых плотно заполнено «ступенчатыми» наклонными полосами гребенки или фигурных штампов (рис. 1 – 10–12). Третий вариант: сосуды, основное орнаментальное поле которых состоит из «ступенчатых» наклонных полос, оконтуренных диагональными линиями гребенки или – в одном случае – уголками (рис. 1 – 13–21). На этих сосудах появляется характерный для «протовожпайской» посуды элемент в виде пояска прямых плотно поставленных отпечатков гребенки над центральным полем и под ним.

Вторую подгруппу составляют сосуды, центральное поле которых заполнено наклонными однонаправленными линиями гребенки. В четырех случаях – это гладкая палочка (рис. 2 – 4, 17, 19, 24), в одном – струйчатый штамп (рис. 4, 3). Сверху и снизу данное поле оконтурено пояском прямых плотно поставленных отпечатков гребенки, гладкой палочки или струйчатого штампа (рис. 2 – 1–14, 18, рис. 4 – 3).

Этот мотив в дальнейшем выступит в качестве основы классического вожпайского орнамента – в виде «взаимопроникающих треугольников», сосуды с которым образуют *третью подгруппу* (рис. 2 – 15–17, 19–25). При этом можно выделить «взаимопроникающие треугольники» в виде длинных (рис. 2 – 16, 20, 23) или коротких (рис. 2 – 15, 17, 19, 21, 22, 24, 25) полос.

Возможно, дальнейшим развитием мотива «взаимопроникающих треугольников», стала широкая полоса сетки, образованной наклонными линиями гребенки (в одном случае – гладкая палочка), отнесенных в *четвертую подгруппу* (рис. 3 – 1–16, 18, 19).

Единичными или несколькими емкостями представлена керамика, на центральном поле которых нанесена вертикальная гребенчатая елочка (рис. 4 – 1, 4–7, 9), горизонтальный гребенчатый зигзаг с короткими отпечатками, нанесенными углом гребенки между его вершин (рис. 4 – 8, 10), прямые столбики гребенки в шахматном порядке (рис. 4 – 2, 4), кресты (рис. 3 – 17, 20, 21) и полоса вертикальных отпечатков гребенки (рис. 4 – 11).

Сопутствует сосудам с «классическим» вожпайским орнаментом в виде «взаимопроникающих треугольников» посуда, украшенная вертикальной и горизонтальной елочкой, горизонтальными линиями, отпечатками гребенки углом.

В керамическом комплексе молчановско-андрюшинской культуры сосуды с таким орнаментом также составляют отдельные и многочисленные группы. На этих емкостях вертикальная и горизонтальная гребенчатая елочка, горизонтальные гребенчатые линии и отпечатки, нанесенные углом гребенки, занимают центральную часть композиции (рис. 5), но также они используются как элементы в других группах.

Вожпайскую керамику по типу орнаментации относят к гребенчатой. Однако в ее декоре единично отмечаются отпечатки других штампов, рассмотрение которых имеет важное значение. Так, кроме гребенки, иногда употребляется гладкая палочка [Пошехонова и др., 2009. С. 187; рис. 4 – 5], длинный струйчатый штамп [Семенова, 2001. С. 162, рис. 32 – 3], ромбический и круглый чекан [Карачаров, 2006. С. 138; рис. 1 – 4, рис. 3 – 2], уголок (городище Каменные пески). Все они прослеживаются на молчановско-андрюшинской керамике. Сосуды с отпечатками гладкой палочки составляют около 5% молчановско-андрюшинской посуды, и зафиксированы на 5 сосудах анализируемой группы (рис. 2 – 4, 17, 19, 24, рис. 3 – 15); здесь же есть экземпляр со струйчатым штампом (рис. 4 – 3). Круглый штамп выглядит как дальнейшее развитие молчановско-андрюшинского ямочного штампа (рис. 6 – 15–18). Употребление ромба и/или уголка в орнаментации до IX в. является особенностью молчановско-андрюшинской керамики (рис. 6, 1–14, рис. 7 – 1–14). Преобладающим видом ромба являются его варианты с крестом или сеткой внутри. В узоре он образует горизонтальные полосы либо выступает в качестве завершающих зон (рис. 6 – 1–14), что мы и наблюдаем на вожпайской посуде. Также, по нашему мнению, характерный для вожпайской керамики С-овидный штамп является развитием молчановско-андрюшинских фигурных штампов – уголка, С-овидного, полулуночного, подковообразного, многоарочного (рис. 7 – 1–17). На это косвенно указывает присутствие отпечатков уголка и подковок на «протовожпайской» группе керамики (рис. 1 – 10–13, рис. 2 – 10, 20, рис. 4 – 4). Характерной чертой, унаследованной вожпайской керамикой, являются гребенчатые фестоны в качестве завершающих зон.

Заключение. На основании вышеизложенного, считаем возможным предположить, что формирование вожпайского типа керамики происходит в молчановско-андрюшинской культуре на протяжении VI–IX вв.

Генезис «протовожпайской» керамики вобрал в себя все культурные компоненты, принимавшие участие в сложении самой молчановско-андрюшинской культуры. В первую очередь, это зеленогорские традиции, наиболее явные проявления которых прослеживаются в наличии валиков или утолщений венчика, употреблении фигурных штампов. Типично зеленогорскими и отчасти даже карымскими выглядят треугольные фестоны и горизонтальные зоны, выполненные отгисками уголкового и ромбического «глазчатого» штампов (рис. 6 – 2, 4, 7–9, 11, 13; 7 – 7, 8, 10, 14). Типично таежным западносибирским компонентом декора являются пояски круглых ямок, жемчужин или их сочетаний на шейках сосудов под венчиком, которые не характерны для зауральской посуды. Петрогромские традиции, возможно, проявились в широкой центральной полосе (для зеленогорского декора более характерны узкие полосы) и способу ее орнаментации – наклонные «столбики» гребенки. К кашинским традициям, вероятно, восходят горизонтальные и диагональные линии гребенки. К бакальскому орнаменту, скорее всего, относятся гребенчатые сетка и кресты, отпечатки палочки. Ломоватовско-неволинские черты, возможно, прослеживаются в виде елочек и зигзагов. Впрочем, эти орнаменты декора характерны для посуды многих культурных образований Урала и Западной Сибири. К местным особенностям относится употребление в орнаментации отпечатков шнура, которые, в конечном счете, имеют приуральский генезис. Последние не получили распространения в вожпайском декоре, но заменой им выглядят горизонтальные, зачастую также двойные, линии гребенки. При этом важно то, что отмеченные орнаментальные традиции предстают в трансформированном, переработанном виде, и ни в коем случае не являются механическим соединением различных черт или смешением керамики перечисленных культур.

Появление и распространение вожпайской культуры нам видится следующим образом. В IX в. начинается трансформация и распад молчановско-андрюшинской культуры, формирование на ее основе юдинской. Вследствие этого, некоторые группы населения молчановско-андрюшинской культуры, прежде всего, носители «протовожпайской» керамики, начинают покидать свои исконные земли и продвигаться на север. Представляется, что миграции проходили по речным путям – с Туры и Тавды по Тоболу до его устья, а отсюда по нескольким направлениям: на север – в Нижнее Приобье, на восток – в Сургутское Приобье. Из последнего района – в Томско-Нарымское Приобье, второй путь – через р. Аган и верховья р. Пур – до его устья и на р. Таз. Обозначенный схематический маршрут движения мигрантов из Тюменского Притоболья, на наш взгляд, является «западносибирской частью» отмеченного исследователями водного (речного) южного или «чусовского пути» [Могильников, 1991. С. 72], связывавшего Приуралье и Зауралье. Взаимодействие по этому маршруту происходило, как минимум, на протяжении всей эпохи средневековья.

Постоянные контакты и подвижки населения по этому пути, причем в обоих направлениях, стали одним из важнейших факторов, оказавших влияние на развитие процессов культурогенеза на обозначенных выше западносибирских территориях (бассейны Туры и Тавды, Обской Север). В этом плане для нас очень важен факт проникновения в VI–VII вв. с севера Западной Сибири в бассейны Туры и Тавды зеленогорского населения, которое являлось носителем фигурно-штампованной керамики. В Тюменском Притоболье северные пришельцы стали своего рода катализатором «культурогенетических» процессов, которые – на основе взаимодействия местных и пришлых племен – привели к формированию населения молчановско-андрюшинской культуры. С точки зрения развития орнаментики посуды его генезис выглядит как своеобразное смешение пришлой фигурно-штампованно-гребенчатой орнаментальной традиции с местной гребенчато-шнуровой. В VIII–IX вв. у носителей данной культуры наблюдается расцвет керамики с новым орнаментом, сочетающим фигурно-штампованные, шнуровые и гребенчатые элементы узора.

В свою очередь, на севере Западной Сибири происходили обратные процессы. С VIII в. там наблюдается угасание фигурно-штампованной орнаментации керамики и доминирование гребенчатой. В этом процессе приняли участие и группы населения молчановско-андрюшинской культуры. Вследствие того, что с этого времени в молчановско-андрюшинской культуре, как отмечалось выше, происходит расцвет фигурно-штампованной керамики (в синтезе с гребенчато-шнуровой). Часть ее населения, производившая керамику с гребенчатой орнаментацией, была вынуждена мигрировать на север Западной Сибири. Здесь пришельцы приняли участие в формировании нового смешанного этноса – с керамикой кучиминского (оронтурского) типа. Так нам представляется начало развития гребенчатой традиции орнаментации керамики в данном регионе, которое продолжалось вплоть до выхода из употребления керамической посуды во II тыс. н. э.

В молчановско-андрюшинской культуре также происходит угасание фигурно-штампованной орнаментальной традиции, но немного позже, чем на севере Западной Сибири: к концу IX – началу X в. В это время на местной керамике начинает преобладать гребенчато-шнуровая орнаментация. Носители «протовожпайской» посуды начинают миграцию на север Западной Сибири. В Тюменском Притоболье – в рамках юдинской культуры – также развивается гребенчато-шнуровая орнаментация, вплоть до начала II тыс. н. э.

Таким образом, в IX в. происходит смена ведущей орнаментальной традиции, что коррелируется со сменой археологических культур, которая происходит в лесной полосе как Зауралья, так и Приуралья. Скорее

всего, это является отражением процессов этнокультурного характера. Хотелось бы отметить еще одну из характерных и выразительных особенностей в материальной сфере новых археологических культур Зауралья – развитие своеобразного «обского стиля» зоо- и антропоморфной металлической (бронзовой) пластики.

Литература

Гордиенко А. В. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: Сб. Музея археологии и этнографии им. В. М. Флоринского. Вып. 3. Томск, 2013.
 Карачаров К. Г. Вожпайская археологическая культура // УИВ. № 14. Екатеринбург, 2006.
 Могильников В. А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н. э. // Проблемы археологии Евразии. М., 1991.
 Пошехонова О. Е., Семенова В. И., Иванов С. Н., Рябогина Н. Е., Якимов А. С. Археологические и палеоэкологические исследования средневекового поселения Вынгаяха 7 (северотаежная часть бассейна р. Пур) // ВААЭ. № 9. Тюмень, 2008.
 Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
 Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1982.
 Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957.

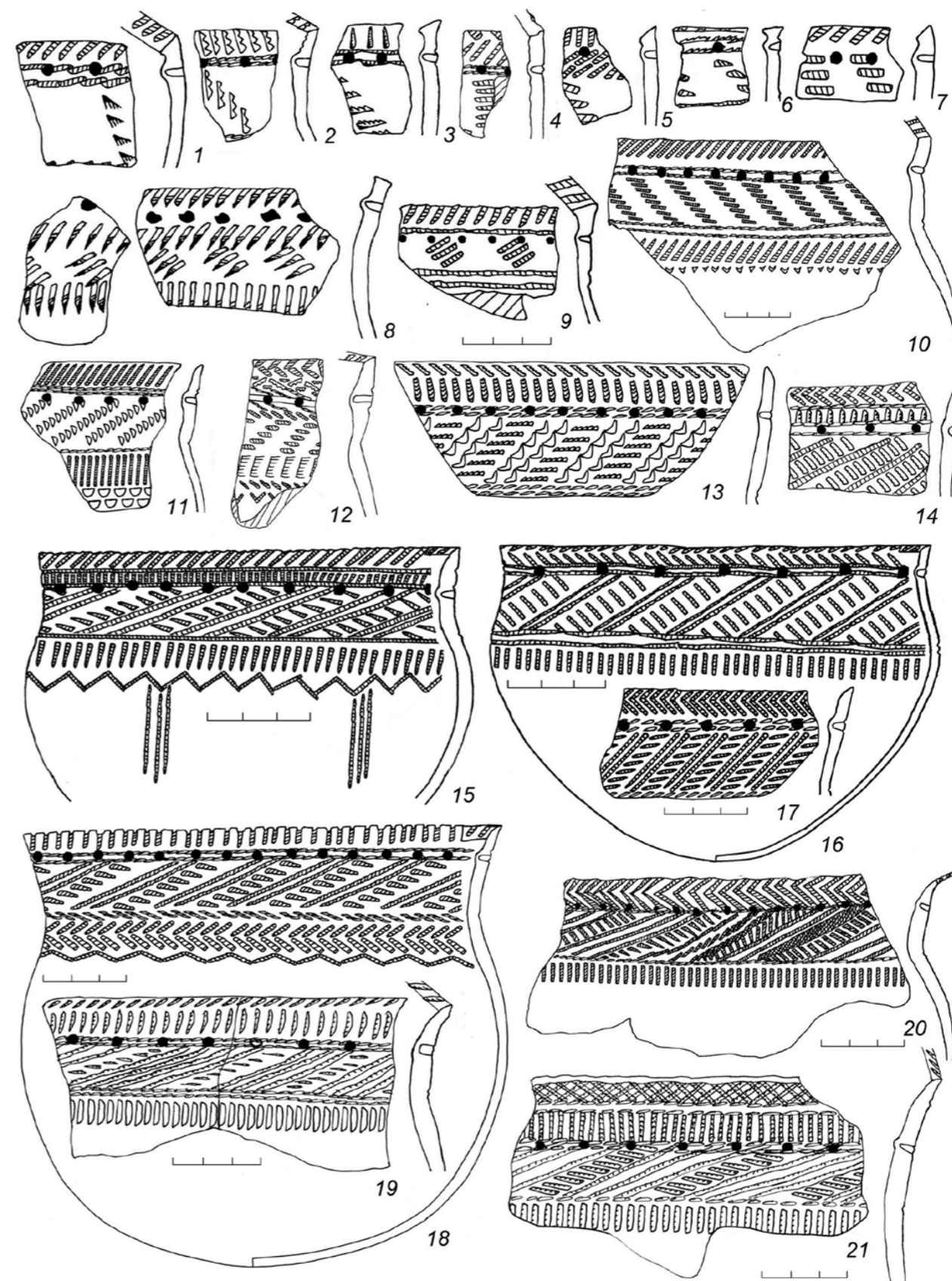

Рис. 1. Молчановско-андрюшинская культура (VI–IX вв.). Керамика «протовожпайской» группы. Подгруппа 1: 1, 2, 5, 8, 9, 11, 12, 14–16, 19–21 – городище Пламя Сибири-6; 3, 4, 6, 7, 10, 13, 17, 18 – городище Пламя Сибири-7

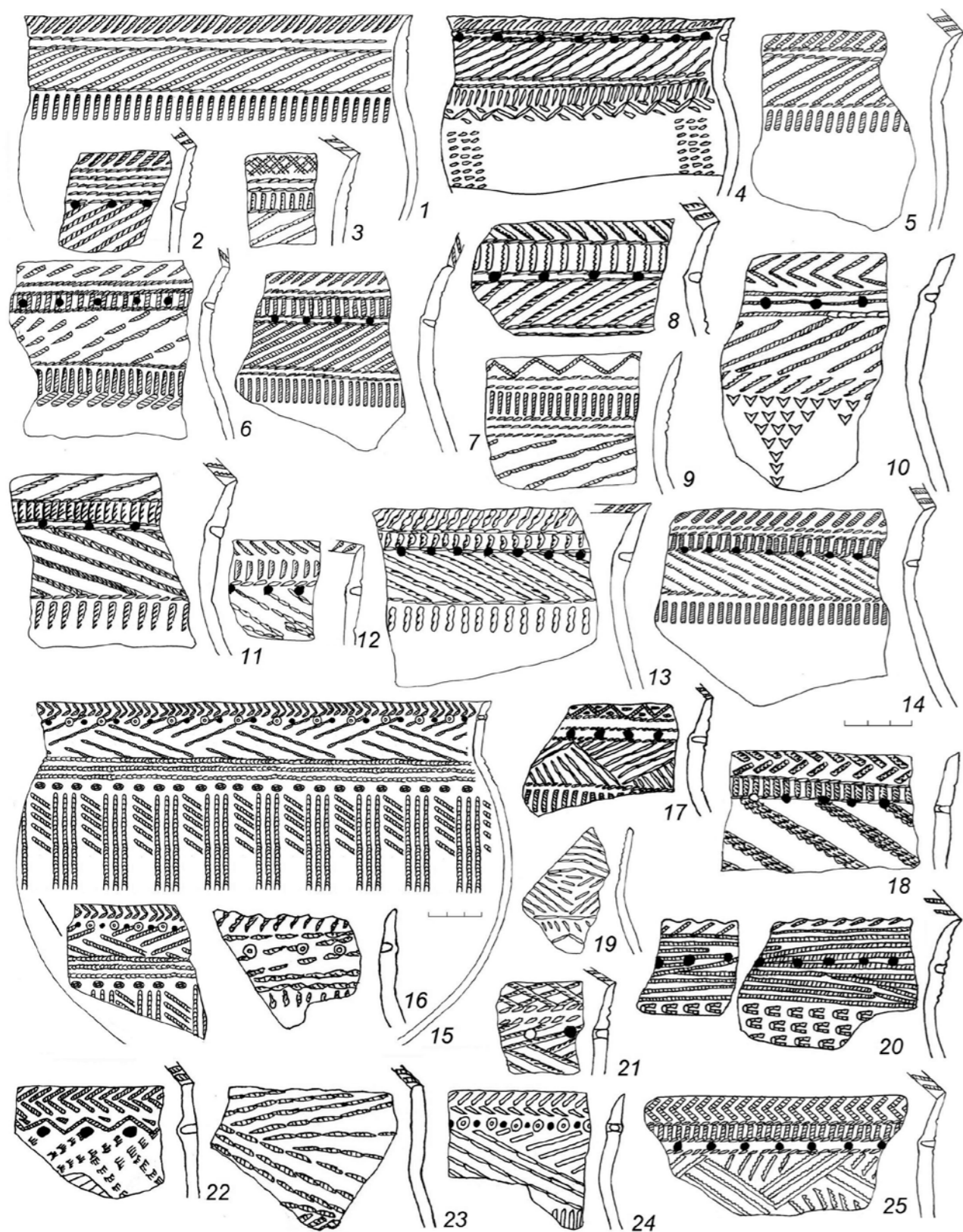

Рис. 2. Молчановско-андрюшинская культура (VI–IX вв.). Керамика «протожупайской» группы. Подгруппа 2 (1–14, 18) и подгруппа 3 (15–17, 19–25): 1–9, 11–14, 16, 17, 19–23, 25 – городище Пламя Сибири-6; 10, 15, 18, 24 – городище Пламя Сибири-7

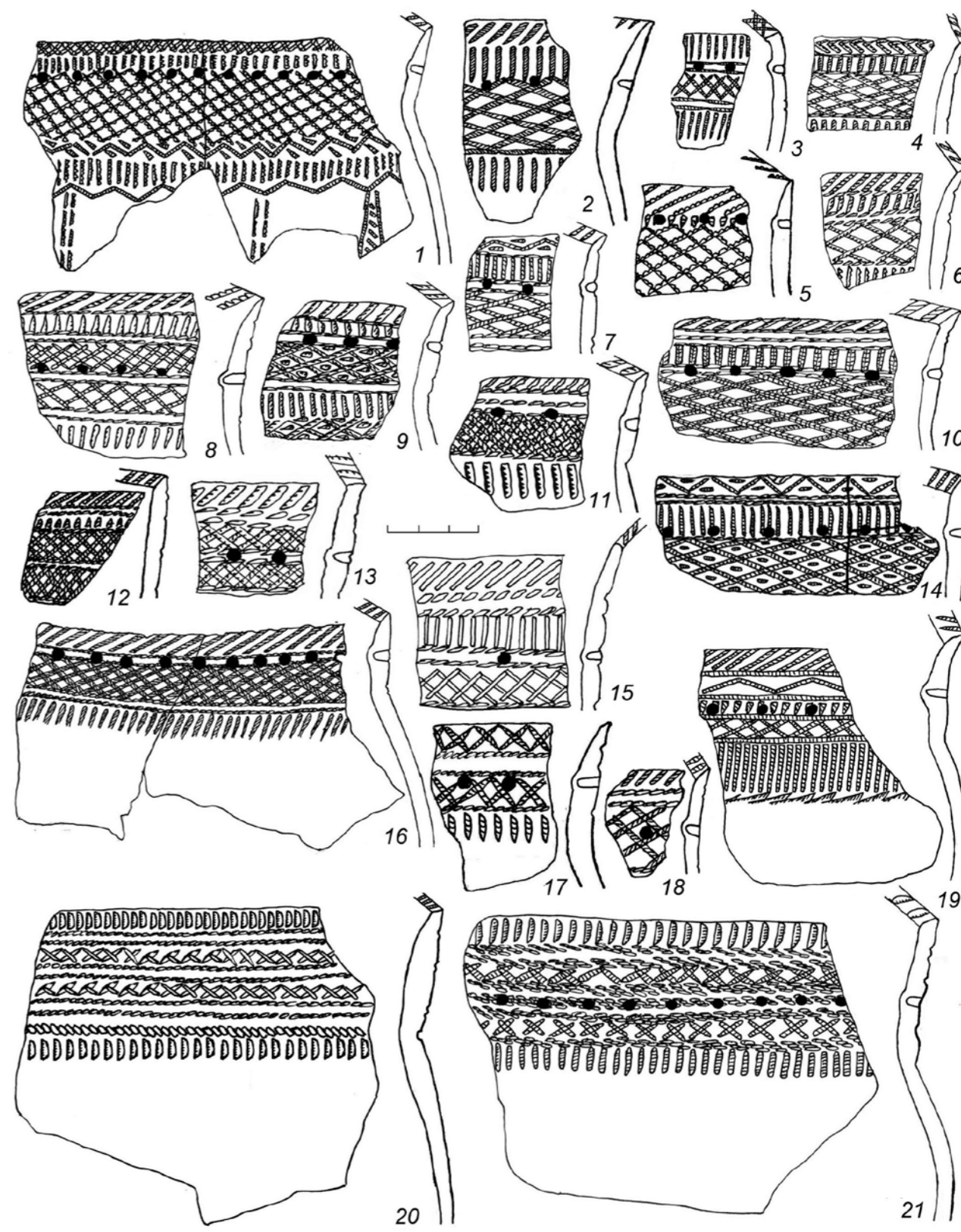

Рис. 3. Молчановско-андрюшинская культура (VI–IX вв.). Керамика «протожупайской» группы. Подгруппа 4 (1–17, 19): 1–13, 15–17, 19–21 – городище Пламя Сибири-6; 14, 16, 18 – поселение Айгинское-VIII

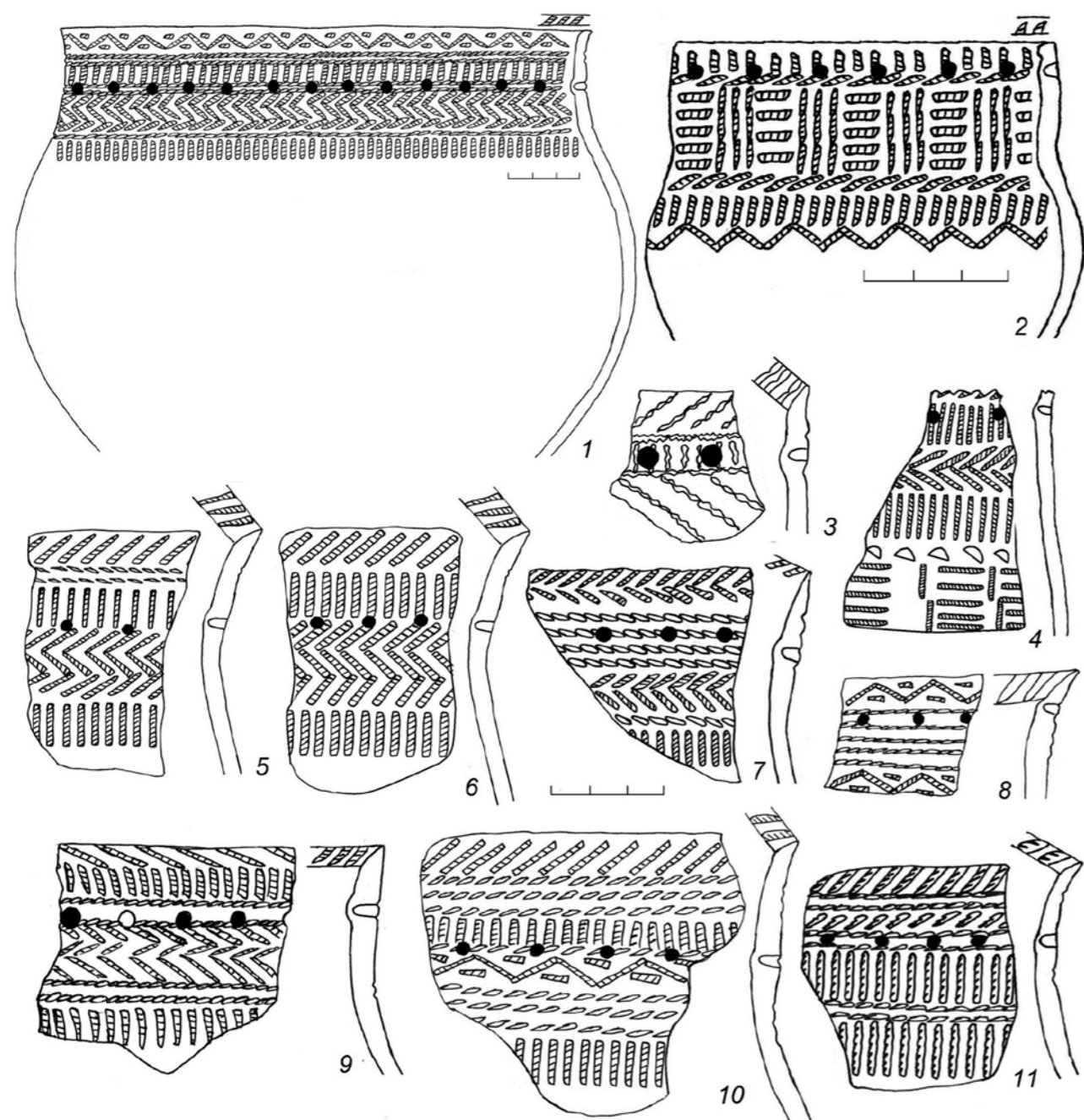

Рис. 4. Молчановско-андрюшинская культура (VI–IX вв.). Керамика «протовожпайской» группы: 1–8, 10, 11 – городище Пламя Сибири-6; 9 – поселение Айгинское-VIII

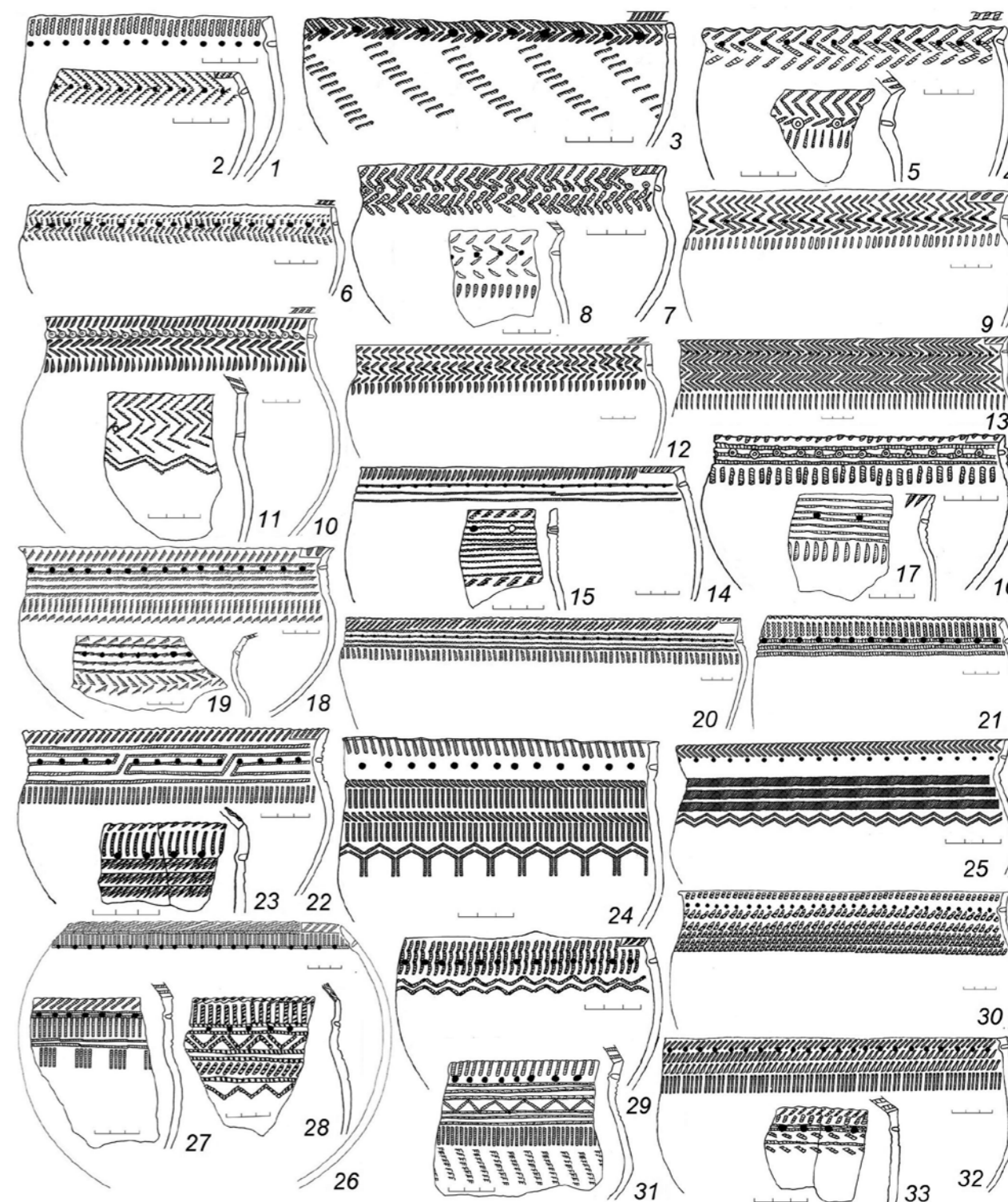

Рис. 5. Молчановско-андрюшинская культура (VI–IX вв.). Керамика с гребенчатой орнаментацией: 1–3, 4–22, 26, 27, 29–33 – городище Пламя Сибири-6; 2, 23–25, 28 – городище Пламя Сибири-7

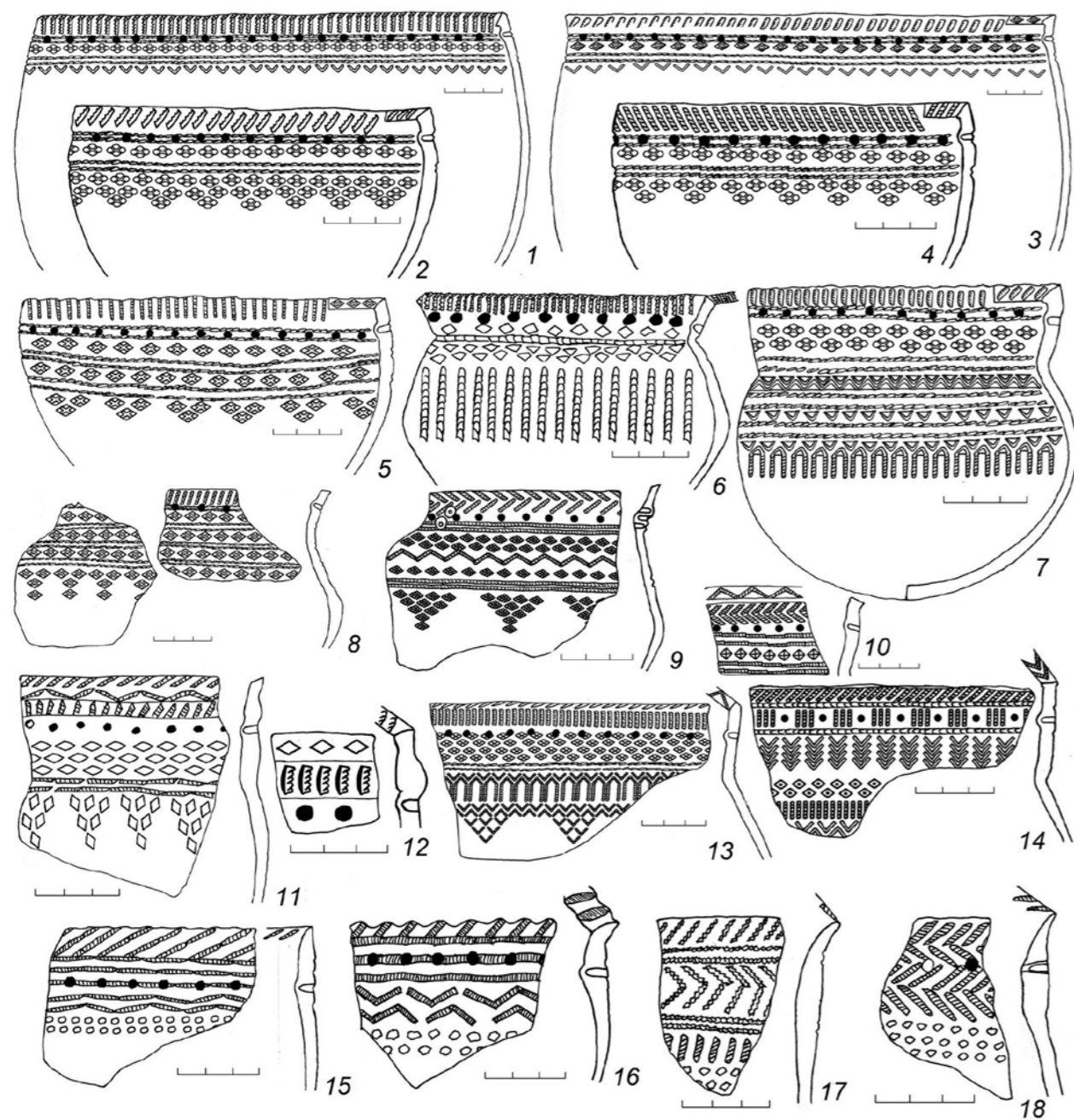

Рис. 6. Молчановско-андрюшинская культура (VI–IX вв.). Керамика с фигурно-штампованной орнаментацией: 1–4, 7, 8, 12, 13 – городище Пламя Сибири-7; 5, 6, 9–11, 14–18 – городище Пламя Сибири-6

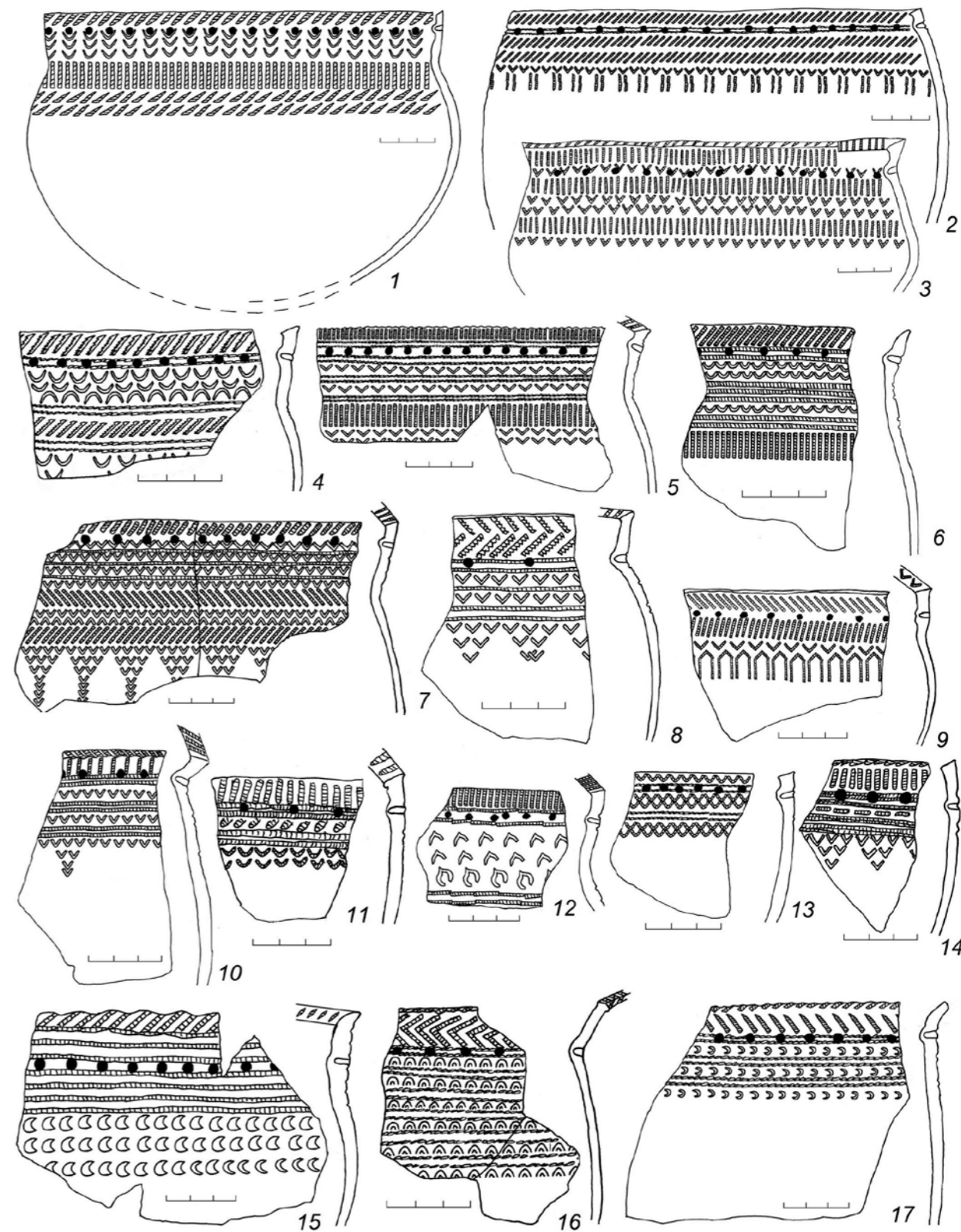

Рис. 7. Молчановско-андрюшинская культура (VI–IX вв.). Керамика с фигурно-штампованной орнаментацией: 1, 2 – городище Пламя Сибири-7; 3–17 – городище Пламя Сибири-6

Ю. П. Чемякин
Екатеринбург
УрФУ, УрГПУ

ВОЖПАЙСКИЙ ПОСЕЛОК НА Р. БОЛЬШОЙ ЮГАН

Среди многих дискуссионных вопросов в археологии средневековья севера Западной Сибири – статус вожпайских комплексов. Существуют прямо противоположные взгляды на их место в системе средневековых древностей таежной зоны. Различаются представления об их происхождении и датировке. При этом представления о самих вожпайских комплексах, в первую очередь, о керамике у исследователей близки.

Особая вожпайская группа керамики впервые была охарактеризована В. Н. Чернецовым по материалам городища Вож-Пай и могильника Барсов городок [Чернецов, 1957. С. 196–200]. Ученый рассматривал ее как переходную – от оронтурского к кинтусовскому этапу – и датировал «большой частью IX в. н. э.». При этом, В. Н. Чернецов предполагал преемственность кинтусовской керамики от оронтурской через вожпайскую. «Материалы всего I тысячелетия н. э., – писал он, – дают картину ничем не нарушавшегося развития единой культуры, в пределах которой выделяемые нами этапы имеют служебное хронологическое значение и не отражают никаких существенных изменений, – в истории племен Нижнего Приобья» [Там же. С. 200]. Валерий Николаевич рассматривал всю нижнеобскую культуру, включая вожпайские материалы, как угорскую, более того, как древнехантыйскую [Там же. С. 238]. С такой позицией автора позднее солидаризировались В. А. Могильников [1985; 1987. С. 216] и Ю. Ф. Кирюшин [1976. С. 25–27].

В самостоятельную археологическую культуру вожпайские древности были выделены Л. П. Хлобыстиным, в первую очередь по материалам стоянки Дюна III на Западном Таймыре, с привлечением материалов Среднего Обь-Иртышья [1982; 1993. С. 19–27]. Он датировал ее IX–X вв. и локализовал «на территории между нижними течениями Оби и Енисея, охваченной бассейнами рек Надыма, Пура и Таза». Происхождение вожпайской керамики он связывал с первым типом керамики релкинской культуры VI–VIII вв. Нарымского Приобья [1993. С. 23–25].

Широкие работы, проводившиеся уральскими археологами в Ханты-Мансийском автономном округе в 1970–1980-е гг. в связи с промышленным освоением Севера, привели к резкому увеличению источниковой базы, в том числе по средневековью. Все это позволило пересмотреть периодизацию В. Н. Чернецова и внести в нее существенные коррективы [Федорова и др., 1991. С. 126–145]. Авторы статьи предложили отказаться от понятия «археологическая культура» для средневековой истории таежного Обь-Иртышья из-за значительного единообразия материальной культуры в регионе, и заменили его понятиями «памятники ... типа» и «культурная общность». Было выделено 5 этапов, первый из которых (саровский) относился к концу раннего железного века. В новой схеме вожпайские древности рассматривались как ранняя стадия кинтусовского этапа и датировались концом IX – X в. [Там же. С. 137–139].

Чуть позже А. П. Зыков и Н. В. Федорова предложили для этой (таежной) культурно-исторической общности название обь-иртышская (ОИ КИО) и выделили в ее рамках уже 7 этапов, включив в нее памятники всего железного века, в том числе раннего [Зыков, Федорова, 1993. С. 65–66]. К. Г. Карачаров, в целом придерживаясь предложенной коллегами схемы культурогенеза на севере Западной Сибири, отождествил, без особых аргументов, этапы ОИ КИО с археологическими культурами. При этом вожпайские древности он вынес за пределы кинтусовского этапа (культуры) и рассмотрел их в ранге особой археологической культуры, генетически не связанной с предшествующей кучиминской. При этом он отметил, что сегодня «нет достаточно веских оснований, чтобы связывать вожпайскую культуру с каким-либо современным этносом» [Чемякин, Карачаров, 1999. – С. 42, 52–53; 2002. С. 44–45, 57].

Работы В. И. Семеновы в бассейне р. Большого Югана и Большого Балыка, в первую очередь, раскопки могильника Усть-Балык, позволили ей иначе взглянуть на культурно- и этногенез в регионе. Она высказала мнение, что «на протяжении I – начала II тыс. н. э. в Сургутском Приобье существуют две линии развития – вожпайская и потчевашская... Обе эти линии, скорее всего, были самодийскими и отражали две части распространения этноса – соответственно северную и южную» [Семенова, 2001. С. 192]. При этом В. И. Семенова осталась сторонницей периодизации В. Н. Чернецова. Выделив по орнаментации среди вожпайской посуды четыре группы сосудов, она датировала их IX–XI вв. [Там же. С. 57–61].

В 2006 г. вышло сразу несколько работ, затрагивавших проблему вожпайских древностей. А. П. Зыков в своих статьях реанимировал нижнеобскую культуру В. Н. Чернецова как «центральное ядро» ОИ КИО. Внутри нее были сохранены этапы для эпохи позднего железа, предложенные им с соавторами в начале 1990-х гг. [Зыков, 2006а. С. 33–58; 2006б. С. 109–124]. Однако А. П. Зыков отказался от включения в ОИ КИО «памятников и этапов, связанных с ранним железным веком». По-прежнему «в рамках кинту-

совского этапа выделяется три последовательных хронологических периода, каждому из которых соответствует определенная группа керамики. Первый период связан с существованием памятников с вожпайской группой керамики» [Зыков, 2006б. С. 118]. Он отмечает преемственность между типами посуды разных периодов, а также совместное их нахождение на ряде памятников, в том числе в могилах. Статьи явились кратким авторефератом его монографии, написанной в середине 2000-х гг., но изданной недавно [Зыков, 2012. С. 88–90]. К сожалению, в этих работах А. П. Зыков не упоминает вожпайское домостроительство. По его мнению, вожпайские древности происходят от кучиминских и трансформируются в оронтурские (на следующей стадии кинтусовского этапа), а время их существования – конец IX – X (или даже первая половина X) вв.

Иной позиции придерживается К. Г. Карачаров [2006]. Он разделяет «мнение Л. П. Хлобыстина о вожпайском феномене как об археологической культуре» и считает, что в последние два века, вероятно, «Западная Сибирь испытала значительный внешний импульс, который отразился на политическом и культурном облике региона». По мнению К. Г. Карачарова, с большой долей уверенности можно говорить о том, что «вожпайская археологическая культура возникает во второй половине IX в. и исчезает во второй половине X в.» [Там же. С. 146].

Рассмотрим некоторые положения исследователей. Для начала сравним опубликованные археологические карты и списки вожпайских памятников. У А. П. Зыкова упоминаются 15 памятников, на карте К. Г. Карачарова обозначены 17 пунктов. На картах, созданных В. А. Семеновой или при ее участии, нанесены 15 [2001. Рис. 2] и 24 [Пошехонова и др., 2008. Рис. 1] памятника, причем на более поздней карте нет ряда пунктов, обозначенных как вожпайские в 2001 г. В списке Н. В. Березовской фигурируют 5 памятников в Нарымском Приобье [1992. С. 95–97], из них только 4 есть на карте, составленной тюменскими археологами (со ссылкой на Н. В. Березовскую) [Пошехонова и др., 2008]. Всего названо 36 пунктов, из которых общими в списках являются лишь 13. Это не удивительно, если принять во внимание, что на большинстве остальных были проведены только разведочные сборы, а некоторые причислены к вожпайским лишь на основе их внешнего облика и топольемок. Выводы о преемственности или «безусловном отличии» базируются на одних и тех же коллекциях. Тем не менее, ни в одной работе нет сравнительного статистического анализа керамического материала. Весьма скромная статистика, приведенная В. И. Семеновой на основе сравнения двух кучиминских и одного вожпайского памятников, не может претендовать на отражение какой-либо закономерности. Нет подобного анализа и погребального обряда; существующие же сравнения носят описательный характер. Чрезвычайно редки в публикациях описания построек, несмотря на то, что при характеристике вожпайских древностей временами фигурирует домостроительство («котлованы ... жилищ исследованы на многих вожпайских памятниках в Среднем Приобье и за его пределами» [Там же. С. 189]). В своей обобщающей монографии А. П. Зыков пишет, что (в Сургутском Приобье? – Ю. Ч.) «достоверно однослойных вожпайских поселений не выявлено» [2012. С. 89]. Нет характеристики вожпайских сооружений и в статье К. Г. Карачарова [2006].

Мне до недавнего времени были известны всего пять вожпайских построек, из которых в литературе описаны лишь две: жилища на стоянке Дюна III [Хлобыстин, 1993. С. 19–21, рис. 1] и на поселении Вынгаяха 7 [Пошехонова и др., 2008. С. 184–189, рис. 3]. Последнее, по мнению авторов, являлось сезонной постройкой. Оба памятника находятся за пределами основного вожпайского ареала. Еще два жилища были исследованы Н. В. Федоровой на селище Барсова гора II/14 (II/16) в 1973 и 1977 гг. Они представляли собой прямоугольные, чуть углубленные (на 25–40 см) постройки, котлованы которых имели размеры 9,0×6,5 и 7,25×7,15 м. В северной части первой находился выход в виде выступа размером 1,0×0,25 м. Во втором жилище выход в виде небольшого коридорчика шириной 0,5 м располагался в южной стенке. Стены жилищ снаружи присыпались песком, в центре котлованов находился открытый очаг. В обоих сооружениях были обнаружены ямки от столбов, однако реконструировать стены и перекрытие по ним нельзя¹. В третьем жилище, исследованном автором на этом же памятнике, найдена керамика вожпайского и оронтурского периодов кинтусовского этапа (по А. П. Зыкову [2012. С. 89, 91; рис. 57 – 8]). Это была небольшая постройка, возведенная во впадине, оставшейся от неолитического жилища. Она имела подпрямоугольную с закругленными углами форму, размер 4×3,2 м и была ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. С южной и восточной сторон границы постройки были слабо различимы, что отчасти объясняется понижением поверхности в эти стороны. Поэтому я допускаю, что размеры жилища могли быть несколько больше. В центре помещения выявлены остатки очага. Глубина котлована, вероятно, не превышала 35–55 см [Чемякин, 1991. С. 185, рис. 1, 2 – 1–8]. Еще одно жилище, перекрывавшее постройку с аганским типом посуды, раскопано Л. В. Носковой и К. Г. Карачаровым в бассейне р. Аган [Носкова, Карачаров, 2009. С. 631–632].

¹ Я признателен Н. В. Федоровой за разрешение использовать ее неопубликованные материалы.

В 2007–2008 и 2010–2012 гг. автор вместе с Т. Ю. Фефиловой исследовал селище Сартым-урий 16 в бассейне Большого Югана. Памятник оказался двухслойным: ранний, более обширный, слой относился к карымскому этапу, поздний, относительно локальный, содержал вожпайские материалы. Т. Ю. Фефилова вскрыла три вожпайских жилища и две постройки, возможно, хозяйственного или производственного назначения. Две постройки и одно жилище оказались однослойными. Еще под двумя жилищами выявлены остатки котлованов карымского времени, хорошо отчленившиеся от первых стратиграфически [Фефилова, Чемякин, 2008. С. 177–186; 2009. С. 229–248]. К сегодняшнему дню на памятнике исследовано 4058 кв. м (в 2012 г. к раскопкам памятника подключились С. А. Мызников и В. А. Маракулин). Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что вожпайский поселок исследован полностью. Ранний (карымский) слой на этом селище отстоит от вожпайского, как минимум, на три века, поэтому следует признать, что последний слой – чистый и, на наш взгляд, кратковременный. Все вожпайские объекты, по-видимому, функционировали одновременно.

Объект 6 до раскопок представлял углубленную на 45 см от уровня дневной поверхности подпрямоугольную впадину размером 6,9×5,2 м, окруженную обваловкой шириной 1,8–3,3 м и высотой 9–32 см. Впадина осталась от подпрямоугольного жилища размером 7,15×6,7 м, длинной осью ориентированного по линии запад – восток. Посередине восточной стенки, на месте разрыва обваловки, фиксировался овално-подтреугольный выступ размерами 1,6×0,7 м, представлявший собой остатки выхода из постройки. С южной стороны к нему примыкала ниша размером 2,5×1,3 м. В центре жилища находился очаг размером 2,54×1,44 м, мощностью до 20 см. Рядом с ним выкопана хозяйственная (?) яма размером 1,65×1,04 м и глубиной 53 см от уровня пола. В нише найдена бронзовая полая коньковая подвеска, под которой хорошо сохранились фрагменты стеблей злаков, осок и хвоща (вероятно, следы покрытия пола). На полу жилища лежала антропоморфная фигурка, отлитая из «белой» бронзы. Недалеко от нее были расчищены развалы двух сосудов вожпайского типа. Вожпайская керамика найдена и в других местах постройки. Кроме нее, в жилище обнаружены железные ножи, стамески, наконечник стрелы, шилья, рыболовные крючки и фрагменты рюмковидного тигля. С северной и северо-западной сторон к жилищу примыкали две ямы, в заполнении которых расчищены линзы из рыбьих костей и чешуи.

Объект 7 представлял собой слегка углубленную подпрямоугольную впадину размером 5×4,5×0,27 м, почти примыкавшую к объекту 6 с Ю. Она также была окружена обваловкой, шириной 1,3–1,8 м, высотой 17–34 см – от уровня современной поверхности. С западной стороны к обваловке примыкала овальная яма, с южной – еще три. При раскопках выяснилось, что объект – двухслойный. Остатки поздней постройки 7 имели подпрямоугольную форму, размер 5,7×4,8 м и были углублены от уровня древней поверхности на 16 см. С южной стороны жилища, как бы продолжая его западную и восточную стенки, зафиксированы две канавы, длиной 2,8 м (западная) и 2,4 м (восточная). Ширина их вверху около 0,6 м. Канавы вклинивались в котлован вдоль его стен (росшие по краям впадины сосны не позволили определить, на какое расстояние). Дно их было неровное. За пределами котлована канавы углублялись относительно уровня пола почти на 50 см. Не исключено, что они входили в конструкцию жилища, однако их назначение точно не определено. Посередине северной части обваловки фиксировался разрыв, возможно, маркировавший выход из постройки, направленный в сторону жилища 6. Однако современный выворотень и яма, находившиеся в этом же месте, не позволили однозначно определить это. На уровне пола размер котлована составлял 4,8×4,0–5,0 м. Пол с трех сторон окаймляла полоса желто-серого песка шириной от 28 см (вдоль западной стены) до 63 см (вдоль южной). Возможно, она возникла на месте нар, следы которых фиксировались в профиле в виде серой углистой прослойки толщиной 4 и длиной 52 см, перекрытой слоем обваловки. В центре помещения расчищен очаг размером 2,09×1,07 м и мощностью до 16 см. В жилище найдена вожпайская керамика.

Также двухслойным оказался *объект 10*, находившийся в 10 м к ЮВ от объектов 6 и 7. Он имел вид углубленной на 30 см впадины подквадратной формы, размером 4,9×4,8 м, с обваловкой шириной 1,4–1,3 м и высотой 2–16 см. Она осталась от чуть углубленных жилищ 10 и 10а. Более позднее жилище 10 имело размер 4,4×4,1 м. Следов выхода у него не выявлено. В центре жилища, под моховой подстилкой, были найдены шесть железных прямоугольных пластин от доспеха. Еще одна такая же пластина обнаружена в 1,5 м южнее этого скопления. На глубине 30 см от уровня древней поверхности наблюдались пол и – в центре помещения – очаг жилища 10. Размер постройки на этом уровне: 4,1×4,0 м. Очаг – размером 1,3×1,2 м, мощностью 15–18 см. На этом же горизонте залежали фрагменты сосудов вожпайского типа. В юго-восточном углу жилища найдены два каменных абразива и развал неорнаментированного сосуда.

Объект 13 находился в 7 м к ССВ от жилища 6. Он представлял собой углубленную на 15–20 см впадину неправильно-округлой формы размером 2,4×2,2 м, окруженную обваловкой шириной до 1,3 м и высотой 8–10 см. В юго-восточной части объекта обваловка расплылась и почти совсем исчезла. Размер постройки 13 не превышал 2,9×2,5 м. Пол ее был зафиксирован на глубине около 5 см от уровня погреб-

енной почвы. С восточной стороны к постройке примыкал клин желто-серого оподзоленного песка подтреугольной формы размером 94×21×88 см (выход?). Вершина треугольника была направлена на восток и соприкасалась с внешней ямой. В центре жилища зафиксирован очаг размером 48×93 см и мощностью около 5 см. При его разборке были найдены фрагменты сосудов вожпайского типа. Судя по стратиграфии и сильной «размазанности» слоя обваловки, постройка 13 была практически наземной. Размер ее и малая мощность очага могут свидетельствовать о временном характере или хозяйственном назначении данного сооружения.

Объект 14 представлял слегка углубленную (на 10–15 см) впадину неправильно-округлой формы, размером 2,6×2,3 м, окруженную обваловкой шириной до 1,0 м и высотой 8×10 см, расположенную в 5 м к СВ от жилища 6. Пол постройки 14 был чуть углублен в центре и представлял собой аморфное пятно серо-желтого песка. Четких границ сооружения не удалось зафиксировать ни в плане, ни в профилях. Возможно, оно имело каркасную конструкцию. Размер постройки приблизительно 3,7×2,7 м. В центре помещения зафиксирован очаг размером 1,47×1,07 м, мощностью до 18 см. Под очагом расчищены остатки ямы диаметром около 0,6 м, заполненной буро-серым слоем очажной супеси с темно-серыми прослойками по периметру. В центре ее фиксировалась линза обожженной глины (21×32 см) толщиной до 12 см. В разрезе яма параболоидная, глубиной от уровня пола около 27–30 см. Небольшие размеры и глубина пола, его расплывчатые границы, а также наличие ямы, заполненной обожженной глиной, позволяют предполагать, что постройка имела хозяйственное или даже производственное значение. В очаге и на ее полу найдена вожпайская керамика.

В последующие годы были выявлены только внешние очаги с вожпайскими черепками и отдельные скопления вожпайской керамики. Все очаги находились к СВ от центра поселка, на значительном удалении от построек [Чемякин, Борзунов, 2012. С. 314–316, 318, 319, 321, 322, ил. 21, 22, 26]. Один очаг находился в 12 м к В от постройки 13, другой – в 28 м к ВСВ, третий – в 39 м к СВ (рис. 2). Если первый очаг был выявлен случайно в траншее, заложенной археологами рядом с раскопом, то два других были частично обнажены и разрушены при вырубке леса строителями газопровода. В третьем очаге и рядом с ним собраны обломки вожпайской посуды и куски обожженной глиняной обмазки, свидетельствовавшие о существовании здесь какого-то производства в вожпайский период [Там же. Ил. 33]. К сожалению, слой вокруг очага был практически разрушен или уничтожен до материка при вырубке леса. Учитывая, что при обследовании памятника в предыдущие годы здесь не было выявлено никаких углубленных жилых построек, можно предположить, что очаги были самостоятельными объектами, над которыми могли быть возведены легкие навесы, либо находились в каких-то наземных сооружениях.

Исследованные типы вожпайских построек на Барсовой Горе и протоке Сартым-урий характерны для памятников этого региона, по крайней мере, с карымского этапа по кинтусовский включительно. Оригинальным выглядит жилище 7 селища Сартым-урий 16, но утверждать это пока рано. Для датировки памятника интересен результат анализа сторевшего корня или, возможно, кола, пронзившего остатки карымского очага на северной окраине селища Сартым-урий 17 (примерно в 40–45 м от ближайшего вожпайского жилища): 1040±50 л. н. (ЛЕ–7770). В калиброванных интервалах: 890–1040 гг. н. э. (с вероятностью 68,2%) и 880–1160 гг. н. э. (95,4%). Не исключено, что взятый уголь отражает какой-то пожар, случившийся в поздний (вожпайский) период существования селища. Однако доказать это невозможно.

Вожпайская коллекция с селища Сартым-урий 16 представлена обломками сосудов, стеклянной бузиной, бронзовой металлопластикой и железными изделиями. Керамика типична для подобных комплексов. Найдены обломки глиняных рюмковидных тиглей. Изделия из бронзы представлены антропоморфной фигуркой и полой коньковой подвеской. Многочисленна коллекция железных вещей: ножи, наконечники стрел, стамески, рыболовные крючки, пинцет, шилья, игла, набор панцирных пластин.

Селище Сартым-урий 16 является первым полностью раскопанным поселением вожпайского типа в Сургутском Приобье.

Литература

Березовская Н. В. Вожпайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докладов. Томск, 1992.

Зыков А. П. Периодизация нижнеобской культуры в Сургутском Приобье // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов. Екатеринбург, 2006а.

Зыков А. П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006б.

Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и новое время.

Екатеринбург, 2012.

Зыков А. П., Федорова Н. В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

Карачаров К. Г. Вожпайская археологическая культура // УИВ. № 14. Екатеринбург, 2006.

Кирюшин Ю. Ф. Поселение Тух-Эмтор IV – памятник Васюганского Приобья // ИИС. Вып. 19. Томск, 1976.

Могильников В. А. Предметы изобразительного искусства обских угров и вопрос этнической интерпретации керамики вожпайского типа // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.

Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. Т.: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Раскопки аварийных участков селища Нех-урий 1 и комплекса Нех-урий 3 // АО 2006 г. М., 2009.

Пошехонова О. Е., Семенова В. И., Иванов С. Н., Рябогина Н. Е., Якимов А. С. Археологические и палеоэкологические исследования средневекового поселения Вынгаяха 7 (северотаежная часть бассейна р. Пур) // ВААЭ. № 9. Тюмень, 2008.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.

Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.

Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО–Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 6. Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008.

Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. Томск; Ханты-Мансийск, 2009.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1982.

Хлобыстин Л. П. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // Ad Polus. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993.

Чемякин Ю. П. Неолитическая стоянка Барсова гора II/17 в Сургутском Приобье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.

Чемякин Ю. П., Борзунов В. А. Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Сартым-Урий 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957.

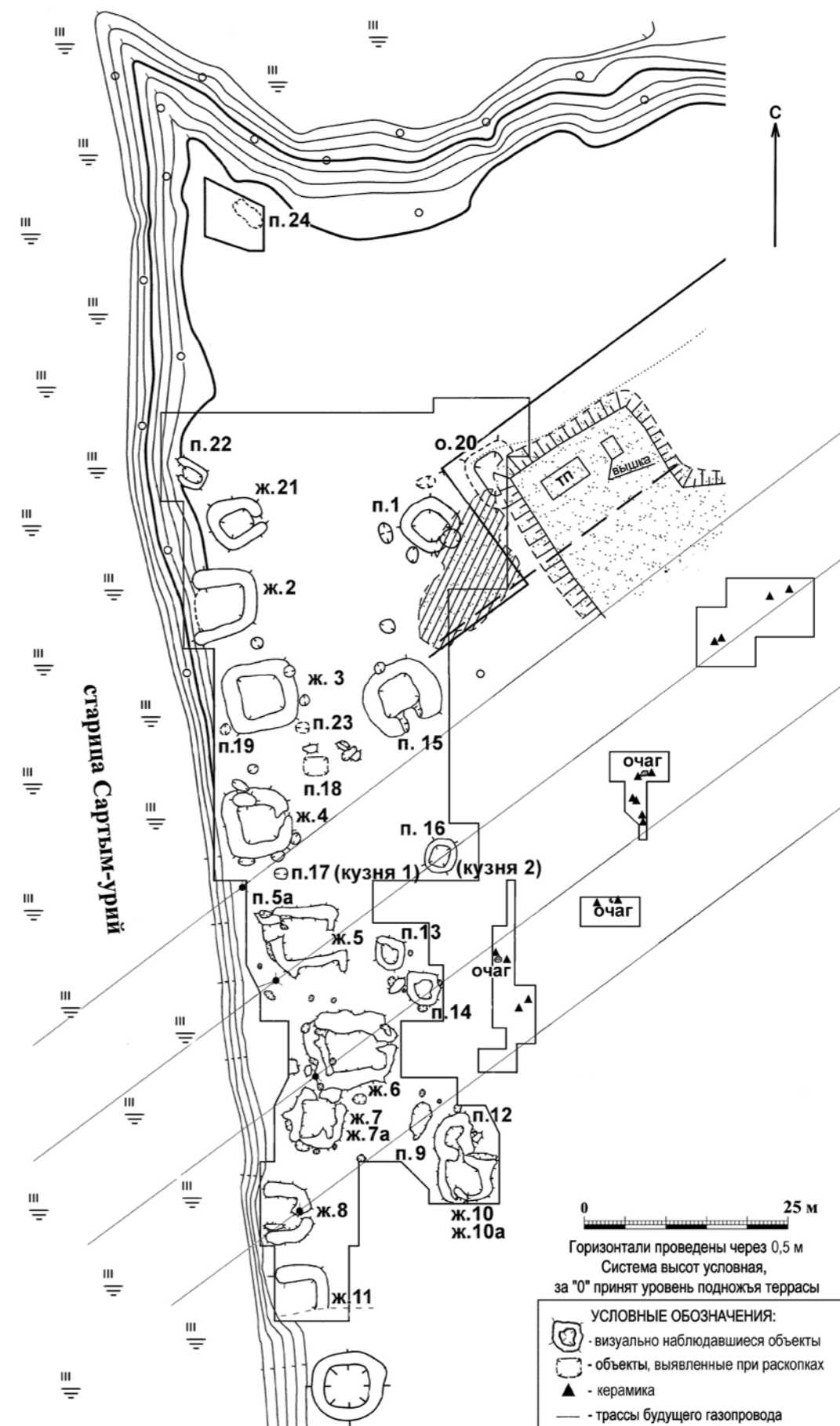

Рис. 1. Селище Сартым-урий 16. Общий план

О. Е. Пошехонова, Н. Е. Рябогина,
С. Н. Иванов
г. Тюмень
ИПОС СО РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В БАССЕЙНЕ Р. ХАРАМПУР

Долина р. Харампур является самым детально обследованным археологами участком в бассейне Пура, привлекая исследователей большим количеством выявленных памятников (97). Со временем этот район может стать опорным для построения культурно-генетических схем развития северо-таежных территорий Западной Сибири, расположенных за пределами бассейна Оби. Следует также отметить, что большинство объектов Харампура датировано ранним железным веком и средневековьем. Вследствие этого, по данным эпохам уже в ближайшее время можно создать развернутые и надежно аргументированные археологические периодизации. Между тем, количество публикаций о раскопанных памятниках данного района пока невелико, что осложняет поставленную нами задачу. В этой связи, обнародование любой информации, посвященной древностям эпохи железа бассейна р. Харампур, весьма актуально для научного сообщества.

Не менее востребована информация и о палеоэкологической ситуации в эпоху железа. На современном уровне развития археологии она является необходимой составляющей при исследовании культурогенеза народов Севера Западной Сибири. Несмотря на это, до сих пор отсутствуют сведения об изменении природных условий этого района в голоцене. Ближайшие разрезы, исследованные спорово-пыльцевым методом, находятся в низовьях рр. Надыма и Пура – в тундровой зоне, либо в Сургутском Приобье – в средней тайге [Болотные системы ..., 2001. С. 168, 355–365; Бляхарчук, 2010. С. 43]. По сути дела, междуречье Пура и Таза в их среднем и верхнем течении при изучении палеогеографических условий голоцена Западной Сибири до недавнего времени оставалось большим белым пятном на природно-географической карте данного региона. Полученная нами информация и результаты ее анализа, изложенные в данной статье, на сегодняшний день являются единственным источником о растительности и изменениях ее состава в субатлантическом периоде голоцена в этом районе.

Археологические исследования в бассейне р. Харампур. До наших исследований разведки и раскопки в данном районе проводились только на правой террасе р. Харампур, в среднем и нижнем ее течении, под руководством Л. Л. Косинской. За несколько лет археологами УрГУ (г. Екатеринбург) были тщательно осмотрены террасы Харампура и прилегающие участки в устьях небольших притоков данной реки [Косинская, 1997; 1999; 2001; 2002а; Занина, 2007]. В результате проведенных работ было выявлено 89 археологических памятников разных типов и эпох: городища, селища, промысловые комплексы и один могильник. Самый древний объект был датирован эпохой мезолита (около III тыс. до н. э.). Небольшими раскопками исследованы поселение Усть-Кальпяс-яха 20, городище Усть-Кальпяс-яха 21, поселения Военто 2 и 6, памятник Харампур 4 [Косинская, 1998; 2002б, 2007; 2009; История Ямала ..., т. 1, 2010. С. 31, 32]¹.

За несколько последних лет археологическая экспедиция ИПОС СО РАН провела детальное обследование небольшого участка левой террасы Харампура общей протяженностью 5,2 км, начиная от узкого участка, зажатого между краем террасы реки и безымянным озером, до устья р. Хадутейяха (рис. 1 – А). Здесь были открыты 8 памятников, а также заложен разрез торфяника в притеррасном понижении недалеко от устья Харампура (рис. 1 – Б). Все объекты исследовались только небольшими шурфами, площадью от 1 до 3,75 кв. м. По данным памятникам может быть представлена предварительная, самая общая информация, включающая описание и датировку составляющих их объектов, а также найденных археологических материалов.

Поселение Харампур 22 состоит из 17-ти жилищных впадин овальной, округлой, прямоугольной формы и одной приподнятой площадки. Почти все впадины – с хорошо выраженной обваловкой, у трех зафиксирован выход. Диаметры впадин – 2–6 м, глубина 10–50 см; одна из них выделяется большими размерами (5,5×10 м) и значительной глубиной. Часть впадин расположена в два ряда, остальные – хаотично. Есть основания полагать, что все объекты относятся к одному времени. Дата памятника – IX в. – установлена по результату датирования угля, найденного в шурфе, заложенном на краю обваловки самой крупной впадины № 1 (СОАН-8510: 1100±40 л. н.). Этой дате не противоречат особенности морфологии впадин и обнаруженный

¹ Выражаем огромную благодарность Л. Л. Косинской, В. В. Заниной и А. П. Зыкову за помощь в работе с находками и предоставленные отчетные материалы.

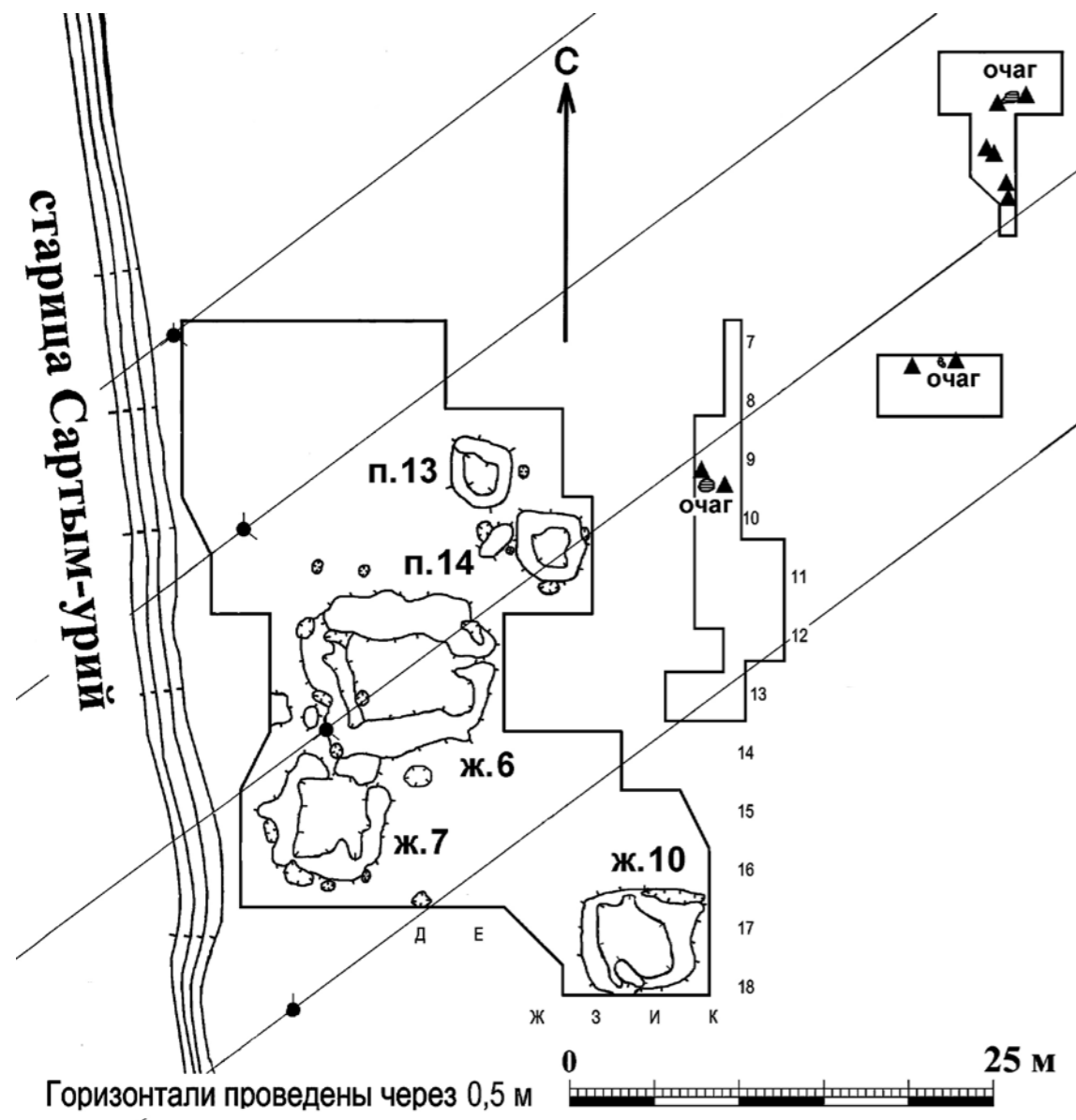

Рис. 2. Селище Саргым-урий 16. План вожпайского поселка

археологический материал – железный хозяйственно-бытовой нож, обломки железных изделий, галька со сколом и два скола из кварца и кварцита.

Промысловый комплекс Харампур 23 включает три небольшие впадины с оплывшей обваловкой, вытянутые цепочкой поперек края террасы. Форма и глубина объектов указывала на значительный возраст памятника. Это же подтвердили результаты радиоуглеродного анализа угля из шурфа, заложенного на краю обваловки одной из впадин: первая половина III тыс. до н. э. (СОАН-8511: 4640±95 л. н.).

Поселение Харампур 24 состоит из двух овальных впадин с обваловкой размерами 5×6 м, глубиной 50–80 см; обваловка каждого объекта широкая, местами оплывшая. В шурфе, заложенном на краю обваловки одной из впадин, зафиксирован край котлована землянки и выход из него. К сожалению, здесь были найдены всего три артефакта – каменный абразив и два обломка плиток из черного кремнистого сланца очень хорошего качества. Возраст поселения установлен по результатам радиоуглеродного исследования. Получено четыре даты: 1590±50 л. н. (СОАН-8513), 6175±95 л. н. (СОАН-8512), 1680±40 л. н. (СОАН-8515) и 1770±50 л. н. (СОАН-8515д). Самую старшую из них трудно интерпретировать. Остальные три, относительно близкие, указывают на время существования поселения в II–IV вв. н. э.

Промысловый комплекс Харампур 25 представлен 12-ю однотипными впадинами без обваловки, округлой и овальной формы, диаметром 2,3–6,5 м, глубиной 21–49 см. Впадины-ловушки расположены изогнутой цепочкой поперек перешейка между краями террас р. Харампур и безымянного озера, сориентированного перпендикулярно краю террасы. Одна из ловушек была выкопана на дне жилища № 1 поселения Харампур 24, которое, в свою очередь, расположено между впадинами № 2 и № 3 промыслового комплекса. По логике локализации ловушек – это впадина промыслового комплекса. Исходя из стратиграфического соотношения объектов (перекрывание одних впадин другими), датировать промысловый комплекс можно временем до основания здесь поселения Харампур 24 – то есть средневековьем. Эту версию подтверждают форма и сохранность впадин, которые имеют четкие, хорошо выраженные контуры.

Поселение Харампур 26 состоит из четырех хаотично расположенных впадин разной формы и размеров. Впадины №№ 1 и 2 – овальные, размерами до 4,2×6,1 м, глубиной до 54 см. Впадина № 3 – с обваловкой подпрямоугольной формы, размерами 3,2×5,2 м, глубиной 51 см. Она значительно меньше остальных. В шурфе, заложенном на краю обваловки впадины № 3, исследован участок выброса из котлована жилища, который был перекрыт стерильным подзолом. Его образование свидетельствует о древности постройки, однако его небольшая мощность (2–5 см) позволяет датировать впадину эпохой средневековья. На это также указывает внешний вид впадины. На поверхности поселения найден бронзовый сплеск и обломок железного рыболовного крючка, который аналогичен изделию с поселения Усть-Харампур 17. Эти находки также можно отнести к средневековью. Таким образом, часть впадин поселения можно датировать средневековьем, но учитывая разнородность объектов, некоторые из них, скорее всего, относятся к более ранним эпохам.

Поселение Харампур 27 включает семь хаотично расположенных однотипных впадин округлой формы без обваловки, диаметром 3,3–5,6 м, глубиной 10–50 см. Можно предположить, что все они одновременны. В шурфе, заложенном на краю впадины № 1, исследован край котлована жилища, выхода из него, а также обнаружены два скола из глинистого сланца и агата и ошлакованный неорнаментированный обломок стенки керамического сосуда. Предварительная датировка поселения – по результатам изучения морфологии отложений и анализа угля из шурфа (900±35 л.н., СОАН-8780) – эпоха средневековья, точнее X в.

Культурная принадлежность этих памятников пока окончательно не установлена, однако уже сейчас можно сделать предположения относительно некоторых из них. Средневековые поселения Харампур 22 и 27, датированные по углю, отнесены к IX и X вв. В это время на более южных территориях Сургутского Приобья были распространены древности кинтусовского этапа нижнеобской культуры и вожпайского типа (культуры, этапа) [Челякин, Карачаров, 2002; Зыков, 2012]. Возможно, открытые нами поселения относятся к кругу этих памятников. Поселение раннего железного века Харампур 24 функционировало в II–IV вв. н. э. В это время и ранее на обширной территории Западной Сибири существовала кулайская культурно-историческая общность [Там же]. Возможно отношение памятника к обозначенному типу. Вместе с тем, не исключена принадлежность трех этих поселений к другим, пока еще не выделенным, самобытным культурам бассейна р. Пур, ведь древности этих периодов здесь совершенно не изучены.

В отличие от предыдущих памятников, поселения Усть-Харампур 17 и 28 исследованы более детально.

Поселение Усть-Харампур 17 состоит из пяти разнообразных впадин. Две из них – крупные, диаметром до 7 м, глубиной до 70 см, при этом одна – с коридорообразным выходом. Остальные – более мелкие с обваловкой. На окраине поселения заложены три шурфа и собран подъемный материал. В результате был получен относительно однородный и многочисленный комплекс находок (117 ед.). Судя по морфологии немногочисленной и сильно фрагментированной керамики (рис. 1 – 5–19), поселение датируется VI–VII вв. н. э. и относится к рёлкинскому этапу нижнеобской культуры. К этому же времени относится серия металлических предметов, многие из которых уникальны. Это железные изделия: боевой или охот-

ничий однолезвийный нож со втульчатым насадом, втульчатый топор, рыболовный крючок и инструмент для работы с мягким материалом (кожа, береста, глина). Также обнаружены две бронзовые литые поясные накладки с изображением медведей в жертвенной позе, обломок костяной игольницы и каменный абразив. Подобные артефакты были распространены на протяжении всего средневековья, а некоторые – в раннем железном веке [Перевалова, Карачаров, 2006. С. 67, 70; Зыков, 1987. С. 150; Семенова, 2001; Зыков, Кокшаров, 2001. С. 95, 105; Челякин, Карачаров, 2002]. Две находки – нож и инструмент для работы с мягким материалом – практически не имеют аналогий на территории Западной Сибири. За исключением одного универсально-хозяйственного ножа со втульчатой рукоятью, происходящего из межмогильного пространства группы погребений X – начала XI вв. могильника Барсов городок [Зыков, 2012]. Однако мы уверены, что вся коллекция может быть датирована VI–VII вв. и отнесена к рёлкинскому этапу нижнеобской культуры. Все эти предметы найдены в одном шурфе в очень необычных условиях, которые позволяют полагать, что исследован объект был связан с ритуальными действиями. Кроме того, находка некоторого количества шлака, жженных костей, бронзовых капель и сплесков (53 ед.) позволяют предположить функционирование на окраине поселения бронзолитейной площадки.

Поселение Харампур 28 дало не менее яркий и значимый материал. Памятник находится в 1,7 км к СЗ от устья р. Хадутейяха. Поселение состоит из четырех впадин округлой формы различных размеров. Впадина № 1, сильно поврежденная тяжелой гусеничной техникой, крайне слабо выражена в рельефе. Ее размеры ориентировочно 5×6 м, точную глубину установить невозможно. Две другие впадины имеют диаметр до 8 м, глубину – до 26 см и окружены песчаной обваловкой. Впадина № 4 – самая мелкая и без обваловки. На поселении заложены три шурфа: один – стандартных размеров (1×1 м) – на краю обваловки впадины № 2, два других – в пределах впадины № 1. Их общая площадь составляет 3,2 кв. м.

Впадина № 2, скорее всего, является остатками средневекового жилища. На краю ее обваловки, в шурфе 1, в выбросе из котлована найдены фрагменты желобчато-валиковой керамики, кварцитовые и песчанниковые каменные изделия. Аналогичная керамика и орудия труда обнаружены в шурфах 2 и 3 (впадина № 1), в верхнем средневековом слое. Судя по всему, средневековая постройка была полностью или частично «вписана» в котлован жилища раннего железного века. К этому периоду относится углубленный очаг, в котором найдено большое количество кальцинированных костей и несколько капель бронзы. Керамика представлена только фрагментами стенок сосудов. Черепки толстые (до 8–9 мм), глиняное тесто рыхлое с большой примесью шамота, обработка поверхностей сосудов небрежная. Орнамент представляет собой горизонтальные и вертикальные наклепные валики треугольного сечения, на некоторых сосудах они образуют арки (рис. 1 – 1–4). По результатам радиоуглеродных исследований (СОАН-8786: 1285±45 л. н.; СОАН-8787: 1310±35 л. н.; СОАН-8783: 1325±65 л. н.) данный керамический комплекс датируется VII в. н. э.

Желобчато-валиковый тип посуды характерен для карымского, зеленогорского и рёлкинского этапов нижнеобской культуры [Челякин, Карачаров, 2002; Зыков, 2012; Борзунов, Челякин, 2012. С. 189–194, ил. 10, 11]. Однако хронология средневекового слоя, установленная тремя очень близкими радиоуглеродными датами (VII в. н. э.), позволяет отнести исследованный комплекс керамики и жилища к рёлкинскому этапу нижнеобской культуры.

Нижний, самый ранний, горизонт поселения представлен материалам из шурфов 2 и 3. Вскрыт край котлована постройки, дно которого было покрыто тонким углистым слоем. Из непо потревоженного культурного слоя удалось получить комплекс находок, в который входят орудия труда из кварца, песчаника и кремня, обломки керамической посуды, возможно, сплеск бронзы. На основании типологического сходства к этому же комплексу отнесены фрагменты ранней керамики, попавшие в средневековый горизонт. По венчикам реконструируется 13 сосудов (рис. 2). Это плоскодонные (иногда с поддоном) емкости, диаметром около 40 см, слегка профилированные, в основном прямостенные. Некоторые горшки – закрытой формы – имели слегка наклоненные внутрь сосуда стенки. Толщина стенок и венчиков не одинакова (5–9 мм), ближе к венчику фиксируется утолщение. Орнамент покрывал только верхнюю часть каждого сосуда. Венчики плоские, украшены наклонными оттисками гребенчатого штампа. Шейки сосудов украшены пояском круглых отверстий, под которым располагался горизонтальный концентрический ряд оттисков гребенчатого или фигурного змейчатого штампа. Оттиски в этом ряду поставлены с наклоном, либо образуют «елочку» или зигзаг. Ниже орнаментальная композиция более сложная: горизонтальные зоны, заполненные оттисками ромбического штампа с внутренней штриховкой (рис. 2 – 3, 9, 13, 14) или гребенчатого штампа; в одном случае зафиксированы отпечатки штампа «птичка» или «галочка» (рис. 2 – 15). Такие оттиски расположены внутри зоны рядами или в шахматном порядке. Таким образом, три орнаментальные зоны, выполненные разными техниками, чередуются, иногда их разделяет поясик оттисков гребенчатого штампа. Орнаментальную композицию завершают вертикальные отрезки, нанесенные уголковым штампом. Они чередуются со двояными оттисками фигурного змейчатого штампа. Можно предположить, что сосуды конструировались «лоскутами» либо лентами; одно из днищ выполнено «лоскутным» наклепом. К сожалению, не удалось восстановить программу в полном объеме, установить начин и некоторые

другие характеристики. Поверхности сосудов обрабатывались тщательно, применялось заглаживание с помощью гребенчатого штампа и воды (замывка). Обжиг посуды неравномерный, вероятно, костровый. На многих сосудах прослеживаются следы утилизации в виде нагара и вторичного обжига. В одном из днищ имеются отверстия, расставленные по кругу, а на внутренней стороне черепка фиксируется мощная ошлаковка (рис. 2 – 11). Возможно, в этой емкости выплавляли железо².

Охарактеризованный комплекс керамики без особого труда можно соотнести с древностями белоярской археологической культуры раннего железного века [Чемякин, Карачаров, 2002; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 79–81, рис. 4; Чемякин, 2008. С. 66–74, 158–163]. На основании анализа пробы угля, взятого со дна котлована жилища (СОАН-8785: 2305±40 л. н.), получена датировка харампурского комплекса (IV в. до н. э.), которая вписывается в хронологические рамки данной культуры в Сургутском Приобье (VIII/VII–IV вв. до н. э.). Необходимо отметить, что в бассейне р. Харампур это не первое изученное белоярское жилище. В 1998 г. археологическим отрядом под руководством Л. Л. Косинской было исследовано поселение Усть-Кальпяс-Яха 20, откуда получены аналогичные материалы [1998].

Между исследованными горизонтами раннего железного века и средневековья в период, когда площадка поселения была необитаема, образовался стерильный почвенный горизонт. В дальнейшем он был частично срезан средневековым населением. Из этого горизонта получены две радиоуглеродные даты (СОАН-8784: 1745±50 л. н.; СОАН-8788: 1685±40 л. н.), которые подтверждают очередность обитания поселения.

Таким образом, полученные материалы показали, что территория бассейна р. Харампур входила в ареал расселения носителей белоярской культуры раннего железного века и рёлкинского этапа нижнеобской культуры эпохи средневековья. Кроме того в II–IV и IX–X вв. н. э. здесь проживало население, культуру которых предстоит изучить в будущем по раскопкам выявленных памятников. Можно предположить, что она будет идентифицирована как кулайская и нижнеобская (китусовский этап и вожпайский тип).

Природные условия бассейна р. Харампур в эпоху железа. Материалы для реконструкции получены из разреза с торфяными отложениями мощностью около 0,5 м, подстилаемыми оглееным песком со следами оподзоленности. Для восстановления непрерывной летописи природных условий пробы для спорово-пыльцевого анализа отобраны единой колонкой через 3 см. По результатам датирования определено, что торфообразование в основании террасы началось после 2125±35 л. н. (СОАН-8502). В связи с этим, палинологические данные характеризуют природные условия в низовьях реки в субатлантическом периоде или по археологической периодизации – с раннего железного века до современности.

Традиционно считается, что на протяжении субатлантического периода голоцена, начавшегося около 2500 л. н., ландшафтно-климатические условия были достаточно однообразными и в целом сходны с современными. Наиболее выраженные палеоэкологические изменения наблюдались в так называемый «малый климатический оптимум» (около IX–XIII вв.) и последовавший за ним «малый ледниковый период» (XIV–XIX вв.). Вместе с тем, интенсивность их проявлений и время их наступления существенно отличаются в разных регионах.

Судя по полученным палино-стратиграфическим данным (рис. 3), на протяжении всего субатлантического периода в низовьях долины Харампура были распространены типичные северо-таежные сосново-березовые леса с редкой примесью ели и кедра, эпизодически – с участием пихты. Кустарниковый ярус представлен карликовой березкой и вересковыми (багульник, брусника). Травянистый покров очень разреженный. К сожалению, спорово-пыльцевой метод не может отследить наличие лишайников в напочвенном покрове, поэтому доминирующей группой здесь выступают сфагновые мхи при эпизодическом участии зеленых мхов и плаунов.

Судя по стратиграфии и палино-диаграмме часть отложений, накопившихся после XI в., отсутствует из-за солифлюкционного сползания торфа. Перерыв в осадконакоплении маркирован на глубине 0,4 м пиком вересковых кустарничков, карликовой березкой и древовидной березой (зона 4), временно заселивших участок на месте оползня. Наибольший интерес представляют данные с глубины 0,65–0,4 м. Отложения нижней части разреза (зона 1), датированные 2695±80 л. н. (СОАН-8778), сформировались до начала заболачивания и отличаются высоким содержанием пыльцы сосны при пониженных значениях спор сфагновых мхов. В это время в растительности преобладали сухие сосновые леса (ягельные?), местами с карликовой березкой и вересковыми кустарничками.

Переувлажнение участка и начало заболачивания совпадает с увеличением в лесах доли древовидной березы, распространении сфагновых мхов и более частой примеси ели (зона 2). Эти отложения накопились в широком временном диапазоне от 2125±35 до 860±35 л. н., во время которого уровень осадков стал выше. Тем не менее, в целом было достаточно тепло, и торф успевал хорошо разлагаться. Прослойка этого торфа, вероятно, сформировалась как раз во время средневекового термического оптимума.

Выше залегает слой торфа, содержащий спорово-пыльцевые спектры, свидетельствующие об увеличе-

² На памятниках белоярской культуры железные изделия не известны, но обычны специальные глиняные тигли для расплавки цветного металла – Ред.

нии роли сосны в лесах. В это время чаще отмечалась примесь кедра, но практически исчезла ель (зона 3). Примечательно, что этот слой торфа стал хуже разлагаться, именно в нем произошло сползание части торфяной толщи по мерзлому основанию. Выше лежащий слой (зона 5) маркирован датировкой 375±35 л. н. (СОАН-8500), а соотношение компонентов в его спорово-пыльцевых спектрах очень близко зоне 3. Отложения слоев 3 и 5 сформировались во время похолодания, вероятно, на протяжении так называемого «малого ледникового периода». Судя по постепенному сокращению доли сфагновых мхов, расширение болот в это время сдерживалось, возможно, на фоне сокращения увлажнения. Последние столетия связаны с активизацией заболачивания и увеличением увлажнения.

Таким образом, были получены новые знания, которые дают возможность реконструировать культурно-генетические процессы, протекавшие на фоне природных изменений в бассейне р. Харампур и установления хозяйственных типов населения от раннего железного века до современности.

Источники и литература

- Бляхарчук Т. А. Последледниковая динамика растительного покрова Западно-Сибирской равнины и Алтае-Саянской горной области: Автореф. дис... докт. биол. наук. Томск, 2010.
- Болотные системы Западной Сибири и их природоохранное значение / Под ред. ... Б. Куваева. Тула, 2001.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таёжного Приобья // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
- Занина В. В. Отчет об археологической разведке в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в 2006 г. Екатеринбург. 2007. Архив ПНИАЛ (КА) УрГУ. Ф. II. Д. 668.
- Зиняков Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
- Зыков А. П. Вооружение обских угров в X–XIII вв. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.
- История Ямала: в 2-х т. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург, 2010.
- Косинская Л. Л. Отчет об археологической разведке в Пуровском районе Тюменской области в 1997 г. Екатеринбург, 1997. Архив ПНИАЛ (КА) УрГУ. Ф. II. Д. 603.
- Косинская Л. Л. Отчет об археологических исследованиях на территории Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов Тюменской обл. Т. I. Раскопки памятников Усть-Кальпяс-Яха 20, 21 в Пуровском районе ЯНАО Тюменской обл. Екатеринбург, 1998. Архив ПНИАЛ (КА) УрГУ. Ф. II. Д. 653.
- Косинская Л. Л. Отчет об археологической разведке в Пуровском районе Тюменской области в 1998 году. Екатеринбург, 1999. Архив ПНИАЛ (КА) УрГУ. Ф. II. Д. 601.
- Косинская Л. Л. Отчет об археологической разведке в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2000. Екатеринбург, 2001. Архив ПНИАЛ (КА) Ф. II. Д. 602.
- Косинская Л. Л. Натурное обследование участков Харампурского и Фестивального месторождений и участка правого берега р. Харампур (урочище Военто) в Пуровском и Красноселькупском районах Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в 2001 году. Екатеринбург, 2002а. Архив ПНИАЛ (АКА) Ф. II. Д. 631.
- Косинская Л. Л. Отчет об археологических раскопках на городище Усть-Кальпяс-яха 21 в Пуровском районе ЯНАО в 2001 году. Екатеринбург, 2002б. Архив ПНИАЛ (КА) УрГУ. Ф. II. Д. 627.
- Косинская Л. Л. Отчет об археологической разведке в Надымском и Пуровском районах Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в 2006 году. Екатеринбург, 2007. Архив ПНИАЛ (КА) УрГУ. Ф. II. Д. 667.
- Косинская Л. Л. Отчет о НИР «Проведение противоаварийных раскопок разрушающихся памятников археологии Военто 2 и Военто 6 (Пуровский район ЯНАО). Екатеринбург, 2009. Архив ПНИАЛ (КА) УрГУ. Ф. II. Д. 693.
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006.
- Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.
- Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.

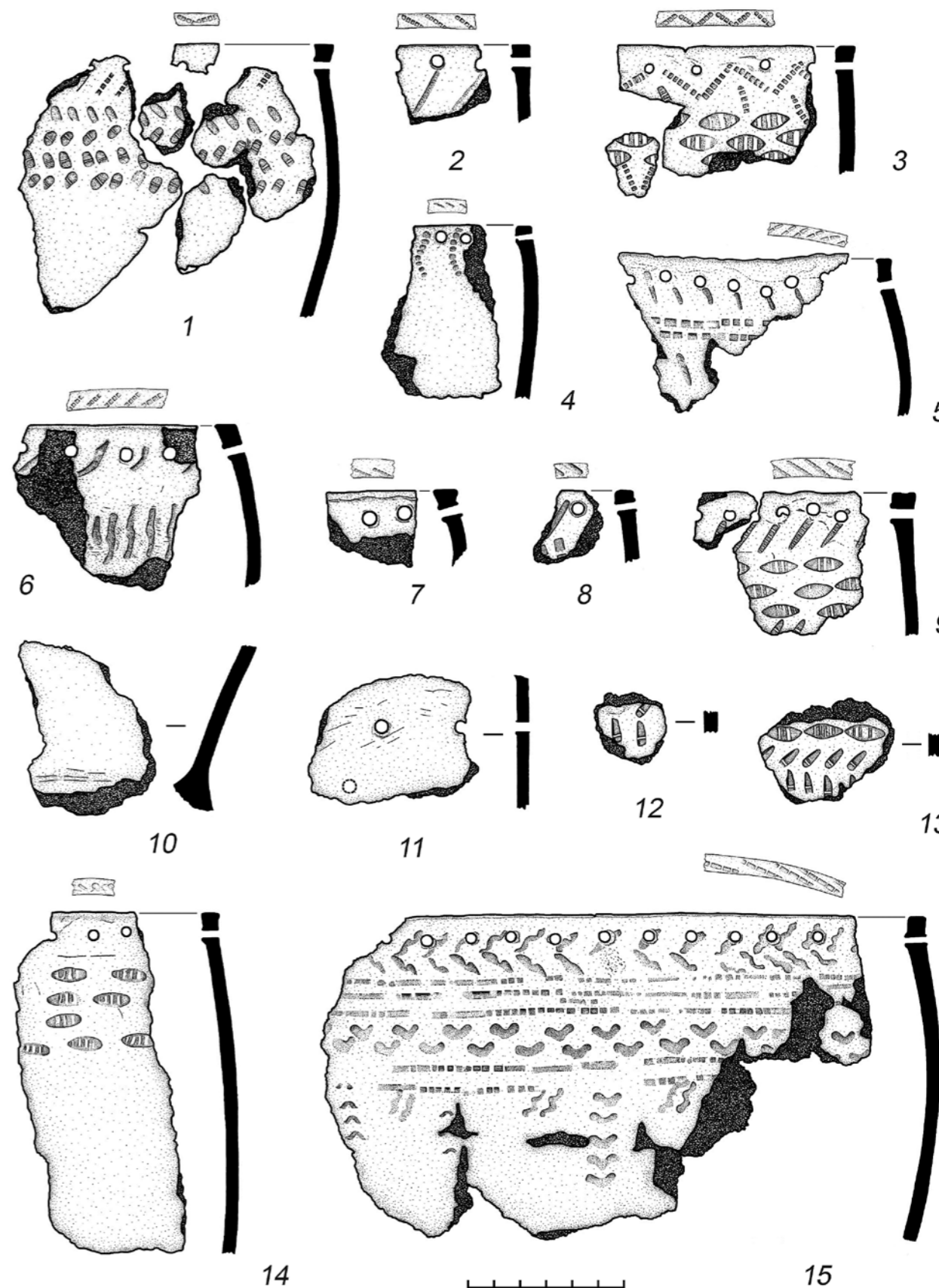
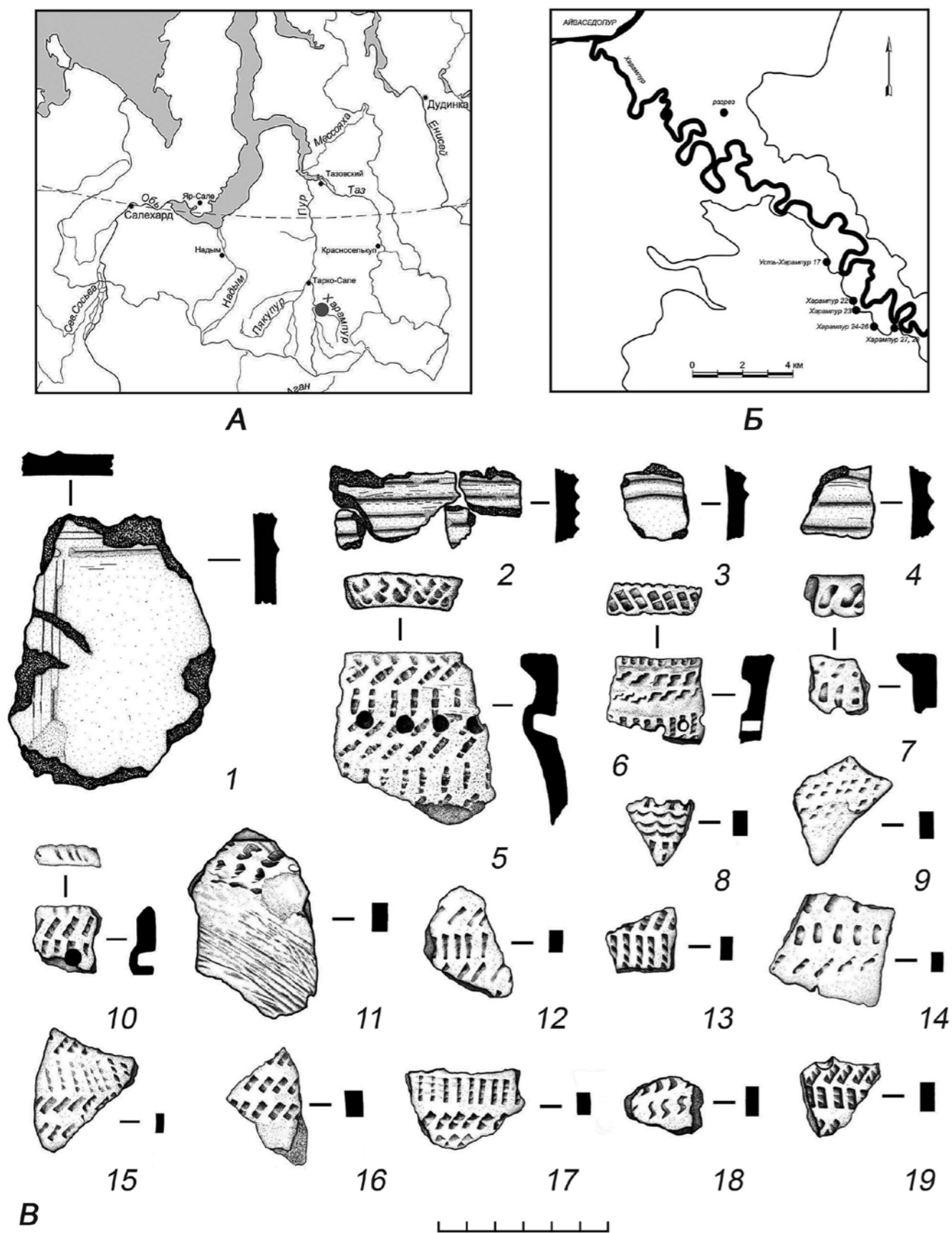

Рис. 1. Новые археологические памятники, открытые в бассейне р. Харампур:
 А – схема расположения района исследований в границах ЯНАО; Б – схема расположения памятников
 Усть-Харампур 17 и Харампур 22-28, а также разреза в низовьях р. Харампур. В – керамика рёлкинского этапа
 нижнеобской культуры. 1–4 – поселение Харампур 28; 5–19 – поселение Усть-Харампур 17

Рис. 2. Поселение Харампур 28. Керамика белоярской культуры

А. В. Плеханов
г. Салехард
ГКУ ЯНАО НЦИА

ЯМАЛЬСКАЯ АРКТИКА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПАМЯТНИКИ В ЗОНЕ ТИПИЧНОЙ ТУНДРЫ

На полуострове Ямал к настоящему времени исследованы три археологических микрорайона с высокой концентрацией памятников археологии. Одиннадцать объектов в разных микрорайонах подверглись стационарным раскопкам. Разведочные обследования, несмотря на то, что закладывались лишь небольшие шурфы, а на поверхности выдувов (мест, разрушенных ветровой эрозией) только собирался подъемный материал, дали значимые результаты для изучения истории полуострова. Все исследования проводились в основном точечно, либо линейно (обследование трасс продуктопроводов и строительных зон и т. д.). Сплошного обследования территории Ямала до сих пор не проводилось.

Из одиннадцати вышеупомянутых памятников, опубликованы материалы только по поселению Тиутей-Сале 1 [Федорова, Косинцев, Фитцхью, 1998] и городищу Бухта Находка [Кардаш, 2011.]. В целом же в научной литературе по данному региону крайне мало информации. Основной вопрос, решению которого посвящена данная статья, – это определение путей миграций средневекового населения и районов распространения сезонных средневековых поселков во внутренних (типичных) тундрах полуострова Ямал в V–X вв. н. э.

Полуостров Ямал делится на две климатические подзоны: арктическую, субарктическую.

Субарктическая подзона (рис. 1 – II, III), занимает центральную (типичная тундра) и южную части Ямальского полуострова, спускаясь к Северному полярному кругу. Климат здесь континентальный, осадки в виде дождей, лето – до 68 дней. Абсолютный максимум температуры наблюдается в июле: от +26° до +30°С. Однако летом возможны и отрицательные температуры, особенно в июне и августе. В конце сентября – начале октября повсеместно происходит переход к отрицательным температурам. В середине октября преобладают морозные дни, и выпадает снег. Относительная влажность воздуха велика и составляет зимой 82–88%, летом – 88–91%.

Рельеф двух типов: горный и равнинный. Равнинная часть почти на 90% находится в пределах высот до 100 м над уровнем моря; отсюда здесь встречается множество озер и болот. Поверхность рассматриваемой территории, особенно прибрежных террас, расчленена густой сетью оврагов, логов, ложбин и мелких речных долин. Поймы рек иногда достигают десятков километров ширины и нередко представляют собой песчаные равнины, незакрепленные растительностью. Многие поймы сильно заболочены и изрезаны многочисленными старицами и протоками.

Растительность водораздельных сообществ, представлена кустарничково-лишайниково-моховой тундрой (на буграх) в сочетании с осоково-сфагновой с ивой и ерником заболоченной тундрой (между буграми) [Природа Ямала..., 1995]. Согласно данных Атласа ЯНАО [Атлас..., 2004] здесь сосредоточены летние кустарничково-осоково-моховые и весенне-осенние кустарничково-моховые олени пастбища.

Реки. На территории полуострова много рек: свыше 200. Большинство их относится к равнинному типу – с медленным течением, широкими поймами, избытком протоков, стариц и русловых озер. Питание рек преимущественно снеговое, отчасти дождевое и болотно-грунтовое. Ледостав рек на Ямале продолжается до семи–восьми месяцев в году. Большинство мелких рек и озер промерзают до дна. Вскрытие рек происходит в первой половине мая на юге и в начале июня – на севере. Половодье растянуто из-за сильной заболоченности территории. Все реки Ямала текут в меридиональном направлении, что, в свою очередь, скорее затрудняло, чем способствовало освоению территорий полуострова в древности.

Озера и болота. Наличие озер можно смело назвать одной из характерных черт ландшафта п-ова Ямал: здесь их десятки тысяч. Особенно много озер в центральной части полуострова, по долинам рек. Большинство озер мелкие: в среднем их глубина составляет 1–2 м, иногда – 3 м.

Почвы, развитые на песчаных отложениях, наибольшую площадь занимают на придолинных гривах, сложенных песками и супесями. Тем не менее, они достаточно часто встречаются и на грядах водоразделов. Песчаные почвы оттаивают быстрее и на большую глубину. В дренированных песках мерзлота зачастую не образует водоупора, поэтому почвы на песках хорошо дренируются [Природа Ямала..., 1995. С. 104, 116]. Именно на песчаных почвах, согласно этим закономерностям, в большинстве случаев встречаются следы обитания людей.

Животный мир. Структура фаунистического комплекса млекопитающих на Ямале представлена тремя четко очерченными экологическими группами. Важную роль в них играют песец, северный олень, сибирский и копытный лемминги и полевка Миддендорфа. Очень важная по своему значению в функционировании

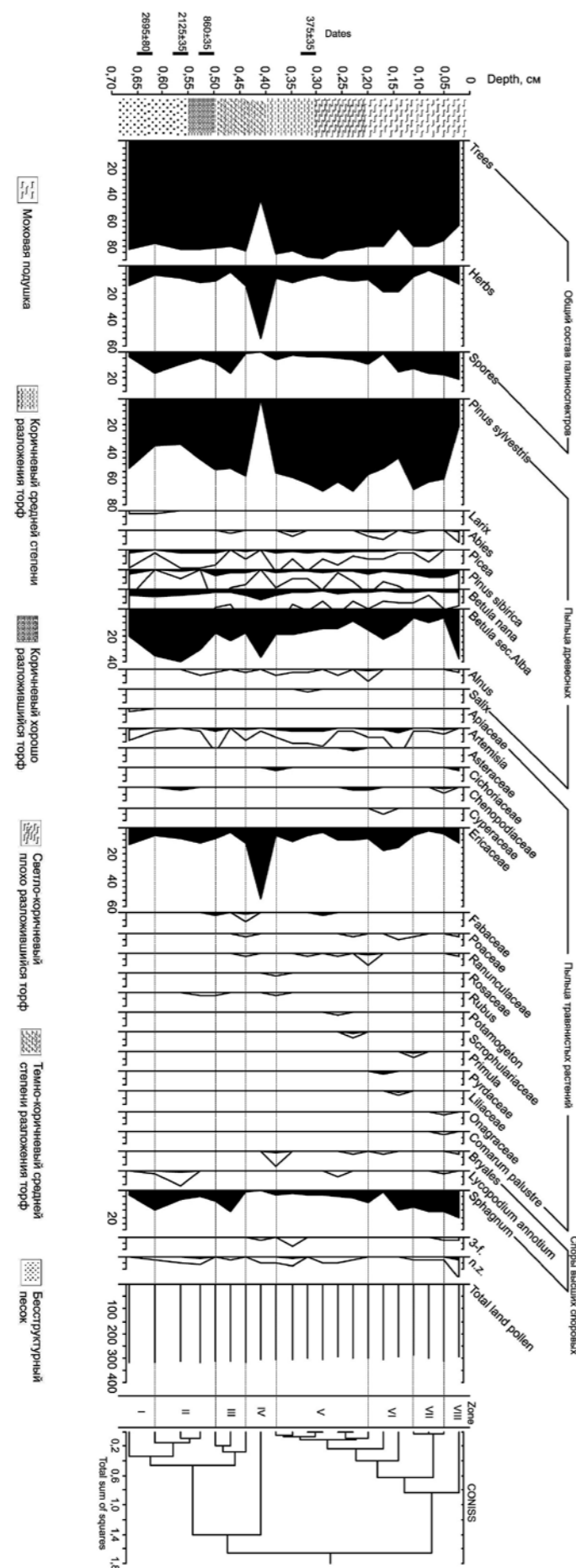

Рис. 3. Стоporo-пыльцевая диаграмма разреза в низовьях р. Харампур

тундровых экосистем группа млекопитающих представлена видами с крайне широким распространением, встречающимися в нескольких ландшафтных зонах: лисица, волк, горностаи, ласка и некоторые другие [Там же. С. 226].

Почти все виды рыб, обитающие в акватории Обской губы, относятся к промысловым. Из постоянных обитателей губы можно отметить ряпушку новопортовского стада, корюшку, девятииглую колюшку. В южной и средней частях губы зимуют такие важные промысловые виды, как осетр и муксун. В крупных озерах различных зон Ямала водится ряпушка, чир, пелядь, пыжьян, голец, щука, налим, хариус [Там же. С. 302, 310].

Природно-географические особенности полуострова Ямал в полной мере обусловили условия быта и хозяйственной деятельности местного населения.

Коренное население Ямала – ненцы, относящиеся к самодийской языковой семье. Вся гидронимия районов – ненецкая. Гидронимы на -яха (река), -се (ручей) и -то (озеро). Плотность населения менее 1 человека на 10 кв. км [Атлас..., 2004]. Исключение составляет вахтовый поселок Бованенково, население которого, в основном, пришлое.

На сегодняшний день хозяйственный комплекс коренного населения полуострова представлен тремя типами: арктический – ненцы, базирующиеся на промысле дикого оленя. Тундровый тип – ненцы и частично ханты, с яркой оленеводческо-промысловой доминантой. Южно-тундровый тип – ненцы и ханты, с ведущей ролью рыболовства и промысла водоплавающих птиц [Головнев, 1993].

В подзоне арктической тундры на северо-западе полуострова Ямал в 1995 г. был обследован *тиутейский археологический микрорайон*, состоящий из четырех памятников: поселений Тиутей-Сале 1, 2, 3 и остатков святилища Тиутей-Сале 4. Последнее действовало, во всяком случае, с конца XIX в., если не раньше. Все поселения относятся к эпохе средневековья. Первый памятник – «стоянка сихиртя» – расположен на мысу Тиутей (Моржовый) и был открыт в 1928 г. В. П. Евладовым. В 1929 г. данный район обследовал В. Н. Чернецов. Он обнаружил поселения Тиутей-Сале 1 и 3, а также частично раскопал первое из них [Чернецов, 1935]. Новое обследование района было проведено в 1994–1995 гг. и было выполнено в рамках российско-американской программы «Живой Ямал» («Living Yamal»). Кроме того, в 1995 г. было раскопано поселение Тиутей-Сале 1 и заложен небольшой разведочный раскоп на поселении Тиутей-Сале 3. На поселении Тиутей-Сале 1 были вскрыты остатки трех жилых сооружений наземного типа и открытой производственной площадки [Федорова, Косинцев, Фитцхью, 1998]. В результате проведенных исследований сделаны выводы о том, что памятник содержит остатки, как минимум, трех периодов обитания, или, вернее, посещения, так как поселение представляло собой летнее стойбище. Первый период был датирован концом V – VII в. н. э., второй – XII–XIV вв. н. э. Наконец, на данном памятнике были зафиксированы слои посещения конца XIX – начала XX в. [Там же. С. 66]. Основу жизнеобеспечения жителей поселения во все периоды составлял северный олень (дикий или домашний) при значительном промысле водоплавающей птицы, добыче белого медведя и моржа.

Одним из главных выводов было признание факта отсутствия на Ямале поселений прибрежных охотников на морского зверя, на чем настаивали предшествующие исследователи.

В подзоне типичной тундры на значительном удалении от побережья выявлены и исследованы два археологических микрорайона. Оба они получили статус микрорайонов условно, так как дальнейшие исследования могут выявить, возможно, более плотное заселение территорий на всем протяжении рек в древности.

Яртенский микрорайон был обнаружен в 1989 году экспедицией Тобольского педагогического института под руководством А. В. Головнева. Этот микрорайон расположен в подзоне южной тундры. Представляет собой группу археологических памятников, находящихся на южном берегу системы озер Яратато (Ярте), расположенных на левобережной террасе р. Юрибей.

Детальному обследованию Яртенский микрорайон был подвергнут в 1995 и 1996 гг. Входящие в него памятники датируются широким хронологическим диапазоном: возможно, от мезолита (стоянка Юрибей I) до средневековья (городище Ярте 6 – самый конец XI – начало XII в. н. э.). Эта территория и сейчас активно используется местным населением для проживания в весенне-летний период. В 2006 г. разведочный отряд НПО «Северная археология» проводил работы вдоль берегов Юрибея, сравнительно недалеко от Яртенского микрорайона.

Раскопом исследован только один памятник – городище Ярте 6, расположенное на высоком мысу коренной террасы р. Юрибей. За два года работ на городище, было выявлено несколько периодов его заселения. Дендрохронологические даты показали, что в целом памятник был обитаем довольно короткое время – с 1071 по 1106 гг., то есть около 30–40 лет [История Ямала... Т. 1, 2010. С. 61].

Археологический микрорайон Бованенково выявлен в ходе разведочного обследования трассы строящейся автодороги Харасавей – Бованенково, проведенного в 2004 г. На высоких останцах в пойме р. Нгури-Яхи, в которой находится несколько озер, а также протекают богатые рыбой ручьи, было найдено семь временных стоянок: Нгури-Яха 1–7, датированных от VI до IX вв. н. э. В этих же местах зафиксированы

следы современных ненецких стоянок. Очевидно, что все обнаруженные памятники являются остатками временных летних поселений оленеводов или охотников на оленя [Там же].

Археологические памятники в бассейне р. Юнета-Яха обнаружены и частично исследованы в ходе разведочных работ в зоне обустройства Бованенковского газоконденсатного месторождения в 2004–2008 гг. Всего там зафиксировано 14 памятников археологии. Все они представляют собой стоянки эпохи средневековья, на некоторых зафиксированы следы двух периодов обитания: VI–VIII вв. и начала II тыс. Необходимо отметить, что на многих памятниках и вне их – на обследованных участках террасы и пойменных останцов – были обнаружены следы современных стоянок с остатками рыболовных орудий и другого инвентаря [Там же].

Два памятника – Юнета-Яха 1 и 3 – были раскопаны. Датировка обеих стоянок, судя по керамике, определяется в пределах V/VI – VIII вв. [Федорова, 2006; Гриценко, 2012]

Довольно компактное скопление памятников было выявлено в бассейне р. Сеяхи. Здесь были обследованы поселения Мутная 1–5. Предварительно они датируются V/VI – VIII/IX вв. и представляют собой временные летние стоянки охотников на оленей или оленеводов [Визгалов, 2006; Федорова, 2008; Гриценко, 2012].

Всего же на территории микрорайона Бованенково (рис. 1) было выявлено около 30-ти памятников археологии, на семи из которых были проведены раскопки.

Встречаются «безкерамические» стоянки, на которых обнаружены фрагменты медных котлов. Но датировать их можно весьма условно: началом – серединой II тыс. н. э. или даже позже.

Полученные материалы – изделия из камня, кости и металла – имеют или очень широкую датировку, либо представляют собой малоинформативные и плохо сохранившиеся изделия.

Каменный инвентарь представлен несколькими десятками скребков и одним пестом. К изделиям из кости относятся рукояти ножей, вертлюги, обломки скребков; имеется также одна бусина. [Федорова, 2006; Гриценко, 2012.; Визгалов, 2007] Все эти предметы используются на всей территории Ямала и по сей день. Изделия из металлов, также как и предметы из кости, малоинформативные: это коррозированные железные ножи, иглы, крючки, пластинки бронзовых котлов, сплески цветного металла.

Остеологический материал, полученный при раскопках памятников, показывает абсолютное преобладание костей северного оленя (до 95%) в сочетании с костями водоплавающих птиц [Гриценко, 2012].

Керамический материал также не отличается массовостью. Большая часть керамики представлена обломками неорнаментированных стенок сосудов, меньшая – фрагментами орнаментированных шеек с венчиками. Археологически целых форм, судя по отчетам, еще так и не удалось собрать.

Керамика представлена двумя типами. Типология выполнена на основе материала, собранного в ходе раскопок 2011 г на стоянках Мутная 5 и Юнета-Яха 13 (ввиду их большей репрезентативности).

Первый тип керамики (рис. 2; 4). Сосуды с хорошо выраженной шейкой. Характерной чертой этой посуды является заметное утолщение по верху шейки. Венчик (верхний срез сосуда и шейки) – прямой, орнаментирован пояском косо поставленных оттисков короткой гребенки. Поясок ямок на шейке под венчиком наносился не всегда, что является оригинальной чертой данного типа. На некоторых сосудах фиксируется сильный нагар на внешней стороне. Орнамент состоит из чередующихся зон, заполненных оттисками гребенчатого и фигурных штампов. Узоры довольно стандартные: горизонтальные пояски косых или вертикальных оттисков гребенки; горизонтальные пояски-разделители, выполненные также гребенчатым штампом; пояски, заполненные оттисками ромбического штампа, поставленными в шахматном порядке; оттиски штампа, напоминающего след оленя, образующие вертикальные фестоны, спускающиеся на плечики сосуда.

По-видимому, к этому же типу керамики относятся фрагменты невысоких поддонов, орнаментированных вертикально поставленными оттисками гребенчатого штампа.

Второй тип керамики (рис. 3). Данная группа посуды представлена небольшим количеством фрагментов сосудов с отчетливо выраженной шейкой. Шейка прямая. По ее верхнему срезу – венчику – нанесен орнамент в виде пояска косо поставленных оттисков гребенчатого штампа. Под венчиком на шейке размещается поясок глубоких круглых ямок, оставивших на обратной стороне шейки невысокие жемчужины. Орнамент выполнен в основном гребенчатым штампом. Им нанесены горизонтальные линии, зигзаги и пояски из частых вертикальных оттисков; встречаются также прочерченные горизонтальные желобки [Там же].

Большей частью сосуды круглодонные, иногда встречаются емкости с поддонами. Последние украшены вертикально поставленными оттисками гребенчатого штампа или не орнаментированы совсем. Как правило, шейки сосудов ярко выражены и хорошо профилированы. Тем не менее, встречаются и сосуды баночной формы, а также невысокие чашеобразные сосуды. Размеры емкостей разнообразные: диаметром от 5 до 30 см.

Аналогии данным типам керамики известны на других памятниках полуострова Ямал. В том числе на поселении Тиутей-Сале 1 (ранний комплекс V–VII вв.) [Федорова, Косинцев, Фитцхью, 1998], в Бухте Находка [Лащук, Хлобыстин, 1986], Нгури-яха. Такая же посуда встречается на поселениях мыс Входной и

Карпова Губа [Каган, Питулько, 1993. С. 104–105], расположенных на востоке Большеземельской тундры и на острове Вайгач, а также на поселении Малая Хадыга VI на юге полуострова Ямал [Там же. С. 106]. Известна керамика тиутейсалинского типа на оз. Мурымалто [Матвеев, Зах, 1994. С. 29], на памятниках р. Юрибей [Брусницына, Ощепков, 2000. С. 108–109] и археологического микрорайона Найтосе [Брусницына, 2001. С. 30–35].

Радиоуглеродные даты и археологическая хронология позволяют отнести комплексы подобного типа к интервалу от V до VIII вв. [Федорова, Косинцев, Фитцхью, 1998. С. 66]. Даты, которые дает лаборатория ИИМК (ранее – ЛОИА) для поселений мыс Входной и Карпова Губа, колеблются в пределах VIII–IX вв. Стоянка Малая Хадыга VI, по данным этой же лаборатории, датируется IX в. [Гриценко, 2012. С. 103–106].

По-видимому, комплексы, которые исследователи объединяют под именем тиутейсалинских, на самом деле состоят из двух групп. При этом одна из них, более похожая на керамику поселения мыс Входной и Карпова Губа, а также стоянки Малая Хадыга VI, является немного более поздней. По данным Радиоуглеродной лаборатории ИИМК (ранее – ЛОИА) может датироваться VIII–IX вв.

Исследователями неоднократно отмечали факт совпадения территорий древних стоянок с поселениями и местами стойбищ современного кочевого населения ЯНАО. «По данным комитета о распределении земельных ресурсов администрации Ямалского района Ямало-Ненецкого Автономного Округа, район освоения Бованенковского газоконденсатного месторождения активно используется в хозяйственном цикле коренного населения Ямалского полуострова – ненцев. Так как здесь проходят пути кочевий четырех оленеводческих бригад Муниципального оленеводческого предприятия «Ярсалинское», которые пересекают район в низовьях р. Надуйяхи и ее притоков рр. Нгурри-яхи и Юнета-яхи.

4-ая, 5-ая, 6-ая и 8-ая бригады, касая на север, выходят в этот район в конце июня – начале июля. Затем бригады уходят со стадами далее на север, оставляя в этом районе, на озерах в низовьях р. Нгури-яхи, часть чумов с женщинами и детьми. На обратном пути бригады выходят в этот район в период конца 10-х чисел августа, середины 20-х чисел августа, конца августа, начала сентября. Кроме того, в рассматриваемом районе кочуют отдельные частные хозяйства, имеющие многопрофильную направленность хозяйственного цикла, спецификой которого является сезонный зверобойный промысел на побережье Карского моря. В отличие от совхозных бригад, представляющих хозяйственный тип крупностадного оленеводства и зимующих в южных районах полуострова Ямал и в надымской тундре, частники–промысловики имеют не столь большие по размерам стада оленей и зимуют в районе низовий рр. Надуйяхи и Мордыяхи» [Федорова, 2006. С. 25–26].

Основная часть археологических стоянок и поселений расположена на останцах, привязанных к озерам. Озера эти по сегодняшний день большей частью рыбные. В разы меньше стоянок находятся на мысах, тем более, в глубине речных террас. Именно останцы, в силу своего песчаного состава и как следствие лучшей дренируемости почвы, были привлекательны для проживания, как в древности, так и в настоящее время. Современное кочующее население полуострова при установке своих жилищ, через разные промежутки времени, вынуждено, со слов Н. В. Федоровой, перемещать их на различные расстояния внутри самого стойбища. Это обусловлено проступанием воды внутри жилищ на поверхности пола. «Обычно стойбище остается на одном месте не более полумесяца (зимой), недели (летом), двух–трех дней (весной и осенью)» [Головнев, 2004. С. 39]. Видимо, поэтому насыщенность материалом культурного слоя на памятниках, как правило, минимальна. Этому также способствует сама минимизация культуры кочевого населения Ямала.

Исходя из представленного материала, мы можем сделать следующие выводы.

1. Места расположения археологических памятников примерно совпадают с современными маршрутами кочевий и расположением стоянок.
2. Как те, так и другие, приурочены к высоким песчаным останцам коренной террасы, зависят от наличия в пойме озер и богатых рыбой ручьев.
3. Аналогии археологическому материалу можно найти на памятниках полуострова Ямал и Большеземельской тундры.
4. Несмотря на малоизученность Ямала, можно констатировать, что все обнаруженные к северу от р. Юрибей археологические памятники относятся только к эпохе средневековья и датируются не ранее V в. н. э.
5. Они представляют собой летние поселения, кратковременные стоянки оленеводов на маршрутах перекочевки с юга на север и обратно.

Источники и литература

Брусницына А. Г. Отчет об археологических исследованиях в г. Салехарде и в Ямалском районе Ямало-Ненецкого автономного округа летом 2000 г. Салехард, 2001.

Брусницына А. Г., Ощепков К. А. Памятники археологии среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // ДЯ. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000.

Визгалов Г. П. Отчет о НИР по результатам охранных археологических работ (разведок) на земельных участках, проектируемых под строительство объектов обустройства Бованенковского газоконденсатного месторождения в Ямалском районе ЯНАО, проведенных летом 2005 г. Нефтеюганск, 2006. Архив ООО «НПО «Северная Археология–1».

Визгалов Г. П. Отчет о НИР: Аварийные раскопки стоянки Юнды-яха 1 на территории Ямалского района ЯНАО летом 2006 г. Нефтеюганск, 2007. Архив ООО «НПО «Северная Археология–1».

Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.

Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.

Гриценко В. Н. Отчет о НИР: Историко-культурная экспертиза территории объектов, входящих в состав стройки «Обустройство сеноман-аптических залежей Бованенковского НГКМ» на территории Ямалского района ЯНАО. Надым, 2012.

История Ямала в 2х т. Т. 1. Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург, 2010.

Каган М. М., Питулько В. В. Этнокультурные процессы I тыс. н. э. в Трансуральском Заполярье // Ad Polus. СПб., 1993.

Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2011.

Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 185. М., 1986.

Матвеев А. В., Зах В. А. Памятники древних и средневековых культур Ямала. Тюмень, 1994.

Природа Ямала. Екатеринбург, 1995.

Федорова Н. В. Отчет о НИР: Раскопки стоянки Юнета-яха I на территории Бованенковского газоконденсатного месторождения в Ямалском районе ЯНАО, летом 2006 г. Салехард, 2006.

Федорова Н. В., 2006. Отчет о НИР: Историко-культурное обследование объектов землеустройства ООО «Надымгазпром» Бованенковского и Харасавейского газоконденсатных месторождений в Ямалском районе ЯНАО летом 2006 г.». Салехард, 2006.

Федорова Н. В. Отчет о натурном обследовании по историко-культурной экспертизе территории, отводимой под размещение объектов в составе строек на территории Ямалского района ЯНАО. Салехард, 2008.

Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фитцхью В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий Северо-Западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998.

Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. № 4–5. М, 1935.

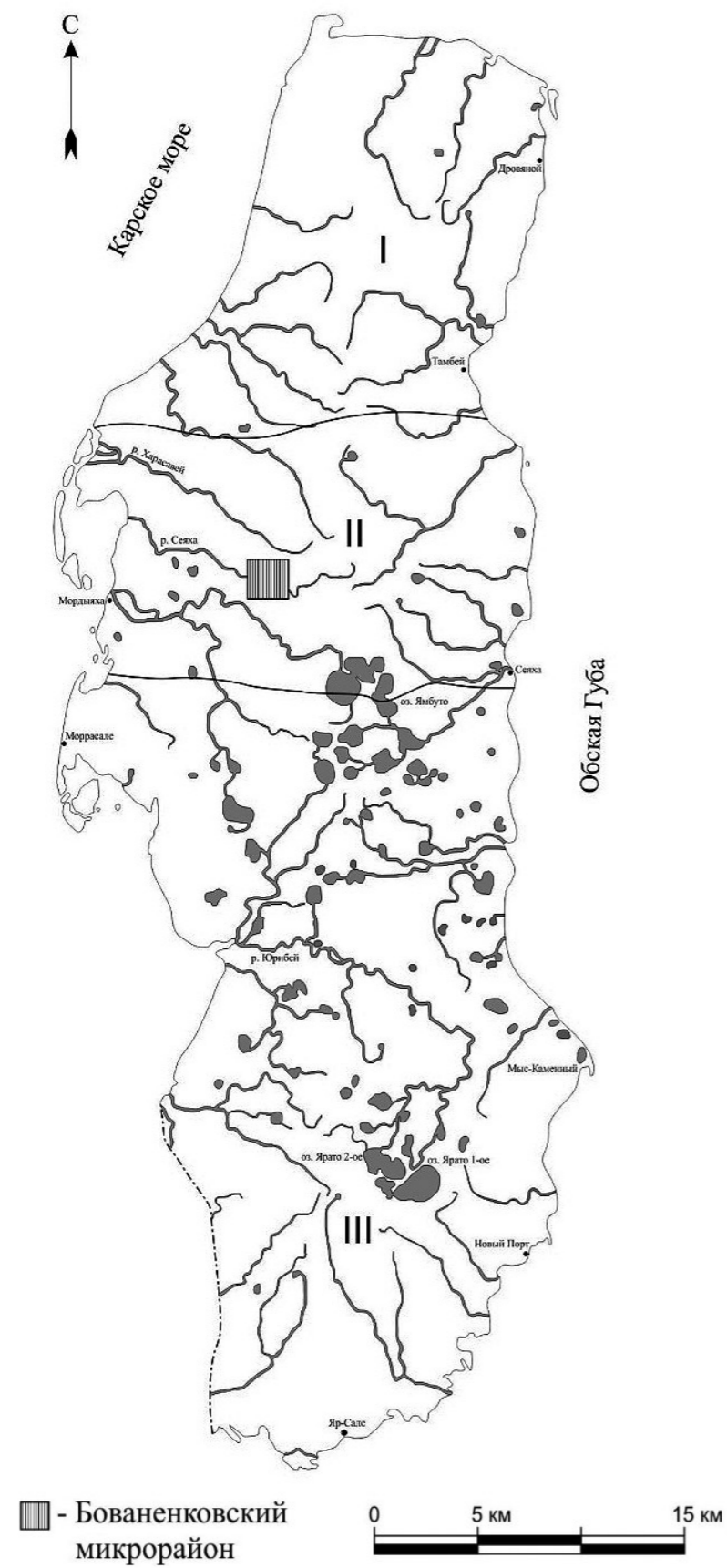

Рис. 1. Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Местонахождение Бованенковского микрорайона: I – зона тундры, подзона арктических тундр; II – зона тундры, подзона субарктических тундр (полоса типичных северных субарктических тундр); III – зона тундры, подзона субарктических тундр (полоса южных кустарниковых субарктических тундр)

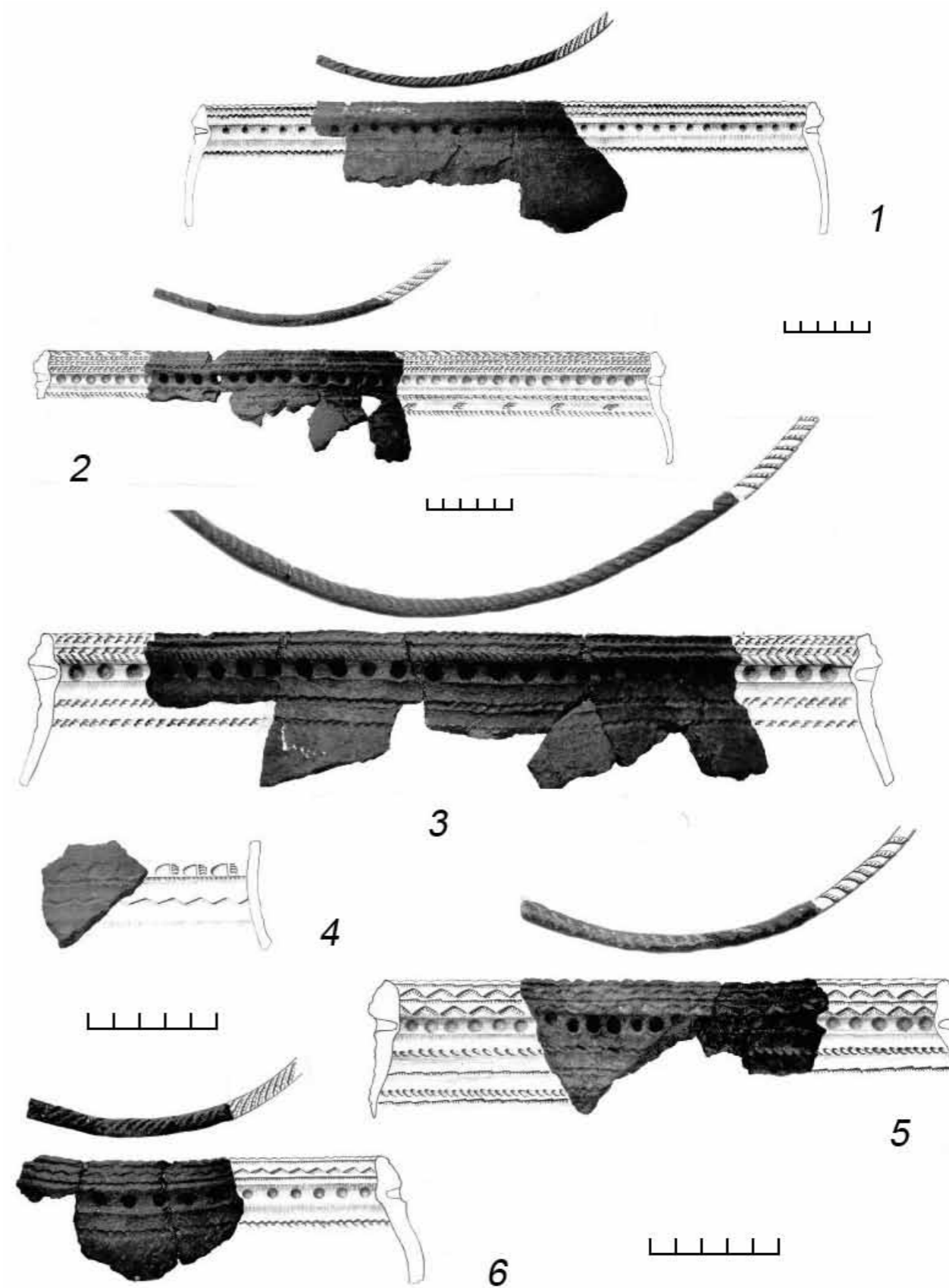

Рис. 2. Стоянка Мутная 5. Раскоп 2. Керамика первого типа: 1, 2 – уч. Н/12 (ур. -3,69 м); 3 – уч. П/42 (ур. -3,68 м); 4 – уч. М/11 (ур. -3,75 м); 5, 6 – уч. Н/12 (ур. -3,78, -3,58 м)

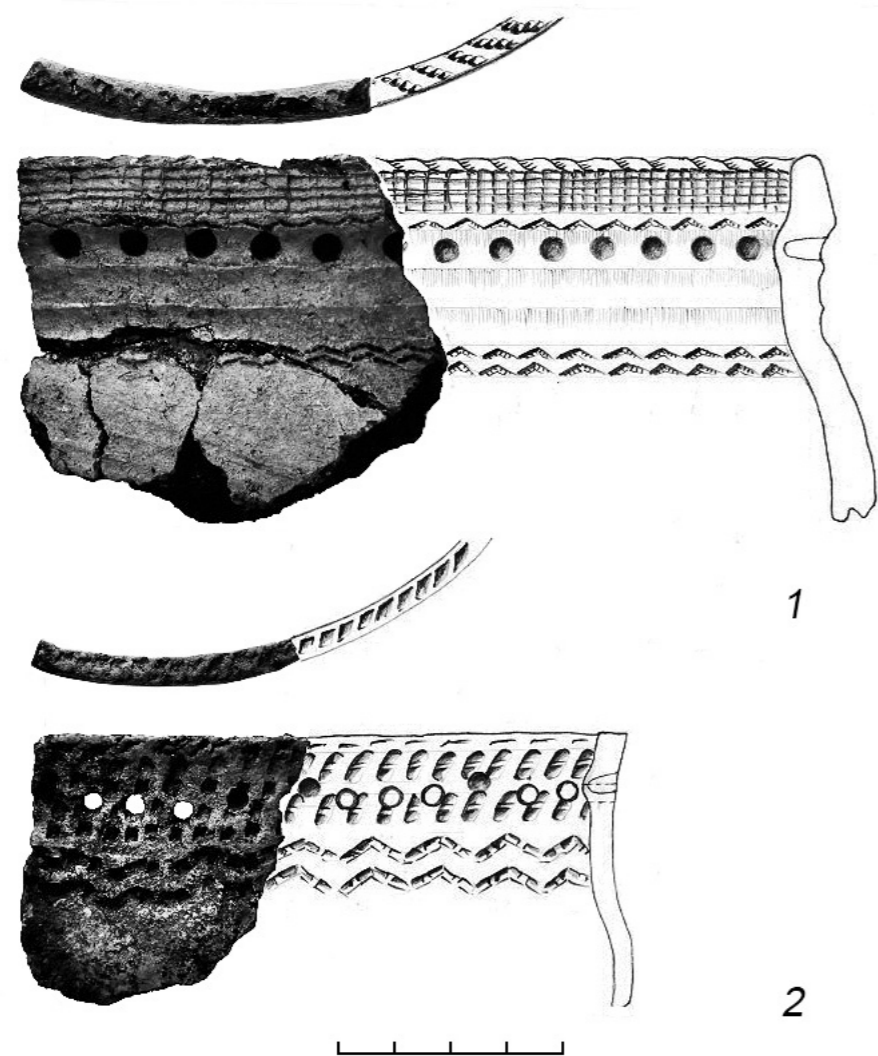

Рис. 3. Стоянка Юнега-Яха 13. Керамика второго типа:
1 – сектор 3, уч. И/15 (ур. +82 см); 2 – сектор 3, уч. И/15 (ур. -75 см)

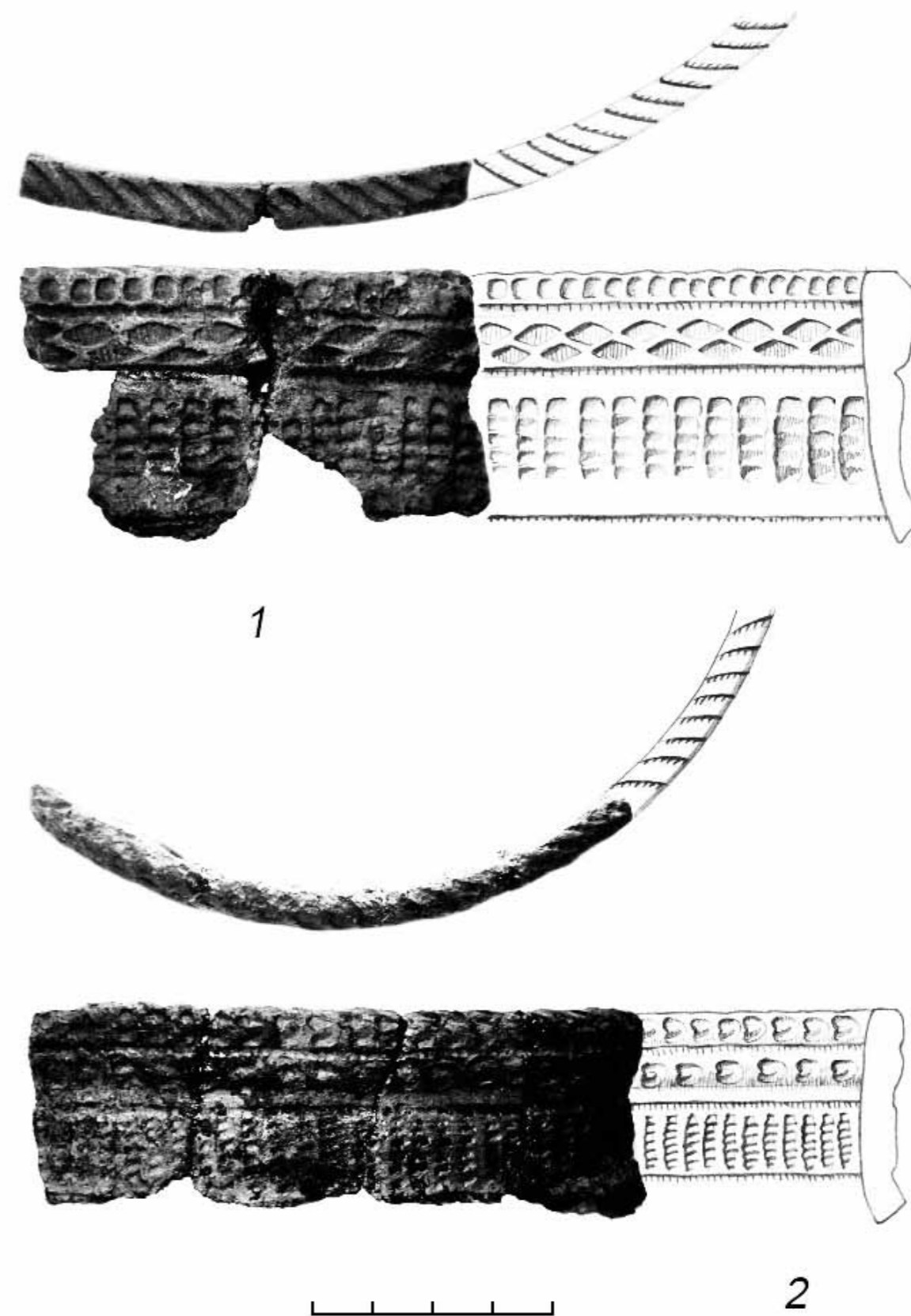

Рис. 4. Стоянка Юнега-Яха 13. Керамика первого типа: 1 – сектор 3, уч. Ж/16 (ур.+74 см);
2 – сектор 1, уч. И/16 (ур. -72 см)

Ю. Б. Сериков
г. Нижний Тагил
НТГСПА

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС В ГОРНО-ТАЕЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Среди пещерных святилищ Среднего и Северного Урала, ареал распространения которых сопоставляется с территорией проживания манси, самый крупный средневековый комплекс представлен в пещере Туристов. В этом плане он представляет определенный интерес, поскольку на равнинной части расселения манси пещерные святилища просто отсутствуют.

Памятник находится на левом берегу р. Чусовой, в 17 км с. Усть-Утка (Пригородный р-н Свердловской обл.). Пещера располагается на высоте 30–35 м над уровнем воды. Под ней находится так называемый «конус выноса» мощностью до 12 м. Пещера практически полностью исследована Н. А. Прокошевым в 1932–1933 гг. [Прокошев, 1935. С. 185–186].

Автором доклада в течение 10 лет исследовался конус выноса под пещерой. В результате просеивания грунта получена коллекция находок в 11,5 тыс. экз. Материалы палеолита – раннего железного века в пещере единичны. Основная масса артефактов относится к позднему железному веку и средневековью [Сериков, 2009. С. 39–67].

Керамический комплекс. Эпоха средневековья представлена материалами двух культур: ломоватовской и петрогромской. Ломоватовская культура бытовала на территории Верхнего Прикамья в V–IX вв. Найдены фрагменты 13 сосудов ломоватовского типа. Они украшены шнуровым орнаментом в сочетании с гребенкой и наколами. Ломоватовской культуре на восточном склоне Урала хронологически соответствовала петрогромская, которая датируется VI–IX/X вв. В коллекции присутствуют фрагменты минимум от 330 петрогромских сосудов. Сосуды этого типа имеют высокую и прямую шейку, слегка отогнутый наружу венчик. Край венчика всегда плоский и широкий – за счет карнизика с внутренней, а иногда – с внешней стороны. Часто он орнаментирован шнуром и гребенкой. Венчик, шейка и плечико сосудов украшены шнуром в сочетании с гребенкой и наколами. Некоторые емкости орнаментированы только гребенчатым штампом. Среди гребенчатых узоров преобладают горизонтальные пояса из зигзагов или вертикальные ряды из горизонтальных отпечатков гребенки. В тесте петрогромских сосудов присутствует значительная примесь гальки или песка, иногда – толченого кварца, слюды и раковины.

Из глиняных изделий можно отметить пять пряслиц, шпатель из обломка стенки сосуда, шарик неправильной формы, две нашивки из фрагментов керамики и три бусины. Две бусины имеют округлую форму диаметром 1,0 и 1,5 см; у третьей бусины – неправильная грушевидная форма. Отверстия бусин проткнуты палочкой по сырой глине.

Коллекция каменных изделий включает нуклевидные куски, скребки, кресальные кремни, сланцевые плитки и изделия из них, отщепы и предметы индивидуального характера.

Свыше 20 плиток использовались для заточки металлических инструментов. Также из плиток, путем их оббивки по периметру изготовлены каменные диски крупного размера (10 экз.). Самый крупный из них (10,6×5,3 см) выполнен из плитки пиррофиллитового сланца толщиной 0,5 см. Боковые поверхности диска отшлифованы и заглажены. На его боковых краях присутствуют четкие линейные следы использования, характерные для скребка по коже. Учитывая большие размеры изделия, можно предположить, что оно использовалось в качестве тупика для волососгонки. Крупными размерами отличаются и ножи из плиток (11 экз.). Их длина колеблется от 9 до 14 см. Обычно они имеют дугообразное лезвие, образованное двусторонней оббивкой, а также упор для указательного пальца. Из толстых плиток изготовлены и рубящие орудия (6 экз.).

Большой интерес вызывают так называемые «карандаши» – кусочки железной руды для получения красящего вещества (3 экз.). Все они выполнены из магнетита. Для получения краски могли служить и 4 кусочка рыхлого лимонита – бурого железняка. Под пещерой найдено 6 кусочков охры темных и светлых оттенков красного цвета. На одном из них (светло-коричневого цвета) сточена боковая поверхность.

Представляет интерес чашевидный натек пещерного кальцита длиной 14,5 см и шириной до 7 см. Он мог использоваться в качестве своеобразного культового сосуда. Подобный сосуд из изогнутого скола сталактита, служивший жировой лампой, найден в Каповой пещере.

Оригинальной находкой являются 3 фрагмента плитки кварцита. Их поверхность с двух сторон покрыта слюдой золотистого цвета. Видимо, цвет плитки и эффект его «переливов» и стали причиной ее появления в святилище.

Использование цвета в культовой практике местного населения проявилось еще в одном изделии. Оно изготовлено из золотистого халькопирита. Это первая находка халькопиритового изделия на территории Урала. Оно сильно фрагментировано. Сохранившийся обломок имеет размеры 3,2×3,0×2,7 см. Первоначальную его форму установить сложно. Возможно, это была усеченная пирамида. Сохранилась центральная площадка с прорезанными на ней тремя параллельными канавками. От этой площадки под тупым углом отходят три шлифованных плоскости, на месте четвертой присутствует слом. Изделие имеет следы пребывания в огне. Его функциональное назначение остается неизвестным.

Также интересна бусина, изготовленная из гальки горного хрусталя. Галька имеет неправильную овальную форму диаметром 1,4–2,2 см. В камне просверлено цилиндрическое отверстие длиной 1,4 см и диаметром чуть более 1 мм. Подобные бусы известны в ломоватовской культуре Прикамья.

Кроме этого, в пещере Туристов найдено 469 целых и расколотых галек. Мелких галек, длиной до 3,5 см, в коллекции 58 экз. Более крупных – 67 экз. Среди колотых галек (305 экз.) одна – из горного хрусталя. Наибольший интерес представляют гальки зооморфной формы (39 экз.). Пять из них представлены фигурами рыб. Остальные 29 изображают головы животных. В том числе в 16-ти гальках удалось опознать голову лося, в одной – медведя, в двух – змеи. Использование естественных неровностей поверхностей галек для подчеркивания каких-то характерных черт животного можно считать своеобразным приемом, который применялся древними людьми при выборе природных галечных скульптур. Еще одним приемом оформления галечной скульптуры является подчеркивание одним или несколькими сколами характерной черты животного. Чаще всего сколом показывался разрез пасти. Большой интерес представляет галька, вернее, валунчик весом 5,5 кг и размером 21,8×16,7×10,1 см. Низ гальки плоский, верхняя часть скруглена, один конец заузен. На зауженной части вдоль слоя породы двумя ударами образована щель длиной 3 см. Если смотреть на гальку спереди, то хорошо различается голова змеи, причем щель является разрезом ее пасти. Учитывая размеры скульптуры, она при исполнении ритуалов, по всей видимости, устанавливалась на какую-то подставку. Любопытна изогнутая галька длиной 6,6 см, шириной 1,8 см. Один из ее узких концов изображает приподнятую головку змеи. Сходство усиливается небольшим сколом, обозначившим разрез пасти. В двух случаях сколы подчеркивают подчелюстную выемку. Вторым сколом изображен глаз. Еще одна галька достаточно реалистично изображает головку лося с горбатым носом. Чтобы усилить сходство с головой животного, миниатюрным сколом снизу была подчеркнута отвисшая нижняя губа животного [Сериков, 2007. С. 31–32].

Металлические предметы представлены изделиями из железа, меди (бронзы), серебра и золота.

Среди железных изделий – пять ножей и семь наконечников стрел. Длина целых ножей 17 и 16,1 см. Ножи имеют уплощенную широкую спинку лезвия и прямоугольного сечения насад. Длина лезвий равна 11,7 и 10,8 см. У насада присутствует ободок для крепления рукояти. Подобные ножи хорошо известны в материалах родановской культуры Прикамья. Три наконечника стрел имеют сильно вытянутые очертания, квадратное или прямоугольное сечение. Длина изделий: 10,6, 9,7 и 9,6 см. Поперечно-лезвийный наконечник имеет долотовидную форму длиной 8,5 см. Интересен игловидный наконечник длиной 8,9 см и диаметром 0,5 см. Еще один относится к типу плоских, линзовидного сечения. У него имеется два боковых шипа и треугольный черешок.

Из цветного металла изготовлены в основном украшения. Из них наиболее интересно нагрудное или височное украшение в виде круга с волнистым краем диаметром 6,5 см. Предмет отлит в двусторонней форме и представляет собой своеобразный солярный знак. От центра круга отходит шесть раздвоенных лучей, которые ограничены еще одним кругом. Наружный круг окаймляет фигурный пояс с 18 круглыми отверстиями. Из медной проволоки изготовлена серьга или височное кольцо диаметром 2,3 см. Из медных (или бронзовых) пластин выполнены две подвески. Круглая подвеска диаметром 4 см с двух сторон имеет гладкую поверхность, а в центре – отверстие диаметром 0,8 см. Сверху у нее аккуратно приклепана петля для подвешивания. Вторая подвеска имеет прямоугольную форму с закругленным концом, на котором пробито отверстие диаметром 0,15 см. Поясная нашивка изготовлена в форме восьмерки, с обратной стороны имеет широкую петлю для крепления. У пронизки длиной 1,6 см и диаметром 0,7 см гладкая поверхность с несколькими нарезками, идущими по окружности. Медная бусина выполнена в виде колечка диаметром 1,2 см. У нее значительный (по сравнению со стеклянными) диаметр отверстия – 0,5 см.

К изделиям из серебра относится перстень с выпуклым овальным щитком. По его ободку с двух сторон нанесена косая насечка в виде елочки. Внутренний диаметр колечка – 1,8 см.

Из пещеры Туристов происходит и единственное для Тагильского Зауралья изделие из золота. Оно представляет золотую бляшку в виде личины диаметром 3 см. Бляшка очень своеобразна. Изображение лица вытеснено на бронзовой пластине, обтянутой золотым листиком. От долгого использования листик золота на выступающих местах личины (носу, щеках) протерся до бронзовой основы. По периметру бляшки выбиты неглубокие ямки. Подобные бляшки хорошо известны в комплексах так называемого «гуннского круга»

середины I тыс. н. э. [Богачев, 2008. С. 343]. Особенностью данной бляшки является выгравированное по золоту слева от лица изображение животного – волка или медведя. Подобные граффити известны на территории Прикамья. Отсюда следует, что бляшка проделала значительный путь от южных степей до западного склона Урала, а уже оттуда попала в горную часть восточного склона Урала – в пещерное святилище на р. Чусовой.

Стеклянные изделия представлены двумя бусинами из синего и зеленоватого стекла.

Большую и разнообразную серию образуют **изделия из кости и рога** – 592 экз.

Половину костяных изделий составляют наконечники стрел (134 экз.) и их обломки (166 экз.). Наиболее выразительны наконечники стрел с боковым пером и шипом (25 экз.). Длина их колеблется от 7,1 до 15,3 см. Имеется два вотивных наконечника такого же типа, длина одного из них – всего 2,8 см. Длина бокового пера у наконечников сильно варьирует: от 3,2 до 8,5 см. Сильно заостренное перо имеет сечение уплощенного ромба. Насад всегда заострен путем срезания и уплощения одного из боковых ребер. Следует отметить, что среди обломков наконечников этого типа 14 фрагментов обожжены. В коллекции имеется еще два варианта наконечников стрел с шипами. Первый вариант: боевая головка орудия имеет треугольное сечение и два боковых шипа (9 экз.). Длина таких изделий колеблется от 7,5 до 13 см. Кроме того, имеется один наконечник с шипами и отломанным насадом, длина которого – даже не целого – достигает 14,3 см. Обычно шипы располагаются симметрично по отношению друг к другу. Наконечники второго варианта имеют ромбическое сечение и два боковых шипа (6 экз.). Заметной серией представлены наконечники листовидные, плоские со слабо выраженным насадом (20 экз.). По размерам они делятся на две группы. Наконечники первой группы имеют длину 6,5–8,5 см. Насад у них обычно заострен, имеет круглое, овальное и в одном случае прямоугольное сечение. Длина наконечников второй группы составляет от 10 до 15,8 см. Изделия обработаны довольно грубо: обструганы для придания нужной формы только по боковым краям. Также ножом заострен кончик пера и оформлен насад, при этом внешняя и внутренняя поверхности кости обработкой не затронуты. Значительная группа наконечников (23 экз.) имеет треугольное сечение. Отличаются они по форме насада: слабо выраженный, хорошо выраженный, вообще не выраженный. Длина наконечников варьируется от 6 до 13,5 см. Боевая часть пера может иметь листовидную или ромбическую форму. Интересны наконечники весловидного типа (2 экз.). Их длина довольно стандартна: 9,2 и 9,5 см. Для них характерен длинный насад, составляющий половину длины изделия. Нестандартными являются наконечники с асимметричным острием и насадом (4 экз.). Целый экземпляр имеет длину 18,6 см. Примерно посередине изделия находится утолщение, от которого в одну сторону идет боевая часть, а в другую – насад. Толщина наконечника – 1 см. Остальные экземпляры этого типа представлены обломками. Имеется наконечник длиной 14,8 см, у которого асимметричным является только острие, но техника изготовления его такая же. Выделяются предметы индивидуальных типов. Большой серией представлены вотивные наконечники стрел (43 экз.). Их длина колеблется от 2,6 до 5,1 см. В этой серии присутствуют наконечники стрел разных типов – треугольного сечения, прямоугольного, ромбического, овального. Все они тщательно обработаны, за исключением двух, небрежно сделанных. Наконечники имеют вытянутые узкие очертания – от 0,4 до 1 см. Обычно их ширина составляет 0,5–0,8 см.

Следующая по численности категория костяных изделий – это остря (48 экз.). К первому типу относятся массивные, небрежно обработанные орудия из расколотых трубчатых костей копытных животных (22 экз.). Чаще всего у них несколькими срезами оформлен только кончик остря. Лишь в трех случаях заострены оба конца. Длина целых экземпляров достигает 19,4 см, обычная их длина колеблется от 8,5 до 15,5 см, толщина составляет около 1,5 см. Такие остря могли применяться в качестве застежек для одежды. Выделяются четыре слегка изогнутых изделия. Они довольно стандартны. Их длина – около 10 см, ширина – 0,5 см, толщина – 0,3–0,4 см. Данные остря могли использоваться как заколки для волос. Следующий тип данной группы предметов составляют разного рода шилья-проколки. Десять проколки изготовлено из грифельных костей лося и северного оленя. Любопытно довольно массивное острие, изготовленное из кости лося. У него отломан сустав, кончик шила заострен длинными срезами металлического ножа. На одном из ребер изделия присутствует сильное заложение. Эта часть орудия использовалась в качестве разбивника для обработки узких полосок кожи. Остальные остря представлены обломками.

Большой интерес представляет острие, изготовленное из расколотой бедренной кости человека. Длина его 10,3 см, ширина – 2,2 см, толщина – 0,8 см. Предмет обработан металлическим ножом. Подобные изделия автору неизвестны не только на Урале, но и на всей территории России. В то же время следует отметить, что в мифах хантов и манси стрела из человеческой кости считалась наиболее смертоносной. Сделанная из голени человека, она пробивала камень [Мифы, предания..., 1990. С. 538]. Кроме остря в коллекции присутствует еще один обломок бедренной кости человека.

Среди находок из пещеры имеются еще две костяные иглы. Длина одной – 9,5 см. Она имеет заостренное металлом острие и просверленное отверстие диаметром около миллиметра. Вторая игла изготовлена из тонкой рыбьей кости. Ее длина – 5,2 см, толщина – около 0,15 см. В тыльной части прорезано два отверстия, сейчас одно из них сломано.

В работе Н. А. Прокошева опубликованы три остря. Они изогнуты, даже слегка извилисты, их поверхность (даже конец) не несет следов обработки. В тыльной части проделано круглое отверстие. По мнению исследователя, они были изготовлены из грифельных костей лося и служили вязальными иглами [1935. Рис. 178 – 13–15]. Между тем в сводной работе о костяном инвентаре ананьинской эпохи аналогичные изделия были определены как половые кости медведя [Ашихмина и др., 2006. С. 65]. В нашей коллекции имеется один обломок такой же кости.

К другим костяным орудиям относятся ножи из лопаток северного оленя (3 экз.), разбивники (5 экз.), застежки (5 экз.), мотыги (3 экз.), фигурные рукоятки (4 экз.) и оригинальные изделия.

Разбивники изготовлены из расколотых вдоль крупных костей лося. Их длина колеблется от 16,1 до 26,4 см. На всех орудиях присутствуют четкие линейные следы использования. В одном случае на разбивнике разминали узкие полоски кожи, в остальных – широкие ремни или куски кожи.

Застежки представляют собой небольшие стержни с зауженными концами и выемкой в центре. Аналогичные изделия известны в Прикамье, где их определяют как застежки горита – футляра для лука [Ашихмина и др., 2006. С. 61].

Все мотыги выполнены из рога лося. Интересна одна, у которой рабочей частью служил отросток рога длиной 10,5 см и диаметром до 2,5 см. Для крепления рукоятки из лопаты рога была вырезана муфта длиной до 8,5 см, которая имела две щечки-боковины толщиной 0,4 см. В другом случае для мотыги использована нижняя часть лосиного рога от штанги диаметром до 5,5 см, которая переходит в лопату. Общая длина мотыги – 22,3 см.

Фигурные рукоятки костяных ножей в двух случаях имеют закругленный обушок, подчеркнутый одной или несколькими выемками. Две других рукоятки – из рога и кости – выполнены в виде головок медведя. У головок выделен заостренный нос, вырезанные сверху зубцы обозначают уши.

Из оригинальных костяных изделий следует отметить псалий, тупик, скульптуру, «пробки» и украшения. Псалий длиной 14,5 см имеет слегка изогнутую дугообразную форму. В средней расширенной части вырезано отверстие неправильной овальной формы диаметром 0,8 см. В средней части зауженного конца просверлено еще одно отверстие диаметром 0,3 см. Аналогии этому изделию известны в Приуралье [Ашихмина и др., 2006. Рис. 29 – б]. Тупик изготовлен из лосиного рога в виде изогнутой в профиле лопаты длиной 16,9 см, шириной до 6,3 см. На скошенной части орудия сохранились следы употребления: в виде закругленности и заглаженности рабочей кромки, на которой четко прослеживаются линейные следы скребкового характера. Необычными изделиями, очень похожими на современные пробки от бутылок с вином, являются 3 предмета из рога лося. Они могли использоваться в качестве затычек для кожаных или берестяных сосудов.

Скульптура выполнена в виде фигурной Г-образной рукоятки длиной 6,4 см. На ее верхнем конце вырезана головка лосихи. В нижней части изделия имеется овальное отверстие диаметром 0,5 см, от которого вниз отходит паз длиной 0,8 см. Вполне вероятно, что данное «навершие» являлось рукояткой составного ковшика, к которому крепилось при помощи отверстия и паза.

Интересен немногочисленный комплекс украшений. В него входят подвески и пронизка из зубов и костей животных. Подвесками служили просверленные резцы лося (4 экз.), клыки выдры, старой лошади и коренной зуб лося (по 1 экз.). Также в качестве подвесок использовались просверленные кости животных: плечевая и таранная кости бобра, фаланга северного оленя, добавочная метаподия лося и позвонки рыбы (4 экз.). Из полой кости выполнена пронизка длиной 5,2 см, диаметром 1,4 см.

Большой интерес представляет комплекс музыкальных инструментов. Уже сейчас в его состав входит 32 предмета. Это самая крупная коллекция на Среднем Урале.

Самыми распространенными находками являются манки, имитирующие свист рябчика. В пещере Туристов найдено 18 таких свистков. Обычно их изготавливали из бедренных костей куницы. Тем не менее, три манка выполнены из полых костей птиц. Длина свистков колеблется от 3,8 до 6,4 см, но преобладают длиной 4,4–5,5 см. Подобные манки известны в Прикамье в комплексах раннего железного века и даже средневековья (родановская культура) [Там же. С. 37].

Единичной находкой в коллекции музыкальных инструментов является дудочка, изготовленная из полой кости лебедя или журавля. Оба конца инструмента обломаны. Длина сохранившейся части изделия – 14,5 см, диаметр – 1,1 см. На боковой поверхности дудочки металлическим ножом прорезано отверстие. Предварительно изделие можно классифицировать как простую свирель.

Среди находок имеется еще 13 изделий, которые автор считает фрагментами язычковых музыкальных инструментов. Все они выполнены из тонких (до 1 мм) костяных пластинок. Наибольший интерес представляет целое изделие на пластинке длиной 7,4 см. С двух сторон плоскости пластинки выструганы металлическим ножом. Поверхности пластинки сильно заложены. С зауженного конца пластинки сделана прорезь длиной 3,5 см, шириной 0,4 см. Внутри прорези вырезан узкий «язычок» длиной 3,2 см, шириной

0,15 см. По всей видимости, изделие являлось частью какого-то музыкального инструмента типа варгана. Идентичное изделие, только выполненное из бронзы, обнаружено в женском погребении VII–VIII вв. н. э. Деменковского могильника в Верхнем Прикамье. Авторы находки также интерпретируют это изделие в качестве музыкального инструмента [Мельничук и др., 2008. С. 188, рис. 4 – 7].

Остеологические остатки. Исследование пещеры и конуса выноса под нею дало громадную (не менее 30 тыс. экз.) коллекцию костей животных. В ней преобладают кости диких копытных животных (86%). Среди них главное место принадлежит лосю: 62% от общего количества определимых костей. К северному оленю относятся 23,5% костей. На долю пушных видов приходится 10%, птицы и рыбы представлены около 5% костей. Видовой состав фауны включает лося, северного оленя, косулю, медведя, волка, лису, рысь, росомуху, соболя, куницу, выдру, бобра, зайца, белку, ежа. Интересны находки целых черепов лося и большой косули. Обнаружены также крупные куски черепов лося, северного оленя, лисицы и бобра. Заметными сериями представлены клыки, резцы, коренные зубы, а также верхние и нижние челюсти пушных животных: куницы, выдры, бобра, белки, лисицы, зайца. Кости росомыхи, рыси, медведя и ежа единичны. Из домашних животных в небольшом количестве присутствуют кости лошади, крупного рогатого скота и собаки (две верхних и одна нижняя челюсть). Среди птиц определены кости тетерева, куропатки, гуся серого. Кости рыб зоологами пока не проанализированы.

Литература

- Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). Ижевск, 2006.
- Богачев А. В. К символике блях-«личин» из раннесредневековых комплексов Восточной Европы // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
- Мельничук А. Ф., Берсенева О. Е., Кузьминых С. В. Новейшие исследования Деменковского некрополя в Верхнем Прикамье (предварительные итоги) // Региональные, социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. Березники, 2008.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Прокошев Н. А., 1935. Район реки Чусовой // Известия ГАИМК. Вып. 109. М., 1935.
- Сериков Ю. Б., 2007. Галечные скульптуры – изобразительные символы обрядовой деятельности древнего человека // Миф и символ в прошлом и настоящем. Нижний Тагил, 2007.
- Сериков Ю. Б., 2009. Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил, 2009.

А. А. Погодин
г. Екатеринбург
НАЦ «АВКОМ – Наследие»
О. И. Приступа
г. Ханты-Мансийск
МПиЧ

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ СОБРАНИЙ МУЗЕЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА

На территории Западной Сибири в комплексах X – начала XIII в. выделяется категория артефактов, называемая глиняной пластикой. Интерес к этим находкам постоянен, и уже более полувека исследователи задаются вопросом об их назначении.

С 1950-х гг. глиняную пластику изучали В. Н. Чернецов [1957. С. 179] и В. И. Мошинская [1959. С. 182–183]. Несмотря на множество работ, посвященных данной теме, комплексного исследования средневековой глиняной пластики не проводилось. Для общего исследования была привлечена коллекция предметов из фондов Музея Природы и Человека (МПиЧ, г. Ханты-Мансийск): 50 находок с шести памятников, исследованных на территории ХМАО–Югры и Тюменской обл. Результаты источниковедческого и историографического обзоров, морфологического анализа, а также интерпретации коллекции в хронологическом, иконографическом, функциональном и семантическом аспектах, представлены в отдельной работе [Приступа, 2008]. В процессе проведения анализа и интерпретации коллекции возникли вопросы, которые показали необходимость дальнейшего углубленного изучения темы, в том числе с использованием технологического и трасологического методов.

Вся известная сейчас средневековая глиняная пластика по морфологическим признакам делится на две группы: антропоморфные и цилиндрические фигурки. Каждая из групп имеет несколько видов, свои устойчивые иконографические и технологические особенности.

Антропоморфные фигурки вылеплены из уплощенного овала или жгута, согнутого под углом чуть более 90°. Они имеют плавные, округлые линии изгиба и очертания. Голова у каждого изделия маленькая, показана условно, иногда практически отсутствует. Лицо схематичное – передано кругами либо просто выделенным выступом с орнаментом или без него. Орнамент на туловище нанесен, как правило, только на лицевой стороне фигурки. Спина гладкая либо с рельефными выступами – «гребнями» (рис. 1 – в). У некоторых фигурок выделены верхние и/или нижние конечности.

Цилиндрические фигурки имеют округлое сечение, в отдельных случаях – конусовидный верх и уплощены с обоих концов (рис. 2). Орнамент наносился на верхнюю плоскость поделки и иногда – на боковую.

Большая часть антропоморфных изделий была сломана в древности. Закономерности в их фрагментации не наблюдается, что подтверждают приведенные ниже данные для собрания МПиЧ.

Антропоморфные фигурки (44 экз.): 3 – целые; 3 – с сохранившейся головой, но обломаны в нижней части или сбоку; 10 – обломаны сверху; 10 – обломаны сверху и снизу, но у трех фигурок сохранилась голова; остальные представлены фрагментами туловища.

Цилиндрические фигурки (6 экз.): 4 – целые; 2 – сломаны. Лучшая сохранность этих поделок обусловлена, видимо, их технологическими свойствами – большей плотностью материала и компактностью самого изделия по сравнению с антропоморфными фигурками.

Для технико-трасологического анализа из коллекции МПиЧ было отобрано 29 изделий с четырех памятников [Погодин, 2011].

Городище Увал (ГУ), VII–XII вв., 5 антропоморфных фигурок (Ханты-Мансийский район ХМАО – Югры. Колл. ХМ 8644 и ХМ 9104) [Приступа, 2002; Приступа, 2003].

Городище и святилище Стариков Мыс-1 (ГССМ-1), X–XIII; XVI–XVII; XIX–XX вв., 2 антропоморфные фигурки (Ханты-Мансийский район ХМАО – Югры. Коллекция ХМ 8253) [Морозов, 2000].

Поселение Тал 1 (ПТ-1), XI–XII вв., 7 антропоморфных (две из них без орнамента) и 1 цилиндрическая фигурка (Октябрьский район ХМАО – Югры. Колл. ХМ 8250) [Кокшаров, 1993].

Рачевский археологический комплекс (РАК), XII–XV вв., 12 антропоморфных (две из них без орнамента) и 2 цилиндрических фигурки (Уватский район Тюменской обл. Коллекция ХМ 2908 и ХМ 4112) [Терехова, Широков, 1986].

Отметим, что анализ керамических изделий под микроскопом имеет особенности, отличающие его от исследования орудий из камня. Главным образом, они заключаются в том, что технологические признаки, характеризующие стадию производства глиняного предмета, нередко трудноотличимы от следов

использования. Например, выравнивание и лощение поверхности оставляют черты, близкие к абразивному воздействию. Керамика легче подвергается деформациям поверхности при производстве, бытовании, нахождении в слое (постдепозиционное воздействие), в процессе раскопок, при хранении.

Методика: изучение всей поверхности предмета; определение степени сохранности поверхности и выявление деформаций; выявление зон, перспективных для макро- и микроанализа; выделение блоков технологических и функциональных следов; фиксация следов (включая фотофиксацию); описание и интерпретация макро- и микропризнаков: установление особенностей технологии производства керамического изделия, техники орнамента, особенностей использования предмета и др.

Для анализа керамических поделок в качестве основного рабочего инструмента использовался стереоскопический микроскоп Olimpus SZ61. Исследование проводилось с применением увеличения до 100×, а для более детального рассмотрения отдельных участков – до 400×.

Формовочная масса: в качестве искусственных примесей (добавок) к глиняной массе фигурок обеих групп зафиксированы шамот, дресва и песок. Такие же примеси обычны и в формовочной массе сосудов из памятников, где были найдены предметы глиняной пластики. В некоторых случаях примеси в материале фигурок не отмечены.

Техника орнамента: наиболее распространенной техникой орнамента является отступающе-накольчатая (рис. 3). Отступление – как частое, с преобладанием наколов, так и редкое, с акцентом на протаскивание. В такой технике украшены двенадцать из четырнадцати изделий из РАК (оставшиеся две без орнамента) и все пять фигурок из ГУ. Из ПТ-1 орнаментированы пять из восьми изделий (две фигурки без декора, одна сильно деформирована), из ГССМ-1 – одна из двух фигурок. Негативы орнамента имеют прямоугольные, конусовидные, округлые, дугообразные очертания. Инструмент, за исключением одного случая, имел один рабочий край. Ширина зубца орнамента – до 1 мм.

В технике накалывания, когда орнамент ставился перпендикулярно к поверхности изделия, украшено пять фигурок. Среди них одна из пяти с ГУ; две из пяти с ПТ-1; две из двух с ГССМ-1. Только одна фигурка из ГССМ-1 декорирована в чистой технике накола полой трубкой (рис. 4). Остальные составляют смешанную технику с отступающе-накольчатой.

Еще одним способом орнамента является прочерчивание. С прочерчиванием выявлено по одной фигурке из трех собраний: цилиндрическая из РАК; цилиндрическая из ПТ-1; антропоморфная из ГУ. Ширина зубца инструмента до 1 мм.

На некоторых поделках обоих видов присутствуют дополнительные декоративные элементы в виде зацепов двух видов: гребни – треугольные в сечении вертикальные выступы на спинах антропоморфных фигурок, и фестоны, идущие по ребру основания изделий обоих видов (рис. 1 – а, б). В ПТ-1 одна фигурка имеет такие вертикальные зацепы на спине и одна – по ребру основания. В РАК присутствуют две цилиндрические фигурки с фестонами по ребру основания (рис. 5); из антропоморфных – одна с гребнями и одна с фестонами по фронтальной части ребра основания. В ГССМ-1 одна фигурка имеет остатки вертикальных гребней на спине. На углубленных участках всех зацепов наблюдаются широкие сегментовидные в плане вдавления – отпечатки края ногтевой пластины (рис. 6).

Отметим, что не только поделки с декоративными элементами несут следы от пальцев и ногтей. Тыльная сторона (спина) и основание антропоморфных фигурок тоже содержат макропризнаки оформления поверхности – неровности, уплощенные участки, аморфные поднятия рельефа. Исключение составляют фигурки с деформированной поверхностью или сильно фрагментированные. Поверхность фронтальной стороны фигурок между элементами орнамента имеет следы выравнивания и заглаживания в виде единичных, иногда группирующихся, разнонаправленных тонких, поверхностных царапин или в виде однонаправленных почти параллельных линий. Четкие признаки заглаживания или выравнивания имеют восемь из двенадцати антропоморфных фигурок из РАК; все пять поделок из ГУ; две из семи в ПТ-1. Микропризнаки на остальных фигурках и всех изделиях из ГССМ-1 уничтожены в процессе использования или нахождения в культурном слое.

В РАК, ГУ и ПТ-1 по две антропоморфные фигурки из каждого памятника содержат следы лощения фронтальной поверхности, которое проводилось после подсушки поделки. На одном изделии (ХМ 2908/556) удалось установить, что лощение производилось мягким органическим материалом (кожей?). Орнамент наносился на подсушенную и залощенную поверхность.

На многих поделках фиксируется блеск различной интенсивности – от матового до яркого, жирного. Как правило, блеск не проникает в углубления, оставленные зубцами орнамента, слабо выражен в других углублениях рельефа. На краях изделия, особенно в его нижней части, а также на выступающих участках тыльной стороны (гребнях) блеск наиболее интенсивный, яркий, полностью покрывающий макро- и микрорельеф (рис. 7; 8).

В коллекции РАК блеск различной яркости отмечен на одиннадцати из четырнадцати фигурок (среди них – две цилиндрические). На трех антропоморфных изделиях зафиксированы микропризнаки соприкосновения с каким-то мягким органическим материалом. Еще для трех поделок той же группы такой материал определен как мех или кожа. В одном случае установлено, что мех или кожа использовались для лощения внешней поверхности антропоморфной фигурки. Другие предметы глиняной пластики в процес-

се бытования контактировали с мягким органическим материалом, в том числе со шкурой, мягкой кожей или руками человека.

В собрании ГУ блеск прослежен на поверхности четырех из пяти поделок. На одной фигурке зафиксированы следы лощения мягким органическим материалом – мехом или тканью.

Из коллекции ПТ-1 блеск присутствует у двух антропоморфных фигурок, имевших в процессе бытования контакт с кожей или мехом, и у одной – с органическим материалом.

На семи фигурках из четырнадцати, происходящих из РАК, выявлены следы сажи или нагара. Следы такого черного пигмента, как правило, выявляются на поверхности изделия. В углублениях орнамента он не фиксируется. Неравномерность распределения пигмента по поверхности изделий не позволяет утверждать, что он был нанесен целенаправленно. На изделиях из других коллекций следов сажи не отмечено.

В этой же коллекции, на тыльной стороне одной антропоморфной поделки, после сушки или обжига было оформлено углубление, визуальное разделяющее «ноги» фигурки. Характер следов на этом участке позволяет заключить, что данная операция была выполнена металлическим ножом, причем несколькими возвратно-поступательными (режущими) движениями с двух сторон. При этом лезвие ножа располагалось под острым углом к поверхности. В начале и конце выемки она была дооформлена несколькими короткими режущими движениями. Таким же образом были выровнены уплощенные участки на тыльной стороне «ног» фигурки. Следы дополнительной обработки есть еще на двух антропоморфных фигурках из коллекции РАК, и одной – из ГУ, но материал инструмента не определен.

В литературе сложились различные представления о функциях средневековой глиняной пластики [Пристуна, 2008. С. 13–18]. Наиболее распространенные из них: детские игрушки, сакральные изделия и игральные фигуры [Мошинская, 1959. С. 182–183; Терехова, Широков, 1986. С. 135; Викторова, 1968. С. 249; Зыков, Кокиаров, 2001. С. 124]. Результаты трасологического анализа позволяют вполне уверенно отвергнуть идею о том, что фигурки служили игрушками для детей. Степень сохранности поверхностей, топография следов, наконец, наличие мелких хрупких деталей, не дают возможности говорить о таком назначении. Выявленные в результате проведенного исследования макро- и микропризнаки скорее согласуются с двумя последними гипотезами. Отметим две важные функциональные особенности керамической пластики. Первая: фигурки в процессе бытования не испытывали активного воздействия, которое могло бы привести к существенным деформациям на хрупкой поверхности керамики. Вторая: многие изделия контактировали с мягкими органическими материалами или испытывали воздействие от пальцев людей (сходство признаков в данных случаях не позволяет дать однозначное заключение). Тем не менее, следует учитывать, что версии о культовой сущности глиняной пластики или об использовании ее в качестве игровых фигурок требуют дополнительных подтверждений. Проведение подобного анализа для фигурок из других собраний поможет исследователям сделать достоверные выводы о функционировании этих средневековых артефактов.

Источники и литература

- Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. // УЗ ПГУ. № 191. Пермь, 1968.
- Зыков А. П., Кокиаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.
- Кокиаров С. Ф. Отчет о полевых археологических исследованиях, проведенных в Октябрьском районе Тюменской области летом 1993 г. Екатеринбург, 1993. Архив ИА РАН. Р-1. № 18258; Научный архив МПИЧ. ФПИ. ХМ 8485.
- Морозов В. М. Городище Стариков Мыс-I (характеристика и археологическая интерпретация материалов). Екатеринбург, 2000. Научный архив МПИЧ. ФПИ. ХМ 8457.
- Мошинская В. И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИИМК. Вып. 75. М., 1959.
- Погодин А. А. Отчет по результатам трасологического анализа глиняных фигурок из археологического фонда Музея Природы и Человека. Екатеринбург, 2011. Научный архив МПИЧ. Без №.
- Пристуна О. И. Отчет о НИР: Археологические раскопки городища Увал в 2001 г. Ханты-Мансийск, 2002. Научный архив МПИЧ. ФПИ. ХМ 9717.
- Пристуна О. И. Отчет о НИР: Археологические раскопки городища Увал в 2002 г. Ханты-Мансийск, 2003. Научный архив МПИЧ. ФПИ. ХМ 9718.
- Пристуна О. И. Средневековая глиняная пластика в коллекциях Музея Природы и Человека. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2008.
- Терехова Л. М., Широков В. Н. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии (ВАУ. Вып. 18). Екатеринбург, 1986.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957.

Рис. 1. Глиняная антропоморфная фигурка. ХМ 8250/30

Рис. 2. Глиняная цилиндрическая фигурка. ХМ 4112/15

Рис. 3. Отступающе-накольчатая техника. ХМ 8644 /977

Рис. 4. Техника накола трубочкой. ХМ 8253/2532

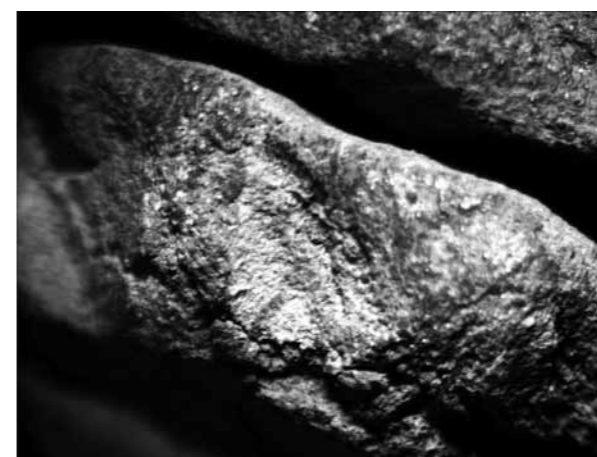

Рис. 5. Следы вдавлений от пальцев. ХМ 2908/557

Рис. 6. Следы от ногтевой пластины. ХМ 4112/5

Рис. 7. Залощенный край предмета. ХМ 2908/570

Рис. 8. Блеск на рельефных выступах фигурки. ХМ 2908/570

Археология Севера России позднего средневековья и Нового времени

Е. В. Торопова
г. Великий Новгород
НГУ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ СТАРОЙ РУССЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

Старая Русса (до XVI в. – Руса), расположенная к Ю от оз. Ильмень, в эпоху средневековья была одним из крупных и экономически развитых административно-территориальных центров Новгородской земли, значение, которого во многом определялось солеваренным промыслом [Рабинович, 1973. С. 21]. Самое раннее упоминание Русы содержится в новгородской берестяной грамоте № 526 (стратиграфическая дата: вторая треть XI в.), в которой сообщается о должниках из числа ее жителей: «За Бояном в Русе гривна. За Житобудом в Русе иста (т.е. собственно долга, без процентов) 13 кун и гривна...». По мнению В. Л. Янина, этот документ связан со сбором государственных податей [Зализняк, 2004. С. 241]. Таким образом, поселение с наименованием «Русса» известно уже с XI в.

На страницах летописи город впервые появляется лишь в 1167 г., в связи с конфликтом новгородцев с князем Святославом Ростиславичем: «... а Святослав приде с суждалци и с братома и с смоляны и с полоцаны к Русе...» [Новгородская первая..., 2000. С. 32, 220]. Начиная со второй половины XII в. город довольно часто появляется в летописных статьях в связи с разными событиями: с основанием Преображенского монастыря в 1192 г. и избранием, годом позднее, его игумена Мартирия, новгородским епископом [Там же. С. 40, 231–232]; со строительством укреплений в 1199–1201 гг. [Там же. С. 45, 240] и каменных церквей [Там же. С. 43, 237, 371, 397, 402, 422, 423, 425]; с пожарами и другими бедствиями [Там же. С. 41, 234, 408], а также упоминаниями жителей Русы (рушан), их участия в военных столкновениях с Литвой и междоусобных конфликтах [Там же. С. 61, 64, 73, 89, 95, 249, 264, 269, 283, 320, 337, 379, 417]. В контексте новгородско-княжеских отношений Руса присутствует в сохранившихся договорных грамотах с Ярославом Ярославичем (1264, 1266, 1270 гг.), Михаилом Ярославичем (1304–1305 гг.), Александром Михайловичем (1326–1327 гг.), Василием Васильевичем (1435 г.) и Иваном Васильевичем (1471 г.) [Янин, 1991. С. 142–146].

Лаконичность письменных источников существенно дополняется археологическими данными. Важная информация о мощности, распространении и стратиграфии культурного слоя, границах городской территории, топографии, усадебной застройке, характере материальной культуры средневековой Русы была получена в результате работы нескольких поколений исследователей с 1939 г. по настоящее время [Строков, 1940. С. 19–31; Медведев, 1967. С. 265–286; Миронова, Суховаров, 1989. С. 56–79; Миронова, 1990. С. 202–220; Торопова, Самойлов, Торопов, 2011. С. 155–167]. В общей сложности, на сегодняшний день изучено около 5 000 кв. м культурного слоя (рис. 1).

Материалы археологических раскопок Старой Руссы позволяют реконструировать возникновение здесь на рубеже X–XI вв. торгово-ремесленного поселения, которое во второй половине XI в. превратилось в город в социально-экономическом и административном отношении [Самойлов, Торопов, Торопова, 2012. С. 72–73]. Вероятнее всего, историческое ядро города располагалось на правом берегу р. Порусьи (Малашки), на территории площадью чуть более 6 га – между современным курортом с открытыми соляными источниками и церковью св. Николая, с З и Ю ограниченной бывшим соляным ручьем. В начале

XII в. городская территория составляла уже более 20 га. В это время осваивается левый берег р. Порусьи, усадебная застройка распространяется в северном и западном направлениях, развивается уличная сеть [Медведев, 1967. С. 265–286; Миронова, 1994. С. 180–186; Торопова, 2012. С. 48–51; Торопова и др., 2013а. С. 264–271]. К XV в. – на момент присоединения Русы к Москве – территория города занимала площадь не менее 130 га.

Экспедицией Новгородского университета, начиная с 1999 г., в различных частях города проведены археологические раскопки на восьми участках общей площадью около 3000 кв. м. Помимо плановых и спасательных раскопок, архитектурно-археологических исследований, сопровождающих реставрацию памятников архитектуры, ежегодно ведутся систематические и целенаправленные исследования мощности и стратиграфии культурных напластований на различных участках (шурфовки), наблюдения за любыми земляными работами в черте города, которые дают важнейший материал для понимания процессов градообразования от возникновения поселения на месте Старой Руссы до нового времени включительно. Постоянно пополняемая археологическая информация, наряду со сведениями средневековых письменных источников, а также картографическими материалами и данными геологического бурения, уже в настоящее время позволяет получить достаточно полное представление о культурном слое города как едином целостном объекте изучения.

В пределах древнего ядра Русы, на территории средневекового конца Серёдка, археологическое изучение которого является наиболее существенным для реконструкции ранней истории города, в рамках плановых научных тем при поддержке РГНФ были проведены исследования на Борисоглебском и Пятницком раскопах¹. Мощность культурного слоя здесь достигает 6 м.

Древнейшая постройка, изученная в пределах Борисоглебского раскопа, датирована 20–30-ми гг. XI в. На сегодняшний день – это самая ранняя дендродата, полученная для Старой Руссы. Очень важным представляется тот факт, что ниже этого сооружения отмечен поселенческий слой, с характерной для древнерусского города стратиграфией и соответствующим комплексом находок. На материке была зафиксирована картина, бесспорно свидетельствующая о хозяйственном использовании изучаемой территории еще до появления на этом участке регулярной застройки. В центральной части проходила грунтовая дорога, по обе стороны которой удалось проследить трассы неоднократно возобновлявшихся древних изгородей (плетней). К З от дороги зафиксированы отпечатки копыт крупного рогатого скота, принадлежавшие как взрослым, так и молодым особям. При этом преобладающее большинство следов шло в направлении ближайшего естественного пресного водоема – р. Порусьи (Малашки). Кстати сказать, позднее, в 40–50-е гг. XI в., по вышеупомянутой древней дороге будет проложен первый деревянный уличный настил.

В восточной части Борисоглебского раскопа на поверхности материка прослежены следы древней пахоты. Самые древние – предматериковые – культурные напластования данного раскопа, ввиду отсутствия пригодной для дендрохронологического анализа древесины, не получили абсолютных дат. Тем не менее на основании находок отдельных фрагментов лепной керамики, которая в культурном слое Новгорода полностью исчезает в последней четверти X в., а также характера индивидуальных находок, среди которых, к сожалению, нет узко датировемых типов, время заселения данного участка можно осторожно отнести к рубежу X–XI вв. [Торопова, 2003. С. 91–94; Самойлов, 2003. С. 272–286; Торопова, Самойлов, Торопов, 2011. С. 155–167].

Приступая в 2002 г. к исследованиям на Пятницком-I раскопе, основная часть которого была доведена до материка в 2012 г., в качестве стратегических целей были обозначены две: 1) создание непрерывной, эталонной для Старой Руссы, дендрохронологической шкалы и опирающейся на нее хронологической интерпретации коллекции материальной культуры; 2) изучение древнейших напластований на участке, обоснованно считающемся одним из наиболее перспективных для понимания истории возникновения городского поселения.

В пределы Пятницкого раскопа вошли фрагменты трех городских усадеб, а влажный анаэробный культурный слой (мощностью до 6 м) дал уникальную возможность в динамике изучить историю этих дворовладений с XI и до XV в. Следует заметить, что верхняя хронологическая граница была обусловлена отнюдь не окончанием жизни на усадьбах, а лишь сохранностью культурного слоя на этом участке. При изучении усадебных комплексов удалось проследить, что за пятьсот лет застройка обновлялась 18 раз, появлялись новые жилые и хозяйственные постройки, из которых изучено 40 сооружений. В среднем, это происходило один раз в четверть века, но в исключительных случаях (пожары) – через 10 лет. Отмечены и кардинальные внутриусадебные перепланировки, связанные, возможно, со сменой владельцев.

Большой объем новой, принципиально важной информации относительно времени возникновения и характера поселения на данном участке был получен при исследовании древнейших напластований.

¹ В 2000–2001 гг. – на Борисоглебском (XVI) раскопе, в 2002–2012 гг. – на Пятницком-I. Продолжение исследований на Пятницком-I и -II раскопах в 2013 г. было поддержано проектом РГНФ № 13-01-18034.

На XI в. приходится до 50–60 см слоя. Такая сравнительно малая мощность культурного слоя этого времени может быть объяснена спецификой его накопления и сохранности органики. Это подтверждается рядом наблюдений. Сопоставление мощности напластований XI–XII вв. с изменением плотности находок в слое показывает катастрофическое уменьшение количества артефактов в целом и массового материала из кожи в частности. С другой стороны, отмечается существенный рост содержания в слое обломков керамики и костей животных. Кроме того, все зафиксированные постройки XI в. в древности были разобраны практически полностью, включая нижние венцы. В вышележащих напластованиях, гораздо лучше сохраняющих органику и откладывавшихся более интенсивно, при разборке сооружения средневековым горожанам не удавалось извлечь нижние 1–2 венца срубов, которые к тому времени были уже перекрыты культурным слоем.

Начало освоения изученного участка датируется первой третью XI в. Появление застройки относится к началу второй трети этого столетия. Значительную роль в жизни первопоселенцев играл солеваренный промысел. Об этом свидетельствует состав индивидуальных находок из раннего слоя, 70,4% из которых составляют обломки и заклепки *цренов* – противней для вываривания соли. Кроме того, фиксируются следы других производств: ювелирного (многочисленные оплавленные куски горна, шлаки, фрагменты тиглей) и косторезного (односторонние наборные гребни II группы – по О. И. Давидан, футляры для них, заготовки и опиленные фрагменты рога, роговая стружка). В целом материальная культура уже на раннем этапе существования поселения имела ярко выраженный городской характер [Торопова и др., 2013а].

В последнее десятилетие значительную роль в изучении Старой Руссы стали играть охранные исследования. На шести участках спасательные раскопки предваряли современное планируемое строительство.

Петропавловский раскоп (ул. Пушкинская, территория конца Серёдка) был законсервирован в связи с остановкой финансирования [Торопова и др., 2008. С. 265–275]. Тем не менее, в дренажных колодцах на материке были обнаружены фрагменты лепной керамики. Это в полной мере согласуется с данными, полученными ранее А. Ф. Медведевым при раскопках на этой улице, и свидетельствует о раннем освоении этой территории не позднее первой половины XI в. [Медведев, 1976. Л. 40].

Четыре раскопа – Георгиевские I, II, III и Мининский – располагались на слабо изученной территории Мининского конца, известного по данным Писцовых книг с конца XV в. В результате исследований были получены важные данные о времени освоения этого района города. Первоначально данная территория использовалась в качестве сельхозугодий, на что указывают следы древней пахоты, зафиксированные на материке Георгиевских I и II раскопов. По всей видимости, в это же время – не позднее XII в. – начинает формироваться дорожная сеть. При зачистке предматерика на Георгиевском III раскопе был обнаружен участок грунтовой дороги, пересекающей изученный участок в направлении СЗ–ЮВ. Дорога выделена в виде полосы спрессованной и перемешанной почвы с высоким содержанием пыли. Ширина ее – около 3 м. Начиная с первой четверти XII в., застраивается наиболее высокая часть холма. В Георгиевский-II раскоп попали части территории двух смежных усадеб XII–XIII вв. с очень плотной застройкой, что, видимо, объясняется дефицитом пригодного для строительства неподтопляемого пространства. Южная часть Мининского конца застраивается не ранее XIV в., а западная – в XV–XVI вв. В последнем случае, возможно, после проведения здесь гидротехнических работ, связанных со спрямлением русла р. Порусья (Перерыглица). Логичным завершением оформления этой территории, как района средневекового города, является появление каменных храмов в начале – первой трети XV в.: церковью святого великомученика Георгия и Благовещения (1410 г.) и святой великомученицы Мины (первая треть XV в.) [Торопова и др., 2013б. 267–270].

В 2012 г. начаты спасательные исследования на территории старорусского курорта (Курортные I, II, III раскопы общей площадью 1800 кв. м). Данный участок расположен на окраине средневекового города, усадебная застройка которой начинается не ранее последней трети XIV в. Вероятно, это связано с расширением территории города, вызванным общим экономическим подъемом, о котором косвенно свидетельствует строительство в Русе в конце XIV – начале XV в. целого ряда каменных храмов. В напластованиях 50–70-е гг. XV в. фиксируются следы крупного пожара, после которого, застройка не возобновляется. Этот пожар, возможно, связан с событиями 1456 или 1471 гг., когда Руса была дважды взята и разорена московскими войсками [Торопова и др., 2013в].

Важнейшим результатом работ на Курортном раскопе стала коллекция сфрагистических материалов, в составе которой 22 актов свинцовых буллы, четыре заготовки и одна прикладная костяная печать. Впервые найдена печать посадника Русы («ПОСАДНИКА РУСЬКОГО»). Одиннадцать печатей и две заготовки представляют собой единый комплекс. В его составе: семь печатей владычных наместников, две печати новгородских тиунов и две именных печати без обозначения должности (Олфромей Васильевича и Александра Обакуновича). Стратиграфическая ситуация позволяет с уверенностью констатировать, что все печати оказались на этом месте одновременно, возможно вместе с документами. Новгородский воевода Александр Обакунович хорошо известен походами в 1364 г. в Югру «тои же зимы съ Югры новгородци приихаша, дети боярьскиа и молодыи люди, и воеводы Александръ Обакуновичъ... воевавшее по Обе реки

до моря...» [Новгородская четвертая..., 2000. С. 291]. В 1366 г. он был одним из предводителей похода ушкуйников на Волгу и героически погиб в 1372 г. во время нападения тверских войск на Торжок [Новгородская первая..., 2000. С. 369, 372].

Исследование анаэробного культурного слоя, являющегося уникальным источником информации о прошлом, требует особой тщательности, как при проведении полевых исследований, так и при последующей обработке полученных материалов. Хорошо всем известная «новгородская» методика в современных условиях требует значительной корректировки. Первые шаги в этом направлении нами предприняты. Так, на Пятницком раскопе мы полностью отказались от лопат как основного рабочего инструмента. Разборка слоя ведется саперными лопатками и мастерками. Успешно использована методика промывки и просеивания культурного слоя из стратиграфических комплексов. Традиционно работа ведется условными пластами по 20 см, но особое внимание, при этом, уделяется фиксации микростратиграфии. Квадрат 2×2 м разбирается по частям, при этом анализируются микропрофили, результаты переносятся на план стратиграфии пласта. Таким образом, пластовой стратиграфический план представляет собой результат анализа нескольких сотен микропрофилей. Методика позволяет тщательно зафиксировать конфигурации всех прослоек, в том числе самых незначительных, в трехмерном пространстве и реконструировать особенности процессов формирования культурных напластований на изучаемом участке. Во всех возможных случаях индивидуальные находки привязываются не только к сооружениям, но и конкретным прослойкам. Для этого в этикетке заведена специальная графа – «стратиграфическая привязка». Особое внимание уделяется прослойкам, в том числе щепы (их чаще всего удается связать со строительством сооружений конкретного строительного яруса), золы и угля (они маркируют гибель и разборку конкретных сооружений), а также навоза. Эти прослойки позволяют реконструировать дневные поверхности не только момента появления и разрушения того или иного яруса, но и в ряде случаев – проследить изменения на промежуточных этапах. Напластования, зажатые между этими прослойками (а следовательно, и содержащиеся в них находки), соотносятся с периодами между строительством и гибелью конкретных сооружений, датированных дендрохронологически. Кроме того, по конфигурации и характеристикам прослоек удается зафиксировать и полностью разобранные сооружения.

Необходимость обработки огромного массива индивидуальных находок (только коллекция 2012 г. представлена 5 615 артефактами), а также оперативного введения их в научный оборот, потребовала создания информационного ресурса археологии Новгородской земли, включающего в себя базу данных археологических находок. Последняя содержит цифровые изображения и максимально полную информацию о каждом предмете: год нахождения, раскоп, пласт, квадрат, нивелировочная отметка, участок, ярус, усадьба, сооружение, стратиграфическая привязка, категория изделия, наименование, материал, комплектность, описание, сохранность, датировка, реставрация и место хранения. По любому набору из указанных критериев может быть сделана выборка. База данных открыта для исследователей на сайте Новгородского университета: <http://www.novsu.ru/archeology/>.

Источники и литература

- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
 Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // СА. № 3. М., 1967.
 Медведев А. Ф. Отчет о раскопках в Старой Руссе в 1968 г. Раскопы VII–VIII. Новгород, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6206.
 Миронова В. Г. История археологического изучения Старой Руссы // Материалы по археологии Новгорода. 1988 г. М., 1990.
 Миронова В. Г. Итоги и перспективы археологического изучения Старой Руссы // Новгородские археологич. чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археол. изуч. Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археол. экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сент.–2 окт. 1992 г.). Новгород, 1994.
 Миронова В. Г., Суховаров В. Н. Начальная топография Старой Руссы // Становление европейского средневекового города. М., 1989.
 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000.
 Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Ч. 1. М., 2000.
 Рабинович Г. С. Город соли – Старая Русса в конце XVI – середине XVIII вв. (к вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности). Л., 1973.
 Самойлов К. Г. Следы древней пахоты по материалам исследований в Старой Руссе в 2001–2002 гг. и некоторые проблемы изучения истории земледелия // ННЗ ИА. Вып. 17. Великий Новгород, 2003.

Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Торопова Е. В. Старая Русса на рубеже X–XI вв. по археологическим данным // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: Тез. докладов Междунар. науч. конф. М., 2012.
 Строков А. А. Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940.
 Торопова Е. В. Новые данные о времени возникновения Старой Руссы (по итогам археологических исследований на Борисоглебском раскопе в 2001 году) // ЕНГОМЗ. 2002. Великий Новгород, 2003.
 Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е. Археологические исследования в Старой Руссе // Вестн. РГНФ. Вып. 1 (62). М., 2011.
 Торопова Е. В. Очень старая Старая Русса // Родина: российский исторический журнал. № 9 (Спец. вып.). М., 2012.
 Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г. и др. Археологические исследования 2007 года в Старой Руссе // ННЗ ИА. Вып. 22. Великий Новгород, 2008.
 Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Колосницын П. П. Исследования древнейших напластований на Пятницком I раскопе в Старой Руссе // ННЗ ИА. Вып. 27. Великий Новгород, 2013а.
 Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Колосницын П. П. Освоение левобережья р. Порусья (Малашки) в Старой Руссе по данным археологии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы LVIII заседания (Псков, 17–19 апреля 2012 г.). Псков, 2013б.
 Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Колосницын П. П. Курортный раскоп и спасательные археологические исследования в Старой Руссе в 2012 году // ННЗ ИА. Вып. 27. Великий Новгород, 2013в.
 Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991.

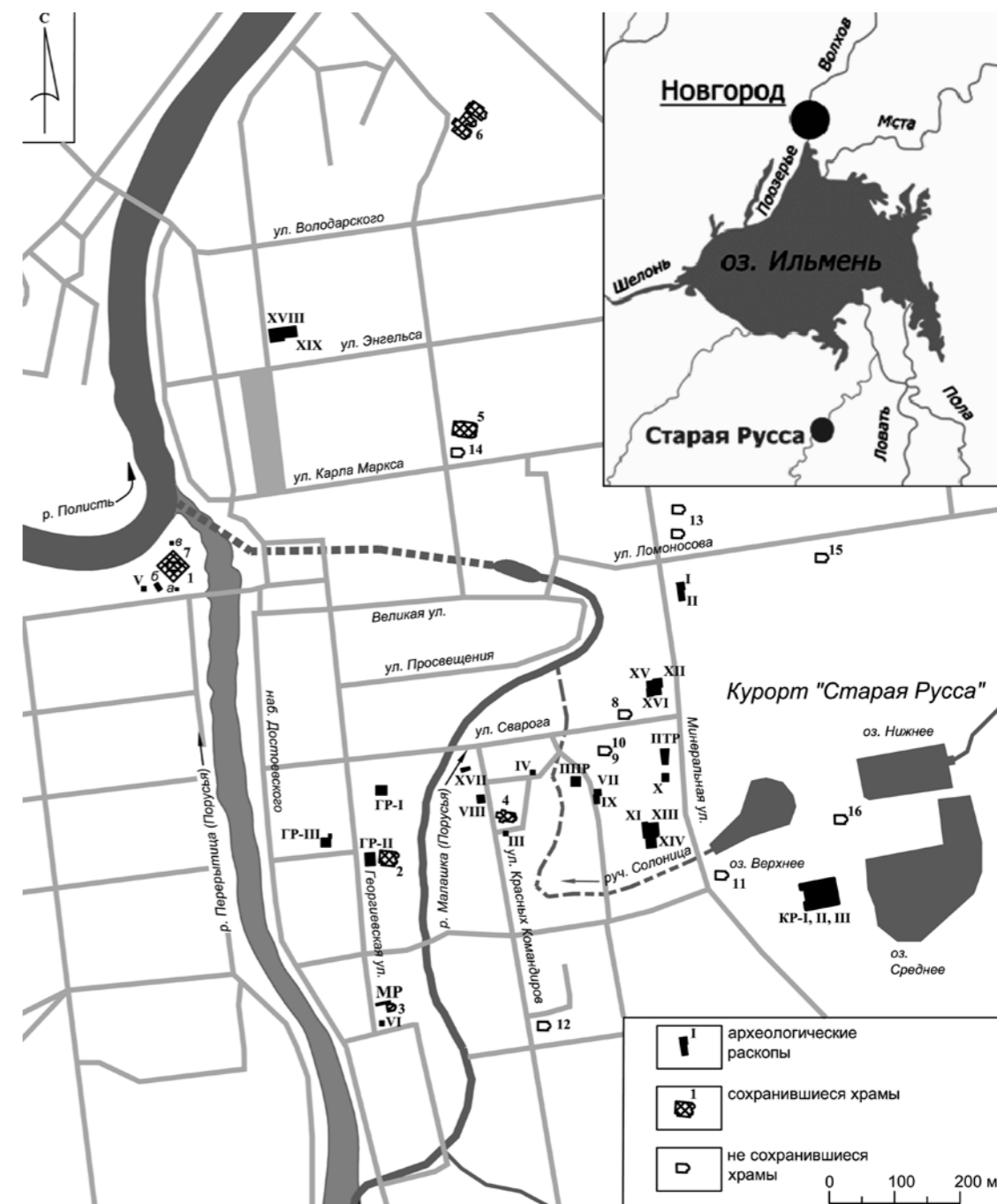

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов в Старой Руссе.

Археологические раскопы: *a, б, в* – раскопы 1939 г.; *I* – раскоп I (1966); *II* – раскоп II (1967); *III* – раскоп III (1967); *IV* – раскоп IV (1967); *V* – раскоп V (1967); *VI* – раскоп VI (1967); *VII* – раскоп VII (1967–1968); *VIII* – раскоп VIII (1968); *IX* – раскоп IX (1969); *X* – раскоп X (1969–1970); *XI* – раскоп XI (1970–1971); *XII* – раскоп XII (1971–1974); *XIII* – раскоп XIII (1972); *XIV* – раскоп XIV (1976–1977); *XV* – раскоп XV (1978–1987); *XVI* – раскоп XVI (Борисоглебский) (1988–2001); *XVII* – раскоп XVII (1990); *XVIII* – раскоп XVIII (1993); *XIX* – раскоп XIX (1993); *ПТР* – Пятницкий раскоп (с 2002); *ГР-I* – Георгиевский-III раскоп (2002); *ГР-II* – Георгиевский II раскоп (2006); *ПТР* – Петропавловский раскоп (2007); *МР* – Мининский раскоп (2009); *ГР-III* – Георгиевский-III раскоп (2011); *КР-I, II, III* – Курортные I, II и III раскопы (2012–2013).

Руководители раскопов: А. А. Строков (1939 г.); А. Ф. Медведев (1966–1978 гг.); В. Г. Миронова (1985–1998 гг.); Е. В. Торопова (1999–2012 гг.).

Сохранившиеся храмы: *1* – Воскресенский собор; *2* – ц. св. Георгия и Благовещения; *3* – ц. св. Мины; *4* – ц. Св. Николая; *5* – ц. св. Троицы; *6* – Спасо-Преображенский монастырь.

Не сохранившиеся храмы: *7* – ц. св. Иоанна Предтечи; *8* – ц. св. Бориса и Глеба; *9* – ц. св. Параскевы-Пятницы; *10* – ц. св. Петра и Павла; *11* – ц. св. Анастасии; *12* – ц. св. Дмитрия Солунского; *13* – ц. Ильи Пророка и Архангела Михаила; *14* – ц. Знамения; *15* – ц. Воскресения Христова; *16* – ц. св. Петра и Павла

Л. Д. Макаров
г. Ижевск
УдГУ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ЮГ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Заселение славяно-русскими поселенцами Устюжской земли остается вопросом недостаточно исследованным, что связано с состоянием источников. По сведениям русских летописцев, первый русский город возникает здесь во второй половине XII в. Под 1178 г. в Вычегодско-Вымской летописи сообщается о закладке владими́ро-суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо у места слияния рр. Сухона и Юг г. Гледен [Вычегодско-Вымская..., 1958. С. 257]. Город упоминается и позднее, в связи с военными походами на Устюг, а в последний раз – под 1438 г., когда вятчане его сожгли [Устюжские и Вологодские..., 1982. С. 43, 106, 113], после чего он, очевидно, прекращает существование. В этом же году «город Устюг заложили около святого Покрова и монастыря» [Устюжский летописный свод..., 1950. С. 78]. Судя по всему, речь идет о постройке (или перестройке) крепостных сооружений, поскольку название «Устюг» фигурирует в летописях начиная с 1212 г. Причиной ликвидации оборонительных сооружений Гледена явились, вероятно, естественные эрозионные процессы, а именно: подмыв и уничтожение паводковыми водами Сухоны и Юга площадки, на которой располагалась крепость. О такой возможности сообщают и летописи [Устюжские и Вологодские..., 1982. С. 54]. Археологические исследования, проведенные близ Гледена в 1980-х – начале 1990-х гг., привели к открытию древнерусских селищ Морозовица I, II, III с находками XII–XIII и XIV–XV вв. [Макаров Н., 1988. С. 122–131; 1997. С. 14, 37, 39]. Аналогичные памятники были обнаружены в других местностях Устюжской земли: в нижнем течении рр. Юг и Малая Северная Двина [Макаров Н., 1988. С. 122–127; рис. 1; 2; 3; 1997. С. 14]. Ранее (1950–1970-е гг.) исследовались лишь позднесредневековые городища [Воронин и др., 1960. С. 94; Никитин, 1963. С. 79–85; 1965. С. 139–144; 1973. С. 441; Гуслистов, 1978. С. 14].

Наименее изученным в археологическом отношении является среднее течение р. Юг. В современном административном отношении эта часть поморской Устюжской земли в середине XX в. была передана из Вологодской в Кировскую область, входящую в Волго-Вятский регион, что в значительной степени замедлило ее исследование. В верхнем и нижнем течении данная река пересекает восточные районы Вологодской области. Древности этих мест не раз изучались и продолжают исследоваться археологами обеих столиц и областного центра. Надо отметить, что археологические памятники рассматриваемого региона достаточно редко упоминаются в письменных источниках. Исключением является, пожалуй, Аксентьевское городище (древний Осиновец), известное в летописях со второй половины XV в. [Устюжский летописный свод..., 1950. С. 95]. В дальнейшем оно фигурирует в актовых документах в качестве городка, старого городка, урочища, городища в Подосинской (позднее Подосиновской) волости [Акты..., 1964. № 287. С. 301, 503–504; Акты..., 1890. С. 83, 742, 814; Акты..., 1894. С. 905] и в «Книге Большому Чертежу» 1627 г. [1950. С. 167]. Во второй половине XIX – первой трети XX в. помимо Осиновца [Попов, 1861. С. 113] начинают упоминаться как археологические памятники также Подгорбуновское [Полиевктов, 1892. С. 9; Степановский, 1890. С. 420] и Колотовское [Полиевктов, 1892. С. 10; Спицын, 1926. С. 13] городища. Развернутых археологических раскопок, как, впрочем, и разведок, в регионе до 1970-х гг. не проводилось. Известно лишь, что топографическая съемка древнего Осиновца была проведена археологом ЛОИА АН СССР О. В. Овсянниковым где-то в конце 1960-х – начале 1970-х гг.¹

В 1976 г. к начальнику нашей Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета Р. Д. Голдиной обратился краевед из пос. Подосиновец В. И. Малахов с просьбой исследовать городок близ д. Подгорбунье, Утмановского сельсовета Подосиновского р-на Кировской обл. Согласие было получено, но в этом году совершить поездку на дальний север соседней области (а дело было осенью) так и не удалось. Однако энергичный Василий Иванович поспешил обнародовать результаты работ как уже свершившиеся [Малахов, 1976а. С. 4; 1976б. С. 4]. Забегая вперед, отметим, что на следующий год В. И. Малахов опубликовал-таки реальные итоги наших рекогносцировочных раскопок [1977. С. 4].

Впервые среднее течение р. Юг в пределах Подосиновского р-на Кировской обл. подверглось сплошному археологическому исследованию летом 1977 г. В ходе разведки было открыто и обследовано 26 памятников, в том числе стоянка каменного века, три селища и три городища (эпоха средневековья, период рус-

ской колонизации), 19 местонахождений (эпохи камня, средневековья, период русского заселения) [Макаров Л., 1977]. В 1978 г. дополнительно открыто еще одно местонахождение (эпоха камня, период позднего средневековья) [Макаров Л., 1978]. Таким образом, за два года работ было обнаружено 27 археологических объектов, на 12 из которых найден материал, оставленный русским населением региона и являющийся объектом нашего внимания.

В исследованиях 1977 г. приняли участие автор этих строк, выпускник исторического факультета УдГУ 1977 г., а также студенты того же факультета, специализировавшиеся по археологии, – Н. А. Ярославцева (Лещинская), И. Г. Шапран и Р. Касимов. Большую помощь в хозяйственно-бытовых вопросах нам оказал инициатор поездки В. И. Малахов. Он познакомил нас с местным начальством с. Утманово и жителями д. Подгорбунье, в которую мы добирались через р. Юг на пароме. Вместе с нами в следующем месяце работала группа студентов-историков, проходивших археологическую практику на рекогносцировочных раскопках Подгорбуновского городища.

Разведочный маршрут проходил по правому и, частично, левому берегу р. Юг – от с. Утманово до пос. Подосиновец вниз по течению реки – и составил около 40 км. Пойма реки – достаточно широкая, особенно на левом берегу. Во время весенних паводков ширина водного зеркала доходит до нескольких километров. Правый берег довольно высокий, состоит из двух больших террас и имеет мысы, удобные для устройства укреплений. Один из них занимает Подгорбуновское городище. Пригодные для сооружения крепостей мысы имеются и на левом берегу, но на заметном удалении от р. Юг, на ее небольших притоках. Так, Колотовское городище расположено на мысу в излучине речки Шеньга, в 3,5 км от Юга, а Аксентьевское (Осиновец) – на мысу между двумя глубокими логами, в 1,8 км от реки, причем в южном логу течет ручей. Неукрепленные поселения и местонахождения были обнаружены как на надпойменных, так и на коренных террасах правого берега р. Юг. Лишь одно из селищ, Володинское, обнаружено на довольно высокой (4–5 м) надпойменной террасе левого берега, чуть ниже устья правого притока Юга – р. Пушма.

Описание памятников приводится от р. Шеньги (левый приток р. Юг) вниз по течению р. Юг, в соответствии с нумерацией, принятой на схеме (рис. 1).

1. Колотовское городище – д. Колотово, левый берег р. Шеньги левого притока р. Юг.

Как уже упоминалось, городище было известно с конца XIX – первой трети XX в. Оно располагается в 200 м к Ю от д. Колотово в излучине р. Шеньги, на залесенном мысу вытянутой пятиугольной формы высотой 25 м. Мыс соединяется с коренной террасой узким (5–10 м) перешейком, по которому проходит дорога из деревни на луга. Плоская площадка городища (6000 кв. м) ограничена с СЗ и С крутым склоном, спускающимся к реке, а с ЮЗ, ЮВ и В защищена дугообразным валом длиной 210 м. Высота насыпи составляет от 1 до 5 м, увеличиваясь к В. С восточной стороны от вала вырыт ров размером 42×6–9 м, глубиной 1 м, а также возведен второй вал. Последний – овальной формы, размерами 30×15 м, высотой 2,5 м – защищал поселение со стороны перешейка. Грунт для возведения насыпей брался, очевидно, из рва, с эскарпированных склонов, частично – с самой поселенческой площадки, на которой вдоль вала заметны характерные углубления. В южной части первого вала, в 20 м к СВ от угла площадки, имеется пятиметровый разрыв – проход на городище. В нескольких местах площадка изрыта кладоискательскими ямами. Шурф, заложенный у края одной из этих ям, выявил следующую стратиграфию: под слоями дерна (4–5 см) и выброса из ямы (12–18 см) залегала темно-серая супесь с вкраплениями угля (12–22 см), в которой обнаружены кусочки глиняной обмазки и фрагменты керамики; подстилающий материковый слой – коричневатый суглинок.

Городище относится, вероятно, к периоду раннего Нового времени. Об этом свидетельствуют 17 фрагментов круговой керамики хорошего обжига, красно-коричневого, черного и серо-коричневого цвета, с примесями дресвы и песка в тесте. Сосуды тонкостенные, с короткими отогнутыми наружу шейками, округлыми венчиками и плоскими днищами [Макаров Л., 1977. С. 33]. Аналогичная неполированная посуда присуща памятникам второй половины XVI – XVII в. Городок возник, по-видимому, как феодальная усадьба и функционировал в сложных условиях «смутного времени» [Никитин, 1965; Овсянников, 1982. С. 98, 101–102].

2. Подгорбуновская находка бронзовой накладки (Подгорбуновское местонахождение) – д. Подгорбунье, правый берег р. Юг.

Накладка обнаружена на распаханном поле в 75 м к Ю от края 3-метровой надпойменной террасы заболоченной старицы р. Юг и 150 м к ЗЮЗ от устья ручья, впадающего в старицу. Место находки располагается между дд. Подгорбунье и Страшково: в 1 км, соответственно, к З и В от каждой из них. В 40 м к Ю от него проходит ЛЭП, в 30 м к С – залесенный край поля. В 0,4 км к ВЮВ находится кирпичное здание молочно-товарной фермы. Накладка прямоугольной формы, размером 2,8×1,8 см относится, предположительно, к позднему средневековью [Макаров Л., 1977. С. 21–22].

3. Подгорбуновское III местонахождение – д. Подгорбунье, правый берег р. Юг.

В 50 м к Ю от рва Подгорбуновского городища, на ранее распаханном поле, превышающем на 7 м высоту площадки городища, была заложена поисковая траншея метровой ширины длиной 21 м, ориентированная

¹ К сожалению, имевшиеся в моих бумагах точные сведения об этих работах, обнаружить не удалось. Поэтому привожу информацию по памяти.

в направлении СЗ–ЮВ. Под дерном обнаружен слой пахоты, в котором, наряду с находками кремня эпохи камня, найден фрагмент вертикальной шейки лепного сосуда черного цвета, толщиной 0,8 см с примесью дресвы в тесте [Там же. С. 23]. Находка как будто соответствует облику лепной керамики среднего слоя Подгорбуновского городища, датирующегося XII–XIV вв. и оставленного, предположительно, смешанным славяно-финским населением [Макаров Л., 1984. С. 77, 79, рис. 5 – 2, 3, 10].

4. Подгорбуновское IV местонахождение – д. Подгорбунье, правый берег р. Юг.

В 140 м к З от Подгорбуновского городища, 40 м к Ю от д. Подгорбунье и 40 м к С от подножия залесенного холма, расположенного восточнее дороги в деревню, на распаханном поле была заложена разведочная траншея. Размеры траншеи – 30×1 м, ориентировка – по линии ССВ–ЮЮЗ. В пахотном слое выявлены кремневый скол эпохи камня, зуб животного, а также два фрагмента керамики черного и серого цвета, толщиной 0,5–0,6 см с примесью дресвы в глиняном тесте [Макаров Л., 1977. С. 23–24]. Малый размер обломков глиняной посуды и проблемы с установлением в технологии ее производства не позволяют уверенно датировать найденные черепки. Тем не менее, по общему впечатлению, они относятся, скорее всего, к развитому или позднему средневековью.

5. Подгорбуновское V местонахождение – д. Подгорбунье, правый берег р. Юг.

В 150 м к З от одноименного городища, 60 м к Ю от д. Подгорбунье, к З от траншеи IV 1977 г., между изгородью и дорогой в деревню была заложена поисковая траншея метровой ширины и длиной 30 м, ориентированная в широтном направлении. В пахотном слое обнаружено 5 единиц кремня эпохи камня и железные изделия периода позднего средневековья – Нового времени: петля с заклепками на подтругольной пластине (вероятно, ушко от ведра) и 4 пластины от крупного предмета (возможно, фрагменты ведра) [Макаров Л., 1978. С. 33–34, рис. 92].

6. Подгорбуновское городище – д. Подгорбунье, правый берег р. Юг.

Памятник находится в 150 м к ЮВ от д. Подгорбунье, на мысу высотой 15 м, ориентированном в меридиональном направлении. С напольной стороны городищенская площадка ограждена дугообразным валом длиной 20 м, высотой немногим более 2 м, а также напольным рвом, глубиной 3 м, шириной 8 м. Общая площадь городища – 1300 кв. м. Часть поселенческой площадки и склоны мыса залесены. Культурный слой поврежден многочисленными кладоискательскими ямами.

Городок известен с конца XIX в. Сведения о нем с предложением исследования памятника поступили археологам УдГУ в 1976 г. от местного краеведа В. И. Малахова. Затем на протяжении последующих двух лет раскопки на городище проводил отряд Камско-Вятской экспедиции под руководством автора. В 1977 г. предпринимались рекогносцировочные исследования. Посередине городищенской площадки была заложена меридиональная метровая траншея длиной 30 м, расширенная в южной части до раскопа. У западного края площадки выкопан шурф размерами 1,7×1,5 м. Общая вскрытая площадь составила 89,5 кв. м [Макаров Л., 1977. С. 3–21, рис. 1 – а-33]. В 1978 г. было исследовано 105,5 кв. м, общая вскрытая площадь составила 195 кв. м [Макаров Л., 1978. С. 1–33, рис. 1–89]. Поскольку материалы памятника опубликованы почти полностью [Макаров Л., 1984. С. 66–88] и нет необходимости повторяться, дадим только краткое обобщение итогов исследований, уделив большее внимание типологии керамических материалов XVI–XVII вв.

Всего на городище изучены древности трех хронологических комплексов: VIII–IX, XII–XIV, XV–XVI вв. К раннему времени относится шесть сооружений, оборонительная траншея и несколько хозяйственных ям, сопровождавшихся находками VIII–IX вв. и керамикой поздневанвиздинского облика. Два последующих комплекса связаны со славяно-русскими древностями. Более ранний представлен ямой, углистым пятном и пятью постройками, расположенными в два ряда. Ряд строений вдоль края площадки был частью оборонительной линии, состоявшей из четырех вплотную пристроенных друг к другу срубов размером 5–6×5 м. Судя по наличию в них глинобитных печей, в том числе в одном случае – с угловой каменной, а также соответствующих находок, данные постройки использовались одновременно как жилые и оборонительные сооружения. «Чисто хозяйственные» комплексы размещались на внутреннем пространстве (дворе). Немногочисленный найденный при раскопках материал – лепная и круговая посуда, обломки тиглей, железные нож, клин и наконечник стрелы XI–XII вв., попавший в поздний слой, бронзовое круглопроволочное височное кольцо с заходящими концами X–XIII вв. – позволяет датировать этот слой XII–XIV вв. Судя по керамике, данный культурный горизонт отражает, вероятно, процессы смешения славян и финнов в этом регионе. Интенсивные следы горения свидетельствуют о гибели поселения при пожаре.

Поздний слой памятника представлен фрагментом аналогичной крепостной линии. Она состояла из четырех сооружений, меньшей, чем предыдущие оборонительно-жилые объекты, ширины (3,2–4,4 м), но также с развалами печей-каменок и кусками глиняной обмазки. Судя по стратиграфии, перед возведением новых построек городищенская площадка была выровнена. Лишний грунт с нее был перемещен к склону, остатки слоя пожарища засыпаны, а площадка утрамбована. Затем на месте прежних были установлены новые срубы, под тяжестью которых грунт со временем продавился, и под ними образовались канавки. На

внутренней части площадки – во дворе – были выявлены лишь небольшие скопления камней и следы кострищ. Вещевой комплекс данного культурного горизонта многочисленный и разнообразный: более 8 тыс. фрагментов круговой керамики, два развала лепных кувшинов с ручками, пряслица из обломков стенок горшков, целая глиняная свистулька и осколок другой, фрагменты тиглей, железные изделия, бронзовые перстень и кольцевидная фибула, кости животных, изделия из них, каменные оселки. Все эти находки ярко характеризуют русскую культуру XV–XVI вв.

Особое значение имеет керамика. Посуда круговая (кружальная), хорошего обжига, темно-серого и черного цвета, с плотными и крепкими стенками толщиной 3–5 мм. В глиняном тесте фиксируются искусственные примеси дресвы и слюды. Керамика обработана по статистической программе В. Ф. Генинга [1973. С. 114–136] с некоторыми коррективами, точнее с учетом особенностей изготовления посуды с помощью гончарного круга. В статистическую обработку включено 112 фрагментов шеек. В результате проведенной корреляции всех фрагментов по указателям (высотный шейки и высотный плечика) выделены две основные категории сосудов: горшки и банки (рис. 2). Наиболее многочисленны горшки – 87%. По углу наклона шейки и плечика они делятся на два типа: I – с вертикальной или слабо отогнутой шейкой (51%); II – с сильно отогнутой шейкой (49%). По форме венчиков выделено 5 вариантов внутри обоих типов сосудов:

1. Ровные по толщине венчики и стенки, отгиб мягкий, край округлый. Сосуды с такими венчиками бытовали у славян широко во времени и на большом пространстве.
2. Срезанные (скошенные) наружу венчики.
3. Венчики с отогнутым наружу бортиком. Г. П. Смирнова отнесла такой вариант к типу VI подтипа Б – по керамике Новгорода – и датировала его XIV–XV вв. [1956. С. 244, 247].
4. Четко оформленный венчик.
5. Округлые венчики, шейка переходит в плечико через уступ. Согласно Г. П. Смирновой, подобная керамика появилась во второй половине XV в. и преобладала в XVI в. [Там же. С. 244, 247]. По мнению М. Г. Рабиновича [1949. С. 60], грубая красная керамика Москвы с такими венчиками бытовала позднее: в первой половине XVI – XVII в. Однако по внешнему виду рассматриваемая посуда Подгорбуновского городища все же ближе к новгородской.

В категории баночных сосудов выделено две группы: 1) чашки (40%) и 2) банки (60%).

Основная масса посуды XV–XVI вв. Подгорбуновского городища не орнаментирована. В коллекции имеются лишь единичные фрагменты с линейно-волнистыми узорами или широкие линии, нанесенные черной краской. Кроме того, на днищах прослеживаются гончарные клейма: 3 целых оттиска и 16 фрагментарных. Все они однотипные – 2 окружности, пересеченные радиальными линиями. По всей вероятности, сосуды этой партии были изготовлены на одном круге и одним мастером.

Подгорбуновское городище имело своеобразную крепостную систему – в виде жилых оборонительных клетей. Укрепления такого типа были распространены как в Южной Руси – в XII–XIII вв., так и на Русском Севере – с XIV в. [Раннопорт, 1975. С. 131, 132, рис. 39; Овсянников, 1977. С. 102; 1982. С. 102–104]. Следы таких же клетей выявлены нами на Средней Вятке [Макаров Л., 2001. С. 16, рис. 39]. Большого военного значения городище, очевидно, не имело. Об этом свидетельствует малочисленность предметов вооружения и отсутствие сведений о городке в синхронных ему письменных источниках.

7. Юрковщина, местонахождение – д. Юрковщина, правый берег р. Юг.

Фрагмент круговой (кружальной) керамики красного цвета обнаружен на пашне в 0,6 км к ЮЗ от д. Юрковщина, 0,3 км к ЮВ от р. Юг. От места находки до края высокой (29 м) коренной террасы реки – порядка 50 м и столько же к СВ от четвертого по счету от деревни и самого длинного (130 м) лога. Найденный черепок – толщиной 0,7 см, с примесями дресвы и песка в тесте, орнаментирован двумя желобками, образовавшими каннелюры. Вероятная дата артефакта – позднее средневековье [Макаров Л., 1977. С. 25–26].

8. Ровдинское селище – д. Ровдино, правый берег р. Юг.

Данный населенный пункт находится на невысокой (2–3 м) надпойменной террасе реки. В 100–130 м к Ю от деревенских огородов и 240–270 м от реки установлена изгородь. К Ю от нее, на пашне и в шурфах, на площади 7600 кв. м (190×40 м) обнаружено большое количество керамики, железный кованый гвоздь и кремневый скол. Посуда кружальная, плоскодонная, хорошего обжига, серого, коричневого и красного цвета, изготовлена из глины с добавками песка и дресвы. Шейки сосудов резко отогнуты наружу. Толщина черепков варьируется от 3 до 10 см. На памятнике было заложено два шурфа, в которых зафиксирована одинаковая стратиграфия. Под слоем пашни (16 см) залегала темно-серая супесь мощностью 26–40 см с находками керамики и кремня; подстилающий слой – светло-серый песок. По керамике селище датируется поздним средневековьем – началом нового времени, предположительно, XVI–XVII вв. [Там же. С. 27].

9. Коровинское местонахождение – д. Коровино, правый берег р. Юг.

В 0,3 км к С от д. Коровино, 0,4 км к Ю от с. Новая Яхреньга (на левом берегу р. Юг), 30 м к З от тракта, соединяющего оба населенных пункта, на пашне у рожицы найдена бронзовая подвеска. Данное место находится

между двумя неглубокими логами: в 60 м – от северного и 150 м – от южного. Место находки располагается между неглубокими логами (в 60 м от северного и 150 м от южного), в 100 м к В от залесенного края коренной террасы высотой 6 м, круто обрывающейся к р. Юг и постепенно поднимающейся к дороге до 10 м и далее на восток более чем на 17 м. Подвеска плоская, сердцевидная, размером 3,0×2,7 см, с ушком для подвешивания [Там же. С. 28]. Аналогичные изделия украшали сбрую коня и бытовали в новое время (XVII–XIX вв.).

10. Южное поселение – пос. Южный, левый берег ручья Морозовка правого притока р.Юг.

На северо-восточной оконечности поселка располагается невысокий (5 м) подтреугольной формы мыс надпойменной террасы реки, ограниченный с СЗ поймой, с В – ручьем Морозовка. Южная и центральная части мыса были скрыты бульдозером при строительстве дамбы для тракта Подосиновец – Ровдино, проходящего к Ю от мыса. Размер котлована – 60×15–28 м (900 кв. м), что составляет треть первоначальной площади мыса (около 3500 кв. м). Вдоль северо-западного края мыса прослеживаются три крупные поздние ямы. При обследовании дна и зачистке восточной стенки котлована обнаружено 4 кремневых изделия эпохи камня и большое количество обломков керамики. Посуда горшечная и баночная, изготовлена при помощи гончарного круга. Черепки неорнаментированные, темно-серого, коричневого и черного цвета, с примесью песка в глиняном тесте. Сосуды имели короткие или средней высоты шейки с отогнутыми наружу округлыми венчиками. Стратиграфия зачищенного края котлована проста: под слоем дерна (5 см) отложился культурный слой черной супеси мощностью до 40 см; материк – светло-коричневая глина. Следов раннего слоя – эпохи камня – не выявлено. Керамический материал относится к новому времени (XVII–XVIII вв.). По ошибке он не был включен мною в отчет [Там же. С. 28–29].

11. Володинское селище – д. Володинская, левый берег р. Юг.

Памятник находится чуть ниже устья правого притока р. Юг – р. Пушмы, в 0,23 км к С от нежилой д. Володинская, 0,35 км к ЮЮВ от д. Верхнее Чуприяново и 0,5 км к ЮЗ от пос. Подосиновец. Селище расположено на надпойменной террасе р. Юг высотой 4–5 м, между берегом реки и бывшим мелиоративным каналом, поросшим, как и берег, листовым мелкокошачем. На поле, на площади 31 500 кв. м (350×90 м) было собрано значительное количество обломков плоскодонной круговой керамики. К ней относятся две группы горшков: 1) с высокими, отогнутыми наружу шейками, округлыми и плоскими венчиками; 2) с короткими вертикальными шейками и округлыми венчиками. Верхние края чашевидных и баночных сосудов были наклонены внутрь емкостей, отчего сосуды имели частично закрытое устье. Венчики у них округлые. На одном фрагменте отмечен орнамент в виде резных линий, образующих треугольники. Примеси в тесте – мелкий песок и дресва. Кроме того, на пашне обнаружено округлое в плане (диаметром 2,5 см) и овальное в разрезе глиняное пряслице с наклонным отверстием диаметром 0,4 см, а также несколько кусков шлака и кости животных. Посередине селища находились две поздние ямы, поросшие деревьями и кустами [Там же. С. 31, рис. 68–69, 79]. Поселение существовало в XVI–XVIII вв. При его основании было использовано стратегически выгодное местоположение – близ устья р. Пушмы. Последняя в недавнем прошлом связывала Устюжскую землю системой волоков с Вяткой [Макаров Н., 1997. С. 99; табл. 85 – 1].

12. Аксентьевское городище (Осиновец) – д. Аксентьевская, левый берег р. Черная, левого притока р. Юг.

Городище расположено на мысу подтрапециевидной формы, высотой 19–20 м, ориентированном по оси СВ–ЮЗ. Оно отделено от д. Аксентьевская западным логом, по дну которого течет ручей, впадающий слева в левый приток р. Юг – р. Черная. Последняя протекает в 0,8 км к ЮВ от памятника, а р. Юг – в 1,8 км к ВЮВ от него. Пос. Подосиновец, получивший имя от названия городка, расположен в 3 км к ВЮВ, на противоположном берегу р. Юг. У подножия городища проходит полевая дорога, соединяющая соседние деревни Перхино и Прислон. Площадка памятника (14 400 кв. м) защищена валом длиной 85 м, шириной 14 м, высотой 3,5 м и напольным рвом длиной 80 м, шириной 15 м, глубиной 4 м. В юго-восточной части площадка понижена на 2 м, а с северной и юго-западной повышена на 1 м. В северной части памятника находится частично разрушенная кирпичная церковь XVIII в.² Западнее ее сохранились остатки кирпичного сооружения и деревянная постройка. Восточнее фиксируются основания кирпичных столбов от ограды кладбища и неглубокая канава. Площадка городища открытая. Лишь вдоль северного и юго-восточного краев памятника посажены деревья, а восточный береговой склон зарос лесом³.

² В отчете была указана ошибочная дата постройки церкви – XV в. [Макаров Л., 1977. С.32], невольно повторенная и в современном справочнике [Памятники..., 2010. С. 128]. Верная дата – XVIII в.

³ В начале 1990-х гг. территория памятника была незаконно приватизирована местным фермером, который постарался по своему «окультурить» церковь, перекрыв крышу современными материалами, и привести в порядок площадку. После протестов органов государственной охраны памятников историко-культурного наследия был достигнут компромисс: хозяин обязался не проводить на территории городища основательных земляных работ и возводить капитальные постройки. Современное состояние городища мне неизвестно. Приведенные здесь сведения почему-то не попали в современное научно-справочное издание [Памятники..., 2010. С. 128].

У северного края площадки были заложены два шурфа, в которых выявлена следующая стратиграфия. Шурф 1: под слоем дерна (5 см) залегал коричневый суглинок (12–22 см) с находками керамики, ниже – оранжевая глина без находок (9–14 см), далее – темно-серый суглинок (10–26 см) с фрагментами керамики и кремнем (2 экз.), перекрывший золистый (7–37 см) и углистый (3–7) слои без находок; подстилающий слой – красная глина. Суммарная мощность напластований 60–100 см. Шурф 2: дерн (5 см), далее – слои строительного мусора (кирпич, известка, скорей всего, оставшиеся от постройки изгороди) (18–35 см) и пестроцвета без находок (23–29 см) (возможно, это насыпка надмогильного холмика), еще ниже – коричневый суглинок (12–14 см) с находками керамики и костей человека (очевидно, выброс из разрушенной могилы), перекрывший второй слой мусора (11–20 см), – по-видимому, материальный след от возведения храма, и, наконец, предматериковый слой темно-серого суглинка (30–40 см) с находками керамики; материк – красная глина. Общая толщина культурных слоев в этом месте достигает 110–130 см.

Керамика – гончарная, серого, черного, коричневого и оранжевого цвета, с примесью песка в тесте – от горшков, банок и чашевидных сосудов. Горшки имели высокие или короткие шейки с сильно или слабо отогнутыми наружу округлыми, плоскими, приостренными или срезанными внутрь венчиками. Галечниковый кремль (скобель и скол) также мог использоваться русскими обитателями городища. Кости черепа человека (кость лицевой части и фрагмент челюсти) явно происходят из православного кладбища при церкви и попали в культурный слой при копке новой могилы [Макаров Л., 1977. С. 31–33, рис. 70–72, 75, 80]. Керамический материал подтверждает летописную дату первого упоминания городка и дальнейшее его использование: XV–XVIII вв.

Источники и литература

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М., 1964.
 Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500–1699 гг. (РИБ. Т. XII). СПб., 1890.
 Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 2. (РИБ. Т. XIV). СПб., 1894.
 Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Ратнопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция // КСИА. Вып. 81. М., 1960.
 Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийевская) летопись // ИАС. Вып. 4 Сыктывкар, 1958.
 Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1. М., 1973.
 Гуслистов Н. В. Вологодская экспедиция // АО 1977 г. М., 1978.
 Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.
 Макаров Л. Д. Отчет об исследованиях в Подосиновском и Тужинском районах Кировской области, проведенных летом 1977 г. Ижевск, 1977. Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 67.
 Макаров Л. Д. Отчет об исследованиях в Подосиновском и Тужинском районах Кировской области, проведенных летом 1978 г. Ижевск, 1978. Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 84.
 Макаров Л. Д. Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984.
 Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.
 Макаров Н. А. Средневековые поселения Устюжской округи // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья (МАЕСВ. Вып. 11). Сыктывкар, 1988.
 Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.
 Малахов В. В глубь веков // Кировская правда. 23 окт. № 249. Киров, 1976а.
 Малахов В. Намечаются раскопки // Знамя. 27 нояб. № 142. Подосиновец, 1976б.
 Малахов В. Раскопки Подгорбуновского городища // Знамя. 29 окт. № 130. Подосиновец, 1977.
 Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге // КСИА. Вып. 96. М., 1963.
 Никитин А. В. Крепость Халезец и Кич-Городок // КСИА. Вып. 104. М., 1965.
 Никитин А. В. Археологические исследования в Вологодской области // Материалы по истории Европейского Севера СССР (САС. Вып. III). Вологда, 1973.
 Овсянников О. В. Новые данные о Емецком городке // КСИА. Вып. 150. М., 1977.
 Овсянников О. В. Укрепленные усадьбы XIV–XV вв. как памятники оборонного зодчества Русского Севера // КСИА. Вып. 172. М., 1982.
 Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований: справочник / Отв. ред., сост. А. Л. Кряжевских. Вып. 2. Киров, 2010.
 Полицевтов Н. А. Сведения о городках и городищах, находящихся в Вологодской губернии // Тр. VII археологического съезда в Ярославле в 1887 г. Т. 3. М., 1892.

Попов П. В. Колонизация русскими Вологодской губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. Вологда, 1861.

Рабинович М. Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12. М., 1949.

Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е1-32. Л., 1975.

Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55. М., 1956.

Спицын А. А. Древности Севера. Вологодской, Архангельской, Сев.-Двинской губерний и области Коми. Тотма, 1926.

Степановский И. К. Вологодская старина: ИАС / Сост. И. К. Степановский. Вологда, 1890.

Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950.

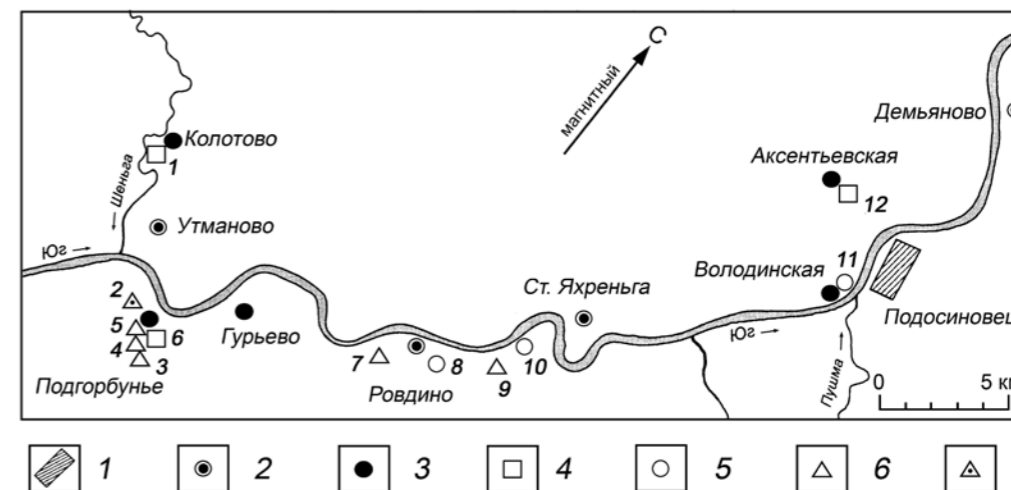

Рис. 1. Памятники среднего течения р. Юг, исследованные в 1977–1978 гг.: 1 – поселок; 2 – село; 3 – деревня; 4 – городища; 5 – селища; 6 – местонахождения; 7 – единичная находка керамики.
Памятники: 1 – Колотовское; 2 – Подгорбуновская (бронзовая накладка); 3–5 – Подгорбуновские III–V (железные вещи, керамика); 6 – Подгорбуновское; 7 – Юрковщина (керамика); 8 – Ровдинское; 9 – Коровинское (бронзовая подвеска); 10 – Южное; 11 – Володинское; 12 – Аксентьевское (городок Осиновец)

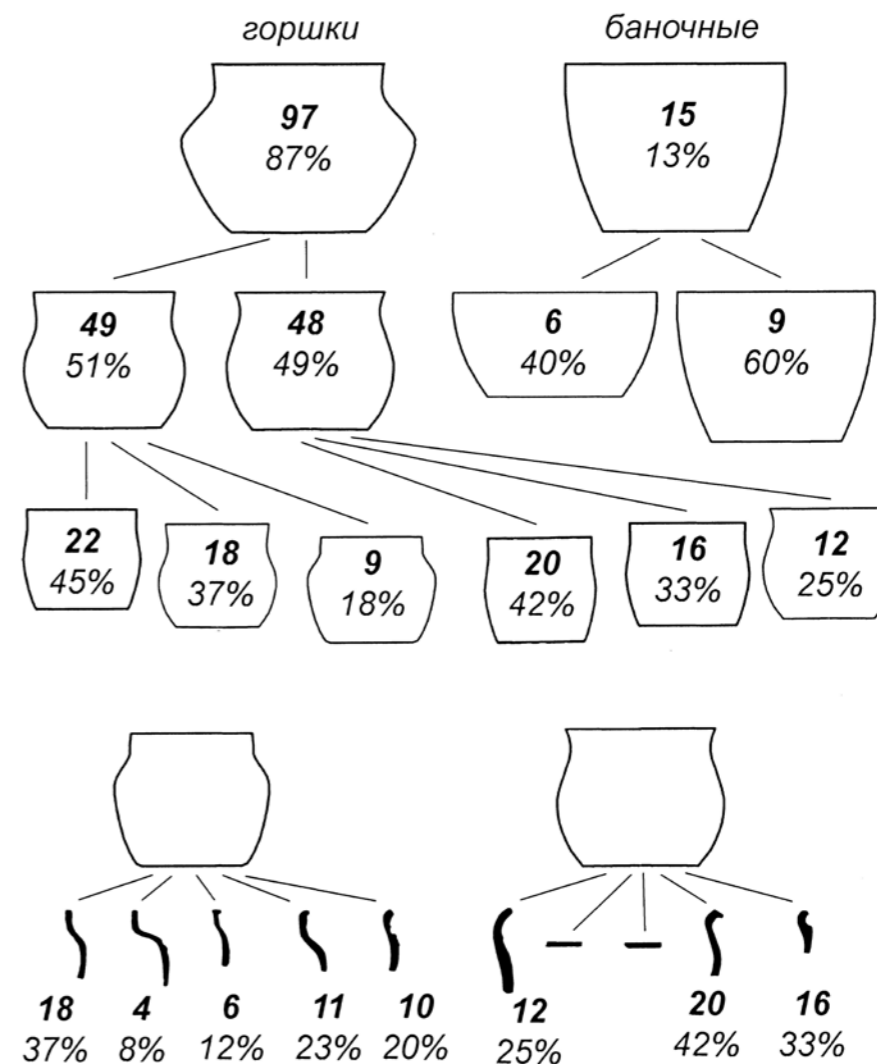

Рис. 2. Подгорбуновское городище. Типология форм сосудов XV–XVI вв.

Г. Х. Самигулов
г. Челябинск
ЮУрГУ
С. А. Мишарин
г. Челябинск
ЦИКР «Рифей»

СЕВЕРНЫЕ «СЛЕДЫ» В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ XVII–XVIII ВЕКОВ

Основные аспекты формирования населения Южного Зауралья XVII–XVIII вв. были рассмотрены в работах А. А. Преображенского, А. А. Кондрашенкова, В. В. Менщикова и других исследователей. Выдвинутый в их работах тезис о преобладании в этом регионе переселенцев из Поморья (как это выражение понималось в те времена), иначе говоря, – с Русского Севера и из Прикамья, сегодня не ставит под сомнение. Однако с наличием северных элементов в культуре русских жителей Южного Зауралья дело обстоит не столь ясно. Одному нашему коллеге во время защиты диссертации по этнографии был задан такой вопрос: если была так велика доля северного крестьянства в Южном Зауралье, то где зримые признаки этого в культуре, особенно материальной? Признаков, на первый взгляд, действительно немного. Часть из них «растворилась» в процессе смешения населения и распространения общих тенденций еще в конце XIX – начале XX в. Другая часть «ушла» еще раньше, поскольку была вытеснена в ходе развития ремесла и фабричного производства, а также изменения условий хозяйствования. Какие-то элементы, связанные с северным происхождением, бытуют до сих пор, правда, только в сельских районах. При этом говорить надо, пожалуй, не только о материальной культуре, но и о «филологической» составляющей – диалектизмах, поговорках, обозначениях построек, инструментов и хозяйственных процессов и т. д. Предлагаемый текст не является законченной научной работой в строгом смысле этого слова: это, скорее, эскиз, «набросок», в котором использованы самые разнообразные материалы. Возможно, даже – это несколько неуклюжий способ привлечь внимание исследователей Южного Зауралья к необходимости комплексных, если угодно, историко-филологических исследований.

В одном из сборников статей «Челябинск неизвестный» был опубликован своего рода «семейный словарь» одной из зауральских семей. При этом автор опубликовала как собственно словарь, так и подборку пословиц и обиходных выражений. Эта подборка сама по себе представляет немалый интерес. Кроме того, во вводной части к словарю есть замечательный сюжет, который я процитирую полностью: «У свекрови моей было выражение: «Ну что ты стал середь терского!». Это обозначало «стал посередине», «встал на пути», «всем мешаешь», «встал и все на тебя смотрят». Мы не вдумывались в значение слова, но понимали, что подразумевается какое-то широкое пространство, и на этом пространстве какой-то народ, а может, и не народ, а ты один возвышаешься; словом, не искали особого смысла, понятно было и так. И вот однажды попала мне в руки довольно подробная карта Белого моря. Любопытствую. Оказывается, все берега моря имеют собственные названия. И среди них – Терский берег! Вот, оказывается, какое широкое пространство скрывается за поговоркой нашей матушки! Встал посередь Терского берега, у всех на виду, чтобы обратить на себя внимание...» [Багрецова, 2008. С. 611–612]. В языке потомков выходцев с Севера европейской части России сохранились выражения, связанные с топонимикой, не рефлексивной этими самими потомками. Не считая той самой топонимики, отображенной в названиях поселений на новом месте, или в фамилиях людей – с. Каргополье, д. Зырянская, семьи Важенниных, Уржумцевых, Зыряновых...

Необходимо сказать об одной особенности первоначального русского расселения в Южном Зауралье. Точнее, эта особенность являлась обычным и понятным явлением для Русского Севера, Прикамья, более северных районов Зауралья и стала «особенной» лишь здесь, на юге. Это упорное нежелание первопоселенцев селиться на водоразделах, или, иначе говоря, в междуречьях. Практически все слободы XVII – начала XVIII в. построены на реках. Есть редкие исключения: слободы на горно-лесных озерах Среднего Зауралья – Аять и Песчаном – под нынешним Екатеринбургом. Огромное количество земель, пригодных для пахоты, а также пастбищ, покосов и прочего находится в Южном Зауралье, как раз-таки на водоразделах. Плюс к тому большое количество озер, расположенных также на водораздельных равнинах. Исходя из всего этого, упорное нежелание первых русских поселенцев «оторваться» от рек и начинать осваивать территории у озер, в междуречьях, трудно объяснить исходя из наших сегодняшних представлений. Эту специфику русского расселения четко определил, равно, как и дал ей объяснение, В. В. Пестерев [2005. С. 183–189]. Здесь как раз сказалось то, что основная масса переселенцев была из районов Северного Приуралья и Русского Севера, где основные плодородные почвы образовывались именно на пойменных

участках. Переселяясь на новые земли, они исходили из своих представлений, накопленного опыта хозяйствования и лишь со временем понимали, что ситуация здесь иная, чем в прежних местах их проживания. В любом случае, в новых местах люди использовали ту тактику, которая была проверена опытом прежней жизни. По этой причине сначала занимались территории вдоль рек, а уж потом постепенно осваивались земли в глубине водоразделов. Причем, по мере того, как приходило понимание, что в Южном Зауралье природные условия сильно отличаются от тех, что были привычны переселенцам из Поморья. Вместе с тем изменялись и представления о пригодности земель к запашке, в зависимости от их удаленности от рек.

Керамика, – т. е. целые, а чаще фрагментированные изделия из глины и, в первую очередь, посуда, – является основным и самым массовым типом находок на памятниках Нового времени. Также как на поселениях более ранних эпох, начиная с неолита. Одна из примечательных особенностей керамического комплекса, полученного при раскопках культурного слоя г. Челябинска XVIII–XIX вв. – это наличие значительного процента посуды довольно архаичных форм и технологии изготовления (жгутовой налп с последующим заглаживанием на поворотном круге). Однако сейчас хотелось бы упомянуть о специфических формах одного из типов посуды – *кринок*. В одной из статей, посвященных глиняной посуде из позднего слоя г. Челябинска, мы назвали эту группу «приземистые» кринки. От привычных образцов посуды, относящихся к этому типу, их отличают пропорции: высота и диаметр сосудов соотносятся примерно 1:1. На рис. 1 показаны прорисовки разных сосудов из слоя Челябинска XVIII–XIX вв.: баночный горшок, или банка (рис. 1 – 1); обычный горшок без венчика (типа *чугунка*) (рис. 1 – 2); серия «приземистых» кринок (рис. 1 – 3–9) и разные варианты обычных кринок (рис. 1 – 10–12). В общем-то, сам подбор прорисовок показывает, что мы хотим сказать: в составе глиняной посуды XVIII – начала XIX в. имеется группа сосудов, демонстрирующая процесс развития формы кринки из банки (баночного горшка). Необходимо отметить, что в синхронных слоях есть и простые кринки, уже вполне сложившихся форм. Тем не менее большая часть сосудов этого типа, относящаяся к XVIII в., представляет собой, скорее, переходные формы от горшка к кринке.

Обсуждая эту «странность» с коллегой П. А. Корчагиным, мы пришли к версии, что ситуация с формой кринок определялась уровнем развития скотоводства, точнее, содержания крупного рогатого скота. Можно предположить, что при бесстойловом содержании скота (хлевы и коровники практически не упоминаются в описаниях дворов XVIII в.) уровень надоев был не очень велик, поэтому потребности в посуде, предназначенной для отстаивания сливок, были также малы. В то же время кормовая база Южного Зауралья и Среднего Прикамья, по сравнению с районами Верхнего Прикамья и Поморья, была значительно лучше. Соответственно, надои в двух первых регионах были значительно выше, что и привело к повторному «изобретению» кринки. Правда, это лишь версия, но мы пока не видим других объяснений преобладания «приземистых» форм кринок в слое г. Челябинска XVIII в.

Еще один момент, на который хотелось обратить внимание, – оформление внутреннего пространства православных погребений в Южном и Среднем Зауралье XVIII в. Приведенный ниже текст является почти дословным изложением более ранней публикации [Самигулов, 2005], но здесь представляется очень уместным.

В 1996 и 2004 гг. в Челябинске были исследованы погребения двух кладбищ, датированных XVIII в. На одном из них, располагавшемся внутри стен Челябинской крепости, рядом с церковью Николая Чудотворца, и функционировавшем ориентировочно в 1740–1771 гг., выявлено более 115 могил. На втором, которое предположительно находилось за стеной первой Челябинской крепости и действовало в 1736–1740 гг., исследовано 9 погребений.

Практически все исследованные погребения имели широтную ориентировку, с отклонениями до 35° (и лишь одно – меридиональную), погребенные лежали головой на запад. Зафиксированы следующие варианты оформления внутримогильного пространства: погребения в дощатых гробах трапециевидной или прямоугольной формы, сбитых кованными четырехгранными гвоздями; захоронения в колодах (гробах, выдолбленных из цельного ствола дерева); помещение в гроб тела, обернутого берестой; погребение без гроба – в берестяном или лубяном «саване»; покрытие гроба берестой; помещение тела, обернутого в бересту или на берестяной подстилке, в деревянный короб, без крышки и дна.

Определить характер оформления погребений, то есть как хоронили покойника – в гробу, колоде, коробе без дна, оборачивали его берестой или лубом – удалось для 112 погребений. Если рассматривать общую тенденцию, то явно прослеживается преобладание погребений в гробах (55,4 %). Погребения в колодах составляют 25 %. С использованием бересты захоронено 23,2 % умерших. Некоторое расхождение в цифрах происходит из-за того, что в трех случаях в гроб было положено тело, обернутое берестой (2,7 %), а в одном случае берестой был покрыт гроб (0,9 %). Картина меняется, если разделить погребения на две возрастные группы – детские и взрослые. Оговоримся сразу, что это деление произведено условно: могильные ямы длиной более 160 см отнесены к погребениям взрослых людей, остальные – к детским захоронениям. Подобное разделение, на наш взгляд, позволяет выделить погребения детей возрастом до 13 лет. Здесь ситуация такая. Среди детских погребений преобладают могилы с колодами (42,5%), береста и луб использованы в 30,5%

погребений, гробы зафиксированы в 29% могил. Во взрослых погребениях: гробы отмечены в 83% могил, колоды – в 8%, а береста или луб использованы в 15% могил.

Можно сказать, что данные по взрослым и детским погребениям расходятся: если для детских погребений более характерны колоды, а использование коры и могил с гробами количественно примерно равны, то погребения взрослых в абсолютном большинстве случаев совершались в гробах. Возможно, это является свидетельством отмирания традиции: старые формы погребения применялись, в основном, в тех случаях, когда это было менее хлопотно, требовало не так много усилий. Дело в том, что Челябинск расположен в лесостепной полосе. Рядом с крепостью находился сосновый бор, но найти дерево, пригодное для изготовления колоды, рассчитанной на взрослого человека, было довольно сложно. Также как заготовить большие куски бересты и сшить из них полотнища для взрослого умершего. В случае с детскими погребениями эти проблемы решались проще. По этой причине в детских могилах в большей степени отражены архаичные северные (таежные) погребальные традиции: их соблюдение не требовало чрезмерных усилий.

В начале статьи уже говорилось, что подавляющее большинство переселенцев в Южное Зауралье XVII – середины XVIII в. были выходцами из Поморья. Соответственно, погребальный обряд (в том числе варианты оформления внутримогильного пространства), зафиксированный на некрополях Челябинска XVIII в., был характерен именно для этой группы населения. Причем мы наблюдаем уже «размывание» или деградацию традиции, т. е. ту ее стадию, когда соблюдение ее характерно для детских погребений, где это требовало гораздо меньших усилий.

В качестве послесловия к небольшой мозаике сюжетов, связанных с проявлением северных элементов в культуре русского населения Южного Зауралья, хотелось бы в очередной раз повторить старую истину о необходимости междисциплинарных исследований.

В качестве финальной истории приведем небольшой сюжет. В некоем интернет-сообществе, изучающем историю Челябинска, один из его участников сделал открытие, что через протекающую по городу р. Миасс горожане в XVIII–XIX вв. плавали на «завознях». Почти во всех известных словарях слово «завозня» действительно обозначает лодку для переправы людей и грузов через реку либо плоскодонную баржу. Однако в местных документах это слово обозначает исключительно сарай, в котором ставились телеги и сани, т. е. крестьянский каретник. В этом значении слово используется на Русском Севере. Пришлось потратить довольно много времени, чтобы объяснить автору поста (а заодно и другим участникам сообщества), что на челябинских завознях не плавали...

Литература

Багрецова Н. Л. Взгляд на прошлое через семейный словарь (опыт свободного исследования) // Челябинск неизвестный: Краеведческий сб. Вып. 4. Челябинск, 2008.
 Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Ч. 1, 2. Челябинск, 1966.
 Меницков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004.
 Пестерев В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв. Курган, 2005.
 Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972.
 Самигулов Г. Х. Некоторые аспекты формирования русского населения Зауралья XVII–XVIII вв. (попытка комплексного подхода на примере населения Челябинской крепости) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 2. М., Сыктывкар, 2005.

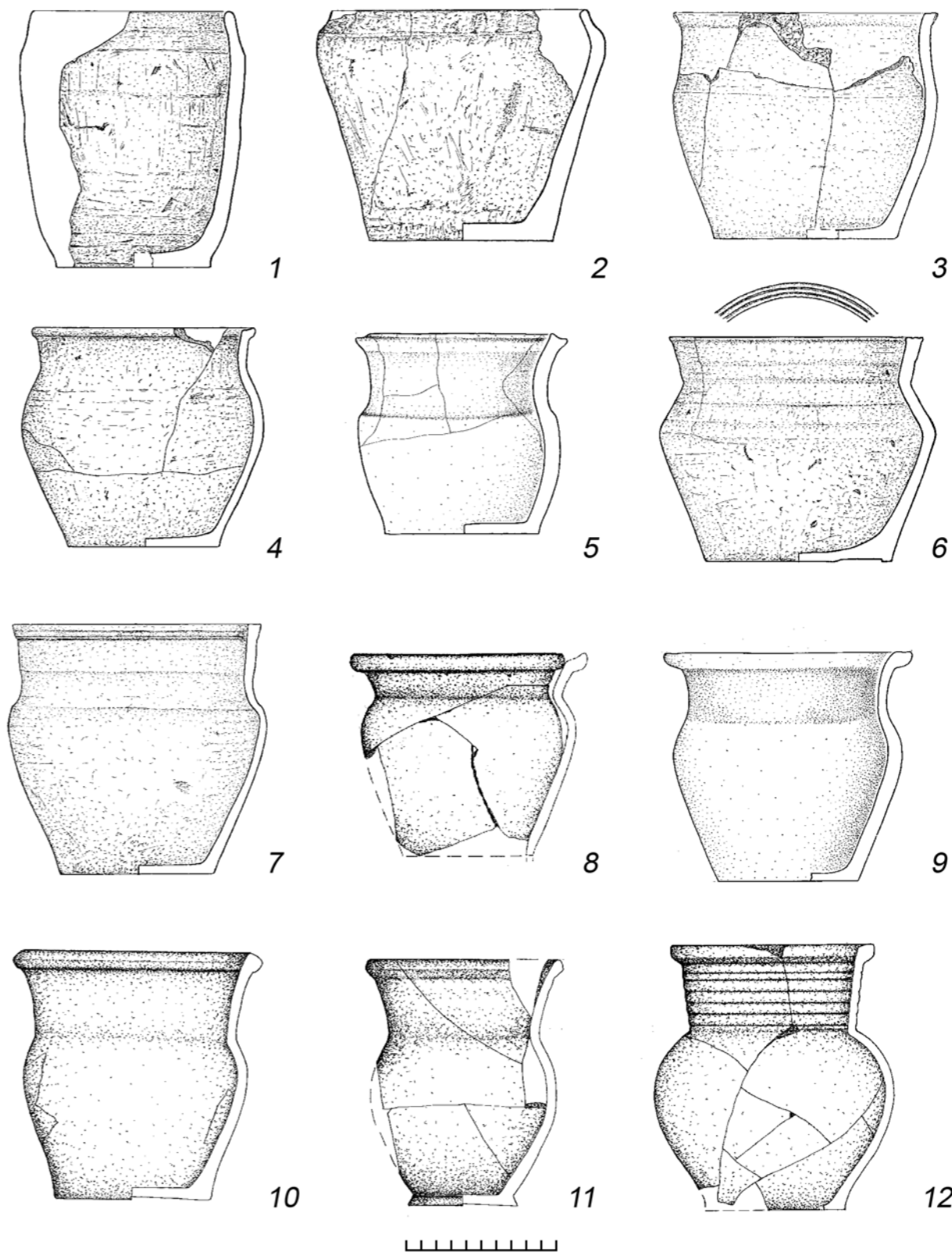

Рис. 1. Формы сосудов (стадии формирования кринок): 1 – баночный горшок (банка); 2 – горшок без венчика; 3–9 – «приземистые» кринки; 10–12 – обычные кринки

П. О. Сенострусова, П. В. Мандрюка
г. Красноярск
СФУ

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В последние годы в ходе масштабных полевых работ Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН на территории Северного Приангарья получен значительный массив новых материалов по истории региона в средние века. Эти данные позволяют вернуться к вопросу о направлениях культурных связей населения нижнего течения р. Ангары в период развитого средневековья.

Ранее, опираясь на материалы погребальных памятников Северного Приангарья (могильники Усть-Кова, Чадобец, Сергушкин), проводя анализ особенностей погребального обряда и состава погребального инвентаря, авторы отмечали исключительно южное направление культурных связей ангарского населения [Леонтьев, Ермолаев, 1992. С. 18]. В некоторых случаях речь шла о тюркском [Леонтьев, 1999. С. 21], иногда более конкретно, – кыргызском влиянии на местные таежные племена [Привалихин, 1993. С. 103].

Новые материалы позволяют посмотреть на данную проблематику шире, выявить другие направления культурных связей, поставить вопрос об обоюдном влиянии, а не только о прямом воздействии на средневековое ангарское население тех или иных соседей.

В результате охранных раскопок могильника Проспихинская Шивера-IV, который расположен на правом берегу Ангары, близ устья р. Коды, были изучены 88 погребений развитого и позднего средневековья. В составе погребального инвентаря выделяется комплекс предметов, происхождение которых связано с северными районами Западной Сибири. Все изделия данной группы представлены бронзовыми украшениями.

Ажурные лапчатые подвески (2 экз.) – треугольной формы с орнаментом в виде витого шнура (рис. 1 – 8) – происходят из одного погребения № 14. Размеры изделий: 2,5×2,0×0,2 и 3,3×2,3×0,2 см. Одна подвеска сильно оплавлена. На основании набора сопроводительного инвентаря погребение датируется XII–XIV вв.

Подобные подвески считаются специфичными для таежной зоны Северо-Западной Сибири. Они появляются здесь к XII в., а время их широкого бытования – XIII–XV вв. [Семенова, 2001. С. 61].

Арочные шумящие подвески (3 экз.) – типологически однородные, отличаются лишь некоторыми деталями оформления. Все они частично повреждены, от одной сохранился только щиток. Щитки округлой формы, с ушком для привешивания в верхней части и тремя петлями, к которым при помощи цепочек из восьмеркообразных звеньев, были прикреплены бубенчики. Размеры щитка варьируются от 2,5×3,0×0,3 до 3,1×3,0×0,2 см. Длина самих подвесок – 7,0–8,0 см, количество звеньев на подвесках – 2–3. Различия касаются оформления щитка. На двух из них присутствует спиралевидный орнамент, закручивающийся от центральной «жемчужины» (рис. 1 – 3). Третья подвеска – с розеткой в центре и двойной окантовкой рубчатыми валиками (рис. 1 – 1). Шумящие подвески найдены в погребениях № 7 и 8. Последние – на основании находок в них поясов «монгольского» типа – датируются XIII–XIV вв.

Ближние по форме подвески известны в лесном Прииртышье в XI–XIII вв. [Баранова и др., 2012. С. 165], Нарымском Приобье на памятниках кинтусовского типа X–XIII вв. [Могильников, 1987. С. 330, 339]. Достаточно широко подобные привески представлены в материалах Юганского Приобья, где датируются XIII–XIV вв. [Семенова, 2001. С. 70]. Единичные находки данных предметов зафиксированы в могильниках развитого средневековья Томского Приобья (Астраханцевский курганный могильник и могильник Бедеровский бор III), где они рассматриваются в качестве предметов северного «импорта» [Комова, 2008. С. 188] и датируются XII–XIII вв. [Березовская, 1992. С. 31].

Кроме северных и западных сопредельных территорий, шумящие подвески указанного типа отмечены и для южных районов Сибири. Единичные подобные изделия обнаружены на Чулыме, в позднесредневековом могильнике XVI–XVII вв. у д. Тургай [Дульзон, 1953. С. 242, рис. 7], а также среди подъемного материала на территории Хакасско-Минусинской котловины (по материалам музея им. Н. М. Мартыанова).

Зооморфные подвески (2 экз.) со стилизованным изображением медведя; обнаружены в погребениях № 7 и 8, о датировке которых говорилось выше. Одна из подвесок сильно оплавлена, восстановить ее первоначальный вид невозможно. Вторая, полностью сохранившаяся, выполнена в технике объемного литья, отлита в двусторонней форме с сердечником. Размеры изделия: 3,5×4,2×1,1 см. Зверь изображен в профиль с опущенной головой и раскрытой пастью. Рельефным орнаментом – в виде канавок и мелких углублений – обозначены уши, глаза, пасть и шерсть животного (рис. 1 – 2). Петля для подвешивания украшения с круглым отверстием отлита в виде горба на спине зверя.

Полые объемные пронизки-подвески в виде фигуры медведя появляются в Прикамье в первых веках н. э. [Зыков и др., 1994. С. 80, 132, № 53; Борзунов, Чемякин, 2006. Рис. 17 – 30]. Тогда же они начинают экспортироваться в таежное Приобье в составе массы других предметов. В Сургутском Приобье в позднекулайское время появляются местные объемные отливки с изображениями других животных [Зыков и др., 1994. С. 80, 81, 132. №№ 54, 57; Борзунов, Зыков, 2003. Рис. 5 – 1; Борзунов, Чемякин, 2006. Рис. 16 – 4; 17 – 29], а также плоские профильные орнаментированные фигурки медведя с петлей на спине [Борзунов, Зыков, 2006. Рис. 15 – 2]. В большом количестве полые пронизки с профильным изображением медведя с опущенной головой и раскрытой пастью начинают производиться в западносибирской тайге в IX–XIII вв. [Зыков и др., 1994. С. 95, 140, № 127–132; Семенова, 2001. С. 74]. Подобные изделия известны в материалах Сургутского Приобья (Сайгатинское I святилище X–XI вв., могильники Барсовский IX–XII вв., Усть-Балык XII–XIII вв.), Томского Приобья (могильник Басандайка XI–XIV вв.). Подвески могли крепиться как к поясу [Семенова, 2006. С. 123], так и украшать другие части костюма. Подобные изображения медведя, отлитые из меди и «чествуемые как кумиры» в середине XIX в. наблюдал М. А. Кастрен у обдорских остяков. По преданию, эти фигурки попали сюда очень давно – от «Пермяков и Зырян» [Кастрен, 1860. С. 189]. По сообщению Н. А. Попова (1864 г.), северные ханты изготавливали из меди медвежьей фигурки и молились им после охоты на этих животных [Иванов, 1970. С. 53]. Почитание бронзовой полый фигурки медведя как изображение божества Ем-вож-ики в образе медведя отмечено А. В. Бауло [2002. С. 148].

Орнитоморфная подвеска. В культурном слое могильника была найдена бронзовая плоская подвеска в виде птицы с массивными лапами и изогнутым клювом (возможно, собирательный образ тетерева или гагары). В верхней части изделия расположена петля для подвешивания, тулово орнаментировано. Размеры подвески: 4,7×5,3×0,4 см. Подобные изделия были широко распространены на территории Западной Сибири, в том числе и в Нижнем Приобье [Чернецов, 1957. Табл. XLV; Семенова, 2001. С. 65]. В. И. Семенова отмечает, что подвески данного типа происходят от ломоватовских типов и проникают на территорию Западной Сибири в середине I тыс. н.э., где получают импульс к дальнейшему развитию [2001. С. 66].

Трубчатые пронизки (871 экз.), из них 55 бронзовые, остальные – железные, найдены в 67 погребениях могильника и являются наиболее распространенными украшениями. Среди бронзовых выделяются группы пронизок со вздутиями (20 экз.) (рис. 1 – 9–11), насечками (24 экз.) и гладкие (11 экз.). Абсолютное большинство железных пронизок (рис. 1 – 15–17) орнаментировано поперечными насечками (785 экз.), остальные – гладкие (17 экз.) либо со спиралевидным орнаментом (14 экз.).

По всей видимости, значительное количество пронизок в погребениях, в частности, железных, является одной из особенностей могильника Проспихинская Шивера-IV.

Бронзовые трубчатые пронизки находят аналогии среди украшений, характерных для Юганского Приобья [Семенова, 2001. С. 76]. По мнению А. В. Гордиенко, данный вид украшений был широко распространен в финно-угорской среде, откуда проникают в VIII–IX вв. на территорию Сургутского Приобья, и впоследствии получают широкое распространение в таежных районах Сибири [2008. С. 81]. По всей видимости, в бассейне нижнего течения р. Ангары наибольшее распространение получили железные пронизки, которые изготавливались на месте.

Четырехлепестковые нашивки из бронзы с петлей для крепления на обратной стороне и двумя или тремя насечками на каждом «лепестке» (рис. 1 – 12–14) являются одной из самых многочисленных категорий украшений в могильнике Проспихинская Шивера-IV (333 экз.). Найдены в 52 погребениях. Подобные изделия входят в круг украшений, типичных для таежной зоны Северо-Западной Сибири в XI–XIV вв. [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998. С. 66]. В южных и восточных районах Сибири четырехлепестковые нашивки представлены преимущественно единичными экземплярами.

Трехчастные, или дуговидные, нашивки с двумя петлями для крепления на обратной стороне относятся ко второй по массовости категорий украшений могильника Проспихинская Шивера-IV (135 экз.). Зафиксированы в 12 погребениях могильника. Различаются деталями оформления, но в целом однотипны (рис. 1 – 4–6). Подобные изделия представлены в материалах Нарымского и Сургутского Приобья в XI–XIII вв. [Семенова, 2001. С. 78]. Для северных территорий, изготовление таких бляшек не только из бронзы, но и серебра, отмечено в Тазовской мастерской XII–XIII вв. [Хлобыстин, Овсянникова, 1973. С. 255]. Более поздний вариант бляшек с серповидным телом отмечается в курганах XVI–XVII вв. близ д. Тургай (Нижний Чулым) [Дульзон, 1953. С. 244]. Б. О. Долгих бляшки с серповидным телом из этих курганов сопоставил с вариантами таких бляшек, распространенными среди нганасан [1961. С. 112, рис. 9, 10]. Они отличаются от ангарских находок более выраженным U-образным центральным сектором, что является, видимо, хронологическим признаком. Л.П. Хлобыстин предполагал, что такой тип бляшек-тройчаток можно считать особым, восточным, типом, получившим развитие в Обь-Енисейском междуречье и связанным с самодийским населением [Хлобыстин, Овсянникова, 1973. С. 255].

Из представленного материала видно, что на одном могильнике Проспихинская Шивера-IV, существовавшим с середины XI по конец XIV в., зафиксированы разнообразные типы украшений, происхождение которых может быть связано с территорией севера Западной Сибири. При этом некоторые категории этих предметов (четырёхлепестковые и трехчастные нашивки, пронизки разных типов) представлены в разновременных погребениях достаточно большим количеством изделий, что может указывать на постоянный характер культурных связей жителей различных районов в пределах таежной зоны Сибири. Следует также отметить, что вещи западносибирского облика известны не только на Проспихинской Шивере-IV, но и на других памятниках долины Ангары, в частности в погребении в устье р. Коды [Леонтьев, Ермолаев, 1992. С. 18], на могильнике Сергушкин-3 [Герман, Леонтьев, 2011. С. 383], стоянке Окуневка [Березин, 2002. С. 33]. В то же время при раскопках могильника Проспихинская Шивера-IV была собрана самая представительная коллекция данных предметов. Некоторые украшения западносибирского происхождения (полые зооморфные, шумящие и лапчатые подвески) были найдены вместе с деталями поясной гарнитуры «монгольского типа», в погребениях XIII–XIV вв. [Сенотрусова, Мандрыка, 2012. С. 430].

Бронзовые изделия поставлялись на территорию Северного Приангарья довольно продолжительное время и прочно вошли в комплекс украшений местного населения в период развитого средневековья. По всей видимости, связи населения Северного Приангарья и таежного Приобья были постоянными и долговременными. Сейчас сложно определить их точный характер можно только предположить, что они были культурными, торговыми и торгово-обменными.

В природно-географическом отношении эти районы были *относительно* близки друг другу. По этой причине установить, что же конкретно выступало эквивалентом при обмене, пока решить достаточно сложно. Решению этой проблемы может помочь выделение в таежной зоне Западной Сибири вещей, происхождение которых связано с Северным Приангарьем. Следует также отметить, что данная задача осложняется слабым изучением средневековых комплексов нижнего течения р. Енисей, а также Обь-Енисейского междуречья. В настоящее время мы можем говорить лишь о некоторых единичных предметах, попадавших в среду западносибирского населения с ангарских берегов. Так, среди случайных находок из урочища Барсова Гора имеется железный предмет неизвестного назначения Y-образной формы [Чемякин, 2008. Рис. 5–8]. Аналогичные изделия близких размеров широко распространены среди материалов могильника Проспихинская Шивера-IV (рис. 1–7). Есть они и на других памятниках Северного Приангарья и бассейна Среднего Енисея [Мандрыка, 2003. С. 153]. При этом данные изделия встречаются преимущественно в погребениях с оружием, и могут быть интерпретированы как предметы «мужского» обихода.

Таким образом, представленные материалы указывают на наличие долговременных культурных связей населения Северного Приангарья и севера Западной Сибири. Вопрос о характере этих связей еще предстоит рассмотреть более подробно, но уже сейчас очевидно, что они носили постоянный, а не эпизодический характер, и, по всей видимости, были взаимными.

Литература

- Баранова Н. С., Герсимова Ю. В., Корусенко М. А. Средневековые погребения из состава могильника Черталы-4: некоторые результаты изучения // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2012.
- Бауло А. В. Древний металл из святилищ обских угров (новые находки) // АЕАЭ. № 2 (10). Новосибирск, 2002.
- Борзунов В. А., Зыков А. П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.
- Березин Д. Ю. Бронзовые изделия со стоянки Окуневка // История и культура востока Азии. Т. 2. Новосибирск, 2002.
- Березовская Н. В. Воинские погребения из грунтового могильника Бедеревский Бор III // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992.
- Герман П. В., Леонтьев С. Н. Работы на острове Сергушкин в северном Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2011.
- Гордиенко А. В. Культурные связи Сургутского Приобья с западными территориями в VIII–IX вв. н.э. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 6. Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008.
- Гриневич К. Э. Археологическое исследование урочища Басандайка близ г. Томска // Басандайка. Томск, 1947.
- Долгих Б. О. О похоронном обряде кетов // СА. № 3. М., 1961.
- Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения Чулымских татар // УЗ ТГПИ. Т. X. Томск, 1953.

Зыков А. П., Кокишаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.

Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX вв. Л., 1970.

Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин земледелия и путешествий. М., 1860.

Комова Н. Г. Предметы «северного» импорта на территории Томского Приобья в эпоху развитого средневековья // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. Барнаул, 2008.

Леонтьев В. П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999.

Леонтьев В. П., Ермолаев А. В. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // ПАЭИКПК. Т. 2. Красноярск, 1992.

Мандрыка П. В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в Енисейской тайге // ЕП. Вып. 2. Красноярск, 2003.

Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: 20 т. Т.: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Привалихин В. И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н. э. // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.

Семенова В. И. Археолого-этнографическое моделирование погребального обряда в структурно-семиотическом контексте // ВААЭ. № 7. Тюмень, 2006.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Монгольский компонент в культуре средневекового населения таежной зоны Средней Сибири (по материалам комплекса Проспихинская Шивера-IV).

Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фитцхью В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий Северо-Западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998.

Хлобыстин Л. П., Овсянникова О. В. Древняя ювелирная мастерская в западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Чемякин Ю. П. Случайные находки на Барсовой Горе // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957.

А. А. Орехов
г. Магадан
СВГУ

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ АРИНАЙ 1
(ЛАХТИНСКАЯ КУЛЬТУРА, ВОСТОЧНАЯ ЧУКОТКА)

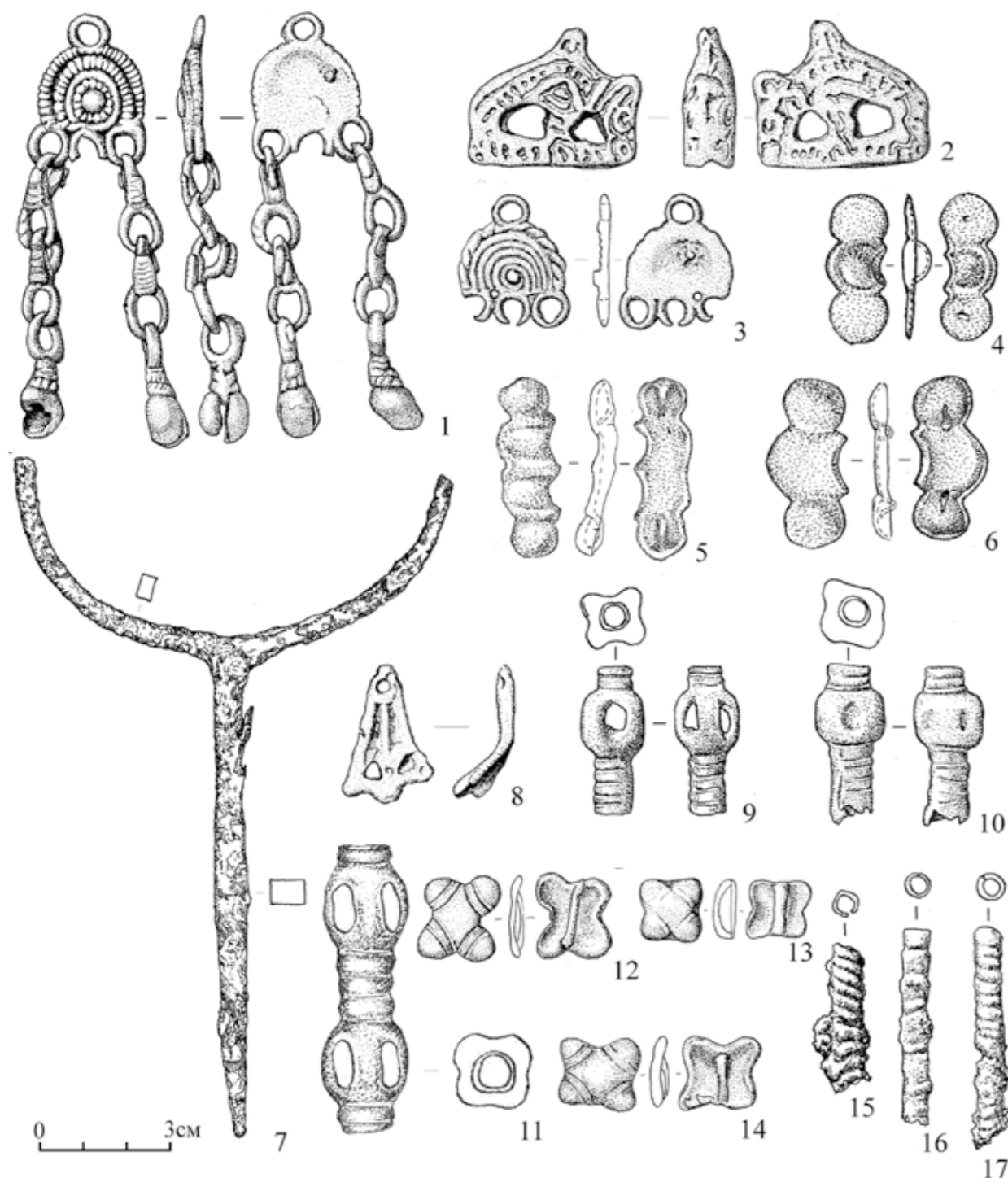

Рис. 1. Могильник Проспихинская Шивера-IV. Изделия из бронзы (1–6, 8–14) и железа (7, 15–17): 1 – погребение № 7; 2, 12–14 – погребение № 8; 3 – погребение № 3; 4–6 – погребение № 73; 7 – погребение № 61; 8 – погребение № 14; 9, 10, 15–17 – погребение № 21; 11 – погребение № 40

В соответствии с техническим обоснованием инженерно-экологических изысканий на территории Амаамского месторождения каменного угля в Анадырском районе Чукотского автономного округа, в 2012 г. была проведена археологическая разведка зоны предполагаемого экономического освоения. Первые археологические исследования здесь, в районе аэропорта п. Беринговский, были выполнены в 1973 г. Н. Н. Диковым [1977; 1979]. Данная территория Северо-Западного Берингоморья более масштабно исследовалась в 1975–1990 гг. [Орехов, 1987], а в связи с программой паспортизации – в 2004 г. В результате археологических исследований была выделена лахтинская культура [Там же], которая рассматривается как предковая для кереков, автохтонов данного региона.

Археологические разведки 2012 г. На первом этапе работ 2012 г. были изучены карты предполагаемых районов исследования и определены наиболее перспективные с точки зрения наличия археологических памятников и удобных для проживания и жизнедеятельности мест. До этого археологические изыскания в районе лагун Амаам и Аринай не проводились. В 2012 г. была проведена разведка археологических памятников с визуальным обследованием местности, фиксацией археологических объектов, сбором подъемного материала, зачисткой естественных обнажений и шурфовкой. Производился осмотр осыпей – участков поверхности с разрушенным в результате эрозии растительным покровом.

Заброска вверх по р. Амаам и на побережье лагун Амаам и Аринай от базового лагеря, расположенного на левом берегу лагуны Амаам в 12 км от горловины, производилась на моторной лодке с последующим обследованием речных долин и побережья лагун пешими маршрутами. В исследуемом районе почвы неразвиты и располагаются мозаично. Преобладают тундровые глеевые почвы. Почвенный слой, покрытый мшисто-кустарничковой растительностью, имел толщину от 3 до 10 см. Более мощный почвенный горизонт залегал в заполнениях западин микрорельефа глубиной 0,2–0,4 м. Ольховый кустарник встречается только в пойме рек.

В долине р. Амаам пешими маршрутами были обследованы правый и левый берег нижнего течения р. Амаам на глубину от 1,2 км в верхнем течении реки до 2,3 км до предгорья в зоне планируемого экономического освоения. Предгорья имеют крутой склон (до 45°) и покрыты каменной осыпью. Пойма реки низкая – 0,5–0,8 м, частично заболоченная. Левый берег р. Амаам низкий, пологий, речные террасы не сохранились. Берега реки заросли кустами ольхи и полярной березы. Остатки первой речной террасы правого берега р. Амаам не сохранились. Была осмотрена поверхность частично сохранившейся второй речной террасы, высотой 14–25 м. На вершине второй речной террасы в 12 км от устья реки, на берегу сухого ручья в западине был заложен шурф 1. Почва здесь представляет собой коричневую супесь со щебнем. Однако следов культурного слоя обнаружено не было.

В среднем течении р. Медвежья, левого притока р. Амаам, в 6 км от устья обнаружены остатки некой стоянки, возможно, геологического лагеря 1940-х гг. Здесь сохранились следы строений, железные бочки с маркировкой, остатки примуса и тачки. Историко-культурного значения данный объект не имеет.

Также было обследовано устье левого берега р. Амаам. Здесь были зафиксированы девять кольцевых каменных кладок, диаметром 6–8 м, от стоявших здесь яранг. Камни традиционно использовались для нижней фиксации покрытия. Их компактное расположение (на расстоянии 6–15 м) позволяет предположить их одновременность. Вероятно, это остатки стойбища оленеводов, предположительно XV–XVII вв. На наш взгляд, особого исторического значения данные объекты не представляют. Шурфом 2 была исследована высокая пойма в устье левого берега р. Амаам, в 53 м севернее берега реки и в 35 м восточнее берега лагуны. Зафиксирован почвенный слой мощностью 0,52 м, сложенный коричневой супесью со щебнем. Культурный слой не обнаружен.

Р. Перевальная является правым притоком лагуны Амаам. Пешими маршрутами исследовано нижнее течение реки на длину 2 км, оба берега и устье, а также берега лагуны Амаам. Пойма реки низкая (0,5–0,8 м), покрыта типичной тундровой растительностью, а берега реки заросли кустарником ольхи и полярной березы. Частично обследованы сохранившиеся участки второй речной террасы, высотой 17–25 м, левого и правого берега реки. Археологические объекты не обнаружены.

В результате пеших маршрутов полностью была обследована поверхность прибойно-намывной песчано-галечной косы (морского бара), отделяющая лагуну Амаам от бухты Ушакова. Коса высотой 3–4 м частично покрыта тундровой растительностью с отдельными участками кустарника. Шурфом 3, заложенным в 1,5 км

южнее горловины лагуны, исследована западина, поверхность которой поросла кустарничком. Мощность почвенного покрова – коричневой супеси со щебнем – 0,42 м. Культурный слой не обнаружен.

Остатки древних жилищ полужемляночного типа и «мясных ям» открыты на оконечности косы, в устье правого берега протоки, рядом с современным рыбацким поселком. Высота косы здесь порядка 4–5 м. Жилища обозначены округлыми западинами, поросшими интенсивной травянистой растительностью. Некоторые из них имеют четко выраженный боковой коридор-лаз. Диаметр западин – 6–10 м, глубина – 0,4–1,2 м. Поселение *Амаам 1* насчитывает остатки примерно 16 жилищ и 24 хранилищ («мясных ям»). Остатки последних представляют собой округлые западины диаметром 0,8–2,6 м, глубиной 0,3–0,8 м. Остатки жилищ расположены вдоль берега протоки бессистемно.

В устье левого берега протоки, на террасе высотой 14–19 м были обнаружены следы второго древнего поселения – *Амаам 2*. На поверхности здесь также прослеживались остатки жилищ полужемляночного типа и «мясных ям». Поселение насчитывает примерно 8 жилищ и 14 хранилищ. Их характеристики аналогичны объектам поселения Амаам 1. Возможно, эти два археологических памятника в древности представляли собой одно поселение. В западной части памятника Аринай 2 обнаружено скопление моржовых черепов. Не исключено, что здесь находилось культовое место. Здесь же был обнаружен раскоп размерами 1×2 м. Кто и зачем производил эти раскопки, выяснить не удалось. В раскопе были обнаружены шесть костяных наконечников стрел. Из-за долгого нахождения на поверхности они плохой сохранности. По форме и креплению эти предметы соответствуют наконечникам лахтинской культуры; среди них преобладают втульчатые.

Кроме того, на территории данного древнего поселения были зафиксированы пять кольцевых каменных кладок диаметром от 6,5 до 9 м. По всей видимости, они остались от оснований яранг более позднего периода.

Пешими маршрутами была обследована долина р. Аринай, оба берега реки, устье, а также остатки второй речной террасы высотой 8–14 м. Пойма реки низкая, частично заболоченная. Почвенный слой в пойме и на террасе неразвит, представлен участками в заполнении микрорельефа 0,25–4,0 м. Обследованы правый и левый берега протоки Связной, соединяющей лагуны Аринай и Амаам. Берега протоки низкие, покрыты типичной тундровой растительностью, частично заболоченные. Побережье лагуны Аринай и протоки Связной, соединяющей лагуны Аринай и Амаам, были обследовано визуально во время движения на моторной лодке и пешими маршрутами. Каких-либо признаков археологических объектов на всех этих участках замечено не было.

Еще одна группа древних поселений была зафиксирована в основании прибойно-намывной песчано-галечной перемычки, отделяющей лагуну Аринай от бухты Ушакова. Протока в этом месте отсутствует. *Поселение Аринай 1* – основное. Поскольку при корректировке планового задания было поручено детальное изучение поселения Аринай 1, из-за планируемого строительства здесь морского порта, основное внимание пришлось уделить характеристике данного поселения и определить границы охраняемой территории. Другое поселение – *Аринай 2* – насчитывает остатки четырех жилищ полужемляночного типа, расположенных на вершине террасы высотой 7–11 м в 53 м от морского побережья.

Исследование поселения Аринай 1. Данный археологический памятник расположен в 55 м от Берингова моря, на левом берегу лагуны Аринай (склон мыса Фаддея), на террасе высотой 8–12 м. Последняя – полого-наклонная, аллювиального происхождения, имеет перепад высот с юга на север – от берега лагуны к подножию гор – от 5 до 60 м. Поселение насчитывает остатки семи жилищ полужемляночного типа и 11 хранилищ («мясных ям»). Руслом сухого ручья оно на две части: восточную и западную. В восточной части находятся остатки 4 жилищ и 8 хранилищ. В западной зафиксированы остатки 3 жилищ и 3 хранилищ. В результате исследования территории поселения и фиксации обнаруженных на поверхности артефактов были определены границы охраняемой зоны данного поселения. Это было необходимо сделать, поскольку по территории поселения проходит маршрут вездеходов. Было обследовано также морское обнажение края террасы с целью обнаружения остатков культурного слоя.

При исследовании поселения Аринай 1 была проведена фотофиксация, составлен план поселения и зафиксированы планы жилищ и хранилищ, а также их микрорельеф.

Жилище 1 было расположено на краю террасы высотой 7,2 м. Диаметр его западины – 6,3 м, глубина – 1 м. Одно предполагаемое жилище, которому пока не был присвоен номер, находилось в 94 м юго-западнее жилища 1. Оно однокамерное, отмечено западиной размерами 5×6 м, глубиной 0,4 м. Высота террасы в этом месте – 6 м. Жилище 2 выявлено в 76 м к СЗ жилища 1. В рельефе выражено в виде западины размерами 6,2×5,3 м с коридором длиной 2,4 м, шириной 1 м. Переход из жилища в коридор – шириной 0,5 м, глубиной – до 0,8 м. Высота террасы в данном месте – 17 м. Жилище 3, расположенное в 96 м северо-западнее жилища 1, трехкамерное. Это была большая полужемлянка диаметром 7,0×6,5 м, глубина ее западины – 0,8 м. Боковые полужемлянки – диаметром 3,0×2,8 м и 3,0×2,7 м, глубина их западин – до 0,4 м. Коридор полужемлянки – длиной 3,6 м, шириной 1,5 м. Переход левой полужемлянки в коридор – длиной 0,7 м, правой – 1 м; ширина, соответственно: 0,5 м и 0,4 м. Высота террасы в месте расположения жилища – 17 м. Жилище 4, расположенное в 62 м западнее жилища 1, диаметром 6,0×5,4 м, с коридором, глубина запади-

ны 0,8 м. Коридор длиной 1,7 м и шириной 0,8 м, а глубина его 0,4 м, переход из полужемлянки в коридор шириной 0,6 м. Высота террасы в месте расположения жилища – 11 м. Жилище 5, расположенное в 123 м северо-западнее жилища 1, с коридором, диаметром 6,7×6,0 м и глубиной западины 0,6 м. Коридор длиной 2,4 м и шириной 1,3 м, а переход из полужемлянки в коридор шириной 0,5 м, глубиной 0,2 м. Высота террасы – 24 м. Жилище 6, расположенное в 118 м западнее жилища 1, трехкамерное. Большая полужемлянка диаметром 7,0×6,4 м, а глубина западины до 1 м. Боковые полужемлянки диаметром 3,0×3,0 и 2,6×2,6 м, глубиной до 0,6 м. Коридор длиной 3,0 м и шириной 1,5 м, глубиной до 0,4 м, а переходы из полужемлянок в коридор шириной 0,5–0,6 м, глубиной до 0,2 м. Высота террасы здесь 9 м. Жилище 7, расположенное в 128 м северо-западнее жилища 1, диаметром 7,0×7,1 м, глубина западины до 0,4 м. Высота террасы – 17,8 м.

Хранилище 1, расположенное в 13 м северо-западнее жилища 1, однокамерное удлиненно-овальной формы 7,2×3,0 м, глубиной до 0,4 м. Высота террасы здесь 10 м. Хранилища 1 и 8 могут соотноситься с жилищем 1. Хранилище 2, расположенное в 92 м севернее жилища 1, округлой формы 2,3×2,1 м, глубина западины до 0,6 м. Высота террасы здесь 23 м. Хранилище 3, расположенное в 43 м северо-западнее жилища 1, удлиненно-овальной формы 6,7×3,0 м, глубина западины до 0,4 м. Высота террасы 15 м. Хранилище 4, расположенное в 51 м северо-западнее жилища 1 и в 35 м южнее жилища 2, удлиненно-овальной формы 5,3×2,2 м, глубина западины 0,4 м. Высота террасы 14,5 м. Хранилище 5, расположенное в 92 м западнее жилища 1 и в 25 м северо-западнее жилища 4, двухкамерное, западная камера 3,5×2,7 м, а восточная 3,0×2,3 м, глубина западин до 0,4 м. Высота террасы 6 м. Хранилище 6, расположенное в 67 м северо-западнее жилища 1 и в 13 м севернее жилища 4, удлиненно-овальной формы 4,0×2,8 м, глубина до 0,4 м. Высота террасы – 12,4 м. Хранилище 7, расположенное в 54 м юго-западнее жилища 1 и в 13 м юго-восточнее жилища 4, округлой формы 3,0×2,6 м с коридором длиной 0,6 м и шириной 0,4 м. Высота террасы – 11 м. Хранилища 4–7 могут соотноситься с жилищем 4. Хранилище 8, расположенное в 26 м юго-западнее жилища 1, двухкамерное, западная камера 6,2×2,4 м, а восточная 2,6×2,3 м, глубина западин – до 0,4 м. Высота террасы 10 м. Хранилище 9, расположенное в 44 м северо-западнее жилища 6, овальной формы 2,7×2,6 м, глубина западины до 0,6 м. Высота террасы 9,3 м. Хранилище 10, расположенное в 28,5 м юго-западнее жилища 7, округлой формы 3,0×2,7 м, глубина западины – до 0,4 м. Высота террасы 13,5 м. Хранилище 11, расположенное в 14 м юго-западнее жилища 3, округлой формы 2,7×2,6 м. Высота террасы 18,4 м. Хранилища 9–11 могут относиться к жилищу 7 или 5, а хранилище 11 к жилищу 3.

Следы культурного слоя были обнаружены в береговом обнажении только в 6 м южнее жилища 1 поселения Аринай 1. Культурный слой представляет собой коричневую супесь с углями мощностью 0,03–0,06 м на глубине 0,42 м. Были взяты пробы углей для определения возраста. В 4 м южнее жилища 1 на поверхности были обнаружены фрагменты керамики, вероятно, от одного толстостенного, неорнаментированного сосуда слабого обжига. Эти фрагменты керамики плохой сохранности. В 1,5 м западнее большой полужемлянки жилища 6 был зафиксирован кольцевой очаг, но угли в нем не сохранились. Это свидетельство приготовления пищи вне жилищ.

В 43–54 м севернее жилища 1 были зафиксированы три местонахождения артефактов. Здесь были обнаружены ножи из отщепов (рис. 2 – 4, 5), галечных сколов с сохранением галечной корки (рис. 2 – 2), скребки из отщепов (рис. 1 – 3–5, 7), галечных сколов с сохранением галечной корки, резцы с одним резцовым сколом (рис. 2 – 3) и отщепы. Эти находки свидетельствуют об активной хозяйственной деятельности (разделка дичи, обработка шкур и кости), которая происходила рядом с жилищем 1. Поселение представляет интерес, поскольку дополняет характеристику лахтинской культуры Северо-Западного Берингоморья.

В случае утверждения проекта строительства морского порта в лагуне Аринай необходимо будет полное исследование поселения Аринай 1, так как ему будет угрожать полное уничтожение.

Раскопом 20 кв. м было исследовано самое восточное на поселении жилище 1, сохранившееся частично из-за абразивного разрушения берега в период осенних штормов. Оно – полужемляночного типа, обозначено на поверхности круглой западиной диаметром 6 м, глубиной 1,4 м. По краям западины виден выброс щебня с коричневой супесью из ямы жилища при строительстве. Внутренняя поверхность западины была покрыта травяной растительностью и мелкими кустами полярной ивы, обозначавшими наличие органики в почве.

Культурный слой в жилище 1 был зафиксирован на глубине 0,45 м от дневной поверхности в центре; к периферии глубина его залегания от дневной поверхности возрастает до 1,5 м. В центре была зафиксирована кладка камней различного размера. Является ли она остатками очага – однозначно определить сложно, так как зафиксированный здесь углистый слой фрагментарен и тонок. В 0,5 м северо-восточнее данной кладки камней были обнаружены спекшиеся куски почвы, окрашенные углем в черный цвет.

Мощность культурного слоя (0,1–0,35 м) определяется уровнем залегания находок, так как вмещающая находки почва не отличается ни по цвету, ни по составу от вышележащих слоев. Только 1 см нижней части слоя темнее по цвету (окрашен углем?). В северной части раскопа обнаружены остатки бревен, представляющие собой фрагменты кровли жилища.

В культурном слое жилища обнаружены орудия и изделия из камня, кости, железа и бронзы. Они характеризуют основные виды деятельности древних обитателей: охоту на наземных и морских животных, рыболовство, обработку камня, дерева и кости.

Комплекс каменных изделий, обнаруженных в культурном слое жилища, включает молот с желобом для крепления рукояти (рис. 2 – 10), два грузила с боковыми выемками для привязывания к сети, многочисленные скребки и скребла (53 экз.) с односторонней обработкой рабочего края или без нее, разной степени использования (рис. 1 – 1), каменные жирники (4 экз.) с углублением, выбитым техникой пикетажа (рис. 2 – 11), тесло и хорошо ретушированный нож из черного кремня (рис. 2 – 1). В отличие от ножа другие орудия были изготовлены из серого кремнистого сланца.

Костяные изделия, найденные при раскопках жилища, немногочисленны (12 экз.) и плохой сохранности – из-за отсутствия в этом месте мерзлотного слоя. В их число входят орнаментированная рукоятка гребня (рис. 2 – 12), наконечники стрел с втульчатым основанием (томары) (рис. 2 – 14) и клиновидным основанием (рис. 2 – 16), наконечник с втульчатым основанием, бородкой и отверстием (для линия?) для морской охоты, трехгранный наконечник стрелы с линейным орнаментом на втулке основания (рис. 2 – 15), изделие из китовой кости (уключина байдары?), деталь крепления (рис. 2 – 13), мотыга, фрагмент лопатки и фрагмент подполозка нарты.

В жилище 1 обнаружены изделия из железа, меди и бронзы, что позволяет датировать данный объект эпохой палеометалла. Среди бронзовых изделий наиболее интересны резцы характерной формы (рис. 2 – 6, 7). Последний – с кожаной обмоткой. Они имеют аналогии в комплексах Усть-Бельского могильника [Диков, 1977; 1979. С. 144, рис. 55 – 1, 3]. Кроме того, в жилище 1 найдена заготовка орудия или боек (рис. 2 – 8), а также кусок бронзы в форме кубика (рис. 2 – 9). Изделия из меди представлены двумя пластинами. Наиболее многочисленны обломки железных изделий (76 экз.). Они сильно корродированы, вследствие чего определить их форму и назначение невозможно. Удалось только диагностировать остатки ножа в частично сохранившейся деревянной рукояти, нож с черешком для крепления в рукояти, а также частично сохранившееся изделие с втульчатым креплением – возможно, фрагмент копья.

Керамика из жилища 1 представлена обломком жирника, а также фрагментами одного сосуда (?). Они были изготовлены из глины с добавлением мелкого щебня, характеризуются слабым обжигом и отсутствием орнамента.

К редким предметам, обнаруженным в жилищах Северо-Востока Азии, относятся стеклянный (18 экз.) и каменный (4 экз.) бисер красного (10 экз.), голубого (11 экз.) и черного (1 экз.) цвета, а также голубая стеклянная бусина. Аналогичные бусины и бисер были найдены при раскопках культового места (жертвенника) поселения лахтинской культуры Опуха 1 [Орехов, 1987].

Изделия из дерева в жилище 1 представлены деталями кровли, фрагментами рукоятей ножей (?), а также кольями.

«Культурозначимые» типы наконечников стрел с втульчатым основанием [Орехов, 1987; 1998], тип жилища [Орехов, 1987] и линейно-геометрический орнамент на рукояти гребня и наконечнике стрелы определяют принадлежность комплекса к лахтинской (древнекерекской) культуре Северо-Западного Берингоморья [Там же], что соответствует ареалу распространения данной культуры.

По наличию большого количества фрагментов железных изделий, бус и бисера комплекс жилища 1 поселения Аринай 1 предварительно можно датировать периодом 500–1000 л. н. (X–XV вв.). В жилищах 1 и 3 взяты пробы углей для радиоуглеродного датирования. Материалы, обнаруженные при раскопках поселения Аринай 1, дополняют характеристику лахтинской культуры, удревяют время появления бронзы и железа на территории Северо-Западного Берингоморья и свидетельствуют о довольно значительном количестве металлических изделий, имевшихся в обиходе коренного населения данного края в данный период.

Литература

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977.
 Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.
 Орехов А. А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. М., 1987.
 Орехов А. А. Северо-Западное Берингоморье: развитие приморской адаптации древнего населения // Культура народов Сибири: Материалы III Сибирских чтений. СПб, 1997.
 Орехов А. А. Классификация наконечников Северо-Западного Берингоморья (лахтинская культура) // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.

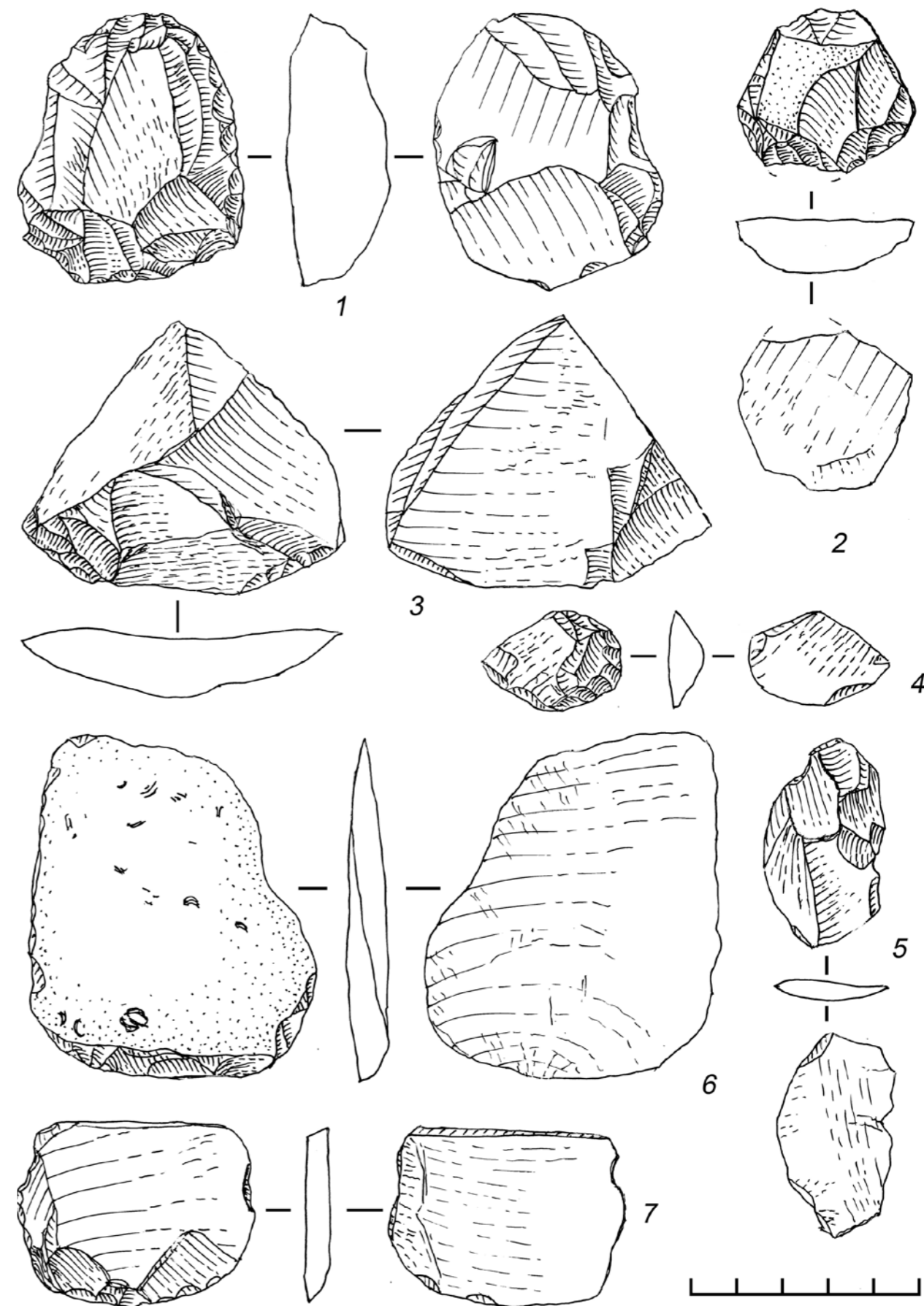

Рис. 1. Поселения Аринай 1. Каменные скребки: 1 – жилище 1; 2–7 – сборы с поверхности

И. В. Белич
г. Тобольск
ИПОС СО РАН

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ СТОЛИЦЫ СИБИРСКОГО ХАНСТВА¹

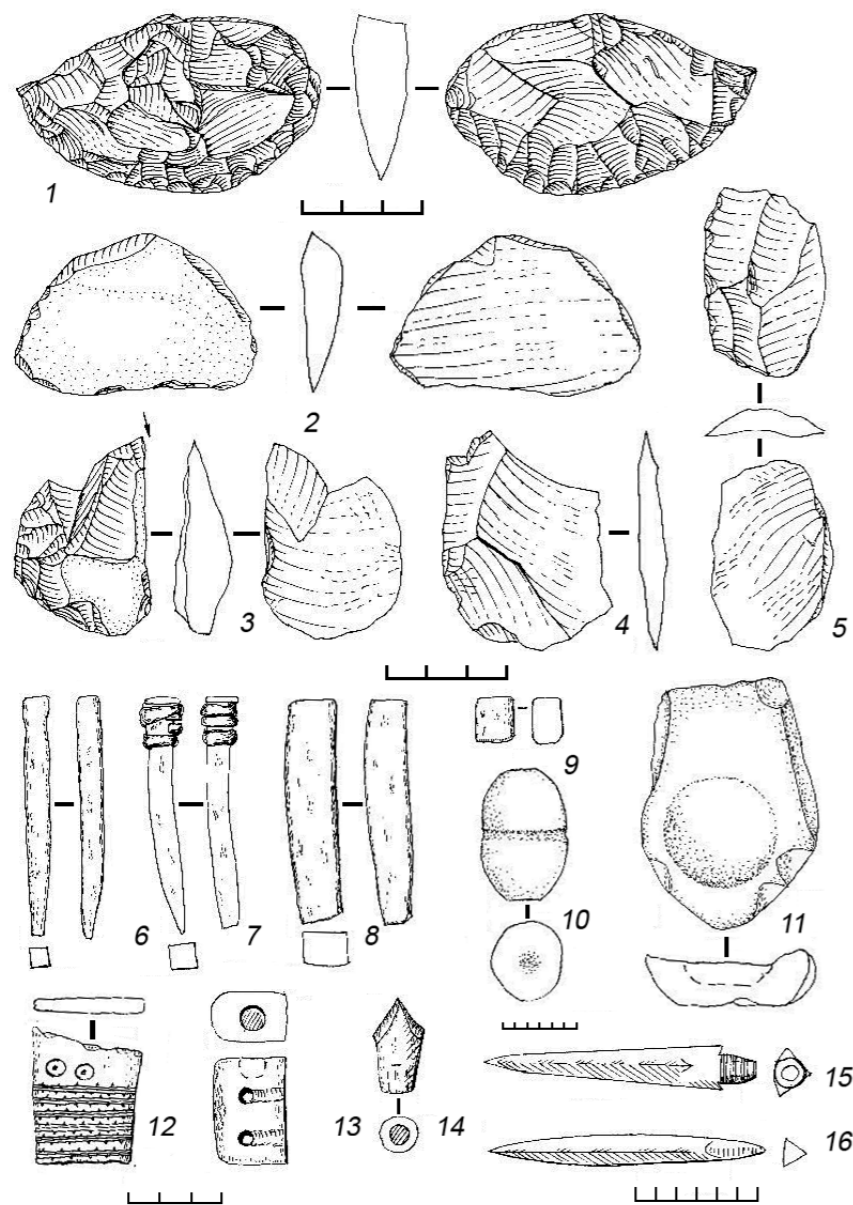

Рис. 2. Поселение Аринай 1. Орудия и их заготовки: 1, 6–16 – жилище 1; 2–5 – сборки с поверхности. 1–5 – ножи; 6, 7 – резцы; 8, 9 – заготовки орудий; 10 – молот; 11 – жирник; 12 – рукоять гребня; 13 – деталь крепления; 14–16 – наконечники стрел. 1 – черный кремний; 2–5 – серый кремнистый сланец; 6–9 – бронза; 10 – андезит-базальт; 11 – туф-фит; 12–16 – моржовый клык

С местом нахождения городища Искер и его параметрами исследователи определились: оно вошло в энциклопедию [Могильников, 2004б. С. 33]. Начиная с сибирских летописей, из исторической литературы конца XVII – XIX в. и археологических изысканий XIX–XX вв. ведомо, что бывшая столица Сибирского ханства – «Град Сибирь» или «Кашлык», известная также как «Старая Сибирь», «Кучумово городище», – находится при впадении р. Сибирки в Иртыш, недалеко от некогда «стольного града» Сибири – Тобольска. Занимаясь Искером, мне бы и в голову не пришло думать иначе. Впрочем, задумываться над этим вопросом все же приходилось [Белич, 1998. С. 63–71].

Территория. Дело в основном в том, что площадь Искера была невелика. Так, согласно обмерам городища, произведенным Г. Ф. Миллером вместе с И. Г. Гмелиным в мае 1734 г., его «внутреннее пространство кругловато, и поперег не более 50 сажен содержит» [Миллер, 1750. С. 135]², или 108 кв. м. Такова, очевидно, была ширина крепости, а ее длина не указана. Мне оставалось предположить, что под словом «поперег» ученый разумел примерное равенство сторон городища, из чего следовало допустить, что при Г. Ф. Миллере Искер имел по периметру подчетырехугольную в плане форму, либо форму, близкую к равностороннему треугольнику [Белич, 2010б. С. 84]. Последняя конфигурация более вероятна³. Она согласуется с «Планом столичного города Искера»⁴, предположительно исполненного И. Я. Словцовым или кем-то по его поручению в 20-х гг. XIX в., с измерениями памятника, произведенными в 1879 г. М. С. Знаменским [1881. С. 7, № 77; С. 5, № 39; 1891. С. 10], а также с топографическим планом городища, снятым А. М. Давыдовским в 1912 г. по просьбе В. Н. Пигнатти, на который последний опирался в своей статье [Пигнатти, 1915. С. 9–10, 33].

Следовательно, площадь памятника составляла при Г. Ф. Миллере в первом варианте немногим больше одной десятины⁵, во втором – не менее 1 250 кв. саж. Эта величина городища чрезвычайно мала для города, имевшего в недалеком прошлом статус столицы Сибирского юрта, со всеми ожидаемыми признаками ее застройки державного характера [Надырова, 2008. С. 33–30]. Но в данном случае нужно иметь в виду лишь размеры цитадели – резиденции хана [Белич, 2010б. С. 84]. Вместе с предполагаемым посадом масштаб Искера был значительно больше [Белич, 1998].

Надо отдать должное наблюдательности и проницательности «отца Сибирской истории». Измерив «внутреннее пространство» крепости, он справедливо заметил: «По сему заключить должно, что там кроме хана и его фамилии и служителей немногим другим знатым татарам жить можно было, разве тогда оное место гораздо пространней было, как и уверяют, что несколько земли, а много ли или мало, того не известно, с речной стороны от подмывания осыпалось» [Миллер, 1750. С. 135]. Зато, по сведениям В. Дмитриева начала XIX в., стало известно: «Ближние жители от предков своих слышали, что от места занимаемого сими остатками столицы хана Кучума, отвалилось в Иртыш около 40 сажен...» [Спасский, 1818. С. 28–29; Белич, 2010б. С. 89–91].

Действительно, городище Искер прежде было «гораздо пространней». Так, А. П. Зыков, опираясь на имевшиеся в его распоряжении восемь обмеров и четырех планов памятника, «начиная с 1739 года» (?), подсчитал, что, «к концу XVI века ширина мыса составляла около 160 метров, а площадь верхней площадки была не менее 1,3 га. По своим размерам Сибирь (город – И. Б.) соответствовала небольшому русскому городу конца XVI – начала XVII века» [Зыков, 2004. С. 13; 2010. С. 117]. Однако, за неимением у исследователя более ранней информации его вычисления оказались ошибочными.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 01-01-00303а.

² В поздних переизданиях этого труда здесь, на мой взгляд, имеется расхождение: «Внутреннее пространство (городища – И. Б.) имеет приблизительно 50 сажен в диаметре» [Миллер, 1999. С. 228].

³ К этому мнению пришли и археологи: «Во время существования города Сибирь (Кашлык) мыс, очевидно, имел подтреугольную форму, близкую к равнобедренному треугольнику» [Зыков, 1993. Л. 6]. «Городище Искер ...занимало треугольный мыс-сопку...» [Могильников, 2004а. С. 113].

⁴ «План столичного города Искера». Фото из собрания ТМЗ (Тм. кп. 15672/5). См. также: [Пигнатти, 1915. С. 7, рис. 10; Знаменский, 1881. С. 5; Белич, 1997в. С. 60; 2006. С. 113].

⁵ С 1625 г. в Тобольской губ. употреблялось понятие «государева десятина» в 2400 кв. саж [Коньков, 2011. С. 18–19].

Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь», составленный С. У. Ремезовым в 1703 г., показал истинные размеры городища Искер на конец XVII – начало XVIII в., то есть спустя почти столетие, после того как «Град Сибирь» перестал существовать (рис. 1). По замерам С. У. Ремезова, длина верхней площадки городища, имевшего в плане форму неправильного четырехугольника, равнялась 146,9 м. Минимальная ширина ее южной стороны была 71,8 м, а максимальная, в северной части, – 129,6 м⁶ (рис. 2). Соответственно, площадь цитадели составляла 18 850 кв. м или около 2 га [Белич, 2010а. С. 145; 2010в. С. 143–144].

Вместе с тем, нельзя игнорировать участок второй линии оборонительных сооружений, располагавшихся на нижней площадке городища [Зыков, 1998. С. 22–24; 2004. С. 14; 2010. С.118–119]. Эта линия находилась на 4 м ниже уровня верхней площадки [Зыков, 1993. Л. 6]. Из описания С. У. Ремезова «по домотру всяких урочищ вокруг Кучюмова городища Старой Сибири» следует, что ширина нижней площадки составляла «66 сажень», или 142,5 м. Ее длина им не вымерялась специально, так как была включена в «длинник» всего мыса, на котором размещено городище, достигавшее «227 сажень», или 490 м [Белич, 2010а. С. 146–147; 2010в. С. 145–146].

Тем не менее, я полагаю, что за минувшие 310 лет эта длина изменилась мало. Дело в том, что в силу многовековой задернованности, отсутствия подтоплений, обрушений и прочих факторов, ни следов эрозии почвы, ни ее выдува здесь не прослеживается. Во время раскопок Искера в 1998 и 1993 гг. нижняя площадка в широтном направлении была размером 8–9 м [Зыков, 1993. Л. 6]. По этой причине ее площадь, на мой взгляд, даже сегодня можно вычислить. При С. У. Ремезове она была равна 1 282,5 кв. м, т.е. около 0,13 га. Таким образом, общая площадь «Кучюмова Городища» на рубеже XVII–XVIII вв. составляла чуть более 2 га (20 135,5 кв. м). В бытность правления хана Кучума она, должно быть, была немногим больше: приблизительно до 2,2 га.

Здесь уместно привести площадь «Царёва городища» – цитадели Чимги / Цимги / Цымги-Туры – бывшей столицы Тюменского ханства [Матвеева, 2004. С. 397; Маслюженко, 2008. С. 75–76, 91 и сл.; Соболев, 2008. С. 219, 229 и сл.], называемому также Тюменским (Сибирским) ханством [Исхаков, 2001. С. 132–135; 2006. С. 56, 117, 131–135]. Для этого обратимся к «Чертежу города Тюмени», составленному в конце XVII – начале XVIII в., предположительно одним из сыновей С. У. Ремезова, видимо, Леонтием (рис. 3).

Примечательно, что «Царёво городище» было обозначено на чертеже как «Пустое Кучюмово Городище». Эта письменно зафиксированная топографическая данность, кстати, отмеченная мной впервые, указывает на определенный период пребывания здесь Кучума [Белич, 2009г. С. 151–153]. Либо знаменует подвластность хану «старой столицей»⁷, которая отнюдь еще не была «заброшена, после того, как сибирские ханы перенесли свою ставку на Иртыш», как считает Р. Г. Скрынников [1986. С. 208]. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Сейчас же поговорим о размерах «Царёва городища». Приняв за исходные параметры протяженность восточной («117 сажень») и северной («85 сажень») его сторон, площадь цитадели, согласно этому чертежу, составляла 9 945 кв. саженьей, т. е. 21 481 кв. м или порядка 2,15 га. Для сравнения: площадь «Городового острога» (кремля) «града Тюмень» по данному чертежу на рубеже XVII–XVIII вв. составляла порядка 5 368 кв. саженьей, т. е. 11 595 кв. м, или 1,16 га [Белич, 2009г. С.156]. Следовательно, по своей площади «Царёво / Кучюмово Городище» на Туре в 2,17 раза превышало размер Тюменского кремля, и на тот же отрезок времени было немногим больше «Кучюмово Городища» на Иртыше. Сравнение размеров «Царёва городища» и «Кучюмово Городища» – двух столиц сибирских ханств – позволяет не логически дистраивать, а твердо говорить о равной площади цитаделей, вполне достаточной для проживания в них правящей верхушки.

Величина Искера не выглядит ничтожной, как это с «легкой руки» Г. Ф. Миллера обычно принято считать в сибиреведении. Эта традиция в расчетах или точке отсчета длилась долго и продолжается до сих пор. «В современном понимании Сибирь не была городом в отличие от Чимги-Туры. Ее площадь составляла не более 1,3 га, т. е. примерно равнялась размерам тюменской цитадели – Цареву городищу. Хотя Сибирь и была больше, чем большинство известных татарских городков юга Западной Сибири XV–XVI вв., но и не была самым крупным из них» [Зыков, Шаилов, 1999. С. 15]. В недавней работе А. П. Зыкова, которому как он сам пишет, известен план памятника, «снятый в 1703 г. С. У. Ремезовым», читаем: «За более чем 300 лет наблюдений с составлением планов и описаний прослежено постепенное, но неумолимое сокращение размеров верхней площадки городища. В 1739 г. (по описанию Г. Ф. Миллера.⁸ – И. Б.) она имела ширину 50 саж...» [Зыков, 2012. С. 145, 146].

Фортификация. Не имея возможности подробно рассмотреть фортификации Искера, поэтому представлю только их краткую характеристику, составленную по работам А. П. Зыкова [Зыков, 1989.

С. 145–146; 1998. С. 22–24; 2010. С. 117–121; 2012. С. 151; Зыков, Шаилов, 1999. С. 16–17]. Русские источники XVI в. называют Сибирь «градом», подразумевая, что это был населенный пункт, обнесенный срубными оборонительными стенами, отличный от «острога» – поселения, защищенного частоколом (тыном). Город был построен на треугольном мысу, с двух сторон практически неприступном – защищенном обрывом Иртыша и крутым склоном глубокого лога р. Сибирки. Напольная сторона была перекрыта отрогом лога р. Сибирки, который на 50–60 м не доходил до обрывистого берега Иртыша. Это было единственное уязвимое место, доступное для штурма крепости. Оно было укреплено тремя линиями рвов и деревянными стенами с башнями.

В ходе раскопок 1988 и 1993 гг. было выявлено 6 строительных горизонтов городища, соответствующих разным этапам застройки крепости с момента ее основания до полной гибели. Приведу лишь пятый из них, поскольку он соотносился со временем расцвета Искера как «града». К нему относятся зафиксированные остатки оборонительных стен с основанием в широких и глубоких траншеях на верхней площадке, башни с фундаментом на трех рядах «студьев», а также остатки нижней оборонительной стены с фундаментом на одном ряде «студьев» на площадке склона лога. Ров в основании отрога лога достигал в это время предельных размеров: его максимальная ширина достигала 13 м, глубина – 2,5 м. «Это была эпоха существования города Сибири в качестве столицы возрожденного Сибирского Шейбанидского ханства (1563–1585), включая и 2,5-летний период удержания его русскими казаками и стрельцами» [Зыков, 2012. С. 151].

Итак, фортификация Искера, реконструированная А. П. Зыковым на основании объективной информации, полученной в результате раскопок городища, свидетельствует о существовании в «граде Сибирь» времен Кучума мощной системы оборонительных сооружений, которая значительно превосходила таковую в родовых центрах. Это важнейший признак, присущий феодальному городу [Соболев, 2008. С. 293]. Очевидная неприступность крепости, не говоря о найденных здесь артефактах, самым известным из которых является «знак-мишень» с кольчуги князя П. И. Шуйского, пожалованной Ермаку Иваном Грозным⁹, не оставляет сомнений, что городище Искер – это и есть остатки столицы Сибирского ханства.

«Курица не птица, Искер не столица». Если применять этот универсальный конструкт русских поговорок, то таким образом можно сформулировать основное положение, которое вывел П. А. Пантелеев в статье «Сибирь: начало истории – новая версия» [Пантелеев, 2009. С. 206–208]. Все бы ничего, опубликуй ее автор, доктор биологических наук, в каком-нибудь вузовском сборнике. Но статья издана в «Российской истории» (до 2009 г. – «Отечественная история») – ведущем академическом журнале по истории и историографии России. Тем самым биологами был брошен открытый вызов историкам. Что ж, вызов принимается.

В начале статьи сказано: «То, что ученые-историки расходятся в концепциях и трактовках первичного исторического материала – нормальное явление. Но у авторов нет детального представления о некоторых топографических пунктах, важнейшим образом связанных с походом Ермака... Это, прежде всего, Искер – резиденция Кучума, которую считают столицей Сибирского ханства, а также место основного сражения Ермака с Кучумом. Отсутствие представлений о возможностях поведения людских масс в этих местах приводит к «кабинетным» ошибкам, создавая путаницу в расшифровке исторических событий». Было бы интересно знать, какие «кабинетные» ошибки, и кто из историков их допустил, если в этом «умозаключении» даже нет отсылки на литературу. И я не стану, цитируя Пантелеева, указывать страницы.

Представляя, «что являл собою Искер» в плане топографии («неприступный 60-метровый обрыв в Иртыше»), – и тоже без ссылки – автор замечает: «Лишь с севера, где теперь неширокая ложбина (в прошлом, возможно, рукотворный ров), татарское селище нуждалось в защите». Не знаю, откуда родом наш краевед от родентологии (в статье указан Тобольск), но сдается, что на городище он не бывал, а видимо, только воспользовался публикацией А. П. Зыкова в журнале «Родина». «В середине XX в. площадь Искеровской сопки составляла 2 га», – говорится следом, вновь без ссылки. Источника нет, а площадь Искера, как мы уже выяснили, не составляла тогда 2 га. «На Искере при участии московских археологов В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской были произведены археологические раскопки. Однако ни там, ни на Сузгунской сопки, где согласно преданию жила одна из жен Кучума, не было обнаружено никаких следов дворцовых сооружений».

Автор явно несведущ, что В. Н. Чернецов с В. И. Мошинской вели раскопки в 1947–1950 гг. не на Искере, а на памятниках эпохи бронзы в Сузгуне [Адамов и др., 2008. С.33, 37]. Возможно, это нормально для доктора биологии. Вместе с тем, то, что на Искере археологами не было выявлено следов дворцовых сооружений, – он прав. Однако это не значит, что их там не было: археологи в этом еще толком не разобрались [Нестеров, 1988. С. 10; Очинникова, 1996. С. 109; Белич, 2002. С. 181].

⁹ Считается, что знак был обнаружен при раскопках Искера В. Н. Пигнатти в 1915 г. [Закшаускене, 2002. С.87– 86; По Кремлю // museums.artyx.ru/books/item/f00/s00...]. Это не совсем так. В книге поступлений ТГМ под инв. № 6224 есть запись, датированная 1915 г.: «От Пигнатти В. Н. найден в Искере в числе 40 предметов. Приобретены Пигнатти от крестьянина д. Алемасовой (далее не разборчиво – И. Б.)». Последняя находилась близ Искера. Этот медный знак (диаметром 2,7 см) с литой на одной его стороне старорусской надписью: «Князя Петрова Иоановича Шуйского», ныне хранится в коллекции драгметаллов и оружия ТМЗ (Тм 16483). По мнению сотрудника Оружейной палаты Московского кремля Н. Гордеева, «тобольская мишень, видимо, когда-то находилась на втором панцире (кольчуге – И. Б.) Ермака» [Галазимов, 1987. С. 161–162].

⁶ Чертеж «Кучюмово Городище» был ориентирован на север [Белич, 2009в. С. 98; 2010а. С. 149].

⁷ По данным Г. Файзрахманова [2007. С. 136], извлеченных им из фонда Сибирского приказа, «в одной из своих грамот внук Кучума, Давлет-Гирей, писал русскому царю, что «Тюмень была во владении Кучума».

⁸ Миллер был на Искере дважды: 15 мая 1734 г. – сухопутным путем и 25 мая того же года – путешествуя по Иртышу [Белич, 2010б. С. 80, 81].

«Искеру учеными приписываются два других имени, отчего создалось немало путаницы. Одно из этих имен – *Кашлык* <...> Иногда Искер именуют и Сибирью», – пишет совершенно запутавшийся автор. Подскажу: «градом Сибирь» именуют ставку «Сибирского царства» все сибирские летописи, тогда как топоним *Кашлык* встречается только в «Истории Сибирской» С. У. Ремезова [Белич, 1997а. С. 72–73; 2010а. С. 151–152]. Ученые тут ничего не приписывали. «Идентификация Кашлыка с Искером объяснима» тем, что *кашлык* «по-татарски означает «селище на высоком берегу», – пишет далее Пантелеев, давая понять, что владеет тюркскими языками. – Однако эта версия не может быть признана убедительной». Какая такая версия? С лингвистической и топонимической позиций – все безупречно [Белич, 2010в. С. 154–157].

Держитесь, историки: биолог зрит в корень. «Если верна гипотеза о том, что решающее сражение между Ермаком и Кучумом происходило под Кашлыком на Княжем лугу у Чувашского мыса, то Кучум никак не мог наблюдать за ходом битвы с Искера (ссылка на Р. Г. Скрынникова [1986. С. 19, 218]), поскольку тот располагается в 12–15 км выше по течению Иртыша. Искер и Кашлык, таким образом, являются разными местами, причем ...вовсе не Искер был кучумовской столицей». На этих страницах и во всей книге Р. Г. Скрынникова, гипотезы о решающей битве Ермака с Кучумом, случившейся к тому же «под Кашлыком на Княжем лугу у Чувашского мыса» вовсе не содержится. Поскольку решающее сражение не может иметь место в двух различных местах одновременно.

Большинство историков, начиная с Г. Ф. Миллера, опиравшегося на Ремезовскую летопись, считает, что между дружиной Ермака и войском Кучума произошла «брань великая» на мысе Потчеваш близ будущего Тобольска. А «град Кашлык, еже Сибирь», лежащий «в 16 верстах» выше по Иртышу, согласно той же летописи, казаки взяли без боя. Это – хрестоматийный факт [Сибирские летописи..., 1907. С. 231–232; Миллер, 1999. С. 225, 227; История Сибири..., 1968. С. 28]. Суть гипотезы Р. Г. Скрынникова [1986. С. 222] в другом: «Не занятие Кашлыка, а победа под Абалаком определила успех экспедиции Ермака». Искер и Кашлык – одно место. Да, Искер не был «кучумовской столицей», ибо был столицей Сибирского юрта, а это – разные вещи.

«Однако «град Сибирь», – пишет наш автор, – не тождественен Искеру. Поскольку к этому городу стремились купцы, то становится очевидным, что это был крупный торговый центр. Искер же для торговли крайне неудобен: добраться к нему можно было только на лошадях, поскольку со стороны Иртыша к Искеру нельзя было даже причалить. А наиболее удобными торговыми путями били именно реки. Где же располагалась крепость – «град Сибирь»?».

С чего же П. А. Пантелеев решил, что караваны торговцев добирались в столицу Сибирского ханства наиболее удобными *речными* путями? Напротив, все торговые пути, которые вели в «град Сибирь» были в XVI в. сухопутными [Бахрушин, 1959. С. 193–214]. Более того, эти трансевразийские торговые пути были одним из факторов возникновения в начале XV в. в Тоболо-Иртышском междуречье тюрко-татарских государств. Они же стали одной из причин их падения в конце XVI в. [Матвеев, Татауров, 2012. С. 141].

Где же по версии П. А. Пантелеева стоял «град Сибирь»? «В нынешнем Тобольске, – отвечает ее автор, – есть Татарская слобода, прилегающая к Иртышу, отделенная от основной части города р. Абрамовкой. Надо полагать, что татары жили там еще до прихода Ермака и задолго до возведения самого Тобольска, поскольку вряд ли воеводы допустили бы появление на столь стратегически важном месте нового татарского поселения. Известно, что ранее Тобол впадал в Иртыш именно против этого места... Именно там, при слиянии Иртыша и Тобола, где располагалась древняя ярмарка, находился город Сибирь».

Такая слобода есть в г. Тобольске. Она возникла там после пожара города в 1757 г. Лишь тогда сибирский губернатор Соймонов решил «переселить татар за р. Монастырку (ныне Абрамка. – И. Б.)» [Копылов, Прибыльский, 1969. С. 49]. Следы поселений ранее XVII в. тут не выявлены, и вряд ли они были здесь, в силу исконной заболоченности, высокого уровня грунтовых вод и наводнений [Данилов, 2011. С. 145–146]. Изначально, где-то 1630-х гг., судя по «Чертежу городского валового строения и обрубу» Тобольска из «Хорографической книги» Ремезова, Татаро-бухарская слобода – *юрты* – находилась при устье р. Курдюмки [Белич, 2013]. Легенду о жительстве татар на месте «хорошего стратегического пункта» еще при Кучуме развил К. Голодников [1886. С. 1]. Впадение Тобола в Иртыш против Троицкого мыса до 1716 г. возможно, но не доказуемо. Скорее, это тоже легенда, раскрученная К. Голодниковым [Там же. С. 25]. Выходит, место расположения «древней ярмарки», где якобы «находился г. Сибирь», – не более чем вымысел.

В заключение замечу, что к вопросу, обозначенному в заголовке статьи, еще предстоит вернуться. Есть вероятность того, что ставка Сибирского ханства в летний период могла находиться вблизи «града Кашлык». Г. Е. Марков, проводивший археологическую разведку в том районе в 1960 г. высказал интересную мысль: «...предположение о том, что Н. Спафарий описал Искер, ошибочно¹⁰. Спафарий говорит по всей вероятности не об Искере, а о Кучумовом укреплении (около д. Ярково)» [Марков, 1960. Л. 5].

¹⁰ Имеется в виду краткое описание, сделанное Н. Спафарием в 1675 г., когда он посетил «пустой городок и шанцы (укрепления – И. Б.) Кучума царя» [Спафарий, 1882. С. 45].

Источники и литература

- Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008.
- Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // Научные труды. Т. IV. М., 1955.
- Белич И. В. Сибирь – Кашлык – Искер // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральск. ист. конгресса. Тобольск, 1997а.
- Белич И. В. Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // ВААЭ. Вып. 1. Тюмень, 1997б.
- Белич И. В. Ханское кладбище // Сибирская столица: Альманах ТМЗ. № 1. Тобольск, 1997в.
- Белич И. В. «Старая Сибирь» и городище Искер // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск, 1998.
- Белич И. В. Искер: из «сакральной» истории памятника сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002.
- Белич И. В. К наследию Михаила Знаменского (заметки о провинциальном археологе) // ЭАКПКС. Т. 9. Омск, 2006.
- Белич И. В. Легенды и были Кучумова городища (Искер) // IX Сулеймановские чтения. Тюмень, 2009а.
- Белич И. В. К этнокультурному проекту «Частичное воссоздание оборонительных сооружений городища Искер» // Материалы XXIV Всерос. Менделеевских чтений. Тобольск, 2009б.
- Белич И. В. Чертеж «Кучумово Городище» из «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова // Вестн. ТюмГУ. История. № 7. Тюмень, 2009в.
- Белич И. В. Чертеж города Тюмени рубежа XVII–XVIII в. и топография «Царёва городища» (Чимги / Цымги-Туры) // ВААЭ. № 11. Тюмень, 2009.
- Белич И. В. Чертеж «Кучумово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова // ВААЭ. № 1 (12). Тюмень, 2010а.
- Белич И. В. К историографии городища Искер // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010б.
- Белич И. В. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири: Чертеж «Кучумово городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С. Ремезова // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010бв.
- Белич И. В. Из истории Татаро-бухарской слободы г. Тобольска и объектах ее историко-культурного наследия // ТН. 2013. Тобольск, 2013.
- Галязимов Б. Легенды седого Иртыша. Свердловск, 1978.
- Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1886.
- Данилов П. Г. Особенности культурного слоя подгорной части Тобольска // ТН. 2011. Тобольск, 2011.
- Закиаускене Е. Знак с кольчуги Ермака // Памятники Отечества. Вся Россия: Альманах. № 56. Кн. 1: Первая столица Сибири. М., 2002.
- Зыков А. П. Раскопки городища Искер // АО Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
- Зыков А. П. Отчет о работах в Тюменской области летом 1993 г. Т. II. Раскопки городища Искер. Екатеринбург, 1993. Архив ИИА УрО РАН.
- Зыков А. П. Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары. Материалы I Сибирск. симпози. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998.
- Зыков А. П. Искер – забытая столица Сибири // Родина: Рос. ист. журнал. Спец. вып.: «Тобольск – живая былина». М., 2004.
- Зыков А. П. Городище Искер – остатки города Сибирь // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.
- Зыков А. П. Археологические исследования городища Искер // УИВ. № 3 (36). Екатеринбург, 2012.
- Зыков А. П., Шапков А. Т. Государства сибирских татар в XIII–XVI вв. // НИВИЭТНУ. № 1. Екатеринбург, 1999.
- Знаменский М. Прогулка по историческим окрестностям г. Тобольска. Искер // ТГВ. № 37, 39. Тобольск, 1881.
- Знаменский М. С. Искер. Тобольск, 1891.
- История Сибири. Т. 1. Л., 1968.
- Исхаков Д. М. Этнополитические и этнодемографические процессы в XV–XX вв. // Татары. М., 2001.
- Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.
- Коньков Н. Л. Сибирская метрология // ИС. Тобольск, 2011.
- Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. Свердловск, 1969.
- Марков Г. Е. Отчет об археологической разведке в Тюменской области в 1960 г. М., 1960. Архив ИА РАН. Р-1.
- Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008.
- Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012.
- Матвеева Н. П. Чимги-Тура // БТЭ. Т. III. Тюмень, 2004.
- Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. Кн. 1. СПб., 1750.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999.
- Могильников В. А. О времени заселения городища Искер // ТХ. Вып. 4. Екатеринбург, 2004а.

- Могильников В. А. Искер // БТЭ. Т. II. Тюмень, 2004б.
 Надьрова Х. Г. Архитектура городов Золотой Орды // Изв. КазГАСУ. № 1 (9). Казань, 2008.
 Нестеров А. Г. Государство Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
 Очинникова Б. Загадки столицы Сибирского юрта // Древности Урала. Очерки истории Урала. Вып. 2. Екатеринбург, 1996.
 Пантелеев П. А. Сибирь: начало истории – новая версия // РИ. № 4. М., 2009.
 Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. Вып. XXV. Тобольск, 1915.
 Сибирские летописи. СПб., 1907.
 Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.
 Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) // ЭАКПКС. Т. 10. Новосибирск, 2008.
 Спасский Гр. Картина Сибири // СВ. Ч. 1. СПб., 1818.
 Спафарий Н. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // ЗРГО ОЭ. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882.
 Файзрахманов Г. Л. История татар Западной Сибири. Казань, 2007.

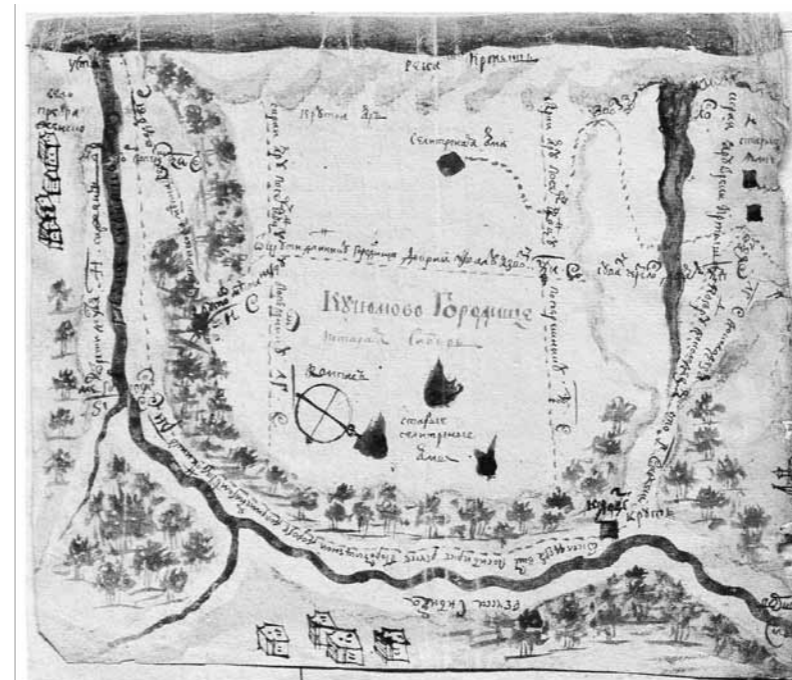

Рис. 1. «Кучумово Городище и Старая Сибирь». Чертеж из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова 1703 г. Копия с оригинала

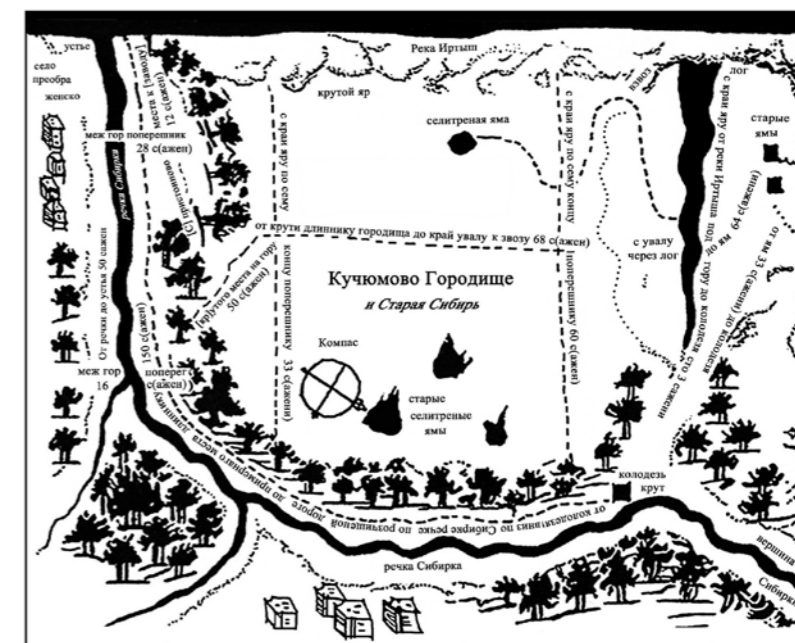

Рис. 2. «Кучумово городище и Старая Сибирь». Чертеж из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова 1703 г. Реконструкция

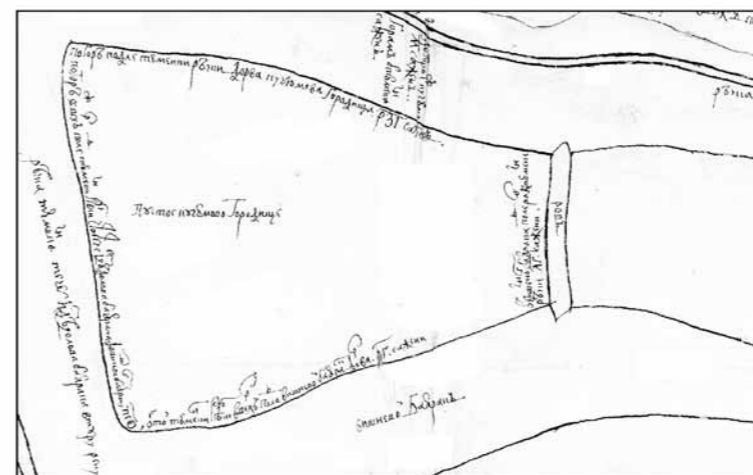

Рис. 3. «Царёво / Пустое Кучумово Городище». Копия с подлинника, фрагмент (РГА-ДА. Ф. 199. Портф. 365. Ч. II. Д. 14. Л. 3)

О. В. Кардаш
г. Нефтеюганск
АНО ИАС

ПОЛУЙСКИЙ МЫСОВОЙ ГОРОДОК КНЯЗЕЙ ТАЙШИНЫХ (КОНЕЦ XVI – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII в.)

Автором проведены раскопки двух поселений, расположенных на Крайнем Севере Западной Сибири – Полуийского мысового городка в низовьях Оби и Надымского городка – в нижнем течении соседней р. Надым. На сегодняшний день они являются опорными археологическими памятниками для характеристики культуры коренных народов данного региона конца XVI – первой трети XVIII в. Материалы обоих памятников опубликованы, в том числе в трех монографиях [Кардаш, 2009; 2013а; 2013б].

Статья посвящена результатам комплексного анализа материалов первого городка. Данный памятник находится практически на линии Полярного круга, в зоне западносибирской лесотундры, на правом берегу Оби, в юго-западной части г. Салехарда – столицы ЯНАО, на площади бывшего Речного порта. Городок был построен на вершине Обдорского холма, распложенного на оконечности высокого (10–15 м) обширного мыса правого берега р. Полуий, правого притока Оби. Ныне этот поселок полностью разрушен и на поверхности не виден. Большая часть территории мыса заасфальтирована и занята современными постройками. В XIX – начале XX в. в этом месте находились церковь Петра и Павла, дом священника и обнесенный оградой погост. В советское время кладбище было заброшено. Здание церкви неоднократно перестраивалось, в нем размещалась типография, затем – речной вокзал. Сейчас это строение снесено.

Руины городка находятся на территории известной стоянки Салехард 1 (I), датирующейся большим хронологическим диапазоном: приблизительно от III тыс. до н. э. до начала VIII в. н. э. Она содержит остатки могильника и культового места эпохи энеолита – раннего бронзового века, а также поселений раннего железного века и средневековья. Стоянка была открыта в 1926 г. М. И. Штекелисом, в 1928–1929 гг. обследована Д. Н. Редриковым [Чернецов, 1946а. С. 2]. В 1946 г. известный археолог и этнограф В. Н. Чернецов совместно с В. И. Мошинской заложили на краю мыса и береговом склоне два раскопа общей площадью 39 кв. м. Здесь они обнаружили мощный культурный слой (1,5 метра) с материалами трех периодов, в том числе часть землянки «усть-полуийской» культуры раннего железного века [Чернецов, 1946а; 1946б; Мошинская, 1953; 1965. С. 17]. Тем не менее, следов городка не выявили.

До недавнего времени считалось, что современный г. Салехард был основан в 1596 г. Некоторые историки полагали, что тогда же в Полуийском городке останавливался и некоторое время проживал вместе со своим карательным отрядом русский князь Петр Горчаков. Он был послан сюда из г. Берёзова на подавление антирусского восстания обдорских остяков, предков современных хантов низовий Оби. Затем здесь якобы размещалась резиденция русских сборщиков ясака – государственной дани, которой Московское государство облагало местное население. Проведенные нами раскопки и комплексные исследовательские работы опровергли эти представления.

Главная причина новых стационарных археологических исследований на Обдорском мысу была обусловлена аварийной ситуацией. К 400-летию юбилею Салехарда известным архитектором, знатоком русской архитектуры А. А. Ополовниковым был создан эскиз Обдорского острога XVII в. Затем, на основании этого рисунка, на территории снесенного здания Речного порта была возведена бревенчатая проходная башня, выполненная в русском стиле. Накануне 410-летнего юбилея г. Салехарда власти округа решили возвести здесь же архитектурный комплекс под названием «Город мастеров» – путем пристройки к башне новых деревянных зданий в стиле русского зодчества. Никаких чертежей Обдорского острога, описаний его современниками, даже сведений о точном его местонахождении, не сохранилось. Все рисунки крепости были порождены только фантазией архитектора и его последователей – местных художников. Созданные в натуральную величину по их рисункам постройки Обдорского городка далеки от исторических реалий.

В 2004–2005 гг. комплексной археологической экспедицией научно-производственного объединения «Северная археология» под руководством автора на памятнике было заложено 7 раскопов общей площадью 1142 кв. м. В верхнем культурном горизонте были обнаружены нижние венцы бревенчатого дома XVIII–XIX вв., основание церковной ограды и шесть деревянных склепов некрополя рубежа XIX–XX вв. В нижнем культурном горизонте были зафиксированы остатки могильника и святилища эпохи раннего металла, а также слои поселений раннего железного века и средневековья стоянки Салехард 1.

Между этими горизонтами были выявлены *руины легендарного городка на Обдорском холме*. Остатки его деревянных строений и другая органика прекрасно сохранились в условиях вечной мерзлоты. Благодаря этому, удалось реконструировать все исследованные постройки, получить 174 образца-спила от деревянных конструкций жилищ для проведения дендрохронологического анализа, собрать коллекцию изделий из дерева,

кости, рога и металлов, а также 12 192 кости животных, рыб и птиц, видовой состав которых был определен зоологами. Специалистами-биологами были проанализированы образцы почвы из горизонта городка. Кроме того, нами были определены размеры распространения культурного слоя стоянки и городка: около 75×60 м.

На основании комплексного анализа археологических, историко-архивных, фольклорных, этнографических и других материалов, мы идентифицировали последний объект как остяцкий (хантыйский) городок *Пулинг-аут-вош*, известный у самоеды (ненцев) под названием *Сале-хард* – «*Мысовой городок*». Последний являлся резиденцией вождей Обдорского княжества, предков известного рода князей Тайшиных, возглавлявших Обдорскую волость Березовского уезда более трехсот лет, до 1920-х гг.

Городок располагался на узком выступе-мысе, размерами 90×50 м, ориентированном по оси СЗ – ЮВ. С террасой выступ соединялся узкой (25 м) перемычкой-проходом. Поселение состояло из двух частей: оборонительно-жилого комплекса и посада. Оборонительно-жилой комплекс находился в северо-западной части мыса и представлял собой монолитное подпрямоугольное в плане сооружение, состоявшее из четырех соединенных между собой жилых домов. Постройки также прямоугольной в плане формы, размером 8×8 м, реконструируются как строения каркасно-столбовой конструкции с несущими бревенчатыми стенами. При этом внешние стены домов играли роль оборонительных конструкций. Каждая из четырех построек размещалась в котловане глубиной 0,5–0,7 м и представляла собой своеобразный квартал. Жилища располагались друг напротив друга. Небольшими крытыми переходами они соединялись с центральным коридором шириной 1,0–1,3 м. Последний был огражден дощатыми стенами и вертикальными столбами – опорами кровли. Из него за пределы оборонительно-жилого комплекса шел единственный выход. Снаружи к нему был пристроен крытый коридор длиной 1,5–2,0 м. Высота всего сооружения составляла от 2 до 3 м. Размеры комплекса – 25×23 м, его внутреннего пространства – 20×18,5 м. Было ли перекрытие единым у всего комплекса или сооружалось по частям, на разных уровнях, над отдельными домами-кварталами и между ними, включая центральный коридор, сказать трудно. Кровля и, отчасти, внешние стены жилищ были покрыты грунтом и дерном. Снаружи такой комплекс выглядел как вытянутая, заросшая мохом и травой сопка, расположенная на краю мыса. С трех сторон все сооружение было защищено естественной преградой – крутым откосом. Валообразная насыпь, сооруженная по периметру комплекса, скорее всего, продолжала естественный склон мыса и увеличивала его протяженность. Следов рва с напольной стороны городка не обнаружено. Такой оборонительно-жилой комплекс нельзя охарактеризовать как мощное фортификационное сооружение. По всей видимости, необходимость в его серьезной защите отсутствовала.

К юго-восточной стене оборонительно-жилого комплекса примыкал неукрепленный посад с хаотично расположенными строениями. Всего, в пределах его – полностью или частично – было расплано 11 таких объектов. Размеры посада, судя по распространению культурного слоя, составляли около 30×50 м. При этом жилища занимали только участок 25×25 м. Всего их здесь могло быть от 15 до 20. По сравнению с домами городка, жилища посада были очень маленькими и невысокими. В основании они обычно не превышали 2,5×2,5 м, а высота их была всего 1,1–1,2 м. Лишь одна постройка № 19 имела размеры 2,8×2,8 м. Все жилища посада были стационарными и долговременными. По конструкции они относятся к строениям с наземной частью кубической формы и подразделяются на два типа: дома-полуземлянки из бревен и жердей с котлованом глубиной 0,5–0,6 м; наземные дома со стенами, сооруженными из досок или бревен. Крыши домов плоские, покрыты тонкими жердями и полотнощами бересты. Каждое жилище перекрывалось грунтом и дерном, а снаружи походило на небольшой земляной холм, типа курганчика. Вход в помещение был узкий и низкий (0,4–0,7×0,6–0,8 м), закрывался дощатой дверью. Перед ним иногда пристраивался крытый коридорчик-тамбур размерами 0,9×0,5 м, высотой около 0,7 м. В помещении у дальней стены находилось место для отдыха: низкие (10–15 см) нары из досок на ивовых лагах или простые травяные циновки. Справа или слева от входа находился очаг-чувал. Для сравнения: в домах князя и его семьи, расположенных в городке, в центре помещения сооружались обычные наземные или углубленные кострища-очаги, характерные для таежных жилищ древности и средневековья.

Жилища городка и посада возводились в основном из лиственницы, что обеспечило их долголетие, а также с использованием вторичных строительных материалов – частей разобранных морских и речных судов, деталей старых зданий. По данным дендрохронологического анализа, самыми первыми на посаде и во всем поселении появились постройки № 1 и № 2 (между 1575 и 1590 гг.), впоследствии разобранные. Самой древней в «укреплении» являлась постройка № 1 конца XVI века, перестраивавшаяся дважды в XVII в. К ней же были пристроены жилища № 2–4, образовавшие оборонительно-жилой комплекс. Данный городок существовал еще в первой трети XVIII в. С начала XVII в. рядом с ним уже находились русские поселения, в том числе вышеупомянутый *Обдорский острог*.

В «цитадели» Полуийского мысового городка проживала семья и ближнее окружение остяцкого князя из рода Тайшиных. На посаде обитала часть рядового населения его общины. Данный городок, судя по архитектуре строений и анализу остеологической коллекции, являлся летней резиденцией главы Обдорского княжества, а впоследствии – русской волости, входившей в состав Московского государства и далее – Российской империи.

Зимняя резиденция Тайшиных находилась в *Полуйском городке*, расположенном на том же берегу, выше по течению р. Полуй. Русскими царями остяцкий князь официально был наделен правами главного сборщика налогов (ясака) с подчиненного ему местного населения. Он же поставлял основную часть этой дани (главным образом, пушнину) Русскому государству. Он же или кто-то из его родственников выполнял функцию верховного жреца. Тем более что неподалеку от его летней «столицы» находился главный культовый центр аборигенов низовой Оби – *святилище на Ангальском мысу*. Князь и члены рода Ташиных, а также их потомки, проводили культовые языческие обряды вплоть до последнего времени, несмотря на принятое ими крещение. Наличие в составе находок из Полуйского мысового городка небольшого (до 18%) количества импортных русских вещей из кожи, тканей и металлов, а среди остеологического материала немногочисленных костей свиньи и крупного рогатого скота, свидетельствует об эпизодических контактах элиты местного общества с русскими торговцами и промышленниками. Безусловно, скот разводили не члены княжеской семьи. Они практически не занимались производственной и хозяйственной деятельностью, находясь на полном содержании у всей общины.

Основным хозяйственным занятием рядового населения поселка являлось оленеводство, сопровождавшееся периодическими сезонными перекочевками по тундре и лесотундре – вплоть до Уральских гор. Собак использовали для охраны жилищ, стад и на охоте, а главное – наряду с северными оленями – как ездовых животных. Основной охотничьей добычей являлся северный олень, но дикий. На его костях из городка сохранились следы от бронебойных наконечников стрел. Кроме того, остяки охотились на других животных, в том числе пушных (заяц, песец, лиса, белка, бобр, соболь, горностаи и т. д.), а также на разнообразную водоплавающую и боровую птицу. Много добывалось белой куропатки. Одним из основных источников пищи была разнообразная рыба: налим и сиговые – муксун, шокур, пыжьян, сырок, реже – осетровые, щука, чебак, ерш. В целом же по остеологическим остаткам ихтиологами определены 20 видов животных, 22 – птиц и 10 – рыб. Кроме того, местные остяки собирали все виды ягод. В образцах почвы из оборонительно-жилого комплекса городка присутствуют остатки брусники, водяники, княженики, морошки, черемухи, малины, семена одного завезенного сюда культурного злака – посевного овса, а также орехи местного кедра, привозной лещины (вида, произрастающего в Европейской части России) и даже грецкого ореха. Для приготовления пищи постоянно использовались мелкие металлические емкости – медные котелки. Традиционная местная керамическая посуда – горшки и котлы из глины – полностью исчезла. Частично она была заменена русской керамикой. Находки металлических вещей из 2,5 тыс. находок и 170-ти категорий предметов единичны (4%). Ценные вещи в городке вообще были редки. По-видимому, они хранились в зимнем поселении (Полуйском городке). В жилищах на посадке зафиксированы следы домашних производств, прежде всего косторезного и деревообработки. Выделка шкур проводилась, по-видимому, в ином месте и другими людьми.

К югу от крайних строений посадка, на оконечности мыса, находилась покрытая щепой площадка. На ней обнаружено большое количество голов северного оленя. Вероятно, данное место имело ритуальное назначение.

Полуйский мысовой городок прекратил свое существование в бытность князя Тайши Гындина (в крещении – Василия Тайшина) – в 20–30-е гг. XVIII в. Потомки Тайши – обдорские князья Тайшины – также приняли крещение вместе со своими семьями и переместились недалеко, буквально – через лог, на несколько сотен метров на юг. Они радикально изменили тип своего жилого дома, построив некий симбиоз русской срубной избы и древнего хантыйского жилища. Таких домов в каждый сезон пребывания их здесь становилось все больше. В течение XVIII в. появилась их новая резиденция – напротив устья р. Полуй, на правом берегу Оби (п. Октябрьский). Свои новые дома, использовавшиеся в период летнего рыболовного промысла, они поставили на левом берегу, ниже устья р. Полуй (п. Горнокнязевск).

Пулинг-авот-вош канул в прошлое. Лишь холм, на котором он находился, надолго остался в народной памяти как священное и особо почитаемое место.

Литература

- Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
- Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи. Екатеринбург; Салехард, 2013б.
- Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард, 2013б.
- Мошинская В. И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // МИА. № 35. М., 1953.
- Мошинская В. И. Археологические памятники Севера Западной Сибири / Археология СССР. САИ. Вып. ДЗ–8. М., 1965.
- Чернецов В. Н. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э. // КСИИМК. Вып. XIII. М., 1946а.
- Чернецов В. Н. Полевой отчет о работе археологической экспедиции в Мангазее. Арктический НИИ Главсевморпути при Совете Министров СССР. Л., 1946б. Д. № 574. Р-1461.

С. Г. Пархимович, С. Ю. Пархимович
г. Тюмень
НПО «СА–1»

О ПОИСКАХ СУРГУТА «ПОГРЕБЕННОГО» В СУРГУТЕ СОВРЕМЕННОМ

Как известно, важнейшую роль в процессе русской колонизации Северо-Западной Сибири, так называемой «непашенной» зоны, сыграли города, являвшиеся анклавами русской культуры в инородческой среде и эпицентрами государственной власти. На огромной территории Нижнего и Среднего Приобья такими центрами в конце XVI – XVIII в. были уездные гг. Березов, Мангазее, Сургут, Нарым и Кетск. Сведения об их облике и ранней истории до недавнего времени исчерпывались исключительно данными архивных материалов, при этом, к сожалению, немногочисленными и обрывочными.

Существенный сдвиг в изучении истории этих русских населенных пунктов и культуры их жителей наметился лишь в конце 60-х гг. XX в., когда начались раскопки Мангазейского городища [Белов, Овсянников, Старков, 1980; 1981]. Перспективность использования огромного информационного потенциала археологических источников, вкупе с письменными, после этих исследований стала очевидной. Тем не менее, лишь в начале XXI в. археологические исследования первых русских городов Севера Западной Сибири стали целенаправленными и ширококомаштабными. Начиная с 2000 г. НПО «Северная археология – 1» ведет ежегодные раскопки археологизированных остатков Мангазеи, а с 2007 г. – Березова. В ходе этих исследований получены самые разнообразные материалы, позволившие реконструировать быт, хозяйство, особенности домостроения и оборонительных сооружений, строительные обряды горожан и т. д. [Визгалов, Пархимович, 2008а; 2008б; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011; Пархимович, 2008].

К великому сожалению, археологическое наследие русского города Сургута XVI–XVIII вв. буквально до недавнего времени оставалось не востребуемым. Его археологизированные остатки оказались вне поля зрения исследователей, внимание которых было сосредоточено на древних и средневековых памятниках аборигенного населения. Так, начиная с 1971 г. экспедиции археологов Уральского госуниверситета (УрГУ) вели масштабные раскопки в пригородном урочище Барсова Гора, а в черте современного Сургута были исследованы лишь селище бронзового века и средневековое городище VII–VIII вв. [Челякин, 1995. С. 20–29].

Справедливости ради отметим, что среди рекомендаций оргкомитета Международной научно-практической конференции, посвященной 400-летию г. Сургута, городской администрации было предложено решить «вопрос о придании статуса исторической зоны старому центру русского города с последующим созданием здесь историко-культурного комплекса, включающего реконструированные памятники архитектуры и быта...», а также о реконструкции и восстановлении острога [Сургут, Сибирь, Россия..., 1995. С. 11]. Вместе с тем об археологических исследованиях этого города, которые наряду с данными письменных и изобразительных источников конца XVI – XIX в. могли бы дать материалы для предлагаемой реконструкции, речи не велось.

Первые реальные шаги по определению границ исторической застройки Сургута конца XVI – XIX в. были предприняты только в 2008 г. археологом из Екатеринбурга П. А. Корчагиным [2008]. Приступив к разработке научно-проектной документации проектируемого достопримечательного места «Культурный слой города Сургута», он обратился к описаниям города в письменных источниках (городовые списки) и изобразительным источникам (схематический план-рисунок Сургута С. У. Ремезова из «Чертежной книги Сибири», планы города 1797 г. и 1893 г.). Наложив эти планы на современную топооснову, исследователь локализовал границы «погребенного» города на местности, после чего осуществил зондирование культурного слоя. Отметим, что исследователь подчеркнул «предположительный» характер привязки планов 1797 и 1893 гг. к современной топооснове. При этом он назвал предлагаемый им вариант «первичным наложением», так как использовал в работе не точную копию плана 1797 г., а его приблизительный обобщенный рисунок [Там же. С. 26]. В качестве современной топоосновы П. А. Корчагин использовал схематический план города, а не генплан.

Судя по данным планов конца XVIII – XIX в. и схематическому рисунку С. У. Ремезова конца XVII в., Сургут локализовался на территории мысовидного выступа коренной террасы правого берега Оби, ограниченного с СВ, ЮВ, востока и юга склонами берегов р. Сайма и р. Бардаковка (протока Оби), а с западной северо-западной стороны – кремлевской стеной, где находилась проезжая Спасская башня с воротами (рис. 1–3). На территории современного Сургута этот участок находится в пределах 9-го и 10-го микрорайонов: 7–1 квартал, улицы Энергетиков, Просвещения и Гагарина.

В поисках сохранившегося культурного слоя г. Сургута конца XVI – XVIII в. П. А. Корчагин заложил три раскопа и сделал две объемные зачистки общей площадью 74 кв. м [Там же. Рис. 3]. Обследованию подверглись участки, расположенные вдоль юго-западной окраины исторической зоны. На всех участках

были выявлены разновременные культурные слои различной степени сохранности. Последние были перекрыты мощными пластами привозного песка, относящимися к 1970-м гг., когда происходила смена деревянной застройки старого Сургута на современную. Над этим песком везде фиксировался современный искусственно сформированный «дерн», основу которого составляет темно-коричневый торф. Культурные слои, предварительно датированные XVII–XVIII вв. и содержащие остатки построек с достаточно представительным вещевым материалом, были обнаружены в северо-западной части обследованной территории. Здесь, по мнению П. А. Корчагина, находилась «периферия площади вокруг Свято-Троицкого собора» (раскоп IV-08). Автор раскопок предположил, что в раскопе IV-08 «...были открыты сооружения XVII в., принадлежащие либо к кремлевскому комплексу, либо к близлежащей усадьбе» [Там же. С.42]. Глубина залегания культурных слоев XVII–XVIII вв. в этом раскопе достигала 1,9 м от современной поверхности. При этом толщина пачки слоев XIX–XXI вв. здесь достигала 0,5–0,7 м.

В раскопе III-08 площадью 52 кв. м, заложенном южнее раскопа IV-08, на газоне, примыкающем к дорожному полотну ул. Гагарина, идущей по юго-западному краю коренной террасы, культурные напластования, датирующиеся ранее 70-х годов XX в., отсутствовали вообще. Здесь они были уничтожены во время нового строительства и расширения проезжей части. Кроме этого, по свидетельствам местных жителей, плодородный слой с огородов, некогда располагавшихся на этом месте, был снят и вывезен строителями [Там же. С. 34–35]. В раскопе, в перемешанном горизонте строительного мусора были найдены артефакты с широкой датировкой: XVII–XIX вв. [Там же. С. 38]. В пределах раскопа зафиксированы траншеи для прокладки кабелей.

На юго-восточной окраине исторической зоны г. Сургута (раскоп I-08 и объемная зачистка II-08), где также отмечены значительные разрушения культурных напластований поздними перекопами под траншеи для кабелей, культурные слои XVII–XIX вв. сохранились фрагментарно. Артефакты этого времени фиксировались преимущественно в переотложенном состоянии, в слое строительного мусора 1970-х гг. По мнению П. А. Корчагина, освоение этого участка Сургута началось в XVII в., но, судя по небольшой толщине слоев «активным не было» [Там же. С. 30]. Подводя итог результатам раскопок, археолог отметил, что в городе сохранились культурные напластования XVII–XIX вв., а при дальнейшем изучении удастся уточнить расположение кварталов дорегулярной планировки и сургутского кремля [Там же. С.45].

В целом «точечное» археологическое зондирование культурных напластований, проведенное П. А. Корчагиным вдоль юго-западной границы исторической зоны г. Сургута выявило, с одной стороны, участки с сохранившимся культурным слоем XVII–XIX вв., с другой – значительные разрушения слоев, вплоть до их полного уничтожения, произошедшие в ходе новой застройки города в конце XX – начале XXI в.

В 2012 г. группа уральских археологов под руководством В. Н. Святова и П. А. Корчагина, расширив, насколько позволяли придомовые лесонасаждения, раскоп IV–08, вскрыла часть хорошо сохранившегося основания бревенчатого дома, стоявшего на материковой поверхности. Это позволило отнести время его существования к начальному периоду жизни города. Материалы раскопок еще не опубликованы.

В этом же году группа сотрудников АНО «Институт археологии Севера» и НПО «Северная археология–1» под руководством авторов, продолжила разработку научно-проектной документации проектируемого достопримечательного места «Культурный слой города Сургута». Получив точную копию плана 1797 г. [План... РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. д. 44. Л. 3] и электронный вариант генплана современного Сургута, мы осуществили новый вариант наложения исторических границ города на современную топооснову (рис. 4).

Особую ценность для привязки границ Сургута в состоянии на конец XVIII в. к современному плану города представляет чертеж 1797 г., снабженный линейным масштабом (рис. 2). Ему полностью соответствует почти синхронное топографическое описание города, составленное уездным землемером в 1790 г. в рамках работ по описанию городов Тобольского наместничества: «...в длину 1 верста 40 сажен, в ширину 200 сажен, фигурою эллипсисом» [Описание Тобольского наместничества..., 1982. С. 174]. Там же сообщается, что в то время в бывшем воеводском доме находилось казначейство, представленное тремя амбарами «для денежной казны и мягкой рухляди, для соли и для провианта», вокруг которых сохранились «крепост деревянная ж с стоячим тыном, три башни, в том числе одна проезжая». Упоминаются и церкви: каменная соборная (Свято-Троицкая) и деревянная казенного строения (Рождества Богородицы) [Там же. С. 175]. Примечательно, что Свято-Троицкая церковь, находившаяся в XVIII в. внутри кремля, о чем свидетельствуют сведения из городского списка г. Сургута от 1697 г. [Вершинин, Шапков, 2002. С. 229–230] и рисунок Сургута в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова, в описании упоминается вне крепости.

На плане Сургута 1797 г. крепостные стены с башнями и воротами уже отсутствуют. По-видимому, в короткий отрезок в 7 лет, разделяющий время составления описания и плана, они были разобраны по причине ветхости и не возобновлялись ввиду ненадобности. Однако местоположение крепости вполне очевидно. В чрезвычайно тесной застройке города, где строения стояли вплотную друг к другу, на плане имеется подквадратный пустырь размерами около 60×60 саж. (около 130×130 м). В центре его изображен квадратный контур, размерами около 24×24 сажени, который, согласно экспликации, означал «место на

возведение гостиного двора». Кстати, точно таким же знаком с близкими размерами отмечено место расположения торговых лавок, «государственного места» и «салеиных магазинов» в г. Березове, находившихся на месте кремля, который к концу XVIII в. также обветшал и был разобран.

Из городского списка 1697 г. нам известны размеры кремля. Длина стен с башнями и воротами с северо-восточной, северо-западной и юго-восточной сторон составляла около 36 саж., с юго-западной, обращенной к р. Бардаковке, – около 27 саж. [Вершинин, Шапков, 2002. С. 228–230]. В связи с этим можно предположить, что Сургутский кремль был несколько меньше пустыря, обозначенного на плане 1797 г., но несколько больше проектировавшегося гостиного двора.

Свято-Троицкий собор, согласно рисунку С. У. Ремезова, в конце XVII в. находился в пределах крепости, примыкая к ее юго-западной стене. В деревянном исполнении он сгорел, как минимум, трижды: в 1700, 1712 и 1739 гг. На следующий после последнего из этих пожаров год, во время пребывания в Сургуте знаменитого российского ученого Г. Ф. Миллера, начались приготовления к строительству нового варианта собора [Северо-Западная Сибирь..., 2006. С. 49]. Вероятно, именно эта церковь в каменном (кирпичном) исполнении упоминается в описании Сургута 1790 г. Она же, видимо, отмечена и на плане 1797 г. – у восточного края пустыря, на расстоянии около 20 саж. к востоку от предполагаемого нами местонахождения кремля. Место расположения этой церкви, уничтоженной в советское время, для нас важно как надежный репер, который позволит достаточно точно локализовать кремль на современной топооснове. К сожалению, на плане 1893 г. изображение Свято-Троицкой церкви отсутствует, хотя в экспликации она фигурирует. В нашем распоряжении нет топографических планов Сургута советского времени до середины 1960-х – начала 1970-х годов, которые можно было бы соотнести с планами 1797 и 1893 гг. На хранящемся в Сургутском краеведческом музее плане «Сургут до 1917 года», составленном без указания масштаба по воспоминаниям старожила П. П. Пugno, Свято-Троицкая церковь изображена на западном углу одного из кварталов, на пересечении улиц Набережной и Троицы (в советское время ул. Ленина). К западу от нее, на другой стороне ул. Набережной, отмечен микротопоним «Барская гора». Вполне вероятно, что он относился к территории бывшего кремля, располагавшегося на краю наиболее высокого участка прибрежного края террасы, что хорошо видно на плане 1893 г.

Со слов сургутских старожилов известно, что в советское время на фундаменте разрушенной Свято-Троицкой церкви стоял кинотеатр «Победа», место которого сегодня перекрыто площадью мемориала с Вечным огнем. К сожалению, и в этом случае точное определение места расположения Свято-Троицкой церкви и кинотеатра затруднено, так как планировка современного Сургута сохранила лишь ул. Просвещения (бывшая Казачья) и Набережную (сегодня – ул. Гагарина), но и эти улицы заметно видоизменились. Бывшая ул. Набережная значительно расширена, а ул. Ленина (бывшая ул. Троицы) и ул. Народная (бывшая Богородицерождественская) отсутствуют, заняты современными зданиями и дворами. При этом, естественно, планировка кварталов конца XIX – первой половины XX в. не сохранилась.

При новой застройке Сургута в 1970-х – 2000-х гг. изменилась не только планировка кварталов с улицами, но и рельеф территории города. Так, на прибрежной ул. Гагарина поверхность подверглась нивелировке: возвышенные участки были срезаны, а понижения на склонах береговых линий засыпаны речным песком. При этом, в сравнении с планами конца XVIII в. и конца XIX в., изменилась и береговая линия. По этой причине точное совмещение береговых линий, зафиксированных на этих планах, с современным краем коренной террасы невозможно.

Тем не менее, достаточно адекватное наложение границ города в состоянии на конец XVIII в. и конец XIX в. на современную топооснову территории Сургута вполне осуществимо. Мы проделали эту работу в два этапа. На первом были совмещены планы застроек 1797 и 1893 гг., предварительно приведенные к одному масштабу. При этом важным ориентиром послужил присутствующий на обоих планах небольшой мыс на береговой линии р. Бардаковка, образованный двумя ложками. Другим ориентиром являлся квартал треугольной формы, налицующий на плане 1797 г. в юго-восточном конце города, где он в качестве планируемого перекрывал контур построек нерегулярной застройки того времени. Этот же квартал отмечен на плане 1893 г. как уже реально существующий. На втором этапе границы застройки Сургута конца XVIII и конца XIX вв. были наложены на современный генплан города в едином масштабе.

Границы Сургута конца XIX в. на современном генплане города проходят по условной линии, пересекающей участок между домом по адресу «ул. Республики, 72» и зданием «Сургуттелекомсети» (северо-западная), по ул. Энергетиков от дома № 1 до дома № 39 (северо-восточная), вдоль ул. Республики до пересечения ее с ул. Энгельса и далее по ул. Гагарина на всем ее протяжении (юго-восточная и юго-западная).

Гораздо более важными нам представляются границы города конца XVIII – начала XIX в., когда началась осуществляться смена нерегулярной застройки на регулярную. Известная нам по плану 1893 г. регулярная застройка фактически сформировалась во второй половине XIX в., так как город сгорел полностью в 1712 г., спустя 15 лет после создания плана его перестройки, и до 1840 г. вряд ли его границы вышли далеко

за пределы контура конца XVIII века. Об этом свидетельствует следующее замечание финского ученого М. А. Кастрена, посетившего Сургут в 1845 г., через 5 лет после грандиозного пожара, уничтожившего практически весь город: «От прежнего могущественного города осталось только несколько жалких лачуг, беспорядочно разбросанных посреди пожарищ, ни одной порядочной улицы, ни одного хорошего строения... В последние десятилетия нищета Сургута дошла до того, что он не мог выплачивать даже и податей» [Кастрен, 1999. С. 69]. Очевидно, что в этой ситуации говорить о сколь-нибудь масштабной перестройке и расширении границ города в период между составлением плане 1797 г. и посещением Сургута Кастреном нельзя. Поэтому контур города на плане 1797 г., надо полагать, был ближе к реальным границам города середины XIX в., чем контур, отраженный на плане 1893 г.

На современном генплане Сургута границы застройки конца XVIII в. на ЮЗ совпадают с границей конца XIX века, проходившей по краю берега р. Бардаковки, западный край небольшим выступом перекрывает перекресток ул. Республики и ул. Энгельса. Далее граница в виде изломанной линии круто поворачивает на ЮВ, огибая здание торгового центра «Сибирь», дома по адресам ул. Просвещения, 43 и 47. На В и СВ она проходит вдоль ул. Энергетиков на удалении к ЮЗ от нее до 80–150 м, между зданиями по адресам ул. Энергетиков, 11 и 13, ул. Просвещения, 42–42а и 35, ул. Просвещения, 29 и двором школы № 18, ул. Просвещения, 25 и подземными гаражами, ул. Просвещения, 19 (городским военкоматом) и гаражами, ул. Просвещения, 15 и 13. Далее она практически под прямым углом поворачивает на ЮЗ, проходя между домами по адресам ул. Просвещения, 13 и ул. Гагарина, 4/1, пересекает ул. Гагарина и выходит на берег р. Бардаковка. Вероятно, в XVIII в. городское кладбище находилось рядом с юго-восточной окраиной Сургута, там же, где оно указано на плане 1893 г.

Описанные границы могут быть откорректированы в результате обнаружения культурного слоя XVIII в. на участках, примыкающих к ним. Это вполне допустимо, если учесть вероятность каких-либо ошибок геодезистов, создавших планы 1797 и 1893 гг.

Ввиду отсутствия планов Сургута XVII в. точное определение границ изначального города (кремля с посадом) затруднено. Единственный изобразительный источник, характеризующий местоположение города и его планировку в состоянии на конец XVI – начало XVIII в. – перспективный обобщенный рисунок С. У. Ремезова в «Чертежной книге Сибири» [Чертежная книга..., 2007. Л. 20] (рис. 3). На нем кремль изображен в виде восьмиугольника, огражденного стоячим тыном – острожной стеной с четырьмя наугольными и двумя проезжими башнями, зданием церкви в набережной стене и несколькими постройками внутри. Не имеющий укрепления посад расположен справа от кремля, на мысу. Он разделен широким просветом на две части: южную – с церковью и домами и северную – только с домами. Вероятно, таким образом С. У. Ремезов показал дорогу, идущую от кремлевских ворот к краю мыса.

Этому изображению соответствует описание города в «Городовом списке города Сургута» 1697 г. [Вершинин, Шашков, 2002. С. 229–230]. В нем указаны размеры кремля и «острожного места, где был старый острог». Из описания следует, что размеры кремля (без выступов угловых башен) составляли около 32–36×30 саж. (69–78×65 м), а «острожного места» – около 36–42×76–89 саж. (78–91×164–192 м).

К моменту составления «Городового списка», как следует из его текста, «... того острогу, и башни, и ворот ныне ничего нет – все згнило без остатку» [Там же. С. 230]. Тем не менее, некоторые детали планировки сургутского «старого острога» (посада) описаны довольно подробно. В юго-западной стене имелись двое «водяных ворот», а вместо острожных стен стояли сомкнутые «служилых людей дворы». Еще одни небольшие ворота («водяные») располагались на дальнем набережном (юго-восточном) углу острога. В дальней острожной стене находилась проезжая Васильевская башня с «большими задними воротами». «На Васильевской башне была изба караульная». В северо-восточной стене имелись еще одни ворота, именовавшиеся Боровыми.

Примечательно, что в этом описании отсутствует отмеченная на рисунке С. У. Ремезова посадская церковь Рождества Богородицы, а в юго-западной набережной стене кремля указан встроенный воеводский двор, в то время как С. У. Ремезов поместил в этом месте Свято-Троицкую церковь.

Реконструированные нами таким образом границы города XVII в. позволяют нанести их на современный генплан Сургута, используя при этом установленное в результате анализа данных плана 1797 г. место расположения кремля, которое оставалось неизменным с момента основания города. В результате наложения выяснилось, что с конца XVII по конец XVIII в. посадская часть Сургута увеличилась в юго-восточном направлении в 2,5 раза, а в северо-восточном – почти вчетверо. Предположительные границы «старого острога» проходят следующим образом: северо-восточная стена – от западного угла мемориала вдоль северо-восточной стены дома по адресу ул. Гагарина, 26; юго-восточная – между домами по адресам ул. Гагарина, 24 и 26; юго-западная – вдоль внешнего края ул. Гагарина.

Таким образом, в настоящее время на предполагаемом месте расположения сургутского посада XVII в., примыкавшего к кремлю с ЮВ, находится юго-западный край мемориала, дорожное полотно ул. Гагарина,

асфальтированные тротуары, дом № 26 на ул. Гагарина и примыкающие к нему по периметру газоны, засаженные деревьями и кустарником.

В целом, выделенные нами на основании анализа планиграфических и письменных источников XVII–XIX вв. границы застройки Сургута в различные периоды его существования, безусловно, нуждаются в корректировке и более точной локализации. Это можно осуществить только при помощи археологических исследований.

Северная, северо-восточная, восточная и северо-восточная части исторической зоны г. Сургута в 2008 г. археологическим исследованиям не подвергалась. В связи с этим осталась нерешенной задача выяснения наличия культурных напластований конца XVIII – XIX в. в этой части территории исторической застройки Сургута. Решение этой задачи затруднено исключительно плотной современной застройкой исторической зоны, наличием большого количества различных коммуникаций (траншеи, асфальтированные дороги, пешеходные дорожки, тротуары). Незначительные по площади газоны, расположенные вдоль домов и засаженные деревьями, это, по сути, единственные участки, пригодные для поиска культурных слоев раннего Сургута. Тем не менее, возможность шурфовки на них сильно ограничена наличием деревьев и кустарников.

В 2012 г. по условной дуге вдоль северной, восточной и юго-восточной границ территории Сургута XVII–XIX вв. нами были заложены 4 шурфа (рис. 4).

Шурф № 1-12, размером 1×2 м, был заложен в 4,7 м от северо-восточной стены дома № 30 по ул. Гагарина. Глубина залегания культурных напластований в нем от уровня современной поверхности – 0,3–1,4 м. Юго-западная стенка шурфа не вскрывалась из-за торчавших из нее куски бетонной плиты и железного швеллера. В шурфе выявлена следующая стратиграфия (здесь и далее последовательность слоев дана от верхних к нижним):

1. Задернованный привозной торф темно-коричневого цвета (толщина – 6–9 см).
2. Серо-коричневый песок с мелкими обломками кирпича и обугленной древесины (41–43 см).
3. Чистый белесовато-желтый песок – современная отсыпка (19–23 см).
4. Темно-серая оторфованная супесь (60–63 см).
5. Желто-коричневый песок мощностью 15–18 см, разделенный прослойкой древесной трухи.
6. Древесная труха (1,5–2,0 см).
7. Подзол толщиной 1,0–1,5 см, подстилающий слой желто-коричневого песка.
8. Материк – желтый песок.

В нижнем темно-сером оторфованном слое (№ 4) найдены 3 обломка стенок от разных сосудов. Все черепки – темно-серые, плотные, хорошего обжига, на одном фиксируется тонкая лощеная полоска. Здесь же обнаружены 3 кусочка шлака, фрагмент частично ошлакованной глиняной обмазки, 2 обломка кованых гвоздей и кусочек оконной слюды. Этот слой явно относится к начальному периоду существования города. Его предварительная датировка – конец XVI–XVII вв., чему не противоречит и облик находок.

Шурф № 2-12, размером 1×2 м, заложен в 9 м от юго-восточной стены дома № 43 по ул. Просвещения. Глубина залегания культурных напластований в нем от уровня современной поверхности – 0,81–1,15 м. Северо-западная стенка шурфа не вскрывалась из-за проложенного практически под слоем дерна электрического кабеля. В шурфе выявлена следующая стратиграфия:

1. Задернованный привозной торф темно-коричневого цвета (толщина – 5–13 см).
2. Перемешанный серый песок с обломками мелких кирпичей (7–19 см).
3. Прослойка серо-желтого перемешанного песка (4–10 см).
4. Темно-серый перемешанный песок с мелкими обломками кирпича, углей и углистой прослойкой (2–3 см) мощностью от 9,5 до 27 см.
5. Прослойка желто-рыжего песка (5,5 см) в профиле юго-восточной стенки.
6. Слои и прослойки белесого песка (современная подсыпка) мощностью 5–36 см.
7. Серо-коричневый песок с камнями и обломком трухлявого бревна диаметром 7 см. Мощность слоя – 10–20 см.
8. Темно-коричневый песок (культурный слой) с двумя обломками бревен диаметром 6 см и 11, 5 см. Мощность слоя – 7,5–48 см.
9. Материк – желтый песок.

В слое темно-коричневого песка (№ 8) найден кованый массивный гвоздь-«костыль» длиной 23–24 см, а также обломки глиняного сосуда (часть стенки и шейка с венчиком) темно-серого цвета с неравномерным обжигом и значительной примесью шамота в тесте. Находки могут быть датированы в пределах конца XVI–XVIII в.

Шурф № 3-12, размером 1×2 м, заложен в 11,73 м от юго-восточной стены дома № 29 по ул. Просвещения. Глубина залегания культурных напластований в нем от уровня современной поверхности – 0,45–0,73 м. В шурфе выявлена следующая стратиграфия:

1. Очень мощный (24–31 см) слой задренованного привозного торфа темно-коричневого цвета.
2. Перемешанный желтый песок с включениями гумусированного песка (6–18 см).
3. Прослойки и линзы белесого песка мощностью от 1 до 15 см.
4. Темно-серый песок с мусором XX в. (пробки, кусок трухлявого бревна диаметром около 4,5 см, осколки стекол и т. д.). Толщина слоя – 1–9 см.
5. Прослойка рыже-серого песка в северо-восточной стенке (до 5 см).
6. Темно-коричневый гумусированный песок (3–14 см) в северо-западном углу шурфа.
7. Серый слабо гумусированный песок – культурный слой (3–29 см).
8. Желто-серый материковый песок.

В сером слабо гумусированном песке (слой № 7) найдены 2 обломка ребер крупного рогатого скота, а также фрагмент стенки сосуда с тонкой лощеной прямой линией. Черепок темно-серого цвета, плотный, хорошего обжига. Предварительная датировка слоя: XVIII в.

Шурф № 4-12, размером 1×3 м, заложен на территории музейного комплекса Сургутского краеведческого музея («Дом купца А. Г. Клепикова»). Юго-восточный угол шурфа располагался в точке, расположенной в 1,5 м от юго-восточной стены здания и 2,0 м от юго-западной стены деревянного забора, ограждающего территорию. Глубина залегания культурных напластований в нем от уровня современной поверхности – 1,51–2,42 м. Последовательность слоев в шурфе следующая:

1. Дерн толщиной 4–9 см.
2. Темно-серый песок мощностью 5–35 см.
3. Серо-коричневый песок с углями (7–15 см).
4. Светло-серый песок – подсыпка (26–74 см).
5. Прослойки белесого песка мощностью до 9 см.
6. Темно-серый песок с мусором и кирпичами XX в. (0,34–1,1 м).
7. Темно-серый углистый песок – культурный слой – с 4 бревнами диаметром 10–12 см, лежащими друг на друге. У юго-восточной стенки шурфа бревна ограничены вертикально поставленной доской толщиной 3,5 см и вскрытой на высоту 63 см. Мощностью слоя – 12–65 см
8. Желто-коричневый песок – подсыпка (10–41 см).
9. Прослойка коричневого песка (1–2 см).
10. Светло-коричневый песок – выкид из котлована (7–17 см).
11. Углистые прослойки мощностью 1–3 см.
12. Подстилающий слой древнего подзола толщиной 1–5 см
13. Материк – коричневый песок с ортзандом.

В шурфе была собрана большая и разнообразная коллекция находок, большинство из которых залегало в нижнем культурном слое (№ 7) и заполнении погребца, относящегося к этому слою. Преобладает остеологический материал (132 ед.), среди которого зоологами определены 94 кости крупных птиц (лебедь, гусь), 1 шучья челюсть и 37 костей крупного рогатого скота (ребра, берцовые, череп, бабки). Все они представляют собой типичные кухонные отходы: большая часть костей крупного рогатого скота порублена.

Керамическая посуда из этого слоя представлена 9 фрагментами: 4 серо-коричневых (2 стенки, днище, венчик), 5 серолощенных (днище, 4 стенки), а также развалом серого горшка с острым ребром на тулове и тонкими лощеными зигзагами. Среди железных изделий (11 ед.) преобладают кованые гвозди: 5 так называемых «четвертовых» (4 вершка, или 17,8 см), 1 «двуетс» (12,5 см), 1 двухвершковый (9 см) и 1 «костыль» (34 см). Кроме того, найдена массивная стамеска с обломанным рабочим концом и 2 фрагмента ножей с черешковыми насадами. Кожаные изделия представлены обрезком обувной головки, обувной заплатой и накладкой сумки (?) с круглыми отверстиями. Два фрагмента оконных слюдяных пластин имеют по одному прямо срезанному краю и отверстия для сшивания. Единственное костяное изделие – овальная в сечении ручка ложки (?) с обломанной лопастью и ребристым торцом – вырезано из мамонтовой кости, поверхность залощена.

Комплекс изделий из нижнего культурного слоя может быть предварительно датирован довольно широко: в пределах XVIII в. Более точная датировка возможна при условии получения материалов, определяющих в узких хронологических рамках (монет, спилов с бревен постройки и т. п.).

В целом сохранность и мощность культурных напластований в шурфах 2012 г. варьируют от достаточно полной, с мощным культурным слоем, насыщенным разнообразными находками, до незначительного по толщине слоя с бедным набором артефактов. При этом поздние культурные слои (XIX, местами XVIII вв.) были в значительной степени уничтожены при новой застройке города. Культурные напластования конца XVI–XIX в. на прибрежном участке вдоль р. Бардаковки были практически полностью уничтожены при расширении этой улицы, укладке дорожного полотна и строительстве домов в конце XX в. Это заключение подтверждается и старожилками Сургута, сообщившими о том, что при строительстве дорожного полотна значительный пласт земли снимался грейдерами.

Исходя из результатов камеральных и полевых работ по определению местоположения города Сургута конца XVI–XIX в., мы пришли к следующим выводам:

1. Участки, пригодные для археологического обследования, незначительны по площади. Они представлены газонами, засаженными деревьями и кустарниками, прорезанными траншеями с различными коммуникациями (водопроводные и канализационные трубы, электрокабели и т. д.).

2. Единственный участок, свободный от деревьев и современной застройки, с хорошо сохранившимся культурным слоем, содержащим остатки деревянной постройки и артефакты XVIII в., – это усадьба филиала Сургутского краеведческого музея («Дом купца А. Г. Клепикова»).

3. Культурные слои сохранились частично и неравномерно. На участках, подвергнутых шурфовке, расположенных по условной дуге, проходящей вдоль северо-западной, северо-восточной и юго-восточной границ г. Сургута конца XVIII в., слой XIX в. уничтожен в ходе новой застройки полностью. Артефакты этого времени находятся в переотложенном состоянии. Слой XVIII в. сохранился местами.

4. Остатки дома, обнаруженного уральскими археологами рядом с мемориалом Славы на уровне материковой поверхности, относятся к начальному периоду существования города. Это свидетельствует о большой степени вероятности наличия в этом месте остатков раннего Сургута – конца XVII – XVIII в. К сожалению, раскопки здесь по указанным выше причинам в настоящее время невозможны.

Источники и литература

- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. Л., 1981.
- Буцинский П. Н. Соч. в 2 т. Т. 2: Мангазея, Сургут, Надым и Кетск. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008а.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008б.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург, 2011.
- Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002.
- Кастрен М. А. Соч. в 2-х т. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999.
- Корчагин П. А. Отчет о НИР: «Рекогносцировочные археологические исследования в историческом центре г. Сургута в 2008 году». Сургут, 2008. Архив СКМ. Ф. 04. Оп. 28. Д. 17.
- Миненко Н. А. Сургут в системе российских городов XVI–XIX вв. // Сургут, Сибирь, Россия (Международ. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута). Екатеринбург, 1995.
- Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.
- План города Сургута с показанием ныне состоящего и вновь назначенного строения. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 44. Л. 3.
- Пархимович С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.
- Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006.
- Сургут, Сибирь, Россия (Международ. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута). Екатеринбург, 1995.
- Чемякин Ю. П. Археологический комплекс Барсова Гора: история изучения и его значение // Сургут, Сибирь, Россия (Международ. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию Сургута). Екатеринбург, 1995.
- Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. 2-е изд. доп. Тобольск, Фонд «Возрождение Тобольска», 2007. Т. 1. Факсимиле рукописи, хранящейся в РГБ. Ф. 265: собрание графа Н. П. Румянцева. 48 Л.

Рис. 1. Сургут на карте из «Чертежной книги» С. У. Ремезова

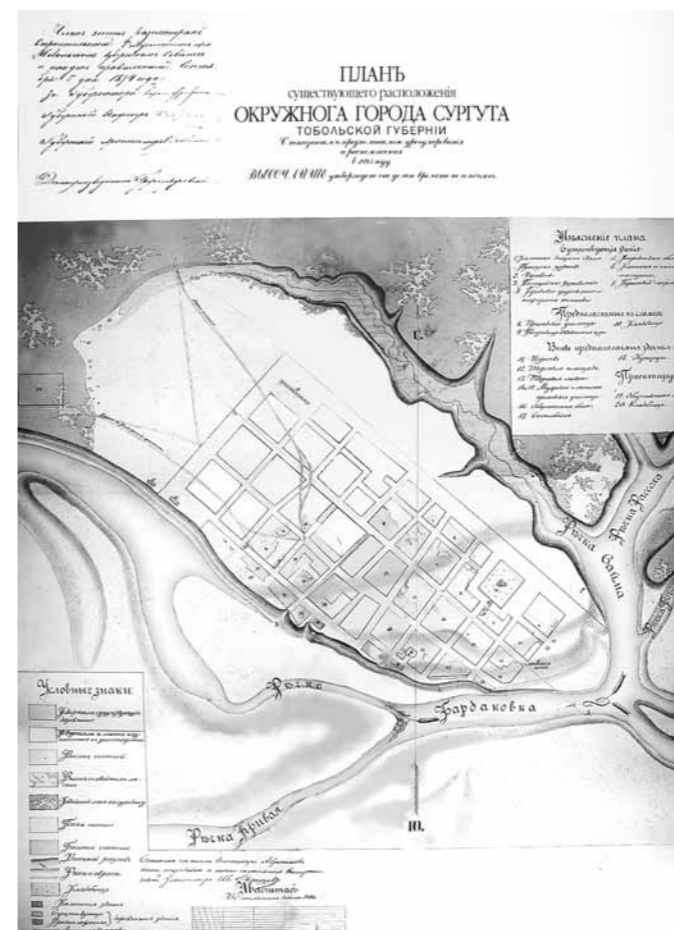
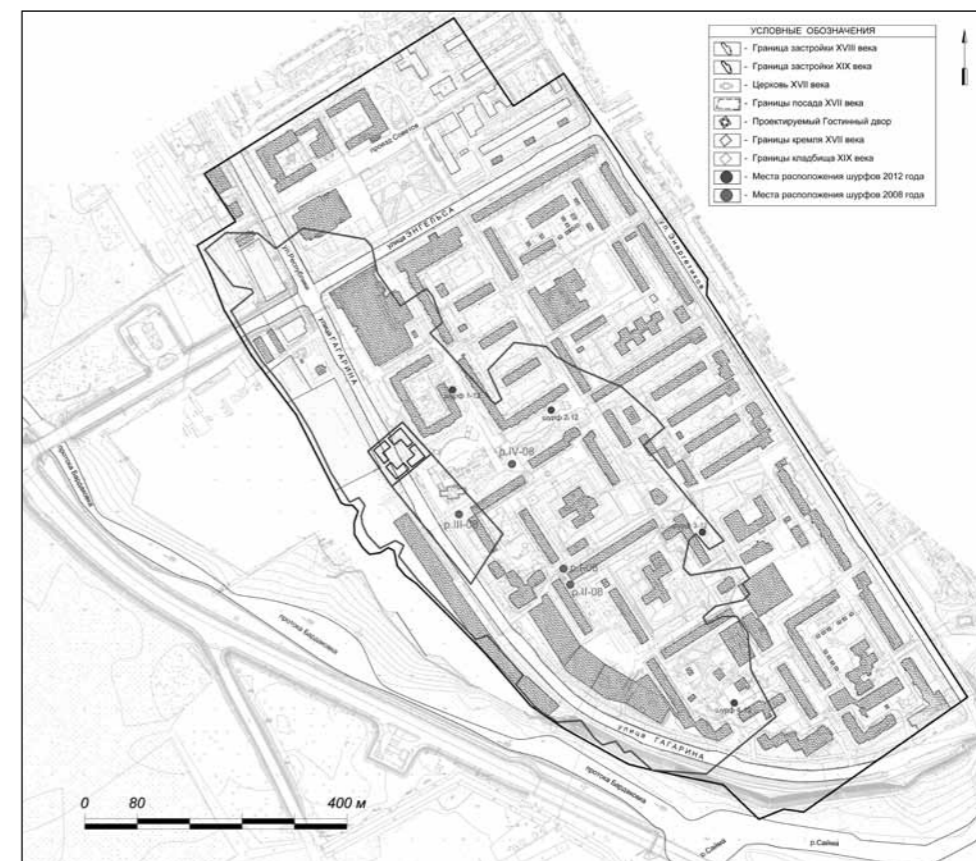

Рис. 3. Границы Сургута на плане города 1893 г.

Рис. 2. Границы Сургута на плане города 1797 г.

Рис. 4. Границы Сургута XVII–XIX вв. на современном генеральном плане

А. С. Вдовин, Н. П. Макаров
г. Красноярск
КГПУ; КККМ

Н. К. АУЭРБАХ И ИСТОКИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Николай Константинович Ауэрбах, чье 120-летие со дня рождения отмечалось в 2012 г., известен как археолог и организатор науки в Сибири. В публикациях об ученом рассматривались различные периоды его жизни и деятельности [Ауэрбах К. и др., 1998. С. 52–60; Вдовин и др., 2004. С. 103–107]. Круг научных интересов этого незаурядного исследователя был достаточно широк – археология, этнография, музейное и архивное дело, библиография и история [Макаров и др., 1995. С. 57–61].

Большой вклад ученый внес так же в исследование проблем колонизации, освоения Енисея и Северного морского пути [Гуляева, Вдовин, 2006. С. 38–43; Вдовин и др., 2007. С. 290–296].

В 1918–1919 гг. Н. К. Ауэрбах, после возвращения его с фронтов Первой мировой войны активно включается в деятельность Красноярского подотдела РГО, где избирается членом Распорядительного комитета и становится сотрудником музея Приенисейского края. В это же время он является корреспондентом одной из влиятельных сибирских газет «Свободная Сибирь», на страницах которой публикует рецензии на исследования, посвященные Северному морскому пути и эксплуатации Норильских месторождений [Н. А., 1919 а; 1919б; Вдовин и др., 2005. С. 164–166].

В 1920 г. он участвует в Норильской экспедиции Сибирского геологического комитета, которой руководил Н. Н. Урванцев, работает в гидрографическом отряде в устье Енисея. По заданию музея он собирает материалы по колонизации низовьев Енисея. Все это послужило толчком к углубленному изучению Н. К. Ауэрбахом истории Енисейского Севера.

В декабре 1920 г. Н. К. Ауэрбах изучает литературу и архивные материалы по истории Туруханского края в Иркутске. В письмах к родным он сообщает, что «с остервенением читаю все, что достану о Туруханске».

Весной 1921 г. он вновь отбывает в Туруханский край, теперь как матрос Енисейского гидрографического отряда и, по совместительству сотрудник музея. Енисейское ГубОНО уполномочивает его производить «...осмотр архивов Туруханского монастыря и Верхнеимбатской церкви, а также других архивов в Енисейской губернии и личное изъятие из них дел и документов, представляющих ценность в научно-историческом отношении, в особенности архивов, находящихся в беспризорном или угрожающем состоянии, с целью передачи архивного материала на хранение в исторический архив Приенисейского края». С другой стороны, музей обращается к епископу Красноярскому и Енисейскому Назарию с письмом: «Прошу Ваше Преосвященство разрешить сотруднику музея Н. К. Ауэрбаху получить из администрации церкви и монастырей Енисейского уезда и Туруханского края, хранящихся в них архивных материалов XVII–XVIII и первой половины XIX в... для последующей научной разработки...» [ГАКК. Ф. 1380, о.1, д.13, л. 8].

Основным объектом исследования был определен район р. Промысловой, где Н. К. Ауэрбах вместе с фотографом музея Приенисейского края А. В. Кудрявцевым раскапывает остатки зимовья Малое русских промышленников.

Н. К. Ауэрбах описывает раскопки следующим образом: «3-го августа... Эти развалины копал Громов [В. И.] в прошлом году и вырыл во второй от входа (налево) комнате под скамьями сундук, в котором были женские вещи, полуистлевшие от времени и в том числе остатки песцовой шубки с шелковым верхом, слипшийся молитвенник, пожелтевший листок бумаги, исписанный чернилами (сложенный в четверо и потому очень плохо сохранившийся), дающий возможность по отдельным видимым буквам отнести к концу XVIII столетия. Кроме того, под другой скамьей он нашел целую кузницу, причем на напильниках были английские марки. Во второй комнате (вторая справа) – обломок стола, стоявшего в теплом помещении. Окрестности богаты культурными остатками. Видны канавы для стока воды, может быть, они служили для осушения косы, лежащей перед избушкой. Сохранились около канавы остатки какого то ворота. Около избушки валяются колоды для белужьего жира, череп белого медведя».

В этом году раскапывал в той же комнате, где и Громов, нач[альник] станции Тимофеевской. Он натолкнулся на шкаф, в котором были деревянные формы (круглые чашки) для хлеба и остатки ножей. В углу Тимофеевский нашел ружье, толстое.

Мои раскопки были неудачны. Шел дождик, глина, покрывающая избушку (от упавшего потолка), размякла, и копать было трудно при адском ветре. В первой комнате у входа налево я нашел под скамьей поплавки деревянные и берестяные для пушалки русского типа, не [такие], как обычно делают их в Туруханском крае, а круглые. Во второй комнате прямо обнаружилась доска со звездой посередине. А. В. думает, что это солнечные часы, я же думаю, что просто крышка скамейки...

21-го августа. Утром пошел раскапывать развалины избушки...

23-го августа. Несмотря на плохую погоду, рылся в развалинах. Вскрыл полки в комнатах №№ III и VII, мерзлота остановила работу, перешел в комнату № I. Копался весь день. Сперва вытаскивал обвалившиеся бревна потолка, потом шел по слоям до пола. Снимал по слойке. В левом углу наткнулся на винтовку, нож и кусок мамонтовой кости. находка меня подбодрила. К сожалению, к вечеру заболел зуб и заставил меня закончить работы преждевременно.

А. В. трунил над моим увлечением раскопками, доказывая, что избушка не представляет никакого интереса и не может быть древней. Конечно, ей не 150 лет, всего 100.

24-го августа. ... Раскопки сегодня[яшного] дня были менее удачны, чем вчера. Я копался в той же комнате, но в других участках, снимал землю послойно. Мог установить большое количество всякой посуды из дерева, бочек, кадок и поносок» [Ауэрбах, 1921].

Полученные археологические материалы Н. К. Ауэрбах передал в Красноярский музей (Коллекция Э 1375) [Ярыгина, 2011. С. 227–235]. В коллекции – 91 единица хранения наиболее употребительных предметов: железные топоры, ножи, пешня, сковороды, кузнечные щипцы, молоток и наковальня, стальные напильники, оружие, медный котел, деревянная и берестяная посуда, изделия из кости и дерева, различные ткани, часослов и другие изделия.

Во время этой поездки Н. К. Ауэрбах проводит исследования еще не менее пяти объектов, в том числе раскопки избушки Рубенса XVIII–XIX вв.

В итоге, благодаря деятельности Н. К. Ауэрбаха были доставлены в Красноярск археологические и спасенные от уничтожения архивные материалы по истории Енисейского Севера. Следует отметить, что Н. К. Ауэрбах в этот период выступал в двух лицах. С одной стороны, он – ученый-исследователь, а с другой – официальное лицо, представитель новой власти, выполняющий ее декреты об отделении церкви от государства и национализации церковного имущества. Именно в этот период на территории Енисейской губернии проходит изъятие церковных ценностей практически из всех действующих православных церквей.

В дневнике 1921 г. Н. К. Ауэрбах оставил запись о передаче архива Туруханского монастыря: «30-го сентября. По моей просьбе «Иней» зашел в Монастырское. Мосиенко приготовил акт о передаче архива, а сам поехал на рыбалку. Дела были запакованы в ящики и оставалось перевести их на берег, что я и сделал, взяв лошадь в кооперации. Часть дел, как я узнал весной, находилось в Исполкоме, куда я и отправился. На мой вопрос – имеются ли в Исполкоме какие либо дела мон[аст]ыря, один из членов в Крайисполкома ответил утвердительно и предложил самому порыться в шкапу. После того, как я раскопал нужные дела, он вдруг задал вопрос: «скажите, пожалуйста, не возьмет ли Красноярский Музей мощи Василия (Мангазейского – А.В., Н.М.), мы их опечатали».

Я ответил, что не уполномочен и шутливо, но зло добавил: «Боюсь превратить музей в место поклонения».

«Куда же их нам девать».

«В Успенский собор в Москве, там, насколько мне помнится, склад подобных реликвий».

«На вышке колокольни вы были, верно, видели, не возьмете ли с собой».

«Не решаюсь, да и не имею полномочий».

«Не беспокойтесь, никаких волнений среди населения не будет».

Я поблагодарил, но от вериг отказался.

После того, как ящики перетасил на пароход, публика заинтересовалась стариной. Капитан просил почитать ему. После чтения он проникся уважением к архиву и распорядился ящики обязательно поставить под прикрытие» [Ауэрбах, 1921].

На лето 1922 г. Н. К. Ауэрбах планирует продолжить работу: «...в будущем году предполагаю вывезти архивы Тазовский, Хатангский, В. Инбатский...». Однако УБЕКО Сибири откомандировывает Н. К. Ауэрбаха в Красноярск, поручив «...приступить к составлению... очерков: 1) Опыт исследования зимовий и происхождения названий в Енисейском заливе... 3) Материалы по истории колонизации Енисея и Енисейского залива...5) Редактирование библиографии Северного морского пути (по В. П. Косованову)...».

Над полученными материалами исследователь продолжает работать в течение 1922–1924 гг. Правда, далеко не все из собранных материалов Николай Константинович успел обработать. В печати же анализ архива появился долгое время спустя, да и то далеко не полностью.

Первая обзорная статья исследователя «К исторической археологии низовьев Енисея» была опубликована в 1923 г. [Ауэрбах Н., 1923. С. 14–16]. В ней автор кратко останавливается на предшествующих работах Норденшельда, Сибирякова, Окулича, Нансена по изучению Севера, которые оставили свидетельства о поселениях. Дает описание типичного жилища русских промышленников – зимовья, которое характеризует как постройку северного типа, с крытым двором, обычно из 5–10 помещений, как правило, одноэтажную. Н. К. Ауэрбах отмечает интересный факт: во многих зимовьях, по рассказам старожилов, «местные промышленники передают интересные сведения о развалинах: зимовья, ныне необитаемые, «пустые», как их зовут на севере, тянутся по правому берегу Енисейского залива, начиная от Толстого носа на расстоянии 15–50 верст друг от друга. Некоторые представляют из себя постройки различной степени сохранности, обычного

северного типа, конечно, деревянные, с крытым двором в несколько – 5–10 отдельных помещений, из которых большинство – кладовые, склады, одним словом, службы. Другие постройки – двухэтажные. Таких немного: у Крестовского и еще на мысе Макаревича в северной части залива. В районе ниже Крестовского промышленники находили в таких пустых зимовьях всю обстановку жилья: посуду, оружие и все в таком виде, будто жители оставили случайно и неожиданно» [Ауэрбах Н., 1923. С. 15]. По его мнению, такая же участь постигла зимовье в устье р. Промысловой. Оно было заброшено, судя по материалам раскопок, в первой половине XIX в. Последними его обитателями была семья русских промышленников, бежавшая на юг, спасаясь от эпидемии.

Привлекая архивные данные, сопоставляя карты, исследователь приходит к выводу о том, что раскопанное им зимовье принадлежало Туруханскому Троицкому монастырю до секуляризации 1764 г. и было известно под именем «Малое». Исследователь отмечает в своей работе: «На карте Гензелиуса (из атласа Академии наук 1745 г., составленной по описям русских моряков Великой Северной Экспедиции 1733–43 гг.) самым северным зимовьем в заливе показано Малое. Севернее развалин на Промысловой в заливе до мыса Северо-Восточного нет остатков поселений на берегах. [Ауэрбах, 1928. С. 141]. Вообще, метод сопоставления различных источников – археологических, письменных, картографических – весьма характерен для Н. К. Ауэрбаха.

В последующие годы Н. К. Ауэрбах неоднократно обращался к теме Енисейского Севера [Ауэрбах, 1927. С. 213–214; 1928. С. 80–81; 1929. С. 1–30]. Однако исследователю было отпущено судьбой лишь 38 лет жизни. Преждевременная смерть в 1930 г. оборвала деятельность Н. К. Ауэрбаха. Становится понятным, почему многие его работы остались незаконченными, а написанные статьи неопубликованными.

Новыми для первой четверти XX в. были выводы ученого. Его отчет о раскопках зимовья Малое в устье р. Промысловой фактически положил начало археологическому изучению проблемы освоения Енисейского севера первыми русскими землепроходцами. Анализируя археологические и архивные материалы по истории колонизации Енисея, он делает новаторский для того времени вывод о возникновении в этом регионе поселений русских в XVI в., еще до постройки Мангазеи.

Научное наследие Н. К. Ауэрбаха дает основания считать его одним из видных специалистов по истории колонизации и освоения Сибири. Авторы надеются, что работы Н. К. Ауэрбаха в скором времени станут, известны широкому кругу исследователей.

Источники и литература

- Ауэрбах Н. К. Дневник 1921 г. Архив ИАЭТ СО РАН.
 Ауэрбах Н. К. К исторической археологии низовьев Енисея // ЭБ ВСО РГО. № 4. Красноярск, 1923.
 Ауэрбах Н. К. Архив Туруханского монастыря // Сибирские огни. № 4. Красноярск, 1927а.
 Ауэрбах Н. К. Рец. на кн.: Бондарский. Северный Морской путь. Историко-географический очерк открытия Северо-Восточного прохода // Сибирские огни. № 4. Красноярск, 1927б.
 Ауэрбах Н. К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. № 5–6. М., 1928.
 Ауэрбах Н. К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. / РСФСР. Наркомзем. сиб. науч. рыбхоз. станция. Науч.-промысл. исслед. Сибири / под ред. зав. станцией А. И. Березовского. Сер. А. вып. 6. Красноярск, 1929.
 Н. А. [Ауэрбах]. Библиография (А.М. Вихман. Морские сообщения Сибири – Северный морской путь) // Свободная Сибирь, 13 апреля № 80 (486). Красноярск, 1919а.
 Н. А. [Ауэрбах]. Библиография (А. А. Сотников. К вопросу об эксплуатации Норильского (Дудинского) месторождения каменного угля и медной руды. Томск, 1919. 54 с.) // Свободная Сибирь. Красноярск, 1919б.
 Ауэрбах Н. К., Вдовин А. С., Макаров Н. П., Щербакова Н. П. Н. К. Ауэрбах. Первый период научной деятельности (1918–1923 гг.) // Межмузейный сборник. Красноярск, 1998.
 Макаров Н. П., Вдовин А. С., Щербакова Н. П. Н. К. Ауэрбах как археолог // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Доклады Всерос. науч. конф. Ч. I. Омск, 1995.
 Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П. Этнографические интересы Н. К. Ауэрбаха // Этносы Сибири. Прошлое, настоящее, будущее: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Красноярск, 2004.
 Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П. «Н. А.» – корреспондент газеты «Свободная Сибирь» в 1918–1919 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2005.
 Гуляева Н. П., Вдовин А. С. Николай Константинович Ауэрбах и судьба одного архива // Енисейская провинция. Вып. 2. Красноярск, 2006.
 Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П. Ауэрбах Н. К. – исследователь истории освоения Енисейского Севера // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Т. 5. Ч. 2. Владивосток, 2007.
 Ярыгина Е. Технология изготовления тканей, найденных в зимовье «Малое» в устье Енисея (Раскопки Н. К. Ауэрбаха 1921 г.) // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011.

Б. Б. Овчинникова

г. Екатеринбург

УрФУ

ЛИЦЕВЫЕ МАСКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ РУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Со времени принятия христианства Русь вступила в период двоеверия, длившийся несколько веков. Христианских проповедников беспокоили пережитки язычества, среди которых, по их мнению, были и маски. Так, в челобитной XVII в. нижегородских попов радители новой веры настоятельно просят «Великого государя святейшего Иосафа патриарха Московского и всея Руси» принять меры против «скоморохов и игроков с личинами» [Белкин, 1975. С. 171]. Еще раньше, в X–XV вв., на Руси особой популярностью пользовались процессии ряженых в разнообразных костюмах и «страшных личинах» [Даркевич, 1988. С. 215].

Несколько таких масок-«личин» было обнаружено в результате археологических раскопок в ряде древнерусских городов, таких как Тверь, Псков и др. (рис. 2 – 4, б). Однако особое место среди них по количеству найденных масок принадлежит Великому Новгороду. Несмотря на кажущееся небольшое число масок (14 экз.), выявленных к настоящему времени, сегодня новгородская коллекция представляет собой одну из самых многочисленных и уникальных кожаных «личин» [Овчинникова, Копнина, 2000. С. 118–134]. Такой феномен – достаточно большое количество личин в одном городе – можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, в Великом Новгороде самое продолжительное время в России проводятся систематические раскопки. Во-вторых, это можно отнести на счет известной специфики новгородских почв, в которых материалы органического и неорганического происхождения слабо подвергаются разрушению. В-третьих, если говорить о масках как о языческом атрибуте, то распространение их в этом городе (а так же и в области) может быть обосновано и тем, что территория Новгородской Руси достаточно долго сохраняла свою самостоятельность. Это выражалось не только в неподвластности киевским князьям, но и в неприятии канонов общей веры и церковных служителей, как ее адептов. В-четвертых, как один из аргументов можно отметить географическое положение, тесные торгово-экономические и культурные связи со странами Северо-Западной Европы, где маски были распространены с X–XI вв. и продолжают существовать до настоящего времени. Например, в Прибалтике [Тэдре, 1974], средневековой и современной Венеции и других странах (рис. 2 – 3, 5).

По внешнему виду новгородские маски можно разделить на три типа: зооморфные, антропоморфные и смешанные. Последние соединяют в себе одновременно черты, как животного, так и человека, изображая мифическое существо. В этом случае к маске могли пришиваться «брови», «усы» и «борода».

Признаком, позволяющим выделить *зооморфные маски*, является наличие у них «ушек». Таких масок две. Кроме «ушек», у одной из них имеется еще и «борода» (рис. 1 – 1). Эта маска, изображая животное, похожее на козу, скорее всего прикладывалась к лицу и крепилась с помощью веревочек. Об этом говорят два симметричных отверстия в верхней части маски. Аналогичная ей маска хранится в фондах Тверского краеведческого музея (рис. 2 – б). Что же касается второй новгородской маски, то ее крепление кардинально отличается от первой. На основании сохранившихся следов на изнаночной стороне предмета, можно предположить, что кожа крепилась к деревянной основе с рукояткой и приставлялась к лицу, как в греческом или восточном театре. Вероятно, эти зооморфные маски могли служить для изображения не какого-то конкретного животного, а скорее выступали в качестве собирательного образа.

Тем не менее нельзя исключать варианты, которые предлагались рядом исследователей, в том числе и зарубежных, идентифицирующих новгородские маски с культом медведя. Так, венгерский специалист П. Хайду связывает ритуалы народов Северной Европы с Уралом, во время медвежьего праздника, когда его участники надевали культовые маски из бересты в виде овала с прорезанными дырками для глаз и рта [1985]. Возможно, аналогом такой маски может служить изделие из бересты, обнаруженное в Белоозерье (рис. 2 – 2). Действительно, такие праздники имели место быть у финно-угорских народов, и дошли до настоящего времени у хантов и манси. Однако, на наш взгляд, сравнение новгородской маски (рис. 2 – б) может быть более убедительной не с медвежьей, а, скорее всего, с мордой из семейства кошачьих. Известно, что излюбленным мотивом в декоративно-прикладном искусстве новгородцев XII–XIII вв. были изображения «львов» или «кошек» [Древний Новгород..., 1985. С. 63, рис. 93; Пухначева, 1994. С. 105, рис. 1 – 7].

Иначе выглядят *антропоморфные маски*, они представляют собой ярко выраженные черты человеческого лица. Так, одна из них (рис. 1 – 3) представляет собой «смеющуюся человеческую физиономию, углы рта у нее высоко подняты, зубы намечены зигзагообразной линией» [Изюмова, 1959. С. 221].

Большинство же масок новгородской коллекции могут быть отнесены к типу «смешанных» (10 экз.). По их внешнему виду, порой, трудно определить, кого в них хотели изобразить ряженые. Маски этого типа

разделяются по признаку наличия или отсутствия раскраски. Те маски, на которых сохранились следы нанесения на них цвета, скорее всего могли служить для изображения солярного символа. Об этом говорит сохранившийся рисунок на одной из них (рис. 1 – б) и следы красно-желтого цвета на фрагменте другой.

Что же касается остальных личин, то их также можно разделить на группы. В этом случае определяющим признаком будет наличие или отсутствие следов прошивок на маске. Чаще всего прошивки встречаются по краям изделия. Есть случаи, когда имеется очень ровная строчка с мелкими дырочками, находящаяся на равном расстоянии друг от друга. На отдельных масках зафиксированы отверстия, которые можно принять только за следы прошивки. Они выполнены весьма неаккуратно, скорее схематично. Вероятно, в этих случаях в отверстия что-то вставлялось. Возможно, пришивалась или привязывалась пакля, солома или что-то другое, дополняя маску и образ ряженого «волосами» или «бородой». В отношении же масок без прошивок сложно однозначно говорить, кого они изображали (рис. 1 – 5).

Изучение коллекции новгородских масок поставило немало вопросов, касающихся не только их происхождения, датировки, но и принадлежности. Маски не раз привлекались авторами научно-популярных изданий в качестве иллюстративного материала, отражающего страницы истории скоморошества, а их происхождение связывалось с зарождением древнерусского театра [Авдеев, 1959; Рыбаков, 1988]. В ряде работ, посвященных истории русского театра, отмечается, что скоморохи имели своеобразный реквизит – специальный костюм и маски. Но если упоминания о специальной одежде скомороха можно проследить по источникам XII–XIII вв., то каких-либо сведений о масках, используемых «потешниками» в этот период, пока не выявлено.

По мнению ряда исследователей, популярность масок в атрибутике у скоморохов проявилась лишь с XVII в. В доказательство этого привлекались различные виды источников этой эпохи: челобитные, царские и воеводские указы [Белкин, 1975]. В частности, в челобитной нижегородских попов (1643 г.) служители сетовали на то, что «игрецы с медведтчеками и скомороси с бесовскими оружию... мнятся праздновать ситцевым способом: медветчики с медведями и плясовыми писцами, а скомороси и игрецы с личинами и с позорными блудными орудиями...» [Там же. С. 171]. Между тем, следует заметить, что и в этих поздних источниках, отделяются «игрецы с личинами» от скоморохов, нигде нет упоминания «скоморохи с личинами». Так, с XVII в. в источниках, наряду с термином «скоморох» появляется упоминание о «личинах» и «харях», назначение которых весьма расплывчато и напрямую нигде не связано со скоморохом.

Термин «скоморох» пришел на Русь с первыми переводами с греческого на древнеславянский язык. Замечу, что до конца XIII в. русскими авторами он практически не употреблялся. В более поздних источниках «скоморохи» представлены как главные заводилы на свадьбах, новгородских братчинах, боярских и княжеских пирах и прочих праздниках. По мнению Б. А. Рыбакова, родословная скоморохов возводится к древнейшим языческим культам и обрядам, главными создателями, организаторами и хранителями которых были волхвы [Рыбаков, 1988]. Таким образом, указывают на связь скоморохов и волхвов. Эту точку зрения поддерживали ряд исследователей. Некоторые из них, порой, прямо говорят о том, что скоморохи – это переродившиеся волхвы, а главная сфера их первоначальной деятельности – обряды, связанные с ритуальным смехом. Однако такая точка зрения вызывает некоторое недоумение: считая наиболее важными для появления скоморохов обряды с развитым ритуальным смехом, они почти не принимают во внимание обрядовые «действия» и празднества, связанные с производственной деятельностью, сменой времен года и т. д.

Более того, внешний вид маски в большинстве случаев мог скорее напугать, чем насмешить, что противоречит общепринятому представлению об увеселительной роли скоморохов. Скомороху для общения с миром не требовалось от него закрываться, скорее наоборот, поэтому ему нужна была живая мимика. Скоморохи являлись неизменными заводилами на всех праздниках, отличались особым профессионализмом. Не случайно в народе говорили: «Всяк спляшет, да не как скоморох». Но это уже в более поздний период.

Культурные слои Новгорода, в которых были найдены маски, датируются концом XII – началом XIV вв. Русские письменные источники этого времени обычно называют «потешников», подобных скоморохам, по тем функциям, которые они выполняли, или по виду инструмента, на котором они играли: «гусельник», «гудец», «сопельник», «бубенник» и т. д. [Тюрин, 1995. С. 61]. Трудно представить, что человек в маске, зачастую чем-нибудь еще и обшитой, в специальном костюме, мог бы плясать, петь и вести тот подвижный образ жизни, который он олицетворяет. Неслучайно существует мнение, что в XII–XIV вв. «потешники» не носили масок вообще, поскольку это не соответствовало их социокультурным функциям [Белкин, 1975. С. 115–137]. Отождествлять новгородские маски с реквизитом скомороха было бы неверно. Следовательно, кожаные новгородские маски, свидетельствуют вовсе не о всплеске скоморошества и театрального искусства, как это считалось ранее.

Может быть, необходимо обратить внимание на увеличение в этот период роли другой социальной группы, с которой, как мы отметили выше, ряд исследователей связывают происхождение скоморохов, а именно – волхвов. Встречаются сведения о том, что в процессе обрядовых действий волхвы закрывали лицо маской для общения с потусторонним миром, с миром предков. Волхвы выражали религиозное ми-

ровоззрение родового строя и в этом смысле были пережитком в условиях Древней Руси, когда авторитет завоевывался умением входить в контакт с потусторонними силами. В этот период в магических обрядах вполне могли бы использоваться маски. Однако проблема состоит в том, что ни в Новгороде, ни в Новгородской области не зафиксировано ни одной маски, датированной ранее X в. Единственная маска из бересты, предварительно датированная рубежом X–XI вв., обнаружена при спасательных работах в районе Рыбинского водохранилища пос. Луковец (рис. 2 – 5) [Кудряшов, 1996. С. 56].

Действительно, до принятия христианства, на всей территории Руси волхвы занимали определенное место в социальной жизни славянского общества. Кроме того, что эти люди были основными отправителями культа, они занимали и особый статус в обществе, обладая определенным авторитетом. Новые боги, постепенно вытесняя прежних, к моменту принятия христианства окончательно не заменили их. Над волхвами не тяготела необходимость принимать христианство, и они его не принимали, уже этим одним завоевывая симпатии населения. О том, что волхвы нередко стояли во главе выступлений, направленных против новой веры, имеются документальные подтверждения. После принятия христианства их роль в обществе принимает скорее политический характер, нежели религиозный. Будучи носителями пережиточных форм язычества, они уже утратили жреческие функции и не могли иметь никакого серьезного значения при совершении обрядов антропоморфными богами, возглавляемыми Перуном. Служители новой – христианской – религии были настроены достаточно негативно по отношению к волхвам, что отразилось и в летописях. Здесь следует заметить, что в летописях XII–XIV вв. волхвы действуют, чаще всего, как колдуны, знахари, шептуны. Даже те из них, кто были руководителями восстаний, выступают чаще всего в роли прорицателей, вещунов и т. д. Тем не менее, официальные документы и другие письменные источники этого времени нигде не упоминают о том, что «кудесники» использовали в своих ритуалах маски.

Все отмеченное выше свидетельствует о том, что ни одна из кожаных масок, обнаруженных в Новгороде, преимущественно в слоях XIII в., пожалуй, не может быть идентифицирована как маска скоморохов или волхвов. Даже если и предположить, что в XII в. волхвы в Новгороде еще не утратили свои жреческие функции, то едва ли, преклоняясь перед божеством, они стали бы надевать «личину».

Естественно, сложно определить, кому принадлежали новгородские кожаные маски. Может быть, и не стоит углубляться в поисках возможных носителей этих масок, а следует обратить внимание на то, с какой целью и когда могли их надевать. В связи с этим уместно будет вспомнить о традиционных русских праздниках, на которых главными участниками и исполнителями являлись самые обычные люди. Единственное ограничение, которое, кстати, тоже могло нарушаться – это половой и возрастной признак. Как правило, заводилами были молодые люди. Почти ни в одном из описаний этих праздников или «бесчинств» (по словам служителей церкви) не встречаются упоминания ни о волхвах, ни о скоморохах.

Среди известных гуляний и празднеств эпохи средневековья на Руси обозначу лишь те, в которых использование масок было наиболее частым. Оказывается, с «маскированием» можно было встретиться главным образом в Святки и на Масленице. «Святки» празднуются с «гулянками» три дня. «Местами уже со второго – третьего дня Святки по вечерам «машкаруютьца» или «бегают нарядчиками». Следом за Святками идет – «Новый год», он же «Васильев день» [Макаренко, 1993. С. 92]. «Новый год... празднуется поголовно и повсеместно. Вечером лица обоего пола от мала¹ до велика «машкаруються», т. е. маскируются, кто во что горазд и посещают избы или «бегают нарядчикам» с целью потешить хозяев. В последующие за тем дни производятся обычные работы; но вечерки и маскарады продолжаются с необыкновенным оживлением вплоть до Крещения» [Там же. С. 41].

Строгой привязки одних видов масок к определенным праздникам не существовало. Так, маски, популярные в период святочной недели, могли применять и на масленичных гуляниях. Иногда святочные маски надевали на Казанскую [Громыко, 1991. С. 324]. Следует отметить, что преимущество на время «святочных вечеров» все-таки оставалось за антропоморфными «личинами». Такую закономерность можно объяснить двумя причинами: сезоном года и функцией, которую выполняло ряженье в человеческий образ.

Всем этим праздникам соответствуют так называемые «святочные игры». Как известно, зимний период в земледельческом календаре ассоциировался со смертью природы, «угасанием солнца» и угасанием жизни человека [Чичеров, 1957. С. 324]. Неудивительно, что «святочные игры» своими корнями уходят в глубокую древность, и не случайно они закрепились в памяти народа. Одной из основных игр, в которых использовалась маска и которая проводилась только в Святки, – это «игра в покойника». Исследователи сходятся во мнении, что существует тесная связь между этой игрой и культом предков [Гусев, 1974; Пронн, 1963]. Как один из аргументов они приводят тот факт, что мужчина, изображающий «покойника», иногда надевал маску. Так, по наблюдениям Г. К. Завойко выявлено, что «лицо покрывают платком или надевают личину-маску, деревянную долбленную (или из бересты), страшную, неприглядную» [Завойко, 1917. С. 38]. В отличие от большинства игр, где «покойнику» отводилась пассивная роль, известен и тип игрища, в котором ряженые

¹ Об этом свидетельствует детская маска (рис. 1 – 5). – Б. О.

«покойниками» ходили от избы к избе и при этом вели себя весьма буйно [Максимов, 1903. С. 302]. Описание того, как выглядели маски для «игры в покойника», очень напоминает некоторые новгородские, выделенные нами как антропоморфные (рис. 1 – 3, 4), – со следами прошивок, свидетельствующих о дополнительных деталях в оформлении костюма «маскирующегося». Именно они могли привлекаться в период празднования Святка и Нового года.

Святочные игры были почти исключительно достоянием холостой молодежи. Они носили весьма специфический характер. Маскирование способствовало различным вольностям. Изучение же игр показывает, что их характер имел обрядовое значение. В этой связи показательна еще одна игра – «в кузнеца». Она состояла в том, что парень, изображавший кузнеца, полуголый, в одних портах, с нарисованными на теле пуговицами, хвастает, что умеет «старых на молодых переделывать». Ряженный старик уходит под полог, напоминающий нечто вроде наковальни, сбрасывает маску старика и выходит оттуда подростком [Максимов, 1903. С. 302].

В описанных выше двух играх можно увидеть, какое значение придавалось именно маске. Снятие маски олицетворяло возрождение, что переключается и с рядом святочных обрядов, которые были направлены на возрождение природы.

Как показывает ряд источников, участие в подобных игрищах воспринималось самим народом как скверна. Скрытие лица под маской было весьма важным, дабы не быть узнанным. К тому же антропоморфные маски, используемые на «святочных играх», служили своеобразным оберегом от нечистой силы. Считалось, что «личина» отгоняла нечисть от того, кто ее надевал. После таких праздничных «действ» совершались очистительные обряды. Человек, на время теряющий свой облик, должен был вновь обрести его, возможно, в каком-то обновленном виде. Основная форма такого обряда – купание, омовение, когда «маскирующиеся» совершают его, несмотря ни на какую суровую погоду, дабы освещенною водою смыть с себя личину беса [Ефименко, 1877. С. 138]. Именно в этом состояло значение очистительных обрядов непременно завершающих праздники, в которых участвовали люди в масках.

В свою очередь, главное место в масленичной обрядности занимали маски, изображающие различных животных (зооморфные). В аграрном календаре весенний период считался одним из важных, поскольку являлся подготовительным к сельскохозяйственным работам. Поэтому календарная обрядность в основе своей являлась аграрной. Вера в то, что с помощью аграрной магии можно повлиять на природные силы проявилась в обряде ряжения, в использование масок зооморфного типа.

Таким образом, новгородские маски, обозначенные нами как зооморфные (рис. 1 – 1, 2), явно несли плодотворную функцию. В народном представлении плодovitость животных могла передаваться Земле. Маски могли гарантировать защиту духов – покровителей земледельческого хозяйства – и могли быть задействованы для развлечения публики. Маски так называемого «смешанного» типа использовались в различных целях и связаны с различными обрядовыми действиями. Маски, изображающие солярный символ (рис. 1 – б), скорее всего, были задействованы в Новый год – с целью воздействия на силы природы. Остальные маски могли использоваться во время игрищ – как при играх в «покойника» или в «кузнеца», так и во время святочных праздников при хождении по домам для развлечения публики. Судя по четким следам прошивки у масок, к ним явно пришивались детали – «волосы» и «борода», обрамлявшие маску и придававшие ей более устрашающий вид. Как показывают места крепления, обозначенные на лицевых масках, они привязывались к голове, и вероятно, являлись основной деталью костюма ряженого.

В целом же лицевая маска в обрядовой жизни средневекового новгородца играла важную роль. Прежде всего, по нашему представлению, она использовалась в святочной и масленичной обрядности. Это связано с тем, что именно эти праздники приходились на зимнее солнцестояние (от 24 декабря до 6 января) и весеннее равноденствие (24–25 марта). Тем не менее, не исключено использование их во время других календарных праздников: на Троицу, Ивана Купалу и т. д. Для средневековой Руси ряжение носило ритуальный характер. Маски, выделенные нами как антропоморфные, зооморфные и смешанные, прежде всего, связаны с культом предков (ряжение в покойников) и древними тотемистическим представлениям. Перевоплощение в животных ассоциировалось с идеей плодородия, то есть плодovitостью быка, козы и других животных. Еще одной функцией скрытия лица под маской являлось оберегание от злых сил и нечисти, которые активизировались в зимний период.

Представляется справедливым мнение ряда исследователей о том, что в средневековой Руси не существовало четкой грани между использованием антропоморфных и зооморфных масок. Зверинные личины «очеловечивали», человеческим маскам придавали черты чудовищ [Даркевич, 1988. С. 216]. При комплексном рассмотрении, как самих масок, так и их использовании, становится очевидным, что новгородские кожаные маски, большая часть которых датируется XIII – началом XIV в., являются обрядовыми. Они могут служить весьма интересным и важным источником в процессе изучения древних религиозно-магических обрядов, нашедших отражение в календарных праздниках средневековой Руси далеко за пределами

Великого Новгорода в более поздние времена (XVI–XVIII вв.). В частности, в землях некогда осваиваемых теми же новгородцами. Например, в Югре: в слоях Надымского городка и Мангазейского городища были обнаружены маски из бересты (рис. 2 – 1) [Кардаш, 2009. С. 127] и ткани (рис. 2 – 7) [Пархимович, 2009. С. 373, рис. 8]. Кроме того, обрядовые действия с масками на Руси напоминали карнавал в Европе, составной частью которой являлся маскарад. Именно ему был присущ язык символов, одним из которых являлась маска. В Западной Европе нам известны две кожаные маски, аналогичные новгородским: одна – из Стокгольма, которая датируется XIV в. (рис. 2 – 5) [Strandberg Zerpe, 1982], вторая – из Амстердама, относящаяся к первой четверти XVI в. (рис. 2 – 3) [Verborgen steden..., 1990]. Это означает, что «средневековые маскарады» знала и Новгородская Русь [Даркевич, 1988. С. 216; Овчинникова, 2009. С. 34–40]. С одной стороны, русские «маскарады» включали в себя традиции европейской карнавальской культуры; с другой – они имели свои исконные корни, связанные с языческим мировоззрением и календарными обрядами. Свидетельством этому являются кожаные маски из культурных слоев средневекового Великого Новгорода.

Литература

- Авдеев А. Д. Происхождение театра. М.; Л., 1959.
 Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975.
 Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
 Гусев В. Е. От обряда к театру: Эволюция святочных игр в покойника // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.
 Даркевич В. П. Средневековые маскарады // Древности славян и Руси. М., 1988.
 Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. М., 1985.
 Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877.
 Завойко Г. К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке // Тр. Костромского науч. об-ва по изучению местного края: Этнографический сборник. Вып. VIII. Кострома, 1917.
 Изюмова С. А. Кожевенное и сапожное ремесла Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959.
 Кардаш О. В. Влияние русской культуры на местное население Северо-Западной Сибири в XVII–XVIII вв. (по данным Надымского и Обдорского городков) // Урал в зеркале тысячелетий: в 2 кн. Кн. 1. Екатеринбург, 2009.
 Кудряшов А. В. Работы Шексинского отряда в Белоозерье // АО 1995 г. М., 1996.
 Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993.
 Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
 Овчинникова Б. Б., Копнина Е. В. Маски и их роль в средневековой культуре Новгорода (Приложение 1. Каталог кожаных масок конца XII–XIV вв. из раскопок в г. Новгороде) // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие (ПИР. Вып. 3). Екатеринбург, 2000.
 Овчинникова Б. Б. «Личины» в средневековом «маскараде» на Руси // Веси. № 7–8. Екатеринбург, 2009.
 Пархимович С. Г. Языческая символика в обрядовой практике Мангазеи и Березова XVII века (по материалам археологических исследований 2001–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: Ч. 2. Екатеринбург, 2009.
 Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
 Пухначева Е. Ю. К вопросу о классификации новгородских художественных изделий из дерева // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
 Тэдре Ю. Осенне-зимний период эстонского народного календаря и обрядность Мартынова дня // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.
 Торин В. В. Скоморохи в контексте культуры Древнего Новгорода // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995.
 Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
 Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. М., 1957.
 Челобитная нижегородских попов (1643) / Впервые опубликована Н. В. Рождественским: Чтение в ИОИДР. Кн. 2. М., 1902 // Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975.
 Strandberg Zerpe B. Skor och andra Laderforem & I // Helgeandsholmen 1000 & I. Stockholm's stroom / red. Dalbacg. Bor&S. Stockholm, 1982.
 Verborgen steden. Stadsarcheologie in Nederland / Red. Sarfatij. Amsterdam, 1990.

М. А. Усолкина
г. Нефтеюганск
АНО ИАС

**ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ
КАК ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ XVI–XVIII ВЕКОВ**

В данной работе предложен обзор некоторых стилистических и композиционных особенностей орнаментированной берестяной утвари из археологических памятников XVI–XVIII вв. Основная задача заключается в сравнении орнамента современной и археологической посуды и оценке ее устойчивости.

Для решения этой задачи нами были проанализированы орнаментированные изделия трех археологических памятников – Березовского городища, Надымского и Пулуйского городков. Все памятники расположены в нижнем течении Оби, в зоне расселения северных ханты. Надымский и Пулуйский городки, согласно данным раскопок и документам русской администрации, принадлежали аборигенному населению региона. В русском г. Березово раскопками были выявлен комплекс вещей аборигенного (северо-хантыйского) происхождения [Визгалов, Кардаш, 2011].

На всех четырех памятниках, о которых пойдет речь, культурный слой находится в условиях вечной мерзлоты, вследствие чего он прекрасно сохраняет артефакты из органических материалов, в том числе и берестяную посуду.

Для анализа берестяной утвари Надымского городка было выделено 534 изделия и типологически определены фрагменты. Из этого числа 49 предметов орнаментированы. Коллекция берестяной посуды из Надымского городка конца XVI – начала XVIII в. частично опубликована. Типологическое описание 247 предметов из бересты представлено в монографии автора исследования памятника [Кардаш, 2009. С. 171–173, рис. 3.46–3.50].

Для анализа берестяной утвари Пулуйского городка было выделено 428 изделий из бересты и типологически определены фрагменты. Из этого числа 32 предмета орнаментированы. Описание коллекции приведено в монографии О. В. Кардаша, посвященной Пулуйскому городку [2013. С. 188–193; рис. 3.20–3.34].

Коллекция бересты из г. Березова, из раскопок 2008–2009 гг., включает 56 типологически определенных целых и фрагментированных изделий из бересты. Из этого числа 22 предмета орнаментированы. Вещевой комплекс из усадьбы посада гор. Березова, в том числе изделия из бересты, частично опубликован в статье Г. П. Визгалова и О. В. Кардаша [2011. С. 87–97]. В этой работе представлен целый набор артефактов аборигенного происхождения. Помимо берестяной посуды он включает принадлежности охоты и рыболовства, детали оленьей упряжи, костюма, деревянную утварь, культовые предметы и игрушки. Анализ находок позволил авторам связать этот комплекс артефактов с северными остяками.

В результате проведенного анализа нами было установлено применение шести техник орнаментации при производстве изделий из бересты XVI–XVIII вв.: это выскабливание, аппликация (накладной орнамент), ажурная резьба с подкладным (подкопченным?) фоном, профилировка краев, плетение и штамповка (тиснение).

В данной работе мы остановимся на некоторых композиционных и стилистических особенностях выскобленного орнамента.

Выскабливание – самая распространенная техника орнаментации бересты, зафиксированная в археологических материалах. При помощи выскабливания были выполнены более 90% орнаментов. Эта техника хорошо известна и сегодня. Именно она, в первую очередь, определяет узнаваемый изобразительный стиль обских угров. Узор создается следующим образом: темная или искусственно затемненная поверхность бересты смачивается, затем ножом прочерчиваются контуры рисунка, а затем верхний, темный слой бересты в обозначенных пределах соскабливается¹.

В этой технике выскабливания украшались корытца, короба и ножны. Узор наносился на внутреннюю поверхность прямоугольных корытцев – емкостей, сложенных и сшитых из цельного куска бересты. В единичных случаях украшалась также наружная поверхность корытца. Стенки коробов – сосудов с пришитым дном – декорировались полностью: по всей окружности и высоте. Орнамент наносился также на крышки коробов. Прямоугольные ножны украшались по всей поверхности, с двух сторон.

В нашей работе используется типология орнаментов, принятая как в этнографических и археологических исследованиях, так и в «орнаменталистике» в целом [Кокорина, Лихтер, 2010]. В соответствии с ней орнаменты подразделяются на варианты в зависимости от типов симметрии:

¹ Бересту с темной внутренней поверхностью заготавливают специально для выскабливания ранней весной («по насту») или в начале осени. Бересту, снятую летом, затемняют, выложив на солнце [Дмитриев-Садовников, 1916. С. 9; Оборотова, 1997. С. 170, 198].

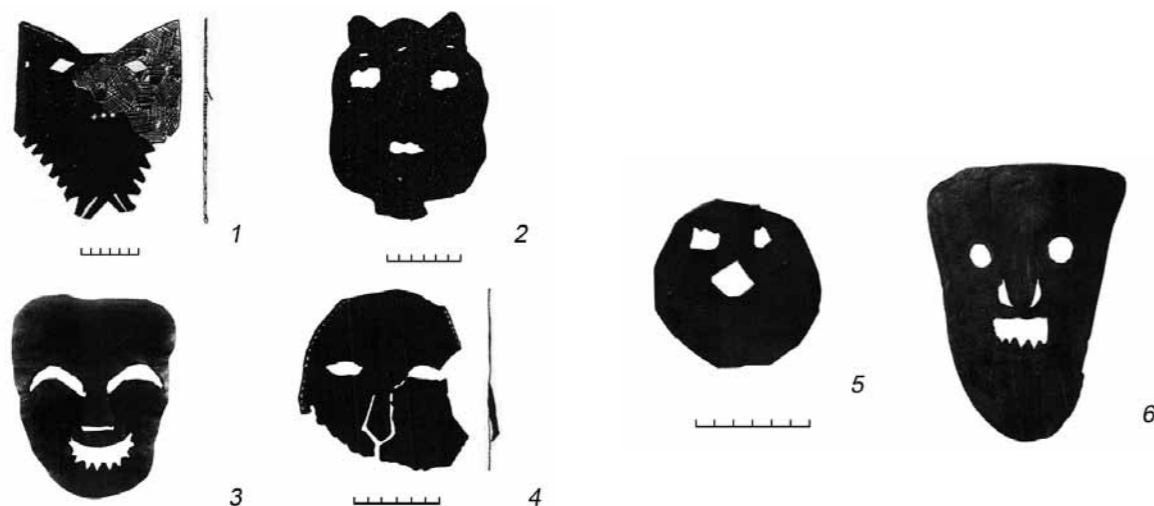

Рис.1. Великий Новгород. Кожаные маски XII–XIV вв.: 1 – зооморфная с «ушками» и «бородой»; 2 – зооморфная с «ушками»; 3 – антропоморфная (без масштаба); 4 – антропоморфная; 5 – «смешанного» типа; 6 – с соляным символом (без масштаба)

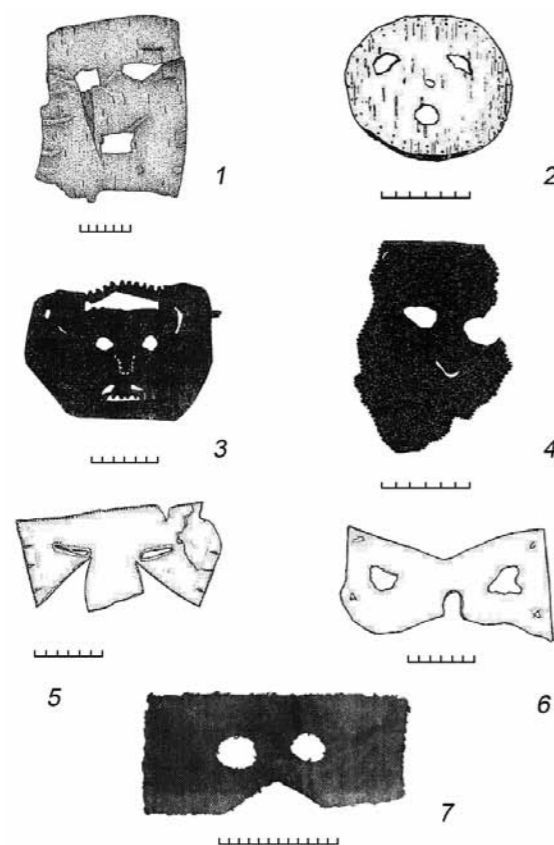

Рис. 2. Маски из бересты (1, 2), кожи (3–6) и ткани (7): 1 – Надымский городок; 2 – пос. Луковец, Новгородская обл.; 3 – Амстердам; 4, 6 – Тверь; 5 – Стокгольм; 7 – Мангазейское городище

Розетка – замкнутая фигура. Тип симметрии – ось вращения, плоскость отражения или их сочетание. В коллекции археологической бересты имеются и так называемые «псевдоорнаменты» – изображения, на первый взгляд имеющие симметрию, но не полностью ей следующую [Там же. С. 43]. Для удобства анализа и восприятия, мы не выделяем «псевдоорнаменты» в отдельный тип изображений, рассматривая их в рамках общей классификации как асимметричные розетки.

Бордюры – разомкнутый орнамент; фигура, бесконечно продолжающаяся в одном направлении. Он может быть основан на разных типах симметрии, а также их сочетаниях, за исключением оси вращения. Бордюры следует различать по их роли в общей композиции. Бордюры, занимающие центральную площадь орнаментированной поверхности, называются основными; бордюры, выполняющие роль окантовки или рамки – окаймляющими.

Сетка – разомкнутый орнамент; фигура, бесконечно продолжающаяся в двух направлениях – по вертикали и горизонтали. Тип симметрии – перенос в сочетании с другими типами симметрии.

Итак, бордюры, присутствующие на стенках коробов, ножнах, в одном случае – на крышке некой емкости, а также окаймляющие розетки на крышках коробов и корытцах, представлены более чем 30 разновидностями. При этом некоторые орнаменты выполнены в нескольких вариантах (рис. 1).

Сравнение разновидностей бордюров по популярности позволяет очертить некоторые узколокальные особенности изобразительного стиля.

Так, одним из наиболее популярных мотивов в Надымском городке был «зигзаг с отростком» – 7-я группа прямолинейных прерывистых бордюров (по О. М. Рындиной). Он представлен в пяти вариантах основного бордюра (три криволинейных, два прямолинейных) и в пяти вариантах окаймляющего бордюра (рис. 1 – 33–38) [Кардаш, 2009. С. 243, рис. 3.48 – 3; с. 245, рис. 3.50 – 1]. За пределами Надымского городища зигзаг с отростком встречается только дважды – на Полуйской бересте [Кардаш, 2013. С. 246, рис. 3.28 – 3].

Относительно популярен в Надымском городке бордюры «маленького оленя рога» (рис. 1 – 24): 5-я группа прямолинейных непрерывных бордюров – по О. М. Рындиной или «мотив лисы и песка» – по Т. А. Молдановой. Он дважды отмечен в качестве основного бордюра, еще один раз – в качестве окаймляющего [Кардаш, 2009. С. 243, рис. 3.50 – 1]. В материалах Полуйского города и г. Березова этот орнамент отсутствует.

Еще один пример – это распространение окаймляющего орнамента «щучьи зубы» (рис. 1 – 13). В Надымском городке он чрезвычайно популярен: встречен двенадцать раз [Кардаш, 2009. С. 242, рис. 3.47 – 1]. Почти столь же популярен бордюры «утиный выводок» («топора лезвие»), встреченный в разных модификациях девять раз (рис. 1 – 1–4, 6–8, 18–20). В Полуйском городке оба этих бордюра отсутствуют.

Бордюры, составленные из прямых или диагональных линий (рис. 1 – 15–17), напротив, отсутствуют на Надымской бересте. В Полуйских же материалах – это самый популярный окаймляющий орнамент: он встречен пять раз [Кардаш, 2013. С. 241, рис. 3.23 – 5; с. 247, рис. 3.29 – 6]. Среди окаймляющих бордюров на сосудах из Березова, оформленных особенно богато, имеются как «щучьи зубы» (отмечены четыре раза) [Визгалов, Кардаш, 2011. С. 93, рис. 4 – 11], так и бордюры из параллельных линий (зафиксирован пятнадцать раз) [Там же. С. 93, рис. 4 – 1, 11]. Орнамент «утиный выводок», отдаленно напоминающий современные образцы, выявлен только на одном изделии.

Еще в середине XX в. орнаменты оставались тем признаком, который отличал один род хантов от другого [Чернецов, 1947. С. 170]. Результаты статистического анализа бордюров показали, что «этнолокальная» атрибуция берестяной утвари возможна на имеющемся в нашем распоряжении материале. Выявленные особенности могут быть маркером как собственно «этнолокальных» групп, так и вспомогательным источником при изучении религии той или иной группы.

Выделяются и другие особенности распространения бордюров. Однако, ввиду небольшой выборки, их можно считать не локальными, а индивидуальными особенностями (почерк мастера). К примеру, при раскопках усадьбы г. Березова найдены стенки двух коробов, орнаментированные бордюром «соболь» в одной и той же манере (рис. 1 – 21). В Надымском городке двое прямоугольных ножен декорированы одинаковым бордюром «березовая ветвь» (рис. 1 – 5), который больше нигде не встречен.

Сравним бордюры на утвари XVI–XVIII вв. с бордюрами XIX–XX вв.

В результате анализа современного орнамента О. М. Рындина выделила несколько специфических, но не очевидных черт северо-хантыйского декора. Одной из них она считает слабое развитие прерывистого бордюра у северных хантов, в сравнении с восточными и южными хантами. Как отмечает исследователь, эта особенность вызвана слабым распространением у северных хантов орнаментированной берестяной утвари – главной сферы приложения прерывистых мотивов [1994. С. 207]. Основные мотивы прерывистых бордюров, как отмечает О. М. Рындина, это косой крест, ромб, шевроны и зигзаг. Таким образом, подтверждается мысль О. М. Рындиной о преимущественной связи прерывистых орнаментов с берестой. Кроме того, мы можем отметить смещение акцента с композиционного разнообразия в сторону увеличения доли непрерывных бордюров, которое можно наблюдать, сравнив материалы XVI–XVIII вв. и XIX–XX вв.

В соответствии с исследованием О. М. Рындиной в XIX–XX вв. в северо-хантыйской орнаментальной традиции криволинейные бордюры покрывали лишь ровдужную обувь; единичные криволинейные бордюры на бересте она считает неклассическими модификациями прямолинейных бордюров [Там же. С. 236].

В коллекции археологической бересты XVI–XVIII вв. выявлены 11 криволинейных бордюров, выскобленных на бересте, а также 9 фрагментов различных криволинейных нашивных бордюров. Необходимо отметить, что часть бордюров, действительно, имеет аналогии в прямолинейных орнаментах: «зигзаг с отростком» (рис. 1 – 37, 38), «соболь» (рис. 1 – 21), «утиный выводок» (рис. 1 – 20). Тем не менее, имеются и абсолютно самостоятельные криволинейные орнаменты, в частности бордюры на основе мотива «глухарь сна» (?) из Полуйского городка (рис. 1 – 39) [Кардаш, 2013. С. 245, рис. 3.27 – 1]. Устойчивые позиции криволинейного бордюра также говорят о стилистическом плюрализме XVI–XVIII вв.

Вместе с тем, многообразие, о котором мы только что сказали, отнюдь не было всесторонним. Представленные в коллекции археологической бересты бордюры по своей конфигурации очень бедны. В сущности, все мотивы представляют собой базовые варианты мотивов, известных сегодня. Формы характеризуются небольшим количеством изломов и отростков. В сравнении с ними, современные бордюры многократно усложнены в своей конфигурации.

Если в современных бордюрах декоративный эффект достигается за счет развития и усложнения раппорта, бордюры XVI–XVIII вв. усложняются путем придания большей декоративности стилю: использования контурной линии с различным заполнением, включения фоновых элементов и так далее. Заметим, что в известных нам современных орнаментах контурная линия и заполнение фона используются почти исключительно для оформления розеток.

Теперь обратимся к анализу розеток. Выделены их 12 вариантов: четыре варианта – прямолинейных (12 экз.) и восемь разновидностей криволинейных (28 экз.). Распределение их по памятникам демонстрируют относительно «ровную» картину: явного преобладания одних мотивов над другими не наблюдается.

Большинство розеток имеет прямые аналогии в этнографических материалах. Одним из исключений является асимметричное изображение орла: оно настолько реалистично, что идентификация его не составляет труда [Кардаш, 2009. С. 244, рис. 3.49 – 4; 2013. С. 240, рис. 3.22 – 2, 4, 5]. Вероятно, орнамент относился к разряду «священных»: во-первых, очевидно стилистическое сходство изображения с другими «священными» розетками; во-вторых, орел считался самой почитаемой птицей у обских угров [Косарев, 2008. С. 92]. По сообщению П. С. Палласа, в XVIII в. «место, где дерево, на котором орел несколько лет гнездо вьет, может тотчас быть божественным, и орел их от всех бед охраняет» [1788. С. 92]. Забвение изображения орла, которое в XVI–XVIII вв. было также устойчиво, как и медведя (четыре изображения орла к четырем изображениям медведя), может считаться индикатором серьезных изменений в религии обских угров.

Еще три изображения, близких по конфигурации к изображению медведя, но отличающихся в деталях (оформление туловища) [Кардаш, 2013. С. 341, рис. 3.23 – 8], известны в материалах XIX–XX вв. К ним можно добавить еще два известные казымским хантам изображения, но последние утратили свой символизм. Мы не беремся интерпретировать эти изображения, однако считаем возможным отнести их к группе священных изображений. Следует заметить, что в орнаменте манси туловище медведя изображалось по-разному: в виде вытянутого пяти- или шестиугольника, как и у хантов, а также в форме треугольника, ромба и более сложных фигур. Кроме того, близкие по конфигурации орнаменты отождествляются с различными животными и носят названия «выдра», «бобер», «лягушка», «жук» [Шешкин, Шабалина, 2001. С. 252–267]. Таким образом, стилизованные животные из коллекции археологической бересты могут представлять собой как вариации изображения медведя, канонического сегодня, так и другие зооморфные изображения, память о которых в XX в. была утрачена.

Добавим еще несколько слов о криволинейности в северо-хантыйском орнаменте. Пожалуй, вопрос о ее происхождении является самым спорным вопросом, связанным со стилистикой выскобленных орнаментов. Часть исследователей считает криволинейность древней местной чертой [Лукина, 1993. С. 155. Молданова, 1999. С. 168]. О. М. Рындина высказывает иную точку зрения: криволинейность в орнаментике обских угров – позднее явление, которое имеет разную природу в культуре восточных и северных хантов. Формирование восточно-хантыйской криволинейности, по представлению О. М. Рындиной, протекало под воздействием кетской и тюркской орнаментальной традиций. У северных хантов криволинейность представляется результатом саморазвития и связана с раскрепощением руки мастериц, отходом от ритуализированного канона и уменьшением семантической нагрузки изображений. Как считает ученый, формирование криволинейного изобразительного стиля в XIX в. еще не завершилось, поскольку часть мотивов, которые в XX в. исполнялись криволинейно, в XIX в. имели прямолинейные очертания [1994. С. 357; 1997. С. 18].

Археологические данные не подтверждают такой динамики. Напротив, наши материалы позволяют говорить об устойчивости криволинейных форм на протяжении XVI–XX вв.: в случае с бордюрами происходит даже уменьшение их доли в XIX–XX вв. Заметим, что все «священные», семантически насыщенные

изображения носят именно криволинейный характер. Соответственно, криволинейность в орнаментике хантов не была связана с приоритетом декоративности над символизмом. Совершенно очевидно, что криволинейность имеет более сложное и древнее происхождение, чем предполагает О. М. Рындина.

Декоративный эффект археологических розеток, как и в случае с бордюрами, обеспечивается использованием сложной орнаментальной линии (контурной или контурной с заполнением, иногда осложненной включенным бордюром), а также изобразительных включений, мелких фоновых элементов. Более 55% розеток выполнены контурной линией, в то время как современные орнаменты, по подсчетам Т. А. Молдановой, исполнены контурной линией лишь на треть [1999. С. 17]. Но, в отличие от бордюров, в сравнении с этнографическими образцами, конфигурация розеток не упрощена. Напротив, на многих «археологических» розетках криволинейные отростки получили развитие, по сложности не сопоставимое с этнографическими аналогами.

Последний вид композиции – сетки – известны на единичных изделиях. Корытце с сеткой было найдено в Надымском городке. В XIX–XX вв. орнаменты-сетки не исполнялись на бересте ни у одной группы хантов.

Традиционно вектором развития орнамента обских угров считается усложнение и постепенный отход от канонов к более свободному стилю [Федорова, 1992]. Анализ материалов XVI–XVIII вв. и сравнение их с предметами XIX–XX вв. показал, что трансформация орнаментов происходила более сложными путями.

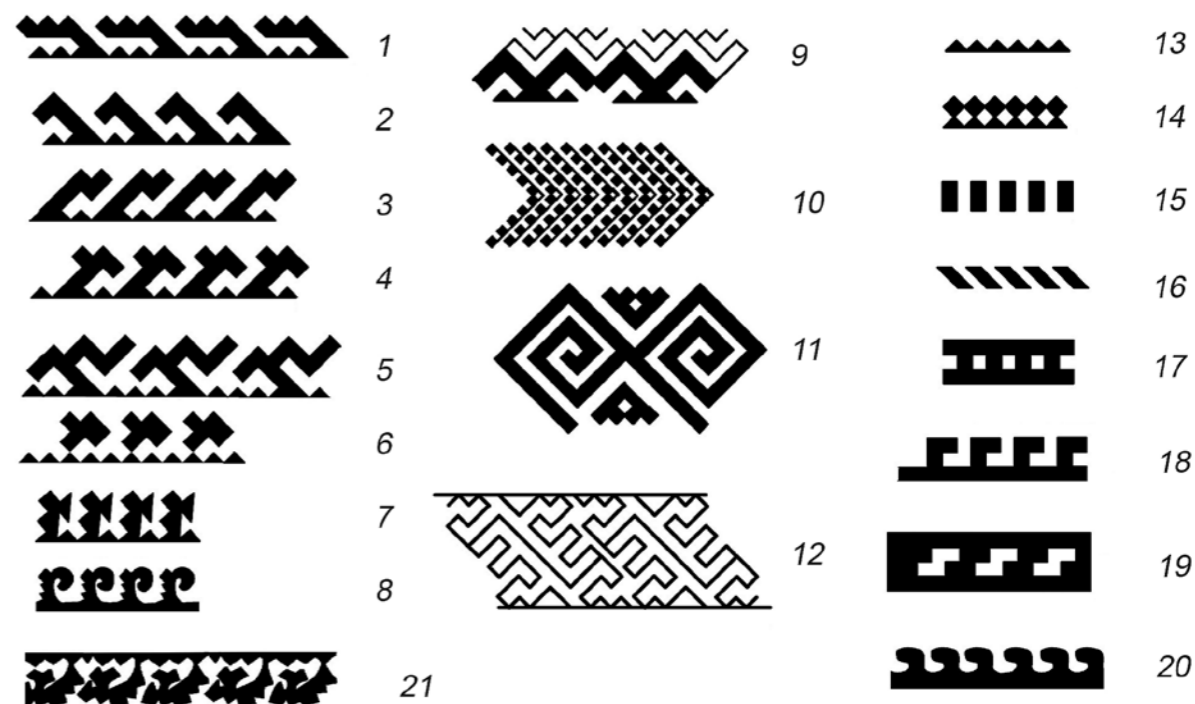
Сравнение «археологических» – позднесредневековых и нового времени – орнаментов с современными показало, что при сохранении общего облика, северо-хантыйские орнаменты подверглись значительным изменениям. Это касается как техник исполнения орнамента, так и стилистики изображений. Последняя проявляет различные тенденции для изображений, различных по композициям. Бордюры на археологических находках по своей конфигурации заметно проще их современных аналогов. Тем не менее это компенсируется обилием изобразительных приемов на древних предметах: использованием контурной линии рисунка, криволинейностью, заполнением фона. Криволинейные розетки XVI–XVIII вв. богаче современных во всех отношениях. При общем совпадении мотивов, розетки, зафиксированные на вещах из археологических коллекций, демонстрируют большую вариативность, сложное развитие отростков, широкое использование контурной линии, бордюрных включений, фоновое заполнение.

Все вышесказанное демонстрирует нелинейность развития орнамента. С большой осторожностью можно предположить, что стилистическое многообразие связано с многокомпонентностью культуры хантов. Постепенная консолидация этноса привела к относительной унификации изобразительных традиций в XIX–XX вв.

Литература

Визгалов Г. П., Кардаш О. В. «Остяцкая усадьба» в посаде города Березова XVIII в. (по материалам археологических исследований 2008 г.) // ВИАЭ. № 1 (14). Тюмень, 2011.
 Дмитриев-Садовников Г. П. Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха // ЖС. XXV. Вып. 1. Прил. 4. Пг., 1916.
 Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
 Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард, 2013.
 Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А. Морфология декора. М., 2010.
 Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2008.
 Лукина Н. В. О древних чертах орнамента восточных хантов // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.
 Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.
 Оборотова Е. А. Уроки Евдокии Ерныховой: декоративно-прикладное искусство хантов и манси в школе. Березово, 1997.
 Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Кн. 2. СПб., 1788.
 Рындина О. М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск, 1994.
 Рындина О. М. Генезис орнамента обских угров и самодийцев в контексте их истории: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997.
 Федорова Н. Н. К вопросу о структуре традиционного орнамента обских угров // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992.
 Чернецов В. Н. Опыт типологии западно-сибирских кельтов // КСИИМК. Вып. XVI. М., 1947.
 Шешкин П. Е., Шабалина И. Д. Мансийские орнаменты. СПб., 2001.

Непрерывные (синонимические) бордюры

Прерывистые (несинонимические) бордюры

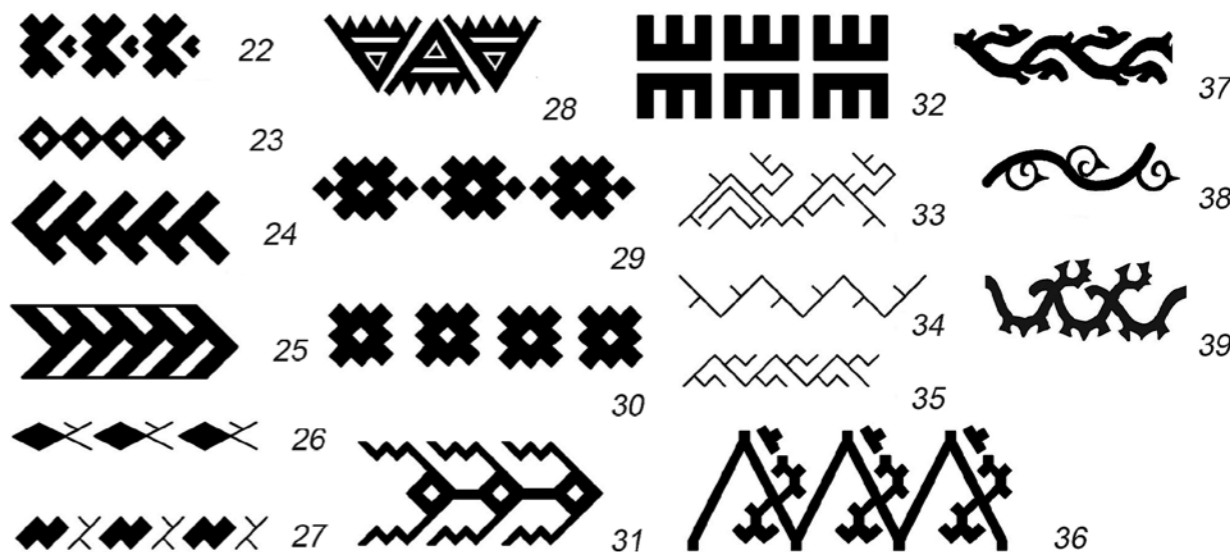

Рис. 1. Варианты бордюров на орнаментированной берестяной утвари Нижнего Приобья XVI–XVIII вв.

Т. Н. Глушкова, А. Н. Шулаева
г. Сургут
СурГПУ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТИЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ МАНГАЗЕИ И СТАРОТУРУХАНСКА (XVII в.)

Введение. Археологический текстиль Сибири изучен достаточно фрагментарно. Это связано с тем, что находят его не так часто, да и количественно этот материал небогат. Тем не менее, раскопки таких памятников, как Мангазея (раскопки Г. П. Визгалова и С. Г. Пархимовича 2001–2004 гг.) [Визгалов, Пархимович, 2007; 2008] и Старотуруханское городище (раскопки Г. П. Визгалова 2010 г.), резко меняют ситуацию. Большинство текстильных образцов Старотуруханского городища и весь мангазейский материал датируются XVII в. [Визгалов и др., 2006]. В середине XVII в. население Мангазеи и Туруханска часто контактировало. Кроме того, жители Мангазеи постепенно покидали этот город и переезжали в Старотуруханск. Именно поэтому представляется любопытным сравнить имеющийся в нашем распоряжении материал.

На обоих памятниках и в большом количестве обнаружены разнообразные образцы текстильных изделий. К сожалению, далеко не все из них могут являться полноценным археологическим и историческим источником. В том числе непригодны для изучения технологических характеристик фрагменты со значительными утратами в полотне, разорванные и сильно деформированные части полотен и изделий из них, а также образцы, где нити полотна сильно выношены в период использования изделий еще в древности. Это становится понятным, если учесть, что изучаемые образцы текстиля и одежды сохранились только потому, что были разорваны, изношены или по какой-то другой причине оказались негодными для эксплуатации. Именно поэтому они были выброшены их жилищ – как мусор – и сохранились до нашего времени в межжилищном пространстве, благодаря вечной мерзлоте.

Это обстоятельство, безусловно, необходимо учитывать при анализе представленных текстильных материалов, к тому же подвергшихся «археологизации» – процессу разложения при длительном нахождении в земле (в данном случае – на протяжении более чем 300 лет). Это значит, что на изделия и полотна оказали значительное влияние почвенные минеральные вещества и микроорганизмы, что также приводило органические материалы к разрушению, а иногда к полной утрате. Так, например, среди текстильных материалов Мангазеи практически нет изделий из растительного сырья. Это отчасти можно объяснить тем, что они не сохранились в почве потому, что, в отличие от шерстяных тканей, были подвержены более быстрому гниению. Хотя это обстоятельство в какой-то мере можно объяснить и тем, что вышедшие из употребления текстильные материалы из растительного сырья могли использоваться вторично – как ветошь, тряпки для хозяйственных нужд, так как они, в отличие от тех же шерстяных тканей, высоко гигроскопичны. Части вышедших из употребления шерстяных изделий (одежда, рукавицы, полотна) могли использоваться для утепления обуви (как стельки) или хозяйственных нужд (подстилки, коврики и так далее) без их окончательного разрушения.

Поэтому из всех сохранившихся текстильных образцов, найденных при раскопках Мангазеи в 2001–2003 гг. (338 экз.), были отобраны только 154 (45,6%), в том числе: 83 фрагмента тканей полотняного переплетения, 29 кусков – саржевого, 37 тканых поясов и тесемок ручного изготовления, накладок/нашивок на пояса из тканей, 5 целых рукавиц и фрагменты вязаного текстиля (рукавицы, стельки). Из материалов Старотуруханского городища для исследования было отобрано 93 образца, в том числе: 22 образца войлока, волосной сетки, шерстяных тканей полотняного переплетения, 31 – саржевого переплетения, 2 – шелковых тканей, 3 – тканей из растительного сырья, 1 – предположительно, полушерстяной ткани, а также – нити, бахрома, пуговицы, вязаные изделия и сшитые фрагменты обуви. Материал, представленный в текстильной коллекции Мангазеи и Старотуруханска, серийный: все отобранные образцы – это типовые фрагменты. Вследствие этого, использованная для анализа подборка текстильных образцов вполне достаточна, чтобы составить качественную технологическую характеристику всей коллекции.

Методика исследования. Текстильные коллекции из Мангазеи и Старотуруханска были исследованы в 2005–2006 и 2012–2013 гг. в Лаборатории по изучению традиционных систем жизнеобеспечения у народов Севера Западной Сибири СурГПУ по единой методике, описанной в специальном пособии [Глушкова, Ёлкина А., Ёлкина И., 2011]. Был проведен анализ сырья с помощью органолептических методов исследования, материаловедческий и структурный анализы текстильных образцов с использованием визуального осмотра, бинокулярного микроскопа МБС–10, лупы с увеличением в 10 раз. Это позволило получить достаточно полную картину для характеристики технологии изготовления изучаемых материалов, которые укладываются в типовую классификацию (рис. 1). При этом внимательно изучались и описывались по

технологическим характеристикам тканые, плетеные и вязаные образцы. У кожаных изделий (фрагменты обуви) были охарактеризованы швы, выполненные нитками разных видов. К сожалению, методика исследования технологии изготовления предметов из войлока на сегодняшний день не разработана. По этой причине войлочные изделия описаны только по признакам, характеризующим их внешний вид.

Всего за указанные годы было обработано 243 образца: выборка, на основе которой можно характеризовать технологические характеристики текстильных изделий из двух значимых археологических памятников севера Западной и Восточной Сибири в XVII в. Описание и сравнение изученных материалов (самого археологического и исторического источника) позволит выявить общие тенденции и различия этого текстиля.

Общая характеристика текстильных материалов из Мангазеи и Старотуруханского городища. Если попытаться охарактеризовать в общих чертах всю текстильную коллекцию из Мангазеи и Старотуруханска XVII в., получим следующую картину.

Текстиль из Мангазеи представлен несколькими видами. Прежде всего, необходимо отметить, что весь он – из шерстяного сырья. По способу изготовления можно выделить группы *тканого, плетеного и вязаного* текстиля. К первой группе относятся ткани полотняного и саржевого переплетения.

Ткани полотняного переплетения делятся на образцы с открытой поверхностью (шерстяное полотно) и с закрытой поверхностью (сукно). Причем, в текстильной коллекции Мангазеи имеется очень много образцов сукна (?) с настилом на одной стороне полотна. Поскольку технология изготовления сукна предполагает получение настила с двух сторон, первоначально была проверена сама возможность отнесения таких образцов к данному виду текстиля. Однако при более внимательном визуальном обследовании материала выяснилось, что в большинстве случаев настил на поверхности этих образцов тканей был выношен на лицевой стороне изделия (оно довольно долго и активно эксплуатировалось). Остатки первоначального настила сохранились в швах, в подгибке или других недоступных для постоянного воздействия или трения местах. Поэтому подобные образцы были определены как выношенное сукно. Вместе с тем существуют довольно хорошо сохранившиеся образцы, которые также имеют настил с одной стороны. Для атрибуции этих образцов было высказано предположение о том, что это – ткани особого вида. Они производились в европейских мануфактурах с помощью специального оборудования, которое позволяло вытягивать отдельные волокна с одной стороны тканей, образуя, таким образом, настил (например, фланель).

Так или иначе все образцы тканей, имеющих настил на поверхности, можно определить как сукно или, предположительно, фланель. Причем, если уверенно можно говорить о том, что фланель – это импортный для России XVII в. текстиль, то среди суконных образцов выделяются как импортный текстиль – фабричного производства (тонкие цветные сукна, часто с цветными нитями в кромке – 21 экз.) и фабричная фланель (19 экз.), так и сукно кустарного (с довольно толстыми, но более равномерно пропряденными нитями, стандартными характеристиками плотности в основе и утке, хорошим качеством полотна – 13 образцов) или домашнего производства (толстое, грубое, с неравномерно пропряденными нитями в основе и утке – 2 образца). Вероятнее всего, что домотканое сукно и ткани кустарного производства – это текстиль, произведенный русским европейским населением на продажу. Это предположение можно обосновать тем, что технология изготовления сукна требует особых и достаточно сложных условий производства, специального оборудования, а главное – сырья, которое в Мангазее, а также в Старотуруханске отсутствовало в необходимом количестве.

Вид текстильных изделий, который можно описать как *шерстяное полотно*, достаточно многочислен среди мангазейских материалов. Текстиль этого вида можно разделить на 3 группы.

1-я группа характеризуется использованием в основе и утке нитей одинаковой Z-крутки. При этом плотность нитей по одной структуре примерно равна или превышает плотность нитей по другой структуре, а тонина нитей основы значительно меньше тонины нитей утка.

2-я группа характеризуется использованием в основе и утке разнонаправлено скрученных нитей (соответственно, Z-кручение и S-кручение). Нити основы, как правило, тоньше и более туго свиты, чем утка.

3-я группа характеризуется использованием нитей одинаковой S-крутки в основе и утке. При этом нити одной структуры более тонкие, чем нити другой. Плотность нитей в полотне напрямую зависит от тонины нитей. Средние показатели являются стандартными для русских ткацких станков-кросен – 10 и 8 нитей на 1 см. Имеются также образцы тонких полотен, но их немного.

Скорее всего, все эти ткани прежде относились к фрагментам одежды. Среди них имеются довольно тонкие и плотные ткани с однородной поверхностью. Особую группу составляет грубый толстый текстиль из неравномерно пропряденных нитей домашнего производства, который представлял собой небольшие полотна, часто с кромками. Эти полотна почти всегда либо имеют дыру в середине или у края ткани, они могли быть сильно загрязнены или оборваны еще в период эксплуатации. Все это дало основание отнести подобные образцы к рваным портянкам, которые оказались изношенными и непригодными для дальнейшей эксплуатации.

Ткани саржевого переплетения (123 экз.). Из них было исследовано 29 типовых образцов, которые отражают общие тенденции и характеристики текстиля этого вида. Особенностью текстиля этого вида является то, что для его изготовления во всех случаях использовались нити с одинаковым направлением крутки (*Z*-кручение) и примерно одинаковой величиной крутки в полотне ткани. Структурный анализ текстиля этого вида выявил, что преобладают ткани со структурой 2/2 (25 образцов), хотя имеется текстиль со структурой 2/1 (4 экз.). Как правило, на поверхности тканей этого вида отсутствует настил, поверхность полотна открытая.

В структуре исследованных образцов имеются ткацкие ошибки, которые свидетельствуют об изготовлении этих тканей кустарным или домашним способом на традиционном горизонтальном ткацком станке с 3 и 4 ремизками.

Тканые пояса, тесемки, нашивки на пояса из ткани, в свою очередь, делятся на 2 группы.

1-я группа (5 образцов) представлена уже описанными тканями полотняного переплетения, имеющими одну кромку, чаще всего – с продольными полосами в кромке. Ширина этих фрагментов тканей соотносима с шириной поясов, изготовленных вручную. Технологические характеристики аналогичны уже описанным.

2-я группу (17 образцов, в том числе 1 полушерстяной) составляют пояса или, возможно, опояски, изготовленные специально как узкие продольные полосы текстильных полотен для выполнения функции подпоясывания одежды. Характерные технологические признаки изделий этой группы: использование толстых нитей для основы и утка, часто для основы – двойных нитей. В основе и утке могут быть использованы нити разных цветов, в этом случае получается полосатое или так называемое «рябчатое» полотно. После изготовления такие пояса обычно «сваливались», это увеличивало их прочность. Среди фрагментов поясов из Мангазеи имеется много поврежденных и разорванных экземпляров.

Вязаные рукавицы также обнаружены среди текстильных материалов Мангазеи (5 целых экз. и отдельные фрагменты). Они состоят из двух частей: самой рукавицы, которая защищала от холода руку и так называемого «раструба». Последний закрывал часть рукава, преграждая возможность попадания холодного воздуха внутрь одежды. Рукавицы имеют одинаковый вид, как на тыльной стороне руки, так и на ладони, где вывязан палец. Раструб изготавливался из более толстых ниток и более небрежно. Все рукавицы связаны одной иглой из двойных сученых нитей по принципу спирального зацепления нитей. Сверху на эти рукавицы надевались верхонки из плотной ткани, чаще всего саржевого переплетения или кожаные рукавицы.

Таким образом, текстиль из коллекции Мангазеи достаточно разнообразен, включает в себя несколько описанных групп.

Коллекция археологического текстиля Старотуруханского городища (раскоп 2010 г.) состояла из 93 отобранных образцов. Результаты специального изучения этой коллекции позволяют выделить следующие виды текстильных изделий.

Ткани полотняного переплетения из шерстяного сырья, которые также подразделяются на изделия с поверхностью открытой (шерстяное полотно) и закрытой (сукно). Ткани с открытой поверхностью (9 экз.) в большинстве своем довольно толстые и грубые, из них два 2 образца – очень хорошего качества, изготовлены из тонких нитей. Грубые полотна чаще всего использовались для обшивки обуви по краю. В таких полотнах по краям заметны проколы от пришивки их нитью.

Ткани с закрытой поверхностью (сукно) более многочисленны. Среди них выделяются образцы очень хорошего качества, чаще всего окрашенные в красный цвет (4 экз.), и кустарного производства (11 экз.). Только 7 образцов представляют собой грубое домотканое сукно.

Ткани полотняного переплетения из растительного сырья также неоднородны. Два из них имеют средние показатели тонины нитей и плотности по основе и утку – это холсты. Один кусок ткани – тонкая, полупрозрачная кисея.

Ткань полотняного переплетения полушерстяная (пестрядь). Правда, в какой-то степени это только предположение. Оно связано с тем, что в современном виде эта ткань выглядит как ажурная; полотно ее, в том числе и кромки, образованы шерстяными нитями. Между группами шерстяных нитей, образующих клетки с просветами, сохранились изгибы в утке и мизерные остатки очень тонких деструктурированных ниток: по всей видимости, растительного происхождения. На этом основании и появилось это предположение, которое имеет аналогии среди новгородских и других русских тканей позднего средневековья с Европейской территории России. Если считать, что полотно ткани было образовано шерстяными (темными) и нитями из растительного сырья (судя по всему, более светлыми), мы получим характеристики текстиля, который атрибутируется как пестрядь.

Ткани полотняного переплетения из шелка. Их всего две. Это небольшие фрагменты текстиля не очень высокого качества (чесуча и тафта), которые использовались для обшивки петли и, видимо, какой-то еще части одежды. Это одни из самых дешевых шелковых тканей.

Ткани саржевого переплетения все определяются как равнобедренная саржа 2/2. Среди них – 28 образцов со стандартными характеристиками тонины и *Z*-крутки основы и утка, такими же стандартными характеристиками плотности по основе и утку. Два образца отличаются от всех тем, что при такой структуре имеют настил на поверхности тканого полотна, и поэтому могут быть атрибутированы как сукно. Один кусок – нестандартный: ткань очень тонкая, хорошего качества.

Пояса домашнего изготовления. Все четыре образца имеют очень похожие технологические характеристики: полотняное переплетение, использование толстых, часто двойных нитей в основе, настил на поверхности полотна. Один из поясов был раскрашен в готовом виде по кромкам небольшими треугольниками.

Кроме того, в текстильной коллекции из Старотуруханского городища встречены единичные образцы, поэтому они могут быть описаны как уникальные.

Это тонкая плетеная тесемка-гайтан, изготовленная из красных шерстяных нитей диагональным плетением вручную.

Волосная сетка, сплетенная из отдельных нескрученных между собой волос с просветами в полотне, сложенная и подшитая по краям так, что образовался объем, напоминающий коробку.

Стелька из коврика с ворсом – вторичное использование текстильного изделия. Особенность этого коврика – разреженный ворс из прямых узлов шерстяных нитей на тканой основе репсовой структуры.

Вязаный текстиль – фрагменты вязаных одной иглой рукавиц из двойных сученых нитей (5 экз., ни одного целого). Отмечено вторичное использование части вязаных изделий для стелек.

Обтянутые тканью деревянные пуговицы (3 типовых экз.). Для их обшивки использовалась суконная ткань хорошего качества (в одном случае – красного цвета, в двух – синего).

Вязаная из шелковых нитей пуговица «Пьеро». Такие пуговицы бытуют до сих пор. Технология их изготовления описывается в журналах по вязанию. Судя по названию, эта технология пришла в Россию из Европы.

Войлочные изделия – стельки и мячик для игры. Стельки сильно изношены, много утрат, а мячик хорошего качества.

Выводы. Совершенно очевидно, как сложен видовой состав текстильных изделий XVII в., обнаруженных на севере Сибири. Среди образцов можно уверенно выделить импортный текстиль: тонкие сукна и ткани с равномерно пропряденными тонкими нитями, равномерной высокой плотностью в основе и утке, с контрастными нитями в кромке, создающими полоски по краю полотна. Это могли быть как суконные ткани, так и шерстяные тонкие полотна полотняного переплетения с открытой поверхностью. Импортными эти ткани можно считать также потому, что фабричное производство текстиля в России в этот период еще отсутствовало. Зато активно развивались кустарные промыслы, в том числе на северо-западе Европейской территории России.

Условно импортными для территории Западной Сибири, по всей видимости, можно считать довольно толстые и грубые суконные ткани, возможно, часть шерстяных тканей полотняного и саржевого переплетения. Условно импортными – потому что, скорее всего, они были импортированы из Европейской части России, возможно, из ее северо-западных территорий, где в XVII в. существовали центры кустарного (товарного) производства тканей [Бахрушин, 1952. С. 82–92].

По всей видимости, на месте, в Сибирском Заполярье, могли изготавливаться, скорее всего, тканые и плетеные пояса и опояски из привозных, в том числе крашенных, нитей, а также вязаные рукавицы, которые требовались на Севере в большом количестве из-за холодных климатических условий и необходимости производить в этих условиях хозяйственные работы.

Сравнивая описанный текстиль из двух археологических памятников северных территорий Сибири, которые к тому же достаточно близки и были связаны между собой, **можно выделить то общее, что по всей видимости, может характеризовать текстильные материалы этого времени также близлежащих территорий.**

1. В быту населения сибирских городов использовался разнообразный текстиль.
2. В наличии имелось большое количество тканей и изделий из шерстяного сырья различных способов изготовления. Среди них в обоих памятниках встречаются текстильные материалы фабричного, кустарного и домашнего производства.
3. Достаточно большое количество суконных тканей разных видов и сортов.
4. Большое количество тканей саржевого переплетения (преобладает саржа 2/2).
5. Мало тканей из растительного и шелкового сырья (в мангазейской коллекции они отсутствуют), хотя они не могли не присутствовать в реальной жизни.
6. Большое количество тканей и изделий из шерстяного сырья различных способов изготовления. Среди них в обоих памятниках встречаются текстильные материалы, как фабричного, так и кустарного, и домашнего производства.

Можно также выделить характерные особенности для Мангазеи и Старотуруханского городища.

1. Среди мангазейских материалов больше тканей высокого качества, прежде всего сукна, чем в

материалах Старотуруханского городища. На основании этого можно предположить, что импортный текстиль высокого качества завозился на север Сибири из Европы по Северному морскому пути, распространяясь дальше через систему внутренней торговли.

2. Наличие шелков в материалах Старотуруханского городища и их отсутствие в мангазейских материалах. Это может быть объяснено географической близостью к территориям, на которых в это время производился шелковый текстиль (Китай). Однако это не означает, что шелка в Мангазее вообще не было. Видимо, здесь его было меньше, и ценился он выше. Это также может означать разную направленность торговых связей двух городов.

3. Более разнообразные и многочисленные виды текстильных изделий в Старотуруханском городище, которые не зафиксированы в Мангазее: пуговицы, волосная сетка, ворсовый коврик, полшерстяная пестрядь. Это можно, по всей видимости, объяснить особенностями импорта и своеобразной «модой» на определенные изделия.

4. Явно «не модными», судя по небольшому количеству находок в Старотуруханском городище, были рукавицы, вязанные одной иглой. Еще одна возможная интерпретация этого факта – вязанные рукавицы являлись импортом на этой территории из Мангазеи; их больше берегли, не выбрасывали целиком, а вторично использовали для стелек.

Эти выводы можно считать пока предварительными. Сравнение коллекций по частным признакам, несомненно, позволит получить более точные и аргументированные заключения. Сравнение текстильных материалов из Мангазеи и Старотуруханского городища с материалами других сибирских археологических памятников в синхронном и диахронном поле также углубит наши знания по использованию и производству текстильных изделий русским населением Сибирского Севера.

Литература

Бахрушин С. В. Очерки истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI–XVII вв. (к вопросу о предпосылках всероссийского рынка) // Науч. тр. Т. 1. М., 1952.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазее – первый русский город в Сибирском Заполярье. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2007.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазее: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Глушкова Т. Н., Киреева Е. В., Сутола А. В. Текстиль Мангазеи (начало XVII века) // АЭАЕ. № 1 (25). Новосибирск, 2006.

Глушкова Т. Н., Ёлкина А. К., Ёлкина И. И. Методика исследования археологического текстиля (опыт обобщения): Науч.-метод. пособие. Сургут, 2011.

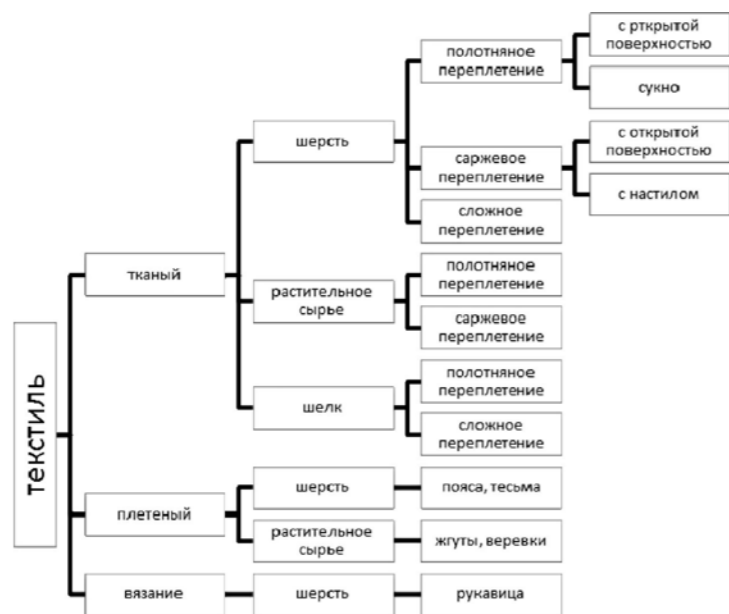

Рис. 1. Классификация археологического текстиля Мангазеи и Старотуруханского городища (XVII в.)

А. В. Кузина
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО–Югры ЦОКН

ПЕРСТЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

В последние десятилетия в ходе археологических раскопок и случайных сборов на территории Нижнего и Среднего Приобья была собрана весьма значительная коллекция перстных украшений. Несмотря на это, на сегодняшний день данная категория предметов в специальной литературе Западной Сибири не изучалась специально. В большинстве работ эта категория находок рассматривалась в комплексе с другим археологическим материалом, или же косвенно.

В рамках данного исследования представлена характеристика коллекции перстней, происходящих с археологических памятников ХМАО–Югры: городищ Березовское, Ермаково I, Нялинское I, Стариков Мыс I, Старые Покачи 5, селища Силян Пас 2, местонахождения Стариков Мыс, из могильников Моховая 46 и Чемаша I, могилы у д. Чемаша, а также из случайных сборов в р-не бывшей д. Мозямы. Коллекции хранятся в фондах Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск), Сургутского краеведческого музея (г. Сургут) и Белоярского выставочного зала (п. Белоярский).

Общее количество перстней, рассматриваемых в работе, – 72. При анализе учитывались морфологические характеристики предметов (форма щитка, шинки, окончания перстня), технологические приемы изготовления изображений (гравировка, огранка, инкрустация и др.), а также сюжетные особенности. В ряде случаев удавалось охарактеризовать только морфологические признаки (у 12 % перстней изображение на щитке не читается), либо – в случае деформации и утрат – только изобразительные особенности.

Ввиду того, что рассматриваемая категория украшений отличается большим разнообразием как в плане конфигураций, материалов и сюжетов, так и в плане разного времени бытования, анализировать перстни с точки зрения их культурно-исторической принадлежности пока не представляется возможным. При классификации данных предметов за основу была принята типология, предложенная М. В. Седовой, в которой в качестве главного критерия выступает морфологический признак – продольное сечение перстня [1981. С. 121–143]. Согласно этой классификации, перстняные украшения, найденные на территории Нижнего и Среднего Приобья, можно отнести к трем типам: щитковосрединные, перстни-печатки и перстни со вставками.

Самая многочисленная группа – **щитковосрединные перстни** (46 экз.). Основным признаком изделий этого типа является то, что в продольном сечении щиток находится в одной плоскости с шинкой [Там же. С. 132]. Среди общих черт перстней этой группы можно также отметить наличие узкопластинчатой шинки (45 экз.). Щитки преимущественно овальной (23) и округлой (13) формы. Окончание шинки у большинства перстней сомкнутое (41).

Что же касается сюжетных особенностей, то на щитках встречаются различные по тематике изображения. Часто присутствует однотипная схема, состоящая из прямых и дугообразных углубленных желобков, при этом контур щитка окаймлен зигзагообразной линией (рис. 1 – 1). Также распространены стилизованные псевдогеральдические изображения (рис. 1 – 3) и растительный орнамент. На шести щитках фиксируется декор в виде окружности, заштрихованной кривой сеткой, остальная часть щитка заполнена косыми и дугообразными линиями; все изображение окаймлено желобком по контуру щитка (рис. 1 – 2).

Реже встречаются зооморфные и антропоморфные сюжеты. Так, на щитках двух щитковосрединных перстней с городища Нялинское I сохранились крайне интересные изображения. На одном предмете – это сюжет «лютый зверь»: профильное изображение некоего животного (возможно, коня), идущего влево, окаймленное гравированной зигзагообразной линией по контуру щитка. На другом перстне мы видим религиозный сюжет «Адам и Ева у дерева познания». В центре композиции изображено дерево, вокруг которого обвилась змея, а по обе стороны от дерева расположены два человечка. Изображение окаймлено желобком по контуру щитка.

Единичны находки щитковосрединных перстней с точно-циркульным орнаментом (могильник Чемаша I), инициалами (городище и святилище Ермаково I) и монограммами (местонахождение Стариков Мыс). На одном из перстней зафиксирован солярный символ: стилизованное изображение солнца, состоящего из центрального округлого углубления и отходящих от него шести лучей, между которыми расположено шесть округлых углублений (городище Стариков Мыс I).

Перстни с указанными орнаментами и сюжетами находят аналогии в многочисленных предметах, найденных в центральных и северных областях Европейской части России (Архангельская, Вологодская, Кировская, Нижегородская, Рязанская, Тульская, Ярославская и др.) и датируются концом XVI – XIX в.

Вторым типом перстней являются **печатные перстни (перстни-печатки)**. Их особенностью является массивный и рельефный щиток-печатка, выступающий в продольном сечении над линией дужки

[Там же. С. 137]. К этому типу отнесено 12 предметов. Формы щитков разнообразны – от округлых до ромбовидных. Форма шинки – узкопластинчатая (7 экз.) и округлая (4 экз.). Окончание шинки преимущественно сомкнутое (7 экз.), но у двух перстней зафиксировано окончание «в наклад».

Орнаментальные сюжеты, как и на изделиях первой группы, отличаются разнообразием. На щитках двух перстней имеются псевдогеральдические изображения (рис. 1 – 4). Щитки еще двух перстней декорированы крупными жемчужинами по контуру щитка. Интересна находка серебряного перстня из могильника Моховая 46, находящего аналогии среди болгарских перстней золотоордынского времени и датированного концом XVI – первой половиной XVII в. [Стефанов, 2003. С. 175–176, ил. 5 – 3; Сургутский краеведческий музей. ..., 2011. С. 107, 140, № 312].

На щитке одного печатного перстня сохранился антропоморфный сюжет, представляющий собой профильное изображение мужской головы, смотрящей вправо, выполненное в технике углубленного рельефа (городище Нялинское I). На перстне, происходящем с городища Березовское I, прослеживается орнитоморфное изображение. На восьмигранном щитке выгравирована водоплавающая птица, идущая вправо, с распростертыми крыльями, пушистым хвостом и четко выраженным клювом. Еще на одном перстне сохранилось гравированное изображение одномачтового корабля (рис. 1 – 5). Все три перстня находят аналогии на территории Центральной России и датируются второй половиной XVI – серединой XVII в.

Своеобразны зооморфные изображения, сохранившиеся на двух перстнях, обнаруженных на городище Нялинское I. На одном из них – лев, идущий влево, выполненный в технике барельефа. Тело льва показано в профиль, голова – анфас. Над головой зверя расположены четыре цифры, плохо читаемые из-за коррозии металла (предположительно, «1687»). Несмотря на популярность образа льва в русском средневековье, данное изображение расходится с традиционной «львиной» иконографией. Как правило, зверь изображался в профиль в величественной позе с высоко поднятой передней лапой. Еще более редким является сюжет второго перстня-печатки: на восьмигранном щитке выгравировано изображение насекомого, окаймленное желобками, соответствующими форме щитка. Аналогии этим двум перстням пока неизвестны.

Еще два перстня-печатки отличаются от остальных предметов этого типа массивными размерами щитков, оформленных в виде удлиненных прямоугольников (рис. 1 – 6). Оба перстня имеют значительные утраты: шинки отсутствуют практически целиком, а орнамент не читается. По морфологическим особенностям (массивный щиток) наиболее близки этим печаткам перстни с городища Старые Покачи 5, датированные К. Г. Карачаровым XVI–XVII вв. [2006. С. 56]. Однако автором раскопок последние были отнесены к щитковосрединным.

Третий тип перстней – *перстни со вставками*. На территории Центральной России они получили наибольшее распространение в крупных городах с конца XI до XV в. [Седова, 1981. С. 139]. К этой группе нами отнесено 14 предметов. Формы щитков разнообразны – от округлых и прямоугольных до фигурных (рис. 1 – 9). Шинки у них преимущественно узкопластинчатые (12 экз.), а окончание шинки – сомкнутое (9 экз.).

Для данной группы перстней характеристика сюжетных особенностей сложна. Дело в том, что вставка сама по себе является декоративной особенностью, зачастую не требующей дополнительного изображения. Тем не менее, среди рассматриваемых перстней изображения имеются на вставках трех предметов. На двух из них – профильное изображение коня, идущего вправо, выполненное в технике углубленного рельефа (городища Березовское I и Нялинское I) (рис. 1 – 8). На третьем перстне – известный сюжет «Адам и Ева у древа познания» (городище Березовское I).

Четыре перстня имеют шестигранный щиток и, по-видимому, стеклянные вставки. У трех перстней вставка огранена в виде крестовой розы (рис. 1 – 7). У одного она – плоская, с изображением, выполненным в технике углубленного рельефа. Каст – оправа камня – украшен эмалью различных оттенков, иногда – с хорошо различимыми темными точками. Внешняя сторона узкопластинчатой шинки ближе к щитку разделена на секции, которые были инкрустированы эмалью (городища Березовское I, Нялинское I, селище Силин Пас II).

В третьей группе перстней Нижнего и Среднего Приобья выделяется предмет, найденный у д. Чемаша. Его уникальность состоит в следующем: каст овальной формы, в центре которого расположена стеклянная вставка в окружении двенадцати более мелких камней голубого и прозрачного цветов. Аналогий этому перстню на сегодняшний день неизвестно.

Массовое производство перстней со вставками началось в конце XVII в. – с появлением собственного (отечественного) стекольного производства. Отсюда, наиболее вероятная датировка перстней третьей группы: XVII–XIX вв.

Проведенный анализ перстней украшений, найденных на территории Нижнего и Среднего Приобья, позволяет сделать следующие выводы. По морфологическому признаку – продольному сечению – среди перстней украшений можно выделить три группы: щитковосрединные, печатные и перстни со вставками. Внутри этих групп наблюдается разнообразие как в морфологическом плане, так и в технологических приемах их производства.

Сюжетное содержание также характеризуется большим разнообразием тем: от простых однотипных схем и растительного орнамента до более сложных зооморфных, антропоморфных, орнитоморфных и псевдогеральдических изображений. Также можно отметить, что некоторые изображения характерны только для определенного типа перстней. Например, схемы с окружностью, заштрихованной косой сеткой, встречаются на перстнях щитковосрединного типа. Вместе с тем есть изображения, не привязанные к этому признаку, например: сюжет «Адам и Ева у древа познания» встречается как на щитковосрединных перстнях, так и на перстнях со вставками.

В ряде случаев прослеживаются близкие аналогии с изделиями этой категории, найденными на территории Центральной России, что еще раз подтверждает наличие связей населения севера Западной Сибири с этим регионом в XVI–XVIII вв., однако есть и уникальные экземпляры, аналогий которым на сегодняшний день не известно¹.

Источники и литература

Борзунов В. А., Бельтикова Г. В., Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск, 2010.

Визгалов Г. П. Отчет о НИР: Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Берёзово. Т. 1: Аварийные археологические раскопки на территории Кремля (раскоп № 1/08). Нефтеюганск, 2008. Архив АУ ХМАО–Югры ЦОКН. Инв. № 5906. Д. 1151 а.

Карачаров К. Г. Отчет о НИР: Археологические раскопки городища Старые Покачи 5 в Нижневартовском районе ХМАО в 2005 г. в 4 кн. Нефтеюганск, 2006. Архив АУ ХМАО–Югры ЦОКН. Инв. № 5187. Д. 747 а, б, в, г. Сладкова Л. Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике «Городище Нялинское I» в Ханты-Мансийском районе ХМАО Тюменской области, произведенных летом 2006 г. Ханты-Мансийск, 2007. Архив АУ ХМАО–Югры ЦОКН. Инв. № 5354. Д. 849.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Стефанов В. И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск, 2003.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург; Сургут, 2011.

Яковлев Я. А. Отчет о НИР: Завершение в 2003 г. аварийно-спасательных работ на площади селища Силин Пас II, отводимой под объекты обустройства Покамасовского месторождения нефти (Сургутский район ХМАО). № 8-2004. – Ханты-Мансийск, 2004. Архив АУ ХМАО–Югры ЦОКН. Инв. № 4686. Д. 823.

¹ Пользуясь случаем, отмечу, что на поселении Барсова Гора II/22 найден бронзовый перстень с овальным гладким щитком, декорированный жемчужным и пуансонным орнаментом, изготовленный, по-видимому, в XVIII–XIX вв. в одном из городских центров Средней Азии [Борзунов и др., 2010. С. 215, ил. 27 – 1]. – *Ред.*

**МЕТОДИКА СОХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРА РОССИИ**

**Охрана и использование объектов
историко-культурного наследия**

*А. А. Цыбанков, В. С. Славинский,
А. С. Ломанович
г. Новосибирск
ИАЭТ СО РАН*

**БОГУЧАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЯ КРУПНЕЙШЕЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Введение. Активизация за последние годы хозяйственного освоения земель, в связи с крупномасштабными работами в добывающей, энергетической и строительной отраслях, является следствием стабилизации и поступательного развития российской экономики. Возобновление после многолетнего перерыва строительства Богучанской ГЭС (далее – БоГЭС) – один из ярких примеров «оживления» экономики России. В свою очередь, увеличение темпов освоения земель пропорционально умножает разрушительное воздействие на объекты культурного наследия РФ, активизируя спасательные работы на охраняемых государством объектах. В случае со строительством БоГЭС – это более 200 памятников археологического наследия на территории Красноярского края и Иркутской области, расположенных на протяжении 400 км по обоим берегам р. Ангары (рис. 1). Археологические памятники датируются широким хронологическим интервалом от палеолита (30–40 тыс. л. н.) до «русского времени» (XVII–XVIII вв.). Среди объектов ИКН представлены поселения, стоянки, могильники, образцы древнего наскального искусства. Масштабные охранно-спасательные работы, организованные с целью максимального изучения объектов археологии в зоне затопления ложа водохранилища БоГЭС, ведутся с 2008 г. и близятся к завершению. Полевые исследования большинства объектов ИКН закончены. Площадки, на которых находились памятники, как правило, уже затоплены. Окончание их полевого изучения планируется в 2013 г., до полного затопления ложа водохранилища на уровне отметки 208 м.

Нормативно-правовое обеспечение БАЭ. В 2007 г. приказом директора ИАЭ СО РАН акад. А. П. Деревянко для выполнения охранно-спасательных работ на археологических объектах и памятниках в зоне затопления Богучанской ГЭС (территория Красноярского края и Иркутской обл.) создана постоянно действующая Богучанская археологическая экспедиция (далее – БАЭ).

Значительный масштаб полевых работ, проводимых в зоне затопления ложа водохранилища БоГЭС, потребовал не только создания и развития научно-организационной и материально-технической базы для проведения научных исследований, но и разработки пакета документов по научно-методическому и правовому обеспечению работы БАЭ [Колонцов, Карповская, 2010].

Пакет документов, регламентирующих работу БАЭ, включает в себя:

- договор о выполнении охранно-спасательных археологических работ между Заказчиком и ИАЭТ СО РАН;
- Положение о Богучанской археологической экспедиции (с 2010 г.), в том числе как приложение Регламент работы начальника отряда;

Рис. 1. Перстяные украшения Среднего и Нижнего Приобья: 1–3 – щитковосрединные перстни; 4–6 – печатные перстни; 7–9 – перстни со вставками. 1 – случайная находка у д. Мозямы; 2, 4 – городище и святилище Ермаково I; 3, 9 – городище Березовское I; 5–8 – городище Нялинское I

- Правила безопасности при проведении полевых экспедиционных работ (с 2010 г.);
- приказ об утверждении Положения и Правил на очередной период о количестве отрядов, назначении начальника экспедиции, его заместителей, начальников отрядов и их заместителей;
- разрешения (Открытые листы) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия;
- утвержденные приказом технические задания на охранно-спасательные археологические работы каждому отряду;
- доверенности начальникам отрядов;
- договоры о материальной ответственности с начальниками отрядов;
- типовой договор подряда с физическими лицами, работающими в отряде;
- документацию к контрактам с поставщиками и подрядчиками, предусмотренную законодательством РФ о поставке товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных нужд.

В 2010 г. – в результате накопленного опыта за полевые сезоны 2007–2009 гг. – был разработан и создан документ, регламентирующий научные цели и задачи деятельности, структуру экспедиции, компетенцию начальника экспедиции, его заместителей, начальников и заместителей экспедиционных отрядов и порядок организации работы экспедиции: *Положение о Богучанской археологической экспедиции*.

Данное Положение было разработано в соответствии с уставом ИАЭТ СО РАН и следующими нормативными правовыми и иными актами: 1) Гражданский кодекс РФ; 2) Трудовой кодекс РФ; 3) Градостроительный кодекс РФ; 4) ФЗ от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; 5) Положение об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16.09.1982 г. № 865; 6) Положение о зонах охраны объектов ИКН (памятников истории и культуры) народов РФ, утвержденное постановлением Правительства РФ от 26.04.2008 г. № 315; 7) Положение о порядке выдачи разрешений (Открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия, утвержденное приказом Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия от 03.02.2009 г. № 15; 8) Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации, утвержденное решением Ученого совета ИА РАН от 30.03.2007 г.; 9) распоряжение Президиума СО АН СССР от 23.03.1980 г. № 15000-273 «О введении в действие Инструкции «О порядке организации и проведения научных экспедиций в Академии наук СССР» в учреждениях Сибирского отделения АН СССР»; 10) Рекомендации по проведению спасательных археологических полевых работ, разработанные совместно ИА РАН и Комитетом по культурному наследию г. Москвы 30.11.2008 г.; иные нормативные правовые акты и акты рекомендательного характера, регулирующие отношения в области сохранения, использования и государственной охраны объектов археологического наследия.

В этом же году утверждены *Правила безопасности при проведении полевых экспедиционных работ* (см. ниже). Они разработаны с использованием Положения о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации, утвержденного решением Ученого совета ИА РАН от 30.03.2007 г.; Рекомендаций по проведению спасательных археологических полевых работ, разработанных совместно ИА РАН и Комитетом по культурному наследию г. Москвы 30.11.2008 г.; иных нормативных правовых актов и актов рекомендательного характера, регулирующих вопросы охраны труда и техники безопасности при проведении работ в полевых условиях и работ экспедиционного характера. Правила определяют организационные мероприятия и требования по технике безопасности при проведении экспедиционных полевых работ и распространяются на все проводящиеся работы в полевых условиях.

Правила включают в себя следующие разделы:

- соблюдение охраны труда при организации полевых экспедиционных работ;
- обязанности и ответственность руководителей экспедиций за безопасную организацию и проведение работ;
- меры пожарной безопасности в лагере;
- требования охраны труда при использовании автотранспортных средств;
- требования охраны труда при использовании средств речного транспорта;
- требования охраны труда при ведении земляных работ;
- меры безопасности на воде.

Для успешного проведения спасательных археологических полевых работ в зоне затопления Богучанской ГЭС, было разработано и выдано каждому начальнику экспедиционного отряда техническое задание на спасательные археологические исследования (раскопки) и рекогносцировочные раскопки в зоне затопления Богучанской ГЭС, с учетом культурной принадлежности, глубины и характера залегания культурного слоя, времен-

ной принадлежности и других особенностей каждого археологического объекта и памятника попадающего в зону затопления.

Техническое задание включает:

- информацию о Заказчике и Исполнителе;
- правовое обоснование для выполнения спасательных археологических исследований (раскопок);
- цель, задачи, сроки и объемы спасательных археологических исследований на том или ином археологическом объекте (памятнике);
- содержание, состав и перечень основных спасательных археологических работ;
- научно-методические требования к проведению охранно-спасательных археологических раскопок в соответствии с действующей нормативной базой и инструкциями о порядке проведения данного вида работ;
- требования к подготовке финансового отчета;
- требования к подготовке, составлению и оформлению научно-технического и научного отчетов о проделанной работе;
- требования к безопасности выполняемых работ.

Материально-техническое и научно-методическое обеспечение. Материально-техническая база ИАЭТ СО РАН дает возможность одновременно организовать и обеспечить оборудованием несколько крупных археологических экспедиций, в которых принимают участие более тысячи сотрудников в различных географических районах РФ и зарубежья. Для выполнения экспедиционных задач Институт содержит транспортное подразделение, включающее десятки грузопассажирских, грузовых и легковых автомобилей; имеется также водный речной транспорт. Археологические исследования обеспечиваются полным комплектом современного оборудования в виде геодезических и других измерительных инструментов, компьютерной техникой, средствами навигации и связи. «Мягкое» оборудование (палатки, спальники, спецодежда и др.), генераторы для обеспечения электричеством стационарных и мобильных полевых лагерей, рабочий инструмент постоянно обновляются и имеются в необходимом для обеспечения десятков отрядов (с численностью от единиц до нескольких сотен человек) количестве. Учитывая масштабы БАЭ, работа экспедиции без отряда обеспечения была бы невозможной.

С целью организации перевозок персонала и грузов БАЭ, снабжения, складского хранения и учета экспедиционного оборудования, его технического обслуживания, а также для научно-методического руководства охранно-спасательными исследованиями был создан *отряд организационно-методического обеспечения*. Данное обеспечение позволило снять часть организационных задач с начальников экспедиционных отрядов и сконцентрироваться на научной организации спасательных археологических раскопок. В функции организационно-методического отряда входило также выстраивание взаимоотношений с местными и федеральными органами власти, медицинскими учреждениями, правоохранительными органами, пожарной охраной, лесничеством. Отрядом активно задействовались местные ресурсы: через службу занятости населения нанимались специалисты вспомогательного профиля; при необходимости арендовались дополнительные средства наземного, водного и воздушного транспорта; арендовались на местах помещения складского и базового назначения; заключались договоры с местными торговыми организациями для обеспечения экспедиции продовольствием и расходными материалами.

Научно-методическое сопровождение работ БАЭ, проводимое организационно-методическим отрядом, включало следующее:

- контроль качества исполнения археологических исследований на территории затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС путем создания и ведения комиссий с составом высококвалифицированных профильных специалистов и представителей заказчика, государственных органов охраны памятников культурного наследия, представителей органов власти и др.;
- обеспечение государственных историко-культурных экспертиз;
- геодезическое и топографическое картирование района исследований и объектов археологического наследия;
- геологическое, геоморфологическое, палинологическое, тектоническое, комплексно стратиграфическое (с изъятием образцов на лабораторные анализы) изучение района исследований и стратиграфических разрезов памятников археологии;
- привлечение специалистов сопутствующих археологии дисциплин и организация этнографических, архитектурных, культурно-исторических, историографических исследований.

Масштаб, цель и задачи БАЭ. За пять лет в течение полевых сезонов 2008–2012 гг. на территории Кежемского р-на Красноярского края и Усть-Илимского р-на Иркутской обл. в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС силами БАЭ на 222 памятниках и ансамблях памятников археологии раскопками были исследованы 165 тыс. кв. м совокупной площади объектов ИКН. Динамика и объемы работ по годам

показаны на соответствующей диаграмме (рис. 2). На ней же, для сравнения, представлены объемы работ первого этапа исследования ложа водохранилища – в 1977–2008 гг. (рис. 2 – Б). В результате вскрытия культурных слоев археологических объектов в границах вышеозначенных площадей в 2008–2012 гг. были получены уникальные коллекции разновременного археологического материала объемом более 1 млн. артефактов.

БАЭ начала свою работу в 2007 г. – с разведок в зоне затопления ложа водохранилища БогГЭС. В 2008 г. рекогносцировочные работы здесь были продолжены, а также были проведены первые охранно-спасательные раскопки, в которых участвовало 24 полевых отряда общей численностью 500 человек. В 2009 г. в работах было задействовано 29 отрядов, личный состав экспедиции насчитывал 750 человек. В 2010–2012 гг. в составе БАЭ ежегодно работало более 1 тыс. человек, в том числе: в 2010 г. – 31 отряд, в 2011 г. – 39 отрядов, в 2012 г. – 17 отрядов.

Главной целью работ БАЭ являлось обеспечение сохранности объектов археологического наследия в соответствии с ФЗ № 73-ФЗ от 25.07.2002 г.

Законодательство РФ под обеспечением сохранности объектов предусматривает два основных мероприятия: 1) обследование и уточнение границ и объемов спасательных археологических исследований (раскопок) объектов (памятников) археологического наследия, выявленных ранее и попадающих в зону затопления; 2) проведение спасательных археологических исследований (раскопок), обеспечивающих сохранность объектов (памятников) ИКН в зоне затопления, которые проводятся за счет средств Заказчика (п. 1 ст. 37 ФЗ от 25.06.02 № 73-ФЗ).

Поставленная цель достигалась с помощью решения следующих задач:

- проведение раскопок объектов археологического наследия (памятников археологии) сплошной площадью, осуществляемых в порядке, определенном ст. 45 ФЗ от 25.06.02 № 73-ФЗ, с полным изъятием археологических находок из раскопок;

- проведение рекогносцировочных раскопок и полное визуальное обследование со сбором экспонированного материала с целью изучения характера залегания и степени нарушений культурного слоя археологических памятников, с полным изъятием археологических находок;

- изучение полученных материалов, составление научно-технических и научных отчетов с последующей публикацией результатов исследований.

Итоги исследований 2008–2012 гг. отражены в сотнях научных и ежегодных научно-технических отчетов, а также в большой серии статей, опубликованных в профильных сборниках и рецензируемых периодических изданиях. Готовится к публикации серия монографий по данной тематике. Более подробная информация о научных результатах БАЭ представлена в следующем докладе данной конференции.

Заключение. На основании проведенных полевых и лабораторных исследований в 2008–2012 гг. определены две категории археологических памятников.

Первая категория – памятники, требующие дальнейшего исследования в силу своего объема неизученных площадей и уникальности археологического материала; вторая категория – памятники, рекомендуемые к снятию с государственной охраны, как объекты, максимально исследованные в определенных ранее границах памятника сплошными и рекогносцировочными раскопами с последующим выводением зон техногенных нарушений.

Памятники второй категории рекомендуются к снятию с государственной охраны на основании комплекса следующих признаков:

- полная или почти полная изученность раскопками сплошной площадью;
- полная или почти полная изученность рекогносцировочными раскопками;
- значительные естественные нарушения культурного слоя и техногенные нарушения;
- минимальная концентрация (единичные находки на 1 000 кв. м) разновременного археологического материала, без признаков какой либо принадлежности к культурному слою.

Таким образом, обобщенные итоги полевых археологических охранно-спасательных работ БАЭ в 2008–2012 гг. позволили произвести оценку уровня сохранности культурного слоя и его историко-культурного значения для каждого исследуемого археологического объекта.

Литература

Колонцов С. В., Карповская П. В. Научно-методическое и правовое обеспечение спасательных археологических раскопок в зоне затопления Богучанской ГЭС (из опыта работы Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН) // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.

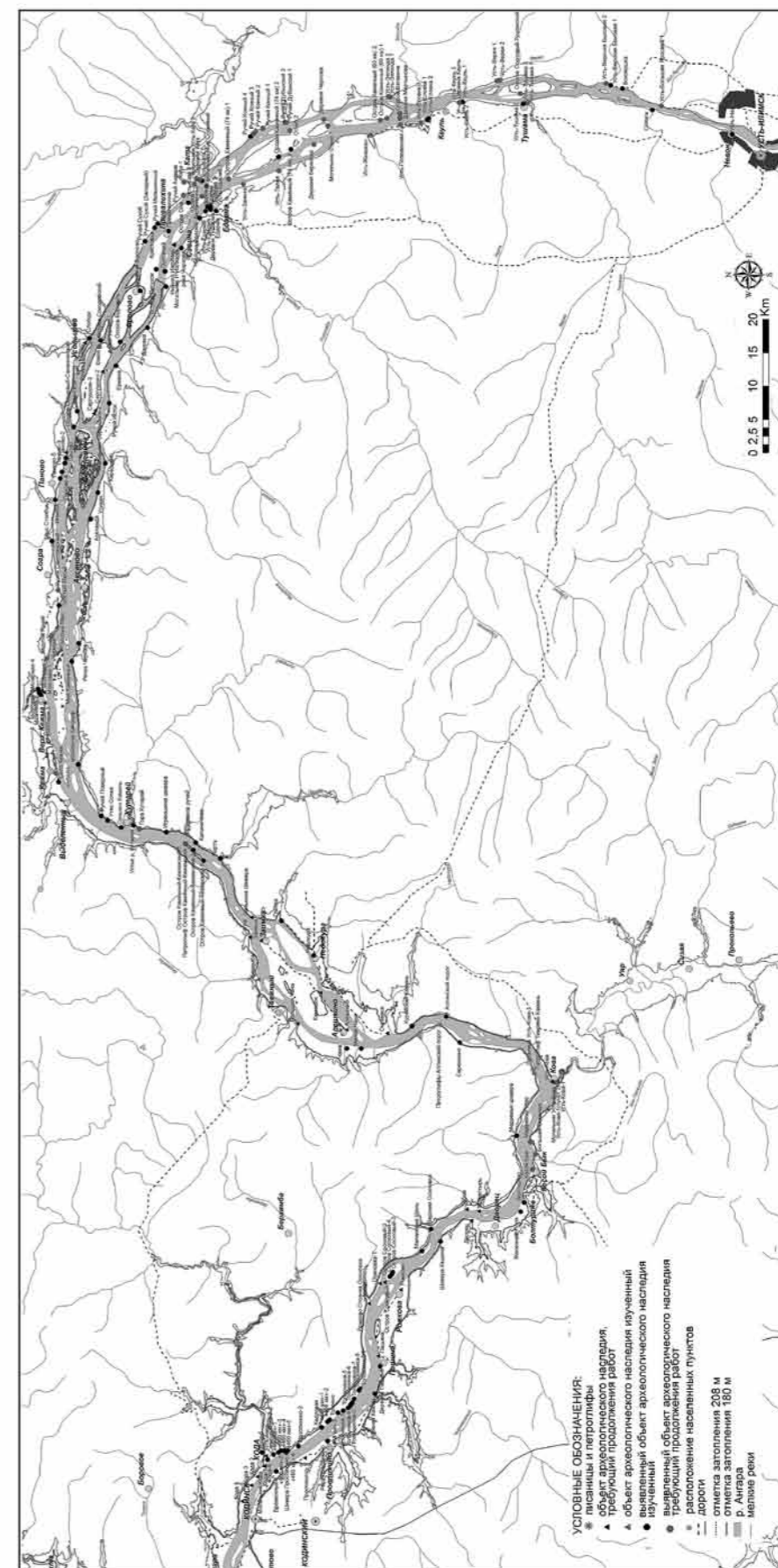

Рис. 1. Карта с объектами археологического наследия, исследуемыми Богучанской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН

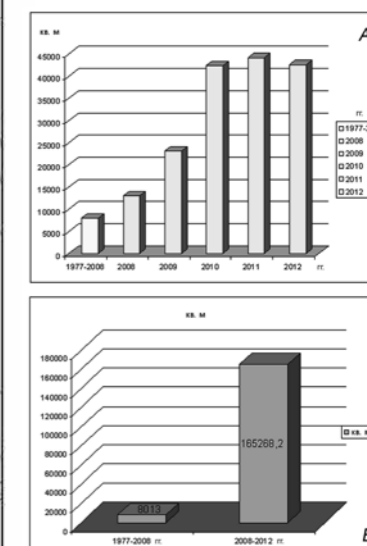

Рис. 2. Объемы работ, выполненных Богучанской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС

В. С. Славинский, А. А. Цыбанков
г. Новосибирск
ИАЭТ СО РАН

БОГУЧАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В связи с возобновлением строительства Богучанской ГЭС продолжилось и археологическое изучение территории ложа затопления водохранилища. В 2007 г. приказом директора ИАЭТ СО РАН акад. А. П. Деревянко для выполнения археологических охранно-спасательных работ на археологических объектах и памятниках в зоне затопления Богучанской ГЭС (территория Красноярского края и Иркутской обл.) создана постоянно действующая Богучанская археологическая экспедиция (далее – БАЭ). В результате проведенных работ к 2012 г. исследовано более 200 объектов археологического наследия, расположенных по обоим берегам р. Ангары на протяжении 400 км (см. предыдущий доклад). Памятники датируются широким хронологическим интервалом от палеолита (30–40 тыс. л. н.) до «русского времени» (XVII–XVIII вв.). Среди объектов археологического наследия представлены поселения, стоянки, могильники, образцы древнего наскального искусства. Окончание их полевого изучения планируется в 2013 г., до полного затопления ложа водохранилища на уровне отметки 208 м.

Итоги исследований 2008–2012 гг. отражены в сотнях научных и годовых научно-технических отчетов, а также в значительной серии статей, опубликованных в профильных сборниках и рецензируемых периодических изданиях. Готовится к публикации серия монографий по данной тематике.

В процессе исследования археологических памятников выявлены комплексы различных культур палеолита, мезолита, неолита, бронзового века, раннего железного века, средневековья и этнографической современности.

Археологические комплексы палеолита представлены на стоянках Усть-Кова, Берямба, Большая Пеленда, Колпаков ручей, Ручей Смолокурный, Усть-Ёдарма I. В процессе изучения объектов определены их предварительная хронологическая позиция, палеоэкологические условия, особенности технологии расщепления камня, место в кругу наиболее типологически близких памятников Восточной Сибири и др. [Акимова и др., 2011; Гревцов и др., 2011б; Липнина, Лохов, 2012; Марковский, Дудко, 2011; Постнов, 2010; Роговской и др., 2012; Рыбин, Мецгерин, 2011].

Археологические комплексы мезолита представлены на стоянках Усть-Кова I, Ручей Смолокурный, Усть-Ёдарма II, Остров Лиственничный, Сосновый мыс, Усть-Кеуль-1. В процессе изучения комплексов с помощью радиоуглеродного метода получена серия их дат, установлена хронологическая и стратиграфическая позиция мезолитических материалов в отложениях раннего голоцена, определены технико-типологические особенности коллекций мезолита, отличные от позднего палеолита и неолитических культур региона [Акимова и др., 2010; Липнина и др., 2011; Марковский, 2010; Новосельцева, Соколова, 2012; Роговской, Попов, 2011; Савельев и др., 2011; Томилова и др., 2011].

Археологические комплексы неолита, наряду с коллекциями бронзового века, являются самыми многочисленными и представительными в Северном Приангарье. Почти все неолитические памятники региона обнаружены в толще культурных напластований многослойных археологических памятников. Это затрудняет их «чистое» изъятие из разновременных коллекций. Исключением являются однослойная стоянка Толстый мыс-2 с гомогенной «одновременной» коллекцией [Макаров и др., 2010], закрытые комплексы неолитических погребений на стоянках Толстый мыс, Утес Медвежий, Сосновый мыс, Усть-Зелинда-1, Усть-Зелинда-2, Остров Каменный (60 км) I [Гаркуша и др., 2012; Гревцов и др., 2010; Марченко и др., 2012; Постнов, 2010б; Савельев и др., 2011; 2012], а также неолитические комплексы стоянки Остров Лиственничный, в той или иной степени отделенные стерильными грунтовыми прослойками от более ранних и поздних культурных отложений [Роговской, Попов, 2011]. Вместе с тем самые выразительные неолитические коллекции – наиболее технико-типологически выраженные, обеспеченные длинными презентативными типологическими рядами орудий и массовыми собраниями керамических сосудов – происходят из многослойных разновременных объектов, представляющих собой стоянки-поселения (ансамбли памятников Шивера Проспихино и Паново, стоянки Кода 2, Кода 3, Камешок, Колпаков Ручей, Парта, Гора Кутарей, Отико 1, Большая Пеленда, Сосновый мыс, Усть-Кеуль-1, Остров Сосновый Тушамский, Усть-Тушама-1 и многие другие [Выборнов, Субботина, 2010; Долганов, 2011; Мандрыка и др., 2011; Марченко и др., 2011; Новосельцева, Соколова, 2012; Постнов, 2010; 2011; Постнов, Басова, 2012; Рыбин и др., 2010; 2012; Савельев и др., 2011; Савин, 2010; Славинский и др., 2010; 2012а]). В процессе исследования, на основании ре-

зультатов радиоуглеродного датирования и проведения корреляционного анализа, определены временные рамки и культурные особенности неолита региона. Проведены аналогии с культурами неолита Восточной Сибири, в том числе китойской, серовской, исаковской и глазковской (ранний этап).

Памятники бронзового века представлены однослойными стоянками Чирида, Капонир, Ручей Конный-3 (эпоха бронзы – ранний железный век) [Гревцов и др., 2011а; Марченко и др., 2010; Савин и др., 2011], закрытыми комплексами погребений эпохи бронзы на стоянках Паново-4 и Усть-Тушама-1 [Рыбин и др., 2012; Славинский и др., 2010], комплексами с четкой стратиграфией, без примесей материалов других эпох (стоянка Большая Пеленда [Постнов, 2010]), комплексами бронзового века в многослойных объектах ансамблей памятников Шивера Проспихино и Паново, стоянок Кода 2, Кода 3, Утес Медвежий, Камешок, Колпаков Ручей, Парта, Сосновый мыс, Усть-Кеуль-1, Усть-Тушама-1 и других [Выборнов, Субботина, 2010; Мандрыка и др., 2011; Новосельцева, Соколова, 2012; Постнов, 2010; Рыбин и др., 2010; 2012; Савельев и др., 2011; Савин, 2010; 2012; Славинский и др., 2010; 2012б]. Исследование коллекций бронзового века показало их сходство с материалами глазковской культуры, усть-бельским типом керамики, а также кругом керамических типов, выделенных П. В. Мандрыкой [2006] для эпохи бронзы Енисейского Приангарья (бобровский, усть-шилкинский, шепелевский, самоделкинский типы).

Материалы раннего железного века представлены в закрытых комплексах ансамбля памятников Шивера Проспихино, стоянок Пашина, Кода 3, Окуневка, Сергушкин-3, Усть-Зелинда-2 [Адамов и др., 2011; Гаркуша, Гришин, 2009; Герман, Леонтьев, 2011; Гришин и др., 2009; Марченко и др., 2012; Славинский и др., 2010; Славинский и др., 2012], а также в многослойных объектах ансамблей памятников Шивера Проспихино и Паново, стоянок Игренькина Шивера, Колпаков Ручей, Парта, Кода 3, Большая Пеленда, Сосновый мыс, Усть-Кеуль-1, Остров Сосновый Тушамский, Усть-Тушама-1 и других [Мандрыка и др., 2011; Новосельцева, Соколова, 2012; Постнов, 2011; Постнов, Басова, 2012; Рыбин и др., 2010; 2012; Савельев и др., 2011; 2012; Савин, 2010; Славинский и др., 2010; 2012б]. Данные материалы рассматриваются исследователями в рамках цепаньской общности. Для раннего железного века Енисейского Приангарья П. В. Мандрыкой выделена серия культур – нижнепороженская, каменско-маковская, шилкинская [2008].

Материалы средневековья обнаружены в закрытых комплексах стоянки Кода 2, Капонир, Сергушкин-3, Отико 1, Остров каменный 1, ансамбля памятников Шивера Проспихино, [Басова, 2010; Гаркуша, Гришин, 2009; Герман, Леонтьев, 2011; Долганов, 2011; Леонтьев, Вдовин, 2011; Мандрыка, Сенотрусова, 2010; Мандрыка и др., 2011; Марченко и др., 2010], а также в многослойных объектах ансамблей памятников Шивера Проспихино и Паново, стоянок Игренькина Шивера, Колпаков Ручей, Отико 1, Большая Пеленда, Усть-Кеуль-1, Остров Сосновый Тушамский, Усть-Тушама-1 [Долганов, 2011; Мандрыка и др., 2011; Новосельцева, Соколова, 2012; Постнов, 2011; Постнов, Басова, 2012; Рыбин и др., 2010; 2012; Савельев и др., 2012; Савин и др., 2010; Славинский и др., 2010]. Для комплексов средневековья проводятся аналогии с таштыкскими и айканскими памятниками рубежа раннего железного века и средневековья. Отдельные находки коррелируются с материалами развитого и позднего средневековья Западной Сибири, Приуралья и культуры енисейских кыргызов.

Археологические комплексы этнографической современности исследовались на объектах, связанных с первыми русскими поселенцами (Деревня Ёдарма, Усть-Кеуль-1, Усть-Ката-2, Усть-Тушама-1, Сергушкин-1 [Липнина и др., 2011; Липнина, Лохов, 2012; Новосельцева, Соколова, 2012; Рыбин и др., 2012; Постнов и др., 2012; Славинский и др., 2012б]), а также оставленных коренным населением данного региона, как правило, эвенками (стоянка Усть-Кова I [Кукса, 2010]). Проводился сбор этнографических материалов, составлялись описания предметов культуры и быта современного населения сел Кежда, Болтурино, Паново, Проспихино [Коровушкин, Чернова, 2010].

Кроме непосредственно полевой охранно-спасательной археологической и этнографической деятельности, сотрудниками БАЭ производятся комплексные исследования, позволяющие полноценно охарактеризовать район изучения объектов культурного наследия:

- палеонтологические исследования (их результаты находятся в печати);
- геологические и геоморфологические исследования [Дроздов и др., 2011; Лунева, 2010; Медведев и др., 2012; Постнов и др., 2012];
- палеогенетические исследования (стадия отбора образцов);
- построение хронологических шкал на основе серии дат, полученных методами абсолютного датирования (стадия обработки образцов);
- палеоэкологические реконструкции на базе комплекса данных (стадия обработки данных).

Полевые археологические работы 2013 г. существенно дополняют имеющие научные результаты и логически завершат комплекс охранно-спасательных мероприятий по сохранению объектов культурного наследия попадающих под разрушение в процессе затопления водохранилищем БогГЭС большой территории региона.

Литература

- Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Акимова Е. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Харевич В. М. Результаты полевых исследований стоянки Усть-Кова I в 2010 году // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Акимова Е. В., Стасюк И. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Мотузко А. Н., Пазилев Д. С., Томилова Е. А., Харевич В. М. Новые данные по палеолиту Усть-Ковы (работы 2011 г.) // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Басова Н. В. Результаты исследования средневекового могильника на стоянке Кода-2 // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Выборнов А. В., Субботина А. Л. Некоторые итоги исследований северо-западной оконечности ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино в Северном Приангарье // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 9. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2010.
- Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е. Новое погребение железного века в Северном Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XV. Новосибирск, 2009.
- Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е., Марченко Ж. В., Казакова Е. А., Дудко А. А. Исследование разновременной стоянки и неолитического могильника Усть-Зелинда-1 (Северное Приангарье) // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Герман П. В., Леонтьев С. Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Гревцов Ю. А., Галухин Л. Л., Журавков С. П. Комплекс углубленных объектов стоянки Чирида // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Гревцов Ю. А., Мещерин М. Н., Галухин Л. Л., Журавков С. П. Стоянка Берямба – новый объект палеолита в Северном Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011а.
- Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л. Спасательные работы Берямбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010б.
- Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н., Марченко Ж. В. Результаты полевых работ в 2009 году на памятниках в устье реки Верхняя Кежда (Северное Приангарье) // ПАЭАССТ. Т. XV. Новосибирск, 2009.
- Долганов В. А. Стоянка-могильник Отико I (обзор результатов спасательных работ 2011 года) // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Пономарева Е. А. Палеогеография конца позднего плейстоцена района палеолитической стоянки Усть-Кова (по результатам палеокарпологических и палеомерзлотных исследований) // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Коровушкин Д. Г., Чернова И. В. Итоги работы этнографического отряда Богучанской археологической экспедиции в Кежемском районе Красноярского края в 2010 году // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Кукса Е. Н. Орнитоморфные изображения Усть-Ковинского комплекса (по материалам работ в 2010 году) // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Липнина Е. А., Лохов Д. Н. Спасательные работы на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и деревня Ёдарма в 2012 году // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Козгай С. А. Результаты спасательных работ на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2011 году // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Лулева Д. Е. Некоторые итоги геологического изучения археологических памятников в среднем течении Ангары в 2010 году // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Макаров Н. П., Быкова М. В., Баташев М. С. Исследования стоянки Толстый Мыс-2 в зоне затопления Богучанской ГЭС // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Мандрыка П. В. Керамические комплексы бронзового века Енисейского Приангарья // Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск, 2006.
- Мандрыка П. В. Могильник Усть-Шилка-II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 7. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2008.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Бирюлева К. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Марковский Г. И. Результаты полевых исследований стоянок Кода-2, Ручей Смолокурный, Мыс Столбы в Северном Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Марковский Г. И., Дудко А. А. Результаты полевых исследований стоянок Ручей Смолокурный и Мыс Столбы в 2011 году // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е., Казакова Е. А. Исследования на могильнике Усть-Зелинда-2 в 2012 году // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Новые данные по поселенческим памятникам Северного Приангарья Деревня Пашино и Камешок (работы Пашинских отрядов богучанской экспедиции в 2011 г.) // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Медведев Г. И., Бердникова Н. Е., Липнина Е. А., Козгай С. А., Роговской Е. О., Лохов Д. Н. Ископаемые литотехнические отложения плейстоцена и голоцена в геоморфологических ситуациях антропогена Байкальской Сибири // Изв. ИРГУ. № 1 (1). Иркутск, 2012.
- Новосельцева В. М., Соколова Н. Б. Геохронология голоценовых комплексов многослойного геологического местонахождения Усть-Кеуль-1 в Северном Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Постнов А. В. Спасательные раскопки древних поселенческих комплексов Северного Приангарья // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Постнов А. В. Раскопки памятника Большая Пеленда в северном Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Постнов А. В., Басова Н. В. Археологические исследования стоянки Остров Сосновый Тушамский в Северном Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Постнов А. В., Выборнов А. В., Яровой Б. П. Исследования стояночного комплекса Усть-Ката-2 в Северном Приангарье в 2012 году // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Постнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В. Проблемы генетической и стратиграфической диагностики отложений низких террас средней и нижней Ангары // ГМР. № 3 (11). Новосибирск, 2012.
- Роговской Е. О., Козгай С. А., Новосельцева В. М., Ощепкова Е. Б., Попов А. А., Таракановский С. П. Геоархеологические исследования на палеолитических объектах Северного Приангарья // Изв. ИРГУ. № 1 (1). Иркутск, 2012.
- Роговской Е. О., Попов А. А. Исследования местонахождения Остров Лиственичный (к постановке проблемы изучения «низких» ангарских островов в Северном Приангарье) // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Рыбин Е. П., Кубан А. А., Мещерин М. Н., Фролов Я. В. Археологические работы на стоянках Игренькина шивера и Колпаков ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Рыбин Е. П., Мещерин М. Н. Колпаков ручей – новый палеолитический памятник в Среднем Приангарье // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Рыбин Е. П., Славинский В. С., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г. Исследования стоянки Усть-Тушама-1 в 2012 год // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Савельев Н. А., Тимощенко А. А., Бадмаев Д. А. Спасательные работы 5-го усть-илимского отряда на стоянке, могильнике Сосновый мыс в 2011 году // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Савельев Н. А., Тимощенко А. А., Тютрин А. А., Бочарова Е. Н., Быкова М. В. Спасательные работы на местонахождениях острова Каменный (60 км) и Усть-Жевакан в 2012 году // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Савин А. Н., Славинский В. С., Казакова Е. А., Солодская О. В. Бронзовая фигурка птицы со стоянки Усть-Кода // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Савин А. Н., Солодская О. В., Ольшанецкая В. Е. Результаты исследования поселения Ручей Конный 3 Усть-Илимского района Иркутской области в 2011 году // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.
- Славинский В. С., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г., Казакова Е. А., Милютин К. И. Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск, 2012.
- Славинский В. С., Герман П. В., Леонтьев С. Н., Рыбин Е. П. Материалы неолитического времени стоянки Сергушкин-1 пункт «А» (раскопки 2012 года) // ПАЭАССТ. Т. XVIII. Новосибирск, 2012.
- Славинский В. С., Казакова Е. А., Милютин К. И., Кербс И. О., Рыбалко А. Г., Анойкин А. А. Результаты полевых исследований на ансамбле памятников Паново // ПАЭАССТ. Т. XVI. Новосибирск, 2010.
- Томилова Е. А., Стасюк И. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Акимова Е. В., Харевич В. М. Исследования многослойной стоянки Усть-Кова I в 2011 г // ПАЭАССТ. Т. XVII. Новосибирск, 2011.

А. Л. Заика
г. Красноярск
КрГПУ

ПЕТРОГЛИФЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ЗИМНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Памятники древнего наскального искусства на территории Северной Азии отличаются своей многочисленностью, разнообразием форм и мест дислокации: каменные изваяния, рисунки на береговых утесах, прибрежных валунах, скальных останцах в глубине берега, вершинах гор и горных перевалах, скальных грибах и отдельных плитах в степи и т. д. В отличие от других видов археологических объектов, расположение которых в определенных природно-ландшафтных условиях может быть вполне прогнозируемо, местонахождение памятников наскального искусства трудно подчиняется какой-либо закономерности. Спектр условий, в которых могут быть найдены наскальные рисунки, довольно широк и многообразен, о чем не раз отмечали многие исследователи [Шер, 1980. С. 60–61; Дэвлет, 1990. С. 84]. Более того, труднодоступность многих потенциальных объектов не всегда позволяет провести полноценные поисковые и, собственно, исследовательские работы. Вместе с тем, именно полевые исследования петроглифов являются наиболее важным этапом в процессе изучения наскального искусства. Степень полноты и достоверности первичной информации во многом определяют ее дальнейшую судьбу: направление интерпретационных построений, объективность осмысления материала, справедливость выводов и т. д.

В данном случае есть смысл поделиться опытом практических работ с петроглифами в зимних условиях на территории Северной Азии, а именно – в Среднеенисейском регионе. Непродолжительное сибирское лето, труднодоступность ряда районов для проведения работ, финансовые проблемы неизбежно приводят к накоплению неосуществленных планов исследований. Вынужденная «зимняя спячка» для археолога-полевика также не всегда дает положительные результаты в научном творчестве. Данные факторы объективного и субъективного характера в определенной степени послужили причиной для освоения и развития практики изучения памятников наскального искусства в зимний период.

Исследования петроглифов в условиях суровой сибирской зимы – дело не новое. Еще на заре не только сибирской, но и отечественной археологии участники Первой академической экспедиции, направленной по указу Петра I в Сибирь под руководством Д. Г. Мессершмидта, в конце января 1722 г. обнаружили и скопировали в Хакасии фигуры и знаки на каменном изваянии и курганных камнях. В феврале того же года, возвращаясь по льду Енисея из Минусинских степей в Красноярск, Д. Г. Мессершмидт обнаружил крашенные рисунки на скале «Городовая стена» напротив д. Новоселовой (рис. 1 – 16), затем – писаницу напротив д. Бирюса [Белокобыльский, 1986. С. 12–13] (рис. 1 – 14). В феврале 1735 г. участники следующей (Великой Северной) академической экспедиции И. Г. Гмелин и С. П. Крашенинников скопировали и описали рисунки Бирюсинской писаницы [С. П. Крашенинников..., 1966. С. 60–64; Быконя, 2000. С. 195–198]. Причем, по свидетельству Г. Ф. Миллера, «снег... нисколько этому не мешает» [1999. С. 528]. В недалеком прошлом А. П. Окладников также в зимний период исследовал ряд местонахождений с наскальными рисунками в Восточной Сибири [1980].

Целенаправленное изучение наскальных рисунков в зимних условиях началось нами сравнительно недавно – с середины 1990-х гг. Сектор исследований охватил западные отроги Восточного Саяна в бассейне правобережных притоков Енисея – рр. Базаиха, Есауловка и Мана (рис. 1). Выбор района для проведения работ был определен имеющейся информацией о наскальных рисунках, относительной близостью краевого центра и, в то же время, отсутствием доступных сухопутных и водных коммуникаций в летний период (залесенность и пересеченность гористой местности, мелководье, порожистость таежных рек).

Пробные работы в 1994 г. с рисованными изображениями известной Койской писаницы на р. Мане показали реальную возможность использования основных методических принципов исследования наскальных рисунков в условиях низких температур, и, следовательно, перспективность зимних исследований. В 1996 г. нами были открыты первые наскальные росписи в верховьях р. Маны [Заика и др., 1996а]. Затем, развивая практику зимних экспедиций, были выявлены новые писаницы, расширены границы известных местонахождений, уточнена и дополнена информация об ранее исследованных рисунках, отточена методика их изучения [Заика, 1998; Заика и др., 1996б; 1997; 1999; 2001].

В течение следующего десятилетия полевые исследования петроглифов в зимний период, практически не проводились, но мы периодически обращались к этой теме. Велась обработка полевых материалов, систематизация результатов исследований, были определены и сформулированы методические аспекты зимних исследований петроглифов [Заика, Кузнецов, 2006; 2008; Заика, 2008]. В 2010 г. зимние исследова-

ния памятников наскального искусства возобновились. Были проведены два традиционных выхода в верховья р. Маны с целью уточнения имеющейся информации о писаницах, обследованы наскальные рисунки в нижнем течении реки. В этот же период с узкой кромки льда Енисея была повторно открыта (спустя 130 лет) Атамановская писаница (рис. 1 – 15), обнаружены новые рисунки [Заика и др., 2011; Матвеев, Заика, 2011].

Нельзя сказать, чтобы все пройденные маршруты были удачными: не были обнаружены наскальные рисунки на р. Есауловке, по притокам р. Базаихи, у истоков р. Маны, в верхнем и среднем течении р. Кан. Не удалось нам подтвердить архивные данные о наличии петроглифов в устье р. Крол (правый приток Маны) [Заика и др., 1998], а также сведения охотников о наскальных рисунках на р. Кантат. Тем не менее полученный опыт проведения полевых исследований памятников наскального искусства наряду с объективными неудобствами (низкие температуры, высокий снежный покров, короткий световой день и др.), показал определенные преимущества работ с петроглифами в зимних условиях [Заика и др., 2011].

Зимние исследования памятников наскального искусства имеют свою специфику и предполагают набор соответствующих методических приемов работы с наскальными рисунками. Рассмотрим их в контексте общих принципов изучения петроглифов на местности. Полевые исследования петроглифов, как правило, включают в себя ряд аспектов: поиск, выявление, фиксация и копирование рисунков, их полевое описание.

Поиск петроглифов на местности. В тактическом плане полевые исследования петроглифов на слабо изученной территории, как правило, проводятся в три этапа [Заика, 2006]. Первые два представляют собой различные виды разведочных работ, третий предполагает стационарные исследования. Независимо от направления исследований, все они связаны с поисковыми работами и различаются пространственными масштабами и качественным уровнем исследований. *Первый, предварительный, этап* представляет собой первичные исследования рекогносцировочного характера. Производится обзорная разведка по определенному маршруту на предмет перспективности данного региона в плане исследований памятников наскального искусства. Во время работ, как правило, охватывается широкая территория («региональная разведка» – по М. А. Дэвлет [1990]). На первом этапе исследований, при обнаружении петроглифов, мы определяли условные границы распространения рисунков, проводилась выборочная их копия, фотофиксация, составлялись планы отдельных участков скалы.

Второй этап исследований осуществляется на основе результатов рекогносцировочных работ. Спектр внимания распространяется на локальную территорию, где зафиксировано наличие петроглифов. Объектом исследований являются известные памятники и территория между ними, которая осматривается путем «сплошной» разведки («тотальная разведка» – по М. А. Дэвлет [Там же]). На данном этапе производится сплошное обследование скальных массивов, как с петроглифами, так и без информации о таковых. Составляется общий план местонахождений с рисунками, по возможности, производится фиксация и копирование визуально видимых петроглифов на всем протяжении памятника. Если по итогам рекогносцировочных работ поступает общая информация об определенном регионе, то результаты данного этапа разведочных работ дают пусть не исчерпывающую, но объективную информацию, как об определенном районе распространения петроглифов, так и о составляющих его памятниках.

В зимних условиях мы комбинированно сочетали различные виды разведочных работ, в ряде случаев следовали принципам стационарных исследований. Маршрут экспедиции, в целях оптимального охвата широкой территории, как правило, предполагал кольцевую траекторию движения. В ряде случаев (непредвиденные обстоятельства, необходимость повторного обследования) возвращение экспедиционного отряда осуществлялось по пройденному пути. Необходимую автономность работы отряда обеспечивали наличие соответствующего оборудования и снаряжения (палатка зимнего исполнения, портативная обогревательная печка и др.) и отсутствие механических транспортных средств.

Передвижение на местности осуществлялось на лыжах по руслам рек. Во время остановок практиковались радиальные выходы вглубь берега или по руслам притоков. Пеший вид разведки способствовал тщательному обследованию местности. В зимнее время, в отличие от теплого времени года, отвесные береговые утесы удобны для осмотра и фотографирования с разных точек с поверхности льда. С поверхности воды это осуществить, практически, невозможно, особенно, на порожистых участках и местах прижимов к скалистому берегу быстрого течения реки. Отсутствие буйной летней растительности и слабая заснеженность отвесных фризмов способствовали продуктивному визуальному обследованию скальных массивов. Эффект двойного освещения (прямое – от солнца и опосредованное – от снега и льда), которое придает яркость рисункам, «поднимая» контуры слабозримых изображений, позволял выявлять их не только вблизи, но и на расстоянии. Замечено, что на общем светлом фоне зимнего пейзажа контуры крашенных изображений выглядят более контрастно, чем в условиях многоцветья в летний период. Поэтому не удивительно, что в последнее время на опубликованных фото отечественных и зарубежных коллег крашенные рисунки фигурируют на фоне зимних пейзажей [Lahelma, 2008. С. 202–276].

Выявление и копирование рисунков. В случае обнаружения рисунков производилась топосъемка местонахождения (снятие горизонтального контура скалы, вертикальных разрезов через плоскости с изображениями), фиксация плоскостей с рисунками в трех проекциях (фронтальной, вертикальной и горизонтальной), копирование изображений.

Рисунки, выполненные природными красителями (охрой), как правило, со временем потеряли сочность цвета, покрылись белесой пленкой известковых натечков. Летом они лучше просматриваются при смачивании их водой, некоторые – на закате солнца или при ровном освещении (сумерки, облачность). Вместе с тем, прогретые на солнце камни после увлажнения быстро обсыхают и контуры рисунков теряются, что вызывает трудности при их копировании. При этом порочная практика подводки на скале контуров изображений исключается. На морозе поверхность камня покрывается тонкой пленкой прозрачного льда, через которую долгое время хорошо просматривается увлажненный рисунок. При необходимости, перед копированием или фотосъемкой площадь увлажнения можно расширять «поднимая» многофигурные панно больших масштабов. В этом определенное преимущество ведения работ в условиях низких температур. После подготовки скальных обнажений (очистка от снега, растительности, обработка водой) осуществлялось копирование петроглифов. Копировка рисунков обычно производится контактным способом на различные материалы в зависимости от техники исполнения рисунков, фактуры камня, внешних условий.

В зимних условиях рисованные изображения мы копируем на прозрачные материалы (полиэтилен, целлофан) путем ручного графического воспроизведения контуров рисунков водостойкими маркерами (например, «PERMANENT»). Различными цветами фиксировались контуры скальной плоскости, рисунков, трещины, участки выломов, площади распространения лишайников. Особое внимание уделялось цветовым тонам охры, случаям палимпсеста. Обязательны на копии отметки индекса объекта, линии горизонта, угла поворота плоскости, направления и расстояния до других композиций, к подножию плоскости или уровня льда и другая дополнительная информация.

Фотофиксация петроглифов производилась нами на всех уровнях их локализации от участка скалы до фрагмента фигуры или плоскости. Фотофиксацию группы плоскостей, отдельных композиций, их участков, отдельных изображений и их фрагментов мы производили на всех этапах работ с ними (выявление, фиксация и копирование):

- в естественном виде;
- после обработки петроглифов (смачивание плоскостей);
- на копируемом материале на скальной поверхности.

В последнем случае отпадает необходимость какой-либо искусственной подводки, «усиления» на скальной поверхности контуров изображения.

На уровне фотосъемки общего вида скалы планиграфия плоскостей контрастно фиксируется светлыми «пятнами» после наложения на них копируемого материала.

Фотофиксация на различных уровнях производилась при наличии масштабной рейки или мерной ленты, расположенных по уровню горизонта или линии отвеса. Мелкие детали фиксировались при наличии миллиметровой шкалы со спектральной палитрой цветов. Продуктивной оказалась неоднократная съемка выбранного объекта с установленных точек в разное время суток, при различной степени освещенности, углу падения света. Фотоматериалы, таким образом, могут не только дополнять результаты исследований, но в ряде случаев «вскрывать» новую информацию о петроглифах, упущенную в ходе других работ.

Опыт проведения зимних полевых исследований памятников наскального искусства наряду с объективными неудобствами показал определенные положительные результаты. Это касается не только ряда аспектов в плане методики, о которых упоминалось выше.

Практика работ в зимних условиях свидетельствует о том, что труднодоступные в летнее время скальные плоскости удобны человеку для нанесения рисунков зимой, используя поверхность льда. Часто – непосредственно – стоя на льду, в ряде случаев – верхом на лошади (подтверждающим фактором последнего являются скотоводческие сюжеты на писаницах), иногда – используя лестницу или другие приспособления. Более того, замечено, что на ряде местонахождений соседствующие плоскости с рисунками в зависимости от режима реки доступны в разное время года. «Летние» изображения зимой скрыты под покровом льда; «зимние», напротив, с его поверхности становятся легкодоступными. В летний период ситуация диаметрально меняется. Соответственно, установление фактора *сезонности* наскальных рисунков раскрывает дополнительные возможности для их интерпретации, реконструкции различных сторон хозяйственно-культурной жизни древнего населения. Так в бассейне р. Маны в результате зимних исследований были выявлены основные направления путей древних скотоводов, передвигавшихся по замерзшим руслам таежных рек: их охотничьи тропы, караванные пути, маршруты перекочевок, миграций, военные походы. В основу данных выводов легли информационно-повествовательный характер сюжетов рисунков и общее направление движения персонажей «зимних» петроглифов, маркирующих траекторию древних коммуникаций (рис. 2 – 2).

В ходе полевых и камеральных исследовательских работ была определена и сакральная значимость мест пересечения зимних путей сообщения, где зафиксированы высокая концентрация писаниц и прева-лирование в рисунках сюжетов культового характера – изображения шаманской атрибутики, мифических персонажей, сцены камлания, композиции с участием астральных символов (рис. 2 – 2, 3). Разнообразие стилистических приемов, иконографических особенностей рисунков, случаи палимпсеста свидетельствуют об «интернациональности» данных культовых мест, популярности на протяжении длительного времени (рис. 2 – 1, 2). Соответственно, практика нанесения рисунков в условиях низких температур является не случайным фактором в наскальном творчестве, а одной из устойчивых традиций древних обществ. Все это актуализирует высказанный тезис о необходимости учета сезонной дифференциации наскальных рисунков при их интерпретации.

Таким образом, зимние полевые исследования могут являться не только вспомогательным, дополнительным средством поиска и выявления писаниц (рекогносцировочное обследование местности), но и одним из основных принципов всестороннего изучения памятников древнего наскального искусства, как в Северной Азии, так и на других территориях северных широт.

Литература

- Белокобыльский Ю. Г.* Бронзовый и железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). Новосибирск, 1986.
- Быкопя Г. Ф.* История Красноярск. Документы и материалы: XVII – первая половина XIX вв. Красноярск, 2000.
- Дэвлет М. А.* О методике полевого изучения наскальных изображений // КСИА. Вып. 202. М., 1990.
- Заика А. Л., Березовский А. П., Емельянов И. Н.* Писаницы Большого Манского порога // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 1996а.
- Заика А. Л., Березовский А. П., Емельянов И. Н.* Писаница Верх-Базаиха // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 1996б.
- Заика А. Л., Березовский А. П., Емельянов И. Н., Каява А. В.* Результаты работ в Манском и Мотыгинском районах Красноярского края // АО 1996 г. М., 1997.
- Заика А. Л.* Новые данные по наскальному искусству бассейна р. Маны // Сибирская локальноэтническая культурная ситуация в конце XX века: Мат-лы II Параславянских чтений. Красноярск, 1998.
- Заика А. Л., Макаров Н. П., Вдовин А. С.* Новые данные об исследованиях петроглифов р. Маны в начале XX века // Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово, 1998.
- Заика А. Л., Емельянов И. Н., Березовский А. П.* Результаты исследований таежных писаниц среднего Енисея // АО 1997 г. М., 1999.
- Заика А. Л., Березовский А. П., Раицкий А. А., Кузнецов А. Л.* Писаницы в устье реки Колба // География на службе науки, практики, образования. Красноярск, 2001.
- Заика А. Л.* Методика полевых исследований петроглифов: учеб.-метод. пособие. Новосибирск, 2006.
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л.* О зимних полевых исследованиях петроглифов (на примере Манских писаниц) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск, 2006.
- Заика А. Л.* О методике зимних исследований петроглифов // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. III. М., 2008.
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л.* Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: метод. пособие. Красноярск, 2008.
- Заика А. Л., Матвеев В. Е., Тихтерев А. С., Матвеев Е. Е., 2010.* Атамановская писаница (предварительное сообщение) // ЕП: Альманах. Вып. 5. Красноярск, 2010.
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л., Березовский А. П.* Зимние исследования петроглифов (предварительные итоги) // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Т. 2. Кемерово, 2011.
- Матвеев В. Е., Заика А. Л.* Новые петроглифы Атамановской писаницы // Археология, этнография, палеоэкология Северной Азии: проблемы, поиск, открытия. Красноярск, 2011.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М., 1999.
- Окладников А. П.* Звери и знаки Ярминского порога // Звери в камне (Первобытное искусство). Новосибирск, 1980.
- С. П. Крашенинников* в Сибири. Неопубликованные материалы. Л., 1966.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Lahelma A.* A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic to Interpreting Finish Rock Paintings // ISKOS. № 15. 2008.

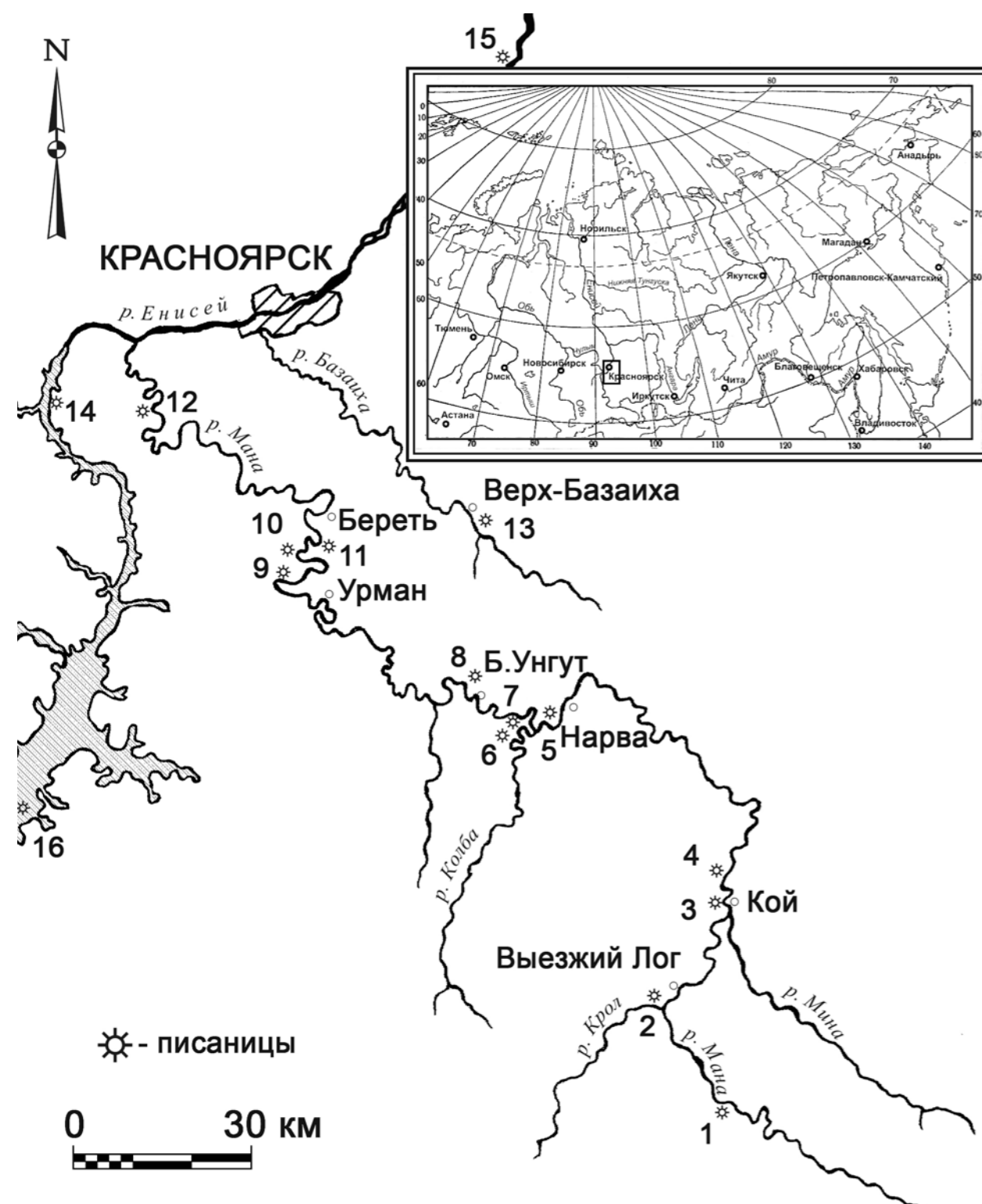

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников наскального искусства в бассейнах рек Енисей, Мана, Базаиха, исследованных в зимний период:

1 – Большой Манский порог; 2 – Выезжий Лог; 3 – Кой; 4 – Шкапчик; 5 – Колба-1; 6 – Колба-2; 7 – Борок; 8 – Унгутская пещера; 9 – Писанское плёсо; 10 – Тихий плёс; 11 – Гмелинский петроглиф; 12 – Глядунские высоты; 13 – Верх-Базаиха, 14 – Бирюсинская писаница; 15 – Атамановская писаница; 16 – Новоселовская писаница

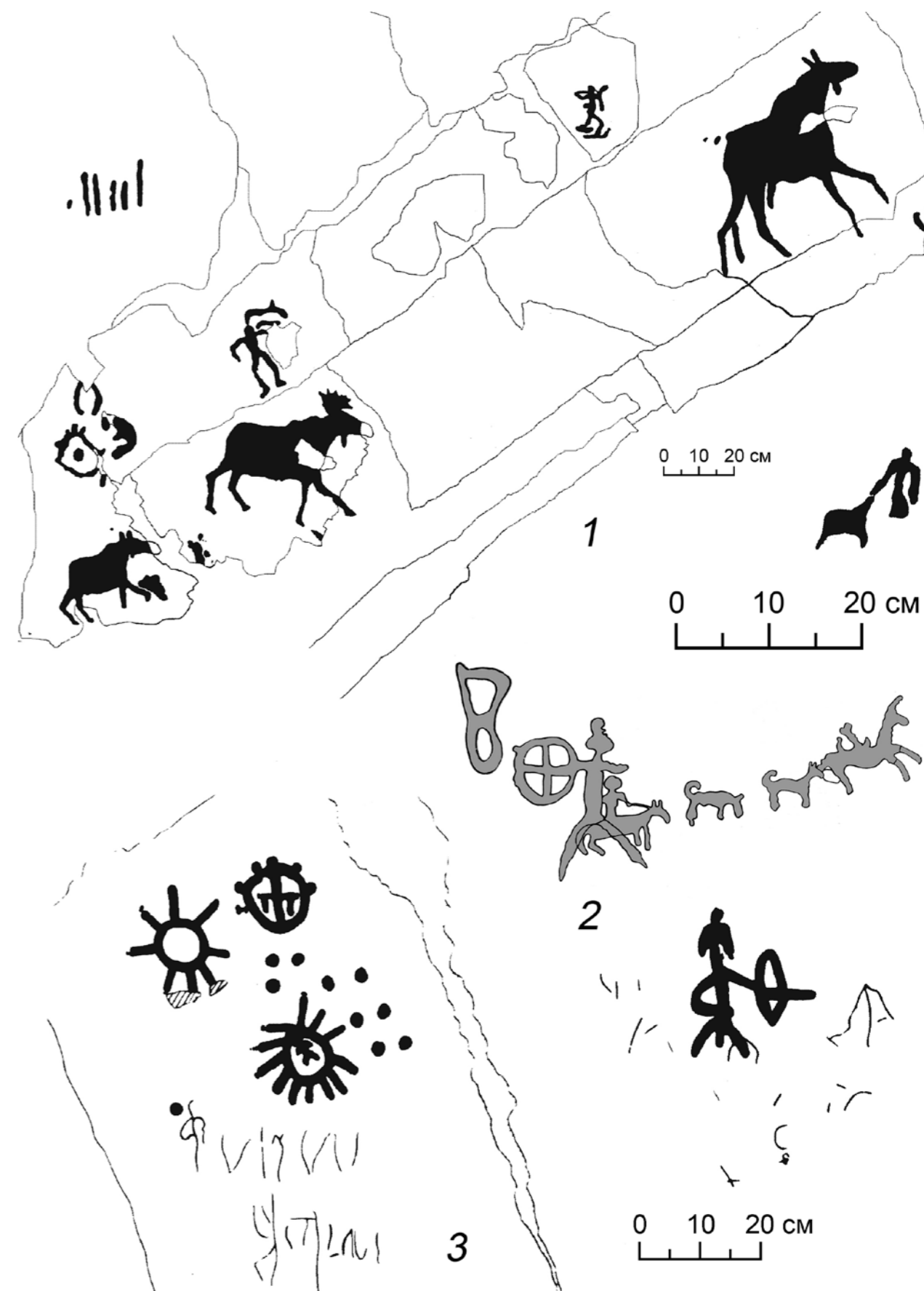

Рис. 2. Копии наскальных рисунков: 1 – Кой, плоскость 5; 2 – Писанское плёсо, плоскость 5а (фрагмент); 3 – Верх-Базаиха, плоскости 1, 2

А. Б. Пермиловская
ИЭПС УрО РАН

УНИКАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА: ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ, ОСВОЕНИЕ

Проект «Уникальные исторические поселения Русского Севера. Изучение, сохранение, развитие (освоение)» был начат в 2004 г. В основе представленного материала – исследования 10 архитектурно-этнографических экспедиций в Мезенский, Приморский, Красноборский, Котласский, Виноградовский, Каргопольский, Плесецкий, Холмогорский, Пинежский р-ны Архангельской обл., Великоустюжский р-н Вологодской области и Пряжинский р-н Республики Карелия. Кроме того, научные изыскания проводились в Национальном парке «Кенозерский», музеях под открытым небом «Малые Корель» и «Киж», 10 региональных музеев Архангельской области и Карелии, в архивах и фондах Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева, Российского этнографического музея, Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, Архангельском и Ненецком краеведческом музеях и др. Исследование построено на изучении уникальных исторических поселений и памятников народной архитектуры, с проведением фотофиксации, схематических обмеров, этнографическом анкетировании, с использованием метода исторической реконструкции поселения – создание историко-культурного опорного плана уникального культурного ландшафта России – с. Кимжа Мезенского района.

Используемое уже около двух столетий определение «Русский Север» – это не только устойчивое словосочетание, вобравшее в себя особенности российского менталитета, но и понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Культурный смысл северного поселения для современной России определяется тем, что это своего рода утопия, «*благословенная страна*». Русский Север – своеобразная территория, не столько изолированная пространственно, сколько обособленная духовно. Культурный смысл этих земель для России связан с тем, что на Русском Севере сложилась если не идеальная, то по-своему гармоничная система организации жизни, которая в России не была востребована. Бытие Русского Севера – это модель жизни относительно свободного – даже в эпоху крепостничества – и независимого, экономически обеспеченного, верующего русского крестьянина, «государственника» по своему мышлению.

В качестве «*репрезентативного объекта культурного ландшафта XIX – начала XX века*» было выбрано с. Кимжа Мезенского р-на Архангельской обл., послужившего основанием построения концептуальной модели, представленной в настоящем научном исследовании. Данная модель позволяет осуществлять междисциплинарные исследования историко-культурной среды российских регионов. Избранное нами с. Кимжа является одним из наиболее архаичных сельских архитектурных комплексов России. Здесь сохранились традиционная планировка, деревянная архитектура XVIII–XX вв., а также различные артефакты и ритуалы народной культуры, включая фольклор, традиционную систему природопользования и уклад жизни.

Исторические и архитектурно-планировочные особенности с. Кимжа. Данный населенный пункт находится на СВ Архангельской обл., в 30 км от г. Мезень, верхнем течении одноименной реки, 2 км от впадения в нее р. Кимжа, на естественном полуострове. Археологические исследования, проводившиеся в окрестностях Кимжи, с достоверностью говорят о наличии здесь древних поселений, датирующихся от мезолита (VIII–VII тыс. до н. э.) до раннего средневековья (X в.) [Гаврилова, 1974–1987; Беличенко, 2006]. Саму же Кимжу основали выходцы с Пинеги – в начале XVI в. В XIX в. жители Кимжи занимались земледелием, скотоводством и рыбной ловлей. Земледелие ограничивалось выращиванием ржи и ячменя, которые, довольно часто не созревали. Главным занятием кимженских крестьян была ловля рыбы, преимущественно – семги. Местные жители занимались также морским и зверобойным промыслами, на своих карбасах ходили на п-ов Канин. В 1865 г. в селе стояло десять ветряных мукомольных мельниц и две кузницы. На Кимжу выходил зимний тракт из Архангельска на Мезень и Печору, проходивший через Пинегу и Малую Немногу, поэтому кимжане занимались и извозом. Заметное место в жизни деревни принадлежало ремеслам. В 1865 г. в Кимже насчитывалось 10 плотников, 2 кузнеца, столько же столяров и гончаров; 15 человек ткали пестряди и сукно. В десяти отдельных избах выделывали кожи [ГААО, 1865].

Кимжа идентифицируется нами как естественно сохранившийся заповедник народной архитектуры, природный и историко-культурный феномен. В ходе исследований нами было выявлено 107 памятников народной архитектуры, установлены их датировка, владельцы, архитектурно-конструктивные особенности. Записаны легенды. Выполнена реконструкция исторического поселения, утраченных артефактов народной архитектуры, топонимическая структура. Нами также было установлено, что с. Кимжа может рас-

сматриваться как модель сельского мира и «смыслополагания» народной архитектуры Русского Севера, которая сохранилась до настоящего времени. О соответствии модели свидетельствует **центр крестьянско-го мира – храм Одигитрии** (постройки 1709 г.). Он является одним из трех сохранившихся памятников культового зодчества редкого типа – «шатер на крещатой бочке», основным ареалом распространения которых были бассейны Пинеги и Мезени. Нами было выдвинуто предположение о том, что многие пинежско-мезенские храмы возводила одна артель плотников, использовавшая общие приемы в строительстве культовых сооружений и передававшая свой опыт следующим поколениям. Известен даже глава плотницкой артели – Иев Прокопьев. Вышеупомянутый тип храма появился во второй половине XVII в. Он был творческим ответом северных зодчих на церковные реформы патриарха Никона (1654 г.), одним из положений которых было запрещение строить на Руси шатровые храмы. Именно в этот период получили распространение компромиссные формы культовых построек между шатром и пятиглавием – «кубоватые» (Онега, Каргополье, побережье Белого моря), а также «шатер на крещатой бочке» (Пинега, Мезень, Поважье). Одна из версий возникновения подобного типа храма – существование в зоне межэтнических контактов русского и аборигенного финно-угорского населения.

Одигитриевской церковь – архитектурная доминанта поселения (рис. 1; 2). Храм обращен одновременно к реке и главной площади села, которую окружали дома богатых кимженских крестьян. Он неразрывно связан со всем окружением и в тоже время главенствует над округой. При высоте 38 м храм вертикально противостоит горизонтальным линиям берега и вытянувшегося на 1,5 км селу. Основное помещение храма – четырехгранный сруб на высоком подклете, с В расположен пятигранный алтарь, перекрытый килевидной бочкой-«*кокошником*», с З – просторная трапезная, колокольня и двухвходное крыльцо. Завершение церкви – пять усеченных шатров, вырастающих из комбинации четырех килевидных бочек, выполненных в лучших традициях русского деревянного зодчества. Нами установлено, что строительство рядом стоящей «*колокольницы*» на пяти столбах датируется 1763 г. Интерьер церкви не сохранился, от бывшего величия остались только два резных столба в трапезной. До 1800 г. церковь отапливалась по-черному. Курная печь была устроена в трапезной, о чем свидетельствует архивный рисунок церкви с дымоходом и ее описание: «*в трапезе печь черная бита глиняна устьем в трапезу*» [ГААО. (1800)]. Следы закопчения стен сохранились до сих пор. В начале XVII в. с оживлением земской деятельности и местного самоуправления, меняется роль трапезной. Она по своему назначению в северных церквях была светским гражданским помещением и служила для общественных нужд крестьянского мира. В 1894 г. в трапезной Одигитриевской церкви была открыта церковно-приходская школа. О дальнейшей судьбе храма можно узнать из воспоминаний местных жителей: церковь была закрыта около 1936 г. и в дальнейшем использовалась как склад. В настоящее время она находится в длительной и не всегда удачной реставрации.

Культурный ландшафт с. Кимжа складывался столетиями, с начала XVI в. Рассматривая сельский ландшафт Русского Севера, в данном случае в форме уникального по сохранности исторического поселения, каковым является Кимжа, необходимо отметить роль как природного, так и культурного фактора в его формировании. В строительной культуре Русского Севера большое значение имел выбор места для строительства дома, храма, деревни. Жизнь крестьянина с древнейших времен была связана с водой. Селения, расположенные на берегу реки или озера, в открытом поле или на высокой горе, у воды или у леса, всегда господствовали над местностью, становясь центром окружающего их ландшафта. Кимжа расположена на высоком берегу реки с одноименным названием. Речные берега, имеющие выраженный красный цвет, образованы красноцветными песчаниками – мергелем (рис. 2). Анализируя планировку северных деревень, нужно отметить, что народные зодчие, не зная о существовании архитектурно-градостроительной науки и ее принципов, интуитивно правильно выбирали место поселения и его границы, размещая их в пространстве масштабно человеку.

Уникальность культурного ландшафта не может рассматриваться в отрыве от мифо-ритуальных истоков: того, что называется «*духом места*». Мифология местности, духовная культура, фольклор, топонимика составляют «невидимую» сторону живого этнокультурного ландшафта [Калуцков, 2000. С. 12]. Поселение разделено на следующие части: *Нижний Конец*, *Середняя*, *Верхний Конец*, *Заручье* (дома за ручьем). Набережная называлась *Погорки*, *Крюк*, *Скаконки* (места около леса), *Матренино поле* – пастбище для скота на берегу реки. Места захоронений: *Старое кладбище*, *Белая Виска*, *Замочище*.

Особое место в культурном ландшафте с. Кимжа занимают **кресты**. Деревянные кресты часто называют «обетными» («*оветными*»), хотя значение и случаи, по которым они ставились гораздо шире. Они могли действительно возводиться по обету – это своего рода благодарность Богу. По рассказам моряков в опасные для их жизни моменты, выйдя на берег живыми, они ставили обетный крест на берегу моря, или в непосредственной близости от места спасения; или у себя в деревне, около дома. Другим поводом для возведения обетных крестов служили болезни, чаще детские. Самой распространенной формой обета было обещание пожертвовать «на крест» отрез материи или полотенце. Высокие, с двухэтажный дом, обетные кресты

Мезени и Поморья украшались также фартуками, платками, куклами, сюда клали деньги. При этом чем тяжелее болезнь или серьезнее опасность, от которых удалось избавиться, тем длиннее отрез дарственной материи. Существовали особо почитаемые кресты, к которым ездили за многие километры из других деревень. Местоположение деревянных крестов могло быть самым различным: на месте сгоревшей церкви, при дорогах, близ часовни или внутри культовых построек, около источника, за деревней, на скотном выгоне, в лесу, на берегу реки, возвышенном месте, мысу, среди пахотных полей, в усадьбах крестьян, при въезде в село, на перекрестке дорог, на берегу моря.

Деревянные кресты играют большую роль в культурном ландшафте мезенских поселений. Они являются архитектурными произведениями, в миниатюре воспроизводившими все элементы и декоративные детали, присущие деревянному зодчеству. На берегу р. Мезени, в 1,5 км от Кимжи находится обетный крест в Заборе, поставленный в 1887 г. купцом Савиным «в память о спасении от утопления в р. Мезени». Это характерный для Русского Севера восьмиконечный крест (рис. 3). Его основной вертикальный брус пересекают три перекладины: две горизонтальные и одна наклонная. Основание креста укреплялось в земле. Горизонтальные и косая перекладины – атрибуты креста, несшего функцию орудия казни: на нижнюю распятый опирался ногами, на среднюю простирались руки, а над головой казнимого находилась дощечка с надписью, позже превратившаяся в верхнюю короткую перекладину. Создатели крестов ориентировались на церковные каноны, соблюдали принятые пропорции, обязательно украшали крест резьбой. В качестве надписей использовались изречения из Евангелия, целые предложения или его части. Последние записывались с помощью сокращений и определенных символов – криптограмм, составленных из старославянских букв под «титлами». Они создают облик таинственности, святости и неповторимости креста. Украшение же креста письменами и орнаментами – это не только исполнение общепринятого канона, но и способ выражения мыслей и чувств, форма обращения к Богу, к предкам и потомкам. Вероятно, в этом и состоит основное предназначение креста и заключается его необычайная привлекательность и ценность. С особой почитательностью кимженскому кресту поклоняются и в настоящее время. Подтверждением этому служит традиция ежегодно на Пасху шить рубашку из белого полотна с вышитым крестом посередине и одевать ее на крест. Прихожане несут к святому месту приношения: деньги, конфеты, свечи, детские игрушки, отрезки материи, платки.

Второе сакральное место Кимжи находится в районе кладбища в Белой Виске. Крест «спрятан» в лесу между старыми елями. Пространство, осененное христианской святыней, считалось святым и поэтому относительно безопасным для человека. В культурном ландшафте Русского Севера значительная часть крестов и часовен расположена на окраине поселения, в непосредственной близости к лесу. Сакральный смысл этой традиции заключается в нейтрализации опасного места путем возведения христианской святыни.

Кресты в Кимже часто сооружались из лиственницы. Местоположение их было различным: в усадьбе, на дорожке, позади дома. Иногда их ставили на «переду» дома, около «святого» угла. В Кимже существовал обычай постановки фамильных крестов и их наследования. Часто от дома вслед за хозяином они переносились на кладбище: «Крест стоял у дома; когда хозяйка умерла, его поставили на ее могилу». Здесь существовал обычай хоронить умерших рядом с домом, гумном, овином, амбаром, за околицей, у мельниц. Это был своеобразный языческий оберег, удаленной от больших дорог Кимжи, от невзгод, неурожаев, опасностей. Подтверждением этому служат просьбы жителей похоронить их рядом с собственным полем, дорогой к семейным земельным угодьям, напр. «Похороните меня рядом с полем, я всю семью охранять буду». Историческая память жителей с. Кимжа свидетельствуют о сохранившемся культе предков, что отразилось в традиции захоронения около земельных угодий, наличие фамильных крестов, наследования крестов и перенос их от дома на кладбище в случае смерти владельца. Нами были обследованы ряд артефактов, в том числе уникальный фамильный крест Немнюгиных – центральный в семейном захоронении. После установления Советской власти постановка крестов была запрещена, но кимженские крестьяне хранили их, прятали в хозяйственной части дома, а затем переносили на кладбище.

Народная архитектура представлена в Кимже артефактами *гражданского (хозяйственного) зодчества*. Здесь гармонично соединились два типа планировки: прибрежно-рядовая и уличная, берег реки фрагментарно укреплен подпорной стенкой. В поселении встречаются *жилые дома* двух типов: *пятистенки* и *шестистенки*. Они отличаются большими размерами, пропорциональностью, стройностью силуэта. Декор подчеркивает архитектурно-конструктивные детали кровли, ворот, окон и часто имеет окраску в красный цвет. Почти на всех домах сохранилась безгвоздевая (самцовая) кровля, причем охлупень расположен как со стороны жилой, так и хозяйственной части. Он оформлен в виде небольшой стилизованной скульптурной формы, конской головы. Часть домов имеет на конце охлупня настоящие лосиные или оленьи рога. В этом можно увидеть следы почитания оленя, культ которого, был свойственен отдельным русским районам и нашел отражение в известной мезенской прялочной росписи. Характерной особенностью северных домов было то, что они строились «своими руками», то есть конкретным человеком из чис-

ла «родоначальников». Это усиливает значение принадлежности дома роду (через фигуру его строителя), а также характеризует личность предка или старшего родственника. Многие дома в XIX в. строились «на два хозяина»: они могли принадлежать двум братьям, поэтому имели не только два входа в дом с разных сторон, но и два взвоза. Это отражало изменения в большой неразделенной крестьянской семье в конце XIX в. Кимженские избы имеют точную датировку: на консолях домов первого порядка вырезаны даты строительства: 1901–1914, 1932 г., второй порядок датирован 1897–1914 г. Нами был выявлен самый старый дом Федора Сафонова (1849 г.). *Дома-дворы* А. Ф. Мигали («*Политов дом*»), Е. И. Сафоновой, Н. Г. Митькина, В. В. Митькиной, Н. А. Сафоновой, которые были впервые обследованы нами и вводятся в научный оборот, служат отражением народной архитектуры и ментальности крестьян Русского Севера.

Хозяйственная архитектура представлена ветряными *мельницами-столбовками*, амбарами и банями. В Мезенском уезде ветряные мельницы сплошным кольцом окружали поселения, образуя своеобразные мельничные городки. Например, в конце XIX в. в д. Азополье насчитывалось около 30 мельниц. На Русском Севере получили распространение мельницы «столбовки» и «шатровки». Все мезенские мельницы принадлежат к самому древнему типу «мельниц-столбовок на ряже», которые получили широкое распространение как в России, так и странах Западной Европы. В Кимже ранее было десять ветряных мельниц. В настоящее время сохранилось две и фундамент от третьей. Они находятся на окраине поселения, неподалеку от старого кладбища. Одна из них, принадлежавшая П. И. Дерягину, была построена «5 мая 1897г.». Во время советской власти была конфискована у хозяина и работала до 1960-х годов как колхозная. Другая мельница, принадлежавшая А. Н. Воронухину, не была достроена. Время ее сооружения 1920–1922 гг. После образования колхозов строительство индивидуальных мельниц было запрещено. Кимженские мельницы, самые северные в мире, дают полное представление об архитектурно-конструктивных достоинствах народной архитектуры Русского Севера. Хозяйственная архитектура представлена также индивидуальными и общественными *амбарами для хранения зерна*. В амбарах хранилось все самое ценное и дорогое. По внешнему виду и размерам постройки определяли благосостояние семьи: «*есть в амбаре – будет и в кармане*». Конструкция бревенчатого амбарного сруба почти ничем не отличается от подобных построек в других районах Севера. Сруб ставился на нижние венцы, часто усиленные своеобразным фундаментом из камней. Другая конструктивная особенность – расположение амбара на деревянных столбиках. В ряде случаев использовался естественная постройка на рельефе местности. В Кимже амбары сохраняют традиционное расположение, как в структуре усадеб, так и на деревенской улице. Сохранилась группа общественных двухэтажных амбаров около церкви. *Черные бани* строились в Кимже как в XIX в., так и в настоящее время. Баня состоит из двух частей: предбанника с лавками и собственно бани. Внутри бани – около входа печь-каменка, полки и лавки вдоль стен. Отверстие для выхода дыма расположено в потолке или в боковой стене около каменки. Хозяйственные постройки активно участвуют в формировании архитектурного комплекса усадьбы, ансамбля деревенской улицы и культурного ландшафта северных поселений.

Традиционная культура с. Кимжа представлена редким для сельской местности производством – *меднолитейным промыслом*. Его основателем был род Дерягиных. Ассортимент кимженских литейщиков был довольно широк: украшения для оленьей и конской сбруи, поддужные колокольчики, пряжки-схватки для ремней, коровьи колокольцы-ботала, цеховые бляхи коновалов, прикреплявшиеся к сумке коновальских инструментов. Кимжа – единственное место в Архангельской губернии, где в XIX – начале XX в. отливали церковные колокола.

До настоящего времени здесь сохранился *традиционный мезенский костюм*. Это характерный образец народной одежды, который сформировался на основе нескольких культурных традиций: русских Поморья, Центральной России, а также коми-зырян и ненцев.

Культура повседневной жизни крестьянской семьи создавалась на протяжении нескольких поколений и составляла определенную традицию мышления и поведения. Повседневная жизнь крестьян представлена в *народных рассказах*, сохранившихся в памяти ее носителей. Крестьянство испытывало необходимость заручиться поддержкой предков, поскольку традиционно воспринимало мир в категориях прошлого опыта. От предков ждали помощи, содействия в делах. Культ предков опирался на архетипические представления, позднее представая в контексте традиционных культурных смыслов – почитания и сохранения памяти о них.

Изучению и феномену Кимжи посвящено не так много научных работ. Это статьи о самом поселении [Мильчик, 1971. С. 100–110] и его церкви [Лисенко, 1975. С. 70–78; Лютикова, 1989. С. 136–145]. О Кимже широко писала центральная и региональная пресса, был создан ореол, своеобразная аура этого места.

По научному проекту «Уникальные исторические поселения Русского Севера...» была обследована застройка села, выявлены памятники архитектуры, установлена их датировка, предварительно определено их общее количество. Проведены обмеры построек, собран полевой этнографический и исторический материал, записаны рассказы местных жителей о строителях, владельцах и наследниках этих памятников.

Для исследования культурного ландшафта выполнен историко-культурный опорный план с. Кимжа, который используется как метод изучения и сохранения традиционных поселений Русского Севера. В нем были отражены планировка и топонимическая структура поселения, местонахождение жилых, хозяйственных и культовых построек. Среди последних выделены церковь, обетные кресты, сакральные места, часовни, кладбища. В ходе исследований проведена реконструкция исторического поселения. Представлены и нанесены на историко-культурный опорный план не только существующие, но и утраченные объекты культурного ландшафта. В Архангельской области эта работа по традиционным поселениям и сельским культурным ландшафтам выполнена впервые. Результаты и общее направление исследования получили апробацию и поддержку на 20 конференциях в России, Белоруссии, Финляндии, Голландии. По данной теме было опубликовано более 20 статей [Пермиловская, 2010. С. 520–522]. Итог работы по проекту был подведен на научном семинаре-презентации проекта «Кимжа – уникальное историческое поселение Русского Севера. Изучение, сохранение, развитие» в Институте экологических проблем Севера УрО (2007 г.). Кроме научной стороны вопроса, цель семинара-презентации заключалась в привлечении внимания политиков, администрации Архангельской области, научной и культурной общественности, СМИ к сохранению уникального поселения. Материалы, собранные во время работы над научным проектом, легли в основу написания обобщающей монографии [Пермиловская, 2010].

Согласно Федеральному закону № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» охрана уникального поселения Кимжа возможна в форме «Достопримечательное место» федерального уровня. Проект по его созданию даст возможность формировать культурные бренды российских регионов на примере конкретных территорий, обладающих высокой степенью насыщенности объектами культурного наследия и сохранением живой традиционной культуры, способствует развитию научного, культурного, событийного туризма. В России нет подобного опыта работ по сохранению сельских поселений. Полагаю, что созданием в Архангельской области «Достопримечательное место с. Кимжа» возможно создание прецедента по сохранению традиционных сельских поселений в России как особой территории культурного и природного наследия.

Источники и литература

- Гаврилова И. В. Материалы экспедиций в с. Кимжа. 1974–1987 гг. Архив АОКМ.
 Беличенко А. Е. Материалы экспедиций в с. Кимжа. 2006 г. Архив АОКМ.
 ГААО. 1865. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 27–28.
 ГААО. (1800). Ф. 831. Оп. 4. Т. 6. Д. 6992. Л. 9об.
 Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000.
 Лисенко Л. М. Национальные особенности памятника деревянного зодчества в с. Кимжа. // АН Архитектурное наследие. Вып. 23. М., 1975.
 Лютикова Н. П. «Шатровая о пяти главах» (новые материалы об Одигитриевской церкви в с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989.
 Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971.
 Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010.

Рис. 1. С. Кимжа. Мезенский район, Архангельская область. Фото А. Б. Пермиловской. 2004 г.

Рис. 2. Одигитриевская церковь (1709 г.). С. Кимжа, Мезенский район. Фото А. Б. Пермиловской. 2007 г.

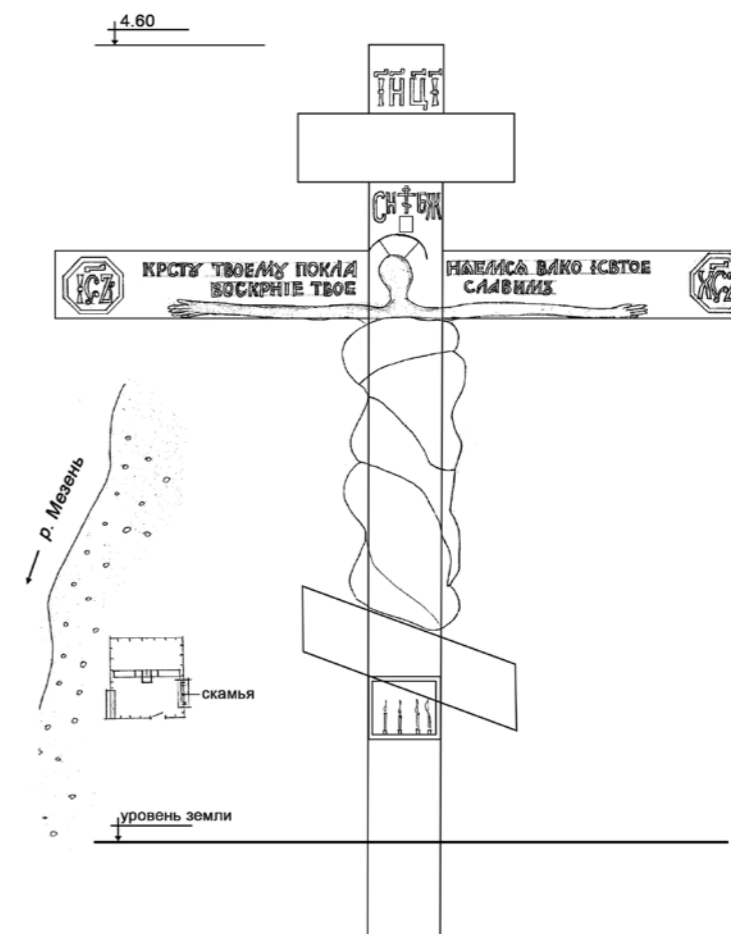

Рис. 3. Крест в Заборе (1887 г.) на берегу р. Мезень, близ с. Кимжа. Архангельская область. Научная информация А. Б. Пермиловской; обмеры – Н. Подобиной. 2007 г.

А. А. Тюняев
г. Москва
ВЦ РАН им. А. А. Дородницына

Табл.1 (продолжение)

**ДИНАМИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ РУССКОЙ РАВНИНЫ ПО ДАННЫМ ОТДЕЛА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СВОДОВ И КАРТ ИСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН**

В предыдущем докладе [Тюняев, 2010а. С. 242] мы впервые обратились к теме изучения динамики археологических памятников. Для анализа была выбрана Русская равнина – ввиду того, что по этой территории Отдел археологических сводов и карт ИА РАН выпустил многотомное научно-справочное издание «Археологическая карта России (по областям)» (далее – АКР). На сегодняшний день в ней хранятся паспорта на 42 тыс. памятников археологии из 66 регионов России.

В АКР памятникам по каждой области РФ посвящен отдельный выпуск. Каждый выпуск содержит в сжатой форме сведения о памятнике: его название, тип, местоположение, история обнаружения и исследования, характер и особенности, датировка и культурная принадлежность, основные находки, современное состояние, интерпретация, места хранения коллекций (для памятников, изучавшихся стационарными раскопками), литературные и архивные источники. Основные источники для написания книг серии АКР – публикации, архивные материалы, паспорта памятников.

Для полноты картины к исследованию привлечены также материалы II (XVIII) и III (XIX) ВАС, проведенных ИА РАН, а также другими научными учреждениями России, участвующими в этом научном изыскании. Почерпнутые из этих источников сведения о памятниках раннего – верхнего палеолита включены в итоговую таблицу. Это дополнение позволило точнее сформировать палеолитические пласты нашего исследования.

Распределение памятников не является равномерным. Во-первых, из 42 тыс. памятников, зарегистрированных в 66 регионах России [Археологическая карта России..., 1993–2005], более половины, а именно 57% (24 090) памятников, было обнаружено всего в 11 (17% их общего числа) регионах Центральной России. Во-вторых, при средней общероссийской плотности 636 памятников на регион максимальная доля – 5 700 памятников (14% всех памятников) – находится в Тверской области Центрального района Европейской части России, т. е. в центре Русской равнины.

По данным опубликованных источников [Археологическая карта России..., 1993–2005; Труды III (XIX), 2011] сформирована табл. 1. В ней представлены памятники, распределенные по областям РФ и по времени датировки памятника. Полученная таблица имеет несколько измерений: 1 – глубина по временной оси для каждого региона; 2 – дислокация каждого географического региона в реальном пространстве поверхности Земли; 3 – количество памятников в конкретную эпоху в конкретном регионе РФ.

Таблица 1

**Археологические памятники Центральных областей России:
распределение по хронологическим периодам**

Область	Хронологическая периодизация									
	Ашель	Мустье	Верхний палеолит	Мезолит	Неолит	Бронза	Ранний железный век	Средневековье		
								Раннее	Развитое	Позднее
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Брянская	0	10	22	29	132	221	252	63	363	18
Владимирская	0	0	5	57	176	67	37	62	286	149
Ивановская	0	0	0	19	108	40	24	9	144	173
Калужская	1	0	7	87	94	32	132	233	182	346
Костромская	0	0	0	57	235	63	35	31	102	71
Курская	1	1	16	5	59	315	446	279	213	142
Московская	2	1	12	173	371	171	329	276	895	1170

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Орловская		0	0	2	1	16	28	106	38	74	93
Рязанская**		0	0	8	75	306	589	376	150	385	960
Смоленская		0	0	4	21	167	29	273	233	512	161
Тверская		0	0	5	390	950	157	244	382	414	319
Тульская		2	0	3	23	61	78	267	152	203	1164
Ярославская		0	0	3	180	690	194	220	308	470	182
Всего		6	12	87	1117	3365	1984	2741	2216	4243	4948

Анализируя табл. 1, прежде всего, отметим, что за время, которое охвачено границами табл. 1, количество археологических памятников, приуроченных к Русской равнине, росло. Вместе с тем в некоторых областях исследуемого региона РФ наблюдались локальные спады. Кроме этого, между областями исследуемого района данные о памятниках одного и того же периода сильно разнятся. Например, в мезолите Московской области отмечено 173 памятника, а в мезолите Курской – всего 5.

Различна динамика памятников не только по исследуемой площади, но и по периодам. Например, «проигрывая» в мезолите по количеству памятников Московской области в железном веке Курская область уже обогнала ее: 446 памятников против 329.

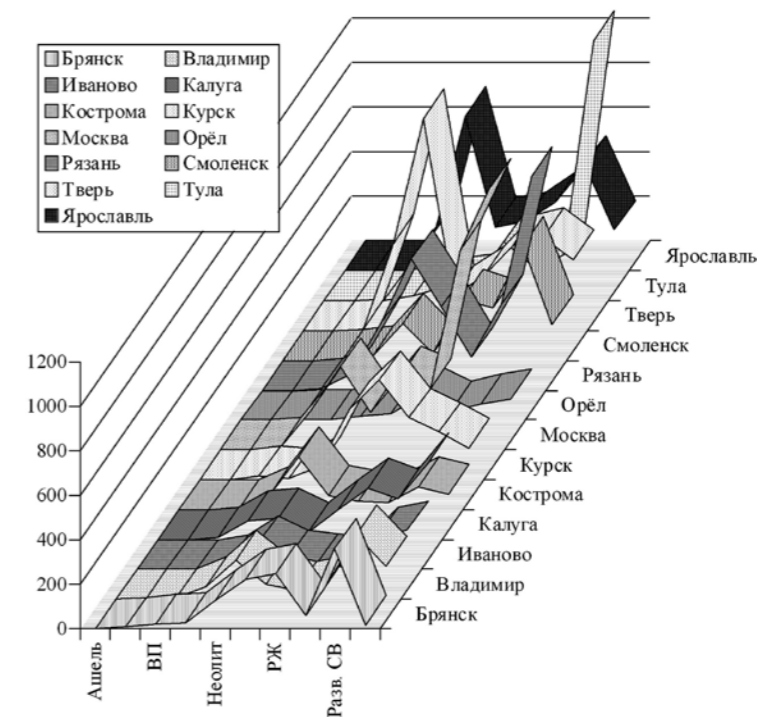

Рис. 1. Динамика археологических памятников по центральным областям России

На рис. 1 представлены графики динамики памятников по областям. Очевидно, что развитие (следовательно, и заселение) регионов в разные времена шло разными темпами. Наиболее динамично развивающимся регионом в мезолите – неолите была Тверская область, но в бронзе и железном веке она заметно обезлюдела. С чем связаны эти процессы – разбираться нужно специалистам.

Аналогичная картина заселения и последующего спада количества памятников наблюдается в Ярославской, Рязанской и Московской областях. Сложная ситуация в Брянской, Владимирской, Ивановской и других областях. Здесь высокой динамики не наблюдается, хотя, например, Владимирская область является привлекательным районом для заселения человеком.

Графическое изображение развития того или иного региона наглядно показывает, как заселялся регион и в какие сроки. Однако плоские графики не отражают полноты всей картины. Поэтому нами был разработан вариант объемных графиков (рис. 2), для создания которых та же самая статистическая информация была переработана следующим образом. «Подосва» каждого графика соответствует исследуемому географическому региону. Здесь цифры означают: по одной оси 51–58 с. ш., по другой оси 31–43°.

К. Ю. Эйдемиллер
г. Санкт-Петербург
РГПУ им. А. И. Герцена

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Проблема сохранения исторического и культурного наследия как таковая актуальна не только для России или локально Ингерманландии. Это, безусловно, общемировая проблема, в решении которой одним из самых главных вопросов является выбор подходов и методов. Географические и историко-географические исследования опираются на системный подход и различные методы моделирования геокультурного пространства.

Специфика Ингерманландии как историко-культурного региона Северной Европы заключается в особенностях ее географического положения в территориальной надсистеме:

- на перекрестке великих водных путей меридионального и широтного направлений («из Варяг в Греки», «Великого Волжского» и др.);
- на главном водоразделе Атлантического, Северного Ледовитого океанов и бассейна внутреннего стока;
- столичные функции этих территорий, следовательно, их экономическая и политическая привлекательность с глубокой древности до наших дней [Паранин, 1990].

Не случайно, что именно здесь сложилось ядро государства, подчинившего со временем территории практически всей Восточной Европы, Средней Азии и Сибири до Тихого океана, а также за его пределы. Во многом это объясняется и колоритом северного архетипа – в умении преображения для жизни того места, где, как может показаться, отстывает сама жизнь и природа. А так как жизнь – это борьба, территория региона насыщена культурными достопримечательностями, в том числе военно-фортификационного характера.

Споры о том, что и где есть Ингерманландия¹ (и какова этимология топонима) не прекращаются до сих пор. Ингрией, начиная с XII в., называлась территория, расположенная по обе стороны р. Невы между Карелией (ее юго-западной части, то есть Карельским перешейком, Эстонией и Новгородской республикой). Рубежами, которые ограничили территорию Ингерманландии в XVII в., служили на 3 р. Нарва, а на Карельском перешейке – р. Нева (со второй половины XVII в. – р. Сестра) (фин. Rajajoki). Восточной границей считался берег Ладоги и р. Лава (фин. Lavajoki), южной границей р. Луга (фин. Laukaanjoki). Самыми древними жителями являлись представители народности *водь* (фин. Votjalaiset). От слова «водь» Новгород назвал все эти земли Водской пятиной. К ним же относились переселившиеся с Карельского перешейка *ижоры*, после чего территорию современной Ингерманландии пытаются обозначить как «Землю Ижорскую», что само по себе и не логично, и нелепо.

Исторические границы Ингерманландии можно обозначить по наличию в регионе специфических средневековых памятников федерального значения – крепостей. Пусть сегодня они представляют собой лишь исключительно историко-культурную ценность и визуально-туристический интерес, но каких-то 500 лет тому назад, быть в этой крепости значило контролировать достаточно большие и пространственные области. Так, с 3 это была *Ивангородская крепость*, с ЮЗ – *Копорская крепость*, с СВ – *Любшанская крепость*, на смену которой пришла *крепость Орешек*, на С – исчезнувшая ныне *крепость Кабиула* (уничтожена во время Северной войны), в центре, в устье рр. Нева и Охта – *крепость Ландскрона*, позднее более совершенная – *Ниеншанц (Нию) ен*). Таким образом, если руководствоваться современной топонимикой, то это территория г. Санкт-Петербурга, а также Волосовский, Всеволожский, Гатчинский, Кингисеппский (включая так называемую «Эстонскую Ингерманландию»²), Ломоносовский, Тосненский р-ны Ленинградской обл., а также западная часть Кировского р-на до р. Лава. Как раз именно сегодня, не эти, но другие, исторически чуть менее значимые памятники военной архитектуры – насколько возможно применить это обозначение – находятся под угрозой исчезновения.

Развитие региона после практически четверть векового застоя – явление долгожданное и назревшее. Однако вся проблема заключается в том, что на этой глобальной – по отношению к региону – стройке под угрозой оказались объекты как не столь отдаленного прошлого, которые имеют еще некие аналоги на тер-

¹ Ингерманландия (рус. Ингрия, Ижора, Ижорская земля; швед. Ingermanland; фин. Inkeri, Inkerinmaa; эст. Ingeri, Ingerimaa; др.-рус. Ижера, Ижерская земля) – этнокультурная и историческая область на СЗ современной России. Располагается по берегам Невы, ограничивается Финским заливом, р. Нарвой, Чудским озером на 3 и Ладожским озером с прилегающими к нему равнинами на В. Ее границей с Карелией считаются рр. Сестра и Смородинка.

² Исторический и этнокультурный регион, расположенный на 3 Кингисеппского р-на Ленинградской обл. Он представляет собой узкую полосу земли, вытянутую в меридиональном направлении вдоль границы с Эстонией по р. Нарва, ограниченную Финским заливом на С и Нарвским водохранилищем на Ю. Территория современных городского и сельских пос. Ивангородское, Куземкинское и северо-западной части Большелуцкого.

ритории РФ, так и памятники более древних эпох, которые могут и не иметь никаких сохранившихся до наших дней аналогичных структур и конструкций. В Петербурге еще до сих пор не утихли страсти в связи с проектом «Охта-центра» (до марта 2007 г. – «Газпром-сити»). Он чуть не поставил под вопрос не то что сохранность целых пластов памятников в устье р. Охты, а просто их физическое существование [Пять тысяч лет...], как тут же следом за ним разгораются все новые, не менее громкие скандалы. Расширение пространства города, особенно, что касается жилых массивов, а также грандиозных по своим масштабам строек федерального значения, таких как возведение Западного скоростного диаметра (ЗСД), проект «КАД-2» [Чиновники отказались...], проекты «Ново-Адмиралтейского моста» [Ново-Адмиралтейский мост...] и «Нового зоопарка в Юнтолово», – очевидно, что они уже сегодня начинают угрожать выявленным памятникам исторического, культурного и природного значения [Ученые и экологи...].

Печальные истории утраты памятников Карельского перешейка вблизи Ингерманландии в ходе таких «строек века» уже имели место быть в отечественной истории. *Мульский ретраншемент* и *Сувек-шанец* были повреждены при спрямлении Восточно-Выборгского (Верхне-Выборгского) шоссе [Назаренко, Смирнов, 1998]. Затем почти полностью они были уничтожены во время боев на знаменитой «линии Маннергейма». Пока еще сохранившиеся *Улицкий* и *Кивиниевский шанцы* могут погибнуть, первый – в лесной чаще [Улицкий шанец...], а последний – в ходе строительства дороги Лосево – Каменногорск [Строительство дороги...]. Создается впечатление, что на высшем уровне эта проблема не возникает, а на самом низком – муниципальном, откровенно замалчивается. До сих пор эти ценные образцы военно-инженерного искусства прошлого остаются бесхозными, не являясь официально историческими памятниками!

Чтобы не быть голословными, приведем пример судьбы малоизвестного памятника военной архитектуры, именуемого в народе как «Крепость в Осиновой Роще» (или, если быть точными в терминах: «*Осиновецкий редут*»), и ситуации, которая разворачивается не в исторической перспективе, а прямо на наших глазах. Никаких документов о его строительстве не обнаружено. Официальная история выбранного нами памятника начинается в последней четверти XVIII в.: предположительно, это 1789 г. Практически весь советский период памятник находился на территории воинской части особого назначения со штабом 63-й гвардейской мотострелковой дивизии. При этом доступ к нему был не просто ограничен, а вовсе запрещен.

В 2009 г. на территории, где находился военный городок № 1 с вышеупомянутой в/ч, началось строительство новых жилых кварталов для военнослужащих, где предполагалось поселить 16,2 тыс. чел. К настоящему времени строительство практически завершено. Построен поселок из 49-ти современных домов высотой от 9 до 17 этажей, всего в нем будет заселена 5 691 квартира [Осиновая Роща...].

Сам проект по строительству многоквартирных жилых домов был реализован [Дома Осиновой Рощи...], но что касается облагораживания придомовой территории – сделано ничего положительного не было.

На представленных фотографиях мы видим внешний периметр памятника, который уничтожается по причине неадекватного к нему отношения. Вход в редут, точнее к тому, что от него осталось, а также рвы редута, завалены строительным и бытовым мусором. Внутри редута в советские времена было место склада горюче-смазочных материалов. Отсюда – специфический антураж и «дизайн» территории. Увы, данный памятник не имеет никакого статуса, который мог бы хоть как-то его представлять. Состояние объекта вызывает серьезные опасения при столь активной деструктивной антропогенной деятельности.

Несколько поражает абсолютное равнодушие к памятнику отечественной военной архитектуры жителей данного микрорайона. Тем более что большинство из них являются военными или членами их семей. Очевидно, они должны были бы стараться сохранить то, что они имеют в прямом смысле у себя под окнами.

Взять, к примеру, опыт наших соседей по региону – финнов. Их отношение к тому наследию, которое сохранилось на их территории (в Финляндии), явно противоположно нашему. Оно – бережное, трепетное и даже, как нам порою может показаться, несколько по-детски наивное и восторженное. Причем не имеет значения чье это наследие – исконно финское, шведское или русское. Кроме того, это не только опыт наших ближайших северных соседей. Есть и другой положительный зарубежный опыт управления культурными ландшафтами и иными объектами культурного наследия на охраняемых территориях, который четко прописан и задокументирован на уровне законодательства государства.

Подходы к выявлению, сохранению и регламентации использования ОКН в системе охраняемых территорий в зарубежных странах чрезвычайно различаются. Особый интерес для нас будут представлять те случаи, когда:

- природные и культурные феномены наследия рассматриваются во взаимосвязи и, более того, целостности;
- в системе культурных ценностей фигурируют культурные ландшафты;
- явно выражен территориальный подход к сохранению ИКН.

Примером могут служить системы, сложившиеся к настоящему времени в ряде европейских стран. Однако опять же нам невозможно не оглядываться на нашу, увы, суровую реальность, в которой имеют

место такие деструктивные явления, как коррупция, казнокрадство, непрофессионализм, вопиющий нигилизм и тотальное безразличие. На деле это значит: даже если средства и будут выделены на спасение этого памятника, то не факт, что эти средства в полном объеме, дойдут до места назначения, будут использованы по целевому назначению, а работы будут выполнены профессионально с привлечением сертифицированных (дипломированных) специалистов и будут проведены с соблюдением всех технологических правил и циклов. Пока ситуация коренным образом – именно в этом отношении – не изменится в положительную сторону, пока не будет личной и индивидуальной ответственности каждого за свою работу, говорить и спорить можно будет очень долго, но все это будет, увы бессмысленно и бесполезно.

Выводы:

1. Современное состояние объектов природного и культурного наследия Северо-Запада Европейской части России определяется действием таких факторов, как время создания (возраст) рукотворных объектов, динамика ландшафтной и социо-культурной среды. Следовательно, комплексный мониторинг и системный анализ полученных параметров является необходимым условием обеспечения охраны памятников.
2. В концепции охраны памятников Ингерманландии целесообразно опираться на основные вехи ее исторического и доисторического развития, которые стали брендами территории – «Истоки русского государства», Страна Городов – «Гардарика», «из Варяг в Греки» и т. д.
3. Реализация основного принципа рационального природопользования – «охрана в процессе использования» – по отношению к ресурсам наследия Ингерманландии предполагает вовлечение их в развитие рекреационного хозяйства региона и страны.
4. В условиях нарастающей антропогенной деятельности в окрестностях Санкт-Петербурга, одного из крупнейших городов страны и Европы, необходимо оперативно решать проблемы статуса культурных объектов во избежание ничем не восполнимой их утраты.
5. Использование экономических инструментов управления (через сферы бизнеса и туризма) целесообразно сочетать с территориальным планированием и финансовым стимулированием общественного движения.

Источники и литература

Дома Осиновой Роши [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://osinka-new.ru/osinka/doma.html>
 Жилой квартал «Осиновая роша» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://tsekhomskiy.ru/proekty_i_postrojki/zhilye_kvartaly_i_kompleksnye_rekonstrukcii_kvartalov/zhiloy_kvartal_osinovaya_rowa/
 Назаренко К. В., Смирнов В. И. Полевые укрепления первой половины XVIII в. на Карельском перешейке // Цитадель. № 1 (6). СПб., 1998 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.aroundspb.ru/fort/petr/redut/redut.php>
 Ново-Адмиралтейский мост – до заводского цеха? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2011/01/12/048/>
 Осиновая Роша, квартиры для военнослужащих [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://voennovosti.ru/2011/01/osinovaya-roshha-kvartiry-dlya-voennosluzhashhix/>
 Паранин В. И. Историческая география летописной Руси, Петрозаводск, 1990.
 Пять тысяч лет до Петербурга... [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=jhv810-gEA4>
 Строительство дороги Лосево – Каменногорск уперлось в редут [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://47news.ru/articles/49908/>
 Улицкий шанец [TR/6353] [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=6353>
 Ученые и экологи – против нового зоопарка в Юнтолово [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2007/07/04/105/>
 Чиновники отказались от строительства КАД-2 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://karpovka.net/2013/03/26/104323/>

Рис. 1. Карта с расположением военно-исторических фортификационных сооружений, памятников военной архитектуры XVIII в. на Карельском перешейке

Рис. 2. Проект застройки Осиновой Роши.

Примечание. По замыслу архитекторов и ландшафтных дизайнеров памятник «Осиновецкий редут» представляет собой зеленый сквер посреди нового жилого района [Жилой квартал «Осиновецкая роша»...]

Рис. 3. Вход в Осиновецкий редут. 2013 г. Фото автора

Рис. 4. Хорошо сохранившиеся ров и вал крепости. 2013 г. Фото автора

Е. В. Ефремова

г. Сургут

ИКНПЦ «Барсова Гора», СурГУ

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ЭКСПОНИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК

В настоящее время музеефикация является одним из наиболее актуальных способов включения объектов археологического наследия в социокультурный оборот посредством того, что формирует благоприятную среду осмысления объекта показа с позиций историко-культурной, научной и эстетической ценности. Она же является одним из важнейших методов визуализации представлений об особенностях развития социума на определенном историческом этапе, который на ментальном и физическом уровнях позволяет достичь объективации связей между исходными и трансформированными элементами определенной территории в системе временных координат.

Необходимость музеефикации закономерно вызывает к жизни вопрос о возможных формах подготовки памятников археологии к музейному показу *in situ* в контексте окружающего пространства, которое оказывало непосредственное влияние на его формирование и обусловило самобытность. Анализ зарубежных практик позволяет выделить два основополагающих подхода в решении данной проблемы: 1) показ под открытым небом и 2) павильонное экспонирование. Своеобразным «промежуточным звеном» можно назвать третий, «полуоткрытый», способ музейной презентации.

Например, в Швеции применяется одна из наиболее простых форм музеефикации памятников археологии. В соответствии с ней объект ограничивается оградой из деревянных слег, к экспонируемым памятникам прокладываются тропинки, устанавливаются предупреждающие и информирующие знаки, скамейки для отдыха, навесы от непогоды, указатели к дороге, к населенному пункту [Ожередов и др., 2008. С. 73]. Подобным образом подготовлены к показу «Королевские курганы» Гамлы Упсалы (Gamla Uppsala) [Ефремова, 2011. С. 89].

Ключевыми объектами экспонирования в музее «Треллеборг» (Trelleborg) в Дании [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.vikingeborgen-trelleborg.dk>] являются остатки укрепленного поселения эпохи викингов – крепости Треллеборг, построенной около 980 г. В экспозиции под открытым небом представлены аутентичные объекты, а также их полноразмерные реконструкции: «Longhouse» и «Small Houses». В закрытой экспозиции размещены археологические находки и макет крепости в уменьшенном виде.

На территории исторического парка под открытым небом Ёсиногари (префектура Сага, Япония) по результатам археологических исследований воссоздан облик укрепленного поселения эпохи Яёй III в. до н. э. – III в. н. э. [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.yoshinogari.jp>]. «Окруженная рвом зона» («The Moat-Encircled Zone»), т.е. реконструированное поселение – резиденция правителей древнего государства Minaminakaku, культовый центр Kitanaikaku, захоронение Kitafunkyubo – курганную насыпь. Первоначальная конфигурация кургана, представляющая собой насыпь из различных почв в несколько слоев, восстановлена. Внутри «павильона» подготовлены к показу *in situ* 14 погребальных кувшинов, служивших «вместилищем душ предков». На территории парка выделена зона стационарных археологических раскопок, в проведении которых – по предварительной договоренности – могут принять участие посетители. Уникальность археологического парка заключается в том, что здесь помимо сооружений, реконструирован и рельеф ископаемого ландшафта: посредством использования методики, в соответствии с которой открытый раскопками аутентичный рельеф был перекрыт насыпью толщиной около 30 см – стерильным слоем, отделяющим древнюю поверхность от вновь созданной.

На основании данных, представленных на официальном сайте ЮНЕСКО [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://unesco.org>], мы можем сообщить, что на территории археологического парка Сан-Августин (San Agustín Archaeological Park), находящегося в 2 км от одноименного города в Колумбии, использованы открытый и полуоткрытый способы показа памятников археологии – дренажных канав, искусственных платформ, погребальных сооружений, надгробных памятников и каменных статуй. В большинстве случаев статуи располагаются под навесами на небольших постаментах кубо- или конусообразной формы. К ним проложены пешеходные дорожки, часть памятников огорожена.

Под способом закрытого показа, как правило, понимают возведение крытых павильонов над экспонируемыми объектами [Бадер, 1974. С. 12; Федоров-Давыдов, Булатов, 1987. С. 114; Альтиуллер, Постникова, 1987. С. 26]. Подобный способ музейной презентации памятников археологии реализован в музее «Римская Вилла» в Брединге (Brading Roman Villa) на о. Уайт в Великобритании. Ключевыми объектами показа *in situ* в нем являются остатки руин римской виллы V в. до н. э. – II в. н. э. а также хорошо сохра-

нившихся мозаик этого же времени на территории Северной Европы, обнаруженных в результате археологических раскопок [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.bradingromanvilla.org>]. Осмотр объектов может осуществляться с двух площадок: одной – расположенной на одном уровне с экспонируемой площадью, второй – находящейся на небольшом возвышении. Показ стационарных объектов сопровождается стендовой информацией, обширно представленной в экспозиции.

В центре викингов Йорвик («Jorvik Viking Centre»), расположенном в г. Йорк в Великобритании [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://jorvik-viking-centre.co.uk>], проблема экспонирования археологических артефактов решена несколько иначе. Стационарную экспозицию музея, направленную на максимально возможное воссоздание атмосферы городской жизни викингов 866–1066 гг., открывает зона «Открытие Копергейта» («Discover Coppergate»). В нише, расположенной ниже уровня пола, перекрытой прозрачной модульной конструкцией, посетителям представлены раскрытые в результате раскопок остатки Копергейтского городища, на месте которого в настоящее время размещен сам музей.

К закрытому способу показа относится также экспонирование памятников археологии внутри зданий [Альтиуллер, Постникова, 1987. С. 27; Медведь, 2004. С. 55–56; Музейное дело России, 2006. С. 404]. Развалины античной крепости Сердика (Средец) представлены в качестве объекта показа в подземном переходе между зданиями Президентской администрации и Совета министров в центре г. Софии в Болгарии.

В том случае, когда по объективным причинам музеефикация памятника *in situ* оказывается невозможной, особую актуальность в решении проблемы предоставления доступа к ОКН приобретает использование возможностей современных информационных технологий. Так на официальном сайте Министерства культуры Франции [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.lascaux.culture.fr>], представлен мультимедийный тур, знакомящий зрителей с произведениями наскальной живописи пещеры Ласко, расположенной в Департаменте Дордонь во Франции. В исследовании Е. Г. Дэвлет [2002] мы находим сообщение о том, что также во Франции была апробирована методика создания копий пещерных комплексов. Здесь были выполнены факсимиле пещер Ласко и Нио. В Испании на территории провинции Кантабрия создана пещера-дублер – Альтамира II, в которой достижения новейших технологий позволили не только достоверно симитировать скальную поверхность и влажный пещерный климат, но и восстановить первоначальный облик привходовой части [Там же. С. 195]. Информация о «Музее Альтамиры» («Museo de Altamira. Museo Nacional Centro de investigación de Altamira») размещена на официальном сайте музея [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.museodealtamira.es>]. В работе Д. К. Дубровского и В. Ю. Грачева [2010] представлено описание пещеры Ласко II («Lascaux II»), расположенной на расстоянии 200 м от оригинала и состоящей из Зала быков и Осевого прохода следующим образом. «Посетители «музея», – пишут они, – попадают в темную комнату, в которой на фотографиях и диаграммах представлены геология пещеры, история ее открытия и проблемы «зеленой» и «белой» болезней. Здесь расположена выставка, посвященная орудиям, жировым лампам и пигментным красителям, найденным в пещере, представлены фотографии пещерной живописи, копии гравированных изображений лошадей и зубров, а также репродукция панели с изображением двух смотрящих в разные стороны бизонов с перекрывающимися друг друга задними частями туловища» [Там же. С. 182]. На 2013–2015 гг. запланирована реализация проекта строительства здания посетительского центра «Ласко IV» («Lascaux IV») во Франции, в котором за прозрачной стеной будут расположены общественные помещения, а за ними – выставочные зоны. В экспозиционных залах предполагается разместить объемные модели скальных фрагментов с воссозданными на их поверхности росписями пещеры Ласко в натуральную величину (выставочный дизайн выполнен бюро «Casson Mann», технология «дополненная реальность» – «augmented reality» – разработка студии «Jangled Nerves») [Ефремова, 2013. Р. 25]. По оценкам Е. Г. Дэвлет, важнейшее преимущество использования метода визуального моделирования состоит в том, что он позволяет создать трехмерные модели, предоставляющие возможность зрителям получить полноценное представление о памятнике-оригинале, который, в свою очередь, не подвергается антропогенной нагрузке, столь негативно сказывающейся на его сохранности [2002. С. 194].

Таким образом, мы видим, что в настоящее время в практике Швеции, Дании, Великобритании, Франции, Испании, Болгарии, Колумбии и Японии представлены весьма разноплановые подходы к решению проблемы актуализации археологического наследия в условиях современной действительности. Совершенно очевидно, что однозначного ответа на вопрос о том, какая из форм музейной презентации памятников археологии является наиболее оптимальной, в нашем представлении, быть не может. Возможность использования того или иного способа актуализации памятника во многом определяется степенью его сохранности, условиями нахождения и наличием возможностей, позволяющих обеспечить надежную защиту экспонируемых объектов от неблагоприятных факторов внешнего воздействия, а также целью и задачами музеефикации в целом.

Анализируя способы включения памятников археологии в современное социокультурное пространство, представленные в практике зарубежных стран, мы сталкиваемся с тем, что на официальных сайтах

музеев и археологических парков в сети Интернет, если таковые имеются, к сожалению, содержится минимальный объем информации, сопровождаемый весьма скудным иллюстративным рядом. Это значительно затрудняет, а иногда и не позволяет, сформировать целостного представления об используемых способах подготовки памятников археологии к музейному показу.

Литература

- Альциуллер Б. Л., Постникова О. Н. Методические проблемы долговременного сохранения каменных архитектурно-археологических памятников // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987.
- Бадер О. Н. Вопросы учета, охраны и использования археологических памятников // Сообщения Науч.-метод. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Вып. VII. М., 1974.
- Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург, 2010.
- Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование: дис. ... докт. ист. наук. М., 2002.
- Ефремова Е. В. Формы музеефикации археологического наследия в России и за рубежом // Наука и инновации XXI века: XII Окружн. конф. молодых ученых ХМАО–Югры. Т. I. Сургут, 2011.
- Медведь А. Н. Музеефикация памятников археологии. М., 2004.
- Музейное дело России. М., 2006.
- Ожередов Ю. И., Гусев С. В., Кондрашев А. Н., Кончев В. Е., Корусенко М. А., Мартынов А. И., Окольников С. А., Первалова Е. В., Склярский М. Я. Состояние, проблемы и перспективы музеефикации археологических памятников на территории Сибири // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Томск, 2008.
- Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М. Археологические музеи-заповедники (проблемы и перспективы) // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987.
- Efremova E. V. Formation of Scientific Conceptions on the Ways of Archaeological Heritage Exposure // European Applied Sciences. № 4 – I. Stuttgart, 2013.

С. В. Калугина
г. Омск
ОФ ИАЭТ СО РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОМСКА (В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ ПРАЗДНОВАНИЯ 300-ЛЕТИЯ ГОРОДА)

Празднование 300-летия г. Омска накладывает огромную ответственность и нагрузку на социальную, экономическую и туристическую сферы самого города и всей области. Особое место здесь принадлежит культурному и природному наследию региона, в которое входят уникальные археологические памятники, историко-культурные и храмовые комплексы, памятники природы.

Современное общество как никогда ранее ощущает себя тесно связанным с глубоким прошлым человечества. Оно рассматривает ранние фазы развития как очень важные и неотъемлемые этапы своей истории, через которые осуществляется преемственность и неразрывная связь прошлого с настоящим и будущим. Это делает проблему сохранения и использования археологического наследия одной из актуальных, как в разработке культурной политики на федеральном и региональных уровнях, так и в период подготовки к празднованию 300-летия г. Омска

Памятники археологического наследия неразрывно связаны с окружающей средой. Концепция их охраны, изучения, использования не может строиться, особенно в условиях города, без учета антропогенного фактора. Особым направлением при формировании культурной политики, ее мероприятий на региональном уровне выступает исследование и музеефикация памятников археологического наследия.

К началу 1960-х гг. краеведом А. Ф. Палашенковым в Омске было зарегистрировано свыше 30 памятников древности [Энциклопедия города Омска..., 2009. С. 9]. В связи с расширением и застройкой города, многие из них попали в его черту. При этом часть из них, вероятно, были разрушены или полностью уничтожены.

Среди памятников археологического наследия Омска, которые могут и должны стать объектами туризма и широкого экскурсионного посещения во время празднования 300-летия, необходимо отметить памятники археологии. Прежде всего, такие как «Омская стоянка», «Большой Лог» и историко-культурный комплекс «Омская крепость», расположенные непосредственно в городе.

Комплекс памятников «Омская стоянка» находится на левом берегу Иртыша, в районе Ленинградского моста и профилактория «Восход». Точно очертить территорию стоянки нельзя, так как она в основном занята современной застройкой. Памятник был открыт в 1918 г. врачом и краеведом С. А. Ковлером (1881–1960 гг.) [Конилов, 1996. С. 5]. В 20-е гг. XX в. его изучал омский краевед, минеролог и метеоролог П. Л. Драверт (1879–1945 гг.). Первые научные раскопки стоянки провела в 1927 г. Е. И. Липеровская, выпускница истфака МГУ. В 1928 г. на памятнике работала В. П. Левашова, которая предположила, что местное население наряду с железными изделиями продолжало пользоваться каменными орудиями труда [Палашенков, 1960. С. 6]. С конца 30-х по 50-е гг. XX в. Омскую стоянку исследовал А. Ф. Палашенков, возглавлявший в 1943–1959 гг. Омский краеведческий музей [Конилов, 1998. С. 9]. В 1945 г. по его приглашению в Омск посетил московский археолог В. Н. Чернецов, который обследовал памятники на территории города, в том числе Омскую стоянку. В 1960–1970-е гг. с коллекцией Омской стоянки в областном музее (ОГИКМ) работали В. И. Матющенко и А. И. Петров [Конилов, 1998. С. 11].

В 1988 г. на месте комплекса памятников «Омская стоянка» началось строительство здания профилактория. В процессе его, как считается, были разрушены значительные площади памятника. Параллельно строительству (даже вопреки ему) археологи ОмГПУ и ОмГУ провели охранно-спасательные раскопки. В ходе полевых исследований удалось открыть часть неолитического жилища и неолитический могильник – один из древнейших некрополей на Омской земле [Конилов, 1996. С. 8].

К сожалению, богатая история изучения Омской стоянки и известные имена ее исследователей не спасли памятник от «погребения» под современными постройкам. Ныне на его месте, непосредственно над ним, высится здание профилактория [Конилов, 1998. С. 7].

В 2008 г. ГИМ и Омское ПО «Радиозавод имени А. С. Попова» в рамках реализации задач по сохранению и пропаганде культурного исторического наследия на условиях государственно-частного партнерства подписали Соглашение о сотрудничестве по изучению и сохранению памятника культурного археологического наследия «Омская стоянка» [Электрон. ресурс. Режим доступа: URL: <http://www.telero.ru>]. Этим соглашением предусмотрено проведение научно-исследовательских работ на памятнике археологического наследия «Омская стоянка», оказание археологам и музейным работникам научной, методической и консультационной помощи, организация совместных выставок и экспозиций, издание сборников научно-исследовательских материалов о памятниках Сибирского археологического наследия.

В 2011 г. сотрудниками ОФ ИАЭТ СО РАН были проведены разведочные работы с целью поиска культурного слоя и установление местонахождения памятника Омская стоянка. В результате под двухметровым слоем строительного мусора на территории санатория «Восход» был зафиксирован культурный слой, мощностью 40 см. В 2012 г. работы по изучению сохранившегося культурного слоя стоянки были продолжены сотрудниками и студентами ОмГПУ. Исследователям удалось найти около 500 артефактов, датированных VI/V–I тыс. до н. э.

С учетом подготовки к празднованию 300-летия со дня основания Омска, данный историко-культурный комплекс может и должен быть музеефицирован. Здесь было бы целесообразным создать музей под открытым небом. Нахождение подобного музея в черте города станет еще одним его уникальным преимуществом. Научная реконструкция и музеефикация комплекса памятников «Омская стоянка» приведет к широкому общественному резонансу. Такой комплекс, безусловно, станет объектом постоянного интереса туристов а, особенно, школьников и студентов.

При правильном планировании всех этапов музеефикации памятника и использовании современных средств презентации археологического наследия, можно будет рассчитывать на то, что музей станет элементом культурного ландшафта, а не статичной ее частью, которая будет развиваться только благодаря вливанию средств государства. Необходимо завоевать интерес горожан и туристов путем применения технологий, которые ранее не были задействованы в городе. Это технологии активного вовлечения посетителя, которые применяются в экспозиционной практике, когда изменение или корреляция экспозиции происходит в результате учета мнения посетителей. Использование новых подходов при создании музея и в дальнейшей его работе позволит избежать проблемы функционирования музея после празднования 300-летия. Существует опасность, что после юбилея музей перестанет быть нужен бизнесу и ему придется существовать самостоятельно.

Кроме того, археологический памятник Омская стоянка вместе с расположенными по-соседству памятником природы «Птичья гавань» [Русакова, 2010. С. 252] и мемориалом Победы могут образовать единую уникальную историко-культурную зону.

Другим брендом Омской области может стать еще один памятник археологии – городище «Большой Лог», расположенное в черте города, в 12 км от устья р. Омь. Памятник был открыт в 1937 г., благодаря случайным находкам школьника Ивана Калугина. При осмотре места находки керамики А. Ф. Палашенковым было установлено наличие здесь городища [1960. С. 13].

В августе 1949 г. экспедиция ИИМК АН СССР под руководством В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской, при участии местных школьников-краеведов, произвела раскопки городища [Палашенков, 1960. С. 13]. Данные раскопки позволили установить многослойность данного памятника.

По имеющимся ныне данным, место, на котором находится городище Большой Лог, было заселено в конце эпохи бронзы одной из групп населения ирменской культуры. В ирменское время городище было застроено крупными наземными прямоугольными жилищами с бревенчатыми стенами и слабо углубленным земляным полом. По осевой линии помещений находились очаги, возле стен – земляные ямы для хранения припасов. Существует предположение, что на рубеже бронзового и железного веков (X–VIII вв. до н. э.) в данном поселке проживали представители двух различных культур – пришедшей с востока позднеирменской и симбиозной красноозерской. Последняя сформировалась в результате смешения выходцев с Севера – таежных охотников-рыболовов – и потомков местных племен – с комплексным производящим и присваивающим хозяйством. На городище Большой Лог собрана коллекция глиняных лепных красноозерских сосудов, украшенных крестовым орнаментом, которая ныне хранится в Музее археологии и этнографии ОмГПУ. В раннем железном веке (VII–IV/V вв. н. э.) территорию городища заселяли представители саргатской культурно-исторической общности. В конце I тыс. до н. э. в Среднее Приобье, в том числе на территорию нынешнего Омска, из таежного Приобья пришли новые группы северного населения – носители кулайской культуры (культурно-исторической общности). Как считают некоторые исследователи, наиболее крупным кулайским поселением на этой территории было городище Большой Лог. Таежные охотники и рыболовы обжили мыс и прилегающую к нему территорию, возвели с наименее защищенных природой сторон мыса земляной вал и ров, построили прямоугольные жилища с земляным полом. Во второй половине I тыс. н. э. территорию городища заселяли представители потчевашской культуры [Коников, 2007. С. 41–51, 248].

Кроме того, на памятнике были обнаружены свидетельства пребывания барабинских татар (XIV–XVI вв.). В конце 1960-х гг. В. Ф. Генинг и его коллеги из УрГУ вскрыли на городище Большой Лог остатки наземных жилищ и хозяйственных ям. Здесь же были изучены глинобитные печи, возведенные на специально подготовленных площадках. Существует гипотеза, что в рассматриваемый период Большой Лог был одним из многочисленных городков Сибирского ханства [Генинг, Голдина, 1967].

В 1990-е гг. территорию памятника распахали, вокруг были возведены дачные кооперативы. В результате этих изменений площадь сократилась и составляет ныне около 2 500 кв. м, хотя прежде она оценивалась в 3 000 [Чернецов, Мошинская, 1951. С. 78] и даже 6 000 кв. м [Генинг, Голдина, 1967. С. 145].

К сожалению, этот памятник не вошел в план сохранения историко-культурного наследия г. Омска, равно как не нашел своего «покровителя». Для сохранения и изучения остатков городища Большой Лог необходимо провести обследование современной территории и границ памятника, а также выполнить комплекс мероприятий, связанных с его постановкой на государственные учет и охрану. В дальнейшем при выборе способа музеефикации данного памятника необходимо учесть технологические возможности реставрации объектов на нем и последствия их применения. При сохранении археологического памятника в условиях естественного ландшафта необходимо учитывать возможность его длительного, управляемого, безаварийного существования.

Городище можно будет реконструировать, разместить на нем музей археологических находок ирменской, кулайской и потчевашской культур. При музеефикации памятника можно применить комплекс технических средств, созданный для виртуальной реконструкции «Ворота времени». Первая очередь этой интерпретационной системы «временные рамки» была установлена в археологическом музее Энама (Бельгия) в 1997 г. (автор концепции – Дж. Сандерленд, технический проект IBM, научно-информационное обеспечение – Институт археологического наследия Фландрии). При помощи системы производится виртуальная реконструкция церкви Бенедиктинского аббатства на разные исторические периоды ее существования [Каллебаут, Сандерленд, 1998. С. 53]. Такой метод представляется оптимальным вариантом при сложной музеефикации многослойного памятника. Для воплощения в жизнь данной идеи необходимо провести полномасштабные раскопки, создать маршрут по раскопу и в определенных точках маршрута поставить кабинки, которые будут защищать саму систему и посетителей. Система состоит из камеры, компьютерной системы, двух мониторов и сенсорного экрана. Камеру необходимо будет направить на раскоп, и она будет передавать изображение на экран. Посетитель увидит изображение раскопа в режиме реального времени, на которое накладываются планы, рисунки и оживленные виртуальные изображения. Использование данной технологии позволит посетителям представить, как выглядело городище в разные эпохи, а ученым даст возможность для широкой реконструкции и интерпретации прошлого.

В настоящее время известно точное местонахождение лишь малой части археологических памятников г. Омска. Проблема заключается в том, что и эти памятники сейчас разрушаются, так как хозяйственное освоение городской территории идет быстрыми темпами, особенно в центральной части Омска. Следить за всеми работами, которые ведутся по подготовки празднования 300-летия города, за их археологической «аккуратностью», достаточно сложно в первую очередь из-за отсутствия археологической карты города. Наличие такой карты позволило бы ускорить процесс музеефикации археологического наследия, усовершенствовать существующие проекты.

Литература

- Энциклопедия города Омска. Т. 1: Омск: От прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год) / под ред. Г. А. Павлова, Л. В. Новоселовой, С. Г. Сизова. Омск, 2009.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Поселение Большой Лог у г. Омска // V УАС. Сыктывкар, 1967.
- Герасимов Ю. В., Калугина С. В., Корусенко М. А., Павлов Д. Н. Историко-культурное (археологическое) обследование северо-западного сектора историко-архитектурного комплекса «Омская крепость» // Омская крепость: историко-культурное наследие. Омск, 2011.
- Демченко В. М. Современное состояние и перспективы развития историко-культурного общественного комплекса «Омская стоянка» // Омская крепость: историко-культурное наследие. Омск, 2011.
- Коников Б. А. Городище Большой Лог и история исследования кулайских древностей в Омском Прииртышье // Третьи истор. чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. 1. Омск, 1995.
- Коников Б. А. Омская стоянка – выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Изв. ОГИКМ. № 4. Омск, 1996.
- Коников Б. А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: археологические открытия и находки. Омск, 1998.
- Коников Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007.
- Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Изв. Омского отдела ГО СССР. № 3 [10]. Омск, 1959.
- Лебедева Н. И. Омская крепость: этапы застройки северо-западного сектора // Омская крепость: историко-культурное наследие. Омск, 2011.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И. Городище Большой Лог // КСИИМК. Вып. XXXVII. М.; Л., 1951.
- Энциклопедия Омской области: в 2 т. / под общ. ред. В. Н. Русакова. Омск, 2010.
- Официальный сайт Радиозавода имени А.С. Попова [Электрон. ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.telero.ru>.
- Каллебаут Д., Сандерленд Д. Энам: новые технологии увековечивают прошлое // Museum. № 4. М., 1998.

Т. Ю. Сергиенко, Т. В. Силкина
КМТР

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРУХАНСКОГО РАЙОНА И ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ЭКСПОЗИЦИОННЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ТУРУХАНСКОГО РАЙОНА

История археологических открытий на территории Туруханского края началась в 1921 г. – с поездки в с. Монастырское А. Я. Тугаринова, которым была обнаружена стоянка в устье р. Подкаменная Тунгуска и несколько каменных тесел.

Первая целенаправленная археологическая разведка на территории Туруханского района Красноярского края была проведена отрядом Р. В. Николаева в 1958–1959 гг. В результате было обнаружено несколько древних стоянок, на некоторых из которых были проведены раскопки [Николаев, 1963. С. 127–130]. На стоянках левобережья Енисея археологом была найдена керамика, украшенная мелким гребенчатым штампом, а на правом берегу – посуда с преобладанием «личиночного» и зигзагообразного орнамента [Там же. С. 130].

Почти через десятилетие – в 1965–1968 гг. – отрядом Г. И. Андреева проведено обследование правых притоков Енисея – Нижней и Подкаменной Тунгусок. В процессе этих исследований было выявлено около 40 стоянок, однако только некоторые из них находились на территории Туруханского р-на [Андреев, Фомин, Пашикин, 1965. С. 100–113].

Вплоть до начала 80-х гг. прошлого века интересующий нас район периодически продолжает посещать Р. В. Николаев. Результаты его полевых исследований нашли отражение в серии работ, посвященных археологии и этнографии народов Туруханского р-на.

Следующая археолого-этнографическая разведка была проведена уже в 1991 г. – отрядом Н. П. Макарова и М. С. Баташева. Сведения о ней были опубликованы в сборнике «Сибирская локальноэтническая культурная ситуация в конце XX века: Материалы II Параславянских чтений» [Макаров, Баташев, 1998].

В 1997 и 2000 гг. осуществлено точечное обследование выявленных ранее стоянок и фиксация новых объектов археологическим отрядом КрГПУ под руководством В. И. Макулова.

В первом десятилетии XXI в. отмечается заметное оживление в археологическом изучении Туруханского р-на. Это и разовые поездки для обследования уже открытых памятников и заказанные предприятиями «РОСНЕФТЬ» и «РУСГИДРО» разведки территорий, отведенных под места нефтедобычи и водохранилища. И, конечно, начавшиеся в 2007 г. ежегодные работы на территории Старотуруханского городища исследовательские работы археологического отряда НПО «Северная археология-1» Г. П. Визгалова.

По материалам, опубликованным всеми упомянутыми нами исследователями, для представления посетителям Краеведческого музея Туруханского района составлен перечень объектов археологического наследия с краткими характеристиками самих объектов и дат экспедиций, упоминанием о характерных находках. Все эти объекты отмечены на карте района (рис. 1).

Ворогово, стоянка (II–I тыс. до н. э.). Находится в 10 км вверх по течению Енисея от с. Ворогово. Памятник был обнаружен в 1974 г. местным жителем К. К. Нестеровым. Среди находок – бронзовые наконечник копья и котел. Последний имеет две ручки в форме колец, укрепленных по краям венчика. Р. В. Николаевым дано подробное описание обеих находок. «Каждое кольцо снабжено гвоздевидным отростком. По стенке котел украшен орнаментом в виде двойного выпуклого горизонтального шнура. Котел имеет поддон в форме усеченного конуса. Диаметр котла – 30 см, высота с поддоном – 35 см, без поддона – 25 см. Наконечник копья имеет трехгранное перо, украшенное зигзагообразным орнаментом, длинную коническую втулку с четырьмя прямоугольными отверстиями [1980. С. 24].

Подкаменная Тунгуска, стоянка (IV–I тыс. до н. э.). Находится в устье р. Подкаменная Тунгуска, на территории одноименной деревни. Открыта в 1921 г. комплексной экспедицией А. Я. Тугаринова. Обнаружены неолитические каменные тесла. Коллекция поступила в фонды Красноярского музея (сейчас – КККМ). В 1958–1959 гг. археологическим отрядом Р. В. Николаева здесь производились раскопки. Артефакты датированы исследователем эпохой неолита [1963. С. 130]. По данным Р. В. Николаева, в фонды Красноярского музея (КККМ) в 1962 г. с этой стоянки поступил каменный клинок обоюдоострого ножа (длина – 12 см, ширина – 3,8 см), имеющий аналогии среди находок глазковской культуры [1980. С. 23]. В 1965 г. им же было найдено несколько артефактов. Самые интересные из них: бронзовые дисковидное зеркало и подпрямоугольный, сужающийся к лезвию кельт, украшенный в верхней части тремя вертикальными линиями. Коллекция передана в фонды Красноярского краевого музея. В 1970 г. Р. В. Николаевым было

обнаружено бронзовое стилизованное зооморфное изображение. Вытянутая голова животного с как бы свисающими губами, а также крупные уши и маленький хвост, напоминают лося [Там же. С. 22]. В 1979 г. раскопки на памятнике были продолжены Северным отрядом экспедиции КемГУ, также под руководством Р. В. Николаева. В песчаном грунте первой надпойменной террасы на глубине 0,25–0,3 м от современной поверхности были обнаружены каменные отщепы, ножевидные пластины, обломок тесла, наконечники дротиков и черешковые наконечники стрел. Керамика представлена сосудами двух типов: орнаментированными в технике отступающей лопаточки, а также декорированными по шейкам линейным орнаментом, а на стенках – зигзагами из трех-четырёх параллельных выпуклых линий [Николаев, 1980. С. 223]. В 2000 г. памятник был осмотрен археологическим отрядом КрГПУ под руководством В. И. Макулова. Отмечено разрушение объекта. Коллекции хранятся в фондах Лаборатории археологии КГУ и КрГПУ.

Подкаменная Тунгуска (Остров Монастырский -1), стоянка (III тыс. до н. э.). Находится в 17 км к Ю от д. Подкаменная Тунгуска, на правом берегу о. Монастырский на р. Енисей. Памятник открыт в 1997 г. археологическим отрядом КрГПУ (руководитель – В. И. Макулов). Коллекция хранится в фондах Лаборатории археологии КрГПУ.

Подкаменная Тунгуска (Щеки-1), стоянка (III–II тыс. до н. э.). Находится в 20,5 км к Ю от д. Подкаменная Тунгуска, на правом берегу р. Енисей. Выявлена в 1997 г. археологическим отрядом КрГПУ (В. И. Макулов). Коллекция хранится в фондах Лаборатории археологии КрГПУ.

Подкаменная Тунгуска (Монастырская протока), стоянка (III–II тыс. до н. э.). Расположена на останце 8-9 метровой левобережной террасы р. Енисей, напротив верхней оконечности о-ва Монастырский, в 24 км к ЮЗ (вверх по реке) от д. Подкаменная Тунгуска. Обнаружена в 1997 г. археологическим отрядом КрГПУ (В. И. Макулов). Коллекция хранится в фондах Лаборатории археологии КрГПУ.

Сургутиха, стоянка (III–I тыс. до н. э.). Находится на территории одноименной деревни, в 12 км выше по течению от устья р. Сургутиха. В 1958 г. археологическим отрядом Р. В. Николаева здесь были найдены фрагменты керамики с оттисками мелкого гребенчатого штампа [Николаев, 1980. С. 20]. В 2000 г. осмотрена археологическим отрядом КрГПУ под руководством В. И. Макулова. Состояние объекта плохое. Коллекция хранится в фондах Лаборатории археологии КрГПУ.

Верещагино, стоянка (II–I тыс. до н. э.). Находится в 6 км выше по течению Енисея от с. Верещагино. В 1952 г. местным жителем К. С. Сапожниковым на памятнике был найден бронзовый нож с коленчатым изгибом. На его рукоятке и клинке прослеживается орнамент в виде незавершенного зигзага. Размеры ножа – 17,0×2,2 см, длина рукоятки – 7 см [Николаев, 1980. С. 22]. Находка поступила в фонды Красноярского краевого музея.

Старотуруханское городище (XVII–XX вв.). Первое археологическое обследование памятника проведено в 1972 г. В. Ф. Старковым. По результатам зачистки культурного слоя в двенадцати погребках археологом был составлен примерный план городища. Тогда же был собран подъемный материал XVII–XIX вв. [Визгалов, 2010. С. 151]. Планомерные исследования поселения начались в 2007 г. разведочной группой НПО «Северная археология – 1» под руководством Г. П. Визгалова, которая совместно со специалистами службы охраны объектов историко-культурного наследия администрации Красноярского края провела рекогносцировочные работы. Шурфовка и сборы подъемного материала дали массовый материал нового и новейшего времени – медные монеты, фрагменты посуды, обуви, изделий из железа, цветных металлов и многое другое. В последующие годы Г. П. Визгаловым были заложены раскопы, в которых зафиксированы три строительных горизонта: XVII в., конца XVII – начала XVIII в. и середины XVIII в. Культурные слои городища характеризуются обилием артефактов, в том числе имеющих аналогии в материалах русской Мангазеи [Там же. С. 152].

Предметы, собранные в процессе раскопок Старотуруханского городища выставлены в витринах Краеведческого музея Туруханского района. Коллекции из раскопок 2007 и 2008 гг. переданы на хранение в фонды КМТР и частично представлены в экспозиции «Первые поселения на Туруханском Севере» (рис. 2). Они вызывают неизменный интерес и пожелания об увеличении площади коллекций. Одна из посетительниц посчитала своим долгом передать в фонды музея фрагмент нательного креста – случайную находку с р. Таз из района Мангазеи. Конечно, самыми любознательными посетителями музея являются школьники. Для них наши сотрудники разработали авторскую программу «Основы археологии». Помимо этого, в рамках в музейной экскурсии и электронной презентации «История Приенисейской Сибири» освещается сюжет об освоении туруханских земель русским населением в XVII–XVIII вв.

Пользуясь случаем, приведем выдержку из текста данной археологической экскурсии.

«Более чем 25 тысяч лет назад ледники мощным слоем покрывали территорию нынешнего Туруханского района вплоть до реки Подкаменная Тунгуска на юге. На сегодняшний день, Нижнее Приангарье является самой северной территорией расселения палеолитического человека в Красноярском крае. В то же время обнаружение палеолитических стоянок на севере Якутии позволяет надеяться на открытие палеолитических памятников и на севере края, в Туруханском районе.

На северных территориях Приенисейского края мезолитические культуры были распространены около 10–6 тысяч лет назад. Так на Таймыре, севернее Туруханского района, обнаружены стоянки Пясины I–IV и Тагенар VI, где по остаткам пыльцы установлено распространение лесов северо-таежного типа (береза, ольха, лиственница, ель и сосна).

На территории района самая известная неолитическая стоянка обнаружена в устье Подкаменной Тунгуски. На сопредельных территориях неолитические стоянки найдены у населенных пунктов Эвенкии (Ванавара, Чемдальск, Байкит, Полигус, Тура), а также в створах порогов и устьевых участков притоков Подкаменной и Нижней Тунгусок. На Таймыре это стоянки на берегу рек Пясины, Хатанга, Хета, у озера Глубокое и многие другие. Среди археологических материалов мы найдем топоры с ушками, тесла, скребки, скребла и ножи, наконечники стрел и копий, глиняная посуда, а Л. П. Хлобыстин обнаружил и уникальное украшение губную втулку – лабретку [Хлобыстин, 1998. С. 169].

Находки на стоянках Усть-Половинка, Малая Коренная I–II, Абылаах и другие металлургические центры, свидетельствуют о развитом бронзолитейном производстве на Енисейском севере уже во II–I тыс. до н. э. Охота на северного оленя становится на долгое время основным занятием населения Таймырского Заполярья. Наряду с охотой процветало и рыболовство, о чем свидетельствуют рыболовные принадлежности и расположение стоянок на берегах рек. Одним из показателей перехода на Таймыре от бронзового века к железнному является находка в жилище поселения Усть-Половинка биметаллического ножа с бронзовой рукояткой и железным клинком.

Бронзовые изделия обнаружены по Енисею от Ворогово до Верещагино. Это и топоры-кельты, ножи, наконечники стрел, шилья, украшения. Среди украшений особый интерес представляет фигурка бронзового ажурного изображения лося, найденная Р. В. Николаевым на стоянке Подкаменная Тунгуска. На сопредельной территории у пос. Суломой (Эвенкия) С. И. Вайнштейном было получено от местных жителей аналогичное литое изображение лося. Не меньший интерес представляют находки местными жителями бронзового котла скифского типа и массивного наконечника копья близ села Ворогово и бронзового ножа у села Верещагино, которые неоднократно упоминаются исследователями в работах по хронологии археологических памятников.

Выявленные материалы свидетельствуют, что на территории Туруханского района в I тыс. до н. э. существовала культура раннего железного века с высокоразвитой металлургией бронзы и началом железоделательного производства, хотя по-прежнему употребляются наконечники стрел, скребки, ножи и другие традиционные типы изделий из камня.

Около двух тысячелетий назад начинает переход к развитому железнному веку, характеризующийся сложением ряда самобытных культур на территории Сибири. К одной из них относится глиняная посуда, украшенная тонкими налепными валиками, обнаруженная при раскопках стоянок Монастырская и Подкаменная Тунгуска в Туруханском районе. Выявление ее на памятниках Нижней Ангары и Таймыра позволило Л. П. Хлобыстину предположить, что носителями данной культурной традиции изготовления глиняной посуды стали предки современных эвенков.

Эпоха средневековья на территории Туруханского района до начала XVII в. мало изучена. Исследователи предполагают, что здесь происходили те же исторические процессы, что и в таежных районах Северного Приангарья, а по всем Тунгускам расселялись предки тунгусоязычных народов [Макаров, Баташев, 2007. С.45-49].

Зато активно идет изучение периода освоения русскими территорий Приенисейской Сибири. Так, уже на протяжении нескольких лет проводится археологическое исследование Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) – первого русского поселения Приенисейской, да и Восточной Сибири. Оно стало уникальным памятником – городом, расположенным в условиях частичной вечной мерзлоты, а его материалы стали ценным источником по истории и культуре русских переселенцев из Мангазеи и других городов Русского Севера и Сибири [Визгалов, 2010. С. 153]... ».

Кроме лекций, электронных презентаций и образовательных программ самым интригующим для посетителя тематических экскурсий является возможность произвести раскопки внутри специального ящика и обнаружить оббитую сотрудником музея гальку или монеты конца 90-х гг. XX в., вышедшие из употребления. А затем забрать находку с собой! Для школьников используются еще и наборы «Тайны раскопок», специально адаптированные для детей старше 6 лет. Все это позволяет поддержать исследовательский интерес, актуализировать историю родного края, а на физиологическом уровне еще и улучшить мелкую моторику посетителя.

Литература

Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин А. П. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски // СА. № 3. М., 1965.

Баташев М. С., Макаров Н. П. Новые данные по древней истории Нижнего Енисея по результатам

археолого-этнографической разведки 1991 года // Сибирская локальноэтническая культурная ситуация в конце XX века: Мат-лы II Параславянских чтений. Красноярск, 1998.

Визгалов Г. П. Археологические исследования Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010.

Макаров Н. П., Баташев М. С. История и культура народов Севера Приенисейского края. Красноярск, 2007.

Николаев Р. В. Археологические находки из Туруханского района как источники по этногенетическим процессам на севере Сибири // АЮС. Вып. 11. Кемерово, 1980.

Николаев Р. В. Археологические находки на севере Красноярского края // СА. № 1. М., 1960.

Николаев Р. В. Исследования стоянок в устье р. Подкаменная Тунгуска // АО1979 г. М., 1980.

Николаев Р. В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998.

А. М. Белавин, А. В. Вострокнутов
г. Пермь
ПГГПУ

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ И 3D-ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАБОТЕ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ

В век компьютерных технологий у археологии появилась прекрасная возможность использовать их в своих целях.

В данной работе мы попытаемся выделить ту роль, которую могут играть при археологических исследованиях, а также презентациях результатов этих исследований, современные 3D возможности.

3D-моделирование используется в археологических исследованиях как наглядный материал и как отдельный метод; также не исключается и его познавательная-просветительская функция [Бородкин, Жеребятьев, 2012]. Тем не менее, следует заметить, что применяется оно чаще всего для построения архитектурных и природных моделей [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://neredita.ru>; <http://3darchaeology.3dn.ru/>].

Подобные работы, применительно к предметам материальной культуры, число которых быстро увеличивается благодаря систематическим ежегодным раскопкам, становятся все более актуальными. Зачастую, найденный важный артефакт не может быть подвергнут реставрационным мероприятиям немедленно, да и в дальнейшем музейное хранение не гарантирует его 100%-ную сохранность. Причина проста: материалов слишком много, реставраторов не хватает, а услуги привлеченных специалистов являются слишком дорогостоящими для бюджетных организаций. Таким образом, 3D-модели являются актуальным ресурсом в археологических исследованиях. Обратимся к тем действиям, которые они позволяют производить.

В первую очередь, рассмотрим, что могут дать подобные эксперименты непосредственно **в археологическом исследовании**. В процессе дальнейшего повествования мы будем опираться на пример с переводом в 3D-формат серебряной погребальной маски, найденной в одном из погребений Бояновского могильника в Добрянском р-не Пермского края в 2012 г. (раскопки А. В. Данича; рис. 1 – 1) [Данич, 2012]. Сканирование и печать этого артефакта выполнялась компанией «Cybercom» [www.cybercom.ru] при помощи 3D-сканнера CREAFORM EXAScan и цветного 3D-принтера ZPrinter 650. В результате была получена виртуальная модель и точная копия из композитного материала на основе гипса (рис. 1 – 2). Эта копия позволяет работать с ней как с оригиналом: измерять, фотографировать, зарисовывать и проводить иные действия. Кроме того, виртуальная модель по своей сути «стирает границы» между археологом и объектом его исследования: те же измерения и описание, а также фотосъемка под разными углами, возможны в 3D. Такая доступность обусловлена развитием сети Internet.

Иными словами: развитие 3D моделирования дает возможность сохранять те артефакты, которые подвержены разрушению, хотя бы в виде их виртуальных моделей и 3D-копий. Работать с такими моделями и копиями можно точно так же как и с оригинальными находками.

Во-вторых, обратимся к возможности использования подобных реплик **в музейном выставочном деле**. Прежде всего, реальные копии позволяют использовать их для проведения экскурсий для слабовидящих либо слепых посетителей. Структура гипсополимера делает изделие шероховатым на ощупь и, следовательно, еще более информативным для тактильного восприятия. Подобное мероприятие прошло в начале 2013 г. в Челябинском областном музее [Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://chelyabinsk.bezformata.ru/listnews/kraevedcheskom-muzee-provedut-ekskursiyu/8954955/>]. В залах Венгерского национального музея есть программа «See it by touch!», где копии предметов снабжены их описанием на азбуке Брайля [Электрон. ресурс. Режим доступа: http://www.hnm.hu/en/latog/lat_segitseggel_eloknek2.html]. Кроме того, копии артефактов могут использоваться и при работе с детьми, так как ввиду специфики возраста, оригиналы имеют опасность быть поврежденными при контакте с руками. Это же касается экскурсий для слабовидящих.

Важнейшей производной развития 3D-технологий является возможность их экспонирования не только в крупных музеях, но и в небольших музеях при учебных заведениях (таковым является Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ), передвижных выставках и т. д. У данных организаций нет возможности создать специальные условия для хранения значимых экспонатов, поэтому их вполне могут заменить копии. Такие модели дают прекрасную возможность для создания виртуального музея, где могут быть представлены не только имеющиеся экспонаты, но и те находки, которые прошли через музей вуза и были отправлены в официальный музей.

Конечно, есть и *минусы* в использовании данного вида объектов. Для ученого изучение артефакта ценно в первую очередь тем, что он работает с живым материалом. Виртуальная модель не дает возможности оценить, скажем, состав изделия. Эту проблему можно частично решить, снабдив имеющуюся модель не-

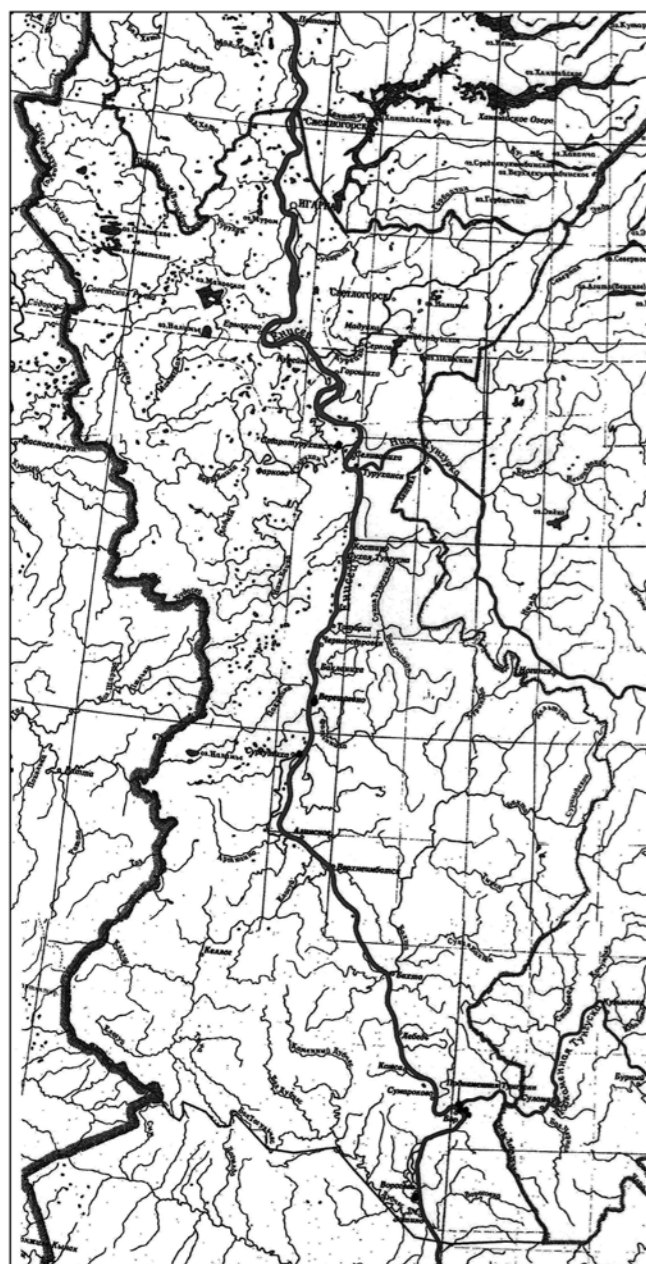

Рис. 1. Карта Туруханского района с отмеченными объектами археологии

Рис. 2. Старотуруханское городище. Материалы из раскопок 2007 г. Фрагмент экспозиции

обходимыми сведениями, в том числе с применением технологий RFA (рентгено-флюорисцентный анализ) для описания состава изделий.

Создание виртуальных экспозиций может привести к чрезмерной информатизации археологического познания, в первую очередь, у детей. Подобную тенденцию, думается, не стоит раскрывать – она наблюдается повсеместно во всех сферах жизнедеятельности. Задача в этом случае будет заключаться не столько в том, чтобы показать имеющиеся материалы, сколько привить интерес к ним, причем для того, чтобы у посетителей виртуального музея появилось желание посетить оригинальную выставку уже в самом музее.

Итоги. Использование 3D-технологий, на наш взгляд, может дать положительный эффект как при научных полевых и камеральных исследованиях, так и в процессе экспонирования материала. Подобного рода деятельность позволяет снизить риски порчи ценных экспонатов при физическом контакте с ними, а так же полностью заменить собой те артефакты, сохранить которые невозможно. Пример – вышеупомянутые серебряные маски, обнаруженные при археологических раскопках. Сохранность их крайне неудовлетворительна. В результате этого многие из этих артефактов рискуют превратиться в пыль при обработке их в поле, при передаче в музей и в процессе музейных мероприятий. Создание 3D-копий позволит сохранить эти важные части погребального костюма, пусть и в виде реплик.

В экспозиционной работе подобные действия дают возможность привлекать к посещению музеев людей слепых или со слабым зрением, позволяя им оставаться в курсе последних открытий. Яркий пример этому – Венгерский национальный музей. Разумеется, возможность подержать в руках такие артефакты будет привлекательна и для детей.

Последнее: трехмерные модели позволяют расширить экспозицию небольших музеев, как в реальности, так и в виртуальном пространстве.

В целом же использование 3D-технологий, несмотря на вышеперечисленные риски, влечет за собой новые положительные веяния в археологических исследованиях.

ИСТОЧНИКИ

Бородкин Л. И., Жеребятъев Д. И., 2012. Технологии 3D-моделирования в исторических исследованиях: от визуализации к аналитике [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://kleio.asu.ru/2012/2/hcsj-22012_49-63.pdf.

Данич А. В. Отчет о НИР: Раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2012 г. Пермь, 2012. Архив ПГГПУ.

[Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://chelyabinsk.bezformata.ru/listnews/kraevedcheskom-muzee-provedut-ekskursiyu/8954955/>.

[Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.hnm.hu/en/latog/lat_segitseggel_eloknek2.html.

[Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://neredita.ru>.

[Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://3darchaeology.3dn.ru/>.

[Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.cybercom.ru.

Рис. 1. Погребальная маска: 1 – оригинал в полевых условиях; 2 – 3D копия

А. А. Пушкарев, М. В. Вавулин

*г. Томск
НИИТУ*

ВОЗМОЖНОСТИ ТРЕХМЕРНОГО ОТОБРАЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ В НАУЧНОЙ И МУЗЕЙНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ¹

Любая современная публикация археологических материалов невозможна без качественного иллюстративного сопровождения. Наличие качественных иллюстраций является одним из самых важных критериев введения в научный оборот новых источников. Каждый археолог согласится с тем, что любое самое подробное текстовое описание артефактов никогда не сможет заменить его графическое отображение. В свою очередь, иллюстрации должны максимально подробно и объективно отражать все основные элементы описываемых объектов.

До недавнего времени в публикациях использовались два основных типа иллюстраций археологических артефактов: графический рисунок и фотография. В последние два десятилетия, с развитием информационных технологий у археологов появились качественно новые возможности презентации материалов. С одной стороны, стали более доступны те технологии, которые в прошлом требовали особых навыков и значительных материальных затрат. Это в первую очередь касается распространения цифровых фотоаппаратов, благодаря которым процесс получения фотографий артефактов стал доступен каждому археологу. С другой стороны, появились совершенно новые технологии, позволившие в виртуальном пространстве компьютера создавать объемные модели археологических артефактов, которые по информативности на порядок превосходят обычные фотографии и рисунки. В данной публикации мы рассмотрим две технологии: трехмерное фотографирование и трехмерное сканирование.

Трехмерная фотография – это интерактивный компьютерный ролик, на экране которого пользователь может с помощью мыши или клавиатуры «вращать» изображение того или иного предмета, тем самым рассматривая его с разных сторон. Технология создания таких роликов достаточно проста: предмет ставится на вращающийся столик и фотографируется с разных сторон посредством вращения диска вокруг своей оси с шагом в один или несколько градусов. Далее полученные фотографии с помощью специальной программы сшиваются в компьютерный ролик. Когда пользователь «вращает» предмет в данном ролике, он фактически перелистывает фотографии данного предмета, снятые с разных сторон. Именно за счет возможности виртуального вращения и возникает иллюзия его объемности.

По сути, технология трехмерной фотографии схожа с технологией видеосъемки: если на видеокамеру снять предмет на вращающемся столике, то в получившемся ролике мы также сможем посмотреть данный предмет с разных сторон. Однако для презентации археологических артефактов у технологии трехмерной фотографии есть два преимущества.

Первое преимущество – это интерактивность. Пользователь с помощью мыши может моментально выбирать необходимый ему ракурс предмета, вращать его с необходимой скоростью, а также увеличивать отдельные детали. Более того, трехмерные фотографии представляют интерактивные функции, совершенно недоступные на обычном видео. Во-первых, в окне ролика можно поместить ссылки, используя которые пользователь может получить дополнительную текстовую, графическую и другую информацию о деталях изображенного предмета. Во-вторых, пользователь может вращать предмет не только в горизонтальной плоскости, но и вертикальной. При этом алгоритм показа трехмерных фотографий устроен таким образом, что переход между вращением в одной плоскости в другую можно осуществлять в любой момент. Уточним, что для создания трехмерной фотографии с возможностью вращения в разных плоскостях, необходимо будет изначально сфотографировать предмет не только в горизонтальной, но и вертикальной плоскости.

Второе преимущество – это более высокое качество фотографии. Каждый снимок, в трехмерной фотографии, как правило, выполняется на профессиональном фото и осветительном оборудовании, что позволяет получать ролики высокого качества. Особенно это важно для отображения сложных объектов с большим количеством деталей.

Сейчас имеются специальные системы, которые автоматизируют съемку трехмерной фотографии. Мы используем оборудование компании «Фотомеханика». Система состоит из трех частей: фотоаппарата, поворотного столика и персонального компьютера с программным обеспечением PHM Photo3D Studio. Пользователь устанавливает предмет на столик, вводит в программе параметры фотографирования (де-

¹ Исследования проводились на оборудовании Центра коллективного пользования междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» ТГУ.

тальность, разрешение и т. д.) и запускает процесс съемки. После завершения, программа автоматически сшивает полученные фотографии в интерактивный ролик, который можно использовать для презентации.

Теперь перейдем к описанию второй технологии. Трехмерное сканирование – это процесс создания в виртуальной компьютерной среде объемной модели поверхности материальных предметов. В данном случае, модель содержит точную информацию о геометрии объекта и текстуре его поверхности. Готовую модель можно рассматривать со всех сторон, проводить измерение любых ее параметров (в том числе разрезов) в специализированных программах, хранить в цифровом виде, передавать через сеть интернет, визуализировать как фото или видео файл с любого ракурса, а при необходимости, и создать объемную копию отсканированного артефакта с помощью 3D-принтера. При этом не требуется дальнейший доступ к оригиналу.

Процедуры трехмерного сканирования отличаются в зависимости от модели и производителя оборудования. В данной публикации мы остановимся на описании работы бесконтактного активного лазерного ручного сканера VIUscan (Zscanner CX700) компании Creaform.

Технология сканирования с помощью сканера VIUscan работает следующим образом. По заранее расположенным позиционным точкам, воспринимаемым через видеокамеры, программное обеспечение создает виртуальное пространство и определяет относительное положение в нем сканера и снимаемого объекта. Затем сканер с высокой частотой проецирует на поверхность сканируемого объекта лазерный луч в виде двух линий, расположенных перпендикулярно друг другу. По положению этого луча в пространстве, относительно опорных точек, а также по его искажению на поверхности объекта, программа создает линию точек. Каждые три точки из соседних линий соединяются в треугольник, образуя простейшую единицу поверхности виртуального объекта – полигон. Далее, посредством объединения полигонов в единую сеть создается трехмерная (3D) модель.

Процесс создания трехмерных моделей артефактов проходит в несколько этапов. На первом этапе проводится сканирование объектов. Технология позволяет сканировать объекты двумя способами. В первом случае позиционные точки, располагаются на самом объекте, а во втором они находятся на подложке, на которую помещается сканируемый объект. С помощью первого способа, как правило, сканируются крупные объекты с однородной текстурой и простым рельефом поверхности. Его преимуществом является то, что можно отсканировать объект целиком за одну сессию. Второй способ необходимо использовать для сканирования артефактов размерами менее 5×5×5 см, а также объектов со сплошным орнаментальным покрытием и сложным рельефом поверхности.

В ходе работы нам удалось частично автоматизировать процесс сканирования объектов. Сканер был установлен на штатив, а объект – на столик, вращающийся со скоростью 3 об/мин. И хотя сам процесс сканирования стал занимать несколько больше времени, степень участия человека в нем значительно снизилась, что позволило параллельно со сканированием проводить дальнейшую обработку ранее полученного материала, в целом увеличивая производительность.

На втором этапе полученные модели проходят обработку в специализированном программном обеспечении (Rapidform XOR). Если объект сканировался за несколько сессий, то полученные части соединялись, оптимизировались и отчищались от лишних полигонов, случайно попавших в виртуальное пространство во время сканирования.

Третий этап – текстурирование. Простая полигональная модель не имеет информации о цвете, чтобы наиболее полно передать внешний облик артефакта, необходимо наложить текстуры. Используемый тип сканера позволяет в реальном времени снимать и накладывать текстуры на модель во время сканирования. Однако при небольших размерах объекта камера сканера не способна снять картинку достаточно высокого разрешения, таким образом, текстура получается размытой. Для улучшения качества моделей все артефакты были сфотографированы в высоком разрешении, а затем фотографии были наложены в качестве текстур.

На основе результатов трехмерного сканирования нами было реализовано четыре способа отображения археологических артефактов для научной и музейной презентации.

1) Интерактивная 3D-модель. Может быть реализована средствами любой программы, предназначенной для просмотра 3D-моделей (3ds MAX, Rapidform Explorer и др.). В программе создается виртуальное трехмерное пространство, в котором пользователь может рассматривать модель с любой стороны, вращать ее в любой проекции и увеличивать до необходимого масштаба. В некоторых программах предусмотрены инструменты для измерения геометрических параметров модели. Также модели могут быть размещены в сети интернет с возможностью отображения в интернет браузере. Посредством программного обеспечения Adobe Acrobat модель может быть интегрирована в любой документ в широко распространенном формате PDF.

2) Видеоролик. Может быть реализован средствами программной среды Autodesk 3D studio MAX и Adobe Premiere Pro. Представляет собой визуализацию сцены, включающую в себя сам объект, делающий оборот на 360°, основание, на которое отбрасывается тень, что придает некоторый объем изображению, источник света и виртуальную камеру, расположенную под небольшим углом к линии горизонта. Весь ролик включает

шестьсот отдельно визуализированных кадров, с частотой 30 кадров в секунду. Ролик может быть сохранен в любом из наиболее популярных форматов видео и впоследствии воспроизведен на любом персональном компьютере.

3) Стереовидео/фотография. Может быть реализован средствами программного обеспечения Autodesk 3D studio MAX и Adobe Premiere Pro. Представляет собой визуализацию сцены, идентичной предыдущей, только с использованием двух виртуальных камер. Камеры находятся на одинаковом расстоянии от модели и обе сфокусированы в ее центр (направленный метод стереосъемки). Расстояние между камерами (стереобазис) напрямую зависит от расстояния до объекта. Далее при монтаже видеоролика два видеопотока сжимаются вдвое по горизонтали или вертикали и располагаются рядом. Это видео можно просмотреть при помощи специальных мониторов или проекторов, поддерживающих технологии воспроизведения стереовидео (анаглифическая, поляризационная, затворная и пр.) Благодаря создаваемому в процессе просмотра стереоэффекту, данный способ позволяет почувствовать объем объекта и производит совершенно другое впечатление, чем от обычного видео или фото.

4) Трехмерная печать. Посредством печати на 3D-принтере можно получить материальную копию отсканированного объекта. Технология 3D-печати заключается в послойном создании физического объекта на основе виртуальной модели. Материалом для модели может служить пластик, который расплавляется в процессе печати, а также порошкообразный наполнитель, который спекается или склеивается специальным химическим раствором. Разрешение печати на сегодняшний день достигает 0,1×0,1 мм, что вполне достаточно для создания копий большинства видов археологических артефактов. Однако до сих пор остается проблема качественного нанесения текстур на распечатанную копию. Тем не менее, мы уверены, что благодаря бурному развитию технологии 3D-печати, эта проблема достаточно скоро будет решена.

Теперь выделим преимущества и недостатки описанных выше технологий.

Основными преимуществами трехмерной фотографии являются: во-первых, качество отображения модели. Использование современного профессионального оборудования позволяет получать фотоснимки (и соответственно трехмерные фотографии) высочайшего качества; во-вторых, процесс создания трехмерных фотографий можно практически полностью автоматизировать, что значительно увеличивает его скорость; в-третьих, одним из важных преимуществ является относительно недорогая стоимость оборудования и программного обеспечения для создания трехмерных фотографий. Стоимость комплекта оборудования начинается от 50 тыс. руб.

Среди недостатков необходимо отметить, во-первых, то, что трехмерная фотография является, по сути, псевдообъемной, так как состоит из набора обычных фотографий. Именно поэтому объект, изображаемый с помощью данной технологии, невозможно распечатать на 3D-принтере. По тем же причинам невозможно получить разрез данного объекта, измерить его толщину. Помимо этого, в программах для создания и просмотра трехмерных фотографий не предусмотрены даже инструменты для измерения простых линейных параметров объекта. Трехмерная фотография создавалась изначально для использования в рекламе, где на первом месте стоит визуализация объекта, а измерение его параметров было вообще не востребовано.

Еще одним недостатком является то, что технология трехмерной фотографии дает возможности отображать объект с обзором в вертикальной плоскости не более 180°.

А. В. Соколов
г. Ханты-Мансийск
АУ ХМАО–Югры ЦОКН
М. А. Соколова
г. Тюмень
ТюмГУ

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ БЕСПЛАТНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ ДЛЯ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

На территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО–Югры) мероприятия по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия регулируются Федеральным законом от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Градостроительным кодексом РФ, Земельным кодексом РФ, другими федеральными законами и подзаконными актами, а также Законом ХМАО–Югры «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» № 64-оз от 29.06.2006 г.

Наиболее распространенными объектами культурного наследия (ОКН) на территории ХМАО–Югры, как и в большинстве субъектов РФ, являются объекты археологии.

По данным Службы Государственной охраны ОКН ХМАО–Югры, на 1 апреля 2013 г. **на государственном учете состоят 5 082 памятника археологии**, из них 1090 объектов числятся в Государственном Списке недвижимых памятников истории и культуры окружного значения ХМАО–Югры (постановление губернатора ХМАО–Югры «О постановке на государственный учет и охрану как памятников истории и культуры окружного значения вновь выявленных объектов историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 года)»).

3992 объекта включены в Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность для ХМАО–Югры.

В условиях интенсивной хозяйственной деятельности на территории ХМАО–Югры, связанной со строительством, реконструкцией, капитальным ремонтом в нефтегазодобывающей отрасли, вопросы сохранения ОКН становятся наиболее актуальными.

Одним из основных видов деятельности автономного учреждения ХМАО–Югры «Центр охраны культурного наследия» (АУ ХМАО–Югры ЦОКН) является обеспечение информацией об объектах культурного наследия ХМАО–Югры, а также предоставление историко-культурной оценки территории на возможное наличие ОКН физическим и юридическим лицам, осуществляющих хозяйственную деятельность на территории ХМАО–Югры. Для этих целей используется научно-производственный архив учреждения.

Основные задачи научно-производственного архива:

1. Учет и обеспечение сохранности документов.
2. Комплектование документами по отраслевой принадлежности.
3. Организация использования документов научно-производственного архива учреждения юридическими и физическими лицами в производственных и научно-исследовательских целях в соответствии с законодательством.

Начало формирования фонда научно-производственного архива было положено в 1997–1998 гг. В номенклатуру дел были включены следующие документы: отчеты о НИР, заключения по ИКЭ, экспресс-отчеты, экспресс-заключения о НИР, акты по ИКЭ, проведенным на территории округа. В 2003 г. было принято «Положение о научно-производственном архиве», в котором прописывались его задачи и функции, состав документов, права и ответственность. Данное положение было согласовано с Государственным архивом ХМАО–Югры. С этого момента документы, хранящиеся в научно-производственном архиве Центра, имеющие важное историческое, культурное, научное, социальное, экономическое и политическое значение, составляют государственную часть Архивного фонда ХМАО–Югры, являются собственностью автономного округа и подлежат постоянному хранению в Государственном архиве ХМАО–Югры. Общее количество дел по состоянию на 1 марта 2013 г. насчитывает 4382 единицы.

Хронологические рамки фонда научно-производственного архива: 1965–2013 гг.

АУ ХМАО–Югры ЦОКН на основании информации, хранящейся в архиве Учреждения, выдает информационные справки об ОКН, а также об историко-культурной оценке территории, на возможное наличие

ОКН физическим и юридическим лицам, осуществляющим хозяйственную деятельность на территории ХМАО–Югры с 2003 г. Справки выдавались на платной основе. В период нахождения учреждения в ведомстве Службы Государственной охраны данный вид деятельности финансировался за счет субсидии. На сегодняшний день (учреждение находится в ведомстве Департамента культуры) в государственном задании заложены средства на выдачу справок на строго фиксированное количество. Данная ситуация, на наш взгляд, является некорректной, когда предоставление информационной услуги на объекты, не включенные в государственный реестр и на анализ историко-культурной оценки земельного участка, осуществляется за счет бюджета субъекта РФ.

После выполнения объемных показателей государственного задания Учреждение вправе осуществлять выдачу справок на платной основе.

С этого момента между Заказчиками информационных справок (зачастую – это организации, работающие в нефтегазодобывающей отрасли) и Исполнителем (АУ ХМАО–Югры ЦОКН) возникает недопонимание. Заказчику непонятно, на каком основании выдаются информационные справки на платной основе, ссылаясь на п. 13 Положения о едином государственном реестре (далее – ЕГР).

В соответствии с п. 2 статьи 26* ФЗ от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – ФЗ № 73-ФЗ), перечень информационных услуг определяется Положением о ЕГР ОКН (памятников истории и культуры) народов РФ.

П. 13 Положения о ЕГР ОКН (памятников истории и культуры) народов РФ, утвержденного приказом Росохранкультуры от 27.02.2009 № 37, определено, что информацию из ЕГР, содержащуюся в документах, указанных в подпунктах 3–10 ст. 17, а также в пункте 2 ст. 20 ФЗ № 73-ФЗ, физическим и юридическим лицам предоставляют бесплатно соответствующие органы охраны объектов культурного наследия.

Статья 17

- 1) заявление о включении выявленного объекта культурного наследия в реестр;
- 2) заключение государственной историко-культурной экспертизы;
- 3) сведения о наименовании объекта;
- 4) сведения о времени возникновения или дате создания объекта, дате основных изменений (перестройки) данного объекта и (или) дате связанного с ним исторического события;
- 5) сведения о местонахождении объекта;
- 6) сведения о категории историко-культурного значения объекта;
- 7) сведения о виде объекта;
- 8) описание особенностей объекта, послуживших основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению (далее - предмет охраны);
- 9) описание границ территории объекта;
- 10) фотографическое изображение объекта;
- 11) сведения о собственнике объекта культурного наследия и пользователе объектом культурного наследия;
- 12) сведения о собственнике земельного участка и пользователе земельным участком, а также о правовом режиме использования земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия.

Для правильного решения проблемы необходимо понимать разницу между памятниками, включенными в реестр, и выявленными памятниками.

В соответствии с частями 1, 2 ст. 36 ФЗ № 73-ФЗ проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ осуществляются при отсутствии на данной территории ОКН, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия. В случаях обнаружения на территории, подлежащей хозяйственному освоению, объектов, обладающих признаками ОКН, в соответствии со ст. 3 ФЗ № 73-ФЗ, в проекты проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ должны быть внесены разделы об обеспечении сохранности обнаруженных объектов до момента включения данных объектов в реестр в порядке, установленном ФЗ № 73-ФЗ. При этом действие положений землеустроительной, градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов на данной территории приостанавливаются до внесения соответствующих изменений.

В соответствии со статьей 26 п. 2 Федерального закона № 73-ФЗ право на пользование информацией об Объектах культурного наследия Федерального Закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»:

1. Физические или юридические лица вправе получать в соответствующем органе охраны объектов культурного наследия информацию, содержащуюся в документах, предоставляемых для включения объекта культурного наследия в реестр.

2. Перечень информационных услуг, предоставляемых бесплатно **или за плату, не возмещающую в полном объеме расходов на оказание соответствующих информационных услуг**, определяется Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Предоставление иных информационных услуг об объектах культурного наследия Федеральным законом №73-ФЗ, не предусмотрено.

На основании перечисленных выше пунктов Федеральных законов, необходимо отметить следующее:

В настоящее время ОКН, находящиеся на территории ХМАО–Югры, включенные в государственный реестр (имеющие регистрационный номер), отсутствуют. Информацию о них обязан предоставлять бесплатно орган охраны ОКН (Служба государственной охраны ОКН ХМАО–Югры).

АУ ХМАО–Югры ЦОКН, руководствуясь частями 1, 2 ст. 36 ФЗ № 73-ФЗ, предоставляет информационные справки о **выявленных** ОКН на территории ХМАО–Югры и дает историко-культурную оценку территории участка, на котором планируются хозяйственные работы. Данные информационные справки являются частью разработки разделов об обеспечении сохранности обнаруженных объектов в разрабатываемых проектах и согласуются в Службе Государственной охраны ОКН ХМАО–Югры. Данный вид деятельности прописан в уставе учреждения и является одним из основных видов деятельности.

(Выписка из устава учреждения: Раздел 2. Цели и виды деятельности. П. 2.2.2. Научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия).

Согласно п.6 ст. 4 ФЗ № 173 «Об автономных учреждениях», АУ ХМАО–Югры ЦОКН может осуществлять платную деятельность по услуге предоставления справок об ОКН без внесения дополнительных изменений в свой Устав, так как данная услуга является одним из основных видов деятельности учреждения.

Пункт 6. Кроме указанных в части 2 настоящей статьи государственного (муниципального) задания и обязательств, АУ ХМАО–Югры ЦОКН по своему усмотрению **вправе выполнять работы, оказывать услуги, относящиеся к его основной деятельности**, для граждан и юридических лиц за плату и на одинаковых при оказании однородных услуг условиях в порядке, установленном Федеральными законами (в ред. ФЗ от 08.05.2010 г. № 83).

Пункт 7. АУ ХМАО–Югры ЦОКН вправе осуществлять **иные виды деятельности** лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано, и соответствующую этим целям, **при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах (Уставе)** (в ред. ФЗ от 08.05.2010 г. № 83).

Платные услуги учреждения формируются согласно Сборнику цен на научно-проектные работы по памятникам истории и культуры СЦНПР-91 (Утвержден Приказом Министерства культуры СССР № 321 от 5.11.1990 г.).

На сегодняшний день очень остро стоит вопрос и о передаче информации о научно-исследовательских и археологических работах, проведенных на территории ХМАО–Югры. Все исследователи, работавшие с 1995 по 2007 гг. в сфере охраны и сохранения культурного наследия на территории ХМАО–Югры, были обязаны сдавать в архив Центра документы, содержащие информацию о научно-исследовательских работах и объектах культурного наследия, на основании Временного положения «О Проведении историко-культурной экспертизы» (Распоряжение Администрации округа от 30.03.1995 г. № 250-р). В 2007 г. данное Положение было отменено. Сегодня документы, содержащие информацию о НИР и ОКН, сдаются в архив Центра исключительно по доброй воле.

Наличие полноценной информации в архиве о проведенных археологических работах является очень важным фактором при подготовке объективной информации о наличии или отсутствии ОКН на территориях, отводимых под хозяйственную деятельность. Наличие выдаваемых информационных справок является существенным этапом в мероприятиях, направленных на сохранение ОКН на территории ХМАО–Югры. Создание и наполнение единой информационной базы создаст уникальную возможность оценить исследованность территории ХМАО–Югры и станет основой для создания систем ГИС как сегодня, так и для будущих поколений.

Сегодня необходимо принять соответствующий нормативный акт на уровне Федерального округа или субъекта РФ, нормативный акт, составленный по принципу некогда отмененного Временного положения «О Проведении историко-культурной экспертизы», в части сдачи научно-исследовательской документации о проведенных археологических работах. Путь трудоемкий, процедурный, требующий основательной юридической проработки но без сомнения, эффективный для создания единого информационного ресурса в сфере сохранения и популяризации культурного наследия ХМАО–Югры.

Естественнонаучные методы в исследовании объектов историко-культурного наследия

Г. Н. Паранина
г. Санкт-Петербург
РГПУ им. А. И. Герцена

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПРОТОЧНОСТЬ ЛАНДШАФТА И СТРУКТУРА ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ

Регион. Основу неповторимого облика Севера составляет несколько особенностей.

1. *Особый режим освещения* (полярные дни, белые ночи).
2. *Недостаток тепла, выступающий в качестве основного лимитирующего фактора развития* живой природы (в соответствии с законом Ю. Либиха: от изменения экологического фактора, находящегося в минимуме, зависит жизнеспособность и продуктивность организмов).
3. *Контрастность сезонов года и высокая чувствительность к ритмам природных процессов* (длительностью более трех лет) – как еще одно следствие низкой теплообеспеченности.

Предмет и актуальность исследования. Экстремальный характер природы полярных регионов Евразии во все времена усложнял задачу хозяйственного, духовного и интеллектуального освоения территории: первичного – автохтонным населением, вторичного – колонизаторами. Сегодня, в условиях глобального потепления и ресурсного кризиса, в очередной раз резко возрос интерес к этому региону в нашей стране и во всем мире. В связи с этим в разработке долгосрочных государственных планов его развития определенное место должны занять вопросы: 1) оптимальной организации пространства активного хозяйственного освоения; 2) расширения сети мониторинга и научного исследования; 3) принятия своевременных мер для сохранения природного и культурного наследия.

Очевидно, что, как и в других вопросах, чем глубже понимание процесса, тем адекватнее поведение и надежнее прогноз. При этом фактически всегда решается классическая задача определения прошлого в настоящем и будущем. Для территориальных систем представляется актуальным применение системного подхода и методов пространственного анализа с целью выявления закономерностей организации и развития территории. В статье представлены некоторые базовые понятия и методы системного анализа, как основа взаимодействия естественных и гуманитарных наук в решении этой комплексной научной проблемы.

Деятельность человека направлена, прежде всего, на адаптацию к окружающей среде. По этой причине она, как и любая другая приспособительная реакция, относительна – формируется по отношению к действующим факторам среды и, следовательно, может быть правильно оценена только в эколого-географическом контексте. При этом экологический аспект акцентирует внимание на взаимном влиянии факторов неживой, живой природы и социальной среды, а географический аспект раскрывается через особенности положения в пространстве с учетом неоднородностей в распределении вещества, энергии, информации.

Сегодня ни у кого нет сомнений, что географический детерминизм позволяет объективно оценить влияние разнообразия условий и ресурсов планеты на культурно-историческое развитие регионов. Кроме того, появились работы по исторической географии и этнографии, в которых рассматриваются особенности географического положения, определяющие функции региона по отношению к территориальной надсистеме через связь с системами коммуникации [Паранин В., 1990; 1998; Головнев, 2009]. Дальнейшее развитие этого направления исследований мы связываем, в первую очередь, с решением научной проблемы влияния структурно-динамических свойств географической среды на организацию природно-антропогенных систем. Здесь в центре внимания оказываются энергетические и информационные ресурсы пространства, включая динамичность и знаковость природных процессов, объектов и явлений.

Поиск подходов к решению названной научной проблемы является логическим продолжением наших работ по отражению навигации в пространстве-времени в информационной модели мира [Паранина, Паранин Р., 2009; Паранина, 2010; 2011; 2012]. Методологической основой исследований служат системный, генетический и хронологический подходы, методы концептуального, пространственного и математического моделирования, семиотического, семантического и информационного анализа.

Основные теоретические инструменты. *Информация*, как всеобщее свойство материи (атрибутивный подход) – любая неоднородность. Ее принято рассматривать как меру сложности и противопоставлять энтропии, а количество растет тем, где больше энергии, движения, качественных и количественных изменений. Можно исследовать информацию, заключенную в структуре системы или как содержание структурообразующего процесса – по принципу «сущность является, явление сущностно». Подобным же образом соотносятся понятия «коммуникационная проточность ландшафта» и «структура геокультурного пространства», предлагаемые нами для информационного анализа географических систем.

Под *географической системой, или геосистемой* (далее – ГС), понимают совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных (потоками вещества, энергии и информации) природных элементов, проявляющую такие свойства, как целостность, самоорганизация и саморегуляция. Понятие ГС весьма широко как по масштабам («от кочки до оболочки»¹), так и по возможностям: оно позволяет выявить их динамику в пространстве и времени, наметить объективные границы, определить ведущие факторы и вероятные направления эволюции.

Одним из важных теоретических инструментов системного анализа является характеристика структуры ГС. Под *структурой геосистем* понимается их пространственно-временная организация [Сочава, 1978; Исаченко, 1990], которую раскрывают в три аспекта: 1) пространственный: взаимное расположение частей; 2) функциональный: функциональные связи элементов, осуществляемые через процессы – потоки вещества, энергии, информации; 3) временной: смена состояний во времени. Для природных систем период выявления основных состояний – годовой цикл. Для ретроспективного моделирования природных обстановок особый интерес представляют региональные работы по палеогеографии и анализ проявления ритмики природных процессов. Так, сверхвековые циклы, в частности 1850-летний цикл увлажнения А. В. Шнитникова – Е. В. Максимова, с подразделением на трансгрессивную (повышенное увлажнение суши, увеличение площади озер), регрессивную и промежуточную фазы, хорошо коррелируются с событиями голоцена и известными историческими фактами [Калесник, 1970].

Представление о геокультурном пространстве появилось в географии (культурной географии²) сравнительно недавно и используется для построения картографических моделей распределения элементов материальной и нематериальной культуры внутри территориальной системы. Как правило, при этом хорошо раскрываются пространственные, функциональные и временные связи объектов (их группировка, наследование), но структурообразующие процессы остаются не вполне раскрытыми. Для развития этой стороны исследований мы предлагаем использовать понятия «проточность» и «структура», эквивалентные понятиям «процесс» и «результат».

Структура геокультурного пространства – пространственно-временная организация природно-антропогенной геосистемы. Для характеристики структуры необходимы: систематизированный банк данных и серия карт, дающих представление об основных аспектах структуры – распределении объектов, времени их появления, связях. Однако, на наш взгляд, главная задача этого системно-информационного понятия – наполнить конкретным содержанием универсальную концептуальную формулу «поток организует пространство». Для реализации этой задачи необходимо сформулировать новое понятие и количественный показатель, которые позволят оценить потенциальные возможности движения с учетом свойств ландшафта и интересов человека.

Коммуникационная проточность ландшафта – характеристика его свойств, обеспечивающих средства (способы), направления и устойчивость потока (в том числе, пропускную способность и режим) движения человека и продуктов его деятельности [Марсадолов, Паранина, Григорьев, 2012; 2013]. В основу этого понятия положено определение А. Д. Арманом проточности как всеобщего свойства природных систем, отражающего степень их открытости [1988], историко-географические реконструкции В. И. Паранина [1990; 1998], а также некоторые положения теоретической географии об общих свойствах территориальных сетей [Родоман, 1999] и общие выводы работ по математической морфологии ландшафта [Викторов, 2000].

Прежде всего, очевидно, что для количественной характеристики проточности ландшафта можно использовать относительные показатели или баллы, оценивая каждый способ передвижения возможностью их использования:

$$P = D1 \cdot t + D2 \cdot t, \text{ где } P \text{ – проточность;}$$

$$D1, D2, D3 \dots \text{ – частные оценки способов передвижения;}$$

$$t \text{ – время (число месяцев, в течение которых возможно такое передвижение).}$$

¹ Подразумевается «географическая оболочка» – геосистема глобального масштаба, включающая взаимодействующие и взаимосвязанные биосферу, литосферу, гидросферу и атмосферу.

² В последнее время намечается тенденция замены названия этого научного направления на более благозвучные «геокультурология» или «география культуры»

Для частной оценки способа движения D можно использовать протяженность или густоту путей (соотношение их общей длины к площади территории), популярность способа передвижения, определяемого выбором определенной долей населения (в процентах), и другие подобные характеристики. Главное условие сравнения: стандартный набор параметров и однотипность приемов расчета. При возможности использования разных способов движения – одновременно или поочередно в разные сезоны – баллы складываются для периода, равного одному году. Для моделей, обеспеченных достаточным количеством данных, можно перейти к характеристике динамики реальных транспортных потоков.

Количественная характеристика потенциальных возможностей передвижения позволит создать концептуальную и графическую модель процесса, оценить динамические ресурсы ландшафта и видеть *возможности проявления процесса в непрерывном развитии*, что обеспечивает естественное и целостное его понимание при любом количестве фактов.

Оценка предполагает сравнение, необходимым инструментом которого является шкала. Основой шкалы служат крайние проявления измеряемого явления – минимум и максимум, абстрактно определяемые как «всё» и «ничего». На практике они соответствуют устойчивым значениям («реперам») или расчетным величинам для заданной системы параметров. Для планеты в целом крайние значения определяются ландшафтами, в которых максимально и минимально возможно движение. Очевидно, минимум проточности ландшафта можно определить как «барьер», например: горный хребет, зыбучий песок или болотный массив, а максимум будет соответствовать открытой и подвижной среде, таким характеристикам соответствуют водные массы. В остальных случаях можно получить промежуточные значения. Возможные траектории движения между островами и побережьями связывают места остановок, которые можно выделить в пространстве по удобству расположения в рельефе береговой линии, по отношению речным путям и сухопутным дорогам, источникам пресной воды. В речных системах это, вероятно, такие преодолимые преграды, как пороги, волюки. Кроме того во всех случаях, ритм движения определяют отрезки дневного пути.

Очевидно, что показатели проточности ландшафта будут различаться не только в различные периоды и для соседних регионов, но и в зависимости от масштаба территории. Поскольку надсистема всегда играет конструктивную роль в развитии входящих в нее подсистем, имеет смысл начинать оценку с проточности на планете или в макрорегионе, и в первую очередь охарактеризовать примеры проявления крайних значений. Для полярного региона основные различия проточности будет определять замерзание водных масс.

Динамика коммуникационной проточности Арктики в голоцене. Изменение ледовитости Арктики за последние 10 тыс. лет довольно хорошо изучено по данным палинологии и палеогеографии. Для нашей эры выделяют два периода малой ледовитости – «малый климатический оптимум» (V–XV вв.) и современное потепление климата (со второй половины XIX в.), а также период высокой ледовитости – «малое ледниковье» (с середины – конца XIV в. до конца XVIII в. или начала XIX в.). Изменения природы по ходу этого ритма хорошо объясняют время колонизации Исландии и Гренландии, а также гибель Гренландских поселений [Калесник, 1970]. При этом повышение ледовитости Арктики сопровождалось понижением уровня Мирового океана и повышением влажности континентов – массы горных ледников, водности бессточных озер, влажности аридных территорий.

В голоцене *максимальное потепление Арктики приходится на 7 тыс. л. н., климатический оптимум*, который около 4–3 тыс. л. н. сменился резким похолоданием. На о-вах Шпицберген, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля летом отсутствовали ледяные покровы. На многих островах, расположенных в приполярных районах, росли лиственные леса – в Исландии, на северных побережьях Норвегии, Шетландских и Фарерских о-вах, многих о-вах Канадского Арктического архипелага. Границы лесной зоны в пределах островов и континентальных областей Северной Азии также были смещены к северу. В это время температура морской воды была на несколько градусов выше современной, и Арктический бассейн в основном был свободен ото льда.

Таким образом, в *среднем голоцене теплообеспеченность, продуктивность и проточность полярных экосистем была выше современной, а движение в акваториях окраинных морей летом могло осуществляться циркулярно.*

Проточность ландшафта и способы навигации. Понятие «навигация» подчеркивает неразрывную связь движения и ориентирования в пространстве-времени. По определению, «время – мера движения». Из всех видов движения в природном окружении человека для целей упорядочивания наиболее пригодны ритмические процессы с устойчивой длительностью – периодические, присущие самым крупным объектам – самой планете и ее космическому окружению. В открытом море астрономические способы ориентирования являются преобладающими. На суше и побережье можно использовать наземные ландшафтные и рукотворные ориентиры, но для представления о порядке времени они должны быть одновременно астрономическими инструментами.

В полярных регионах основным космическим ориентиром пространства-времени в период активной хозяйственной деятельности является Солнце (соляная навигация), поскольку вследствие полярных дней и белых ночей ориентиры звездного неба недоступны. Для закрепления точек, удобных для астрономических наблюдений, как и в других регионах, самым подходящим материалом является камень – самый доступный и долговечный материал. Чем больше масса камня, тем меньше он поддается влиянию выве-

тривания, смещению по уклону поверхности и действию других сил, следовательно, надежнее фиксирует точку пространства (масса – мера инертности тел).

На территории Европейского Севера сохранились разнообразные объекты из камня, удобные для ориентирования по Солнцу способами прямого и обратного визирования. Прямое визирование – наблюдение восходов и заходов Солнца у горизонта, обратное визирование – наблюдение всей траектории движения Солнца в течение дня по форме и направлению тени предмета. Выявление навигационных свойств объектов требует несложных астрономических расчетов, топографической съемки и карты, которые в некоторых случаях заменяют крупномасштабные аэро- или космические фотографии.

Объекты астрономической навигации могут сочетаться с ландшафтными маркерами – уникальными природными образованиями, располагающимися на путях в местах, удобных для остановки, и, как правило, почитаемых местным населением. Наиболее часто на их календарное значение указывает широтная ориентация (В – З), позволяющая определить дни равноденствия – границу зимы и лета. На Полярном круге направление на Ю обозначает начало и конец года, а в более северных широтах – начало и конец полярной ночи; направление на С соответствует началу полярного дня и полдню.

Прямое визирование требует заметных ориентиров на горизонте, линейных форм рельефа, с азимутами календарных направлений, установки ориентиров – крупных устойчивых камней (мегалитов), неподвижность которых гарантирует закрепление, а расстояние в 200–500 м обеспечивает точное определение направления на нужную точку горизонта по принципу «прицел-мушка». Таким требованиям соответствуют группы островов (например, в архипелаге Кузова отдельные пары островов лежат на азимутах астрономически значимых направлений, в том числе основных – солнцестояний), прямые берега глубоких водоемов (они сохраняют направление при любом уровне воды), пики и гребни положительных форм рельефа, цепочки трудно поддающихся выветриванию останцов, щели между вертикально стоящими блоками геологических структур, трещины и отверстия скал или установленных камней (Вороний камень в г. Мурманск).

Гномоном может служить не только каменные стела, трон, менгир или дерево, деревянный шест и идол, но и легкие мобильные предметы: посох, жезл, скипетр, копье, стрела, предмет размером с мизинец, зажатый между пальцев [Солнечные часы..., 1985; Стафеев, Томилин, 2006]. Интересен самый точный из гномонов – игла в каменной чаше. Этот предмет называется *полос*, что, на наш взгляд, весьма созвучно с именем Пелес, известного в средневековой Европе мифологического героя, короля-рыбака, хранителя каменной чаши Грааль, в которой свет и вечность. По мнению Р. В. Паранина, гномон в каменной чаше мог быть прообразом яйца с иглой – гарантии бессмертия известного героя русских сказок.

Площадки наблюдений тени сравнительно невелики и занимают от нескольких до двух-трех десятков метров. Их округлая форма моделирует линию горизонта, графически выделенные направления совпадают с тенью предмета в полдень и на заре. Варианты выделения азимутов разнообразны и часто неповторимы, например, радиальными линиями или точечными объектами, в том числе, заметными камнями, как в Мостищенском лабиринте бронзового века на р. Дон. Ландшафтные ориентиры на линии горизонта (горы, долины) не нужны; наоборот, оптимальны равнины или водные пространства, где плоскость совпадает с астрономическим горизонтом и не создает искажений азимутов восхода/захода.

Оценка функций отдельных объектов в геокультурном пространстве региона осуществляется путем сопоставления их пространственной структуры. Максимальный потенциал имеют объекты, элементы которых хорошо согласованы с ландшафтным окружением и региональными и глобальными ориентирами пространства-времени.

Древние объекты – маркеры освоения пространства-времени. В период климатического оптимума, около 6 тыс. л. н., создавались петроглифы в устье р. Выг [Лобанова, 2005]. В них, подчас с тонким юмором, запечатлено активное хозяйственное освоение региона: сцены охоты на боровую дичь и оленя, рыбной ловли, морского промысла. Лодки, вмещающие до двадцати рыбаков, со всей очевидностью доказывают, что человек этого времени отлично владел навыками морской навигации (рис. 1).

Важным доказательством развитой навигации в это время является календарная астрономическая информация, отраженная в наскальных изображениях. Кроме событийной информации о сезонной динамике природы, жизни и деятельности человека, в сюжетах Беломорских петроглифов можно выделить *планиграфическое, образное и знаковое воплощение ориентиров пространства-времени.*

Знаковые элементы наскального панно выделяются своим положением и своеобразием художественного стиля. Таков жрец, изображенный, в отличие от других фигур, анфас, с предметом, напоминающим египетский анх – «ключ дома Солнца и царства мертвых». Напомним, что домом, где ночует Солнце, и где ему больше негде спрятаться (очевидно, там, где оно не заходит за горизонт), античные источники называют Север [Паранин В., 1998]. В 2009 г. анх был интерпретирован нами как календарь, так как форма и определение египетского знака идеально соответствуют рисунку лабиринта-гномона в полярном регионе: только в каменном лабиринте Исландии над Т-образным пересечением дорожек находится круг движения летней тени в течение полярного дня.

Свидетельствами календарного смысла знака в руках жреца являются: 1) аналогичная полярному лабиринту структура: светлое кольцо – лето и полярный день; темное – зима и полярная ночь; прямая линия

между ними – равноденствие; 2) соседствующее со знаком анкса изображение змеи – символа мудрости и времени; 3) опущенное положение рук и прикосновение к календарю на линии равноденствий показывает, что основной сюжет на скальном панно (рис. 1) посвящен осенней миграции в более теплые края, что важно для выживания в контрастных по сезонам приполярных условиях. Планиграфическим подтверждением такой интерпретации знака и сюжета может служить направление движения оленей и лодок на Ю – ЮЗ, в направлении речных путей, ведущих в Карелию и далее вглубь материка.

Другим ярким примером сочетания образной и планово-композиционной форм передачи календарной информации является ряд изображений, проходящий через фигуру жреца с В на З: олень с солярным знаком-спиралью (возможно, самка оленя с пуповиной и новорожденным олененком у ног), жрец с символом календаря и сцена принятия родов (последняя специалистами трактуется как экзотическая сцена дефлорации) *располагаются на одной линии с восходом/заходом Солнца в дни равноденствий*, что, по нашему мнению, акцентирует связь астрономических, фенологических событий и жизненных циклов человека и кормящего его биологического вида. Заметим в связи с этим, что если устойчивые временные характеристики биологических циклов были первыми мерами времени, то, по нашему мнению, *сорок недель* беременности человека и оленя объясняет основу тотемного родства, этимологию понятия «срок» и универсальный символизм числа «40», как древнейшей единицы измерения, сакральное значение которой сохранились до наших дней.

Лабиринты – астрономические инструменты солярной навигации. Авторская система доказательства навигационной функции лабиринта с помощью установленного в центре гномона раскрывает возможности использования этого каменного сооружения **в качестве солнечного компаса, часов и календаря** [Паранина, 2010]. Обычное их расположение – на острове или мысе, наибольшая концентрация в России – Заяцкий остров Соловецкого архипелага. Тень невысокого центрального сложения или вертикально поставленного камня (рис. 2 – А) согласуется с положением элементов структуры лабиринта (диаметрами дуг, азимутами концов спиралей, входа). Ромбическая плита со следами обработки в центре лабиринта № 3 оказалась весьма удобной для наблюдения продвижения тени гномона в диапазоне четырех часов – время до и после полудня (рис. 2 – Б), в эксперименте мы использовали наклонно установленное удилище.

Для разработки метода астрономической датировки лабиринтов были использованы заложенные в структуру рисунка астрономические параметры: высота полуденной высоты Солнца над горизонтом и смещение восходов/заходов в зависимости от положения земной оси (рис. 3). Изменение наклона земной оси от 21°55' до 24°20' с периодом 41 тыс. лет смещает тропики и полярные круги, что отражается, прежде всего, на точках восхода/захода. Несколько тысяч лет назад наклон был больше современного, равного 23°27', и Полярный круг располагался ближе к Большому Заяцкому острову Белого моря.

На отрезке меридиана 1°33', отделяющем Большой Заяцкий остров от Полярного круга, азимут точек восхода в солнцестояния изменяется на 20°. Эта зона Приполярья является особенно чувствительной к любым изменениям, ее можно назвать зоной космической индикации. На графике (рис. 3) видно, что за 5 тыс. лет азимут восхода (ряд 1) на широте острова изменился на 4,58°, а полуденная высота (ряд 2) всего на 0,65°. Следовательно, ориентиры обратного визирования по гномону более устойчивы, чем ориентиры прямого визирования, и служат гарантией длительного использования календаря. Более динамичный азимут восхода в солнцестояния эффективен в качестве основы датировки [Паранина, 2011].

Если считать вход в лабиринт маркером начала годового цикла, соотносимого в древности с одной из границ астрономических сезонов – солнцестоянием или равноденствием, то для датировки следует сравнить азимут входа с его отклонениями от географического меридиана за длительный период времени. Для лабиринта № 1 Большого Заяцкого острова это отклонение составляет 13°. На графике (рис. 3) такая астрономическая ситуация относится ко времени 6–7 тыс. л, что хорошо согласуется с возрастом рельефа.

Структурно-астрономический подход к оценке времени вероятного сооружения лабиринтов учитывает еще нескольких факторов, каждый из которых вносит свои ограничения. Во-первых, существенны различия в определении точки восхода: по появлению «половины диска» или «первого луча». При d солнечного диска 0,5° различия в определении азимута восхода составят соответственно 1,47, что эквивалентно около его отклонениям за 1,5 тыс. лет. В расчетах мы исходили из широко распространенной до нашей эры традиции наблюдения «первого луча».

Еще два фактора, ограничивающие время использования лабиринта-календаря, связаны с высотой гномона и его положением в центральном сложении. При определенной малой высоте гномона высота дуг лабиринта может оказаться непреодолимой для его тени. Для уточнения этого условия в 2011 г. были сделаны детальные промеры высот всех частей лабиринтов. По расчетам, положение гномона в центре за 5 тыс. л. сместилось на 10 см, при такой скорости изменений, резервов пространства хватит еще на 2,5 тыс. лет.

Таким образом, по астрономическим критериям объективное ограничение возможности создания лабиринта в форме, дошедшей до нашего времени, составляет 7,5 тыс. лет, а вероятное строительство – 6–7 тыс. лет, что относит сооружение этого лабиринта в эпоху климатического оптимума голоцена. Полученная нами астрономическая датировка хорошо согласуется с возрастом Большого Соловецкого острова, который на высоких террасах оценивается в 6 тыс. лет [Субетто, 2010].

Проблемы охраны и исследования древних объектов Европейского Севера. К сожалению, трудно надеяться, что найдется заказчик на проведение масштабных полевых исследований в русле предлагаемой нами навигационной концепции. Дело в том, что такая работа не предполагает открытия привычных для археологии артефактов, а лишь восстанавливает и объясняет логику регионального освоения и планетарного развития, или, иными словами, рисует ментальную карту Северной ойкумены и учит думать в глобальном контексте.

Кроме того, об отсутствии официальной заинтересованности в научном исследовании и сохранении древних каменных объектов свидетельствуют проблемы их охраны. Среди ярких примеров, в частности, железобетонные павильоны, готовые рухнуть на Беломорские петроглифы, закрытые уже несколько десятков лет по причине аварийного состояния. Равно как летние палаточные города, возведенные на крохотном Большом Заяцком острове, заселенные биофизиками, одержимыми мифической идеей излечения нашего больного поколения в уникальных памятниках древней культуры – каменных лабиринтах – с разрешения Русского географического общества (!).

Выводы.

1. Положение объекта в геокультурном пространстве означает не только его адрес на карте, но и многообразный спектр аспектов его функциональной значимости, отраженной в системе отношений с элементами системы.

2. Недостаточно определить локальные отношения в данном месте и данное время, необходимо соотносить их формы с устойчивыми значимыми характеристиками надсистем выше стоящего порядка: географической средой и планетарными процессами.

3. Организация исследований информационных свойств древних памятников на структурно-динамической основе может стать школой системного мышления и основой интеграции научного поиска для новых поколений географов, историков и археологов.

4. Модели геокультурного пространства позволят узким специалистам по-новому взглянуть на разрозненные факты и артефакты, увидеть в них части целого.

5. В полярных регионах Евразии комплексные исследования нельзя откладывать на будущее, поскольку освоение месторождений полезных ископаемых шельфа и побережий северных морей грозят разрушительным термокастом на волне глобального потепления.

Литература

- Арманд А. Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем. М., 1988.
 Викторов А. С. Основные проблемы математической морфологии ландшафта. М., 2006.
 Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
 Исаченко А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М., 1991.
 Калесник С. В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970.
 Лобанова Н. В. Тайны петроглифов Карелии. Петрозаводск, 2005.
 Марсадолов Л. С., Паранина Г. Н., Григорьев Ал. А. Комплексный подход к изучению мегалитического наследия // Вестник ТГУ. Сер.: История. № 2 (22). Томск, 2013.
 Марсадолов Л. С., Паранина Г. Н., Григорьев Ал. А. Новые подходы к изучению объектов природного и культурного наследия // География: проблемы науки и образования. LXIV Герценовские чтения. СПб., 2012.
 Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990.
 Паранин В. И. История варваров. СПб., 1998.
 Паранина Г. Н. Семиотика географического пространства как основа моделирования и информационно-семантического анализа // Гуманитарные науки в Якутии. Вып. 3. Якутск, 2012.
 Паранина Г. Н. Северный лабиринт – гномон: компас, часы, календарь // Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы VII Всерос. совещ. по изучению четвертичн. периода. Апатиты; СПб., 2011.
 Паранина Г. Н. Свет в лабиринте: время, пространство и информация. СПб., 2010.
 Паранина Г. Н., Паранин Р. В. Лабиринт: ориентация в географическом пространстве и эволюция знака // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. Архангельск, 2009.
 Родман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск, 1999.
 Солнечные часы и календарные системы народов СССР // Исследования Вселенной. Вып. 10. Л., 1985.
 Сочава В. Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск, 1978.
 Стафеев С. К., Томилини М. Г. Пять тысячелетий оптики: преистория. СПб., 2006.
 Субетто Д. А. Палеолимнологические реконструкции в бассейне Белого моря // Система Белого моря. Т. I: Природная среда водосбора Белого моря. М., 2010.

Рис. 1. Беломорские петроглифы р. Выг (Залавруга) [Лобанова, 2005]

Рис. 2. Лабиринты Белого моря: А – лабиринт со стел на о-ве Олешин, архипелаг Кузова; Б – центральное сложение в лабиринте № 3 на Заяцком острове, Соловецкий архипелаг. Фото автора. 2009, 2010 гг.

М. А. Кулькова
г. Санкт-Петербург
РГПУ им. А. И. Герцена

ГЕОХИМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПОИСКА, ВЫЯВЛЕНИЯ ГРАНИЦ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗОН НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ¹

В последнее время при археологических исследованиях применяется широкий спектр различных методов естественных наук, которые дают дополнительную информацию об условиях обитания, времени существования человека, что позволяет реконструировать особенности жизни древнего населения. С развитием аналитических методов появляется возможность для высокоточных, детальных исследований культурных отложений и остатков материальной культуры, которые представляют ценную информацию для создания хронологии и периодизации археологических культур, а также помогают понять этапы развития человеческого общества. Одной из важных задач, которая может быть решена с помощью естественнонаучных методов, является индикация археологических памятников и реконструкция различных функциональных зон в местах древних обитаний. Осадочные отложения, почвы, подверженные антропогенным воздействиям, изменяют свои физико-химические характеристики и являются маркерами антропогенных процессов. С этой точки зрения, ценную информацию об антропогенном влиянии дают геохимические характеристики почв, культурных отложений.

До сих пор применение геохимических методов исследования в археологии ограничивалось определением общего содержания фосфатов в почвах для установления мест древних поселений [Proudfoot, 1976. Р. 93–112; Hamond, 1983. Р. 47–80; Österholm, 1997. Р. 137–152]. Только в последние годы стали проводиться исследования по изучению динамики распределения фосфора в антропогенных почвах и выявлению различных форм нахождения фосфора в антропогенных отложениях [Holliday, Gartner, 2007. Р. 301–333]. Как отмечают Дж. Энтвистле и его коллеги [Entwistle et al., 2007. Р. 391–415], за последние десять лет для реконструкции древних поселений применялся очень ограниченный набор химических элементов: фосфор, кальций, магний и калий. В то же время барий (Ba), стронций (Sr), медь (Cu), свинец (Pb), цинк (Zn), марганец (Mn), хром (Cr) и никель (Ni), которые в результате антропогенной деятельности также могут накапливаться в палеопочвах, использовались для реконструкций древней антропогенной активности в меньшей степени. Фосфатный анализ стал применяться в археологии для поиска поселений в 1940–1950-х гг. В Советском Союзе использовалась методика отбора и подготовки проб, разработанная П. А. Веллесте [1952. С. 135–140]. Большое содержание фосфатов является признаком поселения, за границами которого содержание фосфатов резко падает. Обнаружить фосфатные соединения в почвах и осадочных отложениях можно с помощью аналитических методов исследования. Для этого на местности, где предполагаются остатки древнего поселения, отбирается серия образцов почвы. Пробы изымаются по прямой линии, например, по предполагаемым осевым линиям поселения. В тех случаях, когда культурный слой залегает под балластными отложениями, пробы берутся с разных глубин при помощи бура или зонда. Определение фосфора проводится в лаборатории с помощью кислотных вытяжек. Этот метод аналитической химии до сих пор применяется в археологической практике [Тараненко и др., 1999.- С. 211–214; Авдусин, 1980]. В последнее время в России развиваются методики отбора образцов по площади, а также использования многоэлементного анализа и обработки данных методами математической статистики, для реконструкции функциональных зон в местах древних поселений [Кулькова, 2012. С. 120]. Фосфор остается в почве на местах постоянного обитания людей и животных, а также в местах их захоронения, в результате разложения органических остатков человеческой деятельности, в том числе и костной ткани, которая содержит наибольшее количество фосфора. В костях фосфор содержится в виде апатита, гидроксил-фторапатита $\text{Ca}_5(\text{PO}_4)_3(\text{OH}, \text{F})$ или флюороапатита, коллоидной формы $\text{Ca}_3(\text{PO}_4)_2 \cdot \text{CO}_3 \cdot \text{OH}$ (F, OH). После захоронения соединения фосфора образуют устойчивые соединения с железом и алюминием, такие как вивианит $\text{Fe}^{2+}_3(\text{PO}_4)_2 \cdot 8\text{H}_2\text{O}$ и митридатит $\text{Ca}_2\text{Fe}^{3+}_3(\text{PO}_4)_3 \cdot \text{O}_2 \cdot 3\text{H}_2\text{O}$ [Stamatakis, 2004. Р. 329–357]. Соединения ортофосфорной кислоты и органо-минеральные соединения с фосфором устойчивы к условиям природного окисления, восстановления, вымывания. На устойчивость соединений фосфора влияют локальные геохимические условия, pH среды, микроорганизмы. При продолжающихся процессах оккупации мест древним населением происходит накопление фосфатов в почвах, так как фосфор медленно участвует в процессах природной циркуляции. Антропогенный фосфор может существовать в широких пределах pH. В кислых условиях фосфор образует соединения с железом и алюминием, в щелочных условиях – с кальцием. Некоторые формы

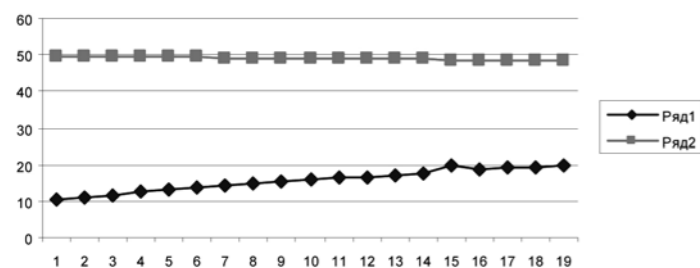

Рис. 3. Полуденная высота (ряд 1) и азимуты восходов Солнца в летнее солнцестояние (ряд 2) на широте 65° с. ш. за 9000 лет: по вертикали – углы (в градусах); по горизонтали – шкала времени (интервалы в 500 лет)

¹ Исследования проведены при поддержке фонда РФФИ, проект № 13-06-00548.

соединений фосфора относительно стабильны при биохимическом выветривании. Почвенный фосфор может трансформироваться и вымываться в песчаных почвах, при изменении pH почв, в почвах, подверженных дренажу. Существует также комплексное взаимоотношение между формами нахождения фосфора, ландшафтом, временем и общим содержанием фосфора.

Сравнительная устойчивость соединений фосфора в почвах, особенно неорганических соединений, и накопление его позволяют использовать фосфатный анализ для установления следов древней антропогенной активности. Источниками поступления фосфора в почвы могут быть: различный мусор, оставленный древними людьми, в том числе органические остатки, костные остатки, мясо, рыба, растения, остатки погребения, пепел; поступление фосфатов в результате развития агрикультуры, в виде удобрений. Вместе с фосфором в антропогенных отложениях присутствуют С, Mn, К, N, Na, S, Cu, Zn и другие металлы – индикаторы древней антропогенной активности. Для установления зависимости увеличения концентрации фосфора от антропогенной активности в современных рыбопромысловых зонах эскимосов были поставлены эксперименты и проведены геохимические исследования [Knudson et al., 2004. P. 443–456]. Содержание фосфора в почвах на участках под крышами, где сушилась рыба, и капал рыбий жир, было на порядок выше, чем в почвах, отобранных рядом. В этих зонах также были обнаружены повышенные содержания К, Mg, Ba, Ca, Na. В очагах были зафиксированы повышенные значения К, Mg, P. Фосфор не был обнаружен в копильне для рыбы, так как помещение несколько раз перестраивалось и сейчас является интенсивной проходной зоной. На поселениях древних эскимосских культур Дорсет и Туле, расположенных в арктической Канаде [Davidson et al., 2006. P. 778–783], были проведены исследования по содержанию в почве и культурном слое фосфора. В результате этого, на их территории были установлены повышенные уровни значений фосфора и органического материала. В этом районе большую роль в накоплении фосфора в почвах играют птичьи базары и растительность, которая участвует в цикличности фосфора в природе. Несмотря на природные факторы, содержание фосфора в почвах деревень в 5–7 раз выше. Таким образом, эти эксперименты подтвердили индикаторное значение фосфора для реконструкций антропогенной деятельности.

Главными элементами, которые могут характеризовать антропогенное воздействие, по данным Milton G. Nunez [Nunez, 1977. P. 80], Marcondes Lima da Costa и D. Kern [Lima da Costa, Kern, 1999. P. 369–385], наряду с фосфором (P) являются кальций (Ca) и стронций (Sr). Эти элементы – основные компоненты, входящие в состав минеральной части костной ткани, зубов, роговых образований. На поселениях и, особенно, в местах захоронений людей и животных, содержания фосфора, кальция и стронция имеют сильные аномальные значения. Другими элементами, которые также используются для характеристик антропогенного влияния, являются калий (K) и рубидий (Rb). Middleton et al. [1996. P. 673–687] связывают аномальные содержания калия на поселениях и в местах жилых помещений с зонами очагов, так как в древесной золе растений были зафиксированы высокие содержания калия. По данным Aston et al. [1998. P. 465–477], которые базируются на исследовании состава современной древесины и древесной золы, эти вещества обогащены марганцем (Mn) и в некоторой степени цинком (Zn). Повышенные концентрации калия в почве на поселениях М. А. Гриффит [Griffith, 1981. P. 27–36] также связывает со скоплениями в почве древесины или пепла. Кроме того, по данным М. А. Гриффит, повышенные концентрации в почвах калия и фосфора могут указывать на места, в которых накапливались экскременты человека или животных, а также различные животные ткани, шкуры и т. д. Нужно отметить, что средний химический состав навоза, по данным В. В. Миронова [2005. С. 146–148]: N (азот) – 0,5%; P₂O₅ (фосфат) – 0,25%; К – 0,6%. При хранении и переработке в навозе происходят различные изменения, вызываемые микроорганизмами. Интенсивное протекание микробиологических процессов приводит к превращению элементов (N–P–K) из органических форм в минеральные, которые накапливаются в почве. Повышенные содержания в животных экскрементах и навозе таких микроэлементов, как Cu, Zn и Pb, наряду с фосфором также позволило использовать эти элементы как индикаторы древней антропогенной активности [Davies et al., 1988. P. 391–398; Bintlift et al., 1990. P. 159–172; Aston et al., 1998. P. 465–477]. Концентрация этих микроэлементов увеличивается в слабощелочных условиях. В кислых условиях, при большом количестве гумуса, они становятся мобильными.

Исследования последних нескольких лет показали [Wilson et al., 2005. P. 1094–1099], что использование одного элемента или его соединения для характеристик археологических объектов или функциональных зон поселения является не всегда корректным, так как появляется намного больше археологических и природных контекстов, с которыми может быть интерпретирован данный результат. Накопление того или иного элемента зависит от различных природных факторов формирования отложений и их последующего диагенетического преобразования, продолжительности и интенсивности оккупации древними людьми данного места и процессов, происходящих после погребения древних отходов. Поведение отдельных элементов зависит от pH, Eh условий, содержания органического вещества в почвах, минерального состава и текстуры почв. Поэтому разные элементы ведут себя по-разному в одинаковых геохимических условиях при почвообразовании на поселении.

Учитывая это, в последнее время для оценки древнего антропогенного влияния на окружающую среду активно используется способ «многоэлементного» анализа [Wilson et al., 2005. P. 1094–1099; Lima da Costa, Kern, 1999. P. 369–385; Parnell et al., 2002. P. 379–404]. Применение методов математической статистики позволяет разделить всю совокупность химических элементов, полученных при исследовании антропогенных почв, на несколько групп. Ассоциация химических компонентов в группе с наиболее близкими корреляционными связями показывает, что эти элементы образовывались в одинаковых геохимических условиях. Таким образом, можно выявить группу элементов, которая связана непосредственно с антропогенной деятельностью. Применение многовариантной статистики для обработки данных по химическому составу антропогенных почв на поселениях культуры Эль Кайоте в северо-западном Гондурасе, относящихся к 600–1000 г. н. э., позволило Е. Уэллсу [Wells, 2004. P. 67–84] понять взаимоотношения между местами ритуальной практики, ремесленными и хозяйственными зонами. Так, в группу 1 вошли элементы Ti (титан) и Fe (железо), которые связаны с местоположением ремесленных мастерских по обработке камня. Повышенное содержание этих элементов наблюдается в обсидиановых инструментах, обломки которых преобладают в этих зонах. Группу 2 составляют элементы P, Ca, K, Na, аномальные значения которых характеризуют зону ритуальной практики, где приготавливались сакральная пища и напитки. Останки животных, после их разделки и освященной еды при захоронении и разложении обогащали почву этими элементами.

Геохимические методы могут быть применены на многослойных памятниках для анализа культурных «горизонтов», особенно в том случае, когда не сохраняются жилые и хозяйственные строения. Это позволяет получить важную дополнительную информацию для интерпретации различных участков памятников (например, таких, как зон скопления органических материалов — останков животных, рыб, раковин и т. д.), для выявления назначения ям и построек, функциональных зон в различных сооружениях, околоочажных пространств. Исследования по выявлению функциональных зон на поселениях с помощью геохимических методов были проведены на многослойных неолитических памятниках Сертея XIV и Сертея 3-3, которые расположены в прибрежной части древней Сертейской озерной системы в районе Двинско-Ловатского междуречья на Северо-Западе России [Mazurkevich et al., 2012. P. 42]. Эти памятники являются одними из первых неолитических стоянок в лесной зоне Восточной Европы. Впервые древнее население, которое научилось изготавливать глиняную посуду, появляется здесь, на песчаных берегах озерных котловин, около 6200 г. до н. э. Это – представители так называемой сертейской культуры. Деревянные конструкции древних жилищ в песчаных отложениях не сохранились. Археологи находят здесь только остатки очагов, керамики и каменные орудия труда. Использование геохимических методов дает возможность выявить места и площади распространения различных жилых и хозяйственных структур на поселении, а также проследить изменения мест их расположения во времени.

Реконструкция функциональных зон – с помощью геохимического картирования – была также проведена на площади вскрытия культурного слоя эпохи энеолита на многослойном памятнике Охта 1, расположенном в центре Санкт-Петербурга, на мысу при слиянии рек Охта и Нева [Нестеров и др., 2011. С. 56–61]. Анализ содержания геохимических компонентов, связанных с антропогенной деятельностью, показал, по площади распространения культурного слоя отмечаются аномальные, по сравнению с фоновыми, значения фосфора – P (12,5%), кальция – CaO/(CaO+Na₂O)(0,0008%), что отражает накопление костных остатков и зубов. В зоне аномальных значений этих элементов отмечаются также повышенные концентрации железа – Fe (26%). Ареолы аномально высоких значений отмеченных компонентов, по сравнению с фоновыми, были обнаружены в зоне, характеризующейся по археологическим данным находками зуба, янтарных подвесок, охры, каменной кладки. Таким образом, аномальные ареолы распространения антропогенных индикаторных элементов позволили определить границы древнего погребения.

Археологический памятник «Кресты», расположенный на п-ове Средний, на побережье Баренцева моря, представляет особый интерес. Данный археологический объект представляет собой круг с крестом из камней в центре. По результатам анализа угля, взятого под камнями, это сооружение можно отнести к III тыс. до н. э. [Кулькова, Шахнович, 2012. С. 657–677]. При проведении исследований на памятнике «Кресты» был выявлен определенный комплекс химических компонентов и микроэлементов (P₂O₅, CaO, K₂O, MnO, Zn, Cu, Sr, Rb), связанных с жизнедеятельностью древнего человека и накапливающихся в культурном слое. Повышенные значения фосфатов (P₂O₅), а также аномальные значения показателей CaO/(CaO+Na₂O) и Sr/(Sr+Na₂O), характеризуют область, использовавшуюся древним человеком. Равно как зоны, в которых, вероятно, прослеживалось скопление органических материалов, вследствие, например, разделки туш животных. Характер околоочажных зон и интерпретация различных конструкций, таких как места расположения древних кострищ, могут быть охарактеризованы при использовании индикаторных значений «K₂O/(K₂O+Na₂O)» и «Rb/(Rb+Na₂O)», а также распределении химических элементов-индикаторов повышенной зольности в антропогенных отложениях, таких как цинк (Zn) и медь (Cu). Характер распределения марганца (Mn) в культурном слое может показывать участки, на которых происходило разложение древесных и органических остатков. Можно также предположить, что зоны с повышенными содержаниями комплекса элементов, таких

как P, Ca, K, Sr, Rb, Zn, Cu, характеризуют участки ритуальной практики, где могло разделяться мясо животных и готовиться сакральная пища. Останки животных после их разделки и остатки освященной еды при захоронении и разложении могли обогащать почву этими элементами.

Как можно видеть из приведенных примеров, реконструкция функциональных зон на древних поселениях с помощью геохимического метода является сложной задачей. Причем анализ содержания в почве и культурных слоях отдельных химических элементов для достижения этой цели не всегда может быть успешным. Для корректного решения поставленной цели необходимо оценить геологическую ситуацию рассматриваемого региона, определить условия и факторы, влияющие на минеральный и химический составы отложений, охарактеризовать процессы седиментации и почвообразования в зоне древних поселений, выявить ассоциацию антропогенных элементов, которые не связаны с процессами выветривания, почвообразования, оруденения и диагенетического преобразования. Кроме того, для точной интерпретации данных и выявления определенного контекста следует сопоставлять результаты, полученные геохимическим методом, с материалами археологических исследований.

Литература

- Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М., 1980.
- Веллесте П. А. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // КСИ-ИМК. Вып. 42. М., 1952.
- Кулькова М. А. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований: Учеб. пособие. СПб., 2012.
- Кулькова М. А., Шахнович М. М. Опыт комплексного геолого-геохимического исследования культовых памятников Мурманского Заполярья (п-ов Средний) // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М, 2012.
- Миронов В. В. Влияние режимов подготовки на агрохимический состав компоста // Вестн. ВГУ. Сер.: Химия, биология, фармация. № 2. Воронеж, 2005.
- Нестеров Е. М., Кулькова М. А., Маркова М. А., Нестеров Д. А. Геохимическая оценка антропогенных отложений эпох неолита-энеолита на памятнике Охта I (Санкт-Петербург) // Вестн. МАНЭБ. Т.15. № 5. М., 2011.
- Тараненко Н. П., Гей А. Н., Детюк А. Н. Применение фосфатного анализа при разведке древних поселений на черноземах Воронежской области // РА. № 4. М., 1999.
- Aston M. A., Martin M. H., Jackson A. W. The Use of Heavy Metal Analysis for Archaeological Surveying // Chemosphere, 37. 1998.
- Bintliff J. L., Davies B. E., Gaffney C. F., Waters A. Trace Metal Accumulation in Soils on and Around Ancient Settlements in Greece // In S. Bottema, G. Entjes-Nieborg, & W. van Zeist (Eds.), Man's Role in Shaping of the Eastern Mediterranean Landscape. Rotterdam, 1990.
- Davidson D. A., Dercon G., Stewart M., Watson F. The Legacy of Past Urban Waste Disposal on Local Soils // Journal of Archaeological Science, 33. 2006.
- Davies B. E., Bintliff J. L., Gaffney C. F., Waters A. T. Trace Metal Residues in Soil as Markers of Ancient Site Occupancy in Greece // In D.D. Hemphill (Ed.), Trace Substances in Environmental Health XXII, a Symposium. Columbia, MO: University of Missouri, 1988.
- Hamond F. W. Phosphate Analysis of Archaeology Sediments // T. Reeves-Smyth, F. Hamond (Eds.). Landscape Archaeology in Ireland / BAR British Series 116 (Oxford, UK), 1983.
- Holliday V. T., Gartner W. G. Methods of Soil P Analysis in Archaeology // Journal of Archaeological Science, 34. 2007.
- Entwistle J. A., McCaffrey K. J. W., Dodgshon R. A. Geostatistical and Multi-Elemental Analysis of Soils to Interpret Land-Use History in the Hebrides, Scotland // Geoarchaeology: An International Journal, 22. No. 4. 2007.
- Griffith M. A. A Pedological Investigation of an Archaeological Site in Ontario, Canada: An Examination of the Soils in and Adjacent to a Former Village. Part 2 // Geoderma, 25. 1981.
- Knudson K. J., Frink L., Hoffman B. W., Price T. D. Chemical Characterization of Arctic Soils: Activity Area Analysis in Contemporary Yup'ik Fish Camps Using ICP/AES // Journal of Archaeological Science, 31. 2004.
- Mazurkevich A., Fassbinder J. W. E., Kulkova M., Polkovnikova M., and Dolbunova E. Visualization of the Results of the Interdisciplinary Prospection of Stone Age Monuments in the Northwest of Russia // First International Conference "Virtual Archaeology", State Hermitage Museum. St. Petersburg, 2012.
- Middleton W. D., Price T. D. Identification of Activity Areas by Multi-element Characterization of Sediments from Modern and Archaeological House Floors Using Inductivity Coupled Plasma-atomic Emission Spectroscopy // Journal of Archaeological Science, 23. 1996.
- Lima da Costa M., Kern D. Geochemical Signatures of Tropical Soils with Archaeological Black Earth in the

Amazon, Brazil // Journal of Geochemical Exploration, 66. 1999.

Nunez M. G. Archeology Through Soil Chemical Analysis: an Evaluation. Helsinki, 1977.

Österholm I. Spot Tests as a Phosphate Survey Method in the Field: Practical Experiences // European Archaeology, 1. 1997.

Parnell J. Ja., Terry R. E. Soil Chemical Analysis Applied as an Interpretive Tool for Ancient Human Activities in Piedras Negras, Guatemala // Journal of Archaeological Science, 29. 2002.

Proudfoot B. The Analysis and Interpretation of Soil Phosphorus in Archaeological contexts // D. A. Davidson, M. L. Shackley (Eds.). Geoarchaeology, Westview Press, Boulder, CO. 1976.

Stamatakis M. G. Phosphate Deposits of Neogene Age in Greece // Mineralogy, Geochemistry and Genetic Implications. Chemie der Erde, 64. 2004.

Wilson C. A., Davidson D. A., Cresser M. S. An Evaluation of Multi-element Analysis of Historic Soil Contamination to Differentiate Space Use and Former Function in and Around Abandoned Farms // Holocene. V. 15. 2005.

Wells E. C. Investigating Activity Patterns in Prehispanic Plazas: Weak Acid-extraction ICP/AES Analysis of Anthrosols at Classic Period El Coyote, North-West Honduras // Archaeometry, V. 46. 2004.

О. С. Тупахина
г. Салехард
ГКУ ЯНАО НЦИА
Д. С. Тупахин
г. Томск
ТГУ

МИКРОБИОМОРФНЫЙ АНАЛИЗ ПОЧВ ПОСЕЛЕНИЯ ЭНЕОЛИТА ГОРНЫЙ САМОТНЁЛ-1

Введение. Основу микробиоморфологии составляет изучение сочетаний микроскопических частиц биогенной природы: фитолитов, пыльцы и спор, панцирей диатомовых водорослей, спикул губок, растительного детрита, кутикулярных слепков и т. д. Поскольку эти частицы обладают характерной, специфической формой, то диагностика их в любых почвах и отложениях не вызывает трудностей. Каждая из микробиоморф характеризует определенные условия и факторы почвообразования, осадконакопления, формирования культурных слоев. При комплексном анализе, частично перекрываясь, они дополняют друг друга, позволяя получать достоверную, принципиально новую информацию. Сохранность микробиоморф высока, что позволяет использовать метод при исследовании палеопочв [Гольева, 2008].

Пробы для микробиоморфного анализа были отобраны в серии прослоев насыпи и погребенной почве на поселении эпохи энеолита Горный Самотнел-1, расположенном в Нижнем Приобье (ЯНАО). Для определения возможного генезиса слоев (прослоев) и реконструкции исходного природного ландшафта рассмотрено 9 образцов: два – из фоновой почвы и семь – из колонки с современной почвой и серии культурных слоев, расположенных под ней¹. В табл. 1 и 2 представлены количественные и полуколичественные сравнительные параметры.

Общее описание образцов с выводами. Характеристика микробиоморфной фракции С-10-04, фон (фоновая почва)

0-2 А0. Образец содержит много различного детрита, аморфной органической массы, кутикулярных слепков, копролитов и личинок почвенной фауны, корней, грибных гифов, пыльцы. Фитолитов нет. Можно отметить два панциря диатомовой водоросли.

Вывод. Состав фракции типичен для подстилок. Отсутствие фитолитов при обилии кутикулярных слепков типично для подстилок, поскольку фитолиты, как самостоятельные частицы, отделяются от кутикулярных слепков в процессе ее разрушения. В грубогумусных подстилках процесс разложения опада замедлен, что приводит к накоплению на поверхности кутикулярных слепков и общему обеднению слоя фитолитами. Наличие небольшого количества диатомовых водорослей типично для грубых подстилок, где происходит застаивание воды, что способствует развитию диатомовых в пленках воды.

2-5А1. Состав фракции в целом сходен с таковым для предыдущего слоя 0–2 см. Отличием является присутствие не только диатомовых, но и спикул губок, наличие фитолитов и раковинных амёб. Фитолитов немного, их состав – лесное разнотравье с примесью хвойных пород деревьев в верхнем ярусе.

Вывод. Состав микробиоморфной фракции характерен для нижней гумусированной подстилки, где начинают накапливаться фитолиты за счет дробления кутикулярных слепков. Присутствие раковинных амёб (деструкторов грубого гумуса) также позволяет считать данный слой не самостоятельным гумусовым горизонтом, а нижней частью мощной лесной подстилки. Появление спикул губок, их хорошая сохранность указывают на аллювиальный генезис почвообразующей породы и относительную молодость самой почвы.

С-10-01, культурные слои (рис. 1)

10-16 А1. Много детрита, аморфной органической массы, корней, кутикулярных слепков мхов, яиц и личинок почвенной биоты, грибных гифов, пыльцевых зерен. Фитолитов мало, но при замедленном биологическом круговороте, то есть замедленном разложении опада, это нормально. Есть одна корродированная спикула губки.

Вывод. Состав фракции типичен для гумусовых горизонтов почв, точнее для переходного горизонта от нижнего слоя гумусированной подстилки к непосредственно гумусовому горизонту почвы. Малое количество и коррозия спикулы губки позволяют предположить, что на современном этапе участок не заливается водой.

Рис. 1. Культурные слои

16-28 ВС (КС). В образце много древесного детрита, аморфной органики, фитолитов. Есть корни трав, гифы почвенных грибов. Можно отметить значительное количество панцирей диатомовых водорослей и спикул губок. Среди последних абсолютно преобладают крупные целые формы, без признаков коррозии. В фитолитном комплексе доминируют двудольные злаки, есть тростник и осоки. Возможно, помимо дерева здесь были изделия из трав. Но не исключено, что фитолиты были принесены водами наравне с аллювиальным мелкоземом или произрастали на месте, на мелководе.

Вывод. Возможно, здесь находились изделия из древесины и трав, но непродолжительное время, поскольку участок практически постоянно заливался проточной водой. Можно предположить, что водолюбивые травы (тростник, осоки) произрастали здесь в период высокого уровня воды.

28-30(32) КС1. Образец содержит много древесного детрита. Количество фитолитов среднее. В их составе преобладают формы, характерные для разнотравья, есть и сорная флора (крапива или конопля). Образец выделяется высоким количеством спикул губок. Спикулы крупные, хорошей сохранности.

Вывод. Участок длительное время был залит речной водой. Учитывая хорошую сохранность спикул, можно предположить, что именно повышения уровня воды сделало невозможным пребывание на этом месте. До этого здесь были изделия из дерева и, возможно, трав.

50-65 КС2, золистый прослой. Образец содержит много крупного древесного детрита без признаков обугливания. В составе детрита высока доля хвойных пород. Много фитолитов, относительно много спикул губок и панцирей диатомовых водорослей. В фитолитном комплексе преобладает разнотравье. Есть также корни, гифы почвенных грибов.

Вывод. На данном месте было какое-то строение из дерева, где преобладали хвойные породы древесины. Дерево не горело, разлагалось естественным путем. Участок регулярно заливался, вода застаивалась. Возможно, были периоды забрасывания территории, когда участок зарос травами и мхами.

100-110 КС3 низ, прослой углей. Образец обогащен крупным обугленным древесным детритом, в составе которого высока доля хвойных пород. Фитолитов много, в основном – это травы и мох. Примерно половина фитолитов обуглена, в то время как остальные не несут признаков обугливания. Относительно высока доля диатомовых водорослей и спикул губок, есть пыльцевые зерна сосны.

Вывод. На данном месте было что-то из дерева. Строение сгорело. Высока вероятность, что кроме древесины здесь использовались и различные травы со мхом. Присутствие панцирей диатомовых водорослей и спикул губок указывает не только на близость водоема, но и на регулярные разливы воды с подтоплением участка. Пыльцевые зерна уничтожаются при высоких температурах – при пожарах. Присутствие в образце пыльцы свидетельствует о том, что после пожара участок был длительное время открыт, шли процессы почвообразования, выросли травы и мхи, осела пыльца.

120-130 КС4 середина. В образце есть крупный древесный детрит, крупные кутикулярные слепки осоки, фитолиты, спикулы губок и два обломка панциря диатомовой водоросли. В составе фитолитов много форм, характерных для лугового разнотравья, но также присутствуют фитолиты игл хвойных, мха и тростника.

Вывод. Культурный слой формировался из древесины, возможно, переслаиваемой осокой. Наличие спикул позволяет предположить, что участок периодически заливался проточными водами. Возможно, дерево использовалось как настил, чтобы защититься от воды.

185-200 КС4 низ, заполнение котлована. Содержание частиц мало. Однако среди биогенного кремнезема присутствуют только спикулы губки и панцирь диатомовой водоросли – водные организмы.

Вывод. Исходной породой, на которой формировались культурные слои, был аллювий.

Заключение. Фоновая почва и исследованное место раскопа функционировали в древности, а также в настоящее время в непосредственной близости от текущих вод р. Обь. Аллювиальные отложения были исходными породами в обоих случаях.

Вся толща раскопа С-10-01 (рис. 1) содержит спикулы губок и панцири диатомовых водорослей различной степени сохранности. Это указывает на то, что участок регулярно заливался текучими водами. Жить здесь постоянно было нельзя. Вероятно, люди использовали данное место только в сухие маловодные периоды, когда уровень воды в реке падал, или в осенне-зимний сезон. Археологическим подтверждением таких выводов являются участки стерильных прослоев наносного песка между культурными слоями. Однако после того как вода отступала, люди возвращались и восстанавливали свои жилища, сооружали деревянные настилы в сырых местах.

Все строения на поселении сооружались преимущественно из хвойной древесины, чаще лиственницы. По результатам микробиоморфного анализа при строительстве использовались также разные травы и мхи. Это тоже подтверждается археологически. В 2010 г. при зачистке берегового обрыва в районе хозяйственной постройки был обнаружен небольшой обгоревший фрагмент многослойной крыши строения, состоящей из слоев бересты, осоки, мха, деревянных плах и тонких веток. Длинные жесткие травинки осоки использовались в качестве утеплителя при изготовлении крыш построек. Кроме того, вместе с тонкими ветками ивы служили для изготовления плетеных циновок, покрывавших земляной пол жилища. Фрагменты такой циновки были найдены на дне постройки.

¹ Микробиоморфный анализ почв выполнен А. А. Гольевой, д.г.н., в.н.с. ИГ РАН, Москва.

Строения из древесины в основном разлагались благодаря высокой влажности, но были и какие-то катастрофические события, в том числе – пожары (слой 100–110 см). Результаты исследования позволяют говорить о том, что после пожара участок некоторое время был заброшен. Люди с него ушли и здесь стали доминировать процессы почвообразования. Затем люди вернулись, и вновь на данном месте началось нарастание культурного слоя за счет накопления и разложения древесины.

Наконец, новая интенсификация русловых потоков привела к существенному повышению уровня воды в Оби. Это увеличило длительность затопления участка и, вероятно, глубину затопления (16–30 см). Можно предположить, что в определенный момент высокая увлажненность участка сделала невозможным пребывание здесь даже в сухие сезоны, что привело к окончательному уходу людей и забрасыванию территории. Со временем на этой смеси аллювия и КС (культурного слоя) сформировалась современная дневная почва.

В III тыс. до н. э. уровень воды на исследуемой территории поднимался на высоту более 4 м, и таким образом, заливалась вся площадка коренной террасы. В результате сильного заболачивания почв на площадке террасы образовалось существующее в настоящее время верховое болото. На современном этапе участок водами не заливается.

Таблица 1

Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф

Образец, глубина, см	Детрит	Аморф. орг.	Диат. водор.	Спикулы губки	Фитолиты	Другие частицы
С-10-04, фон						
0-2 А0	+++	+++	Ед.	–	–	Корни, гифы, личинки, пыльца, кутикулярные слепки, раковинные амёбы
2-5А1	+++	+++	Ед.	+	+	
С-10-01						
10-16 А1	+++	+++	–	Ед.	Ед.	Корни, гифы, пыльца, личинки, кутикулярные слепки мхов
16-28 ВС (КС)	+++	+++	+	+	+++	Корни, гифы
28-30(32) КС1	+++	++	+	++	++	Корни
50-65 КС2, золистый прослой	+++	++	+	+	++	Корни, гифы
100-110 КС3 низ, прослой углей	+++	++	+	+	+++	Пыльца сосны
120-130 КС4 середина	++	++	Ед.	+	+	Кутикулярные слепки осоки
185-200 КС4 низ, заполнение котлована	Ед.	+	Ед.	Ед.	–	Единичные корни

Примечание. Крестиками показано сравнительное содержание микробиоморф: «+++» – много; «++» – средне; «+» – мало; «Ед.» – единично; «–» – отсутствуют.

Таблица 2

Распределение отдельных групп фитолитов, %

Образец, глубина, см	Всего, шт./%	Диатом, шт./%	Спикулы, шт./%	Фитолиты, шт./%										
					1	2	3	4	5	6	7	8	9	
С-10-04, фон														
0-2 А0	2/100	2/100	–	–										
2-5А1	28/100	2/7	5/18	21/65	62	9	29	–	–	–	–	–	–	–
С-10-01														
10-16 А1	2/100	–	1/50	1/50	100	–	–	–	–	–	–	–	–	–
16-28 ВС (КС)	183/100	10/5	9/5	164/90	76	4	9	4	1	2	2	–	2	
28-30(32) КС1	92/100	8/9	13/14	71/77	60	10	14	3	–	–	–	1	12	
50-65 КС2, золистый прослой	101/100	7/7	8/8	86/85	71	7	8	6	–	–	–	–	8	
100-110 КС3 низ, прослой углей	132/100	13/10	9/7	110/83	60	9	6	3	–	–	–	–	22	
120-130 КС4 середина	38/100	2/5	8/21	28/74	39	14	4	14	–	–	4	–	25	
185-200 КС4 низ, заполнение котлована	3/100	1/33	2/67	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	

Примечание. Цифрами показаны следующие растительные ценозы: 1 – двудольные травы; 2 – хвойные; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – культурные злаки; 6 – тростник/камыш; 7 – осока; 8 – сорная флора; 9 – мхи.

Р. Т. Ганиев
г. Екатеринбург
УрФУ

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ЭКСТРЕМУМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В I ТЫС. ДО Н. Э. – I ТЫС. Н. Э. (ПО ДАННЫМ ДЕНДРОХРОНОЛОГИИ ПОЛУОСТРОВА ЯМАЛ)

По мнению современных климатологов, полярный регион оказывает огромное воздействие на глобальную мировую климатическую систему [«Кухня погоды»..., 2003; Хантемиров, 2009. С. 3]. В этой связи для нас особый интерес представляют исследования уральских климатологов на п-ове Ямал [Хантемиров, 2009]. Благодаря им, мы можем установить климатические колебания на планете и, в частности, в Центральной Азии с точностью до года по данным древесно-кольцевой хронологии.

Изучать образцы ископаемой древесины уральские ученые начали еще в далеком 1982 г. – в бассейнах рр. Хадыта, Яда-яходыяха, Порца-яха и Танлова на южном Ямале. Работы по сбору материала проводились в течение 17 полевых сезонов, в ходе которых были собраны поперечные спилы с 3 548 деревьев. После этого, по лиственнице была построена абсолютная древесно-кольцевая хронология длительностью 7 319 лет, которая является одной из самых протяженных во времени древесно-кольцевых хронологий мира [Там же. С. 9–11].

В результате исследований ученые пришли к следующим наблюдениям:

1. На протяжении последних 7 200 лет наблюдалось отступление полярной границы леса на юг, т. е. происходило похолодание и ухудшение роста деревьев, в результате которого граница леса опускалась ниже на юг, в теплые края.

2. С 5150 г. до н. э. до 1850 г. н. э. средняя температура лета на севере Западной Сибири имела тенденцию к снижению.

3. В 5200–1800 гг. до н. э. отмечался период низкой изменчивости и частоты экстремальных лет (стабильное похолодание), сменившийся периодом высокой изменчивости и частоты экстремальных лет (скачкообразного, резкого похолодания).

4. Значительная часть экстремальных температурных событий в течение вегетационного сезона на севере Западной Сибири была проявлением глобальных катаклизмов, которые были вызваны крупными вулканическими извержениями.

Западная Сибирь представляет собой своеобразный коридор, вытянутый в меридиональном направлении. Его продолжением на юге является западная часть Центральной Азии, безусловно, испытывающая сильное влияние северного соседа. Это позволяет нам применить данные по Западной Сибири ко всей Евразии, в частности к Центральной Азии.

Естественной защитой запада Центральной Азии от Западной Сибири и его северного влияния являются степные просторы Казахстана, горные хребты внутреннего Тянь-Шаня и Алтайские горы.

Согласно археологическим данным, миграция индоевропейцев в Евразии (по территории Западной Сибири и Центральной Азии) шла по направлению с севера на юг¹, что вполне укладывается в общий процесс похолодания по данным дендрохронологии (пункты 1–3).

Следует предположить, что дальнейшей миграции индоевропейцев на юг помешали естественные преграды – горные цепи на юге Центральной Азии – Копетдаг, Памир, Тибет, Тянь-Шань, Алтай, Саяны.

¹ Здесь и далее автор статьи упрощает и даже искажает общую картину миграций в евразийских степях и лесной зоне Западной Сибири в эпоху бронзы. Общеизвестно, что миграции евразийских степных скотоводческих (по-видимому, индоевропейских) племен в конце III – первой половине II тыс. до н. э. были направлены преимущественно на север и северо-восток, что было связано с климатическим оптимумом. В первой трети – середине II тыс. до н. э. часть населения с комплексным (преимущественно скотоводческим) хозяйством и высокоразвитой сейминско-турбинской цветной металлургией продвигается из верховьев Оби и предгорий Алтая через западносибирскую лесостепь и отчасти южную тайгу на запад и северо-запад – в Среднее Зауралье (и возможно, на р. Конду), а затем – в Среднее Прикамье. Обратное движение довольно значительных масс индоевропейских скотоводческих племен из Урало-Казахстанских степей на юг, вплоть до Ирана, Таджикистана, Афганистана и Северо-Западной Индии, наблюдалось уже в конце II – начале I тыс. до н. э. Оно было предопределено очередным пльвиалом и резким ухудшением климата. В частности, эта миграция положила начало формированию многих современных народов в последних регионах. В западносибирской тайге только в начале I тыс. до н. э., чуть позже основных переселений скотоводов и параллельно с ними, произошло первое крупное перемещение групп приобских охотников-рыболовов (носители крестовой и волнисто-прокатанной керамики) на юг, запад и юго-восток, но не далее лесостепной зоны, причем это были большей частью далекие предки угорских или самодийских народов, но никак не индоевропейцы. – Ред.

Поэтому последующие передвижения на территории Центральной Азии были возможны лишь по границе горной цепи – с запада на восток и обратно, либо с юга на север, но таких примеров немного (не берем в расчет завоевания с юга Александра Македонского и арабов).

Разнородность и мозаичность ландшафта Центральной Азии накладывали свой отпечаток на поведение населявших его народов, особенностью которых были, на первый взгляд, хаотичные, и перманентные перемещения внутри региона на протяжении II в. до н. э. – XIII в. н. э. Однако основной причиной этнического «броуновского движения» на территории Центральной Азии являлись климатические факторы и экстремумы – главные мотиваторы человеческих поступков.

По данным дендрохронологии следует, что период с VI в. до н. э. по X в. н. э. отмечался большим количеством экстремально холодных летних сезонов, за исключением III в., который был, наоборот, экстремально теплым [Там же. С. 20].

Примечательно, что в истории именно в этот период отмечались глобальные этнические перемещения на территории Центральной Азии, преимущественно с востока на запад.

Организаторами первых мощных достоверных (по письменным и археологическим источникам) миграций были племена хунну (220 г. до н. э. – 150 г. н. э.)², царившие на востоке Центральной Азии. Хунну спровоцировали миграцию юэчжей³ (тохаров⁴) в 176 г. до н. э. на запад.

Место хунну заняли сяньби⁵, которые оттеснили их на запад в 150 г. В 375 г. центрально-азиатские хунну под названием гуннов появились в Европе.

В период с 150 до 545 г. на востоке Центральной Азии было относительно спокойно. Главными политическими силами в регионе были племена сяньби (II–III в.) и Жужаньский каганат (402–545 гг.)⁶. Существующая ситуация косвенно подтверждается также данными дендрохронологии, по которым III в. был экстремально теплым, и климатические экстремумы в период с 194 по 404 гг. не фиксируются [Там же. С. 20–25].

Затем в 545 г. (экстремумы 536–545 гг.)⁷ образовался Тюркский каганат. В результате активной завоевательной политики Мухань кагана (=Сыцзинь) этническая карта Центральной Азии кардинально изменилась.

В 581 г. Тюркский каганат распался на Западный и Восточный⁸.

В 627–630 гг. на территории Восточно-Тюркского каганата отмечались природные катаклизмы. Каждый год случались обильные снегопады, в результате чего образовывался глубокий снежный покров. От голода и холода в большом количестве умирали овцы, лошади и люди.

Масштабное похолодание на территории Евразии в 627–630 гг., отмеченное в древесных кольцах на Ямале, севере Средней и Восточной Сибири и в Северной Америке, современные ученые связывают с крупным извержением вулкана. Паргелий, туман и красные закаты, описываемые в источниках, являются известными индикаторами вулканических извержений. Из европейских летописей известно, что начиная с октября 626 г. сухой туман в течение 8–9 мес. покрывал обширную территорию, по крайней мере Ирландию и восточное Средиземноморье. В самом Китае (империя Тан) также отмечен заморозок в конце лета 627 г., уничтоживший урожай в нескольких провинциях. Такие же события в Китае отмечены в 628–629 гг. [Хантемиров и др., 2011. С. 89–102].

Именно климатические экстремумы этого периода явились главным фактором ослабления Восточно-Тюркского каганата. Подобную точку зрения поддерживают и китайские исследователи, занимающиеся изучением последствий извержения вулкана в 626 г. [Fei, Zhou, Hou, 2007. P. 469–475]. По их мнению, по-

² Согласно последним исследованиям первые упоминания о войнах гуннов с окружающими племенами в китайских источниках относятся к доциньской эпохе, точнее – к 314–310 гг. до н. э., т.е. к эпохе Джаньго [Ковалев, 2002. С. 153–155]. – Ред.

³ Юэчжи – восточно-иранский народ в Центральной Азии, европеоиды. Основатели Кушанского царства на территории современной западной Центральной Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии (I–III вв.).

⁴ Тохары – индоевропейский народ Центральной Азии (II–I тыс. до н. э.), говоривший на тохарских языках, предположительно – наиболее восточный носитель языков индоевропейской семьи. Исходно они занимали место в Таримской впадине (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Ганьсу). В науке разделяют тохар на истинных (или настоящих, которые являются частью юэчжей, говоривших на восточно-иранских северных диалектах, родственных языкам скифов, ушедших с кушанами на юг и давших имя области Тохаристан на территории современного Афганистана) и не истинных (псевдотохар). К последним относят тех, на кого перенесли это имя китайцы, но говоривших на тохарских диалектах, не имеющих близкого родства с языками юэчжей и не называвших себя тохарами, в отличие от настоящих тохар.

⁵ Сяньби – племена кочевников, обитавшие во Внутренней Монголии. Выделились из союза дунху в III в. до н. э. Настоящее самоназвание не известно. Китайцы считали сяньби родственным племенем хунну.

⁶ Жужане – кочевой монголоязычный народ, обитавший в степях северного Китая. Китайцы считали их ветвью народа сяньби.

⁷ Здесь и далее см.: табл. 1.

⁸ Более детально этнокультурная, политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в Западной Сибири, Центральной и Восточной Азии в конце I тыс. до н. э. – VI в. н. э., проанализирована в работе: [Борзунов, Чемякин, 2012]. – Ред.

холодание коснулось всей территории Центральной Азии, в том числе северных провинций Китая. Вместе с тем, наиболее пострадавшей стороной явился Восточно-Тюркский каганат, кочевая экономика которого не выдержала резких и продолжительных холодов [Ibid.].

В 630 г. (экстремум 627 г.) в результате природных катаклизмов ослабевший Восточно-Тюркский каганат перешел под власть Китая.

О периоде после 650 г. источники сообщают: «Когда император Гао-цзун отправился на Восток, чтобы совершить жертвоприношение на горе Тайшань, его сопровождали Ду-ду (военный губернатор) Ланшань, Гэлolu Шэ-ли и другие предводители (вместе более 30 человек), до подножия горы. Им разрешили высечь свои имена на памятном камне государственного жертвенника. Почти 30 лет царил покой в северной дикой местности с года Юнхуй (650)» [Liu Mau-Tsai, 1958. S. 157]. Примечательно, что в этот период климатические экстремумы не фиксируются (табл. 1).

Спустя несколько десятилетий, в 679–685 гг., в результате череды крупных восстаний (экстремум 684 г.) тюрки восстановили независимость Восточно-Тюркского каганата⁹, просуществовавшего до 745 г.

Кроме этого, китайский источник под 679 г. сообщает о сопутствующей климатической аномалии, вызванной, скорее всего, резким похолоданием: «Когда варвары еще не были мятежными, было много пустынных голубей, которые, крича, летали над китайской границей. Сановники тогда говорили: «Если так называемые птицы-Туцзюэ летят на юг, то Ху (=варвары=Туцзюэ) определенно придут!» Когда они следующей весной снова прилетели, они все падали на землю в область между Линчжоу и Сячжоу, и все почти были без головы. И, действительно, тогда Ни-шу-фу был уничтожен!» [Ibid.].

Государство восточных тюрков просуществовало до 745 г. и его сменил Уйгурский каганат (745–840 гг.).

Восточным соседом Восточно-Тюркского и, затем, Уйгурского каганатов была Танская империя (Китай), просуществовавшая до 907 г. (экстремум 903 г.).

Самым крупное волнение народных масс в Китае во время династии Тан, совпавшее с климатическим экстремумом 754 г., произошло в 755–763 гг. Оно получило название «Восстание Ань Лушаня». Во главе смуты стоял Ань Лушань – тюрк или согдиец на танской службе.

Последующие государства на востоке Центральной Азии в начале XIII в. были захвачены монголами, образовавшими свою империю в 1206 г. (экстремум 1201 г.).

В 1219 г. (экстремум 1217 г.) монголы начинают поход на запад Центральной Азии. В 1260 г. начинается распад Монгольской империи на улусы, который связывают со смертью хана Мункэ в 1259 г. (экстремум 1259 г.). Таким образом, прослеживается определенная связь исторических событий и климатических экстремумов на территории юга Западной Сибири и Центральной Азии, определенных по данным дендрохронологии с п-ова Ямал на севере Западной Сибири (табл. 1), при этом наиболее точные совпадения климатических экстремумов и исторических событий пришлось на знаковые события на востоке Центральной Азии:

1. Образование и падение Тюркского и Восточно-Тюркского каганатов (545–630 гг.; 679 г.).
2. Возвышение и падение тюрко-китайской Танской империи (630–907 гг.).
3. Образование, начало экспансии на запад Центральной Азии и процессы децентрализации Монгольской империи.

Остается предположить, что в эти даты происходили наиболее экстремальные и продолжительные глобальные изменения климата, спровоцировавшие беспрецедентный инстинкт самосохранения и способствовавшие самоорганизации у кочевых народов, как наиболее уязвимых обществ перед природными катаклизмами.

Кроме этого, основные пути миграций этнических групп на территории Центральной Азии, после прихода сюда индоевропейцев пролегли с Востока на Запад.

Они объясняются кочевым типом хозяйства на востоке Центральной Азии и климатическими экстремумами, т.е. резкими, сильными и продолжительными похолоданиями, оказывающими негативное влияние на экономику кочевого общества. Кочевники вынуждены были совершать переходы с востока на запад в поисках пропитания и комфортных условий для проживания.

Таким образом, любые климатические изменения на востоке Центральной Азии вели за собой перемещения кочевых племен в земледельческие районы – чаще всего на запад Центральной Азии.

На западе Центральной Азии были созданы идеальные условия для земледелия, которое также подвержено климатическим изменениям, но в меньшей степени, нежели кочевое хозяйство, не позволяющее иметь прибавочный продукт [Хазанов, 2002. С. 277].

Итак, особенности динамики исторических процессов на территории Центральной Азии определяются как климатическими факторами, так и мозаичностью среды и особенностями ландшафта региона, представляющим собой множество изолированных районов, обусловленных горной местностью. Именно это обстоятельство придавало дополнительный стимул для активизации перемещений внутри региона с целью поиска «тихой гавани» для защиты от внешних влияний и самосохранения.

⁹ Большинство исследователей называют его Вторым Тюркским или Вторым Восточно-Тюркским каганатом.

Этнополитические процессы, происходившие в Центральной Азии в I тыс. до н. э. – XIII в. н. э., находят свое подтверждение данными древесно-кольцевой хронологии. В большинстве случаев климатические экстремумы, отмечаемые на кольцах ископаемых деревьев, свидетельствуют о глобальных изменениях климата в масштабах планеты. На востоке Центральной Азии резкие и продолжительные похолодания проявлялись наиболее заметно из-за свойств кочевой экономики, как наиболее зависимой от природных катаклизмов. Это обусловило и основные миграционные маршруты в Центральной Азии – с востока на запад либо с востока Центральной Азии на юг – в Северный Китай через пустыню Гоби.

На протяжении с VI в. до н. э. по X в. н. э. отмечались резкие продолжительные летние экстремумы, служившие мощным организационным мотиватором для кочевых обществ: именно в этот хронологический период в степи наблюдались глобальные этнополитические процессы, оказавшие влияние не только на Центральную Азию, но и на весь Евразийский континент.

Кроме того, на протяжении исследуемого периода климатологами были установлены наиболее экстремальные годы (табл. 1). В результате проведенного сравнительного анализа процент совпадений климатических экстремумов и значимых исторических событий в Центральной Азии оказался достаточно высоким. Это позволяет нам выдвинуть тезис о доминирующем влиянии климатического фактора на исторические процессы в Центрально-Азиатском регионе, особенно на территориях с кочевой экономикой.

Таблица 1

Даты экстремальных летних сезонов на Ямале [Хантемиров, 2009. С. 24–25]

Год (н. э.)	Интенсивность экстремума	Совпадение с датами экстремальных событий в других регионах планеты	Совпадение с датами следов вулканических извержений в ледовых колонках	Историческое событие на востоке Центральной Азии
1	2	3	4	5
180	*	+	+	
194	*			
404	**			
536	*	+	+	
537	*	+	+	
543	**	+	+	
545	*	+	+	Образование Тюркского каганата
570	*			
596	*			
623	*			
627	*	+	+	627–630 гг. – в результате природных катаклизмов ослабевший Восточно-Тюркский каганат перешел под власть Китая
637	*			
639	*			
640	*			
652	*			В 650–680 гг. в китайских источниках отмечается относительное затишье на пограничных территориях. Китайская летопись Цзю Тан шу: «Примерно 30 лет на севере не было сигналов военной тревоги» [Liu Mau-Tsai, 1958. S. 157]. Китайская летопись Тан шу: «Почти 30 лет царил покой в северной дикой местности с года Юнхуй (650)» [Ibid., S. 210].
684	*	+	+	679–685 гг. – череда крупных восстаний восточных тюрков и появление независимого Восточно-Тюркского каганата (679–745 гг.)
738	*			
754	*	+	+	755–763 гг. – крупное восстание Ань Лушаня против династии Тан
757	*	+	+	
779	*			
784	*			
791	*			
800	*	+	+	
801	*			
814	*			

1	2	3	4	5
816	*	+	+	
818	*	+	+	
857	*			
878	*			
881	*			
884	*	+		
901	*			
903	*	+	+	907 г. – падение династии Тан
912	*			
940	*	+	+	
963	*	+	+	
972	*			
976	*	+	+	
985	*	+	+	
1002	*			
1003	*	+	+	
1004	*			
1012	*			
1025	*			
1029	*	+	+	
1040	*			
1051	*	+		
1055	*	+	+	
1077	*	+		
1099	*	+	+	
1109	*	+	+	
1122	*			
1133	*	+		
1136	*	+		
1151	*	+	+	
1170	*	+	+	
1172	*			
1201	*	+	+	1206 г. – Великий курултай и основание Монгольской империи
1209	**			
1217	*	+		1219 г. – начало похода Монгольской империи на Запад
1234	*			
1236	*			
1259	*	+	+	После 1259 г. – начало распада Монгольской империи на улусы

Литература

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымское общество таёжного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.

Ковалев А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа–Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002.

«Кухня погоды» на Земле // Археологический СНИП. Вып. № 1 (13). 2003 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.arktika.ru>

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

Хантемиров Р. М. Динамика древесной растительности и изменения климата на севере Западной Сибири в голоцене: Автореф. дис. ... докт. биол. наук. Екатеринбург: 2009.

Хантемиров Р. М., Горланова Л. А., Сурков А. Ю., Шиятов С. Г. Экстремальные климатические события на Ямале за последние 4100 лет по дендрохронологическим данным // Изв. РАН. Сер. географическая. № 2. М., 2011.

Fei J., Zhou J., Hou Y. J. Circa A. D. 626 Volcanic Eruption, Climatic Cooling, and the Collapse of the Eastern Turkic Empire // Climatic Change. Vol. 81. Num. 3–4. 2007.

Liu Mau-Tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen. Band 27). I: Buch (Texte); II: Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen. Band 10. Wiesbaden, 1958 (пер. с нем. автора статьи).

Г. Т. Омурова, В. С. Мыглан
г. Красноярск,
СФИ

О. М. Корона
г. Екатеринбург
УЭРЖ УрО РАН
М. А. Рудковская
г. Нефтеюганск
ИАС

УСТАНОВЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПЕРЕСТРОЕК НАДЫМСКОГО ГОРОДКА (ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Доклад посвящен вопросам применения дендрохронологического метода для установления времени сооружения и перестройки археологического памятника – Надымского городка, расположенного на одноименной реке в Сибирском Заполярье, в Надымском р-не ЯНАО, в 60 км к С от райцентра г. Надым.

По данным О. В. Кардаша, раскапывавшего данный памятник в 1998–2005 гг., Надымский городок являлся резиденцией вождей местного военного объединения Большая Карачея, существовавшего накануне и в начале освоения Сибири русскими. Материалы, найденные при раскопках, характеризуют культуру и быт аборигенов края – прежде всего, тундровых остяков (ненцев) и отчасти – северных лесных остяков (ханты) [2009].

В нашей работе рассмотрены методические аспекты, связанные с построением древесно-кольцевых хронологий по разным древесным породам, их перекрестной датировке и календарной привязке. Показано, что в климатических условиях севера Западной Сибири древесно-кольцевые хронологии, построенные по разным древесным породам с одного археологического памятника, хорошо перекрестно и графически соотносятся друг с другом. Полученная на их основе древесно-кольцевая хронология «Надым» позволила осуществить календарную привязку археологической древесины к древесно-кольцевой хронологии «Полярный Урал», построенной по образцам, взятым на удалении 300 км к В от Надымского городка.

В результате было установлено время строительства Надымского городка: второе – третье десятилетия XV в., а также периоды его последующих перестроек: середина седьмого – начало восьмого десятилетий XV в., конец XV – начало XVI вв., третье – четвертое десятилетие XVI в., первая четверть XVII в.

Первые выполненные анализы открывают перспективы для проведения дальнейшей датировки оборонительных и жилых построек Надымского городка, а также расположенных рядом с ним археологических объектов.

Литература

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСАДСКОЙ ЧАСТИ СТАРОТУРУХАНСКОГО ГОРОДИЩА ПАЛЕОКАРПОЛОГИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

Введение. Старотуруханское городище – археологический памятник русских первооткрывателей низовой Енисея. Городище расположено на левом берегу р. Турухан, в 5 км от ее впадения в протоку р. Енисей, на высоком левобережном останце протоки Шар.

Культурный слой городища скрывает археологизированные остатки первого русского зимовья в низовьях Енисея, основанного в 1604 г. (по другим источникам – в 1607 г.) и разросшегося до г. Туруханска (Новой Мангазеи). В 1672 г. данному поселению придали статус уездного города – центра Мангазейского уезда, сменившего в этой роли старую Мангазею. В 1822 г. Туруханск понизили до заштатного города Енисейской губернии, а с 1909 г. его административные функции передали в с. Монастырское (ныне – пос. Туруханск). В 1920 г. исторический Туруханск переименовали в Старотуруханск. Сегодня – это небольшая д. Старо-Туруханск Туруханского р-на Красноярского края.

Заселяя новые территории, человек не только приспосабливается к существующим природно-климатическим условиям, но в той или иной степени изменяет их в соответствии со своими нуждами. Одной из задач данного исследования является изучение растительности Старотуруханского городища, и ее изменение в результате антропогенного влияния на протяжении XVII – начала XVIII вв.

Традиционная русская культура – земледельческая. В процессе адаптации к суровым условиям приарктической зоны, население смогло изменить пищевой рацион в сторону увеличения доли рыбо-мясного компонента, но полностью отказаться от растительной пищи, и особенно, от хлеба было невозможно. Именно поэтому одной из насущных проблем сибирской колонизации были поиски благоприятных мест для заведения пашни. Приполярные территории изначально не пригодны для занятия земледелием: здесь нет плодородных земель и слишком короткий период положительных температур, подходящих для вегетации растений. Первую проблему со временем решает активное развитие придомового скотоводства. В современной д. Старо-Туруханск, расположенной на территории памятника, т. е. на земле, интенсивно унавоженной за четыре века существования русского поселения, успешно процветает огородничество. Ответ на вопрос – насколько было развито земледелие у жителей Туруханска в XVII – начале XVIII вв. – является второй задачей нашего исследования.

Еще одна задача работы, тесно связанная с предыдущими: выяснение интенсивности использования местных растительных ресурсов населением Туруханского ясачного зимовья – г. Новая Мангазея.

Методика исследования. В ходе археологических раскопок Старотуруханского городища (2008–2011 гг.), проводившихся экспедицией НПО «Северная археология» под руководством Г. П. Визгалова, из культурного слоя памятника в 2011 г. был отобран материал для палеокарпологического анализа: 6 образцов из почвенной колонки (табл. 1) и 11 образцов из разных участков раскопа, содержащих растительные остатки. В данной статье представлены результаты анализа почвенной колонки, характеризующие состав растительности в хронологической перспективе исследуемого периода.

Материал просеивали и просматривали на колонке сит. Минимальный диаметр ячейки последнего сита – 0,25 мм. Определение отобранных макроостатков проводили по эталонным коллекциям плодов и семян ИЭ-РиЖ УрО РАН и определителям [Доброхотов, 1961; Кац Н., Кац С., Китиани, 1965; Ленков, 1931]. Макроостатки – это плоды, семена и другая органика, поддающаяся морфологическому определению, а также остатки растений – хвоинки, укороченные побеги, чешуи шишек и целые шишки хвойных растений, побеги листостебельных мхов, мелкие листочки вересковых, берез и других мелколистных растений [Никитин, 1969].

Почвенная колонка из шести образцов взята из южной стены раскопа на уч. Г 5/1, где отражена стратиграфия межжилищного пространства. Слои и постройки раскопа № 1 довольно точно датируются корреляцией стратиграфического и дендрохронологического методов [Визгалов, Рудковская, 2011]. Это дает возможность определять взятые образцы с точностью до нескольких лет.

Образец РЗ взят из нижнего слоя темно-коричневой щепы, расположенной над материком. В первый период существования зимовья (1604 г. – середина XVII в.) место исследования не было занято постройками, но скорее всего оно было вытоптано, так как является удобным взвозом на высокий останец. Это обстоятельство позволяет датировать данный образец временем от начала основания Туруханского зимовья до 1649 г. – момента начала строительства на этом месте.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 12-06-33040\13.

Образец Р4 происходит из слоя навоза, точнее – с уровня первой постройки (№ 9). Соответственно, он относится ко времени I строительного яруса и датируется около 1649–1667 гг.

Образец Р5 получен из слоя, основу которого составляет навоз со значительной примесью щепы и гумусированного суглинка. Это – уровень первоначального этапа существования постройки № 8 (II строительный ярус), который датируется около 1667–1676 гг.

Образец Р6 взят из слоя темно-серой щепы с включениями навоза, соотносится с постройкой № 7 (III строительный ярус) и датируется около 1676–1700 гг.

Образец Р7 – из слоя темно-серой щепы – соответствует постройке № 2 IV строительного яруса и датируется около 1700–1709 гг.

Образец Р8 взят из слоя коричневой щепы, являющегося самым верхним из непереотложенных слоев раскопа. Эта щепка соотносится с постройкой № 1a V строительного яруса и датируется 1709–1718 гг.

Слои раскопа, расположенные выше, в нашей выборке не представлены. Дело в том, что они испытали значительное влияние в ходе хозяйственной деятельности XX в., поэтому велика вероятность их загрязнения остатками современных растений.

Результаты палеокарпологического анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Видовой состав и количество растительных макроостатков из образцов культурного слоя Старотуруханского городища. 2011 г. (квадрат Г 5/1, южная стена раскопа)

Общие характеристики образцов						
1	2	3	4	5	6	7
Номер образца	Р3	Р4	Р5	Р6	Р7	Р8
Глубина (см)	-264–253	-253–234	-234–208	-208–186	-186–162	-162–142
Слой	Темно-коричневая щепка над материком	Навоз	Навоз со щепой и гумусированным суглинком	Темно-серая щепка с навозом	Темно-серая щепка	Коричневая щепка
Строительный ярус	–	I	II	III	IV	V
Абсолютная датировка (по дендрохронологии)	1-я половина – середина XVII в.–1649 г	1649–1667 г	1667–1676 г	1676–1700 г	1700–1709 г	1709–1718 г
Объем, л	5,0	4,2	5,5	4,0	3,9	4,3
Культурные злаки						
Овес посевной (<i>Avena sativa</i>)	1+1*	5*	+	12*ч.	1+9*	1+4*
Ячмень обыкновенный (<i>Hordeum vulgare</i>)	–	–	–	–	2	–
Сумма макроостатков	2	5	+	12	12	5
Культивируемые растения						
Конопля (<i>Cannabis sativa</i>)	18*	7*	11*	2+25*	5*	4*
Хмель обыкновенный (<i>Humulus lupulus</i>)	17+38*	4*	2+12*	2+3*	1*	2+17*
Сумма макроостатков	73	11	25	32	6	23
Пищевые растения						
Брусника (<i>Vaccinium vitis idaea</i>)	–	–	1	–	1 л.	–
Кедр, сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	3*	4*	1*	11*	2*	18*
Клюква (<i>Oxycoccus sp.</i>)	1	4 л.	–	–	–	–
Княженика (<i>Rubus arcticus</i>)	8+1*	–	2+1*	1	–	–
Морошка (<i>Rubus chamaemorus</i>)	6+2*	–	2	1+1*	–	5*
Слива (<i>Prunus sp.</i>)	–	1*	–	–	–	–
Смородина (<i>Ribes sp.</i>)	1	1	–	–	2	–
Черемуха обыкновенная (<i>Padus avium</i>)	–	–	3*	3*	–	1*
Сумма макроостатков	22	10	10	17	5	24

1	2	3	4	5	6	7
Сорные травы						
Горец развесистый (<i>Persicaria lapathifolia</i>)	1	2	2	1	–	2
Гречишка вьюнковая (<i>Fallopia convolvulus</i>)	32*	3*	2+10*	5*	1+5*	14*
Звездчатка средняя, мокрица (<i>Stellaria media</i>)	7	10	23	30	11	7
Крапива двудомная (<i>Urtica dioica</i>)	25	6	43	12	1	26
Лебеда (<i>Atriplex sp.</i>)	2	3	–	3	–	14
Марь белая (<i>Chenopodium album</i>)	20+16*	8+5*	26	17+7*	12	8
Марь красная (<i>Chenopodium rubrum</i>)	33	4	3	7	–	2
Марь сизая (<i>Chenopodium glaucum</i>)	10+6*	–	4	3	6	5
Пикульник (<i>Galeopsis sp.</i>)	6*	–	2*	–	6*	–
Спорыш птичий (<i>Polygonum aviculare</i>)	51	3	20	13	13	38
Спорыш (<i>Polygonum sp.</i>)	603	65	11	–	6	76
Щавель малый, шавелек (<i>Rumex acetosella</i>)	–	–	1	–	1	1
Ярутка полевая (<i>Thlaspi arvense</i>)	3*	1	1	–	–	1
Яснотка (<i>Lamium sp.</i>)	–	1	6	1	1*	–
Сумма/Количество таксонов	815/12	111/11	154/13	99/10	63/10	194/12
% от общего количества	72	29	27	6	12	16
Деревья и кустарники						
Береза (<i>Betula sect. Betula</i>)	1	–	–	–	1	1
Бузина (<i>Sambucus sp.</i>)	2*	–	–	–	–	–
Ель сибирская (<i>Picea obovata</i>)	2*в. +20*хв.	18 хв.	3*в.+ 1*ч.+ 35*хв.	14*в. +790 хв.	1+6*в. +1*ч. +110*хв.	1*в. +20*хв.
Кедр (<i>Pinus sibirica</i>)	+	+	+	110*хв.	+	+
Лиственница сибирская (<i>Larix sibirica</i>)	–	–	–	–	1+2 ук.п	3 ук.п +2*ук.п.
Ольха (<i>Alnus sp.</i>)	1*ч.	–	–	–	–	–
Пихта сибирская (<i>Abies sibirica</i>)	10*хв.	16*хв.	16*хв.	50*хв.	7*хв.	23*хв.
Сосна (<i>Pinus sylvestris</i>)	–	–	–	–	–	2* хв.
Черемуха (<i>Padus avium</i>)	–	–	+	+	–	+
Сумма/Количество остатков пищевых растений	36/3	34/4	16/4	964/14	129/2	52/19
Луговые, болотные и лесные травы						
Бодяк огородный (<i>Cirsium oleraceum</i>)	4	1	10	3	1	3
Болотница болотная (<i>Eleocharis palustris</i>)	–	–	–	–	1	–
Борщевик (<i>Heracleum sp.</i>)	6	4	19	4	1	3
Василисник желтый (<i>Thalictrum flavum</i>)	8	–	–	2	–	–
Василисник малый (<i>Thalictrum minus</i>)	–	10	6	1	1	4
Василисник простой (<i>Thalictrum simplex</i>)	–	–	4	–	–	–
Василисник (<i>Thalictrum sp.</i>)	–	–	1	2*	–	–

1	2	3	4	5	6	7
Горец перечный (Persicaria hydropiper)	–	–	–	–	–	1
Горец (Persicaria sp.)	–	–	–	16	–	–
Канареечник тростнико-видный (Phalaroides arundinacea)	–	12	35	30	–	1
Дудник (Angelica sp.)	–	–	1	–	–	–
Жерушник болотный (Rorippa palustris)	1	–	–	–	–	–
Звездчатка (Stellaria sp.)	2	–	–	–	–	–
Злаки (Poaceae gen.indet.)	1	3	–	–	–	–
Калужница болотная (Caltha palustris)	–	–	–	3	–	1
Камыш (Scirpus sp.)	1	–	–	–	–	–
Капустные (Brassicaceae gen. indet.)	8	3+5*	5	–	1	–
Кубышка малая (Nuphar pumila)	–	–	–	1	–	–
Купырь лесной (Anthriscus sylvestris)	2	1	1	1	–	2
Лапчатка (Potentilla sp.)	–	–	–	–	–	1
Лисохвост (Alopecurus sp.)	3*	40	12	13	–	5
Лобазник вязолистный (Filipendula ulmaria)	–	1	9	1	–	1
Лютик едкий (Ranunculus acris)	–	–	–	–	–	7
Лютик золотистый (Ranunculus auricomus) и Лютик ползучий (Ranunculus repens)	50+10*	31	159+34*	243	132+48*	480+250*
Лютик ядовитый (Ranunculus sceleratus)	–	–	–	–	–	2+3*
Мерингия (Moehringia sp.)	–	–	–	–	–	1
Незабудка (Myosotis sp.)	3	–	2	–	–	1
Овсяница (Festuca sp.)	–	11	1	–	–	–
Осока двусемянная (Carex disperma)	–	1	3	–	7	31
Осоки (Carex spp.)	44	3	6	23	11	17
Смолевка (Silene sp.)	4	2	6	–	1	1
Фиалка (Viola sp.)	–	–	–	–	–	1
Щавель (Rumex sp.)	–	3*	–	2*	–	10+3*
Сумма/Количество таксонов	147/15	131/16	314/18	345/16	204/10	829/21
% от общего количества	13	34	55	22	39	68
Мохообразные (Bryophytes)						
Зеленые мхи (Bryophyta)	40*в.	55*в.	10*в.	70*в.	100*в.	80*в.
Сфагнум (Sphagnum sp.)	–	25*в.	–	–	–	–
Общее количество макро-остатков растений	1135	382	568	1539	519	1207

Условные обозначения: цифра – количество плодов или семян; цифра* – количество их фрагментов; «+» – остатки присутствуют в небольшом количестве; «в.» – веточка; «л.» – лист; «хв.» – хвоя; «ук.п.» – укороченный побег; «ч.» – чешуя.

Результаты анализа. В результате анализа образцов из почвенной колонки отобрано более 5 тыс. остатков плодов и семян, 69 таксонов растений, для каждого образца получены видовые списки (семенные комплексы) растений, макроостатки которых встречаются в культурном слое Старотуруханского городища. В табл. 1 эти растения разделены на группы в соответствии с их ролью в жизни людей и экологически-ми условиями произрастания.

Культурные злаки. В первую группу выделены остатки культурных злаков, которые в небольших количествах обнаружены во всех образцах. Овес встречается в виде зерновок, их фрагментов и чешуи. К сожалению, в образце P5 сохранность фрагментов такова, что не позволяет провести их количественный

учет, поэтому можно говорить лишь о наличии остатков овса в этом слое (II строительный ярус). Кроме овса, в образце P7 обнаружены 2 фрагмента зерновок ячменя (IV строительный ярус).

Несмотря на более благоприятные, по сравнению с Мангазеей, климатические условия, способствовавшие занятию скотоводством, данные палеокарпологического анализа не дают оснований полагать, что жители Старотуруханского городища выращивали культурные злаки, так как макроостатки этих растений встречаются единично. По данным таможенных книг, с середины XVII в. ячмень, овес, пшеницу и рожь в Туруханск завозили из Енисейска [Копылов, 1965. С. 40–89].

Заведение собственной пашни в Сибири, удовлетворявшей бы потребности разрастающихся сибирских острогов и городов, было одной из самых острых проблем колонизации Сибири XVII в. Поэтому на Енисейск, в связи с его расположением, возлагали в этом отношении большие надежды. И, действительно, земледелие здесь возникло вскоре после основания Енисейского острога в 1719 г., а к концу XVII в. крестьяне стали самой многочисленной группой населения [Там же. С. 37]. Известно, что к 1640-м гг. в Туруханском зимовье образовался «большой торг» – ежегодная ярмарка, на которую свозили для торговли и обмена со всего Мангазейского уезда меха и рыбу. Основной же статьей продаж енисейских купцов был хлеб. Более того, путь хлебных поставок на Мангазею из Тобольска по Оби и Обской губе стал невыгоден уже с середины 1630-х гг., и хлеб стали завозить из Енисейска через Туруханск [Александров, 1964. С. 27]. Одной из основных причин переезда населения «на вечное житье» из Мангазеи на Турухан стало бегство от «хлебной скудости». Тем не менее, и в Туруханске продовольственная проблема оставалась острой на всем протяжении XVII в. Сохранились данные 1668 г. о принудительном переселении 30 семей ссыльных людей и тобольских переведенцев в Енисейск со специальной задачей организации хлебного производства в Енисейском уезде на нужды Мангазейского уезда [Копылов, 1965. С. 40]. Постоянная «хлебная скудость» была привычным явлением в Туруханске, часто выливаясь в голодовки. Даже местные служилые люди, обеспеченные систематическими хлебными окладами, получали их не полностью, и постоянно жаловались на угрозу «голодной смерти» [Александров, 1964. С. 73]. Архивные данные находят подтверждение в результатах палеокарпологического анализа: малое количество обнаруженных в раскопе макроостатков культурных зерновых подтверждает отсутствие собственной пашни в Туруханске (Новой Мангазее).

Культивируемые растения. В эту группу входят конопля и хмель. Область распространения конопли чрезвычайно обширна и занимает, в том числе, почти всю Северную Евразию. Эту культуру выращивают на полях. Кроме того, она встречается как сорное растение около жилья, на пашнях, близ дорог, на береговых обрывах. Хмель как дикорастущее растение широко распространен в лесной зоне умеренного климата Евразии. Он растет по берегам рек и их островам, в зарослях ив и других кустарников, по тенистым оврагам, сыроватым лесам. При этом оба вида широко культивируются и очень легко дичают, так что естественные ареалы их довольно трудно выделить. Однако можно с уверенностью утверждать, что северные границы ареалов этих растений в Западной Сибири проходят значительно южнее Старотуруханского городища и не выходят за 59° с. ш. [Крылов, 1930]. Конопля в небольших количествах обнаружена во всех образцах. Она часто сохраняется в виде фрагментов плодов, находки целых единичны. Возможно, это связано с тем, что орешки довольно крупные, очень питательные (до 35% жира) и хорошо поедаются различными животными и птицами, к примеру, мышами. Поскольку, естественный ареал конопли расположен южнее, семена этого растения, очевидно, были завезены сюда русским населением для выращивания в качестве прядильной культуры. Географические формы конопли посевной подразделяют на три группы: северную, среднерусскую и южную. Северную коноплю издавна возделывали в северных и северо-западных районах европейской части России, включая Архангельскую область. Благодаря холодостойкости и короткому вегетационному периоду (сумма активных температур составляет около 1400°C) этой культуры можно получать здесь удовлетворительный урожай [Аринштейн, 1973]. Не исключено, также, что коноплю завезли с целью разведения, а затем она одичала и распространилась на территории поселения уже как сорное растение.

По данным архивных источников, первые сведения о выращивании русскими переселенцами конопли в Енисейске относятся к первой половине XVII в. В качестве технической культуры коноплю стали выращивать на личных крестьянских пашнях и приусадебных участках посадских людей [Копылов, 1965. С. 75]. Енисейские воеводы XVII в. жаловались, что пенька у приезжих людей в привозе бывает редко, а у крестьян ее можно купить в ограниченном количестве. К концу того же века положение несколько улучшилось: в таможенных книгах отмечают явки крестьянами на продажу и на вывоз уже не только пеньки, но и пеньковой пряжи [Там же. С. 90].

Пенька и веревочные изделия были особенно необходимы для Туруханска как опорного пункта снаряжения северных морских экспедиций. Поэтому коноплю, являющуюся менее прихотливой, чем зерновые культуры, жители Туруханска могли разводить на приусадебных участках-конопляниках.

Макроостатки еще одного культивируемого растения – хмеля – встречаются в небольшом количестве во всех образцах. Интересно, что больше всего их обнаружено в самом нижнем образце (первая половина – середина XVII в.). Так как хмель произрастает значительно южнее, вероятно, жители Старотуруханского городища завозили его, чтобы затем использовать в хлебопечении, пивоварении, а также для окраски тканей или в лечебных целях. Данное растение обладает успокаивающим, мочегонным и противовоспалительным действием.

Хмель завозили в виде высушенных соплодий (шишек), содержащих семена. При использовании в хлебопечении, пивоварении шишки погружали в жидкий продукт для придания особых свойств, а после использования целиком удаляли из конечного продукта и выбрасывали. Так семена хмеля, который произрастает значительно южнее, могли попасть в культурный слой данного памятника.

Пищевые растения. Ягоды брусники, клюквы, княженики, морошки, смородины, черемухи и семена кедрового ореха издавна употребляются в пищу. Макроостатки пищевых растений (всего 8 таксонов) встречаются в небольшом количестве во всех образцах. Примечательна находка небольшого фрагмента скорлупы косточки сливы (образец Р4, I строительный ярус). Наиболее вероятно, что слива была завезена в сушеном виде, а так как для сушки более пригодны южные сорта этого фрукта, то предположительно – из Средней Азии или с Кавказа [Культурные растения СССР..., 1978]. К примеру, по данным таможенных книг 1633 и 1635 гг. известно, что в Мангазею завозили чернослив, косточки которого вместе с косточками вишни и скорлупой ореха лещины находили в культурном слое Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 115].

Остальные макроостатки принадлежат местным видам растений. Кроме пищевой ценности, их плоды, обладают лечебными свойствами, поэтому, несмотря на небольшое количество остатков, они играли важную роль в рационе людей, особенно в голодные годы, когда енисейская пашня, расположенная в зоне рискованного земледелия, из-за неурожая не могла обеспечить хлебом жителей Туруханска. К примеру, в челобитной 1696 г. местные жители писали, что в Туруханске не оказалось «в приплыве ни единого пуда» хлеба, и приходится питаться «рыбой и травой» [Александров, 1964. С. 73], имея в виду, в том числе дикую ягоду и орехи.

Сорные травы. Всего обнаружено 1436 макроостатков 14 таксонов сорных растений. Все эти растения и в настоящее время распространены на данной территории. Большинство обнаруженных остатков принадлежат растениям из группы рудеральных сорняков, произрастающих на мусорных местах, вдоль дорог, близ жилья людей. Макроостатков исключительно сеgetальных сорняков не обнаружено, хотя некоторые растения (марь белая, ярутка полевая) встречаются в посевах и на полях. Наиболее «засоренным» (72% от общего количества макроостатков) оказался самый нижний образец – за счет максимального количества семян спорышей. Эти растения устойчивы к вытаптыванию, произрастают по берегам рек, вытоптаным пустырям, во дворах, на тропинках, вдоль дорог, на выгонах, около жилищ. Также в этом образце много семян различных марей (красной, белой и сизой), крапивы и гречишки вьюнковой. Семена и плоды других сорных растений единичны. В вышележащих слоях количество сорняков резко снижается (Р4 – 29%; Р5 – 27%). В образце Р6 оно достигает минимума (6%), а к верхним слоям немного увеличивается (Р7 – 12%; Р8 – 16%).

Количество и разнообразие остатков сорных растений свидетельствует об интенсивном антропогенном воздействии, которому подвергались почва и растительность близлежащей территории. Особенно активно заселение сорными растениями происходило на уровне нижнего образца (Р3), датирующегося серединой XVII в. В это время под действием вытаптывания и разрушения почвенного покрова произошла замена луговой растительности на сорно-рудеральную, характерную для территорий населенных пунктов и участков вокруг жилья человека. Затем процесс стабилизировался, возникли устойчивые растительные группировки из рудеральной растительности и происходили только некоторые изменения в численности тех или иных растений, а иногда – замена одних видов другими, более приспособленными к данным конкретным условиям окружающей среды. Это проявляется в изменении количества макроостатков различных видов сорных растений в разных слоях.

Следующие две группы растений характеризуют растительность окрестностей поселения в изучаемый период.

Деревья и кустарники. Географически данная территория относится к Приенисейской провинции Западной Сибири. В настоящее время Старотуруханское городище расположено в подзоне северотаежных лесов [Западная Сибирь, 1963. С. 207–208]. В лесах подзоны растут ель, кедр, сосна и береза, а также лиственница сибирская и, местами, пихта. Макроостатки всех перечисленных деревьев встречаются в исследуемых образцах. Непосредственно в окрестностях Старотуруханского городища из этих растений не произрастает только сосна. Два фрагмента хвои сосны обнаружены в самом позднем образце (Р8), датирующемся 1709–1718 гг. Возможно, они попали в этот слой вместе с завезенным из более южных территорий строительным материалом, что подтверждают данные определений древесины построек Старотуруханского городища¹.

Кроме того, в самом нижнем слое (середина XVII в.) обнаружены макроостатки ольхи и бузины. Эти кустарники встречаются под пологом темнохвойных и смешанных лесов, распространены в пределах южной и средней подзон тайги, заходя до 63°

¹ Дендрохронологическое датирование и ксилотомический анализ проведены д. и. н. В. С. Мыгланом (Лаборатория естественнонаучных методов в археологии и истории Института естественных и гуманитарных наук СФУ, г. Красноярск). Из 96 образцов построек из раскопа только 4 оказались из сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*). Все 4 образца происходят от досок, причем образцы не удалось исследовать методом перекрестного датирования. Доски явно были вторичного использования: из древесины, привезенной или сплавленной по Енисею из более южных районов.

О. П. Бачура
г. Екатеринбург
ИЭРЖ УрО РАН

СЕЗОН И ВОЗРАСТ ЗАБОЯ ЖИВОТНЫХ В МАНГАЗЕЕ¹

Введение. В настоящее время в археологических исследованиях широко применяются многие естественные методы, причем довольно часто – археозоологические. Последние обычно используются для реконструкции видового состава домашних и диких животных, кости которых археологи находят на древних поселениях, в могильниках и святилищах. Кроме этого, немаловажное значение имеет определение сезона и возраста забоя домашних животных. Это позволяет воссоздать внутригодовую цикличность хозяйственной деятельности населения, а также охарактеризовать возрастной состав стада домашних животных.

Цель нашей работы: определение сезона и возраста забоя крупного рогатого скота, свиньи и северного оленя в историческом городе Мангазее.

Мангазее – первый русский город в Сибирском Заполярье, существовавший в XVII в. Его остатки – в виде археологического памятника – находятся на севере Западной Сибири, в среднем течении р. Таз, на территории Красноселькупского р-на ЯНАО Тюменской обл. [Визгалов, 2006; Визгалов, Пархимович, 2007].

В данной работе представлены результаты определения возраста и сезона забоя вышеупомянутых видов животных, которое было выполнено автором на основании остеологических материалов, обнаруженных в ходе раскопок Мангазеи Г. П. Визгаловым и С. Г. Пархимовичем в 2000–2003 гг.

Материал и методика. Существует несколько способов определения возраста забитых животных. Наиболее часто в археозоологических исследованиях возрастной состав забитых животных определяется на основании полноты зубных рядов, степени стертости зубов и стадии формирования трубчатых костей. Эти методики позволяют определить возраст преимущественно молодых (до трех лет) животных.

Более трудоемкая и малоиспользуемая методика определения индивидуального возраста забитых животных основана на подсчете годовых слоев в костях и зубах (цементе и дентине) [Клевезаль, 1988]. Данный метод основан на наличии в тканях зубов (цементе и дентине) животных зон активного и замедленного роста. Эти слои зуба являются регистрирующими структурами. С помощью этой методики можно определить возраст любой особи старше одного года. Для крупного рогатого скота [Beasley, Brown, Legge, 1992. С. 37–50], северного оленя [McEwan, 1963. С. 111–113; Reimers, Nodby, 1968. С. 957–961; Miller, 1974. С. 47–53; Клевезаль, Соколов, 1999. С. 102–111] и свиньи [Saez-Royuela, Gomariz, Telleria, 1989. С. 326–329] показано, что узкие линии в зубах формируются каждую зиму и отражают возраст животного с момента прорезывания зуба. Определение времени (сезона) гибели особи производится на основании состояния краевой линии в цементе или дентине. Основываясь на опубликованных данных о времени формирования летне-весеннего (широкого) и осенне-зимнего (узкого) слоев в зубах исследуемых видов животных [Reimers, Nodby, 1968. С. 957–961; Miller, 1974. С. 47–53; Клевезаль, 1988; Saez-Royuela, Gomariz, Telleria, 1989. С. 326–329], нами были определены наиболее вероятные месяцы гибели отдельных особей. Полученные данные по возрасту для анализа были объединены в несколько возрастных групп: от одного года до двух лет (1–2), от двух до трех лет (2–3) и т. д.

Для анализа были взяты все доступные образцы зубов названных животных: 13 образцов – крупного рогатого скота, 17 – северного оленя, 64 – свиньи. Подсчет и анализ ростовых слоев в зубах животных производился на шлифах в отраженном свете.

Дополнительно возраст особей определялся на основании состояния зубной системы [Акаевский, 1939. С. 124–125; Bergerud, 1970. С. 962–963; Miller, 1972. С. 606–619]. Такая процедура проводилась для челюстей, которые принадлежали особям до одного года, а также в тех случаях, когда сохранность зуба была очень плохой и слои были не видны.

Результаты и обсуждение. *Свинья* являлась основным объектом разведения у населения Мангазеи [Бобковская, 2009]. Для анализа было взято 64 образца. На 8 (13%) из всех исследованных образцов из-за плохой сохранности интересующие нас слои не были видны (табл. 1). В большинстве случаев это были зубы верхней челюсти или предкоренные. Вероятно, данные зубы наименее пригодны для подобного анализа.

При подсчете слоев и анализе гибели животных в трех случаях, был сделан вывод о том, что особи должны были родиться не весной, как большинство животных, а осенью. У домашних животных сезон размножения и, следовательно, рождения потомства может происходить круглогодично. В настоящее время сельское население старается приурочить время появления потомства у домашних животных к весне. Вероятно, во время существования Мангазеи период случки и получения потомства, по крайней мере у свиньи, не отслеживался так строго, как в настоящее время.

¹ Работа выполнена по проекту программы Фундаментальных исследований УрО РАН 12-4-7-035 Проект «Арктика».

Таблица 1

Возраст и сезон забоя животных из Мангазеи (раскопки 2000–2003 гг.)

Возрастные группы, лет	Наиболее вероятные месяцы забоя	Количество образцов	Метод
Свинья			
?	?	10	Регистрирующие структуры
0–1	сентябрь–декабрь	10	Регистрирующие структуры
1–2	сентябрь–декабрь	26	Регистрирующие структуры
1–3	сентябрь–декабрь	2	Регистрирующие структуры
2–3	сентябрь–декабрь	13	Регистрирующие структуры
3–4	сентябрь–декабрь	3	Регистрирующие структуры
1–2	–	3	Состояние зубной системы
Крупный рогатый скот			
1–2	сентябрь–декабрь	3	Регистрирующие структуры
1–2	–	1	Состояние зубной системы
2–3	сентябрь–декабрь	2	Регистрирующие структуры
2–3	–	1	Состояние зубной системы
до 3-х лет	–	8	Состояние зубной системы
3–4	сентябрь–декабрь	8	Регистрирующие структуры
Северный олень			
?	?	4	Регистрирующие структуры
1–2	сентябрь–декабрь	2	Регистрирующие структуры
1–2	–	2	Состояние зубной системы
Около 2-х лет	–	1	Состояние зубной системы
2–3	сентябрь–декабрь	9	Регистрирующие структуры
3–4	сентябрь–декабрь	2	Регистрирующие структуры

Все особи свиные были забиты с сентября по декабрь (табл. 1). Большая часть животных – 26 особей (46%) – была забита в возрасте от одного года до двух лет (табл. 1). Практически одинаковую долю составляют особи в возрасте до года (18%) и от двух до трех лет (23%). Лишь три животных были забиты в возрасте от трех до четырех лет (табл. 1). Особей старше четырех лет нет. Среди остеологических остатков есть кости от эмбрионов и новорожденных особей [Бобковская, 2009. С. 352–362]. Наличие особей до года свидетельствует о том, что свиной разводили непосредственно на территории города.

Следовательно, массовый забой свиней осуществлялся в холодное время года, осенью. Население Мангазеи содержало свиней до возраста 3–3,5 лет. Более продолжительное их содержание в условиях заполярной Мангазеи было нецелесообразно. Свины растут до трехлетнего возраста, по мере роста увеличивается масса их тела. Дальнейшее увеличение массы тела у свиней возможно только при полноценном питании. Маловероятно, что в суровых природных условиях Мангазеи была возможность обеспечить такое питание. Забивались преимущественно годовалые особи свиней. Большое количество годовалых особей, по сравнению с молочными поросятами, может объясняться тем, что беспородные свиные, которых в течение ряда поколений бессистемно размножают и выращивают в условиях недокорма и плохого содержания, достаточной для убоя массы достигают только в возрасте 12 и более месяцев [Свечин, 1956. С. 101–102].

В современных деревнях держат двухлетних самок, так как они лучше воспитывают поросят. Обычно же свиные дают опороситься и выкормить детенышей только один раз, после чего ее убивают. В виде редкого исключения свиные держат до трехлетнего возраста. Старых самцов не держат совершенно [Хавенсон, 1933. С. 318–336].

Крупный рогатый скот в животноводстве населения Мангазеи занимал по значению второе место. Разведение крупного рогатого скота в Мангазее требовало гораздо больших трудовых затрат, поэтому им занимались меньше.

В зубах крупного рогатого скота ростовые слои читаются наилучшим образом, по сравнению с зубами северного оленя и свиные (табл. 1). Из таблицы видно, что все особи крупного рогатого скота были забиты с сентября по декабрь, то есть в период наступления заморозков. Подробный анализ и интерпретация возрастной структуры стада крупного рогатого скота на данном объеме выборки затруднен. В общем, можно сказать, что крупный рогатый скот содержали до возраста 3–3,5 лет. Половая зрелость у крупного рогатого скота наступает к 8–12 месяцам, а физиологическая – к 1,5–2 годам. Полное окостенение скелета на передней конечности завершается к 3–3,5 годам, на задней – к 4–4,5 годам. После этого крупный рогатый скот прекращает расти. Вероятно, как и в случае со свиными, более продолжительное содержание крупного

рогатого скота было невыгодно. Среди костей посткраниального скелета имеются две кости от новорожденных особей. Это свидетельствует о том, что крупный рогатый скот разводили на территории города [Бобковская, 2009. С. 352–362].

Северный олень. Северный олень занимает третье место среди домашних животных по количеству костей, собранных в культурном слое [Там же. С. 352–362]. Скорее всего, олени приводились местным населением на продажу. Горожане не могли содержать около города большое собственное стадо, так как занятие оленеводством на Крайнем Севере требует постоянной смены пастбищ и, соответственно, кочевого образа жизни. В зубах северного оленя ростовые слои видны несколько хуже, чем в зубах крупного рогатого скота. Наиболее пригодными для анализа являются резцы и первые коренные зубы. [Клевезаль, 1988; Miller, 1974. С. 47–53]. Нами для анализа были взяты все зубы, которые имели неповрежденную поверхность цемента. В результате было проанализировано 17 образцов из различных частей города (табл. 1).

Все особи северного оленя были забиты с сентября по декабрь. Большая часть этих особей имела возраст от двух до трех лет. Остальные животные были забиты в возрасте одного года и трех лет. Небольшая выборка зубов северного оленя не позволяет дать какую-либо интерпретацию возрастной структуры забоя северного оленя.

Заключение. Все виды животных, которые играли наиболее заметную роль в хозяйстве населения Мангазеи, были забиты в осенне-зимнее время, причем в этот период забивались как крупный рогатый скот и свиные, которые содержались непосредственно на территории города, так и северный олень, туши (мясо) которого население города покупало у аборигенного населения. Массовый забой домашнего скота осенью является традиционным периодом такого рода деятельности для русского населения. В условиях Крайнего Севера русское население следовало этим традициям. Возможно, массовый осенний забой северного оленя аборигенным населением производился специально – для продажи мяса русскому населению города. В современных оленеводческих хозяйствах массовый забой оленей осуществляется также в эти месяцы [Друри, Митюшев, 1963]. Наибольший выход мяса от северного оленя возможен при преимущественной добыче взрослых животных в осенний период [Колпацников, 2000]. Это связано с тем, что в это время северные олени достигают наибольшей упитанности после летнего нагула [Друри, Митюшев, 1963].

Литература

Бобковская Н. Е. Животноводство и охота в хозяйстве населения Мангазеи // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Екатеринбург, 2009.

Визгалов Г. П. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2007.

Клевезаль Г. А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М., 1988.

Клевезаль Г. А., Соколов А. А. Ретроспективная оценка состояния популяции новоземельских северных оленей (*Rangifer tarandus*) в период проведения ядерных испытаний // ЗЖ. Т. 78. № 1. М., 1999.

Колпацников Л. А. Таймырская популяция дикого северного оленя. Биологические основы управления и устойчивого использования ресурсов: Автореф. дис. ... докт. биол. наук. Норильск, 2000.

Свечин К. Б. Рост и развитие сельскохозяйственных животных. Киев, 1956.

Хавенсон Я. И. Аборигенные свиные чуваша // Проблема происхождения домашних животных: Тр. лаб. генетики. Вып. I. Л., 1933.

Beasley M. J., Brown W. N., Legge A. J. Incremental Banding in Dental Cementum: Methods of Preparation for Teeth from Archaeological Sites and for Modern Comparative Specimens // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 2. 1992.

Bergerud A. T., 1970. Eruption of Permanent Premolars and Molars for Newfoundland Caribou // J. Wild. Manage. Vol. 34. № 4. 1992.

McEwan E. H. Seasonal Annuli in the Cementum of the Teeth of Barren Ground Caribou // Canadian Journal of Zoology. Vol. 41. 1963.

Miller F. L. Eruption and Attrition of Mandibular Teeth in Barren-Cround Caribou // J. Wild. Manage. Vol. 36. № 2. 1972.

Miller F. L. Age Determination of Caribou by Annulations in Dental Cementum // J. Managem. Vol. 38, № 1. 1974.

Saez-Royuela C., Gomariz R. P., Telleria J. L. Age Determination of European Wild Board // Wild. Soc. Bull. Vol. 17, № 3. 1989.

Т. В. Лобанова
г. Екатеринбург
ИЭРЖ УрО РАН

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ТАЗОВСКОЙ ЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ ИЗ РАСКОПОК 2012 г.¹

Введение. Археологический памятник «Тазовская литейная мастерская» расположен в Тазовском р-не ЯНАО, на правом берегу р. Таз (66°58' с. ш.; 81°29' в. д.). Памятник был открыт в 1969 г. Мангазейской экспедицией ЛОИА и датирован X–XIII вв. [Хлобыстин, Овсянников, 1973. С. 248–257]. В 2005 г. в ходе разведочного обследования данного объекта А. Е. Тарасов заложил два шурфа, в которых были обнаружены костные остатки северного оленя и песка. В сентябре 2012 г. Г. П. Визгаловым на памятнике были проведены аварийные археологические раскопки. Раскоп 1, площадью 17 кв. м, был заложен на верхней площадке стрелки мыса. В нем было зафиксировано «сооружение» 1, но в раскоп попала только его часть. Раскоп 2 заложен на холме, отделенном от площадки (холма) раскопа 1 глубоким логом с крутыми склонами. Следов каких либо сооружений в раскопе 2 не зафиксировано. Находки представлены кусками шлаков, обожженной глины (обмазка печей), а также костями разных животных.

В раскопе 1 сосредоточено наибольшее количество костей (80%), при этом почти все они – «сырые». Остеологические материалы находились как в заполнении «сооружения» 1, так и за его пределами. Много костей животных найдено под дерном – в гумусированном слое. Скопление костей, сложенных в одну кучу, обнаружено у северной стенки раскопа. Кости были сконцентрированы над полом «сооружения» (постройки) 1, вдоль его восточной стенки.

В раскопе 2 сразу при снятии дерна были обнаружены обожженные кости животных. На глубине 44 см обгорелые кости животных лежали сплошным слоем толщиной 5–7 см. На этом раскопе обнаружены только три «сырые» кости, все остальные – обожженные.

Состав археологической коллекции. Данная коллекция, собранная при раскопках памятника, состоит из 691 экз. костных остатков (табл. 1). Помимо приведенных в таблице материалов, в раскопе 1 были обнаружены фрагмент черепа взрослого человека и диафиз бедренной кости предположительно новорожденного ребенка. Происхождение этих костей на данном этапе исследования памятника пока трудно интерпретировать. Определения костей птиц были выполнены научным сотрудником ИЭРЖ УрО РАН А. Е. Некрасовым, остальных остеологических материалов – автором.

Кости млекопитающих на памятнике наиболее многочисленны и составляют 80 % (550 экз.) общего количества костных остатков. Определимые кости принадлежат 10 видам как диких, так и домашних животных. К домашним мы можем отнести собаку (*Canis familiaris*). В раскопе 1 обнаружены фрагменты суставной поверхности лопатки и тела грудного позвонка, а также обожженный фрагмент диафиза лучевой кости.

Остатки крупных копытных представлены костями северного оленя (*Rangifer tarandus*). Можно с большой долей вероятности отнести подавляющее большинство этих остатков к дикой форме, поскольку в период функционирования металлургического комплекса крупностадное домашнее оленеводство еще не сформировалось [Косинцев, 2006. С. 163]. В раскопе 1 кости этого вида встречаются часто и составляют 30% общего количества костных остатков млекопитающих. Здесь почти полностью отсутствуют кости головы (найден единственный фрагмент черепа в поддерновом слое), а также немногочисленные позвонки. Фрагментов рогов довольно много, но все они небольшие, и почти все имеют следы обработки. Чаще всего находят фрагменты трубчатых костей ног и поясов конечностей (табл. 2), т. е. «мясные» части тела. Большинство костей северного оленя сильно раздроблены, целыми сохранились только 5 мелких костей предплюсны и фаланга III. Все первые фаланги разбиты. У единственной целой фаланги просверлено отверстие для извлечения костного мозга. Такая раздробленность костей характерна для кухонных отходов. 13 костей погрызены. Следы обработки отмечены на рогах, лопатках, метаподиях, 9 фрагментов костей обожжены. Судя по состоянию эпифизов, лишь 5% костей принадлежит не вполне взрослым особям. Среди костей северного оленя встречаются очень крупные экземпляры, возможно принадлежавшие взрослым быкам дикого лесного подвида.

В раскопе 2 обнаружены изолированный верхний зуб северного оленя и несколько обожженных костей. Это 5 небольших фрагментов рогов и не приросший нижний эпифиз бедра молодого животного. Несколько

¹ Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-4-7-035 «Арктика».

обожженных фрагментов черепа, отнесенных нами к неопределимым, предположительно, также принадлежат северному оленю.

Среди диких видов наиболее многочисленны кости зайца-беляка (*Lepus timidus*). Они составляют 43% общего количества костных остатков млекопитающих в раскопе 1 и происходят, как минимум, от 26 особей. Представлены все части тела (табл. 2), но очень мало элементов осевого скелета (позвонков и ребер). В «сооружении» 1 и за его пределами обнаружено 25 практически целых черепов (у всех их отсутствует затылочная часть) и остатки не менее 3 передних и 8 задних лапок. Видимо, они собирались и сохранялись специально. Раздробленность костей зайца незначительная; наиболее раздроблены трубчатые кости ног, особенно бедренные и большеберцовые. У них отделялись верхние и нижние эпифизы, возможно, для добытия костного мозга. Большая часть костей принадлежит взрослым особям, только одна кость – от молодого животного. Численность зайца в этом районе весьма значительна. В зимнее время она могла еще более возрасти – за счет мигрантов с севера [Павлинин, 1997. С. 31–42.].

Среди пушных животных наиболее многочисленны кости соболя (*Martes zibellina*). Его остатки составляют 12% общего числа млекопитающих (табл. 1). Представлены кости головы, верхних частей ног и позвонки (табл. 2), как минимум, от 15 особей. Скопления черепов обнаружены в раскопе 1: как в «сооружении» 1, так и за его пределами. Судя по тому, что у части черепов сильно повреждена затылочно-мозговая часть и отсутствуют затылочные мышелки, можно допустить, что этот соболь был добыт орудием давящего типа. Вторая часть черепов почти целая, но затылочные мышелки обломлены по шву и также отсутствуют. Кости посткраниального скелета целые и принадлежат взрослым животным. Из одной нижней челюсти изготовлена подвеска. Численность соболя в природе в период функционирования поселения, по-видимому, была значительной.

Из пушных зверей добывался также песец (*Alopex lagopus*). Костей этого вида немного, при этом большая их часть сосредоточена в «сооружении» 1 раскопа 1 (табл. 1). Среди остатков песка представлены все элементы скелета (табл. 2), но преобладают нижние челюсти и кости проксимального отдела передних лап. Кости песка раздроблены. Все они принадлежат взрослым животным. Из двух, возможно, парных челюстей песка были изготовлены подвески. В этом районе песец не норится, а бывает здесь только зимой, мигрируя из тундровой зоны [Корытин и др., 1995. С. 226–270].

В небольшом количестве добывался бобр (*Castor fiber*). Из остатков бобра в раскопе 1 сохранились в основном кости головы и верхних частей конечностей (табл. 2). Отсутствуют кости нижних частей лап, за исключением трех таранных. У двух из них одинаковым способом обрублена головка. Из третьей кости пытались изготовить подвеску: поверхность кости подтесана, в основании есть недосверленное отверстие.

Кости других пушных животных из раскопа 1 единичны: это – целая правая нижняя челюсть от взрослой лисицы (*Vulpes vulpes*) и таранная кость россомахи (*Gulo gulo*).

Все кости птиц происходят из раскопа 1, они составляют 22% общего числа найденных здесь костных остатков (табл. 1). Среди определимых остатков преобладают кости водоплавающих видов (70%), среди них доминируют кости гусей – белолобого, гуменника, пискульки (55%). Все это – перелетные виды, добыча которых возможна в весенне-летний период [Рябицев В., Рябицев А., 2010. С. 22–64]. Среди остатков водоплавающих птиц есть кости, принадлежащие как молодым особям, так и взрослым, но добытым в период линьки пера – в июле-августе. Менее трети костей (28%) принадлежат белой куропатке, виду, добываемому обычно в зимний период.

Среди элементов скелета у всех птиц преобладают кости крыла (70%). Следы режущих орудий на костях позволяют предположить, что верхняя часть крыла отрезалась по суставу с плечевой костью. У большей части трубчатых костей крупных птиц обломаны эпифизы. Кости ломали, но не вполне ясно, с какой целью, поскольку птичьи кости не содержат костного мозга. Шесть костей имеют следы воздействия огня.

Две кости серого журавля, вероятно, принадлежали одной особи. По структуре стенок костей можно предположить, что эту птицу содержали в неволе.

Костей рыбы в раскопе 1 обнаружено немного (табл. 1). Предварительно можно сказать, что встречаются кости осетровых и щуки. В то же время небольшое количество ихтиологических остатков не позволяет пока сделать выводы о характере рыболовства.

Остеологический комплекс раскопа 2 состоит преимущественно из обожженных костей бурого медведя (*Ursus arctos*). При этом кости данного вида животного обнаружены только здесь. Это – единственное необожженное, почти целое ребро и обожженные части, как минимум, двух взрослых особей. В основном – это остатки головы и лап медведя. Особенно много сохранилось элементов нижних частей передних и задних лап: кости запястья и предплюсны, а также метаподии и фаланги, за исключением когтевых (табл. 2). Судя по всему, до попадания в огонь все мелкие кости лап были целые. Сохранилось также несколько определимых фрагментов трубчатых костей, позвонков и ребер. Большая часть неопределимых обожженных костных остатков из этого скопления (36 экз.) принадлежит, по нашему мнению, также бурому медведю.

Результаты исследования. Анализ полученных данных указывает на то, что во время заселения данного места экологическая ситуация была схожа с современной. Различия заключаются в том, что численность соболя и бобра в окрестностях поселения была значительной. Позднее они были полностью истреблены здесь людьми. На основании экологии основных промысловых видов, можно сказать, что добыча их велась здесь как в холодное, так и в теплое время года.

В результате археозоологических исследований материалов из раскопок Тазовской литейной мастерской в 2012 г. было установлено, что костные остатки из обоих раскопов представляют собой разные функциональные комплексы. Кости из раскопа 1 – это в большинстве своем кухонные отходы, которые в основном содержат кости северного оленя, зайца и птицы. Эти виды составляли основу мясного рациона жителей поселка. Помимо этого, здесь сохранились кости добываемых пушных зверей, а также скопления черепов промысловых животных. Наличие небольшого количества обожженных костей (около 4%) на территории раскопа, на наш взгляд никак не связано с использованием их в литейном производстве.

Судя по небольшому количеству костных остатков, здесь содержали собак, но по такому небольшому материалу трудно судить о масштабах собаководства.

Основой питания населения было мясо, вероятно дикого северного оленя. На поселении использовались наиболее «мясные» части туши, а головы утилизировались отдельно, в другом месте. Помимо северного оленя, наибольшее количество костных остатков в коллекции 2012 г. принадлежит зайцу-беляку, мясо которого служило дополнительным источником белка, особенно в зимнее время. Большую роль в жизнеобеспечении населения играла охота на птиц. Значительное количество добываемой в весеннее-летнее время водоплавающей птицы (преимущественно различных видов гусей) говорит об активном летнем промысле. Белую куропатку добывали в лесотундре обычно в зимнее время. Тем не менее малое количество ее костей в сочетании с ее небольшими размерами не позволяют говорить о значительном зимнем промысле этого вида.

Основным объектом пушной охоты был соболь. Судя по небольшому количеству костных остатков посткраниального скелета этого животного, охота на него велась недалеко от жилища и небольшая часть тушек добытых пушных зверей попадала на поселение. Их, возможно, использовали в пищу и/или запасали на случай голода. Помимо соболя, в небольшом количестве добывали песцов и бобров.

Череп соболя, черепа и лапы зайца специально сохранялись в жилой части поселения. На наш взгляд, их скопления являются отражением обрядов промысловых культов. Примеры подобного отношения к определенным частям тела (головам, лапам) важных промысловых животных были неоднократно зафиксированы при раскопках многих археологических памятников севера Западной Сибири, а также в этнографической литературе. Например, черепа добытых соболей ханты и манси приносят и хранят в охотничьих избушках [Косинцев, 2006. С.54]. Подобные скопления черепов песца описаны В. Н. Чернецовым в землянках Хаэн-сале [1935. С. 118–119]. Зафиксированы они и в домашней кумирне одной из построек городища Бухта Находка [Кардаш, Лобанова, 2008. С. 360–363]. Кроме того, скопления черепов и лап зайца, песца, черепов соболя известны в Надымском и Полуйском мысовом городках [Ивасько, Лобанова, 2003. С. 69–71]². Для обрядовой деятельности также использовались подвески, изготовленные из нижних челюстей соболей и песцов. Для изготовления различных орудий использовались рога, лопатки, режы метаподии северного оленя.

На данном этапе исследования можно сказать, что рыболовство не играло заметной роли в жизнеобеспечении обитателей поселения.

Костный комплекс из раскопа 2, вероятно, представляют собой результат ритуального сожжения костей бурого медведя. Находки костей этого вида на археологических памятниках севера Западной Сибири крайне редки [Косинцев, 1997. С. 133–164; Косинцев, Лобанова, 2003. С. 171–176]. В представлениях коренного населения севера Западной Сибири медведь занимает особое положение. Это неоднократно отмечалось в этнографической литературе [Зуев, 1947. С. 50–51; Поляков, 2002. С. 112–113; Шренк, 2009. С. 274–276]. Его кости нельзя было раскалывать. Они закапывались отдельно, в стороне от жилищ. Шкуру, головы и лапы хранили в специальных местах [Первалова, 2004. С. 293–299]. Учитывая особое отношение древнего населения Сибири к этому животному, без сомнения, можно полагать, что его кости были сожжены в ходе какого-то особого обряда. Следы преднамеренного сжигания лап белого медведя обнаружены на поселении Тиутей-сале 1 [Косинцев, 2006. С. 132–133]. Сжигание костей бурого медведя отмечено на Ендырском городке, а в металлургическом комплексе Зеленый Яр VI–VII вв. остатки медведя представлены кальцинированными когтевыми фалангами. [Зеленый Яр..., 2005. С. 264; Косинцев, 2006. С. 170].

Помимо костей медведя, в этом скоплении обнаружены обожженные кости головы северного оленя, которые также, возможно, попали в огонь в результате ритуальных действий.

В заключение мы можем сказать, что местное население вело активную промысловую деятельность, а также осуществляло разнообразные, связанные с этой деятельностью ритуальные практики. Видовой состав промысловых видов типичен для лесотундровой зоны Западной Сибири.

² Полевые материалы автора.

Литература

- Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Коллектив авторов. Под ред. Н. В. Федоровой. Екатеринбург; Салехард, 2005.
- Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. Тр. ИЭ. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947.
- Ивасько Л. В., Лобанова Т. В. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры. Тобольск, 2003.
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2011.
- Кардаш О. В., Лобанова Т. В. Опыт реконструкции хозяйства населения городища Бухта Находка XIV–XV вв. (по материалам археозоологических исследований) // Тр. II (XVIII) ВАС. Т. III. М., 2008.
- Косинцев П. А. Крупные млекопитающие лесотундровой зоны Западной Сибири в начале позднего голоцена // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. Челябинск, 1997.
- Косинцев П. А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард, 2006.
- Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Крупные млекопитающие лесотундры Западной Сибири в конце позднего голоцена // Четвертичная палеозоология на Урале. Екатеринбург, 2003.
- Корытин Н. С., Добринский Л. Н., Данилов А. Н. и др. Млекопитающие // Природа Ямала. Екатеринбург, 1995.
- Павлинин В. В. Особенности экологии зайца-беляка (*Lepus timidus* L., 1758) на Ямале // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. Челябинск, 1997.
- Первалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004.
- Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук / Предисл. С. Г. Пархимовича. Тюмень, 2002.
- Рябицев В. К., Рябицев А. В. Птицы Ямало-Ненецкого автономного округа: справочник-определитель. Екатеринбург, 2010.
- Шренк А. И. Путешествие к северо-востоку Европейской России / Пер. с нем. М., 2009.
- Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. № 4–5. М., 1935.

Таблица 1

Видовой состав и количество костных остатков из Тазовской литейной мастерской (раскопки 2012 г.)

Вид	Раскоп 1			Раскоп 2
	Гумус под дерном	Гумус общий сбор	Постройка А-Б/1-4	Кв. Б/3
Млекопитающие				
Собака	1	2	–	–
Северный олень	12	64	48	7
Бурый медведь	–	–	–	91
Песец	2	7	16	–
Соболь	2	26	23	–
Лисица	–	–	1	–
Росомаха	–	1	–	–
Заяц-беляк	5	97	76	1
Бобр	4	8	1	–
Полевка водяная	–	1	–	–
Млекопитающие неопределимые	1	6	9	40
Птицы				
Чернозобая гагара	–	–	2	–
Белолобый гусь	2	10	15	–
Гуменник	1	7	6	–
Пискулька	–	6	3	–
Белолобый гусь – гуменник	–	10	6	–
Кряква	1	–	–	–
Лебедь-кликун	–	1	3	–
Свиязь	1	–	1	–
Чирок-трескунок	–	1	1	–
Шилохвость	–	1	2	–
Морская черныш	–	–	1	–
Морянка	–	1	–	–
Утка неопределимая	–	–	2	–
Белая куропатка	1	20	13	–
Рябчик	1	–	–	–
Серый журавль	–	–	2	–
Рыба (вся)	–	10	6	–
Всего	34	279	237	139

Таблица 2

Состав и количество элементов скелета млекопитающих из Тазовской литейной мастерской (раскопки 2012 г.)

Элемент скелета	Собака	Олень северный	Медведь	Песец	Соболь	Заяц	Бобр
Рог	–	17	–	–	–	–	–
Череп	–	1	15	2	15	29	1
Нижняя челюсть	–	–	5	7	7	16	1
Зуб	–	1	–	–	–	–	–
Атлант	–	1	1	–	–	1	–
Эпистрофей	–	–	–	1	–	–	–
Позвонки шейные	–	1	–	–	–	–	–
Позвонки грудные	1	3	4	–	–	–	1
Позвонки поясничные	–	–	–	2	4	8	–
Позвонки хвостовые	–	–	2	–	–	–	–
Позвонки	–	1	1	–	–	–	–
Крестец	–	1	–	–	–	2	–
Ребра	–	18	7	1	–	2	–
Ключица	–	–	–	–	–	–	1
Лопатка	1	9	–	–	–	4	–
Таз	–	5	–	1	4	5	–
Плечевая	–	8	1	–	3	9	2
Локтевая	–	3	2	1	3	1	1
Лучевая	1	6	–	6	4	8	–
Бедренная	–	6	–	1	4	12	2
Большая берцовая	–	8	–	2	6	27	1
Малая берцовая	–	–	–	–	1	–	–
Коленная чашечка	–	2	1	–	–	–	–
Метаподии	–	4	17	–	–	41	–
Пясть	–	5	–	–	–	–	–
Плюсна	–	5	–	–	–	–	–
Пяточная	–	2	2	–	–	5	–
Таранная	–	1	3	1	–	1	3
Запястье, предплюсна	–	2	9	–	–	–	–
Сесамовидные	–	1	–	–	–	–	–
Фаланга 1	–	4	8	–	–	8	–
Фаланга 2	–	–	8	–	–	–	–
Фаланга 3	–	1	–	–	–	–	–
Фаланги добавочные	–	1	–	–	–	–	–
Трубчатые	–	14	5	–	–	–	–
Всего	3	131	91	25	51	179	13

Н. В. Мартынович
г. Красноярск
КККМ

**КУРЫ (GALLUS GALLUS DOMESTICA)
БЕРЕЗОВСКОГО ГОРОДИЩА (НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ)**

Берёзовское городище – известный археологический памятник, связанный с заселением Нижнего Приобья русскими в XVI–XVII вв. Березовский острог был основан в 1593 г. на левом берегу р. Северной Сосьвы на месте остяцкого поселения Суматвош («город берез») для управления местными инородцами.

С 2005 г. научно-исследовательским коллективом МУ ЦИКН Нефтеюганского р-на ХМАО–Югры и ООО НПО «Северной археология» во главе с Г. П. Визгаловым и С. Г. Пархимовичем начаты систематические комплексные научные исследования Берёзовского городища, расположенного на территории современного пос. Берёзово. Полученные в ходе раскопок материалы связаны в основном с XVII в. Опубликованы данные по археологии, животноводству и промысловым видам млекопитающих [Визгалов, Пархимович, 2008; Бобковская, 2010].

Среди многочисленной в 22 тыс. ед. коллекции костей птиц (сборы 2008–2009 гг.) автором определены 28 видов, главным образом, представителей водоплавающей и боровой дичи, а также кости домашних птиц – гусей и кур [Мартынович, 2013]. Коллекция костей кур составила 1956 ед., что составляет 8,8 % от определенных костей птиц. Среди находок преобладали проксимальные кости крыла и плечевого пояса данного вида птиц.

Полученная остеологическая коллекция кур Берёзовского городища позволяет морфометрически оценить размерный класс, скорее всего, беспородных кур. Схема основных промеров принята по классической работе А. Дриша [Driesch, 1976] с дополнениями (рис. 1).

В табл. 1 приведены основные промеры длинных костей скелета Березовских кур: первое число (N) – количество измерений, ниже – минимальное – среднее и максимальное значения промера. Отдельной строкой вынесены промеры тарзометатарсусов более крупных петухов, несущих шпоры.

Данные по остаткам птиц из первых русских поселений севера Западной Сибири начинают входить в научный оборот. В частности, в последнее время опубликованы определения по орнитологическим коллекциям Мангазеи [Некрасов, 2003; Мартынович, 2010] и Березовского городища [Мартынович, 2013].

Достаточно полно изучены материалы по курам и птицеводству на археологических средневековых памятниках Среднего Поволжья (16 местонахождений). На них количество костей кур среди всех остеологических остатков составляет от 11 до 100% (в среднем – 74,5%). На основании промеров максимальной длины тарзометатарсусов установлено, что с X по XVII в. происходило увеличение размеров кур [Аськеев, Аськеев, Галимова, 2004; Аськеев, Галимова, Аськеев, 2013].

Впервые для археологических памятников русского средневековья Западной Сибири на массовом материале приведены морфометрические данные по скелету кур (*Gallus gallus domestica*). Серийные измерения позволили выявить среднего размера курицу, значительно превышающую размеры бентамок (наши данные). По среднему размеру максимальной длины тарзометатарсусов она близка к курицам из поселений Среднего Поволжья XVI–XVII вв. Однако по максимальному параметру и диапазону разброса промера уступает последним [Аськеев, Галимова, Аськеев, 2013].

Литература

Аськеев И. В., Аськеев О. В., Галимова Д. Н. Становление птицеводства и развитие домашних птиц на территории Волго-Камья (по археозоологическим данным) // Археологи и естественные науки Татарстана. Кн. 4. Казань, 2011.
Аськеев И. В., Галимова Д. Н., Аськеев О. В. Домашние и дикие птицы из средневековых археологических памятников Среднего Поволжья // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы III Всерос. науч. конфер. (с междунар. участием). Казань, 2013.
Бобковская Н. Е. Животноводство в Березово (XVII век) // ВИАЭ. № 3. Тюмень, 2010.
Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологические исследования Березовского городища // Культуры русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.
Мартынович Н. В. Промысловые птицы русского города Мангазея // III САК: Тез. докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010.
Мартынович Н. В. Птицы Березовского городища (Нижнее Приобье) // Динамика современных экосистем в голоцене: Мат-лы III Всерос. науч. конфер. (с междунар. участием). Казань, 2013.
Некрасов А. Е. Костные остатки птиц из голоценовых местонахождений Урала и Западной Сибири // Четвертичная палеозоология на Урале. Екатеринбург, 2003.
Driesch A. (Angela Von Den Driesch). A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites // Peabody Bulletin 1. Peabody Museum Archaeology and Ethnology. Harvard University. 1976.

Таблица 1

Основные промеры длинных костей скелета березовских кур, мм

Элемент скелета/промер	a	b	c	d
Лопатка (SCP)	N=26 60-66,6-72,2	N=67 10,1-11,6-14,7	–	–
Коракоид (COR)	N=77 44,2-50,5-58,5	N=71 41,6-48,0-55,8	N=78 9,0-10,7-13,2	–
Плечевая (HUM)	N=60 53,7-66,8-78,1	N=71 15,7-18,8-22,2	N=88 12,4-14,4-18,2	–
Локтевая (ULN)	N=51 55,8-65,2-76,2	N=63 6,7-8,6-10,5	N=61 6,4-9,2-10,6	–
Лучевая (RAD)	N=51 53,1-61,0-88,3	N=52 4,0-5,3-7,2	N=59 5,5-6,7-8,3	–
Карпометакarpus (CMT)	N=33 31,6-35,7-39,4	N=31 9,8-10,9-12,4	N=33 6,3-7,6-9,0	–
Бедренная (FEM)	N=53 61,4-71,5-84,5	N=69 11,3-14,5-84,5	N=69 11,2-14,3-17,2	–
Тибiotарсус (TBT)	N=28 89,5-101,5-113,7	N=33 14,6-17,8-21,5	N=103 9,2-11,0-12,5	N=99 10,0-11,5-13,9
Тарзометатарсус (TMT)	N=28 61,2-68,1-82,5	N=30 11,3-12,4-15,3	N=26 10,6-12,1-13,7	–
Тарзометатарсус (TMT) ♂♂	N=6 70,0-75,3-82,5	N=6 13,1-13,4-14	N=6 12,5-12,9-13,4	–

С. А. Денисов
г. Сургут
СОИИ № 24

**ТРАДИЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТОПОРА
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛАМ ООО НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»,
ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ
И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМ ДАННЫМ)**

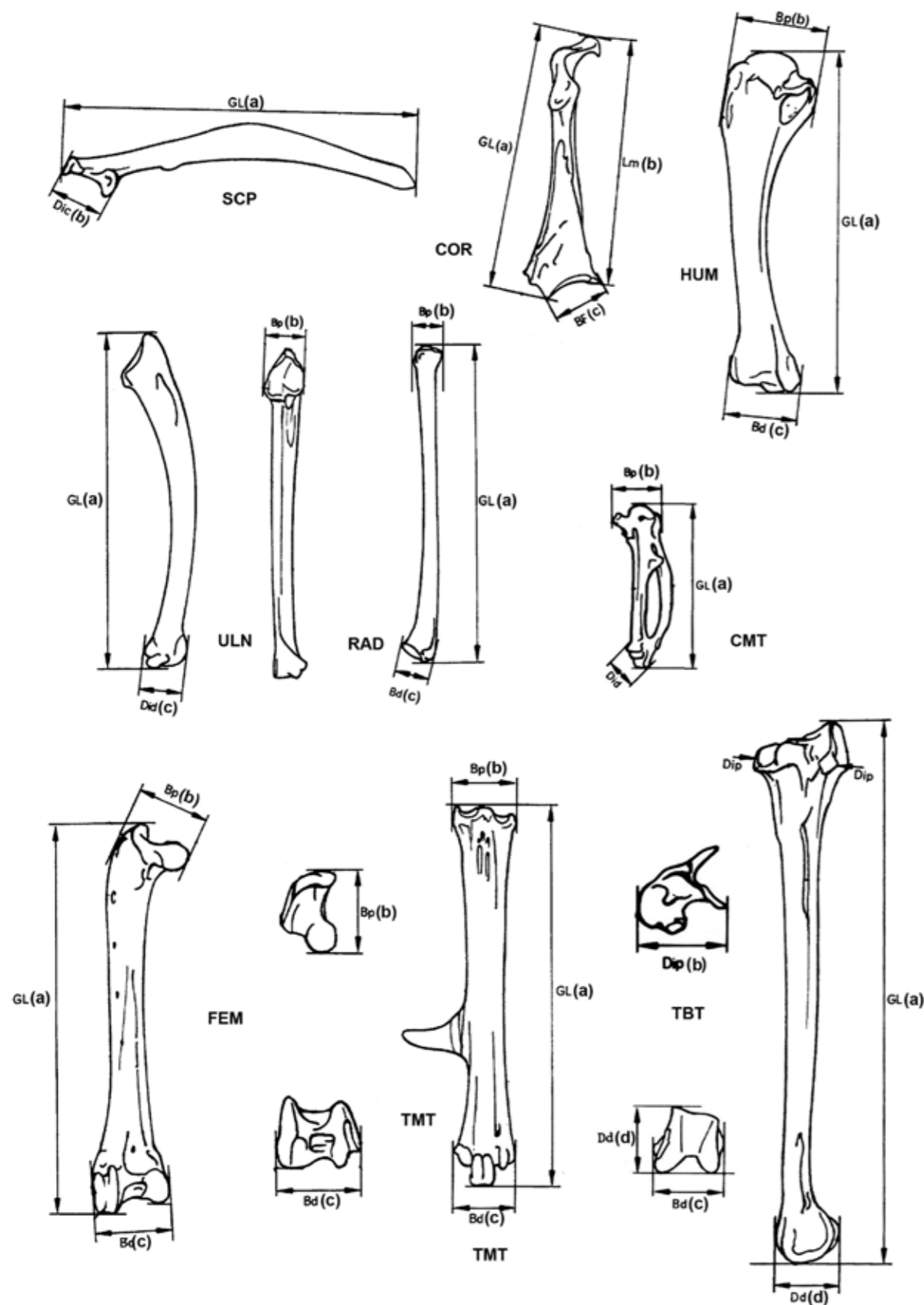

Рис. 1. Схема основных промеров костей курицы по Дришу [Driesch, 1976], с дополнениями

Как известно, история топора насчитывает не одну тысячу лет. За время своего существования топоры изготавливались из камня, меди, бронзы, железа, стали.

Топор – орудие многофункциональное. Помимо универсальных топоров, существовали топоры специальные: лесорубные, охотничьи, плотницкие, бондарные, скульптурные.

В древнерусских письменных памятниках топор как орудие труда и оружие упоминается чаще под термином «сокира» или «секира». Известно, что привычная в настоящее время форма топора, имеющего широкое лезвие и проушину для крепления рукояти, широко распространена на средневековых памятниках [Колчин, 1959. С. 25].

Классификация топоров на древнерусском материале в свое время разрабатывалась Б. А. Колчиным [1953; 1959], А. Ф. Медведевым [1959], А. Н. Кирпичниковым [1966], а на артефактах, найденных в Западной Сибири – В. И. Молодиным [1979], А. И. Соловьевым [1987] и А. П. Зыковым [2008. С. 12]. Распределяя топоры по типам, исследователи учитывают форму лезвия, форму и размеры обуха, проушины, наличие или отсутствие каких-либо конструктивных особенностей (например, бороздки у основания проушины или выступов на ее сторонах).

Исследованию железных топоров из археологических памятников посвящена значительная литература. Наряду с морфологическим описанием указанных артефактов и их классификацией, исследователи уделяют пристальное внимание технологическому анализу и реконструкции топоров [Колчин, 1953; 1959; Зиняков, 1997; 2005; Зыков, 2008. С. 12; и др.], их функциональным характеристикам [Соловьев, 1987], а также роли топоров в материальной и духовной культуре общества [Яковлев, Боброва, 2004].

По мнению Н. М. Зинякова, большинство обнаруженных в Западной Сибири топоров по своим морфологическим характеристикам и технологической традиции могут рассматриваться как русский импорт, как изделия, произведенные русскими кузнецами по заказам аборигенного населения, как подражания русским образцам, выполненные местным населением [2002. С. 57].

Известно, что в Сибирь русский импорт изделий из железа начался задолго до официального освоения зауральских земель. Первые находки русских топоров в Сибири были сделаны еще в начале XX в. В 1915 г. В. Н. Пигнатти опубликовал материалы о двух топорах с Искерова (Кучумова) городища [Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 81]. В настоящее время исследователи знают десятки археологических памятников на территории Западной Сибири, где обнаружены значительные коллекции топоров XVI–XVIII вв. Эти памятники оставлены основными этническими группами Сибири – русскими, селькупами, манси, ханты, татарами [Зиняков, 2002. С. 61]. Среди коренного населения Сибири топор становится наиболее востребованным предметом ремесленного производства с XVI – XVII вв. [Яковлев, Боброва, 2004. С. 149].

Детальное изучение, в том числе с помощью металлографического анализа, втульчатых топоров и тесел, найденных в Северо-Западной Сибири (24 экз.), проведенное сравнительно недавно А. П. Зыковым, привело его к следующим выводам. «Любопытно, – пишет исследователь, – что технология производства втульчатых топоров-тесел из памятников саргатской культуры I – начала III вв. южной тайги Западной Сибири и глубинных таежных памятников II – первой половины IV вв. северо-Западной Сибири полностью совпадает. Это свидетельствует об экспорте готовых орудий поздним саргатским населением своим северным соседям, либо о заимствовании северянами южной очень передовой технологии. Последнее более вероятно. Привнесенные навыки сохранились до XVI в., но постепенно уже к IX–X вв. северяне полностью отказались от закалки наварных стальных лезвий. Когда-то заимствованная высокая технология была прочно усвоена потомками северных кузнецов, но была явно упрощена. Долгое время более чем тысячелетнее сохранение в упрощенном (ухудшенном) виде когда-то заимствованной технологии – ярко продемонстрирует крупная серия проанализированных втульчатых топоров и тесел Северо-Западной Сибири [2008. С. 12–13].

Археологические раскопки на территории Западной Сибири постоянно пополняют коллекции государственных собраний и даже частных лиц значительным количеством предметов из черного металла, среди которых немало топоров. Результаты исследования этого материала и находки самих топоров регулярно публикуются [Зиняков, 2002; 2005; Труфанов, Поплевин, 2003. Ил. 2 – 6; Стефанов, 2003. Ил. 17 – 4; Яковлев, Боброва, 2004; Семенова, 2005; Перевалова, Карачаров, 2006. С. 67; Кошкиаров, 2007. Ил. 1; Носкова, 2008. Ил. 8 – 1; Яковлев, 2011. Ил. 130; 131; Зыков, 2012. Рис. 69 – 2; 79 – 3; и мн. др.].

В ходе проведения охранных мероприятий и археологических разведок на территории ХМАО в 2005–2007 гг. сотрудниками ООО НПО «Северная археология» собрана коллекция топоров (13 шт.) с поверхности поздних археологических памятников – поселений Долгое I, IV, Селиярово, кладбище Юрт Соровских, могильник Соровской I.

Для общей морфологической характеристики этой коллекции топоров были использованы параметры, принятые в археологических исследованиях: а) длина топора; б) ширина лезвия; в) длина проушины; г) ширина проушины; д) высота проушины; е) длина бородки (рис. 1–3). Полученные данные приведены в табл. 1. Размеры артефактов в ней указаны в сантиметрах.

Таблица 1

Характеристика железных топоров, найденных сотрудниками ООО НПО «Северная археология на территории ХМАО в 2005–2007 гг., см

№ экз.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Тип	1	1	1	1	2	2	2	3	3	3	3	3	3
Длина топора	13	10,7	12,5	12,5	13	14,3	14,2	15,5	14,7	16	14,5	18	16
Ширина лезвия	11	12	12,6	12	13,5	15,5	13,7	12,7	11	11,3	12	15	12,5
Длина обуха	6,5	6,5	8	7,5	7,2	7,5	6	6,8	5,7	6,5	5	6,5	6
Ширина обуха	4	3,5	4	4	4,5	4,6	3,9	5	4	4	5	4,7	4,8
Ширина проушины	2,5	2	2,2	2,4	3,3	3	2,7	3	2	2,8	3,3	3	3
Высота проушины	5,5	4,6	5,3	5,5	5,5	6,5	6,4	6,5	5,6	6,3	6	7	5,7
Длина бородки	1,3	0,7	0,4	0,5	2,3	2,1	2	1	1	1,8	2	2	2,5

Следует отметить, что исследованная коллекция топоров достаточно разнообразна по форме. Процедура их формально-типологического анализа проведена с учетом признаков, принятых в классификации А. И. Соловьева [1987. С. 93].

Все исследованные топоры относятся к классу железных и отделу проушных. По сечению обуха и рабочей части изделия можно отнести к группе II, т.е. к плоскообушным топорам с клиновидным сечением полотна и лезвия. Для выделения типов использованы следующие критерии: а) конструкция обушной части; б) форма и размеры рабочей части; в) форма и конструкции бородки. Всего выделено три типа топоров.

Тип I (по А. И. Соловьеву – тип IV) – 4 экз. Топоры клиновидные с треугольной проушиной. Верхняя площадка обуха имеет удлинение (выступ) в сторону рукояти. Обух и щеки, образующие проушину, толстые. Бородки у этого типа топоров очень короткие, слабо или совсем не отделены от полотна.

Тип II (по А. И. Соловьеву – тип V) – 3 экз. В сечении проушина и рабочая часть этих топоров, как и у предыдущего типа, клиновидной формы, а верхняя площадка обуха также имеет удлинение. Однако стенки их проушин менее массивны, бородки полностью сформированы и отделены от полотна. Пятка и носок лезвия сильно вытянуты, благодаря чему топоры отличаются широкой рабочей частью.

Тип III (А. И. Соловьевым не выделяется) – 6 экз. Изделия этого типа имеют симметрично расширяющееся, овальное на конце лезвие. Сохраняя в целом треугольное сечение, топоры отличаются тонкими стенками проушин и утонченным полотном. Массивные бородки сильно отогнуты и почти перпендикулярны полотну. Внешне топоры этого типа аналогичны современным промышленным изделиям.

Основываясь на особенностях морфологии, можно предположить, что исследованные топоры укладываются в рамки XVII–XIX вв.

Часть топоров была подвергнута комплексному технологическому исследованию: идентифицированы сохранившиеся на поверхности технологические следы, исследовались поверхности макрошлифов, при помощи металлографического микроскопа анализировалась структура металла.

Выявленные комплексы технологических признаков позволяют выдвинуть следующие реконструктивные версии. Нумерация топоров соответствует нумерации, принятой в табл. 1.

Топор № 1 (тип 1). Микроструктура металла (феррит с перлитом), свидетельствует о том, что топор изготовлен из малоуглеродистой стали (0,4%). Тело топора сформовано за счет согнутой пополам массивной пластины. Сварочный шов, соединяющий пластину, фиксируется от основания проушины до кромки лез-

вия. Небольшая бородка образована путем надрубания полотна с последующим легким отгибом надрубленной части. О технологическом приеме надрубания бородки свидетельствует след рабочей части зубила, фиксирующийся в месте перехода бородки в полотно.

Топор № 3 (тип 1). На одной из его боковых поверхностей фиксируется характерная канавка, являющаяся, по нашему мнению, эталонным технологическим следом – признаком сварки. В свое время такой признак был зафиксирован В. И. Молодиным на некоторых топорах из могильника Кыштовка-2. Данный след на поверхности топора ученый характеризует как «шов, вслед за которым сразу же намечается некоторое общее утолщение лезвия» [1979. С. 63]. Исследователь справедливо полагает, что шов на полотне топора образовался в результате наварки стальной пластины (лезы) к основе топора. Результаты технологического исследования публикуемой серии топоров согласуются с выводом В. И. Молодина. Там, где на теле топора № 3 визуально фиксируется канавка (шов – в работе В. И. Молодина), структура макрошлифа и микроструктура металла свидетельствуют о наварке стального лезвия.

Топор № 4 (тип 1). Топор характеризуется значительным количеством достоверно читаемых технологических признаков. Среди признаков поверхности выделяется перепад по высоте (ступенька) на границе проушины и основы топора. Первоначальное заключение о том, что это наваренное массивное лезвие оказалось неверным. Анализ макрошлифа показал следующую картину технологии изготовления этого изделия. Вначале кузнец сварил согнутую пополам пластину. Образовавшаяся в результате основа топора, вероятно, не в полной мере соответствовала техническим требованиям, так как полотно топора получилось недостаточно массивным. Исправляя этот недостаток, кузнец к основе топора приварил дополнительную железную пластину, тем самым, увеличив ее объем. В результате этой операции и образовался признак, визуально фиксируемый на одной из сторон топора. Для улучшения рабочих качеств изделия к сформированной таким образом основе топора было приварено стальное лезвие. На травленном макрошлифе стальное лезвие фиксируется как участок темного, почти черного цвета.

Топор № 5 (тип 2). Признаком того, что топор изготовлен сваркой согнутой пополам пластины, является расслоившаяся на две половины бородка. Вероятно, мастеру не удалось осуществить качественную сварку пластины по всей ее ширине, в результате чего, при формировании бородки произошло ее расслоение. Макрошлиф позволяет диагностировать косую приварку стального лезвия к одному из концов железной полосы. Наварка стальной пластины осуществлена качественно, сварочный шов на поверхности изделия не фиксируется. На поверхности макрошлифа заметны вкрапления окислов в сварочном шве, особенно на границе выхода стальной пластины к поверхности изделия. Вместе с тем сварочный шов выполнен достаточно качественно, так как посторонние включения фиксируются только под микроскопом. Вероятно, в процессе подготовки изделия к сварке не до конца была удалена окалина со свариваемых поверхностей.

Топор № 6 (тип III). У данного изделия зафиксирована такая же косая наварка стального лезвия, как и у предыдущего топора.

Топор № 7 (тип 2). Его поверхность хорошо отделана. Кузнец, вероятно, преднамеренно пытался скрыть следы технологических операций, что, удалось, однако, не в полной мере. На одной из сторон топора сохранились два небольших отпечатка в виде прямых углов. Данные отпечатки, очевидно, не связаны с какой-либо технологической операцией. Скорее всего, они могут являться своеобразным штампом, клеймом мастера. Чуть ниже их прослеживается едва заметный шов, проходящий через все полотно топора. Как и у предыдущего орудия, данный признак связан с применением кузнечной сварки при производстве изделия. Более детальная реконструкция техники изготовления данного топора основана на анализе макрошлифа фронтальной поверхности. Сварочный шов, соединивший половины согнутой пластины, фиксируется по небольшим шлаковым включениям и вкраплениям окислов, проникших в шов и не выведенных в процессе шлифовки и полировки. Топор снабжен массивным стальным лезвием. При этом применен технический прием, известный как косая наварка стальной пластины к основе топора.

Топоры № 9, 10 и 12 (тип III) объединяются в группу изделий изготовленных по единой технологической схеме. Как и предыдущие экземпляры, эти топоры изготовлены способом сварки двух концов согнутой пластины. При анализе макрошлифов у всех топоров сварочный шов фиксируется без специального увеличения по включению окислов в районе узкой части втулки, т.е. в месте соединения ее сторон. Ниже втулки сварочный шов виден только под микроскопом. Характерной чертой всех трех топоров является торцовая приварка стального лезвия, выполненная с большим мастерством. Только у одного изделия (№ 12) сварочный шов диагностируется по наличию посторонних включений.

Топор № 11 (тип III) изготовлен по технологической схеме, важнейшим элементом которой является вварка небольшого стального лезвия между пластинами, составляющими основу топора. Анализ макрошлифа позволяет безошибочно зафиксировать именно эту технологию.

В настоящее время значительная часть предметов кузнечного ремесла Западной Сибири (включая русскую кузнечную продукцию нового времени) исследована Н. М. Зиняковым методами металлографии [1997; 2002; 2005]. Справедливо считается, что металлография позволяет получить максимум информации

о металлическом артефакте. Вместе с тем, металлографический анализ, достоверно выявляя общую технологическую схему изготовления изделия, не позволяет в полной мере реконструировать многие элементы технологического маршрута. Например, приемы и этапы свободнойковки, режимы кузнечной сварки и др.

Общеизвестно, что реконструкции, базирующиеся на специальных археологических и естественнонаучных методах, могут быть в значительной мере дополнены и уточнены данными этнографических и экспериментальных источников. На наш взгляд, перспективными являются специальные исследования отдельных технологических операций, особенно таких, как кузнечная свободнаяковка и кузнечная сварка. В археологических исследованиях свободная кузнечнаяковка до настоящего времени считается элементарной операцией и при ее описании зачастую просто перечисляются используемые при этом приемы. Вместе с тем, на наш взгляд, достоверно реконструированная техникаковки, может явиться базой для извлечения исторической информации.

Насколько нам известно, пока отсутствует разработанная методика анализа ковочных операций на археологическом материале. В этой связи, ниже представлен вариант технологического маршрута изготовления традиционного сварного топора, где значительное внимание уделяется детализации кузнечной операции «свободнаяковка». По нашему мнению, корректные варианты таких маршрутов могут стать основой для разработки специальной методики исследования кузнечной продукции из археологических коллекций.

1. Ковка топора начинается с формирования заготовки, близкой по массе и объему будущему топору. Например, пригодной заготовкой может считаться брусок металла (железо, малоуглеродистая сталь) сечением 50×20×100 мм. В центре бруска, используя кузнечную операцию «пережим», намечается будущий обух (расстояние между пережимами – ширина будущего обуха). Пережимы, задающие размеры обуха, делают сразу на всю глубину. При толщине бруска в 20 мм пережимы целесообразно углублять на 10–12 мм. От каждого края пережима металл разгоняется, благодаря чему формируются щеки проушины и основание топора. Если металл вытягивается только в длину, перпендикулярно обуху, то щеки получатся с параллельными краями, по ширине равными обуху. Если перед кузнецом стоит задача сформировать полукруглые щеки или щеки с ушками (как на некоторых древнерусских топорах), то металл, предназначенный для их формирования, не только вытягивается по линии перпендикулярной обуху, но и разгоняется вдоль него. Для образования на щеках топора дополнительных ушек, металл в середины щек разгоняется чуть больше чем на краях. Металл деформируется в нужных направлениях до получения заданной формы, при этом его перемещение ограничивается параметрами толщины стенок проушины. Согласно археологическим и этнографическим источникам, толщина стенок, как правило, редко превышает 7 мм. Концы заготовки отковываются таким образом, чтобы между ними – после их отгибания – плотно входил стальной клин или пластина. Когда сформированы щеки и концам заготовки придана необходимая форма, щеки вместе с частью металла, идущего для оформления основы топора, сгибаются у основания обуха на 90°. Нагрев заготовок производится в горне, где нет лишнего топлива, а пламя не должно быть окислительным. На практике это означает, что в горне не должны быть видны языки пламени синего цвета. Наилучшим видом топлива для сварки является древесный уголь. Угля засыпают ровно столько, чтобы хватило для одного нагрева под сварку

2. Низкоуглеродистые стали нагревают до температуры 1350–1370°. При температуре 950° при достижении нужной температуры свариваемые концы заготовки быстро вынимают из горна и сбивают шлак. Затем концы соединяют и наносят по ним быстрые и легкие удары, при этом остатки шлака выдавливаются наружу. Сварку заканчивают частыми и сильными ударами. Проковку ведут от середины заготовки к краям, чтобы дать возможность выйти шлаку [Шмаков, 1990. С. 141].

В археологической и специальной литературе кварцевый песок фигурирует как самый распространенный флюс. Опыт наших экспериментов показывает, что практическое применение песка зачастую не позволяет получить качественную сварку, особенно при формировании объемных деталей, имеющих сложную конфигурацию. Использование толченого стекла дает более надежные результаты, но о его применении в качестве флюса, насколько нам известно, не фиксируется археологически.

Перечисленные соображения привели к опытам, моделирующим использование в качестве флюса гончарной глины. Традиция применения глины в технологии сварки железа и стали, широко использовалась в средневековой Японии [Носов, 2002. С. 176.].

В наших экспериментах глина наносилась на поверхность свариваемых деталей тонким слоем, после чего конструкция сразу помещалась в горн. Под воздействие высокой температуры глина быстро твердела и прочно удерживалась на поверхности металла. Дальнейшее увеличение температуры приводило к спеканию глины в стекловидную массу. При нанесении ударов по поковке образовавшийся из глины и окалины расплавленный шлак вылетал из мест соединения раскаленными белыми брызгами.

Металлографическое исследование сварного шва, полученного с использованием глины, показало его достаточно высокое качество. Таким образом, эффективное использование глины в качестве флюса было подтверждено серией наших экспериментов. Помимо этого, они показали, что качество сварки во многом зависит от специальной подготовки свариваемых поверхностей. Такая подготовка может включать в себя выравнивание поверхностей, механическое удаление окалины, шлифовку, нанесение флюса. Для качественной кузнечной сварки важно состояния бойков ударного инструмента и поверхности наковальни. Боек кувал-

ды и наковальня должны обеспечивать плотный прижим свариваемых деталей на максимально большей площади. Это важно, в первую очередь, при сварке топоров, так как здесь свариваемые части значительны. Неровности инструмента не позволяют за один-два удара вытеснить шлак со свариваемых поверхностей поковок, что приводит к загрязнению сварочного шва.

Опыты также выявили некоторые технологические тонкости нагрева массивных заготовок. Первые опыты по изготовлению сварного топора были неудачны в силу нарушения технологии нагрева поковки. Проблема заключается в том, что массивная заготовка прогревается неравномерно. Когда поверхность топора разогревается до сварочной температуры и начинает искриться, внутренняя поверхность прижатых пластин имеет температуру чуть ниже сварочной, что не позволяет провести сварку. Чтобы довести все поверхности до необходимой температуры и при этом не перегреть металл на внешней поверхности, поковку необходимо кантовать во всех плоскостях с интервалом в 10–15 секунд.

В качестве вывода следует заметить, что топоры, происходящие из перечисленных выше поздних археологических памятников, морфологически и технологически являются типичными для русских топоров средневековья и нового времени и могут быть привлечены в качестве источников для реконструкции русской кузнечной техники. Топоры иллюстрируют большинство известных в археологии способов изготовления комбинированных (сварных) изделий из железа и стали: а) сварка топора из малоуглеродистой стали; б) боковая наварка стального лезвия к полотну топора; в) торцовая приварка стальной полосы; г) сварка стального клина между железными полосами. Опираясь на результаты металлографического исследования, этнографические источники и проведенные технологические эксперименты, нами был разработан детальный технологический маршрут кузнечного изготовления русского традиционного кованого топора. Высказана идея о том, что специальное исследование отдельных кузнечных операций может вывести исследователей на возможность получения дополнительной исторической информации, например, при локализации технологических традиций.

Литература

- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. I. Л., 1980.
- Зиняков Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997.
- Зиняков Н. М. Технологические традиции древнерусских кузнецов в свете металлографических исследований археологических материалов Сибири XVI–XVIII веков // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002.
- Зиняков Н. М. Чернометаллические изделия поселения Изюк-I: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.
- Зыков А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ. Вып. 1. М.; Л., 1966.
- Кокшаров С. Ф. Раскопки городища Большая Умыгья 36 (Шаман-гора) в Советском районе ХМАО–Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 5. Томск; Ханты-Мансийск, 2007.
- Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. Вып. 32. М., 1953.
- Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М., 1959.
- Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М., 1959.
- Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979.
- Носкова А. В. Археологические раскопки могильника Тат-Ягун 54 в Сургутском районе ХМАО–Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 6. Томск; Ханты-Мансийск, 2008.
- Носов К. С. Вооружение самураев. М., 2002.
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006.
- Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск, 2005.
- Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987.
- Стефанов В. И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск, 2003.
- Труфанов Я. Я., Поплевин С. А. Находки на р. Тляттыгуне // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск, 2003.
- Шмаков В. Г. Кузница в современном хозяйстве. М., 1990.
- Яковлев Я. А. Мартиролог угорской археологии // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск, 2011.
- Яковлев Я. А., Боброва А. И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск, 2004.

Е. А. Алексеева
г. Тюмень
ИПОС СО РАН

**ПЛАСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ Л. И. БРУСНИЦЫНА (1784/1786–1857 гг.)**

Воссоздание лица исторического человека по его костным останкам является одним из направлений антропологической реконструкции. Основы его были заложены в середине прошлого века профессором М. М. Герасимовым [1949; 1955], который внес наиболее весомый вклад в развитие этой области науки. Дальнейшие исследования в этом направлении были продолжены его учениками Т. С. Сурниной и Н. Н. Мамоновой в Лаборатории антропологической реконструкции, учрежденной в 1950 г. при ИЭ АН СССР. Огромное значение для становления и развития этой области антропологии имели труды Г. В. Лебединской. Наряду с решением сугубо научно-методических задач (разработка нового подхода при построении профиля носа человека) она успевала заниматься воспитанием «третьего поколения» атропологов-реконструкторов, среди которых необходимо назвать таких известных исследователей, как С. А. Никитин, Л. Т. Яблонский, Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская. В настоящее время одним из ярких специалистов по реконструкции является С. А. Никитин, эксперт Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Москвы. Им, в частности, введены в научный оборот данные по соотношению размеров орбиты и глазного яблока, предложен новый подход в построении носа и определении ширины рта [2009]. В Отделе физической антропологии ИЭА РАН антропологической реконструкцией занимается Р. М. Галеев. Именно под его руководством автор статьи проделал работу над скульптурной реконструкцией лица Л. И. Брусницына.

Говоря об антропологической реконструкции, важно понимать и помнить, что изображение лица, полученное на краниологической основе – не есть портрет в привычном понимании этого слова. Как писал М. М. Герасимов: «Портретной реконструкцией я называю такую, по которой возможно опознание – идентификация определенного лица по маске, воспроизведенной на его черепе. Маска ни в коей степени не является собственно портретом некогда жившего человека, это всего-навсего максимальное приближение к его внешнему виду. Еще менее полученное изображение можно назвать художественным портретом, так как это документальное воспроизведение внешнего вида субъекта, а не эмоциональное представление о нем создавшего его автора. Таким образом, в отличие от художественного портрета, реконструкция по черепу является не субъективным, а строго объективным изображением. Череп является единственной объективной основой для создания документально-портретной реконструкции» [1949. С. 5].

На сегодняшний день степень объективности метода реконструкции лица по черепу подтверждается более чем 80-летним опытом проведения экспертиз по отождествлению черепов неопознанных лиц, что вызывает доверие и достаточный интерес историков и общественности к возможностям работы в этом направлении.

Учитывая это, в 2010 г. было решено восстановить лицо инженера Льва Ивановича Брусницына (1784/1786–1857 гг.), человека, разработавшего уникальную технологию добычи золота. Ее внедрение (с 1814 г. – первоначально на Березовском прииске под Екатеринбургом, затем – повсеместно) привело к перевороту в золотодобывающей промышленности и позволило России к 1830 г. выйти на первое место в мире по добыче этого драгоценного металла. Хотя методом Л. И. Брусницына золотоискатели пользуются до сих пор, имя автора со временем было забыто. Не сохранились до наших дней и его изображения. В те времена, когда фотографии еще не было, заказать свои портреты имели возможность лишь знатные люди.

Благодаря усилиям неравнодушных к истории края жителей г. Березовска Валерия Анатольевича Лобанова и его сына Евгения, были получены соответствующие разрешения для эксгумации могилы горняка. После этого группа специалистов, возглавляемая С. Н. Погореловым, заместителем начальника Отдела археологических исследований ОГУК НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области, приступила к соответствующим работам.

Поступившие для исследования костные останки (череп и нижняя челюсть) исследуемого индивида сохранились полностью, без посмертных разрушений и сломов. Швы на черепе не разошлись. На нижней челюсти сохранилось четыре зуба (справа – клык, первый и второй премоляры, слева – второй премоляр). Следы патологических изменений и травм не выявлены, равно как и следы деформации, прижизненной или посмертной. На черепе сохранились фрагменты мягких тканей, а также большая часть волос головы, борода и брови (рис. 1 – а).

При определении половозрастных характеристик и принадлежности к расе была использована стандартная краниометрическая программа [Алексеев, Дебец, 1964]. Для детального морфологического описания черепа, включающего в себя половозрастные определения, подробное описание морфологии лицевого

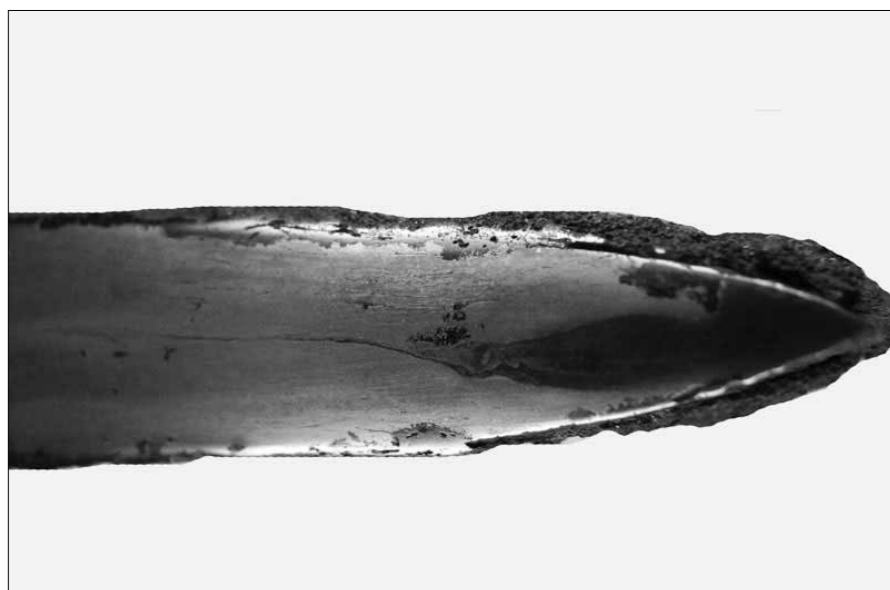

Рис. 1. Стальное лезвие, сваренное в железную основу топора

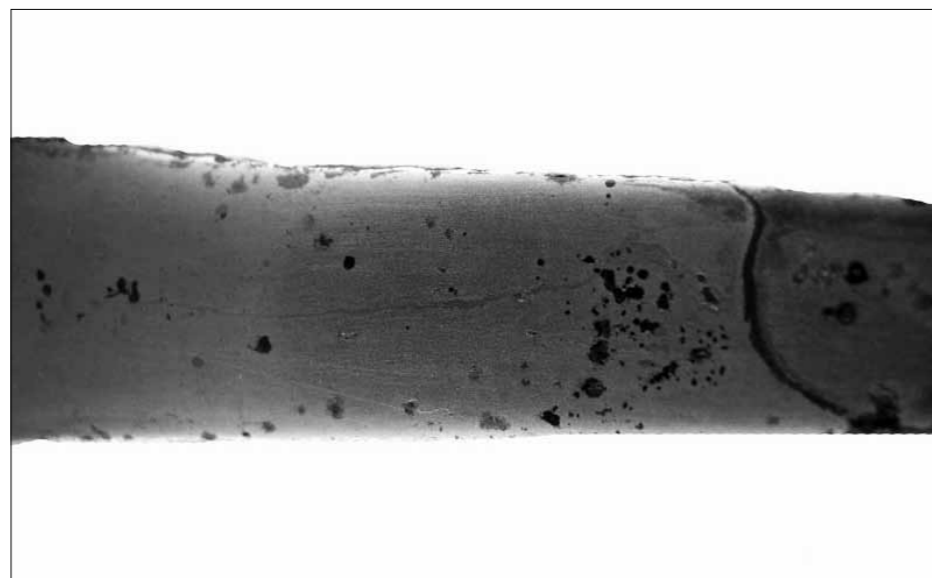

Рис. 2. Торцовая приварка стального лезвия

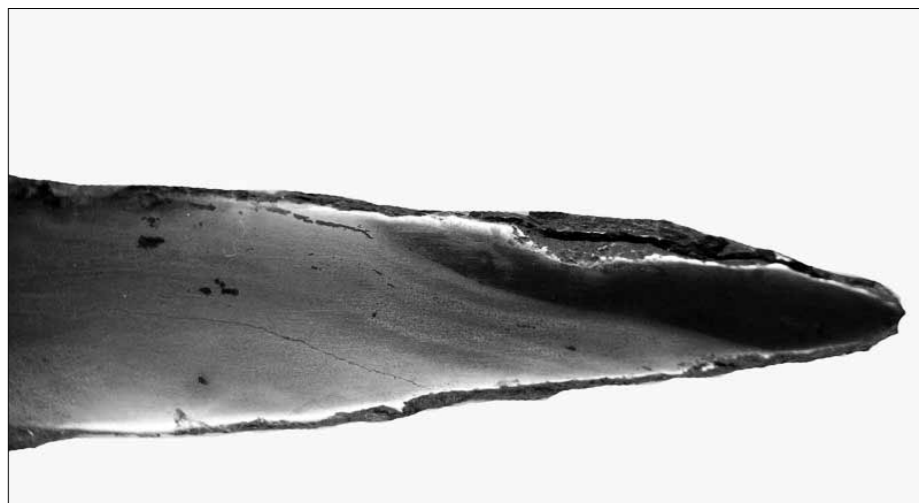

Рис. 3. Боковая навалка стальной полосы к основе топора

скелета и мозговой коробки были использованы программа исследования черепа М. М. Герасимова [1955], методическое руководство Г. В. Лебединской [1998] и программа исследования, разработанная С. А. Никитиным [2009]. Было известно, что Л. И. Брусницын умер в возрасте 71–73 лет. Это подтверждалось состоянием зубочелюстной системы (стертостью жевательной поверхности коронок зубов) и степенью заращения черепных швов на черепе исследуемого индивида.

По результатам исследования череп охарактеризован как очень короткий, средней высоты и ширины, суббрахиокраниальный по пропорциям. Форма черепа в вертикальной норме близка к сфероидной, в области затылочной кости асимметрична. Контур свода черепа со стороны лба и в боковой проекции – округлый, с плавными переходами костей свода. Затылок узкий, вал перегиба его слабый с пологими краями, рельеф выйной области выражен умеренно. Наружный затылочный выступ выражен слабо (1 балл по шкале Брока). Теменные бугры выражены умеренно. Сосцевидные отростки слабовыступающие, со сглаженным рельефом, направлены вперед. Лоб узкий, наклонный, мезоземный по пропорциям, со средневыраженными лобными буграми без возвышения между ними. Глабелла уплощенной формы, хорошо выступает вперед (3 балла по шкале Брока-Мартина). Носовой отросток лобной кости – трапециевидной формы, средней высоты, по отношению к верхнему краю орбиты выступает за ее край. Рельеф носолобного шва сглаженный. Носолобный угол подчеркнут. Среднеразвитые надбровные дуги не доходят до середины верхнеорбитального края, выступают чуть сильнее переносья. Характерно, что они лежат не параллельно краю орбиты, а выклиниваются латеральными краями вверх к лобным буграм. Надглазничный треугольник уплощенный (рис. 1 – б, в).

По рассчитанным указателям и модулям мужчина имеет преимущественно европеоидные черты (преаурикулярный фациоцеребральный указатель – 89,7, уплощенность лицевого скелета – 27,3, удельная доля монголоидного элемента – 3,6, модуль профилированности лица – 131,3) [Гохман, 1961; 1980].

Лицевой отдел черепа – средней высоты, узкий, по пропорциям – лептопрозопный. Лицо в вертикальной плоскости ортогнатное. Выступление альвеолярной части характеризуется прогнатизмом. В горизонтальной плоскости лицо на уровне орбит профилировано средне и очень сильно – в подносовой части.

Нос – средней ширины, высокий, мезоринный по пропорциям. Носовые кости тонкие, с явным захватом в верхней трети. Носолобный угол подчеркнут, спинка носа в профиль – прямая, с округлым в средней части сечением. Грушевидное отверстие сердцевидной формы, средней ширины, с острыми краями. Боковые края грушевидного отверстия не переходят в нижний край, а продолжают вниз и сходятся ниже, образуя слабые предносовые ямки (левая шире правой). Нос имеет заметную асимметрию: правая половина грушевидной апертуры уже и длиннее левой (правый край основания носа ниже левого). Правый раковинный гребень выше и ближе прилегает к лобному отростку верхнечелюстной кости, чем левый. Сошник надломан, имеет искривление вправо. На лобном отростке правой верхнечелюстной кости – на уровне середины нижнеглазничного края – фиксируется бугорок, близко расположенный к носовосверхнечелюстному шву. Концы носовых костей едва заметно вогнуты внутрь. Подносовой шип хорошо развит, ости его немного вывернуты наружу. Орбиты узкие, средней высоты, по пропорциям гипсиконхные, квадратной формы, с тонкими округлыми краями в надглазничной части и с более широкими по нижнему краю. Надглазничный край ровный, слегка округлый. Нижний край орбиты, образованный скуловым отростком верхней челюсти с примыкающей к нему передней частью скуловой кости, слегка вынесен вперед. Хорошо читаются глазничные бугорки на внутренней стороне орбитального отростка скуловой кости. Глазницы замкнутые. Высота орбиты – 34 мм. Ширина ямки слезного мешка – 7 мм. Фронтальная постановка орбит – горизонтальная (низкая). Профилировка орбит – наклонная. Скуловые кости тонкие, грацильные, со сглаженным микрорельефом. Верхняя челюсть не широкая, лобные отростки ее направлены кософронтально. Зубы верхней челюсти утрачены до смерти, о чем свидетельствует значительная степень редуцирования альвеолярных краев обеих челюстей. Утрата резцов и атрофия, вследствие этого, альвеолярных лунок привели к тому, что рельеф альвеолярной части верхней челюсти сглажен. Нижняя челюсть с хорошо развитым рельефом на углах, заметно вывернутых наружу. Подбородок выступающий (1 балл по шкале Брока), с развитым рельефом, расстояние между бугорками – 20,8 мм. Нижний край челюсти угловатой формы.

Если проанализировать антропологические особенности созданной реконструкции в системе описательных признаков на живом человеке, то мы можем представить мужчину-европеоида с головой округлой формы средней высоты и ширины. С невысоким узким лицом пентагональной формы, среднепрофилированным на уровне глаз и сильно – в подносовой части лица, с нешироким наклонным лбом с выраженным переносьем. Высокий среднеширокий нос со слабо извилистой спинкой немного асимметричен. Кончик носа опущен вниз. Глаза посажены неглубоко. Возможны мешкообразные образования нижнего века. Линия разреза глаз имеет косовнутреннее направление. Контур губ и филтума сглажены. Подбородок четкий, хорошо очерченный.

Реконструкция выполнялась на гипсовой копии черепа, поскольку череп необходимо было вернуть в погребение.

Согласно методике в первую очередь были восстановлены жевательные мышцы: *m. temporalis* и *m. masseter*. Места крепления этих мышц хорошо фиксировались на черепе. Одновременно моделировались

мышцы шеи: кивательные и трапециевидная. Затем была определена постановка глазных яблок в орбитах. Диаметры глазных яблок и радужек определялись по данным С. А. Никитина, которым разработана таблица корреляции их размеров [2009]. Для Брусницына они были 25 и 12 мм, соответственно. Постановка глазного яблока, как отмечено М. М. Герасимовым, зависит от формы глазницы «замкнутой» или «открытой». Глазницы черепа исследуемого индивида относятся к «замкнутому» типу. Для определения постановки глазных яблок в орбитах использовались техника и инструментарий, разработанные С. А. Никитиным. Специальным кольцом была отмечена степень их выступания. После этого – под контролем фиксатора найденного положения кольца в глазнице – смоделированные глазные яблоки были установлены в глазницах (рис. 2 – а).

Далее работа была продолжена на левой половине черепа. На поверхность костей накладывался слой калиброванных пластилиновых гребней. Пользуясь случаем, отметим: использование калиброванных полосок (метод, разработанный С. А. Никитиным) очень удобно в работе, и самое важное, позволяет точно повторять форму подлежащей костной основы, не теряя индивидуальных особенностей рельефа черепа. На этом же этапе решались основные задачи формирования общего овала лица, профильной линии лица и строения деталей лица. Определялась конструкция носа: форма его спинки и положение его кончика, а также расположение крыла носа. Устанавливались линия разреза рта и положение его углов, формировались кожная и слизистая части губ, рельеф скулы и носогубной складки. Затем моделировался глаз. В соответствии с положением его уголков, намечалась линия разреза глаз, форма верхнего и нижнего век, складки и строение которых воспроизводятся по форме краев орбиты (рис. 2 – б, в).

Только после завершения работы на одной половине лица выполняется реконструкция второй половины. Далее моделируются уши, определяется их постановка на голове. Считается, что индивидуальные особенности ушей не могут быть определены по черепу, но некоторые характеристики всё же можно получить по данным морфологии черепа. Размер ушей примерно соответствует высоте носа, то есть высоте между точками *supraorbitale* и *subspinale*. Наклон ушей продолжает линию наклона ветви нижней челюсти, а отступление уха от поверхности головы в определенной степени определяется выступанием сосцевидных отростков [Герасимов, 1955; Никитин, 2009].

На начальном этапе работа выполнялась как портрет человека зрелого возраста (рис. 3 – а). После решения основных задач реконструкции, лицу стали придаваться признаки, характерные для человека 70 лет. Это, например, резкие морщины на лбу и мешки под глазами, морщины у внешних углов глаз и нависание верхнего века, усиление носогубной складки и опускание уголков рта, общее опускание (дряблость) мягких тканей лица и западание висков. Прижизненная утрата большей части зубов, ослабление вследствие этого, зубочелюстного аппарата и деградация альвеолярного края верхней челюсти стали причиной того, что верхняя губа приобрела вялость очертаний, потеряв при этом рисунок филтума и верхнего контура губ. С возрастом у человека меняется также осанка и постановка головы, поэтому голова была немного наклонена вперед.

Завершающим этапом работы над скульптурой было воспроизведение прически и костюма на основании исторических аналогий и данных, полученных при эксгумации черепа. Восстановлению внешнего вида прически, бровей, бороды в соответствии с реальным обликом помогла сохранность волосных порков. Костюм был выполнен по рисунку, предоставленному С. Н. Погореловым (рис. 3 – б, в).

Скульптура была отлита из гипса и вместе с останками передана в г. Березовск Свердловской области для создания скульптурного памятника Льву Ивановичу Брусницыну, русскому горняку, первооткрывателю рассыпного золота на Урале и в мире.

Литература

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
 Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
 Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек) // Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. Т. 28. М., 1955.
 Гохман И. И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // ВА. № 8. М., 1961.
 Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // Сб. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). Т. 36. Л., 1980.
 Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.
 Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. М., 1998.
 Никитин С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. Т. 1. М., 2009.

Рис. 1. Череп Льва Ивановича Брусницына: *а* – после эксгумации; *б* – после удаления остатков мягких тканей и волосяного покрова, с закрепленной нижней челюстью в положении франкфуртской горизонтальной плоскости. Норма frontalis, анфас; *в* – после удаления остатков мягких тканей и волосяного покрова, с закрепленной нижней челюстью в положении франкфуртской горизонтальной плоскости. Норма lateralis

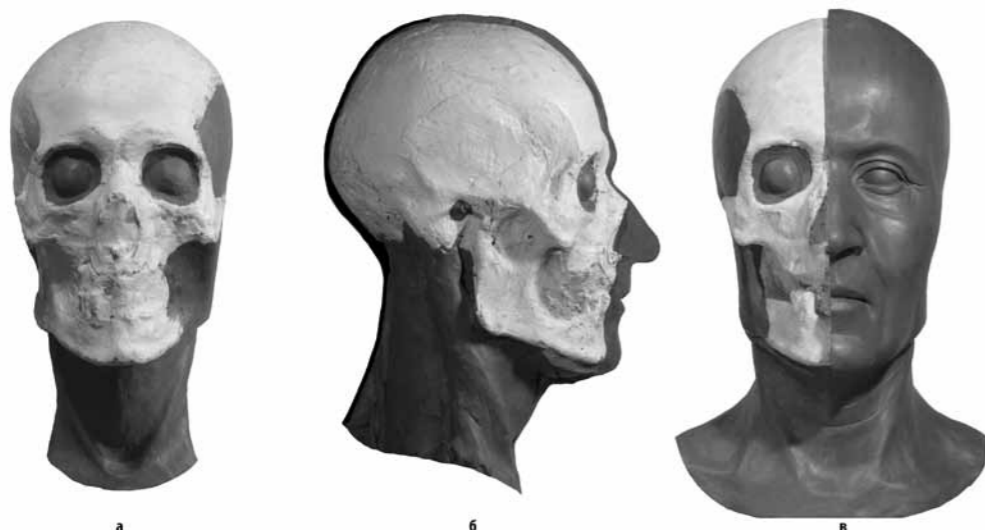

Рис. 2. Скульптурный портрет Л. И. Брусницына. Этапы реконструкции по черепу: *а* – восстановление жевательных мышц; *б* – реконструкция формы лица по профильной линии; *в* – завершенная работа на одной половине черепа

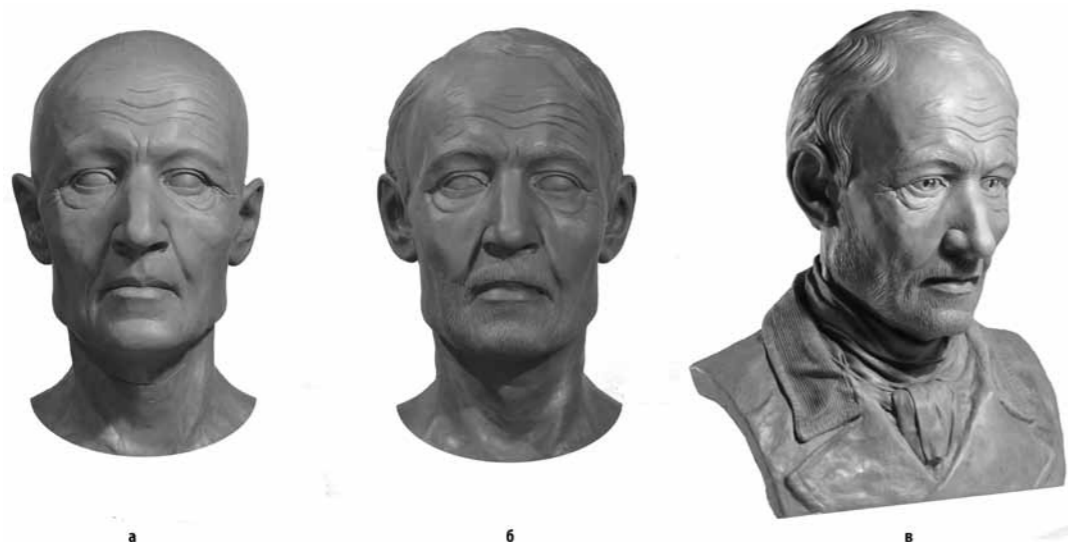

Рис. 3. Скульптурный портрет Л. И. Брусницына. Этапы реконструкции по черепу: *а* – реконструкция на обеих половинах черепа; *б* – воспроизведение волосяного покрова; *в* – завершённый бюст с воспроизведенными элементами костюма

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВКОМ– Аудио-визуальные коммуникации
- АО– Археологические открытия
- АОКМ– Архангельского областного краеведческого музея
- АСА– Ассоциация северной археологии
- АЭАЕ– Археология, этнография и антропология Евразии.
- АЭМК– Археология и этнография Марийского края
- АЮС– Археология Южной Сибири
- БТЭ– Большая Тюменская энциклопедия
- ВА– Вопросы антропологии
- ВАОЭ– Вестник антропологии, археологии и этнографии
- ВАУ– Вопросы археологии Урала
- ВАС– Всероссийский археологический съезд
- ВГО– Всесоюзное географическое общество
- ВГУ– Воронежский государственный университет
- ВСВ– восток-северо-восток
- ВСО РГО– Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
- ВЦ– Вычислительный центр
- ГАО– Государственный архив Архангельской области
- ГАИМК– Государственная академия истории материальной культуры
- ГАКК– Государственный архив Красноярского края
- ГИМ– Государственный исторический музей
- ГИС– Географическая информационная система
- ГКУ– Государственное казенное учреждение
- ГМР– Геология и минеральные ресурсы
- ГО– Географическое общество
- ГубОНО– Губернский отдел народного образования
- ДПС– Древности Приенисейской Сибири
- ДЯ– Древности Ямала
- ЕНГОМЗ– Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника
- ЕТГМ– Ежегодник Тобольского губернского музея
- ЕП– Енисейская провинция.
- ЖС– Живая старина
- ЗЖ– Зоологический журнал
- ЗРГО ОЭ– Записки Русского географического общества по Отделу этнографии
- ИА– Институт археологии
- ИАС– Институт археологии Севера; Историко-археологический сборник
- ИАЭТ– Институт археологии и этнографии
- ИГ– Институт геологии
- ИИА– Институт истории и археологии
- ИИС– Из истории Сибири
- ИИКНП– Институт истории и культуры народов Приуралья
- ИИМК– Институт истории материальной культуры
- ИИФФ– Институт истории, философии и филологии
- ИКН– историко-культурное наследие
- ИКЭ– историко-культурная экспертиза
- ИК НПЦ– Историко-культурный научно-производственный центр
- ИРГО– Императорское Русское географическое общество
- ИОИДР– Императорское Общество истории и древностей российских
- ИПОС– Институт проблем освоения Севера
- ИрГУ– Иркутский государственный университет
- ИС– Исторический сборник
- ИЭ– Институт этнографии
- ИЭА– Институт этнологии и антропологии
- ИЭПС– Институт экологических проблем Севера
- ИЭРЖ– Институт экологии растений и животных
- ИЭЧ– Институт экологии человека (уточнить)
- ИЯЛИ– Институт языка, истории и литературы
- КА– Кабинет археологии
- КазГАСУ– Казанский государственный архитектурно-строительный университет
- КВСО– Красноярский Восточно-Сибирский отдел
- КГПИ– Красноярский государственный педагогический институт
- КТГУ– Красноярский государственный университет
- КемГУ– Кемеровский государственный университет
- КИО– культурно-историческая общность
- ККМ– Красноярский краевой краеведческий музей
- КМТР– Краеведческий музей Туруханского района
- КомиНЦ– Коми Научный центр
- КрГПУ– Красноярский государственный педагогический университет
- КрОРГО– Красноярский отдел Русского географического общества
- КСИА– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
- КСИИМК– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
- КСИЭ– Краткие сообщения Института этнографии
- КомиФ– Коми филиал
- ЛАЭСЗС– Лаборатория археологии и этнографии Северо-Западной Сибири
- ЛОИА– Ленинградское отделение Института археологии
- ЛРА– Лаборатория радиоуглеродного анализа
- МАКЕСВ– Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
- МАНЭБ– Международная Академия наук экологии, безопасности человека и природы
- МАРХИ– Московский архитектурный институт
- МАЭ– Музей антропологии и этнографии
- МБОУ ДОД– Муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей
- МГУ– Московский государственный университет
- МИА– Материалы и исследования по археологии СССР
- МКАЭН– Международный конгресс антропологических и этнографических наук
- МПНЧ– Музей Природы и Человека
- МЧС– Министерство чрезвычайных ситуаций
- НАЦ– Научный археологический центр
- НАО– Ненецкий автономный округ
- НВ– Научный вестник
- НГКМ– Нефтегазоконденсатное месторождение
- НГУ– Новгородский государственный университет

НИВИЭТНУ–	Научно-информационный вестник истории и этнографии татарского населения Урала
НИИ–	Научно-исследовательский институт
НИТГУ–	Национальный исследовательский Томский государственный университет
ННЗ ИА–	Новгород и Новгородская земля. История и археология
НПО–	Научно-производственное объединение
НППЦ–	Научно-производственный центр
НТГСПА–	Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
НЦИА–	Научный центр изучения Арктики
ОАО–	Открытое акционерное общество
ОГИКМ–	Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГУК–	Областное государственное учреждение культуры
ОКН–	объект (-ы) культурного наследия
ОмГПУ–	Омский государственный педагогический университет
оп.–	опись
ОФ–	Омский филиал
ПАЭАССТ–	Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН)
ПАЭИКПК–	Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края
ПУ–	Пермский государственный университет
ПТГПУ–	Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПИККК–	Памятники истории и культуры Красноярского края
ПИР–	Проблемы истории России
ПНИАЛ–	Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
ПО–	Производственное объединение
пос.–	поселок
ПСРЛ–	Полное собрание русских летописей
ПФ–	Пермский филиал
РА–	Российская археология
РАН–	Российская Академия наук
РАЭСК–	Российская археолого-этнографическая студенческая конференция
РАДА–	Российский государственный архив древних актов
РГБ–	Российская государственная библиотека
РГИА–	Российский государственный исторический архив
РГО–	Русское географическое общество
РГНФ–	Российский государственный научный фонд
РГПУ–	Российский государственный педагогический университет
РИ–	Российская история
РИБ–	Российская историческая библиотека
РН–	Роснефть
РФ–	Российская Федерация
РЭМ–	Российский этнографический музей
СА–	Советская археология
СА – 1–	Северная археология – 1
САИ–	Свод археологических источников
САК–	Северный археологический конгресс
САИПИ–	Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
САС–	Северный археографический сборник
сб.–	сборник
СВГУ–	Северо-Восточный государственный университет
СКМ–	Сургутский краеведческий музей
СНиП–	Строительные нормы и правила
СО–	Сибирское отделение
СОШ–	средняя общеобразовательная школа
СурГПУ–	Сургутский государственный педагогический университет
СФУ–	Сибирский федеральный университет
СЭ–	Советская этнография
ТГАКИИСТ–	Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий
ТГВ–	Тобольские губернские ведомости
ТГМ–	Тобольский губернский музей
ТГПИ–	Томский государственный педагогический институт
ТГПУ–	Томский государственный педагогический университет
ТГУ–	Томский государственный университет
ТМЗ–	Тобольский музей-заповедник
ТН–	Тобольск научный
ТПП–	территориально-производственное предприятие
ТХ–	Тобольский хронограф
ТюмГУ–	Тюменский государственный университет
УБЕКО–	Управление по безопасности обеспечения кораблевождения
УВ–	Угорский вестник
УдГУ–	Удмуртский государственный университет
УЗ–	Ученые записки
УИВ–	Уральский исторический вестник
УПАСК–	Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
ур.–	уровень
УрГПУ–	Уральский государственный педагогический университет
УрГУ–	Уральский государственный университет
УрО–	Уральское отделение
УрФУ–	Уральский федеральный университет
уч.–	участок
ф.–	фонд
ФЗ–	Федеральный Закон
ХМАО–	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦИКН–	Центр историко-культурного наследия
ЦИКР–	Центр историко-культурных реконструкций
ЦОКН–	Центр охраны культурного наследия
ЧГУ–	Челябинский государственный университет
ЧНЦ–	Челябинский научный центр
ЭАКПКС–	Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума
ЭБ–	Этнографический бюллетень
ЭО–	Этнографическое обозрение
ЮУрГУ–	Южно-Уральский государственный университет
ЯНО МВК–	Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс

ГБОУ ВПО Сургутский Государственный университет ХМАО-Югры

Сургутскому Государственному университету (СурГУ) в мае 2013 г. исполнилось 20 лет. Один из самых молодых вузов России, он в беспрецедентно короткий срок прошел период организации и становления. Университет был призван в условиях рыночных реформ и социально-политической нестабильности дать возможность выпускникам школ не только г. Сургута, но и всей Югры получать качественное высшее образование в пределах всего региона. За это время первый югорский вуз превратился в крупнейший в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре образовательный, научный и культурный центр, ставший узнаваемым брендом далеко за пределами своего региона.

СурГУ является государственным образовательным учреждением, реализует образовательные программы высшего, дополнительного и послевузовского профессионального образования в гуманитарных областях, медицины, экономики, юриспруденции, естественных и технических науках.

СурГУ является научно-образовательной составляющей интеллектуального пространства ХМАО–Югры, способствующей решению таких важных проблем как: внедрение наукоемких технологий; вопросы экологической безопасности; исследования жизнедеятельности человека в условиях Севера.

Под маркой Сургутского государственного университета выходят тематические сборники научных трудов и доклады конференций; монографии, которые являются и отчетом об исследовательской работе отдельных ученых и научных коллективов, и первым шагом к практическому использованию достижений наук. СурГУ принят в Международную ассоциацию приполярных университетов и Евразийскую ассоциацию университетов.

Сегодня в СурГУ 5 институтов: Политехнический, Медицинский, Естественных и технических наук, Государства и права и Институт гуманитарного образования и спорта, а также НИИ природопользования и экологии Севера, на которых работают 123 доктора наук и 355 кандидатов наук. Это самый мощный научный коллектив на всем Тюменском Севере.

Сайт института:
<http://www.archaeology.nsc.ru/>

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН)

Один из крупнейших академических институтов гуманитарного профиля, занимающий лидирующие позиции среди профильных мировых научных центров в области комплексного изучения древних и традиционных культур. Директор института – академик А. П. Деревянко. Основные направления деятельности ИАЭТ СО РАН связаны с изучением начальных этапов истории и культуры Евразии, палеоэкологических условий обитания человека в плейсто-

цене и голоцене, развития и трансформации древних культур в каменном, бронзовом, железном веках и эпоху средневековья. Важное место в работе института занимает изучение традиционных культур аборигенных народов Сибири, славянских этносов а также этносоциальных и этнополитических процессов в современном обществе.

Важнейшими принципами, определяющими стратегию современного научного поиска, являются междисциплинарный подход к разработке фундаментальных проблем археологии и этнографии и обширные международные контакты с научными центрами Европы, Азии и Америки.

Ежегодно десятки археологических и этнографических экспедиций работают в различных регионах Сибири и Дальнего Востока, в Дагестане, в ближнем (Узбекистан, Казахстан) и дальнем (Монголия, Черногория, Вьетнам, Иран) зарубежье. Среди научных сотрудников Института два академика и член-корреспондент РАН, 26 докторов и 70 кандидатов наук.

ИАЭТ СО РАН обладает современной уникальной научно-экспериментальной базой, позволяющей проводить междисциплинарные исследования: ЦКП «Геохронологии кайнозоя», реставрационный центр, научно-исследовательский стационар «Денисова пещера». В Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурном музее под открытым небом собраны богатейшие археологические и этнографические коллекции, отражающие историю, культуру, духовный мир народов, населявших пространства Северной Азии на протяжении тысячелетий. В музейных экспозициях представлены уникальные предметы пазырыкской

культуры, тюркские каменные изваяния, шедевр русского деревянного зодчества – Спасская церковь Зашиверского острога с р. Индигирки и многие другие оригинальные артефакты и объекты.

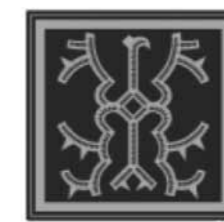
Спасская церковь
Зашиверского острога

А. П. Деревянко

А. В. Кениг – заведующий
Лабораторией археологии
и этнографии Северо-Западной
Сибири ИАЭТ СО РАН
(г. Ханты-Мансийск)

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА» учрежден в 2010 году как организация, объединяющая, координирующая и реализующая научно-исследовательский сектор работ, проводимых в течение ряда лет региональными научно-производственными организациями, осуществляющими свою деятельность в области изучения и сохранения историко-культурного наследия в северных регионах Западной и Восточной Сибири.

Основными причинами создания института стали разрозненность научных материалов, отсутствие комплексного подхода к научно-исследовательским проектам и проводимым исследованиям на Севере России.

Основной целью деятельности института является объединение, развитие и совершенствование гуманитарной научно-исследовательской деятельности в сфере изучения, сохранения и популяризации культурного и природного наследия Севера России.

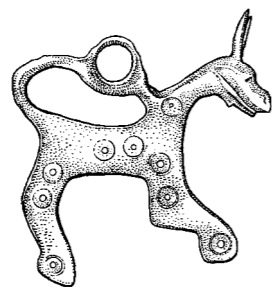
География исследований института в последние годы вышла за рамки не только ХМАО и соседнего Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). Крайне важные и интересные работы были проведены в Заполярном р-не Ненецкого автономного округа (НАО) Архангельской области и на севере Красноярского края.

Основные направления деятельности института – научные исследования, аварийно-спасательные работы по охране памятников архитектуры и популяризация культурного наследия новых и коренных народов Севера России.

Директор Института
археологии Севера
канд. ист. наук О. В. Кардаш

Институт археологии Российской академии наук

Одно из ведущих археологических учреждений России, специализирующееся на изучении древних и средневековых культур Евразии, материальных остатков далекого прошлого. Трудом нескольких поколений его сотрудников заложены основы научного знания о многих важнейших явлениях в истории человечества от момента его становления до начала эпохи индустриализации. В стенах Института выполнены выдающиеся исследования, по праву обеспечившие ему место одного из лидеров в разработке фундаментальных проблем археологии.

Историю Института археологии принято отсчитывать с 19 апреля 1919 г., когда декретом Совнаркома в Петрограде была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). Но она имеет более глубокие корни: ведь РАИМК была создана на основе упраздненной Императорской археологической комиссии – центральной археологической организации дореволюционной России, в ведении которой находились выдача открытых листов на производство раскопок и сбор научных отчетов об их результатах. В 1926 г. РАИМК была реорганизована в Государственную академию истории материальной культуры, которая в 1937 г. вошла в состав Академии наук СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК). Институт находился в Ленинграде, а в Москве было создано небольшое отделение его – МОИИМК. В 1943 г. дирекция ИИМК была переведена из Ленинграда в Москву. 9 января 1945 г. московская часть ИИМК решением Президиума РАН была сделана основным археологическим учреждением Академии, а ленинградская – ее филиалом. Постановлением АН СССР от 4 сентября 1957 г. ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР. В 1991 г. Ленинградское отделение (ЛОИА) было преобразовано в самостоятельный Институт истории материальной культуры. Таким образом, Институт археологии, как и ИИМК РАН, пройдя через цепочку преобразований, остаются наследниками старейшей археологической организации, созданной в России в 1859 г. для изучения и сохранения памятников древности.

Сегодня Институт археологии – самое крупное археологическое учреждение Российской академии. В нем работают около 220 сотрудников, в том числе 6 членов-корреспондентов РАН, 45 докторов и 80 кандидатов наук. В составе научно-исследовательского коллектива – высококвалифицированные специалисты в различных областях археологии и истории, а также антропологии, палеоботаники, палеозоологии.

Раскопки 2007 г.
в Московском Кремле

НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

В 1991 г. экспедиция под руководством Г. П. Визгалова, О. В. Кардаша и К. Г. Карачарова, выпускников Уральского государственного университета, провела ширококомасштабные археологические исследования в Нефтеюганском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа. И уже в 1992 г. было создано специализированное муниципальное учреждение «Центр историко-культурного наследия» во главе с Г. П. Визгаловым. В 2003 г. центр реорганизован в ООО «НПО «Северная археология – 1». Научно-исследовательский коллектив «Северной археологии», в основном сложившийся в начале 90-х, уже 20 лет ведет систематическую работу по выявлению, изучению, охране и популяризации культурного наследия народов севера Западной Сибири.

Директор
ООО «НПО «Северная
археология-1»
канд ист. наук Г. П. Визгалов

Исследования в рамках «Северной археологии» открывают новый этап в работе уральских археологов, начатой еще в 1966 г. под руководством В. Ф. Генинга в связи с освоением нефтегазовых месторождений Севера.

Коллектив НПО «Северная археология – 1» включает, кроме основного Нефтеюганского, Нижневартовского и Тюменского подразделения. В рабочую группу входят 52 специалиста из разных областей (геодезические группы, архитекторы, зоологи, реставраторы и т. п.), что позволяет комплексно решать задачи по исследованию и охране памятников.

Городище Мангазея

Муниципальное учреждение Историко-культурный Научно-производственный Центр «Барсова Гора»

Центр является районным муниципальным учреждением по изучению, сохранению и использованию памятников истории и культуры (в части, касающейся объектов археологии, а также объектов истории и культуры современного коренного населения) и историко-культурным информационным центром, хранителем библиотечно-информационного историко-культурного фонда Сургутского района.

Начало создания учреждения по охране историко-культурного наследия в Сургутском районе было положено в августе 1991 г., когда был открыт Государственный природно-археологический национальный парк «Барсова Гора» при отделе по культуре Сургутского района.

Центр оказывает услуги (работы) по организации и осуществлению мероприятий по выявлению, изучению и сохранению памятников (объектов и предметов) истории, культуры, территорий историко-культурного назначения г. п. Барсово и межселенных территорий Сургутского района, услуги Библиотечно-информационного историко-культурного фонда (БИИКФ) Сургутского района по научно-методическому обеспечению научно-популярной и исследовательской деятельности.

Центр занимается издательской деятельностью и поддерживает творческие проекты в области историко-культурного наследия.

*Уникальный археологический памятник
Барсова Гора на берегу реки Оби*

Центр охраны культурного наследия

Учреждение «Центр охраны культурного наследия» создано в 1997 г.

Автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия» было создано распоряжением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 25.03.2009г. № 106-рп. путем изменения организационно-правовой формы бюджетного учреждения. Учредителем Учреждения является Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Органами, осуществляющими функции и полномочия учредителя являются: Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Департамент государственной собственности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

*Директор АУ «Центр
охраны культурного
наследия» А. В. Соколов*

В соответствии с Уставом,

основными целями автономного учреждения являются:

- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Для достижения своих целей автономное учреждение осуществляет основные виды деятельности:

- Выявление объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии, социальной культуры.
- Научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы в области сохранения использования, популяризации объектов культурного наследия.
- Проведение государственной историко-культурной экспертизы

- На протяжении 15 лет «Центр охраны культурного наследия» проводит научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы в области сохранения использования, популяризации объектов культурного наследия на территории ХМАО-Югры, согласно действующему Законодательству РФ. Ежегодно сотрудникам «Центра» выдаются Открытые листы на право проведения археологических работ (разведки, раскопки, мониторинг, установление границ).

Самсоновское линейное производственное управление магистральных газопроводов (КС-6 Самсоновское ЛПУМГ)

создано в 1978 году и является одним из крупнейших филиалов ООО «ГАЗПРОМ ТРАНСГАЗ СУРГУТ» – дочернего предприятия компании «Газпром».

ООО «ГАЗПРОМ ТРАНСГАЗ СУРГУТ» ходит в составную часть Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Административный центр предприятия – в городе Сургут Ханты-Мансийского автономного округа–Югры. В 1977 году в Сургуте было основано производственное объединение «Сургуттрансгаз», переименованное в 1989 году в ООО «Сургутгазпром», с 23 января 2008 года – ООО «Газпром трансгаз Сургут».

Производственные объекты предприятия расположены в разных климатических поясах: от Крайнего Севера до юга Тюменской области, часть из них находится в Краснодарском крае. В состав предприятия входят 28 филиалов, в которых трудятся более 9,5 тысячи человек. Основное производство представляют 15 линейных производственных управлений, в составе которых действуют 17 компрессорных станций и 35 компрессорных цехов. Общество эксплуатирует 6213,5 км магистральных газопроводов и газопроводов-отводов, 56 газораспределительных станций. Компрессорные станции ООО «Газпром трансгаз Сургут» расположены на территории двух автономных округов (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого) и юга Тюменской области через каждые 100 километров по всей трассе газопровода. Их основная функция – поддерживать необходимое давление газа и перекачивать его дальше с севера на юг. Сегодня ООО «Газпром трансгаз Сургут» является одним из лидирующих среди предприятий ОАО «Газпром» по автоматизации производства и внедрению новых технологий.

КС-6 Самсоновское ЛПУМГ обслуживает магистральный газопровод «Уренгой — Челябинск» на участке с 876 по 979 км, газоотводы на город Ханты-Мансийск и поселок Салым, имеет 8 газораспределительных станций два компрессорных цеха, первый из которых (Компрессорный цех № 1 КС-6) введен в эксплуатацию в 1978 году.

В своей производственной хозяйственной деятельности филиал взаимодействует с государственными органами двух субъектов Российской Федерации (Тюменская область, ХМАО-Югра), муниципальными органами трех районов (Уватский, Нефтеюганский, Ханты-Мансийский).

В 2012 г. завершился комплекс работ по реконструкции компрессорных цехов в ходе которого были заменены устаревшие газоперекачивающие агрегаты (ГПА) мощностью 11,9 МВт на 16-мегаваттные. Также заменены все коммуникации на станциях, включая электро-, водо-, тепло- и газоснабжение, маслопроводы, системы отвода и очистки сточных, нефтесодержащих и хозяйственных стоков, вспомогательное оборудование, обвязка ГПА, узлы подключения, установлена новейшая электронная система контроля и управления оборудованием.

Филиал имеет хорошую ремонтную базу, однако, помимо основных производственных вопросов большое внимание на филиале направлено на социальное благополучие работников филиала: при компрессорной станции находится жилой поселок, с расположенными в нем жилым фондом, медицинским пунктом и объектами социального назначения: капитальные трехэтажные многоквартирные жилые дома, современное общежитие на 90 мест для работников сторонних организаций и гостей филиала, спортзал и школа на 50 мест. Большое внимание уделяется оказанию материальной помощи коренным малочисленным народам Севера, больницам, религиозным организациям, детским садам и школам.

Работники филиала принимают активное участие в спортивных мероприятиях по баскетболу, волейболу, шахматам, плаванию, футболу, гирям и др. в спорта и золотые кубки побед украшают не одну стену почета.

Руководит филиалом Сендеркин Геннадий Никонорович, который на протяжении всей своей деятельности не только уделяет большую часть своего времени производству, социальному благополучию работников, но и не оставляет без внимания население поселка Салым, поскольку посредством народного голосования избран Депутатом Думы Нефтеюганского района (избирательный участок № 11 Салым, КС-6, Сивыс-Ях) и является членом комиссии по бюджету, налогам и имуществу.

И. А. Иванов (слева) и Г. Н. Сендеркин (справа) в обновленной диспетчерской